Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Факультет романо-германских языков
Кафедра романской филологии

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ

Материалы Международной научной онлайн-конференции (г. Москва, 2020 г.)

Информационно-издательское управление

Москва
2020

УДК 811.13:005.745
ББК 81.47я43
Р69

Печатается по решению Учёного совета Института лингвистики и межкультурной коммуникации и Редакционно-издательского совета МГОУ

Ответственный редактор:
И. В. Скуратов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии МГОУ

Редакционная коллегия:
И. Ф. Беляева – кандидат филологических наук, доцент, директор института лингвистики и межкультурной коммуникации МГОУ;
Армель Жаке-Андриё – профессор, научный сотрудник Парижского университета (Нантерр, Франция);
Рита де Кассиа Пайва – профессор Федерального университета Пара (Бразилия);
Н. В. Полякова – кандидат филологических наук, доцент МГОУ;
Г. В. Овчинникова – доктор филологических наук, профессор АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА»;
Н. М. Васильева – заслуженный деятель науки РФ, академик МПА, доктор филологических наук, профессор МГОУ

Р69 **Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов :** материалы Международной научной онлайн-конференции (г. Москва, 2020 г.) / отв. ред. И. В. Скуратов. – Москва : ИИУ МГОУ, 2020. – 464 с.
ISBN 978-5-7017-3195-8.

Материалы конференции, прошедшей в МГОУ в июне 2020 г., затрагивают актуальные вопросы формирования и развития романских языков. В течение всего исторического развития каждого романского языка, сначала как языка народности, а затем как языка нации, имел место сложный процесс взаимодействия литературы и культуры народов. Авторы статей рассматривают вопросы состояния романских языков в диахронии и синхронии, современные подходы в области фонологии, лексикологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, перевода, лексикографии и терминологии, а также роль интеграционных процессов, связанных с использованием новых информационно-коммуникационных технологий в преподавании романских языков и социолингвистики.

Сборник рассчитан на преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов филологических факультетов университетов. В нём представлены работы учёных Института лингвистики и межкультурной коммуникации МГОУ, отечественных романистов из ведущих вузов России, научных сотрудников дальнего зарубежья, в частности, Франции, Швейцарии, Италии, Болгарии, Бразилии.

За содержание материалов ответственность несут их авторы

ISBN 978-5-7017-3195-8

© МГОУ, 2020.
© Оформление. ИИУ МГОУ, 2020.

СЕКЦИЯ I.
РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СТРАНАХ СТАРОЙ И НОВОЙ РОМАНИИ

R. de Cassia Paiva
Universidade Federal do Pará – UFPA – Brasil
A. M. de Jesus Ribeiro da Silva
Universidade Federal do Pará – UFPA – Brasil

MARCAS CULTURALES DE VÍCTOR HUGO EN GUTIÉRREZ NÁJERA: *LA NUIT* Y *TRISTÍSSIMA NOX*

Abstract. L'objectif de cet article est de présenter une analyse simplifiée d´un extrait du poème « La nuit » de Victor Hugo, extrait de: *Toute la lyre* (1888 et 1893), et de souligner à cette lumière l'influence de cette œuvre sur le poème « Tristíssima Nox » de Manuel Gutiérrez Nájera. L'importance de cette source pour l'auteur permet un regard différent sur ce poème. Manuel Gutiérrez Nájera, connu comme le père du modernisme mexicain, met en évidence son désir d´un rapprochement avec la culture et la littérature Française.

Mots-clés : Influences culturelles; Victor Hugo; poèsie; Modernisme mexicain; Gutiérrez Nájera

Introducción

Este trabajo buscará mostrar de una manera simple la influencia del escritor e poeta francés Víctor Hugo y su poema *La Nuit* y en el poema *Tristíssima Nox*, escrito por Manuel Gutiérrez Nájera que es considerado el padre/precursor del modernismo en México. Aunque los dos escritores hayan producido su literatura en diferentes momentos del siglo XIX, podemos percibir muy claramente la influencia de la literatura francesa en el contexto general de la poesía del mexicano.

Se puede decir que el modernismo en América latina plasmó en la novela algo del naturalismo mostrando un tiempo sin esperanzas. No obstante, en el ámbito de la expresión poética hay todo un abanico de obras de los más diversos autores en todos los países de habla hispánica. Y, entre estos, tenemos Manuel Gutiérrez Nájera nació y falleció en Ciudad de México (1859 – 1895).

Gutiérrez Nájera en la poesía mexicana

Gutiérrez Nájera fue escritor y poeta, y un gran admirador del simbolismo francés, sobre todo de Verlaine, Musset y Gautier además de conocer, citar y *transcrear* poesía basado en Víctor Hugo. Comenzó a escribir y publicar a los

16 años y se unió a la corriente modernista y fue el precursor del movimiento en México y considerado por algunos su mismo fundador. Cabe mencionar que fue muy importante su labor en lo que respecta a la difusión del movimiento modernista, creando y publicando con un amigo suyo la revista Azul (marcadamente "afrancesada"), emblema del modernismo en México.
Como poeta era dueño de un lirismo elegante y refinado y publicó em especial poemas amorosos; a través de estos mostraba claramente su deseo para que las formas españolas pudieran fusionarse a las francesas y, de este modo, producir una poesía más libre, completa y auténtica. Usaba varios pseudónimos aunque el fragmento de la poesía aquí presentada la publicó en seu propio nombre, además ella es una de sus más famosas obras.

Víctor Hugo como representante de un siglo en marcha
Víctor Marie Hugo (Besanzón, 1802 – París, 1885) es dueño de una extensa obra que navega por diversos géneros y ámbitos. Como un hombre involucrado con su tiempo, fue comprometido contra Napoleón III y temas como la pena de muerte, la educación, los derechos de las mujeres o la misma Europa aunque no se haya manifestado sobre la colonización francesa en la Argelia.
La obra de Víctor Hugo ha sido reconocida en todo el mundo y tenía en Gutiérrez Nájera un admirador notable que en su prosa, hacía largas referencias al francés y en su poesía lo tenía como una de las más importantes referencias literarias.

Cuestiones de culturales Francia y México:
No es relevante aquí tratar en detalles del contexto militar y político entre México y Francia a principios del siglo XIX. Grosso modo, Napoleón III, aprovechando la difícil situación económica de la República Mexicana a finales de la Guerra de Reforma, concibió un proyecto colonialista de Imperio mexicano y en 1862, el emperador francés mandó a México un cuerpo expedicionario de unos 30 000 hombres, que se apoderó de las principales ciudades y de la capital.
A continuación, nombró al príncipe austriaco Maximiliano de Habsburgo y Lorena para el trono del nuevo imperio, desconsiderando el legítimo presidente electo, Benito Juárez, y la resistencia de sus partidarios. A pesar de victorias efímeras que permitieron al ejército francés y a las fuerzas conservadoras controlar, en 1865, la casi totalidad del territorio mexicano, los franceses tuvieron que retirarse a principios de 1867, y dejaron al emperador Maximiliano a su destino fatal que fue ser fusilado en 19 de junio de 1967 en las afueras de Querétaro.
Pese a la Historia, la influencia francesa em México continuó muy fuerte en todo el siglo XIX y fue creciendo durante los (casi) 35 años del gobierno de Porfirio Díaz –el porfiriato. Además de las huellas gastronómicas y arquitectónicas, el "afrancesamiento" en México tuvo un aumento con las tiendas departamentales, que buscaban parecerse a las grandes boutiques francesas; perfumería,

cosméticos y fármacos también eran productos que las élites demandaban, especialmente durante el porfiriato.

El Excélsior informa que vino desde Francia la revolución cultural mexicana, es decir, alta sociedad mexicana tenía el *savoir faire* para el correcto desempeño social y educativo. De esta forma, la lengua francesa enunciaba con elegancia y refinamiento las interacciones sociales y también era aprendida como idioma oficial en los principales colegios de la ciudad de México.
Por tanto, es de esperarse que a cultura letrada también tuviera ese nivel de preocupación. Eso se da en el caso de la revista *Azul* producida por Gutiérrez Nájera y Carlos Díaz que era el suplemento dominical del periódico *El Liberal*. Traía autores mayormente modernistas y circuló 6 de mayo de 1894 al 11 de octubre de 1896. Durante sus tres años de publicación colaboraron 96 autores hispanoamericanos seguidores del modernismo, sin contar a los mexicanos y muchos franceses. El mismo Gutiérrez Nájera defendió la orientación francesa de la revista, ya que consideraba que, en esa época, era en Francia donde se vivía el arte más intensamente eso permitió que fueran traducidas y publicadas creaciones de 69 autores franceses. Por último, en una crónica llamada *El bautismo de la Revista Azul* (publicada en su número uno bajo el seudónimo El Duque Job en 17 de junio de 1894), Gutiérrez Nájera dice que: "éramos, literalmente hablando, espíritus franceses deportados a tierra americana.

La nuit* y *Tristíssima nox

La crónica título está en las páginas 132-142 del libro *Los cien mejores poemas* publicado originalmente en la colección Biblioteca de Iniciación Americana de la editorial Aguilar de México. Es la poesía número 40 de las 100 que componen la obra. La contraparte, es la poesía *La nuit* de Víctor Hugo, de 1846 y extraída de *Toute la lyre* publicado dos veces en Francia, en 1888 y 1893.
El trabajo, a partir de aquí va a tratar de la primera de las tres partes de *La nuit* y su prevalencia o recurrencia en algunas estrofas del texto de Gutiérrez Nájera. A continuación se les presentamos los aportes culturales del escritor francés en el mexicano:

La Nuit	***Tristíssima Nox***
I. Le ciel d'étain au ciel de cuivre Succède. La nuit fait un pas. Les choses de l'ombre vont vivre. Les arbres se parlent tout bas. Le vent, soufflant des empyrées, Fait frissonner dans l'onde où luit	I. Estrofas 1, 2 y 5 ¡Hora de inmensa paz! Naturaleza, Entregada en las horas de la noche A insomnes trasgos y fantasmas fieros, Breves instantes dormitar parece En espera del alba. Cae el viento, Con las alas inmóviles, en tierra:

Le drap d'or des claires soirées, Les sombres moires de la nuit. Puis la nuit fait un pas encore. Tout à l'heure, tout écoutait ; Maintenant nul bruit n'ose éclore ; Tout s'enfuit, se cache et se tait. Tout ce qui vit, existe ou pense, Regarde avec anxiété S'avancer ce sombre silence Dans cette sombre immensité. C'est l'heure où toute créature Sent distinctement dans les cieux, Dans la grande étendue obscure Le grand Être mystérieux !	Duerme la encina; el lobo soñoliento Se tiende dócil y los ojos cierra. Todo reposa: por los aires huye, tras diabólica bruja, el ágil duende. Se aproxima la luz, el mal concluye, Suben las almas y la paz desciende. II. Estrofa 1 La noche es formidable: hay en su seno formas extrañas, voces misteriosas; es la muerte aparente de los seres, es la vida profunda de las cosas. III Estrofas 1 y 4 La noche es formidable: las pupilas que en su profunda obscuridad se abren aparecen sangrientas en el lobo, Cuando la luz expira, el color duerme: lo que vive en la sombra es negro o pardo.

Para clausurar

Se puede decir que el modernismo en América latina plasmó en la novela algo del naturalismo mostrando un tiempo sin esperanzas. No obstante, la expresión más ajustada fue desvelada en el cuento y, lo que más nos interesa, la poesía es que trajo a este trabajo las ganas de acercar las dos culturas –francesa y mejicana– en una mínima muestra. Claro está que las obras de ambos autores derivaron de estilos y escuelas literarias muy muy distintas y que, además, hay una simplificación de los versos del poema *La Nuit* de Víctor Hugo en los de *Tristíssima Nox* de Gutiérrez Nájera

Sin embargo, se nota claramente la relación y la correlación entre los versos de *La Nuit* mesclados de una manera genial en la comprensión general del poema *Tristíssima Nox.* Además en esta, Gutiérrez Nájera añade sus propias palabras en la composición que transforma las expresiones dichas y las no dichas permitiendo que los sentidos y significados puedan ser interpretados según el lector y su sensibilidad.

Referencias
Fernández, T. (1998*). Literatura hispanoamericana sociedad y cultura*. Madrid, España: Ediciones Akal.
Gutiérrez Nájera, M. (1969). *Los cien mejores poemas*. México: M. Aguilar Editor, 1ª reim. 1974.
Hernández, A. (2014). *Literatura y política en la escritura de Gutiérrez Nájera*. Literatura Mexicana XXV (1), pp. 25-55.
https://arqueologiamexicana.mx/ Accesos diversos entre 05 de mayo y 02 de junio de 2020.
https://www.excelsior.com.mx/blog/fahrenheito-magazine/porfiriato-el-afrancesa-miento-mexicano/1043895 Accesos diversos entre 05 de mayo y 02 de junio de 2020.
Hugo, V. M. (1888 y 1893). *La Nuit*. Recuperado de: https://www.poemes.co/la-nuit.html-6 Acceso en 02 de junio de 2020.

УДК 811.133.1

Г.Н. Завьялова
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье анализируются особенности этимологического происхождения родовых фамилий некоторых французских писателей, рассматривается их морфологический состав и исследуется этимологическое значение корневых морфем. Этимологически фамилии подразделяются на несколько групп, основная часть которых имеет германское происхождение. В основе патронимов могут лежать имена, полученные человеком при крещении, а также слова, обозначающие род занятий, моральные качества человека, его внешние характеристики.

Ключевые слова: антропонимия, этимологические группы, французские патронимы

G.N. Zavialova
Lipetsk State pedagogical University P.P. Semenov-Tyan-Shansky

TO THE ISSUE OF THE ETYMOLOGICAL ORIGIN OF THE SURNAMES OF THE FRENCH WRITERS

Abstract. The article analyses the peculiarities of etymological origin of generic surnames of some French writers, examines their morphological composition and explores the etymological meaning of root morphemes.

Etymologically, surnames are divided into several groups, the main part of which is of Germanic origin. Patronyms may be based on names received by a person at baptism, as well as on words indicating one's occupation, moral qualities of a person, one's appearance.

Keywords: anthroponymy, etymological groups, French patronyms

Исторические эпохи, сменяющие друг друга, взаимопроникновение древних языков, таких как кельтского, франкского, древнегерманского, оказали значительное влияние на современную французскую антропонимию и способствовали появлению новых французских фамилий и имен. Антропонимические исследования позволяют познать историю нации, самоидентификацию народов, составляют культурное наследие любой страны. Изучение национальной французской антропонимики нашло свое отражение в этимологических словарях А. Доза [3], М. Морле [5], Л. Херц [4]. Этимологические исследования дают возможность выявить происхождение французских фамилий, которое тесно связано с обычаями и традициями народа. Как показывают исследования, французские фамилии подразделяются на несколько этимологических групп, таких как фамилии, образованные от личных имён, от прозвищ, от места происхождения, от рода занятий и других источников [2, с. 7-11]. Фамилии знаменитых французских писателей не являются исключением. В отечественной лингвистической литературе «патронимом» обозначают личное имя, полученное от отца, «фамилия» или «отчество». Во французских научных источниках «partonyme» «nom patronymique», «le nom de famille» обозначает «nom commun à tous les descendants d'une race et tiré du nom de celui qui en est le père».

Многие французские патронимы имеют германское происхождение. Так, например, *bert* **(**нем. *Behrt – brillant* выдающийся), является очень продуктивной корневой основой *(Bertrand*), и присутствует в большинстве окончаний имен и фамилий (*Flaubert*). Морфема *clod* способствовала появлению таких имен, как Clotaire, Clovis, а *lod* (*Lod+wig= Ludwid, Ludovic Louis*). Фамилия известного французского писателя **Т. Готье (Théophile Gautier)** имеет в своем составе морфему *gaud* встречающуюся в многочисленных уменьшительных именах, таких как *Gaudet, Gaudot*. Самым распространенным стало имя **Gathier (**«Gaud+hari, где *gaud* – править и *hari*, *heri* – вооруженный) [2, с. 71]. По мнению других ученых, это фамилия могла произойти от итальянской фамилии *Guatteri,* которая было широко распространена на севере Италии и этимологически связана со словом *guattero* (*aide-cuisinier*). Морфема *Rod* (*rod, hrod – gloire*) встречается в многочисленных французских патронимах, таких как *Rodon, Rodilon* и фамилия французского скульптора **О. Родэна** (**Auguste Rodin**). Фамилия **Р. Роллана (R. Rolland**) также имеет германское происхождение. Имя *Rolland*, *Roland*, этимологически восходящее к морфемам германского происхождения (*hrod = gloire + land = pays*), становиться чрезвычайно популярным после ошеломительного успеха известного эпоса «Песни о Роланде», что привело к

распространению этого имени собственного на всей территории Франции и появлению многочисленных топонимов.

Некоторые фамилии французских писателей происходили от имен, полученных человеком при крещении. Например, *Didier* (вариант *Dizier*) – имя святого, происхождение которого восходит к латинскому *Desiderius* (*celui qui a le désir)*. Это имя имело уменьшительный вариант *Didot, Didelot, Didelet, Diderot*, что и объясняется происхождение фамилии французского философа 18 в. **Д. Дидро (Denis Diderot)** [2, с. 37]. Этимологически фамилия писателя **Ж. Жене (Jean Genet)**, по мнению некоторых лингвистов, восходит к имени *Eugène* (греч. *Eugenios* – имя святого, жившего в 3 веке), образованное путем аферезы, т.е. усечения начального элемента слова, и такие патронимы как *Génot*, *Génet*, *Génin*, стали широко применяться в ономастике [2, с. 73]. Другие считают, что эта фамилия происходит от топонима, обозначающего место, где растет трава дрок (*lieu planté de genêts*) [4, с. 29]. Имя другого святого *Saint-Nicolas* (от греч. *Nicolaos*) было самым популярны на протяжении многих веков. При крещении люди получали это имя в уменьшительно-ласкательной форме *Nicolet, Nicolot, Nicole*. Однако самым распространённым были имена и фамилии усечением начального слога, например, *Colas* – персонаж романа Р. Роллана *«Colas Breugnon».* А происхождение фамилии **Г. Коллет (Gabrielle Collette)** также может быть объяснено широким использованием усеченных форм имени *Nicolas* [2, с. 84]. Имя другого святого *Valère* (лат. *Valerius*) существовало в таких вариантах, как *Valéry*, *Valière.* Это имя и его варианты (*Valeri, Valerj*), а также форма множественного числа *Valerio*, получили широкое распространение на Корсике. Однако считается, что фамилия **П. Валери (Paul Valéry)** может происходить от топонима *Valère.*

Часто в фамилиях находят свое отражение многочисленные моральные черты человека, как положительные, например, доброта *(bonté)* **П. Боннар (Pierre Bonnard),** так и отрицательные, такие как *глупость,* безумство *(Lefoll, Follain).* Фамилия **Ж. Фруассара (Jean Froissard)** обязана своему происхождению глаголу *froisser*, который в старофранцузском языке имел значение *frapper, battre*. Варианты *Froissard*, *Froissart* обозначали кличку, которую давали очень грубому, жестокому человеку *(un homme violent).* Такие моральные качества, как злость *(méchanceté*) и плохой *(mauvais)* также часто использовалось для образования патронимов. Морфема *mal,* или его графический вариант *mau* часто использовался в сочетании с более нейтральными именами, такими как *Mauclerc (mauvais clerc), Mauchrétien (le mauvais chrétien)*, *Mauduit (le mal duit, ductus – conduit, mal éduqué)*. Фамилия **Г. де Мопассана (G. de Maupassant)** обозначает «плохая дорога» –*un mauvais chemin,* «плохой переход» – *un mauvais passage.*

Физические недостатки, такие как хромота *(boiterie),* заикание *(bégaiement)*, часто использовались в фамилиях, например, *Leboiteux, Lebegue, Bégard, Bégon.* Фамилия французского писателя **А. Барбюсса**

(Henri Barbusse) могла произойти от латинского слова *balbus*, в старофранцузском языке глагол *barbusser* обозначал *balbutier* – говорить в бороду, невнятно. Другое прилагательное галльского происхождения *camus* имело значение «человек с приплюснутым носом, плоским лицом». Это прозвище было очень популярно в 13 в. Отсюда берет свое происхождение фамилия известного представителя экзистенциального направления в литературе **А. Камю (Albert Camus).**

В этимологии французских фамилий находят свое отражение и французские региональные языки и диалекты. Так, фамилия **Ж. Ануй (Jean Anouilh)** обязана своим происхождением провансальскому варианту слова *anouhl*, или гасконскому *anohl,* имеющего значение *ovin* (овечий) или *bovin* (животное крупного рогатого скота первого года жизни). Пастухи часто получали кличку *Anouliez, Lanoulié*. Метафорическая кличка *anouilh* обозначала *jeune homme à marier* (молодой человек, готовый жениться). Наименование такого животного как *le coq* (петух) очень часто использовалось в фамилиях, в основном, с артиклем *Lecoq*, или в уменьшительных вариантах, таких как *Cochet, Cochy*, имеющий значение *тщеславный и драчливый человек*. Фамилия **Ж. Кокто (Jean Cocteau)** этимологически восходит к этому названию. Происхождение фамилии другого известного драматурга **П. Корнеля (Pierre Corneille)** происходит от названия птицы *corneille* (ворона). Кличку *corneille* давали человеку с очень неприятным голосом как крик вороны (*comme le cri de la corneille*). Эта фамилия имела латинское происхождение *Cornelius* и было распространено на севере в регионе Па-де-Калэ.

Фамилия **Ж. Верна (Jules Verne)** происходит от названия дерева, *vernos* (ольха) – слово галльского происхождения, которое встречается часто в патронимах *Verne, Verny, Lavergne*, в топонимах *Verneuil* – название коммуны во Франции, а от слов *vernaie, vernoi* (плантация ольхи) происходит фамилия *Duvernois.*

Название ремесел, оружия, профессий также лежат в основе многочисленных французских фамилий, таких как, фамилия **Ш. Бодлера (Charles Baudelaire)**. Слово *baudelaire* (варианты *bazelair, bazelaire*) в старофранцузском языке обозначало короткую, выгнутую саблю. Это стало кличкой для тех, кто производил или носил данный вид оружия. Происхождением свой фамилии **А. Фурнье (Henri Alban-Fournier)** обязан слову *fournier (four* – печь*),* обозначающему профессию и которое выступает синонимом слова *boulanger* (булочник). *Fournier* часто использовалось с артиклем, с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, *Lefournier, Fourneret, Fournel.* Фамилия другого писателя **Ж. П. Сартра (Jean-Paul Sartre)** происходит от старофранцузского *sarte* (*лат. sartor* – портной). Однако многочисленные населенные пункты в регионе Ардеш (l'Ardèche), имеющие название *Sartre* или *Sartres (le sens de terre défrichée*), также могли дать происхождение этой фамилии.

Фамилии **Э. *М. Прево* (Marcel Prévost*),*** *которое сохраняет свое этимологическое написание с s* вместо accent circonfexe, *и* ***М. Пруст (Marcel Proust)*** *происходят от латинского слова praepositus* – льготные. Слово *prévôt* (прево), которое обозначало в феодальной Франции XI-XVIII веков «королевский чиновник» или ставленник феодала, обладавший на своей территории судебной, фискальной и военной властью, лежит в основе появления таких вариантов фамилий как *Leprevost, Pruvost*, а в некоторых регионах *Prost*, *Proust*.

Фамилии могут иметь и иностранное происхождение. Так, фамилия **Э. Золя (Emile Zola)** происходит от итальянского слова *zolla* – ком земли.

Таким образом, фамилии французских писателей разных эпох и направлений, как и все французские патронимы, являются ярким примером отражения их этимологического происхождения.

Литература

1. Beaucarnot J.-L. Les noms de famille et leurs secrets. – Robert Laffont, 1999.
2. Cellard J. Trésors des noms de familles. – Edition BELIN. – Oaris, 1983.
3. Dauzat A. Les noms de famille de France. – Librairie Guénégaud. – Paris, 1977.
4. Herz L. Dictionnaire étymologique de noms de famille français d'origine étrangère et régionale, avec l'étymologie de quelques noms étrangers célèbres. – Ed. l'Harmattan. – Paris, 1997. – 269 p.
5. Morlet M.-Th. Dictionnaire Étymologique des Noms de Famille, 1991. – [Электронный ресурс] https://www.geneanet.org/nom-de-famille/

УДК 811.133.1

Е.Н. Михайлова
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
НИУ «БелГУ»

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕНЕССАНСНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению факторов, способствовавших переходу французского языка от языка народности к языку нации. Дается характеристика лингвистической ситуации во Франции на одном из важнейших этапов истории французского языка – в ранненовофранцузский период. Изучаются особенности многоязычия во Франции в XVI в. и место французского языка в коммуникативном пространстве ренессансной Европы.

Ключевые слова: язык нации, лингвистическая ситуация, многоязычие, коммуникативное пространство, ситуация языковой смены, ранненовофранцузский период

THE FRENCH LANGUAGE IN THE RENAISSANCE EUROPE COMMUNICATION

Abstract. The article considers the factors that contributed to the transition of the French language from the folk language to the language of the nation. The linguistic situation in France at one of the most important stages in the history of the French language, the one of the Early New French period, is characterised. The peculiarities of multilingualism of the 16th century France as well as the place the French language occupied in the Renaissance Europe communication are studied.

Key words: the language of the nation, linguistic situation, multilingualism, communication, language change situation, the Early New French period

По свидетельству ученых-диахронистов, XVI в. представляет собой важнейший этап в истории французского языка, поскольку именно в это время были заложены его основы как языка национального. Одной из главных проблем, связанных с этим процессом, была проблема нормализации языка, состоявшая в выработке единых общеофранцузских норм. В связи с ней остро встала проблема узуса, на который ориентировались кодификаторы при выработке норм французского языка. При этом, как отмечает Н.М. Васильева, узус, трактовавшийся кодификаторами эпохи достаточно широко и неоднозначно, был ограничен социальными, территориальными и функциональными рамками [2, с. 275-276].

Интересен XVI в. в истории французского языка и тем, что он был отмечен исключительно сложной социолингвистической ситуацией, причем не только во Франции, но и в Европе. М.М. Бахтин охарактеризовал ее как «ситуацию языковой смены, аналогов которой не было в европейской истории ни до, ни после XVI в.» [1, с. 514-515]. В беспрецедентной по своим масштабам ситуации многоязычия, царившей в течение всего XVI в., для каждого из представленных на лингвистической карте Европы языков – древних и новых – существовала своя собственная ниша, своя сфера употребления, свой пользователь.

Возможность сосуществования в то время большого количества языков на обширной территории во многом была обеспечена интенсивным развитием книгопечатания. В работах современных лингвистов оно охарактеризовано по-разному: как вторая после изобретения письма «технико-лингвистическая революция» (С. Ору), как «вторая информационная революция» (Н.Б. Мечковская), как «эпохальный

переворот в практике общественной коммуникации» (Л.Г. Викулова). Этот процесс (относительно медленный в начале и достаточно интенсивный в конце столетия) привел не только к увеличению количества билингвов и полиглотов, но и к фундаментальным изменениям самого коммуникативного пространства ренессансной Европы.

Одним из его примет стало массовое издание разноплановых учебных пособий (грамматик, разговорников, словарей), дававших возможность для овладения престижными языками – как старыми (латинским и греческим), так и новыми (langues vernaculaires). Ситуация билингвизма стала одной из причин, по которой разнотипные пособия, направленные на обучение иностранным языкам, были дву- или многоязычными. В грамматических описаниях живых языков превалировал сопоставительный уклон, предполагавший рассмотрение фактов одного языка сквозь призму другого. Ренессансная лексикография была в большинстве случаев представлена двуязычными (реже многоязычными) словарями, где в качестве исходного языка как языка-эталона выступала латынь. Обеспечению желающих овладеть основами разговорной речи на одном из живых языков способствовали разнотипные разговорники, которые, как и словари того времени, в большинстве случаев были дву- или многоязычными.

Все ренессансные описания французского языка представляют собой ценный материал для диахронических исследований. Однако если тексты грамматик и словарей традиционно занимают заслуженное место в лингвистических исследованиях, то разговорники (colloquia, dialogues, manières de langage) долгое время оставались вне поля зрения ученых. Между тем, несмотря на то, что по своей природе они несколько условны, даже искусственны, они представляют собой несомненный интерес, так как содержат по-своему уникальный материал, а именно: образцы реальных ситуаций общения и коммуникативного поведения, а также данные о французской разговорной речи, не зафиксированные другими источниками эпохи. В этом плане ренессансные разговорники дают возможность для изучения французского языка под углом зрения таких направлений современного языкознания, как теория дискурса и коммуникативная лингвистика.

Появление в ренессансной Европе значительного числа разговорников живых языков было вызвано к жизни не только ситуаций многоязычия и востребованностью в разного рода учебных пособиях, в которых содержались сведения о нескольких языках. В значительной степени появлению таких изданий способствовал и особый характер понимания кодификаторами языка образцового узуса. В то время как для латинского языка в этой роли выступали произведения «лучших писателей» Древнего Рима (Плавт, Цицерон, Цезарь, Гораций, Овидий, Плиниий, Тацит и др.), для новых языков кодификаторы не видели

авторов, равных им по значимости. Именно этим можно объяснить популярность разговорников живых языков, в том числе французского, по-своему восполнявших эту лакуну.

В ренессансной Европе было составлено несколько десятков разнотипных разговорников, которые были предназначены для обучения французскому языку. Данный тип учебной литературы существовал как в качестве приложений к грамматикам, так и в качестве отдельных сборников. Немалое число разговорников было опубликовано в то время как во Франции, так и за ее пределами – в основном в Германии, Голландии, Англии, Испании и Италии – странах, с которыми Францию связывали тесные политические, экономические и культурные связи и где знание французского языка было востребовано представителями разных социальных слоев.

Французские разговорники по-своему способствовали укреплению престижа французского языка за пределами Франции, поскольку в большинстве случаев они были предназначены не носителям французского языка, а иностранцам. Наибольшее число французских разговорников приходится на вторую половину XVI в. Востребованность в такого рода учебной литературе в Европе именно в это время свидетельствует об упрочении и престижа Франции, и престижа французского языка. Красноречиво свидетельствует об этом тот факт, что к концу XVI в. даже в Испании, бывшей в то время крупнейшей морской державой, утвердилась мода на французский язык [9, p. 389].

Разговорники XVI в. имели как свою предысторию, так и образцы, на которые ориентировались их составители. В качестве образцов для подражания им послужили популярные средневековые латиноязычные разговорники (Colloquia), которые продолжали давнюю традицию учебных пособий по практике иностранной речи античного образца. По свидетельству М. Гэро, самый ранний разговорник такого типа (Hermeneumata Pseudodositheana), составленный анонимным автором, датируется началом III в. н.э. и является двуязычным (латинско-греческим). Кроме собственно диалогов он содержит небольшой тематический лексикон, словарь имен собственных, в основном мифонимов и топонимов. Традиция составлять учебные пособия для обучения разговорной речи по этому образцу сохранялась и в дальнейшем. По свидетельству ученого, особую популярность они снискали в эпоху Каролингского Возрождения [5, p. 36].

Самые ранние французские разговорники появились в Англии на рубеже XIV-XV вв., что было связано с особенностями языковой ситуации в этой стране. Необходимость обучения французскому языку как иностранному тогда возникла потому, что к тому времени он уже перестал быть родным языком для английской элиты, в среде которой он и был преимущественно распространен. Тематика этих разговорников, или

«Manières de langage anglo-normandes», была обусловлена их предназначенностью. Адресованные путешественникам, они содержали диалоги на такие темы, как ночь в трактире, путешествие, покупка необходимых вещей, знакомство во время путешествия и др. [6; 7; 4]. В терминологии А. Кристоля, диалоги англо-нормандских разговорников представляют собой «имитацию разговорной речи на письме» или «записанную разговорную речь» (imitation du langage parlé dans l'écriture / un discours parlé qui est écrit) [6, p.339].

Среди ренессансных разговорников превалировали двуязычные пособия. В первой половине XVI в. они строились по принципу переводных работ, где исходным языком (langue de départ) был латинский, а переводными (langues cibles) был французский язык. Именно из-за того, что латынь сохраняла статус первого языка в многоязычной Европе, названия таких разговорников (особенно в первой половине XVI в.) были преимущественно латиноязычными. Во второй половине XVI в. роль исходного языка все чаще играл один из живых языков, как правило, родной для составителя разговорника.

Особенности языковой ситуации в Западной Европе обусловили появление большого количества многоязычных разговорников, в которых было представлено от четырех до восьми языков. При этом в иерархии языков французский занимал отнюдь не последнее место. Судить об этом можно, обращаясь к названиям работ, в которых в определенной последовательности перечислены представленные в разговорниках языки. Например: «Dictionaire, colloques, ou dialogues en quatres langues, Flamen, François, Espaignol et italien»; «Colloquia cum dictionariolo sex linguarum, teutonicae, anglicae, latinae; Gallicae, hispanicae & italicae».

Разнообразие тематики ренессансных разговорников во многом обусловлено их предназначенностью для разных социальных групп: особ королевской крови, высшей аристократии, купцов, путешественников. В разговорниках, предназначенных для знати, получила отражение повседневная жизнь этого круга: застольные беседы, визиты, приемы, покупки драгоценностей у ювелира, обсуждение предстоящей охоты или путешествия и т.п. Эти диалоги дают представление о типичных ситуациях общения французской аристократии начала XVI в. и по-своему воссоздают ситуации коммуникативного поведения представителей данного сословия.

В разговорниках, предназначенных для купцов, путешественников и всех, кто хотел овладеть азами общения на иностранных языках, тематика диалогов была иного рода, в нее входили беседы во время визитов к знакомым, диалоги хозяев со слугами, продавцов с покупателями, учителей с учениками и т.п. Так, в испано-французском разговорнике Сезара Удэна представлены диалоги под рубриками: Vn conuy (dîner) de dix personnes (Обед с десятью гостями); Pour apprendere à acheter et vendre (Как научиться покупать и продавать); Pour demander une dette (Как

востребовать долг); Pour payer une dette avec excusation (Как вернуть долг с извинениями); Pour demander le chemin avec autres propos communs (Как спросить дорогу и иные разговорные выражения); Devis familier estant à l'hosterie (Обычные разговоры на постоялом дворе) [8]. В некоторых разговорниках этого типа кроме диалогов даны образцы составления разного рода писем и документов: квитанций, расписок, доверенностей, документов на съем жилья и т.п.

Французские разговорники XVI в. представляют собой значительный интерес в связи с тем, что они содержат разные типы дискурса. Среди них есть занимательные работы, которые были предназначены не только для иностранцев, желавших изучить этот язык, но и для французов, стремившихся приобрести или усовершенствовать навыки куртуазного поведения. Большинство разговорников, дающих представление о коммуникативном поведении французов в разных ситуациях общения, относится к концу XVI в. В их числе немало пособий с пышными и витиеватыми названиями. Например: «Dialogues et devis des damoiselles pour les rendre vertueuses et bienheureuses en la vraye et parfaicte amitié» (1581) или «Reveille-matin des François, et de leurs voisins» (1574). Они содержат то, что олицетворяет собой куртуазный дискурс ренессансной Франции: формулы приветствия и прощания, все типы номинаций собеседников, учитывающие их социальный статус, формулы выражения благодарности и др.

Анализ синтаксических конструкций, получивших отражение во французских разговорниках XVI в., дает представление об эволюции самого жанра разговорника, а именно: о движении от переводных диалогов, в которых превалируют элементы латинизирующего синтаксиса, к стремлению составителей диалогов отразить живую французскую речь во всех ее проявлениях, зафиксировать реалии узуса с присущими разговорной речи синтаксическими конструкциями. Именно две эти тенденции в целом (латинизация синтаксических конструкций и рост аналитических способов выражения) отмечена Л.М. Скрелиной в целом для синтаксиса этого периода [3, с. 384].

В силу своей направленности на имитацию живой речи разговорники изобилуют формами междометий. Информация об особенностях их употребления в речи отсутствует в подавляющем большинстве ренессансных грамматик из-за того, что раздел синтаксиса в них не представлен. Более того, описание частей речи в некоторых грамматиках ограничено рассмотрением лишь такими, как имя, местоимение, глагол, наречие, предлог. Исключение составляет лишь грамматика Ш. Мопа (1607), в которой дан обширный перечень междометий и представлены интересные замечания относительно их происхождения, природы и характера употребления в речи.

В ренессансных разговорниках содержится интересных замечаний, касающихся употребления в речи слов и разного рода обиходных выражений. Так, в разговорнике Сезара Удэна имеются заслуживающие внимания ремарки относительно предпочтений в употреблении в речи близких по значению французских слов, например, неологизмов *ceremonies* и *compliment.* Объясняя тонкости их употребления, он дает рекомендации иностранцам избегать в речи новых слов: «On diroit plus properment en François *ceremonies* parce ce que ce mot de *compliment* eſt aſſez nouueau & je prend pour paroles de courtoiſies» [8, p. 47].

Обращает на себя внимание одна закономерность, которая имеет отношение к отражению в разговорниках ренессансной Европы норм устной французской речи. И в ранних разговорниках, содержавших примеры французского узуса рубежа XIV-XV вв., и в разговорниках XVI в. предлагаемые модели устной речи ориентированы на нормы Парижа и его окрестностей. И это при том, что и носители французского языка, и кодификаторы, отмечали «исключительное многообразие французской речи». Ориентированность разговорников на нормы Иль-де-Франса свидетельствует о том, что в XVI в. в сфере устной коммуникации уже было сформировано представление об эталоне «правильного французского языка» (le français correct). И произошло это еще до подписания Ордонанса Виллер-Коттре и публикации Манифеста «Плеяды», которые были направлены на расширение функциональных возможностей французского языка (прежде всего в сфере письменной коммуникации).

Итак, значимость XVI в. в истории французского языка связана не только с кардинальным изменением его статуса, т.е. его переходом от языка народности, каким он был ещё в начале столетия, к языку нации. В не меньшей степени значимость данного этапа в истории французского языка связана со становлением его как неотъемлемой и важной части многоязычного европейского коммуникативного пространства. Этот процесс сопровождался серьезной конкуренцией французского языка, с одной стороны, с латынью, за которой стояла многовековая культурная и мощная христианская традиция, ориентированная на Рим, и, с другой стороны, конкуренцией с другими европейскими языками, за которыми стояли олицетворявшие претензии на культурное, экономическое политическое лидерство в Европе державами (прежде всего Италией и Испанией). Немалую лепту в этот процесс внесли ренессансные разговорники, зафиксировавшие французский узус этой эпохи, не засвидетельствованный другими источниками. По-своему способствуя популяризации французского языка в среде европейцев, они содействовали его нормализации и совершенствованию его коммуникативных возможностей.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.
2. Катагощина Н.А., Васильева Н.М. Курс истории французского языка. – М.: Диана, 1997.
3. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – М.: Высшая школа, 2005.
4. Denoyelle C. Les réalisations des actes de langage directifs dans les Manières de langage. 2008 : URL: http://www.academia.edu/7476723/_Les_réalisations_des_actes_de_langage_directifs_dans_les_Manières_de_langage_du_XIVe_
5. Gayraud M. L'apprentissage du grec et du latin dans l'Empire romain d'après un manuscrit de la Bibliothèque Universitaire de Montpellier // Académie des Sciences et Lettres de Montpellier. Séance publique du 1er février 2010. – Pp. 35-44: URL: http://www.ac-sciences-lettres-montpellier.fr/academie_edition/fichiers_conf/GAYRAUD-2010-0.pdf
6. Kristol A. Le début du rayonnement parisien et l'unité du français au Moyen Age: le témoignage des manuels d'enseignement du français publiés en Angleterre entre le XIIIe et le début du XVe siècle // Revue de linguistique romane, N 53 (211-12), 1989. – 335-367.
7. Kristol A. Manières de langage (1396, 1399, 1415) (Vol. 53). – London: Anglo-Norman Text Society, 1995.
8. Oudin C. Dialogos muy apazibles escritos en lengua española y traduzidos en frances. Dialogues fort plaisans, escrits en langue espagnolle et traduicts en françois, avec des annotations françoises és lieux necessaires. 1608.
9. Uned A.Y. Rivalidades lingüísticasnfranco-españolas en el siglo XVI // EPOS. XIV (1998). – P.383-407.

УДК 811.133.1

Е.А. Невежина
МГУ имени М.В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЕ НОВОЙ РОМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ АФРИКИ)

Аннотация. События XX в. изменили политический пейзаж в мире, что повлияло на статусы языков, языковые ситуации, самоидентификацию говорящих. Цель исследования – определить тенденции и вызовы французского языка в Африке. В качестве материалов использованы современные статистические данные и эпилингвистический дискурс. В африканском регионе перед французским языком стоят следующие задачи: сохранение престижа языка, определение его статусов и функций, а также улучшение условий работы преподавателей.

Ключевые слова: французский язык, франкофония, социолингвистика, статус и функция языка, Африка

THE DYNAMICS OF THE FRENCH LANGUAGE IN THE AREA OF MODERN ROMANIA (ON THE EXAMPLE OF AFRICA)

Abstract. Events of the 20th century changed the political landscape in the world, which influenced the status of languages, language situations, self-identification of speakers. The aim of the study is to identify the trends and challenges of the French language in Africa. The materials used are modern statistics and epilinguistic discourse. In the African region, the French language faces the following tasks: preserving the prestige of the language, determining its status and functions, and improving the working conditions of teachers.

Keywords: the French language, francophonia, sociolinguistics, language status and function, Africa

Важно осознавать, что Франкофония как понятие и как организация зародилась в 1960- х гг. за пределами территории Франции, на территории так называемой Новой Романии, в «странах привнесенного и усвоенного французского языка» (*le français superposé et approprié*) [3, с.7]. Это говорит о важной роли французского языка в мире. Французский язык присутствует на разных территориях земного шара, и в каждой конкретной точке он уникален. Отношение к изменениям в языке проявляется у говорящих в эпилингвистическом дискурсе [6; 8], изучение которого посвящено речи о языке, языковому поведению, месту языка в контексте идентичности, а также чувству языковой уверенности или неуверенности [5;9]. От доминирующего отношения политической и культурной элиты к языку зависит лингвистическая политика региона. Если растет уровень

языковой неуверенности, языковая политика может быть направлена на укрепление позиций языка.

«Центр тяжести франкофонии продолжает двигаться на юг», поскольку 68% франкоязычных граждан проживают в субсахарской Африке, 22% - в северной Африке [12]. Цифры отображают постоянный рост населения в Африке, а также все больший охват школьного образования в данном регионе.

Значение французского языка в мире повышается благодаря уровню культуры и науки тех стран, которые его используют в разных сферах жизни. Французский язык в Африке сегодня – это гарант успеха в карьере, доступ к техническому и экономическому прогрессу, по мнению В.Г. Гака и Л.А. Мурадовой [1, с. 54].

Языковой пейзаж Африки профессор Т.Ю. Загрязкина назвала «калейдоскопичным» [4, с. 25], что находит объяснение в истории региона: длительный период колонизации, непростое отстаивание независимости, разные периоды проникновения французского языка на земли континента.

Состояния и функции французского языка в Африке можно отнести к следующим типам, установленным В.Г. Гаком [1, с. 42]:

1) Французский язык как средство бытового общения, родной для населения всей страны или ее части;

2) Французский язык как государственный или официальный язык в стране: единственный или разделяющий эту функцию с другим языком; он может быть родным для части населения страны или неродным, импортированным; иногда он выступает как средство общения населения внутри страны и в бытовой сфере, на нем может вестись преподавание на разных уровнях;

3) Французский язык как средство международного общения.

В странах Африки бытуют различные варианты французского языка, уровни языкового варьирования можно разделить на следующие типы: 1) *basilecte* – французский язык необразованных людей; 2) *mésolecte* – речь людей, получивших образование в школе; 3) *acrolecte* – речь элиты, приближенная к французской норме [18, с. 78].

Предполагают, что число людей в «постоянном контакте» с французским языком в 2050 г. достигнет 700 млн человек, в основном, за счет Африки [12]. Однако существуют и негативные сценарии развития событий: из-за растущей разницы между числом желающих изучать французский язык и количеством преподавателей цифра франкофонов к 2050 г. может быть равна 200 миллионов, из которых реальных франкофонов будет 130 миллионов [16]. Престиж французского в мире может быть снижен из-за обострения чувства языковой неуверенности [9].

Наличие негативного сценария в трудах исследователей в 2010-х гг.[16; 17] ставит под сомнение позитивное будущее французского языка. Например, в 2015 г. бельгийский лингвист М. Франкар написал, что

будущее французского языка возможно только при следующих условиях: 1) есть осознание, что французский язык теряет свои позиции; 2) франкофоны должны быть ответственны за французский язык, особенно те, у кого он родной; 3) принимаются меры по разработке эффективной языковой политики, в т.ч. по поддержке преподавателей; 4) сохраняется языкового разнообразия [14, с. 222].

М. Франкар обеспокоен будущим языка, поскольку статистика показывает, что половина франкофонов сегодня – это изучающие язык, а изучающие могут оказаться в любой ситуации: «…сильные становятся еще сильнее, слабые – еще слабее» [14, с. 212]. М. Франкар же призывает направить языковую политику в поддержку тех, кто учит или собирается учить французский язык, поскольку носители языка не всегда мотивированы продвигать свой родной язык, в то время как неносители – самые лучше «амбассадоры» [14, с. 212].

Для развития французского языка была разработана стратегия по его продвижению и защите. Ее обнародовал Э. Макрон 20 марта 2018 г. в стенах Французской академии. Политика предлагает осуществление 30 мер в сферах образования, коммуникации и творчества на французском языке. В планах Франции – развивать сотрудничество с органами власти других государств для расширения сферы влияния французского языка в области образования, распространять преподавательскую деятельность, а также укреплять политическое содружество с помощью Международной организации Франкофонии, которая вносит свой вклад в соблюдение мира, демократии и прав человека, в продвижение французского языка и культурного разнообразия [7].

В рамках реализации задач по продвижению и распространению языка 25 ноября 2019 г. по всему миру впервые был проведен день преподавателя французского [2]. В целом, в сфере преподавания языка наблюдаются значительные успехи. Уже к 2017 г. МОФ оценивала число преподавателей французского языка в 900 000 человек [13]. Продвижением языка в Африке занимаются следующие инстанции: *Alliance Française,* Французская светская миссия, *BELC, FIPF, L'Institut Français, IFprofs,* Посольства, Университеты, журналы, среди которых *Le français dans le monde,* радио *RFI*, канал *TV5 Monde.*

В регионе субсахарской Африки растет число изучающих французский язык (в основном, за счет естественного прироста населения), в иных регионах Африки их количество, наоборот, резко падает [12]. Зачастую это зависит от условий труда преподавателей или от прекращения действия программ по поддержке французского языка в регионах. Например, в Нигерии в 2014 г. нехватка преподавателей была оценена в 10 000 человек, на Коморских островах 62% преподавателей обладают уровнем знания языка по CEFR не выше A1 [16].

И сейчас в регионе существует ряд проблем: в субсахарской Африке более 30 миллионов детей не имеют доступа к школьному образованию. Помимо недостатков в системе образования мы находим и некоторые комментарии преподавателей об условиях труда: «*Роль преподавателя – увы! – обесценивается в обществе, поскольку он должен работать в классах, где более ста учащихся… более того, на нем лежат административные обязанности; у преподавателя нет базовых удобств на рабочем месте (водопровода, электричества); он не может проверить домашние задания вечером из-за отсутствия электричества, у него нет вариантов культурного досуга; нет возможности делиться опытом с коллегами из других регионов…»* (Габон) [20].

Опрос по программе оценки эффективности систем образования во франкоязычной субсахарской Африке PASEC (Programme d'analyse des systèmes éducatifs de la confement) показывает, что 71% учащихся второго класса начальной школы не владеют французским языком на достаточном уровне, чтобы понимать информацию в устной или письменной форме [12].

Так, из статистических данных и научной литературы мо можем сделать следующие наблюдения: 1) франкофоны в Африке многоязычны; 2) французский язык занимает по крайней мере второе место вне зависимости от условий общения; 3) французский активно используется молодежью; 4) французский как наследие от колониального прошлого считается африканцами удобным для обучения в школе, современным, полезным для работы и бизнеса; 5) 80% франкофонов Африки хотят, чтобы их потомки изучали французский язык [11; 12; 15; 17; 19].

Рассмотрев некоторые успехи и проблемы французского языка в мире, мы можем сделать вывод об актуальных вызовах, стоящих перед языком и Франкофонией. Еще в 2015 г. М. Франкар выделил три вызова для французского языка: 1) определение приоритетов для будущего языка; 2) необходимость обсуждать пути его развития; 3) включение темы языковой вариативности в программы преподавания [14]. Мы дополним сказанное М. Франкаром.

Один из приоритетов – это сохранение престижа французского языка на мировой арене. С экономической точки зрения быть частью франкофонного пространства выгодно: в 2015 г. экспорт товаров из стран франкофонии составил 10,9% мирового экспорта, импорт – 12,2 % от мировых показателей [21]. «Книги (на французском языке – *прим. Е.Н.*) занимают первое место в экспорте товаров культурного назначения» [11, с. 237]. Повышение мотивации и энтузиазма к изучению французского языка, поддержание интереса к языку – это тоже вызов Франкофонии. Учитывая культурное разнообразие, различие менталитетов и место французского языка в идентитарных установках учащихся, Франкофония стоит перед сложной задачей выработки многогранного позитивного имиджа языка в мире.

Следующий вызов французского языка – это определение его статуса. Франкоязычное пространство неоднородно, поэтому различны функции и статусы языка на различных территориях. Определив языковую ситуацию, Франкофония сможет грамотно выстраивать языковую политику в том или ином регионе, что гарантирует благоприятное будущее французского языка, которое связывают именно с Африкой (по позитивным прогнозам, к 2050 г. 85% франкофонов будут жить именно на этом континенте [15], к 2065 г. их число может достигнуть 1,023 млн. [19]).

Вызов заключается также в том, чтобы координировать действия всех инстанций, занимающихся продвижением и преподаванием французского языка в мире, инициировать программы поддержки преподавателей языка ввиду нехватки учителей и негативных условий их труда, а также по развитию информационно-коммуникационных технологий в сфере обучения языку.

Вышеуказанные вызовы стоят не только перед крупной мировой организацией Франкофония, но и перед каждым причастным к изучению/преподаванию/использованию французского языка в различных уголках мира.

Литература

1. Гак В.Г., Мурадова Л.А. Введение во французскую филологию: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016.
2. День преподавателя французского языка. – URL: https://www.lejourduprof.com/ (Дата обращения: 04.04.2020).
3. Загрязкина Т.Ю. Предисловие // Франкоязычные культуры: проблемы языка и общества / Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. – М.: Издательство Московского университета, 2011.
4. Загрязкина Т.Ю. Франкофония от Канады до Сенегала: один язык? // Франкоязычные культуры: проблемы языка и общества / Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – С. 10-39.
5. Загрязкина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М.: Издательство Московского университета, 2015.
6. Крюкова О.А. Эпилингвистическая составляющая политического дискурса (на примере выступлений франкоязычных политиков) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 36-44.
7. Макрон представил план по защите французского языка // RFI. 20.03.2018. – URL: http://www.rfi.fr/ru/frantsiya/20180320-makron-predstavil-plan-po-zashchite-frantsuzskogo-yazyka (Дата обращения: 04.04.2020).
8. Марусенко М.А. Франкофония: многообразие языковых норм и эпилингвистический дискурс // Романские языки в прошлом и

настоящем: Сборник статей к 80-летию профессора Т.А. Репиной / Под ред. Т.И. Зелениной. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 284-294.
9. Невежина Е.А. Имидж вариантов французского языка за пределами метрополии // Франкофония: рациональное и эмоциональное в развитии языков и культур / Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. – М.: Наука, 2019. – С. 31-48.
10. Невежина Е.А. Эпилингвистический дискурс в изучении креолизованного французского языка на о. Мартиника // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 60-67.
11. Смирнова О.А. Французский язык в современном мире // Вестник ННГУ. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – Вып. 1(2). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ. – С. 233-240.
12. Французский язык в мире. Краткое изложение книги 2018 г., издательство Gallimard. – URL: http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2019/02/LFDM-Synthese-Russe.pdf (Дата обращения: 04.04.2020).
13. Entraide et co-formation entre profs de FLE et de langue. – URL : https://agi.to/echanger/faq/question/quel-est-le-nombre-de-professeurs-de-fle-dans-le-monde/ (Дата обращения: 04.04.2020).
14. Francard M. Quelle(s) francophonie(s) pour quels francophones ? // Anadis. Discours et identité(s). – 2015. - № 19. – Suceava: Tipografia Universităţii Suceava. – P. 211-224.
15. Francophonie en statistiques. – URL: http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2018/09/Francophones-Statistiques-par-pays.pdf (Дата обращения: 04.04.2020).
16. Llorca R. La Francophonie, élément d'influence de la France pour le XXIe siècle. – 2014-2015. – URL : https://www.academia.edu/21056991/La_Francophonie_%C3%A9l%C3%A9ment_dinfluence_de_la_France_pour_le_XXI_si%C3%A8cle (Дата обращения: 04.04.2020).
17. Marcoux R., Harton M.-E. Et demain la francophonie : essai de mesure démographique à l'horizon 2060 // Cahiers de l'ODSEF. – 2012. – URL : http://observatoire.francophonie.org/wp-content/uploads/2016/11/odsef_cahiers_marcoux_web.pdf (Дата обращения: 04.04.2020).
18. Naffati H., Queffélec A. Le français en Tunisie // Le Français en Afrique. – 2004. - № 18. – P. 77-80.
19. Observatoire francophone. Qui apprend le français dans le monde ? – URL : http://observatoire.francophonie.org/qui-apprend-le-francais-dans-le-monde/le-francais-langue-etrangere/asie-et-oceanie-tableaux-regionaux/ (Дата обращения: 04.04.2020).

20. Spaëth V. La commission de l'Afrique et de l'Océan indien (APFA-OI) // J.-P. Cuq (dir.) Enseigner le français dans le monde. Le livre blanc de la FIPF. Essais francophones. – Vol. 3. – Sylvains-lès-Moulins : Gerflint, 2016. – P. 37-67. – URL : https://gerflint.fr/Base/Essais_francophones/essais_francophones_3.pdf (Дата обращения: 04.04.2020).
21. Van Dinh V. L'enseignement du français au Vietnam : état des lieux, défis et opportunités // Le français et la diversité francophone en Asie-Pacifique. 2ème Congrès de la CAP-FIPF. – Sydney, 2010. – P. 319-326.

УДК 81-112.2

Л.В. Разумова
Московский городской педагогический университет

КЛАССИЧЕСКАЯ VS РАЗГОВОРНАЯ ЛАТЫНЬ

Аннотация. Современный интерес исследователей к латинскому языку и средневековой истории по прежнему связан с возможностью изучения и уточнения процессов взаимодействия латыни и различных «вульгарных форм речи», становления, изменяемости и стандартизации романских языков. Статья посвящена анализу известной в романистике антиномии «классическая/вульгарная латынь», детальному рассмотрению становления данной антиномии в среде ученых-романистов, представлению ряда малоизвестных научных работ, раскрывающих объем понятий «классическая/вульгарная латынь».

Ключевые слова: латинский язык, классическая/вульгарная латынь, диахроническая социолингвистика, исторический подход

THE CLASSICAL / VULGAR LATIN

Abstract. Modern interest of researchers in the Latin language and medieval history is still connected with the possibility of studying and clarifying the processes of interaction between Latin and various "vulgar forms of speech", as well as the formation, variability and standardization of romance languages. The article analyses known in romance Philology antinomy "classical/vulgar Latin", a detailed analysis of the formation of this antinomy among scientists, novelists, performance of little-known scientific works, which reveal the scope of the concepts "classical/vulgar Latin".

Key words: Latin, classical / vulgar Latin, diachronic sociolinguistics, historical approach

Антиномия классическая / разговорная (народная, вульгарная) латынь появляется хронологически первой в лингвистических теориях о развитии латыни и становлении романских языков. Понятие «разговорной латыни – langue latine parlée» было впервые выдвинуто в качестве источника французского языка Пьером Бонами (Pierre Bonamy) в его работе «Sur l'introduction de la langue latine dans les Gaules sous la domination des Romains» еще в 1756 году. Автор отмечает, что источником французского языка является латинский язык в своей разговорной форме, употребляемой в обыденных ситуациях. Именно это определение впоследствии и было

взято на вооружение немецкой компаративисткой XIX века [1], способствуя научным разработкам сравнительно-исторического метода – метода, научно доказавшего родство современных романских языков и способствовавшего типологическим разработкам в целом. Как справедливо отмечает известный современный историк ФЯ Бернар Черквилини, введение понятия народной, вульгарной латыни в арсенал лингвистической терминологии, несомненно, способствовало разработкам теоретических основ лингвистики в целом, а также осмысления истоков романских языков [Cerquiglini, 1993].

Вместе с тем, подчеркнем совершенно справедливое замечание Макса Боннэ (Max Bonnet) о том, что в конце XIX столетия рассуждения немецких исследователей привели к слишком резкому отграничению классической письменной и вульгарной разговорной латыни [Bonnet, 1890, p. 30–36]. Она способствовала, в конечном итоге, разрыву органической связи между классической и вульгарной латынью, вплоть до признания их отдельными формами речи[2].

Позиция М. Боннэ в корне отличается от позиции большинства романистов немецкой и французской школ этого периода. Так, говоря о литературной латыни, Боннэ отмечает, что она, скорее, некая абстракция,

---

[1] Обращение к известной работе Ф. Брюно «Histoire de la langue française des origines à 1900» позволяет в полной мере понять интенсивность поиска основ французского языка в 16–18 веках и ознакомиться с теми многочисленными теориями, которые разрабатывались в связи с этой проблемой. В рамках выдвинутых теорий предлагались в качестве основы самые различные языки: греческий, еврейский, латинский, гальские формы речи, франкские формы речи или композитные варианты указанных языков. Некоторые из них Ф. Брюно не без основания называет «patriotisme enfantin et pédant, moitié sérieux, moité fictif qui gâtait les travaux historiques...» [Brunot, 1933, T. I, p.1].

[2] Так, Диц и Шухардт считали классическую и вульгарную латынь отдельными идиомами, Фукс – отдельными языками (zwei sprache); Гастон Парис, присоединившись к мнению немецких ученных, определял народную латынь как отдельный идиом, по многим своим качествам <u>также относящийся к индоевропейским языкам</u> (подчекнуто нами – Л.Р.). Схожей точки зрения придерживался и Ф. Брюно: он отмечал, в частности, что если разговорная латынь продолжала свое развитие в сторону аналитичности, то письменная латынь остановилась в своем развитии [Bonnet, 1890, p. 30].

идеал, нежели конкретно существующее явление. Если провести параллель между латинским и французским, она, по мнению Боннэ, аналог того, что принято называть «хорошим французским – bon français». Последний, как известно, – понятие абстрактное, различным образом ощущается говорящими и меняется со временем: то, что считалось bon français в XVIII веке различно от bon français современного периода. Еще одно замечание Боннэ относится непосредственно к теоретическим основам романистики: ученый предостерегает от частотного в то время заблуждения, согласно которому различие романских языков объяснялось различием завозимых на завоеванные Римом территории латинских диалектных форм речи. Как справедливо отмечает исследователь, наряду с диалектами в Италии всегда существовала общая форма латинского (latin commun); именно она и завозилась на романизированные территории, хотя и была, возможно, в разной степени окрашена диалектизмами в речи легионеров. Наконец, М. Боннэ высказывается против широко распространенной оценки классической латыни как *однородной* языковой формы и преувеличенной дистанции между ней и разговорной вульгарной латынью.

Позицию М. Боннэ разделяет в конце XIX века Ж. Моль, который отмечал, что нельзя рассматривать народную и классическую латынь как два различных языка, а необходимо их рассматривать как две формы одного языка. Он дает следующее определение вульгарной (народной) латыни: «Вульгарная латынь <…> не является особым языком, ни совокупностью диалектов, одновременно развившихся в различных романских странах в силу определенных фонетических законов и морфологических тенденций. Это только историческое развитие латинского языка в различных районах Римской империи в течение всей истории Рима до падения Империи, сперва вне влияния литературного языка, потом под его влиянием [Цит. по: Гурычева, 1959:20-21]. По мнению М.С. Гурычевой, поддерживающей, в основном, позицию Ж.Моля, его заслуга как историка языка состоит в том, что он убедительно доказал, что, народная латынь не только была единой и исторически менялась, но ее взаимоотношения с литературным языком в разные периоды развития латинского языка были неодинаковы [Гурычева 1959:21].

Последующие исследования текстов классических авторов, предпринятые во второй половине двадцатого столетия, подтвердили данное положение М. Боннэ и Ж. Моля. Так, в частности, Макс ван Юитфанг, полностью присоединяясь к мнению М. Боннэ, отмечает, во-первых, что само понятие классической латыни объемлет довольно ограниченный период времени – с эпохи Цицерона (81 г. до н. э.) до конца правления императора Августа (14 год н.э.) – и представлено двумя авторами – Цицероном и Цезарем. Во-вторых, стиль Цицерона далеко не однороден; наличие многих фамильярных выражений констатируется

исследователем не только в эпистолярном наследии Цицерона, но и в таких знаменитых произведениях, как «Epistulae ad Atticum» и «Epistulae ad familiares». В-третьих, сама эпоха Августа может быть охарактеризована, по мнению М. ван Юитфанга, *довольно выраженным приближением классической латыни к разговорному народному языку* [Van Uytfanghe, 1977]. Это же мнение разделяется и видными лингвистами голландской школы лингвистики Максом Шриненом (M. Schrijnen) и Кристиной Морманн (Chr. Mohrmann), которые настоятельно подчеркивают следующую мысль: ***латинский язык как живой язык был действенным инструментом общения во всех своих формах, и поэтому изменениям и инновациям подвергалась не только его устная, но и письменная форма***. Социо-культурным основанием этому выступает относительная демократизация жизни, распространение латыни на обширных территориях и связанная с этим ситуация билингвизма, в которой начинает существовать латынь [Van Uytfanghe, 1977]. Билингвизм, в свою очередь, способствует проникновению в латынь новых языковых элементов. Жан Фонтэн (Jeans Fontaine) отмечает, что в этот период заметным становится снижение литературной традиции, а вместе с ней становится все более заметной стилистическая дифференциация классической латыни [Fontaine, 1968, p. 8]. Впрочем, и в доклассической латыни такие стили, как азианизм, модернизм и архаика, были знакомы Тациту и его современникам.

В связи с разграничением классической/вульгарной латыни представляется важным пояснить ряд положений социоисторического и языкового планов.

Во-первых, при разграничении классической и вульгарной латыни, первая обычно ассоциируется с письменной формой; вульгарной, народной латыни приписывается исключительно статус разговорной, устной формы речи, мало подверженной нормализации. Таким образом, подавляющему большинству населения того времени отказывается в возможности письменного выражения своих мыслей и письменной коммуникации. Однако, широко известно, что во всех античных цивилизациях грамоте была обучена не только элита общества, но и простые граждане Междуречья, Египта, Ассирии и др. античных государств. Основной формой коммуникации для простых граждан служили надписи, сделанные на разных «носителях»: камне, глине, дереве, железе, меди и пр.[3] Эти виды письменности получили общее название *эпиграфических надписей* (inscriptions épigraphiques). Они приобрели широкое признание в греко-римской культуре, а ранее – в египетской, вавилонской, ассирийской.

[3] Отметим, что книги, написанные на папирусе, а с середины второго века н. э. – на пергаменте считались предметами роскоши ввиду дороговизны процесса изготовления этих материалов. В массовом же порядке использовались камень, глина, дерево, воск, железо.

Возможность передачи текстов самого различного содержания – посвящений, эпитафий, текстов священного, магического, хозяйственного назначения – позволяет определить эпиграфические надписи как массовые и частотные типы письменных текстов античного и греко-римского периодов. Бельгийский историк Г. Сандерс отмечает в связи с этим, что вся *античная культура как культура массовая является культурой эпиграфических надписей*, которые служили одним из важных средств косвенного обучения и идеологического влияния [Sanders, 1977, p. 50–51].

Очевидно, что, как и любой массовой культуре, античной эпиграфической римской культуре свойственны стиль (который обычно предполагает вариативность и новаторство), традиция и канон[4]. Если традиция и канон способствуют созданию определенных культурных, в том числе и письменных форм, то стиль есть выход за пределы устойчивых, устоявшихся стандартных, нормативных требований традиции и канона.

Римская культура соединяет в себе все эти качества – стиль, традицию, канон. Так, письменные произведения Тацита, Цицерона, Цезаря и др. писателей отмечены их яркой индивидуальностью и являются прекрасными образцами римской классической литературы; однако, несмотря на яркий индивидуальный стиль, присущий произведениям классических авторов, эти работы вписываются в разработанный на основе греческой классической литературы канон, то есть эстетическую и литературно-языковую норму изящной словесности.

Это же положение о следовании традиции и канону верно и в отношении народной литературы, представленной эпиграфическими текстами. Представляется, что им даже в большей степени свойственно следование традиции и канону, диктующим гораздо большую клишированность текстам массовой коммуникации, нежели текстам художественной литературы. Канон и традиция эпиграфических текстов построены в этот период на многочисленных цитациях из народной мудрости, а позже – образцов классической и патристической литературы. Следование традиции и канону предопределяет появление анонимных произведений. Многие из них, безусловно, не лишены индивидуальных авторских черт, но, вместе с тем, они выступают ярким свидетельством следования *привычному, общепринятому, традиционному* стилю массовой коммуникации римской эпохи [Разумова, 2014].

Таким образом, сложившееся разграничение (см. схему № 1),

---

[4] Л.Г. Ионин говорит о стиле как способе действия. Будучи неразрывно связанным с понятиями канона и традиции – целостных и иерархически организованных систем норм и правил, стиль как выход за пределы устоявшихся норм существует лишь в условиях выбора [Ионин, 1996 с. 165–169].

Классическая = письменная
Народная = устная латынь

Схема 1. Разграничение классической и народной латыни в романистике XVIII–XX вв.

сформировавшееся в рамках романистики *XVIII* века – первой половины *XX* века, представляется в свете сказанного неправомерным. Как было показано выше, и классическая, и народная латынь обладают письменной и устной формами выражения. При этом, как классические, так и народные тексты эпохи римской империи отмечены *следованию определенным образцам, ощущаемым как нормативные, канонические, традиционные.*

Во-вторых, противопоставление классической и разговорной латыни способствовало разработке следующего, ставшего традиционным в лингвистике, взгляда на развитие латинского языка и становление французского и романских языков в целом: после распада Римской империи, а точнее, в меровингскую эпоху (VI–VII вв), с разрушением римской школьной системы образования разговорная форма латинского языка (разговорная, народная, вульгарная латынь – latin parlé, latin vulgaire), которая распространяется в Романии, испытывает все большее влияние других языков, с которыми она контактирует на различных территориях. Латинский язык в своей разговорной форме приобретает все усиливающийся гибридный, смешанный, варварский характер (bas latin), отдаляясь тем самым от классичиеской нормированой письменной формы латинского языка (latin classique, latin écrit, latin littéraire)[5]. Рефрмы Карла Великого были призваны нормализовать эту ненормированную форму латинского языка меровингской эпохи.

В связи со сказанным ряд авторов подчеркивают, что попытка реставрации старых языковых норм классической латыни, которая стояла в основе реформ Карла Великого, не принесла ожидаемых результатов и способствовала окончательному разрыву между разговорной (вульгарной) латынью большинства населения, ставшей, по сути, отдельной формой речи в каждом регионе Романии, и реставрированной по классическим образцам латынью просвещенной элиты [Dauzat, 1930; Bruneau, 1955 и др.]. Нельзя не заметить, что в этих работах переход средневековой латыни

[5] Утвердившаяся в отечественной романистике схожая точка зрения может быть проиллюстрирована следующим положением, сформулированном М.В. Сергиевским: «Все эти изменения происходили на протяжении нескольких веков, в течение которых вульгарная латынь все более и более отдалялась от литературного языка. Последний держался еще в школах, затем в монастырях и официальной переписке, у писателей, историков и агиографов, но разговорные элементы все более и более проникали в эту письменную латынь, которую не без основания означали потом как варварскую, средневековую или просто низшую (bas-latin)» [Сергиевский, 1938, с. 24].

в новые романские языки отмечен, скорее, не преемственностью, а разрывом традиции, которая была создана предшествующим развитием латинского языка [Разумова, 2019].

Анализ *проблемы преемственности / разрыва латинской традиции* стал важнейшим в исследованиях второй половины XX столетия; постановка этой проблемы послужила разработке методологической базы данных исследований, определив необходимость тщательного анализа разнообразных типов средневековых письменных памятников светского и религиозного характера. Этот анализ свидетельствует об огромном влиянии латинского языка на становлении романских языков. На вопрос, поставленный в первой половине XX века Г.Ф. Мюллером, Ф. Лотом и др. и ставший впоследствии знаменитым – «Когда перестают говорить на латинском? – A quelle époque a-t-on cessé de parler latin?», можно сегодня кратко ответить, вслед за М. Ван Юитфангом [Van Uytfanghe, 1977]: «Никогда». Хотя, как отмечал французский историк Ф. Вольф (Wolf, 1971), обсуждение этой проблемы далеко не закрыто и будет каждый раз возобновляться в связи с новыми документами, попадающими в поле зрения лингвистов и историков.

Библиография

1 Гурычева М.С. Народная латынь / М.С. Гурычева. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. – 190 с.
2 Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин – М.: Логос, 1996. – 278 с.
3 Разумова, Л.В. Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе. Монография / Л.В. Разумова – Чита: Изд–во ЗабГУ, 2014б. – 221 с.
4 Разумова Л.В. Латинский язык в странах западной Европы в IV-X вв. // Материалы IV-ой международной научно-практической очно-заочной конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования», 25 октября 2019. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. - С. 612-620.
5 Сергиевский, М.В. История французского языка / М.В. Сергиевский – М.: Учебно–педагогическое изд–во, 1938. – 256 с.
6 Bonnet, M. Le latin de Grégoire de Tours /M. Bonnet – P.: Librairie Hachettes et C., 1890. – 787 p.
7 Bruneau, Ch. Petite histoire de la langue française /. – P.: Armand Colin, t. 1, 1955. – 284 p.
8 Brunot, F. Histoire de la langue française des origines à 1900/ F. Brunot – P.: Armand Colin, T. 1, 1933. – 653 p.
9 Cerquiglini, B. La naissance du français / B. Cerquigligni – P.: Presses Universitaires de France, 1993. – 267 p.

10 Dauzat, A. Le français langue nationale / A. Dauzat // Histoire de la langue française. – P.: Payot, 1930. – Pp. 541–564.
11 Fontaine, J. Aspects et problèmes de la prose d'art latine au III–e siècle. La genèse des styles latins chrétiens / J. Fontaine – Torino, 1968. – 249 p.
12 Sanders, G. Les inscriptions latines païennes et chrétiennes: Symbiose ou métabolisme? / G. Sanders // Revue de l'Université libre de Bruxelles. – Bruxelles: Les Presses de l'ULB, N 2, 1977. – Pp. 44–64.
13 Van Uytfanghe, M. Latin mérovingien, latin carolingien et rustica romana lingua : continuité ou discontinuité / M. Van Uytfanghe // Revue de l'Université de Bruxelles. Actes du Colloque international pluridisciplinaire organisé par l'Institut des Hautes Études de Belgique, Bruxelles, 1975., Bruxelles, 1977. – Pp. 65–88.
14 Wolf, Ph. Les origines linguistiques de l'Europe occidentale / Ph. Wolf. – P.: Hachette, 1971, N 160. – 256 p.

УДК 811.13

A.V. Solntseva
Université d'Etat de la région de Moscou

ORIGINES DES LANGUES ROMANES : RAISONS DE LA DIVERGENCE

Résumé. L'article est consacré à l'histoire des langues romanes. L'auteur décrit les causes de la ressemblance et de la différence observées entre les langues romanes.

Mots clés: langues romanes, divergence, substrat, superstrat, adstrat, emprunt, formation des mots

A.V. Solntseva
Moscow Region State University

ORIGIN OF ROMANCE LANGUAGES : REASONS FOR DIVERGENCE

Abtract. The article deals with the history of Romance languages. The author describes the causes of the resemblance and the difference between the Romance languages.

Keywords: Romance languages, divergence, substrate, superstrate, adstrate, borrowing, word formation

L'on appelle langues **romanes** (du latin "*romanus*" 'romain, relatif à Rome, à l'Empire romain') les langues qui ont été formées sur la base du latin et qui continuent à conserver les caractéristiques latines apparentes dans leur lexique, syntaxe et morphologie. Le nombre total de locuteurs de langues romanes atteint 700 millions de personnes. [12, p. 22].

Les langues romanes sont utilisées comme langues nationales dans plus de 60 pays du monde. Deux des six langues officielles de l'ONU [8] sont des langues romanes (l'espagnol et le français). L'espagnol est la deuxième langue la plus parlée au monde après le chinois.

La plupart des auteurs considèrent que les langues romanes sont au nombre de 11 : l'espagnol, le portugais, le galicien, le catalan, le français, l'occitan, le romanche, l'italien, le sarde, le roumain et le dalmatien.

Les langues romanes possèdent un certain nombre de caractéristiques communes au niveau de leur structure lexicale, mais aussi grammaticale (par exemple, présence d'articles, deux séries de pronoms, analytisme et d'autres), l'on retrouve des correspondances phonétiques régulières entre leurs mots.

La principale raison de la similitude entre toutes les langues romanes est leur source commune : le latin populaire ou vulgaire. C'est pourquoi, même aujourd'hui, les locuteurs de certaines langues romanes peuvent se comprendre plus ou moins librement.

Les raisons de la **divergence des langues romanes** sont loin d'être aussi claires que leur origine. Essayons de mettre en évidence les raisons principales.

1. La raison de la formation de diverses langues romanes pourrait être un **substrat différent** auquel s'est superposé le latin vulgaire dans les provinces de l'Empire romain.

On appelle substrat les traits d'une langue locale qui se sont dissoutes dans une langue colonisatrice. Ainsi, la formation des langues romanes a été influencée par les langues des tribus qui ont été conquises par Rome.

Étant donné que les colonies romaines occupaient de vastes espaces et que l'origine des langues pouvait varier considérablement, le résultat de leur influence sur le latin était différent. Le substrat de la langue espagnole est celtique, ibérique (le *f* protoroman devient **h*- sous l'influence du substrat ibérique, puis disparaît dans les langues ibéro-romanes, cf. protor. **fákere* 'faire' (latin f*acere*) > *hacer* dans l'espagnol) [10, 11] et basque (exemple de substrat basque : *arroyo* dans l'espagnol 'ruisseau, torrent'.). Le substrat de la langue française est celtique auquel s'ajoute, dans le Midi, le grec ancien. En provençal, le substrat ibérique peut également être distingué. Le substrat de l'italien comprend des traits italiques et étrusques (par exemple, les mots *Roma* et *Chianti* remontent à la langue étrusque). Le substrat de la langue sarde se compose du punique et du grec ancien. Le substrat de la langue romanche est le rhétique, qui est considéré comme une langue pré-romane non indo-européenne de l'Italie. Le substrat de la langue roumaine est appelé thraco-dacique (on appelle langues thraco-daciques un groupe de langues aujourd'hui disparues qui

étaient parlées dans la péninsule balkanique: la langue des Daces, celle des Thraces et l'illyrien).

La situation linguistique dans la Gaule romanisée était une situation de bilinguisme: le celtique et le latin locaux introduits de l'extérieur rivalisaient dans l'usage familier, tandis que la langue écrite était le latin. La langue celtique perd progressivement du terrain, mais à une vitesse inégale dans différentes couches sociales. Au début, le latin a envahi la haute société, l'administration et, bien plus tard, la population rurale passe également au latin. [6, p. 50].

Le dictionnaire de la langue française a conservé environ 300 mots celtiques liés principalement à la vie paysanne et à l'économie, et notamment :

- noms d'oiseaux, d'animaux, de poissons (*alouette, bouc*);
- noms des parties du corps des oiseaux (*bec*);
- noms des plantes (*bouleau, chêne, érable, if*)
- noms des articles ménagers (*balai, bassin*)
- noms des outils (*charrue, tarière, benne*)
- noms des matériaux (*glaise, marne*)
- noms des mesures (*lieue, arpent*)
- noms des éléments du paysage (*chemin, dune, lande*).

Dans le français moderne, il existe des noms de villes et de villages d'origine celtique formés à partir des noms des tribus qui peuplaient le territoire en question [9], par exemple : Paris (<Parisii), Reims (<Remi), Beauvais (<Bellovaci), Chartres (<Carnutes). Dans de nombreux toponymes se conservent des suffixes gaulois qui désignent une affiliation, le suffixe latinisé –acu (s), qui a ensuite évolué vers la forme -ac, -ay, -ey, -é, -y: Pauillac, Pouilly, Savignac, Aurillac, Sévigné, Savigny, etc. La géographie du toponyme peut être déterminée par la forme du suffixe, par exemple, le suffixe –y (Orly) est répandu dans le nord, –ac (Aurillac) dans le sud, les deux mots reviennent au même: Aureliacu(s). Fréquemment, l'on retrouve des toponymes avec les suffixes -dun, -tun, -un, -on qui remontent à l'ancien mot celtique dūnum signifiant «ville, forteresse», par exemple Lyon (Lugdunum), Verdun (Virodunum). Le suffixe celtique sous forme latinisée –ialo, qui signifie «champ, bord», est conservé sous une forme modifiée dans des noms tels que Mareil, Mareuil, Mareau, etc. [5]

En plus de ces exemples, il en existe de nombreux autres appartenant au niveau phonétique ou grammatical.

Ainsi, de l'avis de W. von Wartburg, les habitudes d'articulation des Celtes affectaient la prononciation des mots latins: les Celtes rabaissaient le palais en prononçant des voyelles devant les consonnes nasales, ils adoucissaient la voyelle [u], la prononçant comme [y]» (protoroman dúru > > galloroman *dyr> ancien français et français moderne dur [dur]). Les gallicismes incluent également les restes du compte à vingt chiffres (quatre-vingts, quatre-vingt-dix) et une dérivation aujourd'hui improductive avec le suffixe diminutif -et. G. Guillaume voyait également dans le temps futur du français un calque tendu du futurum celtique. [6, p.17].

Il y avait, pour la population locale, deux manières de progresser dans la maîtrise du latin :

- d'une part, le latin était absorbé par les habitants dans ses formes orales-familières (d'abord, le latin se répandait parmi l'aristocratie gauloise, qui cherchait à fusionner avec les conquérants [1, p. 15];

- d'autre part, la langue latine, introduite par son enseignement à l'école, a pénétré dans la vie quotidienne sous sa forme écrite et littéraire.

Le latin oral a été transformé selon les lois régissant son évolution, il s'éloignait rapidement de son état d'origine, tandis que les changements dans la forme écrite du latin étaient minimes [6, p. 53].

2. La raison de la formation de différentes langues romanes pourrait également être **un superstrat**[6] **différent**, qui s'est superposé aux langues romanes émergentes dans les provinces de l'Empire.

On entend par superstrat les caractéristiques de la langue disparue parlée par une population non autochtone qui ont persisté dans la langue locale du pays. En d'autres termes, ce sont les vestiges d'une langue étrangère assimilée par la langue d'origine.

Le superstrat le plus actif était d'origine germanique. Les contacts avec les tribus germaniques étaient constants à la fois à l'époque de l'Empire romain et à l'époque des différents États romans. Dans différentes parties de l'Europe, les locuteurs des langues romanes ont rencontré des tribus germaniques: les Français ont eu le contact avec les Francs, les Provençaux avec les Bourguignons, les Italiens avec les Ostrogoths et les Lombards, les Espagnols avec les Wisigoths et les Vandales, etc. Cela a causé une certaine différence dans les emprunts aux langues germaniques. Ainsi, pour les Roumains de l'époque, les contacts avec les tribus germaniques n'ont pas joué un rôle important, d'où le nombre minimum de germanismes dans la langue roumaine.

Voici quelques exemples de germanismes en français: toponymes (France, Bourgogne); noms (par exemple, Albert, comme tous les autres avec la composante -bert-); vocabulaire qui fait référence à différents aspects de la vie, principalement à la guerre, à la législation, à la vie quotidienne. Parmi ces mots, il y a des noms, des adjectifs, des verbes qui reflètent l'influence des conquérants germaniques sur la langue gallo-romaine. Ainsi, le substrat d'origine germanique [4] comprend, par exemple:

- vocabulaire militaire: *bannière, beffroi, haubert, blesser;*
- noms des vêtements: *écharpe*;
- mentions légales: *jauge*;
- noms des postes administratifs et militaires: *baron, maréchal*;
- noms des articles ménagers: *fauteuil, canif*;

---

[6] Le concept de superstrat a été proposé en 1936 par W. von Wartburg comme un antonyme du concept de substrat pour expliquer les phénomènes observés dans les langues romanes, qui ne pouvaient être expliqués ni par l'influence du latin, ni par les phénomènes propres aux langues parlées dans les pays conquis par l'Empire romain avant la propagation du latin [5].

- noms des bâtiments: *haie*;
- noms des produits alimentaires: *gaufre*;
- noms des plantes: *blé, hêtre, mousse*;
- noms des caractéristiques du paysage: *marais*;
- noms des poissons: *hareng*;
- noms collectifs pour animaux: *harde* 'troupeau';
- noms des actions qui indiquent le mouvement: *danser*, *gravir* 'monter';
- noms des actions désignant la parole: *épeler*;
- noms abstraits: *hâte, orgueil;*
- noms de couleurs: *blanc, blond, brun, gris;*
- adjectifs désignant les qualités humaines: *hardi*, *franc, frais*, *riche;*
- les verbes : *choisir, gagner*, *haïr, soigner.*

En plus des noms communs, parmi les germanismes, il existe également des noms propres onomastiques, par exemple Armand, Augier, Bernard, Charles, Gautier, Gilbert, Roger, etc.

Il convient de souligner qu'une partie du vocabulaire d'origine germanique est par la suite tombée en désuétude en raison de l'abandon progressif des institutions juridiques introduites par les Francs et du retour au droit romain.

3. La formation de diverses langues romanes a été influencée par des contacts avec les langues des groupes ethniques voisins, c'est-à-dire par un **adstrat** différent.

L'on appelle adstrat l'influence réciproque des langues voisines en raison de leur longue coexistence. Dans ce cas, contrairement au substrat et au superstrat, les deux langues en interaction continuent d'exister. La position géographique différente des peuples parlant les langues romanes a également déterminé l'adstrat spécifique de chacune de ces langues. Ainsi, pour les langues romanes de la péninsule ibérique, l'influence arabe est caractéristique. Via l'espagnol, les emprunts arabes ont également pénétré le provençal, le français et l'italien. Cependant, leur nombre était plus restreint et la forme pouvait être très différente de celle adoptée par l'espagnol.

Là où les populations romanes étaient proches des peuples slaves, il existe un adstrat slave dans les langues romanes. Tout d'abord, cela concerne le roumain, où on retrouve un grand nombre d'emprunts d'origine slave dans le domaine lexical, phonétique ou morphologique. Ceci détermine la spécificité du roumain par rapport aux autres langues romanes.

Dans le français parlé en Belgique [7], l'adstrat est d'origine néerlandaise. Les domaines linguistiques du français et du néerlandais en Belgique ont été juxtaposées pendant des siècles. De plus, la frontière entre elles était instable. Ainsi, à Bruxelles, au début du XXème siècle, le néerlandais était la langue maternelle d'environ 90% de la population (10% pour le français). Au début du XXIème siècle, la part des Bruxellois dont la langue maternelle était le néerlandais ne dépassait pas 8%.

En Suisse, l'adstrat du français est d'origine allemande (plus précisément, il s'agit du suisse allemand, le Schwyzertütsch).

4. **L'état du latin au moment de la colonisation** d'une province.

Les divergences entre les langues romanes sont également associées à différentes époques de romanisation des territoires, puisque la romanisation ne s'est pas produite simultanément, mais en l'espace d'environ 400 ans.

Pendant ce temps, la langue latine elle-même a beaucoup changé, ce qui signifie qu'au cours de la diffusion du latin dans l'ensemble de l'Empire romain, il pénétrait les provinces à différents stades de son développement. Par exemple, la romanisation est arrivée en Sardaigne à la fin du IIIème siècle av. J.-C., en Gaule au milieu du Ier siècle av. J.-C. et le territoire de la Dacie (la région de l'actuelle Roumanie) n'a été conquise par Rome qu'au début du IIème siècle après J.-C. Il est clair que dans les langues sarde, française et roumaine, on retrouve les traces des différentes étapes du développement du latin; ce n'est pas par hasard que la langue sarde est considérée comme la langue romane la plus archaïque et la langue roumaine est connue pour un grand nombre d'innovations linguistiques.

5. **La durée et le degré de l'influence romaine.** Bien sûr, qu'il existait de fortes disparités au niveau du degré d'apprentissage de la langue et de la culture latine entre les territoires qui étaient sous la domination romaine pendant 400 ou même 500 ans (par exemple, la Sardaigne ou la partie sud-est de la péninsule ibérique) et les provinces que l'Empire n'a pu dominer que pendant 200 à 250 ans (Dacie).

Les facteurs de l'émergence de différentes langues romanes mentionnés ci-dessus ne représentent qu'une partie des raisons que les chercheurs étudiant de la période de romanisation proposent de prendre en compte. Aucun de ces facteurs ne devra être absolutisé ni, au contraire, négligé.

Список использованной литературы

1. Акопян В.З., Зюзин В.В., Лебедев Г.Ю. История стран Западной Европы в 2 ч. Часть 2. Франция. Испания: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 381 с.
2. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 187 с.
3. Гак В.Г., Мурадова Л.А. Введение во французскую филологию: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 303 с.
4. Пылакина В.В. Некоторые аспекты формирования французского языка: субстрат и суперстрат. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 643. Москва, 2012. С. 145-158.
5. Сергиевский, М. В. История французского языка. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 287 с.
6. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка: учебник для бакалавров. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 463 с.

7. Солнцева А.В. Французский язык в Бельгии и Люксембурге. //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №4. 2016. С.76-81.
8. Солнцева А.В. Французский язык как иностранный: как повысить мотивацию обучающихся? // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку. Межвузовский сборник научных трудов. Ответственный редактор И.В. Скуратов. Москва, 2019. С. 176-179.
9. Солнцева А.В. Deonomastic word formation and translation problems // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор И.В. Скуратов. Москва, 2018. С. 230-233.
10. Томашпольский В. И. Романское языкознание в 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 267 с.
11. Томашпольский В. И. Романское языкознание в 2 ч. Часть 2: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 314 с.
12. Языки мира: романские языки. Москва: Академия, 2001. 720 с.
13. Manczac W. En quoi consiste la parenté linguistique? // Proceeding of the 14 International Congress of Linguists. Berlin, 1991. P. 2490-2493.

СЕКЦИЯ II.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ, ФОНОЛОГИИ, ФОНЕТИКИ И ОРФОГРАФИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811

А.В. Вих
ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет

О ПРИНЦИПЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Принцип языковой экономии является одной из наиболее активных движущих сил, провоцирующих значительные изменения в большинстве языков. В связи с этим появляется необходимость в систематизированном описании функционирования данного принципа и его влияния на процесс эволюции языка. В статье описываются различные взгляды на проблему языковой экономии среди зарубежных и отечественных лингвистов.

Ключевые слова: тенденция к экономии, языковая экономия, языковая избыточность

A.V. Vikh
Moscow State Linguistic University

ABOUT THE PRINCIPLE OF LANGUAGE ECONOMY IN LINGUISTIC LITERATURE

Abstract. The principle of language economy is one of the most active driving forces that cause significant changes in most languages. In this regard, there is a need for a systematic description of the functioning of this principle and its influence on the process of language evolution. The article describes various views on the problem of language economy among different linguists.

Keywords: tendency to save, language saving, language redundancy

Современный этап жизни общества характеризуется стремительным развитием новых инновационных технологий, ростом потока информации, ускорением темпа жизни. В таких условиях, совершенно естественно, что,

во всех сферах человеческой деятельности, проявляется стремление экономить и рационально использовать ресурсы.

Экономия относится и к языку. Как живая и развивающаяся система, он чутко реагирует на изменения, происходящие в жизни общества, и для него характерна тенденция к бережливости, краткости, рациональному использованию языковых средств.

Несмотря на то, что систематическая разработка проблемы началась не ранее XIX века, к вопросам языковой экономии обращался ещё древнегреческий философ Аристотель, отмечая, что «употребление имени вместо определения понятия способствует сжатости стиля» [1, с. 180]. Так, в стремлении говорить сжато человек использует понятие «круг» вместо определения «плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра» [1, с. 180].

Считается, что «принцип экономии» в лингвистике был сформулирован французским лингвистом Андре Мартине [10]. Данное утверждение не совсем верно, так как этот вопрос затрагивался в лингвистических исследованиях и раньше. Системному изучению проблемы языковой экономии посвящены работы О. Есперсена [5], Г. Суита [18], П. Пасси [17], и др.

П. Пасси уделяет внимание, главным образом, фонетическим изменениям, и их причинам. Исследователь отмечает, что, во-первых, язык стремится избавиться от всего лишнего, а во-вторых, выделить необходимое. Именно первая тенденция способствует реализации принципа языковой экономии. Как следствие, в языке происходят фонетические изменения такие, как ассимиляция двух последовательных звуков, редукция конечных звуков, исчезновение лишних или слабо различительных элементов. Важно отметить, что именно П. Пасси выдвигает идею о неосознанной реализации говорящим принципа языковой экономии, полагая, что изменения, происходящие в речи, в момент общения, носят спонтанный характер и обусловлены целями коммуникации. [17]

Г. Суит [18], как и П. Пасси, занимался фонетическим аспектом проблемы. Изучая причины фонетических изменений, он проследил эволюцию многих звуков английского языка. В рамках исследования, Г. Суит отмечает частотность выпадения или ослабления конечных звуков в речи, что никак не мешает слушающему адекватно воспринимать и интерпретировать полученную информацию.

В исследовании датского лингвиста О. Есперсена «Философия грамматики» анализируются средства реализации принципа языковой экономии в грамматическом аспекте и выделяются конкретные случаи проявления данного принципа в речи. Так, автор рассматривает в качестве «примера разумной экономии» [5, с. 195] правило образования множественного числа существительного в венгерском языке, согласно

которому слово, сочетаемое с числительным, не нуждается в дополнительном маркере множественного числа. О. Есперсен также отмечает наличие как «экономных», так и «неэкономных» языковых форм для выражения грамматического значения, иллюстрируя данное утверждение примерами из английского языка, где сосуществуют две формы будущего времени: с одним показателем – наречием, и с двумя показателями – наречием и глаголом. Согласно О. Есперсену реализация принципа языковой экономии обусловлена контекстом: «ситуация и контекст подсказывают многое из того, что строгий логик при педантичном анализе предпочёл бы видеть выраженным» [5, с. 249].

В ином ключе проблема языковой экономии рассматривается младограмматиками, в частности, лингвистом Г. Паулем, который утверждает, что природа языка такова, что в ней самой заложено «непрерывное образование множества равнозначных слов, форм, типов словосочетаний» [14, с. 301]. Причиной возникновения такого излишества могут выступать многие факторы: образование по аналогии, заимствования из иностранных языков и родственных диалектов. Тем не менее, несмотря на то, что возникновение такого избытка неизбежно, он не может сохраняться в языке длительное время, так как, согласно Г. Паулю, «языку чуждо какое бы то ни было излишество» [14, с. 301]. Как и П. Пасси, Г. Пауль высказывает идею о неосознанной реализации говорящим принципа языковой экономии, утверждая, что устранение языковых излишеств происходит интуитивно: «Что касается причин устранения языковых излишеств, то мы должны, разумеется опять-таки отказаться от мысли о каком-либо осознанном намерении. Одна уже бесполезная перегрузка памяти служит достаточным основанием для устранения этих излишеств» [14, с. 302].

Однако наиболее тесно термин «языковая экономия» связан с именем французского лингвиста Андре Мартине [10] и его работой, посвящённой диахронической фонологии, опубликованной в 1955 г. и переведённой на русский язык в 1960 г. Согласно Мартине, языковая эволюция определяется наличием постоянного противоречия между потребностью человека к общению и его стремлением минимизировать свою физическую и умственную активность. Рассматривая эту проблему в контексте языковых знаков, можно отметить противоречие между необходимостью удовлетворить потребности выражения, для которых требуется все большее количество специализированных единиц, и естественным стремлением сохранить ограниченный круг наиболее общих и наиболее часто встречающих единиц. В связи с этим А. Мартине дает широкое определение исследуемого понятия: «Термин *экономия* включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [10, с.129-130].

В настоящее время вопросы, посвящённые сути явления языковой экономии и ее роли в процессе эволюции языка по-прежнему остаются актуальными, в связи с универсальным характером данного принципа. Несмотря на то, что процессы языкового развития различны в разных языковых системах, принцип экономии выступает в качестве одной из наиболее активных движущих сил, провоцирующих значительные изменения в большинстве языков, в том числе и системного характера. Однако в современных лингвистических исследованиях встречаются разные трактовки этого термина.

Многие исследователи М.А. Павлюковец [13], Л.А. Бускунбаева [2], А.И. Ковригина [8], Л.О. Зимина [7], А.Н. Занина [6] сходятся во мнении, что цель реализации принципа языковой экономии заключается в минимизации количества используемых в речи единиц, и, как следствие, сокращении речевых усилий и временных затрат. Так, в работе М.А.Павлюковец мы находим следующее определение термина: «Экономия как лингвистическое явление предполагает такое использование средств в актах коммуникации, которое приводит к экономии времени при произнесении, места при письме и упрощает процесс взаимопонимания» [13, с. 4]. Аналогичной трактовки придерживается Л.А.Бускунбаева, которая определяет «языковую экономию» как «категорию, присущую всем языкам мира, характеризующуюся стремлением экономить, избегать чрезмерных затрат физиологических и психологических усилий» [2, с. 7].

Под другим углом проблема языковой экономии рассматривается в работе Е.В.Синцова, который определяет суть принципа языковой экономии как сокращение плана выражения, при котором сохраняется план содержания: «вместо полных или развёрнутых языковых конструкций используются более краткие или усеченные варианты. Смысл при этом не страдает, но передача его становится быстрой, часто приобретает форму намёка, позволяющего почти мгновенно опознавать намерения говорящего» [15, с. 53]. Схожей точки зрения придерживаются Е.С.Городова [3] и Е.А.Шагланова [16].

В ряде случаев, вопрос языковой экономии рассматривается в противопоставлении «языковому излишеству». Такого подхода придерживается Е.В. Грудева, указывая, что «в естественном языке постоянно действуют две противоположные тенденции: тенденция к экономии усилий и тенденция к обеспечению избыточности» [4, с. 73]. Похожим образом, явление языковой экономии, как противопоставление языковой избыточности, анализируется в работах М.И. Мехеда [12] и Н.Н. Матросовой [11].

Об отсутствии единого мнения среди современных ученых свидетельствует, в том числе, использование несколько различной терминологии, в частности: тенденция к экономии, языковая экономия,

принцип языковой экономии, лингвистическая экономия. В данном вопросе, мы согласимся с позицией Е.А.Лозинской о нецелесообразности разграничения приведённых терминов, так как они являются «различными названиями одного и того же явления» [9, с. 125].

После небольшого обзора теорий, исследующих языковую экономию в качестве одной из универсальных языковых тенденций, нам бы хотелось сделать вывод о многогранности данной проблемы и необходимости ее рассмотрения с разных точек зрения. Нам кажется также справедливым выделение синтагматической экономии, т.е. языковой, и парадигматической, т.е. речевой, как это было предложено в функциональной лингвистике А.Мартине. Данная оппозиция позволяет рассмотреть синтез проявлений экономии с формальной и функциональной точек зрения.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля: сборник / под ред. О.М. Фрейденберг. - Л. : ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1936. - 344 с.
2. Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Уфа: 2009. - 22 с.
3. Городова Е.С. Закон лингвистической экономии как фактор упрощения английского языка // Вестник МГОУ. - Серия «Лингвистика», №3. - М.: 2012. - с. 13-18.
4. Грудева Е.В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Труды ИЛИ РАН. - Том VI, часть 2. - СПб.: 2010. - с. 73-89.
5. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Парсека, С.П. Сафронова. Под ред. Б.А. Ильиша. - М.: Издательство иностранной литературы, 1958. - 328 с.
6. Занина А.Н. Теория экономии языковых усилий: к истории вопроса // Вестник ТвГУ. Серия ФИЛОЛОГИЯ. - Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 13. - Тверь: 2008. - с. 165-171.
7. Зимина Л.О. Принцип экономии в современной рекламе: дис. ... канд. филолог. наук. - Новосибирск: 2007. - 200 с.
8. Ковригина А.И. Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе: лексико-синтаксический аспект: дис. ... канд. филолог. наук. - М.: 2013. - 217 с.
9. Лозинская Е.А. Развитие понятия языковой экономии в лингвистической литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - №1 (43). - Тамбов: 2015. - с. 123-126.
10. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) / пер. с фр. А.А. Зализняк. - М. : Издательство иностранной литературы, 1960. - 263 с.

11. Матросова Н.Н. Некоторые аспекты реализации категории экономия - избыточность в английском монологическом тексте: в рамках организующей функции речевой интонации : дис. ... канд. филолог. наук. - М.: 2004. - 223 с.
12. Мехеда М.И. Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании (на материале русских и английских редупликативов): дис. ... канд. филолог. наук. - Тюмень: 2010. - 269 с.
13. Павлюковец М.А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. ... канд. филолог. наук. - Ростов-на-Дону: 2009. - 22 с.
14. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем. А.А. Холодовича. - М.: Издательство иностранной литературы, 1960. - 500 с.
15. Синцов Е.В. Русский язык и культура речи. - М.: Флинта, Наука, 2009. - 156 с.
16. Шагланова Е.А. Компрессия текста телерекламы: стратегический аспект: дис. ... канд. филолог. наук. - Улан-Удэ: 2018. - 161 с.
17. Passy P. Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux. - Paris: Librairie Firmin-Didot, 1890. - 270 p.
18. Sweet H. A history of English sounds from the earliest period. - Oxford, Clarendon Press, 1888. - 409 p.

УДК 81.33

О.А. Дормидонтова
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРОНИМОМ «БЕЛЫЙ ЦВЕТ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена фразеологизмам с цветовым компонентом «белый» в русском и французском языках. Целью статьи является выявление лингвокультурных признаков данного цветонаименования – когнитивных опор, которые положены в основу формирования метафорических смыслов. Выявляются как универсальные когнитивные опоры, присущие обоим языкам, так и уникальные признаки, свойственные данному колороним только в русском или французском языке.

Ключевые слова: цветонаименование, колороним, лингвокультурный признак, когнитивная опора, фразеологизм, цветовая картина мира, лингвокультура.

O.A. Dormidontova
Lipetsk State pedagogical University P.P. Semenov-Tyan-Shansky

WAYS OF FORMATION OF METAPHORIC MEANINGS OF RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLORONIM “WHTE COLOR”

Abstract. This article is about phraseological units with a color component “white” in the Russian and French languages. The main goal of the article is to find out linguistic and cultural features of this color naming – cognitive pegs that present the basis of the formation of metaphorical meanings. In the article the author identifies cognitive pegs that inherent in both languages as well as unique features of this coloronim that are peculiar either only to the Russian or to the French language.

Key words: color naming, coloronim, linguistic and cultural feature, cognitive peg, phraseological unit, color world picture, linguoculture.

Цветонаименования (колоронимы) как особая лингвокультурологическая категория давно привлекают исследователей.

Любому лингвокультурному сообществу присуща своя особая цветовая картина мира. Ее уникальность объясняется множеством факторов: историческими, культурными, социальными, климатическими и

др. Изучение цветовой символики в сравнительном аспекте представляется особенно интересным потому, что при наличии универсальных характеристик цветонаименований, обнаруживаются более или менее яркие отличия в восприятии окружающей действительности представителями разных лингвокультур сквозь цветовую призму.

Белый цвет является одним из базовых цветов, лежащих в основе цветовой картины мира в русском и французском языках, что не могло не найти своего отражения в богатом фразеологическом фонде обоих языков.

Представляется интересным проследить пути формирования метафорических значений русских и французских фразеологизмов с цветовым компонентом «белый цвет». Как любой другой колороним, белый цвет обладает рядом лингвокультурных характеристик, признаков, которые заложены в основу метафорических значений. Выбор того или иного признака, на основании которого осуществляется метафорический перенос в рассматриваемых фразеологизмах, основывается на знаниях, которыми обладает реципиент о данном цвете. Эти знания выступают в качестве опорного элемента, позволяющего правильно осмыслить то или иное фразеологическое значение, иными словами, в качестве когнитивных опор – элементе сравнения, передающим опорное знание и репрезентирующим знание об опорном объекте [1, с. 51].

В результате проведенного анализа практического материала был выявлен целый ряд когнитивных опор наименования «белый цвет», использующихся при формировании метафорических значений в русском и французском языках.

Бесспорно, основной когнитивной опорой рассматриваемого колоронима является собственно белый цвет. При этом следует выделить несколько тематических подгрупп фразеологизмов, образованных с опорой на данный признак.

1. Сам человек. В результате метонимического переноса в русском и французском языках встречаем следующие метафорические обозначения человека: *белые воротнички / col blanc* –офисные служащие, *белые халаты / les hommes en blanc* –врачи, *cheveux blancs* – пожилые люди, *canne blanche* –слепые люди (во Франции слепые ходят по улице с белой палкой).

2. Предмет или вещество, прототипичным цветом которого является именно белый:

бытовая техника – *белая техника*, соль – *белая смерть / sable blanc*, снег – *все белым-бело кругом*, *белые мухи полетели*, *gelée blanche* (иней), *marée blanche* (сильный снегопад).

3. Собственно обозначение белого цвета (кожи человека, какого-либо предмета) (как правило, в составе компаративных конструкций): *белый как снег / blanc comme neige*. В этой связи интересно отметить

наличие во французском языке большее разнообразие источников для сравнения, причем в зависимости от выбранного элемента сравнения белый цвет приобретает уникальный оттенок: *blanc comme albâtre* (алебастр) – белоснежный, *blanc comme un cachet d'aspirine* (таблетка аспирина) – совсем не загоревший, *blanc comme un cygne* (лебедь) – ослепительно белый; *blanc comme linge* (белье) – очень бледный.

Приведем еще одно французское выражение, в котором в основу метафорического значения заложен цвет предмета: *marquer de blanc* (букв.: отметить белым камнем) – отметить как радостное событие (в Древнем Риме существовал обычай отмечать удачные дни белыми камнями, неудачные – черными).

Следующий признак цветонаименования «белый», который может быть рассмотрен как когнитивная опора в обоих языках – «необычность, непохожесть, выделение из общей массы». Данная когнитивная опора ярко проявляется в следующих метафорах: *белая ворона / merle blanc*, *éléphant blanc* (белый слон) – заморское чудо, невидаль.

Кроме этого, в обоих языках выявлена когнитивная опора «высокая степень интенсивности эмоции, состояния человека». Следует отметить, что во французском языке данный признак более часто заложен в основу метафорического значения.

Например: *доводить / доходить до белого каления*, *белая горячка* (ср. фр.: *avoir une ivresse blanche* (букв.: иметь белое опьянение) – быть в доску пьяным, *colère blanche* – ярость, *jalousie blanche* – слепая ревность, *peur blanche* – смертельный страх, ужас.

Интересно отметить, что, наряду с вышеуказанной когнитивной опорой, во французском языке белый цвет обладает совершенно противоположным качеством – указать на отсутствие эмоций, монотонность, невыразительность: *voix blanche* – 1) глухой, беззвучный голос (от волнения, страха, гнева и т.п.); 2) бесстрастный, монотонный голос, *sourire blanc* – неестественная улыбка, натянутая улыбка.

Рассматривая лингвокультурные характеристики белого цвета как основу когнитивных опор данного цветонаименования, нельзя обойти вниманием универсальную для многих лингвокультур дихотомию «черное-белое», которая находит фразеологическое выражение в русском и французском языках. Обозначим данную когнитивную опору как «противопоставление черному»: *дела как сажа бела*, *называть чёрное белым*, *aller du blanc au noir* – бросаться из одной крайности в другую, *ne connaître ni le blanc ni le noir* – не отличать черного от белого, ничего не знать, не смыслить, *dire blanc et noir* – говорить то одно, то другое (ср. рус. у него семь пятниц на неделе).

Вышеперечисленные когнитивные опоры свойственны колорониму «белый» в обоих языках, однако наибольший интерес представляют уникальные признаки, заложенные в основу метафорического значения

фразеологизмов с данным цветовым компонентом и присущие только русскому или французскому языку. Рассмотрим их более подробно.

Так, в русском языке белый цвет ассоциируется с жизнью, существованием человека на земле, что находит свое отражение во фразеологизме *белый свет* и его вариантах: *света белого не видеть*, *белый свет не мил*, *свету белому не рад*, *не жилец на белом свете* – когнитивная опора «жизнь». В этой связи следует указать на некоторое сужение восприятия белого цвета как символа жизни до светлого времени суток: когнитивная опора – «день» (*средь бела дня*).

Помимо этого, в русском языке данное цветонаименование обладает когнитивной опорой «высокий социальный статус человека»: *белая кость*, *как белые люди*.

В русском языке выявлена также когнитивная опора «легальность», что находит свое отражение в ряде фразеологизмов: *белый билет*, *белая зарплата / работать по-белому*.

Французский язык также располагает рядом отличительных лингвокультурных признаков колоронима «белый», которые рассматриваются как когнитивные опоры при формировании переносных значений.

Так, в результате анализа французских фразеологизмов с рассматриваемым цветовым компонентов выявлена когнитивная опора «фиктивность, недействительность», что можно проиллюстрировать целым рядом выражений:

coup blanc – безрезультатное действие, тщетная, напрасная попытка, *examen blanc* – экзамен без оценки, *billet blanc* – избирательный бюллетень, опущенный в урну незаполненным, *mariage blanc* – фиктивный брак, *paix blanche* – безрезультатный мир (без победителей и побежденных), *chèque en blanc* – банковский чек, подписанный без указания суммы.

Еще одна когнитивная опора, присущая французскому языку – «пустота, пробел, пауза». Например:

avoir un blanc – внезапно забыть что-либо, делать паузы, *laisser un blanc* – оставить пустое место, пробел (в документе), *donner carte blanche* – предоставить свободу действий.

И в русском, и во французском языке белый цвет воспринимается как символ чистоты, невинности. Однако интересно отметить, что в русском языке отсутствуют фразеологизмы, в основу которого положен данный лингвокультурный признак как когнитивная опора данного цветонаименования. Во французском языке, напротив, встречаем следующие выражения: *sortir blanc* – сохранить незапятнанную репутацию, *vêtu de lin blanc* (букв.: быть одетым в белое) – быть невинным.

Таким образом, проведенный анализ русских и французских фразеологизмов с цветовым компонентом «белый» позволяет сделать

вывод, что в обоих языках данное цветонаименование достаточно широко используется в составе устойчивых метафорических образований. При этом формирование переносных смыслов осуществляется за счет активизации как универсальных, присущих обоим языкам когнитивных опор, так и уникальных, свойственных только русскому или французскому языку. Вышесказанное свидетельствует о богатом лингвокультурном потенциале колоронима «белый цвет» в русском и французском языках и способствует лучшему пониманию языкового восприятия мира представителями русской и французской лингвокультур.

Литература

1. Гольдберг В.Б. Художественное сравнение как модель познания // Филология и культура: Мат-лы VII Междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 49-52.

УДК 811

А.М. Зайцева
Московский государственный областной университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНОНИМОВ ПАРИЖА

Аннотация. Данная работа посвящена изучению урбанонимов Парижа. Описывается структура французских урбанонимов и дается их классификация согласно семантическому принципу.

Ключевые слова: урбаноним, этимология, принцип номинации, структурные особенности, семантика, Париж, Франция

A.M. Zaytseva
Moscow Region State University

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PARIS URBANONYMS

Abstract. This article is devoted to the study of Paris's urbanonyms, their word-building and semantic features. The article provides a semantic classification and describes the most productive urbanonimic models of the French city.

Key words: urbanonym, etymology, principle of nomination, word-formation models, semantics, Paris, France

В XX в. были заложены основы новой отрасли языкознания – топонимики, изучающей географические названия разных видов: оронимы, гидронимы, ойконимы, урбанонимы и др. [2].

В центре внимания данной работы находятся урбанонимы – названия внутригородских объектов [4].

Цель данной работы заключается в системном обследовании парижского урбанонимикона, в установлении структурных типов исследуемых урбанонимов и их семантических основ.

Данное исследование выполнялось на материале современной карты Парижа. Путем сплошной выборки отобрано 2124 примера.

В ходе анализа структурных типов парижских урбанонимов удалось выделить следующие группы: двухкомпонентные и многокомпонентные наименования внутригородских объектов.

Двухкомпонентные конструкции состоят преимущественно из географического термина и имен существительных (как собственных, так и нарицательных). Например, *avenue Mozart, rue Balzac, rue Bergère, rue Cassette и др.*

Среди двухкомпонентных урбанонимов также можно выделить конструкцию, в состав которой входят географический термин и имя прилагательное: rue Pavée, passage National и др.

Многокомпонентные парижские урбанонимы очень разнообразны по своей структуре и представлены следующими конструкциями:

1. географический термин + словосочетания имен существительных: *rue de Roi de Sicile, rue de l'Ecole de Médecine, allée du Bord de l'Eau , rue Boris Vian и др.;*

2. географический термин + словосочетания имен прилагательных*: boulevard de la Bonne Nouvelle , passage de la Bonne Graine и др.*;

3. географический термин + словосочетания имен числительных: *impasse de Trois Visages, rue de Deux Boules, impasse de Deux Anges и др.*

Словообразовательный анализ показал, что самой продуктивной моделью парижских урбанонимов является двухкомпонентная конструкция, определяющая часть которой выражена существительным (42,5%).

В ходе лексико-семантического анализа урбанонимии Парижа были выделены 10 основных семантических групп:

1. урбанонимы, образованные от антропонимов (51%): *rue de Gramont, rue Herran, rue George-Sand и др.;*

2. урбанонимы, образованные по группам лиц (2%): *impasse des Peintres, square des Cardeurs, rue des Charbonniers и др.;*

3. урбанонимы, в основе которых лежат топонимы (9%)*: rue du Faubourg Saint-Honore, rue de Rome, rue de Langedoc и др.;*

4. урбанонимы, образованные от объектов микротопонимии (7%): *rue de Grenelle, rue des Champs и др.;*

5. урбанонимы, связанные с церковной лексикой (12%): *rue Sainte-Anne ,rue Saint-Dominique, place de l'Eglise de l'Assomption, rue Saint-Denis и др.;*

6. урбанонимы, отражающие местоположение (4%): *rue de l'Est, rue Basse, boulevard Périphériqueи др.;*

7. урбанонимы, повторяющие названия соседних улиц (1,5 %): *rue Pablos-Casals, impasse Raymon-Queneau, place Sainte-Marthe и др.;*

8. урбанонимы, связанные с историческими деятелями или событиями (9%): *rue Jean Sebastien Bach, place Georges Pompidou, rue du General Appert и др.;*

9. урбанонимы, связанные с мифологией (1%): *rue de l'Ambroisie, avenue des Champs-Élysées и др.;*

10. урбанонимы, отражающие русско-французские отношения (3,5%): *boulevard de Sébastopol, rue de Moscou, rue Pierre-le-Grand, Avenue Nicolas II, place Igor-Stravinsky и др.*

Исходя из данных, представленных в семантической классификации, можно отметить, что большая часть парижских урбанонимов образована от антропонимов (51%). Данный феномен связан с экспансией антропонимии, которая характерна для многих урбанонимических систем XX века (в т.ч. и парижской) [1].

Далее идет принцип названия улиц по церквям и именам святых (12%). Как известно, католицизм является основной религией Франции, которая отложила отпечаток на быт и культуру французского общества, что несомненно отразилось в урбанонимике страны. Стоит отметить, что улицы по именам церквей назывались в основном до XVIII в., а по фамилиям жителей – в XIX в. Следовательно, именно до XVIII в. религиозные места играли важную роль в жизни городских жителей.

Самыми ранними являются урбанонимы, образованные по географическому принципу номинации и составляют 4% от общего числа проанализированных единиц. Такой маленький процент обусловлен тем, что на протяжении веков парижские названия часто подвергались изменениям ввиду политических, исторических и социальных факторов.

Рассмотрев структуру и принципы номинации парижских урбанонимов, можно говорить о том, что они обладают рядом специфичных черт: в структурном плане доминирует двухкомпонентная конструкция, определяющая часть которой выражена существительным, а в семантическом аспекте исследуемые урбанонимы распределяются по многочисленным тематическим группам в зависимости от истории и культуры Парижа, а также мировосприятия его граждан.

Библиография

1. Загрязкина Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте. – М., 2007. – 190 с.

2. Bouvier J-C., Guillon J-M., La toponymie urbaine : Significations et enjeux. – Paris: L'Harmattan, 2001. – 256 p
3. Carte détaillée de Paris. [Ressource électronique]; Mode d'accès: https://fr.mappy.com/plan/75000-paris#/1/M2/TSearch/S75000+paris/N151.12061,6.11309,2.35085,48.85692/Z11/
4. Cassagne J-M. Dictionnaire du nom des rues. – Paris: Parigramme, 2012. – 572 p.

УДК 811

М.А. Козвонин
Московский государственный областной университет

О СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ИЗУЧЕНИЯ *LANGUE POPULAIRE* (XX-XXI ВВ.)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию точек зрения французских лингвистов на природу langue populaire и его функций как подсистемы французского языка. Основным методом является описательный метод, включающий приём наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения. В статье применены также методы синхронного и диахронного анализа языковых и научных фактов.

Ключевые слова: langue populaire, просторечие, просторечный элемент, историческое развитие, français populaire

M.A. Kozvonin M.
Moscow Region State University

ON THE MODERN DEVELOPMENT OF THE *LANGUE POPULAIRE* STUDY

Abstract. The article is dedicated to exploring the standpoints of the French linguists on *langue populaire* and its functions as a subsystem of the French language. The article is based on a descriptive method with use of observation, interpretation, comparison and generalization techniques. The author's also used compositional and diachronic analysis of the linguistic and scientific evidence.

Keywords: langue populaire, français populaire, historical development, colloquial, colloquial element

Langue populaire является, пожалуй, одной из самых неоднозначных и малоизученных подсистем французского языка. Работ, посвящённых данной теме, как французских, так и отечественных, крайне мало. И, к

сожалению, ни одна из них всецело не охватывает все нюансы этой уникальной и столь важной для французского языка подсистемы.

Данная статья не ставит перед собой задачу определить природу *langue populaire*, но призвана отобразить то, как рассматривали данный вопрос французские языковеды в XX веке и в наше время. Вследствие этого не будет рассматриваться и русская терминология данного лингвистического явления, вопрос о которой достаточно сложен и требует отдельной, обстоятельной работы. Используемый в отечественной романистики перевод *langue populaire* как «просторечие» не соответствует в полной мере французскому понятию и требует уточнений. Однако данный вопрос весьма сложен и требует отдельной работы, поэтому в статье будет использоваться буквальный перевод данного термина – «народный язык». Следует лишь отметить, что по мере развития французской лингвистики менялось и научное представление о *langue populaire* французских языковедов, что вносит изрядную путаницу в его изучении.

Развитие французского народного языка напрямую связано с изменениями в самом французском языке, а также его лингвистическими и социальными особенностями в тот или иной исторический период. Поэтому понимание аспектов *langue populaire* в его диахронии критически необходимо для его изучения в целом.

История формирования французского просторечия начинается тогда, когда и история самого французского языка – около III-V вв. н.э. Как и французский язык, народный язык происходит от латыни. Однако, если «стандартный» французский происходит от классической латыни, то «народный» – от вульгарной[7]. Фактически, такое происхождение предопределило его развитие как самобытного языка.

Косвенное подтверждение этому можно обнаружить при сравнении двух следующих высказываний. Так, Жан Барбе в своей работе отмечал, что писатели во II в. н. э. писали уже ставшей архаичной классической латынью[8]. В свою очередь, Жак Вандриес писал, что «по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят»[9]. Данная тенденция «билингвизма» французского языка продолжается до сих пор.

Первопроходцем в изучении современного *langue populaire* стал Анри Бош (Henri Bauche)[10], который определил языковой подсистемой, сосуществующей с «*литературным*» французским языком[11]. Под

---

[7] Henri Bauche. Le Langage populaire. Grammaire, Syntaxe et Dictionnaire du français tel qu'on le parle dans le peuple de Paris, avec tous les termes d'argot usuel. – 1928. 256 стр. С. 17.

[8] Barbet Jean. Littérature latine. – 1965.

[9] Вандриес Ж. Язык: Лингвистич. введение в историю: Пер. с франц. под ред. Р. О. Шор. – М.: Соцэкгиз, 1937. - 410 с.

[10] Henri Bauche (1880-1947) – французский писатель-романист, известен самым ранним общим описанием «langue populaire».

[11] Henri Bauche. Le Langage populaire. – 1928. С. 17.

«*литературным*», «*правильным*» (correcte) языком он понимает обусловленный академическим словарём письменный язык художественной литературы своего времени, а также устную речь «*высшего общества*»[12] (bonne société)[13].

Шарль Брюно (Charles Bruneau)[14] в своём докладе Международной ассоциации по изучению французского языка (l'Association Internationale des Etudes Françaises)[15] высказал иную точку зрения. Изучая употребление «народного языка» посредством анализа термина «Populaire», Брюно делит общество на «народ» и на «элиту образованных людей», имея в виду людей с высшим образованием. Опираясь на данную концепцию, он делает вывод, что к середине XX века французский "langue populaire", потеряв свою социальную роль, стал искусственным языком, которым «образованные» писатели пользуются как стилистическим средством, чтобы придать отдельным элементам произведений больше «экспрессии и комичности»[16].

В 60-х гг. концепцию А. Боша поддержал Пьер Гиро (Pierre Guiraud)[17], выдвинув тезис о «природности» "*français populaire*". По его мнению, «народный французский» является исконным французским языком, то есть не испытавшем изменений со стороны «грамматиков»[18]. Так, Гиро называет "*français populaire*" «языковым обычаем»[19], а "*français cultivé*" – «системой, определяемой правилами, сложившимися из размышлений о языке и традиции его употребления»[20]. Он считает, что литературная норма является искусственным порождением той эпохи, когда французский язык только начал структурироваться языковедами.

В другой своей работе Гиро, исследуя систему относительных местоимений в «*народном* французском», обнаружил, что под его влиянием данная система упрощается[21]. Что приводит к выводу о системности самого «*народного* французского», так как иначе подобные изменения были бы невозможны.

---

[12] С середины XIX в. под высшим обществам во французской социологии понимается буржуазия – обеспеченные люди, не занимающиеся физическим трудом.
[13] Henri Bauche. Le Langage populaire. – 1928. С. 18.
[14] Charles Bruneau (1883 -1969) – французский лингвист и филолог, продолжатель работ Фердинанда Брюно (Férdinand Brunot, 1860-1938) – пионера фонетических исследований.
[15] Bruneau Charles. Langue populaire. – Cahiers de l'Association internationale des études francaises, 1957, n°9. С. 238-249.
[16] Bruneau Charles. Langue populaire. – 1957. стр. 240.
[17] Guiraud Pierre (1912-1983) – французский лингвист, один из основателей лингвостатистики.
[18] Guiraud Pierre: Le français populaire. // Collection «Que sais-je?» n° 1172 - Presses Universitaires de France , Paris, 1965. 117 стр.
[19] Guiraud Pierre: Le français populaire – 1965, стр. 7
[20] Guiraud Pierre: Le français populaire – 1965, стр. 12
[21] Guiraud Pierre. Le système du relatif en français populaire. – 1966, стр. 40

Мнение А. Боша об общенародности «*langue populaire*» в своей статье поддержала и Дениза Франсуа (Denise François). В свою очередь, она определяет «*langue populaire*» не только как язык всех франкофонов, но и как национальный язык[22].

В наше время основным специалистом по “français populaire” является Франсуаза Гаде (Françoise Gadet)[23]. Она отмечает тот факт, что большинство французских учёных считали “français populaire” лишь собранием упрощённых или деградировавших форм «правильного» французского языка[24]. Гиро считает, что деление на «français populaire» (народный французский) и «français familier» (разговорный французский) не объективно, вследствие отсутствия существенных различий между ними[25]. Следовательно, «народный французский», как и «фамильярный французский», является общенародным языком.

Мнение Франсуазы Гаде о слиянии общенародного разговорного французского с «фамильярным» французским разделяет и Микаэль Абекассис[26]. Однако он видит причину данного слияния в стандартизации общенародного языка, что вызвано объективной необходимостью, вследствие его всеобщего распространения[27].

Другой современный исследователь *langue populaire*, Жан-Пьер Гудайе (Jean-Pierre Goudailler), считает «старый» “français populaire” языком лишь низших слоёв городского населения[28], которое теперь сменил «язык городских окраин».

Интересно, что ту же мысль о смене «старого народного французского» высказала и Ф. Гаде, которая в целом разделяет точку зрения А. Боша на природу «народного языка»[29]. При этом она считает, что дать определение “*français populaire*” пока не представляется возможным ни с лингвистической, ни с социологической точек зрения. На это есть две причины: первая – отсутствие единого мнения как у лингвистов, так и у носителей французского языка, вторая – выход термина из активного употребления в научной сфере[30].

---

[22] Gérald Antoine, Robert Martin. L’Histoire de la langue française – 1985. стр. 326

[23] Françoise Gadet – французский социолингвист, специалист по нестандартным формам французского языка.

[24] Gadet Françoise. Simple, le français populaire ? // Linx, n°25 – 1991. C. 63-64

[25] Gadet Françoise. Simple, le français populaire ? – 1991. стр. 63

[26] Michael Abecassis – социолингвист, преподаватель Оксфордского университета.

[27] Michael Abecassis. Le français populaire: a valid concept? // Marges linguistiques, n. 6 – M.L.M.s., 2003. стр. 128

[28] Goudailler Jean-Pierre. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // « La linguistique », n°1 Vol. 38 – PUF, 2002. C. 5-24

[29] Gadet Françoise. «Français populaire » : un concept douteux pour un objet évanescent - Ville-Ecole-Intégration Enjeux n° 130, 2002. стр. 45

[30] Gadet 2002 p.42

Отсутствие фундаментальных исследований “*langue populaire*”, которые рассматривали бы его комплексно, приводит к тому, что существующие работы французских лингвистов по данной теме не могут дать целостную картину современного “*langue populaire*” и даже показать его современное состояние. Необходимость подобных работ отмечал Доминик Дюкар, аргументируя тем, что из-за тесной связи особенностей “langue populaire” с историей французского языка невозможно использовать результаты исследований подобных подсистем других языков[31]. К сожалению, Д. Дюкар не развил эту мысль.

В целом приходится констатировать, что во французской лингвистике не только отсутствует единое мнение о природе Л.П., но и не существует сколько-нибудь конкретных определений его функций и особенностей: либо его рассматривают настолько широко, что конкретизировать что-либо становится трудновыполнимой задачей, либо его изучают в социолингвистическом ключе, сужая исследования до вопроса о носителях “*langue populaire*”.

Следовательно, несмотря на целое столетие научных изысканий, “*langue populaire*” всё ещё требует тщательного и широкого изучения современными лингвистами.

Литература

1. Abecassis M. Le français populaire: a valid concept? // Marges linguistiques, n. 6 – M.L.M.s., 2003.
2. Barbet J. Littérature latine. – 1965.
3. Bauche H. Le Langage populaire. Grammaire, Syntaxe et Dictionnaire du français tel qu'on le parle dans le peuple de Paris, avec tous les termes d'argot usuel. – 1928. 256 стр.
4. Bruneau C. Langue populaire. – Cahiers de l'Association internationale des études francaises, 1957, n°9. C. 238-249.
5. Ducard D. La division sociale de la langue: la fiction d’une langue populaire. – 2016. стр. 798
6. Gadet F. «Français populaire » : un concept douteux pour un objet évanescent - Ville-Ecole-Intégration Enjeux n° 130, 2002. стр. 45
7. Gadet F. Simple, le français populaire ? // Linx, n°25 – 1991. C. 63-64.
8. Gérald A., Robert M. L’Histoire de la langue française – 1985
9. Goudailler J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // « La linguistique », n°1 Vol. 38 – PUF, 2002. C. 5-24
10. Guiraud P. Le système du relatif en français populaire. – 1966
11. Guiraud P. Le français populaire. // Collection «Que sais-je?» n° 1172 - Presses Universitaires de France , Paris, 1965. 117 стр.
12. Вандриес Ж. Язык: Лингвистич. введение в историю: Пер. с франц. под ред. Р. О. Шор. – М.: Соцэкгиз, 1937.

[31] Dominique Ducard. La division sociale de la langue: la fiction d’une langue populaire. – 2016. стр. 798.

УДК 81’33

В.Г. Кузнецов
Московский государственный лингвистический университет

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ГИПОНИМОВ
(на материале французского и английского языков)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы метафоризации гипонимов различных типов. В основном метафоризация носит метонимический характер. Потенциал метафоризации гипонимов зависит от типов гипонимов. Наибольшим потенциалом метафоризации обладают видо-видовые гипонимы. Гипонимы, подвергнувшиеся метафоризации, часто меняют стилистический регистр на разговорный, просторечный, могут приобретать специальное значение.

Ключевые слова: метафоризация; гипоним; виды гипонимов; гипероним

V.G. Kuznetsov
Moscow State Linguistic University

METAPHORIZATION OF HYPONYMS
(on the material of French and English)

Abstract. The paper examines processes of metaphorization of different types of hyponyms. Metonymic forms of metaphorization are more typical. Potential of metaphorization depends on types of hyponyms. Species-species hyponyms possess the biggest potential. Hyponyms exposed to metaphorization change their stylistic register for colloquial, common parlance, acquire special meaning.

Key words: metaphorization; hyponym; types of hyponyms; hyperonym

Метафоризация гипонимов представляет интерес в плане установления ее механизма и соотношения между производным и производящим, находящимся между собой в отношении метафорической номинации. Следует отметить, что данная проблематика является малоисследованной областью. Это в немалой степени объясняется тем, что в лингвистической литературе получило широкое распространение не лингвистическое, а таксономическое определение гипонимов. Это определение присутствует в работах таких авторитетных семантиков, как Дж. Лайонз [1], М. А. Кронгауз [2], М. В. Никитин [3]. Определение гиперо-гипонимических отношений ограничено родовидовыми, конкретными, предметными примерами типа *птица* – гипероним, *голубь, воробей, ворона* – гипонимы. Между тем подобное выделение гиперо-

гипонимических отношений является таксономическим и не отражает их лингвистическое содержание.

Преобладание в лингвистической литературе широкого, таксономического, недифференцированного подхода к гипонимам на основе только родовидовых, предметных отношений крайне суживает понятие гипонимии, поскольку не учитывается семиологическая природа гипонимов – номинация денотатов, которая проявляется в том, что означаемое вызывает конкретное представление о предмете на основе, как правило, нескольких релевантных признаков этого предмета, совмещения нескольких значений. Таким образом, лингвистический подход к определению гипонимов основан на видо-видовых отношениях, отличается большей глубиной, детальной, конкретной номинацией, включает в свою область не только внешний, но также внутренний, духовный мир человека. Соответственно таксономический и лингвистический подходы отличаются дискретностью и недискретностью.

Между гипонимами-таксонимами имеют место родо-видовые отношения. Например, бахчевые культуры: *арбуз, дыня, кабачок, патиссон, тыква.* При этом, как правило, не принимаются во внимание видо-видовые различия. Так, во французском языке существуют гипонимы для обозначения разновидностей тыкв: *potiron m. – круглая тыква, citroulle f. – крупная желто-оранжевая тыква, coloquinte f. – горькая тыква, calebasse f. – бутылочная тыква, gourde f. – то же значение.* В русском и английском (за исключением *горлянка, калабас; calabash, gourd* с тем же значением) языках им соответствуют словосочетания. Определение гипонимов как родовидовых отношений должно быть дополнено на основе широты и узости референтной и номинативной базы, конкретной, узкозначной номинации. *Гипонимы – это односложные лексические единицы с узкой, конкретной референтной базой, совмещающие несколько значений.* Например, лексема *bette f. – белая листовая свекла* представляет собой кумулированный лексический знак, совмещающий значения: *овощ + белого цвета + съедобные листья.* Таким образом, гипонимы характеризуются видо-видовой, конкретной номинацией.

Еще существенное различие между таксономическим и лингвистическим подходами к определению гипонимов в том, что при таксономическом подходе не принимаются во внимание гипонимы, обозначающие внутренний мир человека, тем более межъязыковые различия. Так, во французском языке имеется гипоним обозначающий эмоциональное состояние радости, отсутствующий в русском языке: *liesse f. – всеобщая радость, всеобщее ликование (une foule en liesse).*

Предметом данной статьи является установление определенных закономерностей метафоризации гипонимов во французском и английском языках, другими словами выявление семантической основы метафоризации. Чаще всего метафоризации подвергаются видо-видовые

гипонимы предметных областей. Метафоризация может быть основана на метонимическом переносе. Например, *citroulle f., gourde f., coloquinte f.* употребляются как просторечия в значении *башка, шляпа* и вступают в парадигматические отношения со словами *empoté m., niais m., béat m.* Метафоризация основана на сходстве формы.

Во французском и английском языке метафоризации подвергаются гендерные гипонимы. *Nonne f. – монашенка,* двойная метонимическая метафоризация: 1) *nonnette f. – круглый пряник* (первоначально эти пряники выпекали в женских монастырях), 2) *синица* (разновидность синиц, оперение которой похоже на одежду монахинь. У этих синиц коричневатая грудка и черный хохолок).

Еще большая параллельная метафорическая у гендерного гипонима *moine m.*: 1) *тяжелый молоток конической формы* (метонимический перенос на основе сходства с капюшоном одежды монаха), 2) морск. дело *сигнальный бенгальский огонь* (по форме этот огонь напоминает одежду монаха с капюшоном, 3) полигр. *плохо напечатанный текст* (та же метонимия), 4) уст. *грелка для постели* (напоминала по форме одежду монаха с капюшоном и представляла собой устройство, состоящее из деревянной рамки, к которой подвешивался нагреватель с раскаленными углями). Любопытно, что англ. *monk – монах* также имеет переносное значение полигр. *участок дефектного печатного листа. Nun – монашенка* метонимический перенос на основе формы одежды: *болотная галка.*

Примером параллельной метафоризации метонимического типа (сходство по форме) может служить гипоним из тематического класса «продукты питания» *boudin m. – кровяная колбаса*: 1) *длинный локон* (волосы), 2) архит. *полукруглый валик* (у колонн), 3) тех. *спиралька,* 4) *связка веревки валиком* (у альпинистов), 5) разг. *толстушка.* К разговорному регистру относится метафорическое производное от гипонима, обозначающего другую разновидность колбасы: *andouille f. – колбаса из свиных кишок* разг. *болван, простофиля.* Пример из смежной области: hure f. – *кабанья (свиная, щучья) голова,* перен. прост. *морда, ряжка.* Двойная метонимическая метафоризация имеет место в случае гипонима *couenne f. – выскобленная свиная кожа*: 1) прост. бран. *шкура* (о корыстном человеке, заботящимся о личной выгоде), 2) прост. *увалень.* В обоих случаях метафоризация основана на актуализации периферийных сем. В первом случае – сема «существование», во втором «примитивность».

В гионимах-глаголах метафоризации подвергается, как правило, архисема. Примеры: *slam – хлопанье дверьми,* амер. англ. *резкая критика* (a harsh criticism); спорт *forcing – нокаутирующий удар в боксе*, спорт *энергичная атака,* перен. *крайнее напряжение, штурмовщина.* При этом может иметь место расширение класса субъектов речи. Например: *bramer – пронзительно кричать* (об олене), *голосить* (о человеке). То же явление

имеет место в гипонимах-существительных: *vagissement m. – крик новорожденного, жалобный крик некоторых животных.*

Парные гипонимы фр. / англ. *main-bras / hand-arm, doigt-orteil / finger-toe, jambe-pied / leg-foot* в результате метонимической метафоризации приобретают специальное значение: *main f. – скоба, кулак, bras – рукоять, плечо рычага; hand – захватывающее устройство, arm – рукоятка, манипулятор; doigt – палец, упор, orteil – спец. значений нет; finger – штифт, палец, стрелка прибора, toe – спец. значений нет; jambe – стойка, подпорка, pied – основание, подошва; leg – опора, подставка, foot – стойка, основание, пята.*

Производное метафоризации гипонима может употребляться только в составе словосочетаний фразеологического типа: *bavette f. – верхняя часть фартука* прост. *tailler une bavette – точить лясы, чесать языки.*

Одиночные гипонимы, не вступающие в парадигматические связи, не подвергаются метафоризации, например, *incipit m. –первые слова книги или рукописи; lise f. – зыбучий песок* (морского побережья).

Таким образом, гипонимы, подвергнувшиеся метафоризации, часто меняют стилистический регистр на разговорный, просторечный, могут приобретать специальное значение.

Проведенное исследование показало, что потенциал метафоризации гипонимов зависит от типов гипонимов. Наибольшим потенциалом обладают видо-видовые гипонимы.

Литература

1. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Академия, 2005. 352 с.
2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
3. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб: Изд-во РПГУ им. Герцена, 2007. 819 с.

УДК 811.133.1

Г.В. Овчинникова
МГОУ, АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА»

DE LA VALENCE SYNTAXIQUE A LA VALENCE DERIVATIONNELLE DANS LES LANGUES ROMANES, GERMANIQUES ET SLAVES

Аннотация. Цель предлагаемой статьи заключается в назревшей необходимости продолжить исследования Люсьена Теньера о валентности в синтаксисе, а также в применении валентностных связей к словообразовательной системе нескольких языков. Методология компонентного анализа позволяет впервые выделить особенности соотношения валентности производящей основы и валентности форманта. Результаты этого исследования будут полезны молодым исследователям, которые работают над темой словообразования.

Ключевые слова: словообразование, валентность, словообразовательный анализ, компонентный анализ

Résumé. Le but de cet article est de continuer les recherches de Lucien Tesnière sur la valence dans la syntaxe et l'appliquer au système dérivatif de plusieurs langues. La méthodologie de l'analyse sémique permet pour la première fois de mettre en relief les rapports valenciels entre la base dérivatve et le formant. Les résultats de cette recherche seront utiles aux jeunes chercheurs qui travaillent sur le sujet de la derivation.

Mots-clés: dérivation, valence, analyse dérivationnelle, analyse sémique

FROM SYNTAXIC VALENCE TO DERIVATIONAL VALENCE IN ROMANCE, GERMAN AND SLAVIAN LANGUAGES

Abstract. The purpose of this article is to continue Lucien Tesniere's research on valence in syntax and apply it to the derivative system of several languages. The methodology of the Semic analysis makes it possible for the first time to highlight the valencial relations between the derivative base and the formant. The results of this research will be useful to young researchers working on the topic of derivation.

Keywords: derivation, valence, derivational analysis, semic analysis

Le colloque de Ljubljana qui a célébré le centenaire d'études du français dans ses locaux c'était la meilleure occasion de revoir une grande contribution des grands chercheurs qui avaient travaillé au sein de l'Université dans la linguistique mondiale.

Le nom de Lucien Tesnière est un des plus remarquables . Dans les années 1921-1924, i1 a été le premier lecteur de français à l'Université de

Ljubljana. C'est aux années 20 et 30 que le chercheur a conçu sa grammaire du russe et sa théorie de la valence dans le domaine de la syntaxe [1].

Le Centre de recherches de Moscou, dirigé par N.A. Katagochtchina[2], a été un des premiers en Russie qui a appliqué les lois de la valence syntaxique de Tesnière dans le système dérivationnel de français. Les linguistes européens commencent leurs études détaillées des systèmes dérivatifs dans leur langues maternelles, en les comparant aux langues étrangères. [4,5,6] L. Kastler a étudié la valence des bases dérivatives dans le français contemporain.[3]

En analysant le corpus des dérivés dévérbaux, dénominaux et adjectivaux (57 000 exemples) et en appliquant la théorie de la valence syntaxique de Lucien Tesnière à la formation des mots, on constate les mêmes lois valencielles.

Le but de cet article est de continuer les recherches de l'école linguistique moscovite sur la valence dérivationnelle et l'enrichir par l'étude de la valence suffixale par rapport aux mots de base, ainsi que de déterminer les facteurs valenciels qui influent sur la combinaison des bases dérivationnelles et des formants dans le système de formation des mots dans le français contmporain.

Pour dégager correctement la base dérivative et le formant on propose la méthodologie de l'analyse dérivationnelle.

Il faut distinguer bien l'analyse morphémique et l'analyse dérivationnelle. L'analyse morphémique montre toutes les étapes de la formation du mot dans son évolution. L'analyse dérivationnelle ne montre que les éléments de la production du mot. Elle est toujours bilatérale: la base dérivative +le formant (le préfixe ou le suffixe):

analyse morphémique	***analyse dérivationnelle***
nationalisme – nation-al-isme	national+-isme
nazionalismo - nazion –al-ismo	nazional+-ismo
nacionalizem – nacion –al-iz-em	nazional+-iz-em
национальный – нац-и-ональ-н-ый	нац-иональн-ый
nationalism – nation –al-ism	national-ism

L'analyse dérivationnelle permet d'établir la valence de la base dérivative et la valence du siffixe dans le plan structurel et dans le plan sémantique. Si la base dérivative a des sèmes qui forment sa valeur lexicale et sa valence, on discute beaucoup sur la valeur du suffixe. Il y a des linguistes qui pensent que les suffixes sont asémantiques, il y en a d'autres qui disent que le suffixe n'a qu'une valeur grammaticale, mais l'analyse componentielle permet de prouver que le suffixe a une valeur dérivationnelle dont les sèmes déterminent la valence du suffixe qui se combine avec la valence de la base dérivative.

La théorie des séries dérivationnelles de N. Katagochtchina [2, p.71-93] a servi de la clé pour déclencher le mécanisme du fonctionnement de la valence dans les mots dérivés des langues de structure différente.

Le corpus illustratif , basé sur cinq langues européennes, démontre que les séries dérivationnelles sont typiques pour toutes les langues examinées. La dérivation des mots se produit dans ces langues selon les deux types:

1) la série dérivationnelle en éventail:

préparer - préparation
préparateur
préparable
préparatif

preparare – preparazione
preparatore
preparabile
preparativo

prepare – preparation
preparer
preparable
preparative

pripravite – priprava
pripravljavec
pripravljeno
pripravlka

подготовить подготовка
подготовитель
подготовляемый
подготовительный

2) la série par cumul successif:

local-localiser-localisation
locale - **localizzare* - **localizzazione*
local- locate-localization
local – lociraj – locacija
локальный – локализовать-локализация

Les séries dérivationnelles citées montrent que la valence des mots de base et la valence des suffixes dans le plan structurel s'expliquent par le facteur morphologique de la base dérivative et les facteurs morphonologiques qui influent sur le choix de la variante principale ou la variante élargie du suffixe.

Si la base dérivative est le verbe du premier groupe, le mot construit aura les formes élargies des siffixes qui se réalisent: -ation, -ateur, -atif, -able par analogie en anglais , en italien, en russe et n italien on observe les mêmes réalisations:

expliquer –explic**a**tion
explic**a**tif
explic**a**ble

explic**a**teur ....
to explic**a**ine
explain**a**ble
explaining
explan**a**tory
spieg**a**re
spieg**a**bile
spieg**a**mento
spieg**a**nte
прыг**а**ть
прыг**а**ние
прыг**а**ющий
adore
obože**va**nje
občudo**va**lec

Si la base dérivative a un phonème final [s] , on aura la réalisation des variantes des suffixes: -iation, -iateur ,-iatif:

annon**c**er- annon**ciation**, annon**ciateu**r, annon**ciatif**

announ**ce** – annun**ciation,** annun**ciator,** annun**ciative**

annun**c**iare – annun**ciazione,** annun**ciatore,** annun**ciativo**

Les mots dérivés russes et slovènes n'ont pas cette valence siffixale, liée au facteur phonématiques.

L'analyse componentielle permet de dégager les nuances sémantiques des affixes des mots dérivés, par exemple:

harmonie - harmonique – harmonieux,
harmony- harmonic – harmonious,
armonia – armonico – armonioso
harmony – harmonična - harmonično
гармония –гармонический- гармоничный

L'approche typologique envers les mots construits des langues des familles différentes démontre que c'est le suffixe qui porte un sème différentiel dans la valeur lexicale des mots dérivés, c'est un fait incontestable pour convaincre les linguistes qui défendent le point de vue d'asémantisme du suffixe.

Le siffixe a une valeur dérivationnelle dont les sèmes comme les atomes ont leur valence et entrent en réaction sémentique avec les sèmes de la base dérivative.

Les suffixes –eux, -ous,-oso, - -ист- ,-sk- possèdent une grande productivité, dûe à une polyvalence des suffixes qui se combinent avec des bases dérivatives verbales, nominales et adjectivales:

1) qui désigne la qualité qui est nommé par le nom avec un sème différentiel « beaucoup de »
   montagne-montagneux
   montain- montainous

montagna- montagnoso
gora-gorski
гора – гористый

2) qui se rapporte à l'action, nommé par la base dérivative:
coûter –coûteux
cost - costly
costare – costoso
drago
дорожить –дороговатый

3) qui se rapporte à la modification de la qualité, nommée par la base dérivative:
fourbe- fourbeux
deceitful
furbo – furbesco
коварный – коварнейший

4) qui caractérise la qualité, nommée par la base dérivative:
talent – talentueux
talent - talented
talento- talentuoso
talentu –nadarjen
талант – талантливый

Il est à noter que le suffixe russe –лив- a la valence beaucoup lus riche: ce suffixe se combine non seulement avec les noms abstraits , mais avec les bases dérivatives verbales.

Par contre, le suffixe –озн- réalise sa valence lors de la combinaison avec les bases dérivatives qui désignent la maladie:
грипп- гриппозный
тиф- тифозный
тромб – тромбозный

Les suffixes français -eux, anglais –y, italien –eux et les suffixes slovène-n- et russe –н- ont un sème valenciel «couvert de qch »
gazon-gazonneux, nuage – nuageux
cloud – cloudy, nebbia – nebbioso, oblak – oblačno, облако-облачный

Si la base nominale représente un élément chimique le suffixe –eux et ses synonymes dans les langues à étudier réalisent leur valeur valencielle « la masse plus élévée de cet élément dans la formuke chimique»

sulfure -sulfureux, sulphide-sulphurous, sulfuro-solforoso,sulfid-sulfurna, сера – сернистый

Le sème différentiel « qui ressemble à ... » enrichit le potentiel valenciel du suffixe –eux et ses équivalents synonymiques dans d'autres langues en question:

a) par sa forme: *tube – tubuleux, tubuloso,cevasto, трубкообразный, angle – anguleux, angoloso*
b) par sa couleur: *neige-neigeux, neve – nevoso, sneg – snowyworld, snow –snowy, снег – снежный*
c) par son goût: *liqueur – liquoreux, liquoroso,liquor – liqueurous, sladko*
d) par sa consistance: *pâte- pâteux, pasta – pasty , pasta – pastoso, testo-bleda, место – местообразный*
e) par les sensations tactiles:*peluche- pelucheux, plush-fluffy,peluche – soffice , плюш –плюшевый, coton-cotonneux, cotton-cottony, cottone-cottonoso, bombaž.*

Conclusion

1. La théorie de valence de Lucien Tesnière, élaborée pour la syntaxe, fonctionne avec succès dans le système dérivationnel.
2. L'analyse componentielle des mots dérivés avec les suffixes adjectivaux en 5 langues de structures différentes fait voir les rapports étroits entre la valence structurelle et la valence sémique des bases dérivatives et des suffixes.
3. Les mots construits avec le siffixe –eux et ses équivalents en anglais, italien, russe et slovène possèdent une productivité de ces suffixes, grâce à la fusion valencelle de base et du formant.
4. Les résultats de cette recherche trouveront leur continuation dans le travail lexicographique, dans l'étude interculturel des dérivés, dans la traductologie et la typologie comparée.

Bibliographie

1. Tesnière L. (1959), Éléments de syntaxe structurale, Paris, Klincksieck, *1959*, XXVI. 672 p.
   Tesnière, L. (1935), Petite grammaire russe, Paris.
2. Katagochtchina N.A. (1980), Kak obrazoyoutsia slova vo frantsouzskom yazyke. - Moscou, 109 p.
3. Iliouchetchkina (Kastler) L.A.Slovoobrazovatelnaya valentnost v sovrémennjm frantsouzskom yazyke (na matérialé proïzvodnykh proïzvodiachtchikh osnov). - M., 1983. 180 p.
4. Gregor Perko, Vladimir Pogacnik, Mojca Schlamberger Brezar, (2005), Parlons slovène, L'Hartmann, 332 p.

5. Gregor Perko (2018) Le suffixe –issime dans le paysage dérivationnel du nom propre en français.
6. Irina Babamova, (2018). Pour une grammaire contrastive franco-macédonienne Actes du XIVe congrès mondial de la FIPF FIPF.

УДК 81'114.2

С.А. Перевертаева
Московский государственный областной университет

ВКЛАД ПЬЕРА ДЕЛАТРА В ИЗУЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Задача статьи – оценить вклад видного французского фонетиста П. Делатра в изучение интонации. Он выделил и описал 10 базовых интонаций французского языка, а также инварианты – интонемы, свидетельствующие о дискретном характере интонации. Работы Делатра предвосхитили фоностилистические исследования интонации, активно развивающиеся в настоящее время. Описание особенностей интонации французского языка, вариативность, обусловленная коммуникативными и прагматическими факторами, не утратили своей дидактической значимости.

Ключевые слова: интонация, интонема, вариативность, интонационный контур, функции интонации, фоностилистика

S.A. Perevertaeva
Moscow Region State University

PIERRE DELATTRE' CONTRIBUTION TO THE STUDY OF INTONATION OF FRENCH

Abstract. The aim of the paper is to appreciate the contribution of distinguished French phonetician Pierre Delattre to the study of intonation of French. He determined and described 10 basic intonations of French as well as their invariants – intonems proving discrete character of intonation. P. Delattre' works anticipated phonostylistics researches actively developing at the present time. The description of particularities of French intonation, variation due to communicative and pragmatic factors remain their didactic value.

Key words: intonation, intonem, variation, intonation circuit, functions of intonation, phonostylistics

Французский фонетист Пьер Делатр (Pierre Delattre), 21.10.1903 / Руан, Франция/ – 11.07.1969 / Санта-Барбара, Калифорния/, с 1924 г. живший в США и преподававший в ведущих университетах, получил известность также в Европе и в России. Заслуга П. Делатра в том, что его, по праву, можно считать пионером в изучении интонации французского языка. Он также успешно разрабатывал коррективную фонетику, продолжая традиции артикуляторной фонетики Ж.-П. Руссло, П. Пасси и Д. Джоунса. Делатр является одним из основателей сопоставительной фонетики, он ввел понятие фонетической интерференции. Значителен его вклад в разработку методики преподавания французского языка носителям английского, французского и немецкого языков. Поэтому его фонетические работы носят дидактический характер. Наряду с этим он внес вклад в разработку акустической фонетики, разрабатывал теорию восприятия речи. Делатр заложил основы фоностилистики, получившие развитие в работах другого французского фонетиста П. Леона.

Интонация играет важную роль в предложении. Она служит для выделения предложения в потоке речи и одновременно членит речь на более мелкие семантические и ритмико-мелодические компоненты, объединяя их в единое целое в рамках интонационного контура. Интонация придает выразительность речи, создает ее ритмико-мелодическую структуру. Она выражает различное восприятие одного и то же предложения в зависимости от его контекстуальной вербализации и прагматических установок.

Интонация стала предметом изучения в конце XIX в. За рубежом основополагающими стали работы Г. Суита, Д. Джоунза, А. Бэлла, Г. Пальмера. Большой вклад в изучение прагматических особенностей интонации внесли Н. С. Трубецкой, Ш. Балли и С. Карцевский. В отечественном языкознании основы изучения интонации заложены В. А. Богородицким, создавшим первую в России фонетическую лабораторию, также А. М. Пешковским. Большой вклад в изучение интонации французского языка внес Л. В. Щерба. Следует также отметить работы по изучению интонации видного отечественного лингвиста И. Г. Торсуевой.

Однако до середины XX в. внимание зарубежных и отечественных исследователей сосредоточивалось главным образом на коммуникативной и аффективной функции интонации, на соотношении интонации и синтаксиса. В 60-е годы, время написания фонетических работ П. Делатра, в центре внимания фонетистов было выделение единиц интонации. Задача данной статьи – оценить вклад П. Делатра в выделение и функционально-структурное описание интонационных единиц.

В 60-е годы прошлого века интенсивно велись поиски единицы интонации. С тех пор это направление фонетических исследований активно развивается – сформировалась самостоятельная область

интонология (исследование звучащей речи, включающей изучение мелодики, динамики, темпа, ритма, тембра). Немаловажная заслуга в этом П. Делатра. Стимулом для разработки теоретических аспектов интонации явилось обучение интонации французского языка носителей других европейских языков.

П. Делатр был хорошо знаком с работами американских фонетистов – представителей в то время господствовавшего в США дескриптивизма. Изучением интонации в структурном аспекте занимался представитель анн-арборской школы дескриптивной лингвистики (Мичиганский университет) К. Л. Пайк. В Мичиганском университете П. Делатр защитил диссертацию и позднее преподавал. Пайк разработал анализ по высотным уровням. Он анализировал высотные контуры в сочетании с четырьмя высотными уровнями и тремя конечными тонами (понижающийся, повышающийся и обычный).

Неудовлетворенный традиционным контурным анализом по высотным уровням, который он считал недостаточным, П. Делатр совместил принципы обоих анализов и путем экспериментального анализа разработал оригинальную классификацию интонационных моделей французского языка. Он определял интонацию как совокупность интонационных характеристик, представляющих собой мелодический рисунок произносительного единства. Главную роль в восприятии и интонации и в оформлении суперсегментных едниц, прежде всего фразы, играет мелодика. Делатр придавал ей столь большое значение, что употреблял термин мелодика вместо интонации.

Заслуга Делатра в том, что он выделил и описал 10 базовых интонаций. В разработанную им классификацию он включил следующие типы: question – общий вопрос, continuation majeure – незавершенность высокого подъема, implication – имплицитность, continuation mineure – незавершенность низкого подъема, écho – высокая скобка, parenthèse – интонация обособления, finalité – полная завершенность, interrogation – специальный вопрос, commendement – приказание, exclamation – восклицание. Следует отметить, что выделенные Делатром типы интонации отражают коммуникативную функцию языка и не связаны с экспрессивно-эмоциональной функцией.

В схеме П. Делатра 10 основных интонационных кривых располагаются в нисходящем порядке от интонации самого высокого тона до интонации самого низкого тона. 10 типам интонаций соответствует определенный диапазон мелодического контура в пределах четырехступенчатой шкалы уровней [2, 3, 4].

2-4 Question

2-4 Continuation majeure

2-4 Implication

2-3 Continuation mineure

4-4 Écho

1-1 Parenthèse

2-1 Finalité

4-1 Interrogation

4-1 Commandement

4-1 Exclamation

Представляет интерес выделение Делатром интонации импликации, под которой он понимает дополнительную эмоциональную окраску предложений всех коммуникативных типов (повествование, вопрос, побуждение). Эта интонация придает им дополнительный смысл, своего рода подтекст, интерпретация которого зависит от контекста и ситуации общения. Мелодика импликации имеет восходящий контур. Она

начинается на среднем тоне (2-й уровень) и достигает своей верхней точки (4-й уровень) за один - два слога до конца синтагмы.

Мелодика импликации может смягчать прямой смысл высказывания. Например, в общих вопросах с прямым порядком слов контур импликации предполагает утвердительный ответ: *Vous viendrez?* (n'est-ce pas?). В побудительных предложениях мелодика импликации придает им дополнительный смысл вежливой просьбы, любезного приглашения: *Finissez-là! Asseyez-vous!* Мелодика импликации может выполнять трансформирующую функцию, превращая повествование в восклицание: *Mais hier, il passait encore des examens!*

П. Делатр установил, что интонация импликации наиболее часто употребляется в разговорной речи и выражает аффективное состояние субъекта речи (привлечение внимания собеседника к определенному событию, сомнение, нетерпение, раздражение и др.). Например, интонация импликации во фразе *Il a vendu son chateau en Espagne* может придавать этому высказыванию такие смыслы, как аффективная констатация продажи кем-либо замка в Испании, либо намерение сообщить слушателю, что продавший замок в Испании имеет подобную собственность в другом месте.

Хотя интонация, французского языка в частности, обладает широкой вариативностью, Делатру удалось выделить ее инварианты – интонемы. Тем самым, вслед за К. Пайком, он показал, что интонация дискретна. Интонема относится к пониманию языка в значении langue по Ф. де Соссюру. Интонему неслучайно называют «фонемой тона». Интонема выделялась Делатром по аналогии с фонемой. При этом он использовал термины, характерные для Пражской школы: релевантность и оппозиция. Так же, как фонема, интонационные контуры различаются между собой такими релевантными признаками, как подъем и понижение, меньший подъем в отличие от большего подъема.

Работы П. Делатра по интонологии сохраняют свою дидактическую значимость и могут использоваться при обучении произношению французского языка, а также в лекционных курсах и на семинарских занятиях по теоретической фонетике французского языка.

Следует согласиться с видным специалистом по теории интонации И. Г. Торсуевой в том, что «данные интонационных исследований заставляют по новому подходить к рассмотрению языка в целом. Особенно это относится к поискам определения смысла. Многие вопросы, встающие на пути лингвистов при решении этой проблемы, не могут быть решены без привлечения данных интонации» [1, с. 101].

Современные экспериментальные исследования позволили глубже изучить структуру интонации и представить ее как единство следующих компонентов: мелодики, темпа, силы, длительности, тембра, паузы. В настоящее время компоненты интонации изучаются и в

прагмалингвистическом аспекте на материале разных языков. Таким образом интонацию можно определить как систему единиц суперсегментного уровня языка, выполняющих коммуникативную, прагматическую и фоностилистическую функции.

Литература

1. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М.: Наука, 1979. 110 с.
2. Delattre P. Les dix intonations de base du français // The French Review. 1966. N 1.
3. Delattre P. La nuance du sens par l'intonation // The French Review. 1967. N 3.
4. Delattre P. L'intonation par opposition // Le français dans le monde. 1969. N 64.

УДК 811

В.Ю. Румянцева
Московский государственный областной университет

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ В ОСНОВЕ ЭРГОНИМОВ СФЕРЫ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Аннотация. В данной статье проводится исследование эргонимов в сфере гостиничного бизнеса, берущих в свою основу имена собственные литературных героев из произведений английских, французских и русских авторов. Актуальность выбранной темы обусловливается малым количеством проведенных исследований подобных лексических единиц в ономастическом пространстве.

Ключевые слова: ономастика, эргоним, гостиничный бизнес, литературный персонаж

V.Yu. Rumiantseva
Moscow Region State University

ERGONIMS IN THE SPHERE OF HOTEL BUSINESS BASED ON LITERARY CHARACTER NAMES

Abstract. This article presents an analysis of ergonyms in the sphere of hotel business, which are based on literary character names from the works by english, french and russian authors. The relevance of the topic is due to the small number of studies carried out on such lexical items.

Keywords: onomastics, ergonym, hotel business, literary character

В современном мире лингвистами уделяется огромное внимание такому разделу языкознания, как ономастика. В словаре — справочнике лингвистических терминов дается следующая дефиниция этого термина: «Ономастика — раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен» [5, с.177]. Способам образования лексических единиц в ономастическом пространстве современного мира посвящено множество работ российских и зарубежных лингвистов [1, 2, 3, 4, 6, 7]. Такой интерес к этой сфере языкознания обусловливается, в первую очередь, тем, что ономастические исследования напрямую затрагивают проблему номинации, т.е. изучают тенденции и основные принципы наименования огромного количества все появляющихся новых реалий современного мира (чаще всего результатов практической деятельности человека). В сфере гостиничного бизнеса эти исследования играют особую роль, поскольку позволяют определить наиболее успешные и эффективные способы номинации. Здесь наблюдается тенденция к созданию яркой,

уникальной, короткой, но при этом информативной лексической единицы, которая смогла бы привлечь к себе как можно больше внимания. Таким образом ономастика в сфере гостиничного бизнеса тесно переплетается с другими науками, такими как менеджмент, маркетинг и др.

Лингвисты подразделяют все онимы (или имена собственные) на несколько многочисленных групп, объединенных одним семантическим критерием. Так, например, выделяют следующие: антропонимы (личные имена, отчества, фамилии), прагматонимы (названия товаров), геортонимы (названия мероприятий), топонимы (название географических объектов), порейонимы (названия транспортных средств) и др. Также к этому ряду можно отнести такую группу, как «эргонимы». Согласно Н.В. Подольской под эргонимом следует понимать «названия деловых объединений людей, например, союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4, с. 151]. Таким образом, сюда также относятся наименования отелей, гостиниц, хостелов, апартаментов и др.

В сфере гостиничного бизнеса эргонимы, в свою очередь, тоже подразделяются по семантическому признаку на несколько больших подгрупп:

1. Наименования, связанные с географическим положением (здесь выделяют два типа названий: топонимы, соответствующие своему положению, и топонимы, не соответствующие ему); *Ohla Barcelona (исп.), The George Street Hotel (англ.);*

2. Наименования, непосредственно связанные с гостиничным делом, т.е. содержащими в себе те или иные элементы, указывающие на эту сферу (apartments, hotel, house и другие); *Hôtel Le Tourisme (фр.), SnowLodge (англ.);*

3. Наименования, связанные со временами года *The Summer Hotel (англ.), Hotel Primavera (исп.);*

4. Зоонимы (наименования, связанные с животными) *The Bear (англ.), The White Lion Hotel (англ.);*

5. Космонимы (наименования, связанные с космосом) *Jupiter Hotel (англ.), Hotel Stars (англ.);*

6. Флоронимы (наименования, связанные с растениями) *(Hotel Flowers (англ.), Hôtel Des Roses (фр.);*

7. Антропонимы (наименования, связанные с именами собственными) *Hotel Fernando III (исп.), Hôtel Le Mozart (фр.).*

Последняя группа эргонимов представляет собой особый интерес, поскольку по количеству элементов, входящих в ее состав, является одной из самых больших. Таким образом, наименования могут быть связаны с именами непосредственных владельцев отеля/гостиницы, именами известных личностей, исторических персоналий и др., а так же и вовсе не иметь никаких ассоциативных связей. В данном аспекте наименее

изученным направлением представляется анализ эргонимов, базирующихся на именах собственных литературных персонажей.

Как правило, имя собственное не всегда обладает ярко выраженным лексическим значением, однако имя, принадлежащее герою какого-либо произведения, отличается от остальных тем, что само по себе уже имеет определенные характеристики, вызывает ассоциативную связь. Этот метод «ассоциации» позволяет достичь желаемого в гостиничном бизнесе результата: адресат не только сразу обращает внимание на знакомое имя, но и легко запоминает его благодаря определенной эмоциональной окраске.

Эргонимы, берущие за основу имя собственное различных литературных персонажей, это нередкое явление. В основном это объясняется топонимическими особенностями: подобные отели, гостинцы или апартаменты выступают в роли «визитной карточки» городов, так или иначе связанных с писателями или персонажами их произведений. В России подобный тип наименований получил широкое распространение. Так, например, «Отель Radisson Sonya», назван в честь героини романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Сонечки Мармеладовой. По словам владельца гостиницы «Radisson Sonya - это оригинальный российский отель, прочно связанный с Санкт-Петербургом и его наследием. <...> он [отель] похож на интересный рассказ - интригующий и непредсказуемый, удивительный, вдохновляющий и полный нюансов...». Также, в качестве примеров можно привести еще несколько наименований: апартаменты «Анна Каренина», названные в честь героини одноименного романа Л.Н.Толстого или гостевой дом «Онегин», берущий свое имя от главного героя романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин».

Во Франции и Англии в сфере гостиничного бизнеса эргонимы подобного типа пользуются не таким большим успехом, как в России, однако тоже являются достаточно распространенным явлением: французский отель «Monte Cristo», названный в честь героя приключенческого романа А.Дюма, или апартаменты «La Cabane Du Capitaine Nemo» - в честь героя романов Ж.Верна. А также английские наименования: «Sherlock Apart Hotel» - отель, названный в честь знаменитого литературного персонажа серии рассказов и повестей А.К.Дойла, или «The Crusoe Hotel», носящий имя Робинзона Круза - героя романа английского писателя Даниэля Дефо.

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что группа эргонимов, берущих свое название от имени собственного литературных персонажей, в сфере гостиничного бизнеса широко распространена в России, и пользуется меньшей популярностью во Франции и Англии. Подобные наименования заведений уникальны в своем роде, обращают на себя больше внимания и, благодаря своей ассоциативной связи, вызывают больший эмоциональный отклик у адресата.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: вопросы теории ономастики, методы ономастических исследований, русская антропонимика и топонимика, общая и русская космонимика, ономастика в школе: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. по спец. No 2101 «Русский язык и литература». Изд. 2-е, доп.М.: URSS, 2012.223 с.
2. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке: Пособие для учителей. М.: URSS, 2018.114 с.
3. Овчинникова Г.В. Особенности искусственной ономастики во французском и русском языках (на примере лексико-семантического поля «ресторация»)// Универсум языка и личности: материалы Международной научной конференции/ под ред. Л.Г. Викуловой: Изд-во ГОУ ВПО МГПУ, 2009.С.122–123.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии.М.:Наука, 1978.198 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М: Просвещение, 1985. — 399 с.
6. Солнцева А.В. Имена нарицательные, образованные от имен собственных, и способы их перевода // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты сборник научных материалов по итогам международной научно-практической конференции. - Антибы, 2017. - С. 174-176.
7. Felecan O., Bughesiu A. Onomastics in Contemporary Public Space. Cambridge:Cambridge Scholars Publishing, 2013.621 p.

УДК 811.131.1

Ю.А. Филипацци
ВКИЯ ВАВТ Минэкономразвития РФ

ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЁМКОСТИ СЛОГА В ИТАЛЬЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Аннотация. В статье предлагается к обсуждению понятие информационной ёмкости слога, понимаемое как его способность совмещать элементы нескольких синтаксических единиц. Анализу подвергаются слоги, выбранные из текстов на итальянских диалектах. Предлагается рассматривать данный критерий как полезный для описания, классификации и типологической трактовки итальянских диалектов и иных естественных языковых систем.

Ключевые слова: итальянские диалекты, фразовая фонология, слог, клитики, апокопа, афереза, элизия

J.A. Filipazzi
High Language Training Courses of the Russian Foreign Trade Academy at the Ministry of Economic Development of the Russian federation

ON THE INFOMATION CAPACITY OF SYLLABLES IN ITALIAN DIALECTS

Abstract. The article discusses the definition of the syllable information capacity which is construed as the ability to combine several syntactic units. Syllables selected from texts written in Italian dialects are analyzed. It is suggested that this criterion should be considered as useful for description, classification and typological interpretation of Italian dialects and other natural language systems.

Key words: italian dialects, phrasal phonology, syllable, clitics, apocope, apheresis, elision

Слоги как единицы членения речевого потока чаще исследуются на материале диалектов, нежели литературных языков, так как они свободны от навязчивых ассоциаций с письменным обликом слов и особенно с их границами. Между тем нам до сих пор не встречались исследования, направленные на те слоги, которые регулярно возникают на стыках слов внутри фразовых единств, синтагм и тактов, а потому в нашем распоряжении нет подходящего, утвержденного традицией термина для их обозначения. Из возможных вариантов — синтаксические, синтагматические, межсловные слоги — мы выбрали короткий рабочий вариант «стыковые слоги», поскольку речь идет именно о словесных стыках.

Под стыками слов мы понимаем сочетания любых слов — знаменательных и служебных, акцентно самостоятельных и и безударных клитик. В частности, большую роль при анализе системных перестроек языковой системы признавал за клитиками А.А. Зализняк [1, с. 4].

Цель настоящей статьи — проанализировать корпус стыковых слогов, собранный из текстов, написанных на итальянских диалектах, с двух сторон, ответив на вопросы:

1. всегда ли стыковые слоги, возникающие на границах синтаксических единиц, совмещают в себе элементы только двух единиц? Ответ на этот вопрос дает возможность оценить информационную ёмкость слогов итальянских диалектов, которую впоследствии можно было бы связать с внутренними типологическими особенностями их систем.

2. какая техника образования стыковых слогов выступает как предпочтительная в данной диалектной системе? При ответе на этот

вопрос мы опираемся на три базовые техники фразовой фонологии — апокопу, аферезу и элизию.

Выбор слога в качестве единицы анализа оправдан его простотой и краткостью: если при ответе на второй вопрос о технике объединения лексических слов в фонетические можно было бы не прибегать к понятию слога, то сама постановка первого вопроса была бы невозможна, если бы мы не обратились к слогу. Ни через какую другую единицу невозможно описать те процессы, которые происходят в итальянских диалектах на стыках слов, знаменательных и служебных во всех их возможных комбинациях, ни в какой другой единице так ярко не отражаются способности к сжатию информации или наоборот сопротивление к нему, как в слоге. А именно в способности синтезировать несколько единиц информации в одной формальной единице кроется принципиальное различие между диалектами.

Корпус стыковых слогов, который анализируется в этой статье, был собран в 26 современных диалектных текстов, относящиеся к жанру театральных комедий, а именно 3 текстах на тосканском диалекте, 5 текстах на римском диалекте, 3 текстах на неаполитанском диалекте, 4 текстах на сицилийском диалекте, 3 текстах на венетском диалекте, 4 текстах на ломбардском диалекте, 4 текстах на лигурийском диалекте. Источником текстов послужили открытые библиотеки театральных пьес «GliAntiNati» и «GTT: Gruppo Teatro Tempo».

Возникновение стыковых слогов было смоделировано автором на основании имеющихся описаний диалектных систем, опросов информантов и прослушивания диалектной речи на канале yuotube.

Стыковые слоги в итальянском языке в большинстве случаев образуются путем слияния а) двух целостных синтаксических единиц — чаще служебных слов, б) одной целостной синтаксической единицы и фрагмента другой синтаксической единицы — чаще служебного и знаменательного слов, в) фрагментов двух целостных синтаксических единиц — чаще двух знаменательных слов. Анализ показал, что ситуация в итальянских диалектах варьирует в сторону меньшей реализации этой тенденции, за счет ограниченного числа таких слогов, и в сторону усиления этой тенденции, за счет не только увеличения числа слогов, но и за счет увеличения числа синтаксических единиц, которые могут умещаться внутри одного слога. В итальянских диалектах мы обнаружили слоги, которые охватывают 3 синтаксические единицы. В тех системах, где были установлены такие стыковые слоги, используются разные техники сжатия информации, благодаря чему диалекты принципиально отличаются друг от друга, даже если на поверхности мы имеем дело с очень похожими единицами.

Что касается процессов апокопы, аферезы и элизии, то универсальной техникой, свойственной для всех диалектов без исключения, является элизия, поэтому мы не будем подробно на ней останавливаться. Элизия выступает в паре то с апокопой, то с аферезой, а иногда и с обоими явлениями. Рассмотрим данные диалектов.

Для тосканского диалекта важной чертой фразовой фонологии является (помимо элизии) апокопа. В частности, существуют контексты, в которых апокопа определяет отсутствие фоносинтаксического удвоения согласных (внешнего сандхи) после форм императива, отделяя тем самым тосканский диалект от стандартного итальянского языка и, к примеру, от римского диалекта:

тоск. *sta' harmo!* - итал. *sta' kkalmo!* — рим. *sta' kkarmo!*

тоск. *un po' haro* - итал. *un po' karo* — рим. *un po' kkaro*.

Развитые техники элизии и апокопы позволяют носителям тосканского диалекта пользоваться протяженными агломератами из трех слов, нанизанных друг на друга: *nn'un'agriturismo*, *davv'a 'ntendere*, *(che) cc'entr'egli*, *t'unn'ha'*, *quest'altr'anno*. Обычно апокопа в тосканском и многих других диалектах возникает в словах *anche, tutto, questo, quando, dove, quello, bello, come, accidenti (accident'a tte)*, после числительных в словосочетании «столько-то лет» (*vent'anni*), после глагольных форм (*ba-tt'i' ccapo, dev'essere*). В тексте М. Валори «Basta che sian di fori» (диалект Эмполи, провинция Флоренции) мы обнаружили более смелую реализацию этой тенденции (что вообще характерно для периферии относительно центра), заключающуюся в том, что регулярному усечению может подвергаться целая синтаксическая единица, не входящая в состав слова. Графически Валори обозначил это явление апострофом; во всех случаях утратился определенный артикль множественного числа мужского рода: i > ', например, *da ' harabinieri* вместо *da i harabinieri*.

Как носитель диалекта на слух определяет наличие артикля в таких контекстах? Помимо структуры фразы и всего дискурса о присутствии артикля сигнализируют фонологические процессы, указывающие на интервокальную позицию, левым членом которой как раз и является скрывшийся артикль. Все контексты Валори делятся на три типа: 1. *attro he ' nani* – без артикля было бы *nnani;* 2. *se cci sente ' hlienti* – без артикля было бы *klienti;* 3. *dda ' harabinjeri* - без артикля было бы *kkarabinjeri*. Таким образом, для тосканского диалекта информационно важны такие контрасты согласных, как «краткость – долгота» (пример 1), «взрывность – фрикативность» (пример 2), сочетание этих признаков «краткость фрикативного согласного – долгота взрывного согласного» (пример 3). Слоги, скрывшие артикль *i*, входят в состав разнообразных словоформ: со-***me*** *(i)*, *so*-***no*** *(i)*, *ne-mme-**no*** (*i*), *tu*-***tti*** (*i*), *pu-li*-***va*** *(i)* и др., но все они обладают схожей

структурой: это открытые слоги типа CV. При изменении структуры слога на закрытую, например, на CVC, апокопа артикля оказалась бы невозможной.

Что касается слогов, которые совмещают в себе не две, а три синтаксические единицы, они присутствуют во всех проанализированных текстах на тосканском диалекте (включая «Casa mia casa mia» А. Новелли и «Firenze chiacchierona» Г. Верцуколи):

а) ča/ša = c'ha a (essere) «ci deve (essere)» (Новелли),
б) hje = che i'ero (Новелли),
в) la = l'ha a «deve» (Новелли, Верцуколи),
г) glia = gli ha a «egli deve» (Новелли, Валори, Верцуколи),
д) nna = t'u-nn'ha' (a) «tu non devi» (Новелли),
е) sa = s'ha a «noi dobbiamo» (Новелли, Валори).

Все контексты, кроме б), связаны с семантикой долженствования, которая в диалектах нередко выражается аналитическими предложно-инфинитивными конструкциями, в данном случае *avere a*. Внутренняя синтаксическая форма таких слогов представлена схемой «клитика + глагол + предлог», реже схемой «союз + клитика + глагол», как в б). Можно предположить, что функционал таких слогов узок, они связаны с глагольным синтаксисом долженствования и часто воспроизводятся, а значит, являются легко узнаваемыми.

Римский диалект считается достаточно близким к тосканскому, однако отсутствие в его системе субъектных клитик, присутствующих во флорентийском диалекте, определяет тот факт, что слоги из трех элементов здесь не возникают: мы не нашли их ни в одном из проанализированных текстов (Дж. Тавиани, Э. Йерволино «Dante, chi è costui?», А. Ванни, «Don Nicolino tra i guai» в переводе Кекко Дуранте, L. Bertini, B. Barroccu «C'era na' vorta n' sogno. Ninetta, la vera storia di Cenerentola» и др.). Не продуктивно в римском диалекте и образование длинных слов; мы нашли лишь словосочетание *st'artr'anno,* но и оно оказалось более коротким на слог, чем аналогичное тосканское выражение.

Специфика римского диалекта преломляется в ином свете: здесь ярко выразилась тенденция к сжатию двусложных тосканских служебных связок в односложные, то есть речь идет о внутренней элизии и апокопе служебных слов, для которых нет подходящего терминологического обозначения, кроме редукции. В первую очередь редукция коснулась согласного *l* артиклей и указательных местоимений [2]. Между тем носители диалекта прекрасно чувствуют эти процессы и обозначают их внутренними апострофами: *no* < *n' 'o*, ср. тоск. *nello*, *da* < *d' 'a*, тоск. *dalla*, *della* и т. п. Возникает масса герметичных, непрозрачных служебных единиц, которые значительно затрудняют восприятие на слух этого идиома. Крайним выражением этой

тенденции выступает способность гласных (слогов структуры V) выступать знаками двухэлементных синтаксических образований, например, сочетания объектной клитики и глагола: a = *l'ha*, aj = *l'hai*, aa = *l'a-vessi*, o = *l'ho*.

Тенденция к сокращению числа слогов служебных слов в ситуации элизии или апокопы проявляется в римском диалекте не только в сфере артикля, но и как редукция отрицательной частицы (nno = *non ho*, nne = *non è*, nni = *non hai*), редукция предлогов (*pr'e-sempio*, ср. тоск./итал. *pe-r'esempio*), в сфере указательных местоимений (stan = *st'an-no*, ср. тоск./итал. *que-st'an-no*, ste = *st'e-state*, ср. тоск./итал. *que-st'e-state*) и т.д.

В неаполитанском диалекте тенденции римского и тосканского диалектов реализованы одновременно и в максимальной степени. В текстах мы встретили множество протяженных агломератов, состоящих из трех слов: *dint'all'armadio*, *ll'urdem'e ll'anno*, *in man'all'ammericane*, *m'hann'itt*, *t'iss'a, comm'ogn'anno, nn'at'albero*. В остальных случаях слова непрерывно сцепляются в пары даже на письме с помощью апокопы: *ncopp'a isso, annanz'arreto, trattien'o respiro, jamm'a*. Таких примеров невероятно много.

В неаполитанском диалекте связки предлогов с артиклями свелись к гласным (слог V): a = *alla*, e = *alle, dalle*, o = *al*, открытые слоги CV заменяют двусложные связки иных служебных слов: pa = *per la*, ča = *gliela*, ko = *con il*, to = *te lo*, tte = *(tu-)tte le*, ke = *che è*, *(nu po-)ch'e*, ra = *della, p'u-milia*, ср. тоск. *pe-r'u-miliare, st'a-niello*, ср. тоск. *que-st'a-nello*. Отсутствие четких границ между словами и семантическая стертость гласных превращают неаполитанский диалект в систему, где разнообразие синтаксических связей упирается в фонетическое однообразие служебных частей речи. Именно поэтому за выражение грамматических значений здесь отвечает чередование дифтонгов и монофтонгов в корнях слов [3].

У неаполитанских авторов мы нашли следующие слоги, объединяющие три синтаксических элемента:

le = *l'e (a)* «lo devi» (Д. и М. Кандзано «Ch' s'adda fà pe' campà»)
lo = *purtammell'o* «portiamolo all'ospedale» (Д. Мелес «Napule parla»)
ma = *m'a-ddumanni* «me lo domandi» (Д. и М. Кандзано)
nja = *te n'j'a ire* «te ne devi andare» (Д. и М. Кандзано)
nno = *sta-nn'o* «stanno al» (Д. Мелес)
ta = *te l'ha* (С. Макри «Forse stongo durmenne»)
te = *te la sei* (С. Макри)

Обращает на себя внимание тот факт, что слоги и ситуации их образования у разных авторов не пересекаются. Очевидно, носитель неаполитанского диалекта потенциально готов к восприятию самых разных сочетаний, а не только их определенного набора, как в тосканском диалекте. Внутренние синтаксические формы этих слогов также разнообразны: «клитика + глагол + предлог», «клитика + предлог

+ артикль», «глагол + предлог + артикль», «клитика + клитика + глагол».

Сицилийские диалекты используют стандартную итальянскую технику элизии, которая сближает их со всеми только что описанными диалектами; с неаполитанским и римским их роднит употребление редуцированных до одного слога связок типа mo = *me lo*, pa = *per la*, st'u-ra = *quest'ora* (у М. Никастро «I svinturi ri Babbu Natali!»), ppun = *per un.* Стыковых слогов здесь немного, они представлены самым стандартным набором из двух элементов: предлог / артикль / частица / местоимение + начало знаменательного слова. Слоги, которые охватывали бы сразу три синтаксические единицы, в этом корпусе отсутствуют.

Между тем, и в сицилийский диалект имеет свою изюминку, мимо которой нельзя пройти. Несколько примеров стыковых слогов показали, что для данной системы допустима элизия даже в том случае, если в результате нее устраняется ударный гласный, как в нижеследующих примерах:

st'ar-rivannu = *sta arrivando* (у М. Саррика в «Curnutu e cuntentu»),
st'at-tenta! = sta attenta! (у П. Джамброне в «Miegliu un sordu»),
ss'i-ddu = se lui (у Дж. Тоскано в «Zitaggi a cummannu»).

Тексты, написанные на диалекте Венеции и области Венето, дают очень ограниченный корпус стыковых слогов: он едва составляет половину от сицилийского. Помимо ожидаемой элизии предлогов, артиклей и частиц (обычной для всей Италии) мы сталкиваемся с субъектными энклитиками, которые присоединяются к первому слову в синтагме через механизм аферезы. Меньше всего стыковых слогов употребил Дж. Рокка в пьесе «La scorzeta de limon»; у А. Босколо в комедии «Parenti serpenti» встречаются аферезы kel = *che 'l*, nol = *no 'l*, sel = *se 'l*, tel = *(in)te 'l*. Если сравнивать этот корпус с другими диалектами, здесь мы видим тот минимальный набор, который в других диалектах едва ли покроет ядро всех употреблений. На фоне абсолютного преобладания элизии встречаются несколько стандартных аферез, тогда как апокопа встречается в единичных контекстах. В целом это согласуется с установленной нами тенденцией венецианского диалекта к сохранению нерушимыми границ всех синтаксических единиц.

В тексте Р. Станиши (диалект Виченцы) корпус стыковых слогов выглядит довольно протяженно: здесь больше вариантов аферезы: kel = *che 'l*, *per-che 'l*, kol = *co 'l* «quando lui», *e-co 'l*, el = *e 'l*, lul = *lu 'l*, pal = *pa 'l*, tral = *tra 'l*, а также nol = no *'l* и sel = se *'l*. Механизм образования однотипен, как и слоги, которые он образует: C1VC2 (C2=l). Слоги, которые покрывали бы три синтаксические единицы, по-видимому, в венетском диалекте невозможны.

В случае с ломбардскими диалектами мы имеем дело с очень протяженными списками стыковых слогов, поскольку в этих диалектах развито наращение глагольных словоформ субъектными энклитиками (клитики в нашем понимании — самостоятельные синтаксические единицы, хоть и встроенные в словоформу). Анализ корпуса слогов показал, что грамматическая информация концентрируется в финалях синтаксических единиц, ср. у А. Босколо в «Lassa pùr ch'el mondo el disa» (миланский диалект) формы *truam, disturbal, ricordes,* конечные слоги которых совмещают информацию трех видов:
am (*tru-am*) = *trovarmi*, часть глагольной основы, показатель инфинитива (материально не выражен), объектное местоимение;
bal (*distur-bal*) = *disturbarlo*, часть глагольной основы, показатель инфинитива (материально не выражен), объектное местоимение;
des (*ricordes*) = *ricordati*, часть глагольной основы, показатель императива, возвратное местоимение.

Достаточно часто вся глагольная словоформа со всеми её значениями (лексическим и грамматическим) выражена моносиллабом: *dil* = *dirlo*, *dim* = *dimmi*!, *dom* = *guardami*! Такие слоги состоят из трех различных лексико-грамматических элементов, которые, в отличие от разобранных выше случаев, не являются независимыми синтаксическими единицами. У А. Меникетти в «Beniamin el morosee» есть похожие ёмкие словоформы *töm* «prendermi», *fan* «farne».

Если не останавливаться на элизии (она стандартна), здесь представлены те же аферезы, что и венетском диалекте, но в намного большей степени: *an-cha 'l*, *che 'l*, *e 'l, 'me 'l* (come il), *'me 'n* (come un), *o 'l*, *'se 'l* (cosa lui), *te 'l* (tu il). Принцип аферезы столь силен, что и субъектные клитики, и артикли встраиваются в предшествующий слог, хотя артикли логически определяют имя, которое за ними следует.

В областных текстах миланские тенденции усиливаются. У В. Бонфанте в пьесе «El veciasì dei solfanèi» (диалект Бресии) афереза , помимо перечисленных, преставлена также слогами an = *a un*, dan = *da un;* в окончаниях глагольных словоформ четко прослеживается присутствие клитик: sif = *siete voi*, sij = *sono io*. Количество слогов во фразах резко контрастирует с тосканским диалектом: vöt nà? = vuoi (tu) andare? В пьесе Дж. Каттанео «Pòvra zet ma onèsta» (диалект Бергамо) афереза часто присутствует и после полисиллабов: *succede 'l;* здесь отмечаются слоги, выступающие результатом слияния разнородных клитик, например, субъектных и объектных клитики: glial ses = *loro lo sanno*.

Стыковые слоги, объединяющие 3 синтаксические единицы, представлены следующими случаями:
lel = *l'è 'l,* субъектная клитика, глагол, артикль (А. Босколо, А. Меникетти),

lan = *l'ha 'n* (*lei ha un*), субъектная клитика, глагол и артикль (В. Бонфанте),
gaj = g'haj (io devo), частица, глагол и субъектная клитикпа (Дж. Каттанео),
mmal = *a-mm'al paga* (*lo dobbiamo pagare*), глагол, предлог, объектная клитика (Дж. Каттанео),
mmla = *(a')mml'ha dicc (*me l'ha detto), объектные клитики и глагол (Дж. Каттанео).

Образование таких слогов в ломбардских диалектах возможно благодаря большому арсеналу клитик.

Апокопа в ломбардских текстах встречается крайне редко только в лексикализованных словосочетаниях (me-zz'u-retta), что позволяет считать её итальянизмом или тосканизмом.

В лигурийских диалектах стыковых слогов немного больше, чем в венецианских и сицилийских, но значительно меньше, чем в остальных. С одной стороны мы здесь находим односложные связки, в которых предлог поглощает вокализованный артикль: cö = *con il*, de = *dei, delle*, a = *alla*, что сближает генуэзские употребления с такими диалектами западного побережья Италии, как римский и неаполитанский (в частности, у Дж. Де Молинер в «A meza giornâ de festa» и Э. Скаравелли в «Ûnn-a valixe pinn-a de vento»). В генуэзских стыковых слогах прежде всего реализована техника элизии, афереза представлена очень типовыми и воспроизводимыми ситуациями: dan = *da un*, pen = *per un*, *ten = in te un* (предлог + неопределенный артикль у Де Молинер), an-che 'n, ciù 'n po', dan, den, doman-do 'n, mï-ga 'n, demmo-ghe 'n fraè, spje-ghe 'n po и другие (широкий наборс слов + неопределенный артикль у Скаравелли). Немногочисленные апокопы являются, скорее, заимствованиями из итальянского языка.

Слоги, включающие в себя сразу три синтаксические единицы, в лигурийских текстах имеются: gon = gh'ho 'n, len = l'è 'n, ten = t'hae 'n = taen, по схеме «клитика + глагол + неопределенный артикль». Эти слоги хорошо воспроизводятся и не являются случайными образованиями.

Особого внимания и рассмотрения заслуживает текст Дж. Анджелетти «'Mbrogi e conf'sion», написанный на диалекте Веццано (провинция Ла Специя). Как мы уже имели случай заметить, в провинции диалектная норма сильнее выражают те тенденции, которые присутствуют в диалекте центра. В тексте Анджелетти значительно расширены возможности как аферезы, так и образования слогов на базе трех единиц синтаксиса. Последние даже способны развивать омонимию.

Итак, помимо неопределенного артикля, к опорным словам в результате аферезы присоединяется определенный артикль мужского рода, образуя, в частности, слоги brar = *sem-bra 'r*, kar = *man-ca 'r*. В диалекте Веццано встречается такая уникалия, как безъядерные слоги: ch' 'n = *che in*, d' 'n-torno = *d'intorno*, m'n-vago = *me ne vado*. Редуцированные союзы и

предлоги способны примыкать к клитикам: kla = *che lei*, klu = *con lui*. При таких условиях образование стыковых слогов, состоящих из трех элементов, становится особенно продуктивным и дает слоги разнообразных структур: klan = *ch'l'an-dava*, klau = *ch'l'au-tro*, kle = *ch'l'e-nu*, dlan = *d'l'an-no*, dlau = *d'l'autro*, dlin = *d'l'industriala*, dlul = *d'l'ultima* и другие. Данные слоги оказываются способны выступать в разных контекстах и быть омонимичными: mle: m' l'è (*me l'hai*) и co-m'l'è; sle = s'l'è и ko-s' l'è. Поскольку речь идет о континентальной части Лигурии, вероятно, мы здесь сталкиваемся с типологией слогов и техникой образования стыков, характерной для региона Эмилии (там так же сильно развита редукция гласных), но эмильянские диалекты нами детально не изучались.

Суммарно подытожить полученные данные разных диалектов можно в таблице «Техники формирования стыковых слогов в итальянских диалектах». Данная статья носит обзорный характер без опоры на точные статистические данные (эта работа еще предстоит), а потому количество плюсов носит ориентировочный характер.

Таблица 1. Техники формирования стыковых слогов в итальянских диалектах.

Диалекты	Элизия	Апокопа	Аферезис	3-элементные слоги
Тосканские	+	++	-	+
Римский	+	+	-	-
Неаполитанский	+	+++	-	+
Сицилийские	+	+	-	-
Венетские	+	+	+	-
Ломбардские	+	-	++	+
Лигурийские	+	-	+	++

Информационная ёмкость стыковых слогов, на наш взгляд, связана с их способностью вмещать в себя элементы не двух, а трех синтаксических единиц. Эта способность коррелирует с развитостью в диалектной системе как миимум двух техник фразовой фонологии, одной из которых является элизия, другой – афереза либо апокопа. Активное применение одним и тем же диалектом всех трех техник в нашем материале оказалось невостребовано. В случае с ломбардскими и лигурийскими диалектами фактором повышенной информационной ёмкости стыковых слогов выступаеет развитая система клитик; она коррелирует с выбором техники аферезы. В случае с тосканским и

неаполитанским диалектами большую роль играет способность слов поглощать следующие за ними служебные слова, чаще – предлоги, выраженные одиночным гласным (и сведение всех служебных слов к этой форме, как в неаполитанском). Эта особенность коррелирует с выбором техники апокопы.

Полученные результаты позволяют надеяться, что выбранный подход может быть и далее успешно применен при изучении итальянских диалектов, при условии уточнения примененной терминологии. Понятие информационной ёмкости слога в изложенном в статье смысле могло бы дополнить методы описания и классификации итальянских диалектов.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики / А.А. Зализняк. - М.: Языки славянских культур, 2008. - 280 с.
2. Russo M. La metafonia napoletana: evoluzione e funzionamento sincronico / M. Russo. - Peter Lang. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. - Bern, 2007. - 495 p.
3. Porena M. Di un fenomeno fonetico dell'odierno dialetto di Roma / M. Porena // «L'Italia dialettale», I, 1925. - pp. 229-238.

УДК 81-23

И.А. Цыбова
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ
SUR LA FORMATION DE MOTS EN LANGUES ROMANES

Аннотация. В статье сопостовляется словообразование в современных романских языках (французском, испанском, португальсом, итальянском, румынском), их общие черты (наличие словообразовательных категорий, простых и комплексных единиц словообразования). Французский язык отличается от других романских языков наличием суффиксации на народной и кннжной основах и сложения греко-латинских элементов. Лишь во французском существует только один уменьшиительный суффикс. Черты аналитизма проявляются во французском словообразовании больше, чем в других романских языках.

Ключевые слова: словообразование во французском, испанском, португальском, итальянском, румынском языках, черты сходства и отлдичия, диминутивы, аналитизм

I.A. Tsybova
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs

ON WORD-FORMATION IN ROMANIC LANGUAGES

A**bstract.** Word-formation in romanic languages (French, Spanish, Portuguess, Italian, Roumanian) are compared in the article. There are some commun features: caterories and units of word-formation (simple and complex). French differs from other romanic languages in suffixation (popular and leaned stems), composition of greco-latin stems . French has only one diminutive suffix. French is more analytic in its word –formation than other romaшc languages.

Key-words: word-formation in French, Spanish, Portuguess, Italian, Roumanian, its commun and different features.

INTRODUCTION

Le but de la linguistique contrastive ou **confrontative** est l'étude de deux ou plusieurs langues afin de relever leurs traits communs et différents à tous les niveaux de la structure linguistique [1, p. 239]. C'est donc la formation de mots en langues romanes qui est l'objet de l'étude contrastive. Leurs traits communs s'expliquent par leur typologie commune et leur parenté génétique.

Il convient de rappeler l'apport fait dans la théorie et la pratique de la formation de mots par les linguistes russes et soviétiques (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Н.А. Катагощина, Е.С. Кубрякова, И.Г. Милославский; Г.В. Овчинникова, И.В. Скуратов, П.А. Соболева, Ю.С. Степанов, М.Д. Степанова, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, Г.С. Чинчлей, Н.М. Шанский), polonais (J.Kuryłowicz, W. Doroszewski), français et francophones (Ch. Bally, D. Corbin, A. Dauzat, J. Dubois, L.Guilbert, H. Marchand, E. Pichon, A. Sauvageot) et d'autres.

LE RôLE DU LATIN. INTERNATIONALISMES ET 'FAUX AMIS"

Le latin, langue-mère des langues romanes, a toujours joué un grand rôle dans l'enrichissement de leur vocabulaire. I1 s'agit des **mots savants** en français et des **cultismos** en espagnol. En français moderne on distingue donc deux groupes structuraux de mots: mots populaires et mots savants [2; 3, p. 117-150]. Cette distinction est plus nette en français que dans les autres langues romanes ce qui se fait sentir dans la formation de mots (suffixation et composition savante) [4, p.79-82, 98-102; 5, p. 135-144].

Parmi les mots construits on trouve des **internationalismes** propres à toutes les langues romanes. Leur différence porte sur le plan de l'expression: *athée* (fr.)/ *ateista* (esp., port., it.)/ *ateist* (roum.); *théoricien* (fr.)/ *teorico* (esp., port., it.)/ *teoretician* (roum.).

Outre ces mots, il y a d'autres **formations suffixales** parmi lesquelles se trouvent des **faux amis** du traducteur: *créature* (fr.)/ *criatura* (esp., port.)/

creatura (it.)/ *creatură* (roum.); *décoration* (fr.)/ *decoracion* (esp.)/ *decoração* (port.)/ *decorazione* (it.); *fumée* (fr.)/ *fumada* (esp., port.)/ *fumata* (it.); *localité* (fr.)/ *localidad* (esp.)/ *localidade* (port.)/ *località* (it.)/ *localitáte* (roum.); *permanence* (fr.)/ *permanencia* (esp.)/ *permanenza (*it.)/ *permanénţă* (roum.); *professeur* (fr.)/ *profesor* (esp.)/ *professor* (port.)/ professore (it.)/ *profesór* (roum.); *providence* (fr.)/ *providencia* (esp.)/ *providência* (port.)/ *provvidenza* (it.)/ *providénţă* (roum.); *restauration* (fr.)/ *restauración* (esp.)/ *restauração* (port.)/ *restaurazione* (it.).

TRAITS COMMUNS DE FORMATION DE MOTS EN LANGUES ROMANES

La comparaison des formations suffixales, préfixales, parasynthétiques qui se rencontrent dans la nouvelle d'A.Maurois "Thanatos Palace Hotel" [6] avec leurs traductions en espagnol, portugais, italien et roumain fait voir leurs traits communs. Il s'agit notamment des **unités dérivationnelles simples** et **complexes** [voir plus en détails 5, p. 25-28]: **le type dérivationnel**; par exemple, *responsabilité (fr.)/ responsabilitad (esp.)/responsabilidade (port.)/ responsabilità (it.)/ responsabilitate (roum.);* **la chaîne dérivationnelle concrète** : *religieux → religieusement (fr.)/ religioso → religiosamento (esp.);* **le paradigme dérivationnel concret**: *spéculation, spéculateur (fr.)/ especulacion, especlador (esp.)/ especulação, especulador (port.)/ speculazione, speculatore (it.).*

Dans la nouvelle en question on trouve des exemples de dérivés suffixaux désignant **la qualité** en *(i)té (fr.)/ -idad (esp.)/ -idade (port.)/ -ità (it.)/ -itate (roum.): médiocrité(fr.)/ mediocridad(esp.)/ mediocridade(port.)/ mediocrità(it.)/ mediocritate(roum.); habilité(fr.)/ habilitad(esp.)/ habilidade(port./ abilità(it.)/ abilitate(roum.)*. Selon les langues, il y a des dérivés aux suffixes différents: *rapidité (fr.)/ rapidez (esp., port.)/ rapidità (it.*)/ *rapiditáte (roum.); dureté (fr.)/ dureza (esp., port.)/ durezza (it.)/.durabilitàte (roum.).* Il y a des cas òu le dérivé correspondant n'est pas enregistré dans telle ou telle langue: *pauvreté (fr.)/ pobreza (esp., port.)/ povertà(it.)*; pas de dérivé en roumain; *indignité (fr.)/ indignidad (esp.)/ indignidade (port.);* pas de dérivés en italien et en roumain; *-ée (fr.)/ -a, -acion (esp.)/ -ação (port.)/ -ità (it.)/ -ată (roum.*): *durée (fr.*)/ *dura, duracion(esp.)/ duração (port.)/ durabilità (it.)/ durată (roum).*

Pour désigner la catégorie de l'**action** on emploie les suffixes suivants: *-ation (fr.)/ -acion (esp.)/ -ação (port.)/ -azione (it.)/ -aţi(un)e (roum.): opération (fr.)/ operacion (esp.)/ operação (port.)/ operazione (it.)/ operaţi(un)e (roum.); situation (fr.)/ situacion (esp.)/ situação (port.)/ situazione (it.)/ situaţi(un)e (roum.); –ement (fr.)/ -miento (esp.)/ -mento (it.): changement (fr)/ cambiamiento (esp.)/ cambiamento (it.).*

La catégorie dérivationnelle d'**agent/ instrument** est exprimée à l'aide des suffixes ci-dessous: *-eur(fr.)/ -dor (esp., port.)/ -tore (it.)/ -tor (roum.): visiteur (fr.)/ visitador (esp., port.)/ visitatore (it.)/ viztator (roum.); créditeur*

(fr.)/ credor (port.)/ creditore (it.)/ creditor (roum.); chauffeur (fr.)/ chofer (port.)/ şofér (roum.); porteur (fr.)/ portador (esp., port.)/ portatore (it.); -ateur (fr.)/ -dor (esp., port.)/ -tore (it.)/ -ator, -ant (roum.): spéculateur (fr.)/especulador (esp., port.)/ speculatore (it.)/ speculator, speculant (roum.).

Outre ces formations **déverbales** il existe des dérivés **dénominaux** désignant des noms d'agent en: *-ier/ (fr.)/-ero (esp.) –eiro (port.)/ -iere (it.) –er, -ar (roum.): banquier (fr.)/ banquero (esp.)/ banqueiro (port.)/ banchiere (it.)/ bancher (roum.); portier (fr.)/ portero (esp.)/ porteiro (port.)/ portiere (it.)/ portàr (roum.).*

Dérivés aux suffixes de **noms éthniques** (substantifs et adjectifs) : *-ien (fr.)/ -ano (esp., port., it.)/ -an (roum)*: *italien (fr.)/ italiano (esp., port., it.)/ italian (roum.); -ain (fr.)/ -ano (esp., port., it.)/ -an (roum.): américain (fr.)/ americano (esp., port., it.)/ american (roum.); mexicain (fr.)/ mexicano (esp., port., it.)/ mexicán (roum.); -ois (fr.)/ -aro (esp., port,.)/ -ero (it.)/ -ur (roum.); hongrois (fr.)/ hungaro (esp., port.)/ ungherro (it.)/ ungur (roum.).*

Suffixes servant à désigner des **adjectifs**: *-eux (fr.)/ -oso, (esp., port., it.)/ -os (roum.): prodigieux (fr.)/ prodigioso (esp., port., it.)/ prodigios (roum.); religieux (fr.)/ religioso (esp., port., it.)/ religios (roum.); rigoureux (fr.)/ rigoroso (esp., port., it.)/ riguros (roum.); délicieux (fr.)/ delicioso (esp., port.)/ delizioso (it.)/ delicios (roum.); ingénieux (fr.)/ ingenioso (esp.)/ ingegnoso (it.); amoureux (fr.)/ amoroso (it.); -ique (fr.)/ -ico (esp., port., it.)/ -ic (roum.): désertique (fr.)/ desertico (esp., it.)/ deserto (port.)/ deşertát; télégraphique (fr.)/ telegrafico (esp., port., it.)/ telegráfic (roum.); métallique (fr.)/ metalico (esp., port.)/ metallico (it.)/ metálic (roum.); héroïque (fr.)/ heroico (esp., port.)/ eroico (it.)/ eroic (roum.); -el (fr.)/ -al (esp., port., roum.)/ -ale (it.): proportionnel (fr.)/ proportional (esp., port., roum.)/ proporzionale (it.); naturel (fr.)/ natural (esp., port., roum.)/ naturale (it.); personnel (fr.)/ personal (esp., roum.)/ pessoal (port.)/ personale (it.); -esque (fr.)/ -esco (esp., port., it.)/ -ésc (roum.): romanesque (fr.)/ romanesco (esp., port., it.)/ romanésc (roum.); -ant (fr.)/ -ente (esp., port., it.)/-ent (roum.): indépendant (fr.)/ independiente (esp.)/ independente (port.)/ indipendente (it.)/ independent (roum.).*

Les **adverbes** sont formés à l'aide des suffixes *–ment (fr.)/ -mente (esp., port., it.): inversement (fr.)/ inversamente (esp., port., it.); particulièrement (fr.)/ particularmente (esp., port.)/ particolarmente (it.); seulement (fr.)/ solamente (esp., it.)/ somente (port.); volontairement (fr.)/ voluntariamente (port.)/ volonterosamente (it.); récemment (fr.)/ recientemente (esp.)/ recentemente (port., it.); correctement (fr.)/ corretamente (port.)/ correttamente (it.); certainement (fr.)/ certamente (it.).*

Formations **préfixales** en *dé- (des-, dis-*) : *décharger (fr.)/ descargar (esp.)/ descarregar* (*port.)/ discaricare (it.)/ descarcá (roum.); déplaire (fr.)/ desplacer (esp.)/ displacere (it.)/ displaceá (roum.); re-(ri-): recommencer (fr.)/ recomenzar (esp.)/ recomençar (port.)/ ricominciare (it.); remonter (fr.)/*

remontar(esp., port.)/ rimontare (it.)/ remontá (roum.); in- (im-): incroyable (fr.)/ increible (esp.)/ incrivel (port.)/ incredibile (it.); impossible (fr.)/ imposible (esp.)/ impossivel (port.)/ impossibile (it.)/ inposibil (roum.); inflexible (fr., esp.)/ inflexivel (port.)/ inflessibile (it.)/ inflexibil (roum.); incohérent (fr.)/ incoherente (esp.)/ incoerente (port., it.).

Formation **parasynthétique:** *rembourser (fr.)/ reembolsar (esp., port.*).

Conversion:1)adjectif → substantif: *blanc (fr.)/ blanco (esp.)/ branco (port., it.*)

Quand il rejoignit près du tennis Clara Kirby-Shaw, elle était, elle aussi, vêtue de *blanc*… [6, p. 113].

2) **infinitif → substantif**:

Tra *il dire* e *il fare* c'è di mezzo il mare [exemple de 7, p. 31].

TRAITS DIFFéRENTS

Le rôle du latin classique dans la formation de mots diffère selon les langues. Il est plus important dans la suffixation française que dans les autres langues romanes. Bien que le processus de relatinisation soit propre à toutes les langues romanes, il diffère d'une langue à l'autre. Par exemple, en italien on assiste à la ressemblance structurelle des mots empruntés au latin et des mots de souche populaire (issue`du dialecte florentin). Par contre, en français les emprunts au latin constituent un groupe structurel particulier (mots savants). [voir plus en détails sur la différence entre le lexique français et italien dans 8, p. 309-341]. Outre cela, c'est en français qu'il existe ce procédé de formation de mots qui s'appelle "**composition savante** [9, p. 224] ou composition des éléments gréco-latins [5, p. 98-102; 4, p. 135-144]. En espagnol les **cultismes** (mots empruntés au latin littéraire) constituent des doublets étymologiques: *alma*/ *anima* ou bien ils ont des signifcations différentes : *obra/ opera* [10, p. 60].

Le français, à l'inverse des autres langues romanes, n'a qu'un seul suffixe **diminutif** (*–et/ -ette*), alors que l'italien en possède plusieurs (*-etto/ -etta, -ello/ -ella, --ino/ -ina, -otto/ -otta*) [11, p. 551] de même que le portugais (*-inho/-inha, -ito/ -ita, -ota, -im, -culo, -eta*)[12, p. 55] et en roumain (*-áş, -el, -ică, -ior/ -şór/ -işór, -iţa, -úcă, -úţă, -úş*) [13, p. 31]. Contrairement au français , dans les autres langues romanes il existe encore des suffixes **augmentatifs**. Par exemple: *-accio/ -accia –one/ -ona* en italien, *-ăo, -arrăo, -aça, -alha, -arra* en portugais, *-án/ -ană/, -ói/-oáie, -óc/ -oácă, -óg/-oágă* en roumain.

D'après les exemples analysés on peut constater qu'il y a des cas où une formation française n'a pas d'équivalent dans une ou plusieurs langues romanes parce que leurs mots de base ne sont pas étymologiquement parents à ces dérivés. Par exemple: *pauvreté , changement, porteur recommencer, incrédible*, *incohérent* n'ont pas de dérivés correspondants en roumain; *certainement* n'a pas d'équivalents en espagnol et en portugais. Par ailleurs, à l'opposé des autres langues romanes, le suffixe *-mente* n'est pas un moyen productif de formation des adverbes en roumain [10, p.74].

CONCLUSION

Dans toutes les langues romanes on trouve différents procédés de fornation de mots. Cependant le rôle du latin littéraire dans la dérivation française est plus important que dans les autres langues romanes. La différence porte aussi sur le rôle des suffixes à valeur connotative (diminutifs et augmentatifs). Cela signifie que les tendances analytiques sont plus fortes en français que dans les autres langues romanes.

Библиография

1. Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика// Линвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. –с. 239
2. Marchand H. Esquisse d'une desciption des principales alternances dérivatives dans le français d'\aujourd'hui// Studia linguistica, v.5 , N 2, Copenhague, 1951,p. 95-112
3. Степанов Ю.С. Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи. М.: Высшая школа, 1965
4. Tsybova I.A. Lexicologie française Цыбова И.А. Французская лексикология. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2017. -224 с.
5. Цыбова И.А. Словообразование в современном французском языке. Изд. 3-е доп. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 200 с.
6. Maurois A. Thanatos Palace Hôtel// Maurois A. Une carrière et autres nouvelles. M.: Éditions du progrès, 1965. – p. 97-118
7. Петрова Л.А. Практиче ская грамматика итальянского языка: Учеб. для ун-тов и фак. иностр.яз. – 2-е изд., испр.- М.: Высш. школа, 2001.- 239 с.
8. Челышева И.И. Роль релатинизации в формировании романских литературных языков// Формирование романских литературных языков. Ответственный редактор академик Г.В. Степанов М.: Изд. «Наука», 1984. – с. 309-341
9. Guilbert L. La créativité lexicale . P.: Larousse, 1975. – 285 p.
10. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: Учеб. для университетов. – М.: Высш. школа, 1994. - 192 с.
11. Seriani L. Grammatica italiana. Torino, 1989
12. Torres A. Moderna gramatica expositiva da lingua portuguêsa. Decima edição, 1960 - 326 p.
13. Репина Т.А. Румынский язык. Грамматический очерк, литературне тексты с комментариями и словарем. М.: Изд. МГУ, 1968. – 189 с.

СЛОВАРИ

1. Испанско-русский словарь. Под общей редакцией Ф.В. Кельина. Изд.3-е.. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961 - 944 с.

2. Итальянско-русский словарь. Составили Н.А. Скворцова, Б.Н. Майзель. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 954 с.
3. Португальско-русский словарь. Составили С.М. Старец, Е.Н. Феерштейн. Под редакцией С. Брандао и А. Торреса. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961 – 948 с.
4. Румынско-русский словарь. Под редакцией Б.А. Андрианова и Д.Е. Михальчи. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954 - 976 с.
5. Petit Larousse illustré. P: Larousse, 2005. – 1856 p.

УДК 811.134.2

Е.В. Яковлева
РГПУ им. А.И. Герцена

ВИДЫ РЕФЕРЕНЦИИ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Аннотация. Сложность выделения неопределенных местоимений в испанском языке связана с противоречивостью их семантики и прагматики. Учет характера референции позволяет увидеть закономерности в изменении семантики местоимения. В случае нереференциальной ситуации происходит потеря значения неопределенности. Важной особенностью неопределенных местоимений оказывается возможность их использования для создания особого размытого образа.

Ключевые слова: местоимения испанского языка, неопределенные местоимения, референция, референциальные ситуации, семантика местоимения

E.V. Yakovleva
Herzen State Pedagogical University of Russia

TYPES OF REFERENCE AND INDEFINITE PRONOUNS

Abstract. The difficulty in highlighting indefinite pronouns in Spanish is connected with the contradictory nature of their semantics and pragmatics. Taking into account the nature of the reference allows you to see patterns in the change in the semantics of the pronoun. In the case of a non-referential situation, the loss of the value of uncertainty occurs. An important feature of indefinite pronouns is the possibility of using them to create a special blurred image.

Key words: Spanish pronouns, indefinite pronouns, reference, reference situations, pronoun semantics

В настоящей статье мы приводим результаты наблюдений над важной закономерностью семантики неопределенного местоимения испанского языка: зависимостью семантики от референциального или нереференциального употребления.

Под референциальным употреблением мы понимаем наличие связи между неопределенным объектом и местоимением [2, с. 25, с.34]. Например, *Alguien trató de comunicarse con su consulado: los teléfonos no tenían corriente (A. M. Matute). Кто-то попытался связаться с консульством, но телефоны были отключены.*Очевидно, что контекстуальная ситуация позволяет предположить наличие некоторого лица (референта), представляющегося говорящему неизвестным, которое выражается при помощи местоимения algo. В случае нереференциального употребления такого соотнесения не наблюдается. В частности, такой тип референции характерен для употребления неопределенных местоимений в составе устойчивых выражений. Приведем здесь наиболее употребительные: *se cree algo, он много мнит о себе, al algo iré - куда надо , туда и иду или иду на кудыкину гору; daría algo por- я бы дорого за это заплатил.* Обратим внимание, что все эти выражения содержат неопределенное местоимение algo, которое не предполагает наличия какого-либо референта.

Важно подчеркнуть, что данный класс местоимений испанского языка менее изучен, чем, например, личные местоимения, и при этом он представляет собой группу, вызывающую наибольшие расхождения [5, 6, 8]. Противоречия касаются как номенклатуры местоимений, так и их классификацию. Как правило, к неопределенным местоимениям причисляются следующие: algo, alguien, alguno (-a, - os, - as), cualquiera, cualesquiera, quienquiera, quienesquiera, uno (-a, - os, - as), otro (- a, - os, - as), todo (- a, - os, -as) [1,с.121; 1, с. 130]. В ряде грамматик к данному списку добавляются mucho, poco, demasiado, bastante, más, menos [6, с. 166], традиционно причисляемые к наречиям. В связи с этим можно говорить о наличии специфичных пограничных случаев, когда ряд функциональных черт относится и к местоимениям, и к прилагательным, и к наречиям. Иными словами, границы между элементами этого класса местоимений достаточно условны, размыты [9, с. 198]. Важнейший фактор, который позволяет уверенно выделить группу неопределенных местоимений — семантический. Для семантики этого класса местоимений характерно строить предположение о существовании чего-либо или кого-либо, причем предположительность может быть значимой только для говорящего, только для слушающего или для того и другого. Таким образом, оказывается, что прагматика также влияет на формирование этого класса местоимений. Здесь выделяется несколько ведущих семантических компонентов, во-первых, все местоимений выражают неопределенность, качественную или количественную, во-

вторых, все местоимения связаны с категорией лица, а в-третьих, фактор степень неизвестности для говорящего или слушающего. Между тем, анализ реального функционирования этих местоимений позволяет говорить о наличии значительных противоречий.

Одним из наиболее показательных случаев сложности функционирования в речи неопределенных местоимения является местоимение algo. Это местоимение обладает большим потенциалом значений [8]. Неопределенная референция данного местоимения может быть прямой. Например, *... y aquel bicho lo cogí con cariño, puse en él amor, y creo que si conseguí algo, fue más que por mi habilidad (Madrid, 217) А та зверюшка мне понравилась, я с любовью делал ее, и думаю, что если я и достиг чего-то, то это из-за любви, а не из-за умения.* В данном случае говорящий затрудняется точно оценить результат своей работы, поэтому прибегает к использованию *algo*. Скорее всего, автор к тому же избегает давать высокую оценку результатам, algo позволяет достичь этой цели благодаря размытости своей семантики.

Неопределенность референции местоимения algo может получать эстетическую обработку, и в таких случаях отмечается непрямая (косвенная) референция. Для семантики этого класса местоимений характерно строить предположение о существовании чего-либо или кого-либо, причем предположительность может быть значимой только для говорящего, только для слушающего или для того и другого.

Очевидно, что для неопределенных местоимений свойственна особая референтная соотнесенность. Если категория личных местоимений имеет соотнесенность с реально существующими лицами в процессе коммуникации, то категория неопределенно-личных местоимений не имеет такой прямой референции — «некто», «кто-то», «кто-нибудь» реально не существуют. Существование в языке таких местоимений, как algo-alguno-alguien есть свидетельство определенной степени абстрагирующей работы ума [7]. Наличие элемента абстрактности и неточности в языковой семантике местоимений данного класса позволяет с их помощью создать атмосферу неясности и недосказанности на уровне текста. Именно это свойство — создавать расплывчатый, неточный образ — использовали поэты-модернисты Испании начала века, такой поэтический прием Борхес назвал «la nubosidad rebuscada» [4, с. 119].

Que el verso sea como una llave
Que abra mil puertas
Una hoja cae; algo pasa volando ... [4, с. 123].

Можно привести примеры многократного использования этого местоимения у П. Неруды:

Entre los labios y la voz algo se va muriendo
Algo con alas de pájaro, algo de angustia y de olvido.(Neruda, 339).

Обратим внимание, что таких случаях у читателя возникает возможность самостоятельно «дополнить» образ, исходя из своего понимания реальности.

В газетных текстах также часто используется это местоимение, что связано с возможностью создания нечетких образов и идей, неточности в высказываниях. Эти причины делают «удобным» местоимение algo для журналиста. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером: *La clonación de embriones humanos es algo ético.* (ABC, 12-05-1998) *Клонирование человеческих эмбрионов — это нечто этическое.* В данном примере автор лишь обозначает проблему, *algo* служит для создания размытого смыслового центра предложения. В этой же статье встречаем: *Cuando esto pueda hacerse comunmente será algo tremendo. Когда это можно будет осуществлять в обычном порядке, это будет что-то невероятное.* Здесь также очевидна неточность номинации, связанная с неизвестностью всего того, что соотносится с будущим временем.

Основное значение algo, его неопределенность связана с тем фактом, что это местоимение не имеет реального референта, с которым бы оно соотносилось. Следующиq пример демонстрируют отсутствие конкретной вещи, действия, с которым можно было бы связать algo. ... *yo quisiera regalarle algo a su mujer (Cela, 98) ...я хотел бы подарить что-нибудь своей жене.*

Смысл предложений основан на отсутствии конкретного, познанного референта, с которым соотносится algo. Вместе с тем, мы понимаем, что некий предмет все же существует, так что мы имеем ситуацию референциальную.

Несколько иная причина появления неопределенного местоимения диктуется сложностью определения референта, а также с намеренным показом процесса поиска нужного слова, а не отсутствием референта как такового.

Por lo que soñó Polizón, en voz alta, tiene miedo de algo. Bueno, miedo, miedo ... no se puede decir. Pero hay algo que le preocupa mucho (Matute, 85). Судя то тому, о чем громко говорил во сне Бродяга, он чего-то боится. Ну, нельзя сказать, чтобы это был страх, страх... Но это что-то, что его сильно беспокоит.

Указанному основному значению местоимения algo (неизвестность) противопоставлены такие случаи употреблений, при которых с местоимением соотносится реальный, явный и известный референт.

(22) *Don Adolfito y yo habíamos apostado dos duros: uno a la lluvia y otro a la Gaceta. Esto era algo que hacíamos todos los días (Cela, 143). Мы с доном Адольфито поспорили на два дуро, один поставили на дождь, а второй на Газету. Вот этим-то мы и занимались каждый день (дословно: это было тем нечто, чем мы занимались каждый день).* В

данном случае референт, который стоит за algo, расшифровывается предшествующим предложением и более широким контекстом. В русском языке у неопределенного местоимения что-то, нечто отсутствует реальный (конкретный) референт, нечто является неопределенным как для говорящего, так и для слушающего. В испанском языке algo может «скрывать» точно определяемый референт, ясный для говорящего и слушающего.

Tenía miedo - decía - de sobrepasarse conmigo y llevarme a hacer algo que no debíamos hacer hasta casarnos (Poli Délano, 124). Он боялся, как он говорил, выйти за рамки дозволенного из-за меня и сделать то, что мы не должны делать до женитьбы (в испанском буквально: сделать нечто). В этом примере algo соотносится с реальным действием, известным и говорящему, и слушающему, и читающему.

Тот факт, что за *algo* скрывается реальный референт отражается в переводе, в котором неопределенное местоимение *algo* переводится при помощи указательного местоимения и существительного «дело».

... esto es algo que debías de tener en cuenta Это то, что ты должен бы иметь в виду. Aquel esfuerzo por algo en lo que habíia dejado de creer me vació (Goitisolo, 45) То напряжение за дело, в которое я перестала верить, меня опустошило.

Для случаев референциального употребления algo имеется потенциальная возможность изменения его значения и возникновения двух различных (и в некотором смысле противоположных) реализаций, так как algo может означать нечто неконкретное, размытое, незначительное, малое, с одной стороны, и вполне определенное, однозначное, с другой.

В ситуации нереференциального употребления семантика резко меняется, означает нечто значимое, известное, хотя точно и не определенное.

Рост семантического значения у неопределенных местоимений особенно ярко проявляется в тех случаях, когда эти местоимения входят в устойчивые выражениям. Рассматривая функционирование неопределенно-личного местоимения *algo* в устойчивых выражениях, мы отмечаем наличие иной семантики, в данном случае algo означает нечто позитивное, имеющее высокую значимость. При этом значимость контекста невелика, с одной стороны, и отсутствует возможность домысливания и интерпретации со стороны слушающего: *daría algo por eso — я бы многое отдал за это, tener algo que perder — иметь, что терять, ser alguien - занимать высокое положение в обществе, creerse algo — быть высокого о себе мнения*. Отметим, что в испанском языке существуют устойчивые выражения, в которых algo занимает промежуточное значением между нулевым (что-то) и максимальным (нечто очень значительное). Имеются в виду следующие выражения:

¡algo se pesca! Algo es algo — это все же лучше, чем ничего, hay algo de por medio — за этим что-то кроется, por algo será — это неспроста, para algo — не зря. Важно отметить, что для таких нереференциальных употреблений характерным является наличие четко зафиксированных ситуаций употреблений.

В качестве вывода хотелось бы отметить следующее:

1. Сочетание специфичной семантики, грамматики и прагматики и особых референциальных характеристик позволяют говорить о наличии в языке группы неопределенных местоимений.

2. Тип референциальной ситуации позволяет прогнозировать значительные изменения в семантике местоимения. При нереференциальной ситуации местоимение «теряет» свое основное значение неопределенности и приобретает значение «нечто положительное, значимое».

Список литературы

1. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. — М.: Высшая школа, 1972. — 342 с.
2. Alcina Caudet A. Las expresiones referenciales. Estudio semántico del sintagma nominal. - Tesis doctorial. – Valencia: Universidad de Valencia, 1999. – 339 p.
3. Amado A., Henríquez Ureña P. Gramática castellana. 2-da edición, T- 1 . — La Habana : Pueblo y educación, 1977 . — 307 p.
4. Aullón de Haro P. La poesía en el siglo XX (hasta 1939).— Madrid : Altea,Taurus, Alfaguara, S.A., 1989.— 354 p.
5. Bello A., Cuervo J.R. Gramática de la lengua castellana. — La Habana : Ed. De ciencias sociales, 1978. — 546 p.
6. Fernández Ramírez S. Gramática española. El pronombre. Madrid: Arco Libros- La Muralla. 1987. 408 p.
7. Fernández S. “Generalizaciones y evidencialidad en español”. Revue Romane 43.2 (2008). P. 217- 234
8. Martínez García J.A. El pronombre 2: numerales, indefinidos y relativos. Madrid :Arco Libros, 1989. 273 p.
9. Roca Pons J/ Introducci'on a la gram'atica/ 7 ed., Barcelona Teide, 1986. 440 p.
10. Seco, Rafael. Manual de gramática española (rev. y ampliado). Madrid: Aguilar, 1971. 342 p.

СЕКЦИЯ III.
МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК – 81.23

А.А. Анков
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина»

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОМИНАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ ИНВЕКТИВЫ

Аннотация. Настоящая статья показывает, по каким структурным магистралям осуществляется номинативный потенциал инвективной лексики, в частности во французском языке. Особое влияние на номинативный потенциал инвективной лексики оказывают морфологическая и синтаксическая системы, так как разнообразие способов выражения и производных однокоренных форм усиливают оскорбительный характер инвективной лексики.

Ключевая слова: инвектива, пейоративное поле, морфология, синтаксис, номинативный потенциал, деривация, фразеология, ирония

A.A. Ankov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE NOMINATIVE POTENTIAL OF FRENCH INVECTIVE

Abstract. The article deals with structural directions which are used to form the nominative potential of invective, in particular in French. Morphological and syntactic systems have special impact on nominative potential of invective vocabulary as the variety of ways of expression and derivative single-root forms increase the offensive nature of invective.

Key words: invective, pejorative field, morphology, syntax, nominative potential, derivation, phraseology, irony

Инвективная лексика, как показало исследование, реализует свой номинативный потенциал (то есть, способность лексической единицы участвовать в различных речевых продуктах) в тесной взаимосвязи с синтаксической и морфологической системой языка; при этом

актуализируются грамматические и деривационные особенности конкретного языка. Синтаксическая система французского языка оказывает непосредственное влияние на инвективную лексику при реализации ее номинативного потенциала, так как влияет на функциональную направленность всего оскорбительного высказывания. В свою очередь морфологическая система также влияет на развитие пейоративного поля и находит свое отражение в факторах изменения семантики инвективной лексики и формирования однокоренных дериватов за счет префиксации и суффиксации. Последний – деривационный фактор – также затрагивает еще один аспект: за счет морфологического фонда языка образуются новые дериваты и за счет этого пейоративное поле постоянно расширяется по экстенсивному пути. Таким образом, инвективная лексика оказывается подвижной и проявляет структурные и функциональные особенности в синтагматическом и парадигматическом плане.

Номинативный же потенциал (точнее его реализация) виден прежде всего в парадигматике плане, так как, во-первых, истинное (актуальное) значение инвективной лексики распознается лишь в конкретном высказывании, во-вторых, синтаксис также влияет и на деривационный процессы, происходящие в семантической структуре инвективных слов. Инвективная лексика подвижна: это объясняется ее природой: семантически инвектива обладает редуцированным денотатом, но ей свойственна ярко выраженная отрицательная коннотация. За счет подобного денотата инвективная лексика может легко менять, например, частеречный статус. И, наконец, в-третьих, только в синтаксисе показывает, что речевой акт оскорбления является конвенциональным или неконвенциональным.

Итак, исследование практического материала французской инвективы показало, что она претерпевает изменения (деривацию) в двух направлениях: семантическое развитие и морфологическая деривация, то есть, не только по экстенсивному, но и по интенсивному пути.

Интенсивный путь развития представлен морфологической деривацией и ознаменовывается прежде всего суффиксацией, результатами которой являются формирование дериватов с общим значением ‘имя деятеля’. В данном случае производящие основы изначально являются инвективными. Популярность такого вида деривации объясняется субъектно-объектной направленностью инвективы в целом. Наиболее продуктивными суффиксами являются -eur, -ard. При этом формируются инвективные имена лиц, в которых «находят отражение недостатки, осуждаемые в данном обществе». По словам А. Е. Кулакова, в совокупности этих недостатков

выделяется постоянный (универсальный) и переменный (национально-специфический) компоненты [Кулаков 2011: 5].

Во французском языке наблюдается пять магистралей деривационных процессов в пейоративном поле:

1. Суффиксация с продуктивными суффиксами во французском языке *-eur*, *-ard*, *-on*, *-erie*, *-ique*, *-ement*, которая подразделяется на следующие подвиды: глагол → существительное (имя деятеля); существительное → глагол; существительное → существительное (имя деятеля); глагол → существительное (генерализация); существительное → существительное (генерализация); существительное → прилагательное; существительное → наречие.

2. Префиксация – суффиксация: существительное → существительное (имя деятеля); существительное → существительное (генерализация); существительное → глагол. Данный вид деривационных процессов оказывается не продуктивным и формирует прежде всего инвективный глаголы с модификационным значением. Последующие категории деривационных процессов, также оказываются не продуктивными, а именно:

3. Префиксация: глагол → глагол; существительное → существительное (генерализация).

4. Словосложение: существительное → существительное (композит).

5. Семантическое развитие инвективных единиц.

Последняя – пятая – категория находит сильную взаимосвязь с синтаксическим аспектом реализации номинативного потенциала пейоративного поля. Однако наблюдается и некоторая «свобода» французской синтаксической системы от морфологической. С одной стороны, синтаксис, во взаимодействии с деривационной парадигмой французского языка, способен подвергать деривации инвективное слово; последнее при помощи конверсии в зависимости от синтаксической позиции может переходить из одной части речи в другую; при этом в некоторых случаях наблюдается генерализация значения инвективы.

В зависимости от своей синтаксической позиции инвективное слово может переходить из одной части речи в другую. То есть, подвергаясь конверсии, инвективная языковая единица переходит из имени существительного в имя прилагательное и может подвергаться генерализации (как и в русском языке). Подобные инвективы сочетаются с неивективными единицами, обозначающими умственные способности человека и различные ситуации. Например,

Avez vous une seule raison valable pouvant défendre ***un choix aussi inutile que débile****?* [http://corpora.uni-leipzig.de].

С другой стороны, «инвективный» синтаксис свободен и способствует образованию особых инвективных синтаксических конструкций без участия морфологической системы французского языка; в

данном случае влияние синтаксиса на инвективную лексику осуществляется в нескольких ракурсах:

1. формирование устойчивой синтаксической конструкции;

2. формирование фразеологизмов;

3. употребление инвектив с положительными словами для придания иронии.

Первый тип влияния синтаксиса – это формирование устойчивых выражений, в которых один из элементов является инвективная единица. Здесь инвективная лексика формирует устойчивые синтаксические конструкции «инвектива+de+слово», «слово+de+инвектива», «слово+à+инвектива». Ср.:

Ce bruit de chiotte *nuisait à sa quasi-félicité. Il songeait que le métier de cinéma est difficile car il repose uniquement sur la création d'un climat* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Так, во французском языке, прежде всего, частотны конструкции инвектива+de+слово (ситуация). В данном случае инвективное слово, выражающее ту или иную ситуацию, выступает в роли прилагательного:

Il est alors devenu un ***fouteur de merde*** *international en allant révolutionner l'Afrique et l'Amérique latine* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Конструкциях salop+de+существительное обозначает субъект или понятие, к которому инвектор выражает свое плохое отношение. Ср.,

Surtout avec un ***salop d'état et de système judiciaire*** *qui permet qu'on sépare un gentil singe de ses amis* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Tatiana les comprenait parfaitement lorsqu'ils lui crachaient à la gueule leurs «tu vas prendre cher, ***salope de viande russe****»* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Противоположна конструкция – слово+de+инвектива, при которой, наоборот, инвектива играет роль прилагательного с негативной семантикой. В данном случае частотны инвективные выражения, негативно описывающие деятельность человека или умственные возможности. Например, инвективная единица *merde* в такой позиции принимает статус прилагательного со значением 'отрицательная характеристика объекта / субъекта'. Ср.:

Nous leur construisons vraiment un avenir de ***merde*** [http://corpora.uni-leipzig.de].

Второй тип взаимодействия синтаксической системы с инвективной лексикой – формирование фразеологических оборотов, в состав которых входят инвективные элементы, а также паремии, которые изначально имеют обсценный или оскорбительный характер.

Изучив отобранный материал, мы пришли к выводу, что по значению все фразеологические обороты можно разделить на следующие две подгруппы. В первую подгруппу входят фразеологизмы, не содержащие инвективных единиц, но имеющие оскорбительную окраску. Ср.,

1. Выражения, уничижающие умственные способности человека: во французском языке: *âne bâté*; *bête à manger du foin*; *les ânes parlent latin*.

2. Выражения, обозначающие негативную с точки зрения общества деятельность: *belle de nuit*; *se balader sur l'asphalte*.

3. Выражения, уничижающие физические особенности человека, его внешний вид: *mal blanc*; *une drôle de brioche*.

4. Выражения, содержащие оскорбление вследствие непристойного/вызывающего недовольство поведения: *lécher le cul*; *pèter plus haut que son cul*.

5. Выражения, уничижающие моральные качества человека: *têtu comme une mule*; *ami de cour*.

6. Выражения, выражающие презрение к деятельности человека/обвиняющие в непрофессионализме: *jouer comme un sabot*; *noircisseur de papier*.

Как видно из примеров, формирование устойчивых инвективных устойчивых выражений характеризуется взаимодействием пейоративного поля с другими лексическими, изначально непейоративными, полями. При этом по своей функциональной направленности пейоративное поле оказывается реципиентом, а для него полями-донорами являются следующие онтологические и антропоцентрические лексические категории: «внешность человека», «части тела», «умственные способности», «гастрономия», «локативность», «цвет» и «животный мир». Поля-доноры оказывает дифференциальное влияние на пейоративное поле-реципиент.

Так, лексическое поле «человек» имеет большое значение для инвективы; с точки зрения донорства всю концептуальную область «человек» можно поделить на три зоны: «внешность человека», «части тела», «умственные способности». Ср.: части тела: *lécher le cul*, *peter plus haut que son cul*, se taper *le cul par terre*, *avoir le feu au cul*, *ta gueule!*, *occupe-toi de tes fesses*, *jeune barbe*, *vieux barbon*.

Вторая область-донор – гастрономия, характерна прежде всего для исследуемой французской лингвокультуры. Французская кухня является достоянием и гордостью для французов, и это не могло не сказаться на проникновении «гастрономических» языковых единиц в различные языковые пласты, в том числе в паремию. Ср.: *une drôle de brioche*.

Следующая категория, формирующая фразеологические обороты с негативной оценкой – это «животный мир». Причем наблюдается отчётливая тенденция актуализировать характеристику-донор одних и тех

же животных в различных лингвокультурах. Ср.: *âne bâté*, *bête à manger du foin*, *les ânes parlent latin*, *têtu comme une mule*.

«Локативность» оказывается донором для инвективы при формировании фразеологических пейоративных оборотов, связанных с родом деятельности, порицаемой обществом: *se balader sur l'asphalte*.

Донор «цвет» также участвует в создании фразеологических оборотов при описании, прежде всего, внешности человека. В данном случае концептуальные характеристики концепта «цвет» переносятся в концепт «инвектив» имея уже вторичное значение. Это такие значения, которые характеризуют определенные человеческие состояния: *mal blanc*.

Вторую подгруппу составляют фразеологизмы, содержащие грубые, инвективные языковые единицы. Ср.:

7. Выражения, которые могут стать инвективами по причине своей грубой, вульгарной формы: *se taper le cul par terre* – надрываться со смеху, бурно радоваться; *avoir le feu au cul* – суетиться, торопиться.

8. Выражения, выражающие в грубой форме какое-либо требование (чаще всего требование удалиться или замолчать): *ta gueule!*; *occupe-toi de tes fesses*.

9. Выражения, означающие грубый отказ/выражающие пренебрежение к происходящему: *en avoir plein les couilles*.

10. Выражения, направленные на уничижение образа не самого адресата, но относящегося к нему материального мира: *quelle misère!*; *(quelque chose) de la merde*.

11. Выражения, являющиеся оскорблениями по возрастному признаку: *jeune barbe*; *vieux barbon*.

Следующая – третья – особенность функционирования инвективной лексики – это употребление инвективной лексики в сочетании с прилагательными *belle*, *petie* для придания оттенка сарказма и иронии. Также можно выделить особый вид инвектив – ироничную инвективу. Как пишут авторы, ирония не имеет дискредитирующего характер, так как ирония предполагает, а не высказывает отрицательную характеристику лица. Однако, например, в журналистском дискурсе ирония служит мощным орудием создания отрицательного образа человека. Соответственно, инвективный потенциал иронии связан с контекстом, позволяющим обнаружить скрытую субъективную оценку публицистического текста. Инвективный потенциал иронии усиливается в тех случаях, «когда наблюдается резкое нарушение этической нормы коммуникации при осмеянии понятий, представляющих для участников коммуникации большую ценность» [Кожеватова 2015: 5].

Например, *Alors ca c'est une belle saloperie de la part d'Apple* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Слово *petit* в данном случае придает инвективной лексике оттенок сарказма.

C'est plutôt la jalousie qui à travailler Ribéry, qui est un parfait ***petit con fouteur de merde*** *entendons nous bien* [http://corpora.uni-leipzig.de].

Итак, морфологи-синтаксические особенности накладывают свои отпечаток на реализацию номинативного потенциала инвективной лексики. Выяснилось, что синтаксическая система также влияет на номинативный потенциал инвективной лексики и нередко деривационные процессы неразрывно связаны с синтаксической системой. Поэтому синтаксис влияет на инвективу двояко: он способен подвергать деривации инвективное слово; последнее при помощи конверсии в зависимости от синтаксической позиции может переходить из одной части речи в другую. С другой стороны, синтаксис способствует образованию устойчивых синтаксических инвективных конструкций. В данном случае влияние синтаксиса осуществляется в трех ракурсах: формирование устойчивой синтаксической конструкции; формирование фразеологизмов; употребление инвектив с положительными словами для придания иронии.

Литература

1. Кулаков, А. Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады и Африки): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / А.Е. Кулаков. – Саратов, 2011. 23 с.
2. Кожеватова, И. С. Факторы, повышающие инвективный потенциал иронии (на материале современной публицистики) / И. С. Кожеватова // Филология и человек. 2015. № 2. С. 2–7.
3. Corpora Collection. Leibzig University – [http://corpora.uni-leipzig.de].

УДК 811

О.М. Бамбурова
Московский государтственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ ОБЩЕГО ВОПРОСА НА УРОВНЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В работе рассматриваются особенности сочинения общего вопроса на уровне сложного предложения во французском языке.

Ключевые слова: общевопросительное предложение, особенности сочинения, французский язык

O.M. Bamburova
Moscow Region State University

THE TRAITS OF COORDINATION OF THE TOTAL QUESTION IN COMPOUND SENTENCES (THE CASE OF FRENCH LANGUAGE)

Abstract. The present article is concerned with studying the traits of coordination in compound sentences in French language.

Key words: total question, the traits of coordination, French language

В данном исследовании проводится анализ структуры общевопросительного сложносочиненного предложения на материале французского языка.

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к изучению вопросительности в разных функционально-стилистических типах речи. Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты представляют интерес для более глубокого изучения грамматического строя французского языка.

Целью данной работы является выявление особенностей сочинительной связи в сложном предложении с общим вопросом во французском языке.

Поставленная цель преследует решение следующих задач:

1. Определить основные особенности сочинительной связи в структуре общевопросительного предложения во французском языке.

2. Обосновать основные лингвистические и прагматические факторы, обусловливающие особенности сочинения в данном типе предложений.

Объектом исследования является сложное общевопросительное предложение с сочинительной связью во французском языке.

Методы исследования: в работе применяются такие общенаучные методы исследования, как теоретический анализ, индукция, дедукция, описание, сравнение, синтез и некоторые другие.

До недавнего времени более глубокому анализу подвергалось в частности сложносочиненное повествовательное предложение, в то время как сложносочиненное вопросительное предложение оставалось малоизученным. Однако, фактологический материал показывает, что французское сложносочиненное предложение является совершенно отличной от невопросительного сложносочиненного предложения, и характеризуется отличительными специфическими признаками.

Одним из таких признаков считается особое употребление сочинительных союзов. Сложносочиненные вопросительные предложения в основном состоят из однотипных вопросов. Однотипные вопросы считаются близкими по своему содержанию, а также обеспечивают тесную структурную и семантическую взаимозависимость частей. Поэтому в современном французском языке является возможным разграничить общевопросительные и частновопросительные сложносочиненные предложения. Тем не менее, в данных типах вопросов не совпадают значение вопроса и средства его выражения. Между частями сложносочиненных общевопросительных и частновопросительных предложений возникают различные семантические отношения, обусловливающие выбор сочинительных союзов. Целью данной статьи является определение особенностей функционирования сочинительных союзов в общевопросительных сложносочиненных предложениях. Материалом исследования послужили сложносочиненные вопросительные конструкции бинарной структуры, которые объединяют двусоставные предикативные единицы.

Для объединения частей сложносочиненного общевопросительного предложения, чаще всего, используется союз ou, выражающий разделительные отношения.

1) Mais, était-elle sincère ou me jouait-elle la comédie? (Exbrayat)

Такие отношения типичнее для общевопросительных предложений. Наряду с этим, суть вопроса заключается в выборе реально существующих и предполагаемых событий, явлений, фактов. Подобные вопросительные предложения представляют собой одну из разновидностей альтернативных вопросов. Основным признаком данных вопросов является реальная возможность для говорящего предложить собеседнику выбор конкретных вариантов. Одним из существенных признаков сложносочиненных альтернативных предложений является симметрия структуры их частей, реализующаяся в виде синтаксического параллелизма.

2) Tu parles ou je parle? (Loriot)

3) Est-il mort ou n’est-il pas mort? (Simenon)

В данных примерах союз ou приобрел значение взаимоисключения. Подобные отношения возникают при наличии отрицания во второй части (как например в 3 предложении), также, когда обе предикативные единицы имеют сказуемое, которое выраженно одним и тем же глаголом. В остальных же типах сложных вопросительных конструкций с ou, этот союз выражает альтернативу со значением сосуществования (как в примере 1).

Части общевопросительных сложносочиненных предложений могут объединяться союзом et. Тем не менее, соединительные отношения, типичные для этого союза на уровне сложносочиненного невопросительного предложения, являются совершенно несвойственными сложносочиненному вопросительному. При объединении общих вопросов посредством et между ними устанавливаются чаще всего причинно-следственные отношения.

4) Peut-être son esprit a-t-il travaillé et a-t-elle identifié enfin le chien jaune? (Simenon)

В смысловом плане такие предложения тесно связаны. В первом вопросе содержится предположение, а во втором – следствие. Таким образом, утвердительно ответив на первый вопрос, собеседник может отвечать на второй. Неопределенность возможного ответа, в приведенном примере, подчеркнута использованием модального слова peut-être. В подобных конструкциях имеется оттенок размышления. Сложносочиненные вопросительные конструкции без употребления модального слова всегда содержат собственно вопросительные предложения. В таких предложениях вопросительность выражается особым порядком слов.

5) Ou bien, pour une raison subtile, avait-il éprouvé le besoin de simuler la folie et l'histoire de l'aiguille n'était-elle qu'un sinistre paravent? (Simenon)

На причинно-следственные отношения, в некоторых случаях, может наслаиваться временной оттенок. Этот оттенок создается лексическим наполнением частей. Подобные предложения содержат вопрос о явлениях, которые связаны временными отношениями.

6) Aurai-je le temps de maitriser cette émotion et, après, saurai-je la controler longtemps, jusqu'au bout, pour toujours? (Cardinal)

Характерными для сложносочиненных общевопросительных предложений с союзом et являются сопоставительно-противительные отношения несоответствия. Относительно сопоставляемых или несоответствующих явлений, в таком случае, ставится какой-либо вопрос или высказывается предположение форме вопроса.

7) C'est vous qui buvez mon whisky et c'est moi qui suis soul, hein? (Exbrayat)

Подобные структуры являются всегда подсубъектными. Они характеризуются симметричным построением и одинаковым модально-временным планом сказуемых.

Изученные семантические типы отношений не допускают обратимости частей, а также свидетельствуют об их тесной смысловой спаянности в рамках общевопросительного предложения. Союз mais, согласно изученному, совершенно не используется в случае объединения предикативных единиц в единое сложное предложение. Некоторые из исследователей полагают, что это обусловлено невозможностью установления противительных отношений между вопросительными сочиненными предложениями.

Поэтому стоит отметить, что сложносочиненные обще-вопросительные предложения в современном французском языке характеризуются ограниченным употреблением союзов. Для связи составляющих их частей могут быть использованы только разделительный союз ou и соединительный et. Семантические отношения, передаваемые при помощи союзов ou и et, не совпадают с семантическим отношениями, возникающими (при наличии союзов) между частями сложносочиненного повествовательного предложения в общевопросительном сложно-сочиненном предложении.

Список использованной литературы

1. Васильева Н. М. Прагматический аспект порядка слов в вопросительном предложении // Функционирование лингвистических единиц на разных языковых уровнях в романских языках: сборник научных трудов. М.: МГОУ 2006.
2. Луев В. И. Вопросительные предложения в современном французском языке // АКД М 1971 С. 17-18.
3. Pinchon J. Les procedes interrogatifs // LFDM. 1967,- № 49 - p.47 -49.
4. Pohl J. Observations sur les formes d'interrogation dans la langue ecrite non litteraire // Actes et colloques, X congres international de linguistique et philologie romane, t. IL 1962. - p. 504.

УДК 811

Н.М. Васильева
Московский государственный областной университет

AU CARREFOUR DE LA SYNTAXE ET DE LA SÉMANTIQUE: LES PHRASES CONDITIONNELLES ET LEURS MARQUES DISTINCTIVES

Аннотация. Целью настоящей работы стало выявление основных типов сложных предложений с союзом “si” во французском языке и факторов, определяющих их природу. В ходе исследования было установлено, что существует два типа подобных предложений – условные и псевдоусловные. В первом типе компоненты предложения объединены условной связью. Во втором типе между составляющими сложного предложения существует связь с другим семантическим значением. Кроме того, результаты показывают, что дифференциации двух типов предложений с “si” может служить и ряд синтактических особенностей.

Ключевые слова: французское сложное предложение, союз “si”, гипотетическое значение, условное предложение, фактуальное предложение

N.M. Vasilieva
Professor in Moscow State Regional University

IN THE BORDERLAND BETWEEN THE SYNTAX AND THE SEMANTICS: CONDITIONNAL SENTENSES AND THEIR DISTINCTIVE FEATURES

Abstract. For the purpose of the present paper, the main types of French complex sentences with the conjunction “si” have been determined. It has been in studies revealing that there are two types of such sentences – hypothetical and pseudo-hypothetical. The first type sentences consist of the parts conjunct by implication. The components of the second type sentences are united by other semantic values. In addition, the survey has indicated some syntax features serving to distinguish these types of conditional sentences.

Key words: French complex sentence, conjunction “si”, hypothetical value, conditional sentence, factual sentence

L’article porte sur les phrases complexes avec le rapport de condition, dont l’analyse soulève beaucoup de problèmes controversés. Notre but est de dégager les types essentiels de ces phrases et de clarifier les mécanismes qui les régissent.

Dans les phrases complexes conditionnelles la proposition subordonnée est introduite par excellence par la conjonction "si". Le caractère spécifique de cette conjonction est reflété dans ses définitions quelque peu originales, qui dépassent les définitions standard des conjonctions. Par exemple: "Si" est de toutes les conjonctions circonstancielles est celle dont la syntaxe est la plus singulière" [12, p. 852]. "S'il est une conjonction qui ne cesse d'intriguer à la fois les linguistes français et étrangers, c'est bien la conjonction "si" [13, p. 163]. "Avec des "si", on mettrait Paris dans une bouteille" [13, p. 163][32].

On attribue à la conjonction "si" plusieurs sens: hypothétique, concessif, adversatif, causatif, etc., jusqu'à neuf sens différents, qui présentent un vrai "fatras sémantique" [3]. Mais il se pose d'emblée le problème de savoir si cette conjonction a plusieurs sens en soi ou si c'est le contexte qui lui donne telle ou telle signification. Les attitudes des chercheurs face à cette question sont différentes. La plupart des linguistes estiment non sans raison que "si" a un seul sens général (celui de condition) et ses significations particulières se manifestent dans un contexte donné [13]. Selon les auteurs de la "Grammaire méthodique", tous les emplois de "si" ont une fonction commune: poser ou présupposer le cadre situationnel, sans l'asserter comme fait particulier. C'est le contexte qui permet d'interpréter ce cadre comme conditonnel, implicatif ou contrastif [12, p. 853].

L'unité sémantique de la conjonction "si" a été mise en évidence par J. Damourette et Ed. Pichon qui soulignaient que l'essentiel de "si" est d'envisager une éventualité conçue comme riche et variée en conséquences possibles [4, p. 89]. Dans les grammaires françaises "si" est caractérisé, ainsi que d'autres conjonctions circonstancielles, comme un mot (ou un morphème) polysémique [10, p. 277-280] et dans ce cas il se pose la question du rapport polysémie/homonymie, qui est une question à part.

Les phrases avec la conjonction "si" forment un groupe très composite des phrases complexes. Elles sont réparties généralement en deux types majeurs: I Phrases hypothétiques et II Phrases non-hypothétiques. Les premières expriment une condition, une supposition ou une éventualité. Les deuxièmes servent à marquer les faits réels, incontestables en leur validité simultanée (la définition de Robert)[33].

I Les phrases hypothétiques sont considérées en tant que type canonique. Elles sont très courantes et leur dominance est universellement admise: "N'est-il pas révélateur que le premier emploi auquel pense un Français en entendant la conjonction "si", c'est l'emploi hypothétique. Demandons à un Français de construire une phrase avec "si". Il construira neuf fois sur dix une phrase hypothétique du type: "Si je gagnais au loto sportif, j'irais m'installer aux

[32] Voir encore: [5], [6], [7], [8], [11].

[33] Nous mettons de côté l'emploi de la conjonction "si" dans les phrases simples du type: Et si nous allions au cinéma? Dans ces phrases-là "si" n'exprime pas la condition et assume d'autres fonctions, dont l'analyse dépasse le but de notre recherche.

Baléares [13, p. 169]. Dans les grammaires françaises les phrases hypothétiques s'analysent surtout du point de vue de l'emploi des formes verbales modales et temporelles, dont les combinaisons forment quelques systèmes de base avec de nombreuses variantes (voir par exemple "La grammaire d'aujourd'hui", [1, pp. 112-113]). La position des composants de la phrase complexe n'est pas fixe, mais le plus souvent la subordonnée avec "si" est antéposée: Si vous êtes en panne, je vais vous donner un truc (Daninos); Si les Catacombes étaient à Florence, M. Daninos les aurait sans doute déjà visitées trois fois (Daninos); S'il avait un jour ce petit sourire-là, pourrait-elle encore le renvoyer de la même manière? (Sagan); - Si Ruth avait eu un revolver, elle aurait tiré sur son mari pour l'obliger à se taire (Exbrayat). La subordonnée introduite par "si" peut être averbale: Si oui, c'était une menace à peine déguisée (Simenon). La postposition de la subordonnée n'est pas exclue, notamment après quelques types des principales averbales, parmi lesquelles Béchade dégage un type fréquent avec les adjectifs exprimant une forme de satisfaction ("content", "heureux", "satisfait"): Trop heureux si vous ne me livrez à la police [2, p. 308].

II Les phrases du deuxième type (non-hypothétiques) s'opposent aux phrases hypothétiques par un ensemble de traits distinctifs, sémantiques et grammaticaux. Elles sont représentées en premier lieu par les phrases avec le rapport adversatif, appelées généralement "pseudo-conditionnelles" (псевдоусловные): Si Vertreter dormit bien, il n'en fut pas de même de Ludovic (Exbrayat)[34]. Les phrases pseudo-conditionnelles se distinguent des phrases hypothétiques non seulement par le rapport sémantique entre les composants (la valeur adversative), mais aussi par les marques formelles, notamment: 1) la position fixe de la proposition avec "si" (seulement l'antépostion); 2) l'emploi des formes verbales (la forme du présent non pas à la place du futur); 3) la différence, dans la plupart des cas, des sujets dans la subordonnée et la principale. Par exemple: Si les mots se révélaient sans importance, le ton ne l'était pas (Exbrayat). L'opposition des deux sujets est souvent mise en relief au moyen de la reprise: Si Martine Chapuis n'avait pas rougi, Mme Maigret, elle, piqua un phare (Simenon); Si Dexter était un ivrogne triste, Parson, lui, était le type de l'ivrogne méchant, agressif (Simenon). Le rapport d'opposition peut se rapprocher du rapport de confrontation ou de comparaison, auquel cas la valeur adversative entre les composants de la phrase s'affaiblit: Si la Cité est le coeur de Paris, le Quartier Latin en est l'âme; Si les sports d'hiver en temps normal sont coûteux, rien n'est plus cher que les sports d'hiver sans neige (Daninos). Le même affaiblissement de sens est typique des phrases avec le rapport de concession, auquel cas la conjonction "si", comme le fait remarquer L. Stage, est remplacée par la conjonction "bien que": Si je suis ta femme, je ne suis pas ton esclave →Bien que je sois ta femme, je ne suis pas ton

[34] Comme le font remarquer Damourette et Pichon, l'action dans ces phrases n'est pas présentée comme éventuelle et conditionnant telles ou telles conséquences, mais comme pleinement réel et venant faire pendant à un autre fait réel, qu'il ne conditonne pas [4, p. 79].

esclave. Mais cette substitution n'est pas toujours acceptable d'un point de vue pragmatique [13, pp. 182-183]. Dans les pseudo-conditionnelles où la valeur adversative est à l'arrière-plan les sujets peuvent coïncider: Si les chercheurs ne sont pas au bout de leurs peines pour identifier différents virus, ils piétinent également dans leur quête du vaccin (L'Express, cit. L. Stage, [13, p. 193]).

En résumé, les phrases pseudo-conditionnelles et leurs variantes sémantiques forment un type à part.

On rapporte aux phrases non-hypothétiques avec la conjonction "si" un type particulier des phrases complexes appelées "phrases factuelles". Dans les phrases de cette espèce la proposition subordonnée antéposée exprime un fait réel que la proposition principale postposée a pour objet d'expliquer ou de motiver: S'il n'est pas venu, c'est qu'il était malade[35]. Les phrases factuelles (au sens restreint) sont largement répandues dans les oeuvres littéraires: Si je vous appelle, c'est qu'il se passe quelque chose de grave (Simenon); Si vous vous donnez la peine de vous occuper de lui, c'est que l'affaire est importante (Simenon); Et s'il n'est pas parti, c'est qu'il n'est pas coupable (Exbrayat); Et si j'ai parlé de secret, c'est que je n'aime guère parler de ce que je suis en train de faire (Daninos). Les composants des phrases complexes, comme le montrent les exemples précités, peuvent être négatifs aussi bien que positifs. La forme négative est typique aussi des deux éléments constitutifs à la fois: Si je ne l'ai pas fait, c'est que je n'en avais pas envie (l'exemple de Wagner, Pinchon, [14, p. 641])[36].

La formule "c'est que" pourrait être considérée en tant que marque principale des phrases factuelles. Quant à d'autres paramètres de ces phrases, ce sont: 1) la position de la subordonnée (son antéposition obligatoire)[37] et 2) les formes du verbe dans les deux parties de la phrase complexe. L'emploi des formes verbales temporelles a été l'objet de quelques recherches spéciales dont les auteurs essaient de dégager les traits distinctifs des composants des phrases factuelles, par exemple, la dominance du présent et du passé composé (à l'inverse des phrases hypothétiques). D'après L. Stage, le critère temporal en tant que distinction entre les phrases factuelles (=non-hypothétiques) et hypothétiques s'avère insuffisant et en réalité l'emploi des formes verbales dans les phrases factuelles n'est soumis à aucune restriction [13, p. 170, p. 204]. D'autre part, l'auteur partage l'opinion universellement admise de la tendance

[35] Les phrases factuelles sont parfois associées aux phrases non-hypothétiques: "Nous avons jugé préférable de remplacer l'appelation traditionnelle "non hypothétique" par celle de factuel, parce que ce terme nous renseigne bien mieux sur la nature de ces propositions" [13, p. 165, p. 173]. Dans l'article de L. Stage les phrases factuelles sont l'objet de l'analyse contrastive dans les langues française et danoise.

[36] Selon Martinet, la proposition avec "si" peut faire place à une proposition indépendante, auquel cas les deux propositions forment deux phrases juxtaposées: Il n'est pas venu. C'est qu'il était malade [9, p. 215].

[37] On estime que la position de la subordonnée avec "si" en tête de phrase souligne sa fonction thématisante [13, p. 169].

générale à utiliser un temps identique dans les deux parties de la phrase (il est à noter que L. Stage fait quelques remarques intéressantes sur la différence de l'emploi des temps entre le français journalistique et la prose fictive [13, p. 170 et passim]).

Du point de vue de la valeur sémantique des phrases factuelles, c'est le plus souvent le rapport de cause qui s'établit entre les composants de la phrase complexe. Ce rapport peut être nuancé par quelques significations supplémentaires. L. Stage parle de "si" concessif, "si" adversatif, "si" additif, etc., bien qu'elle fasse souligner que ce n'est pas la conjonction, mais la phrase tout entière qui confère tel ou tel sens à l'énoncé. L'auteur se réfère aussi aux certains procédés lexicaux et grammaticaux qui peuvent exercer une influence sur le sens de la proposition potposée. Par exemple dans les phrases avec le rapport concessif sont souvent insérés les adverbes "pourtant" et "cependant", et dans les phrases avec le rapport adversatif, l'adverbe "en revanche". En fait, les limites entre les types sémantiques des phrases factuelles ne sont pas toujours très nettes, et les grammairiens font remarquer qu'on ne trouve pas des critères efficaces pour ranger les énoncés en "si" dans une catégorie déterminée. Cela s'explique par ce que certains rapports peuvent cumuler de différentes valeurs logiques et sémantiques, comme par exemple valeurs adversative et concessive qui sont difficiles à percevoir [13, p. 190, p. 204]. Quoi qu'il en soit, c'est le rapport de cause qui représente le contenu général des phrases factuelles. Ce rapport est encore plus manifesté dans le cas où il est explicite par les moyens supplémentaires (les prépositions et les conjonctions): S'il n'a pas réussi dans la vie c'est à cause d'une certaine tournure d'esprit (Simenon); Si je vis comme cela, c'est parce que je veux bien (cit. Stage [13, p. 176]); Si les journaux s'étaient intéressés à lui, c'était en grande partie à cause du pittoresque du personnage (Simenon). Dans les phrases de cette espèce la formule "c'est que" est remplacée par le présentatif "c'est", employé aussi dans quelques types des phrases interrogatives: Si on a trouvé mes empreintes digitales un peu partout, c'est naturel, non? (Simenon).

Il est à noter finalement que les phrases conditionnelles (hypothétiques et non-hypothétiques) peuvent être analysées dans l'aspect thémarhématique, qui permet de compléter et d'approfondir la description grammaticale de ces phrases. On met en évidence dans ce cas surtout le facteur positionnel des composants de la phrase complexe. Par exemple, dans la phrase "Paul viendra si Marie l'invite", c'est la subordonnée qui sera le foyer de la phrase: elle contient le focus de l'information. Alors que dans la phrase "Si Marie invite Paul, il viendra" le foyer sera constitué par la principale. Le rapport thème-rhème se complique davantage et acquiert des traits supplémentaires dans les phrases négatives. La négation joue évidemment un rôle très important dans l'organisation thémarhématique des phrases simples et complexes. Les phrases négatives avec la conjonction "si", de même que d'autres phrases complexes, forment un grand nombre de variables logico-sémantiques, syntaxiques et pragmatiques selon le rapport entre le thème et le rhème. Par exemple, dans les phrases exprimant la cause factuelle, le composant affecté par la négation est

posé comme propos (=le rhème) de la phrase: s'il est parti, ce n'est pas parce qu'il était malade (mais pour une autre raison) (Voir "Grammaire méthodique" [12, p. 851]).

Nous n'avons fait qu'aborder les problèmes que soulèvent les phrases complexes avec la conjonction "si". Une étude plus détaillée et plus approfondie pourrait faire intervenir d'autres paramètres: la structure des phrases conditionnelles interrogatives, leur aspect pragmatique, l'analyse contrastive du français avec d'autres langues romanes, etc. Au total, il reste un vaste domaine d'investigations.

Bibliographie

1. Arrivé M., Gadet F., Galmiche M. La grammaire d'aujourd'hui. Guide alphabétique de linquistique française. Paris, Flammarion, 1986. 179 p.
2. Béchade, Hervé D. Syntaxe du français moderne et contemporain. Paris: P.U.F., 1986. 332 p.
3. Cornulier B. Effets de sens. Les éditions de Minuit, Paris, 1985. 212 p.
4. Damourette J. et Pichon Ed. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française, v.VI. Paris, 1970. 368 p.
5. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire francaise. Duculot, 2000.
6. Haiman J. Conditional are topics. Language, vol. 54, № 3, 1978. Pp. 564-589.
7. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. Paris, 2008. 538 p.
8. Lorian A. L'expression de l'hypothèse en français moderne. Antéposition et postposition. Paris, Minard, 1964. Collection: Langues Styles, 1 vol. in-8°. Pp. 101-102.
9. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris: Didier-Credif, 1984. 276 p.
10. Monneret Ph., Rioul R. Questions de syntaxe française. Paris, P.U.F., 1999. 312 p.
11. Muller Cl. Combien faut-il distinguer de "si"? Annales Littéraires de l'Université de Besançon, V. 516, 1994. Pp. 185-206.
12. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P.U.F., 2016. 1168 p.
13. Stage L. Analyse syntaxique et sémantique de la conjonction "si" dans les propositions factuelles. Revue Romane, Bind 26, 2, 1991. Pp. 163-205.
14. Wagner R.L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Paris: Hachette, 2007. 640 p.

УДК 81.2

Д.Г. Веденина
Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ УСЛОВИЯ С СОЮЗОМ SI В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной работе рассмотрены основные вопросы, возникающие при выявлении закономерностей в использовании того или иного порядка слов в придаточных предложениях условия во французском языке. Кроме этого, приведены основные факторы, влияющие на положение главных членов внутри условного придаточного предложения. А также рассмотрены основные типы условных придаточных и их основные характеристики.

Ключевые слова: синтаксис французского языка, сложноподчинённое предложение, условное придаточное предложение, главные члены предложения, порядок слов.

D.G. Vedenina
Moscow Region State University

FEATURES OF WORD ORDER IN THE SUBORDINATE CLAUSE OF CONDITION WITH CONJUNCTION SI IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE

Abstract. This article is concerned with the main issues arise at the identification of patterns in use of certain word order in the subordinate clause of condition in French. Besides, there are considered the major factors affecting the position of the main members of a sentence in a subordinate clause of condition. There are also presented the main types of conditional clause and their main characteristics.

Key words: syntax of French, complex sentence, subordinate clause of condition, main members of a sentence, word order.

Проблемы порядка слов в придаточных предложениях в первую очередь связаны с позицией главных членов предложения - подлежащего и сказуемого, формирующих предикативный центр высказывания. Во французских придаточных предложениях возможны две конструкции, а именно «подлежащее + сказуемое» (прямой порядок) и «сказуемое + подлежащее» (инвертированный порядок). Но, в отличие от простых независимых предложений, использование данных конструкций в придаточных предложениях определяется рядом особенностей. Чтобы определить закономерности порядка слов в условном придаточном

предложении, следует рассмотреть основные характеристики данного типа предложения.

Цель данной статьи - рассмотреть закономерности использования порядка слов в условных придаточных предложениях в современном французском языке и определить факторы, влияющие на эти закономерности. Материалом для исследования послужили примеры из произведений современных французских писателей (M. Dugain, B. Groult, K. Pancol, B. Werber, A. Gavalda, F. Beigbeder, E. Ajar M. Levy*)*.

Условное придаточное предложение является одним из способов выражения категории условности во французском языке, и используется для выражения обусловленности явлений, от которых зависит возможность осуществления действия главного предложения. Условные придаточные предложения очень разнообразны по структурным признакам, по характеру семантических отношений, модальному значению и средствам связи. Выделяют два типа условных придаточных.

К первому типу условных придаточных относятся предложения, которые выражают конкретное условие, при котором может осуществляться действие, обозначенное в главном предложении. Данный тип предложений вводится союзом *si*, и представляет собой наиболее распространённый тип условных придаточных [4]. Условие, выраженное в придаточном, может относиться к настоящему, прошлому или будущему. То есть, сочетание модально-временных форм в условном придаточном определяются отнесением действий к определённому временному плану. Например:

Elles sont trop neuves, mais comment les vieillir si je ne peux pas les porter. (Dugain)

Leurs vies sont liées désormais, même si chacun sait qu'il ne peut rien bouleverser pour le moment. (Groult)

Глагольные формы придаточного предложения данного типа рассматриваются обычно в соотношении с главным.

Во французском сложноподчинённом предложении с условным придаточным гипотетическое действие может приобретать уступительное значение. Данное значение передаётся с помощью союзных выражений *même si* и *quand même* [4]. Например:

Même si elle avait pu les déchiffrer, cela ne l'aurait guère avancée: elle n'en connaissait aucune. (Pancol)

Même si vous n'avez pas l'intention de faire la moitié du chemin, un pas vers l'autre et la violence est derrière vous. (Dugain)

Основным показателем условной связи между частями сложноподчинённого предложения являются союзы, среди которых наибольшую сферу употребления получил союз *si*. Однако такая связь может также выражаться различными лексико-грамматическими показателями.

Ко второму типу условных придаточных относятся предложения, вводимые различными союзами и союзными выражениями. Следует отметить, что сфера их употребления по сравнению с *si* значительно более узкая [1]. Отсутствие чётких границ между различными типами придаточных предложений обусловлено отсутствием таких границ между логическими категориями, находящими своё отражение в связях между компонентами сложного предложения. В сфере предложений с обстоятельственным значением имеет место такое явление как многозначность. Многие союзы содержат в своей семантической структуре не одно, а несколько значений. Из-за многозначности некоторых союзом, им свойственно выражение не только разного рода условных связей, но и сочетания условных отношений с другими обстоятельственными отношениями. Например, союз *autant que* способен обозначать сравнительные, ограничительные, уступительные и условные отношения, союзу *pour autant que* свойственно выражение ограничения и условно-ограничительного значения [3]. К таким союзам следует отнести: *quand, quand même, quand bien même, lors même que, alors que, même que, même si, en cas où, en cas que, à condition que, pour peu que, pourvu que, à moins que* и др. Например, при препозиции придаточного предложения, вводимого союзом *quand,* данный союз приобретает условное значение:

Quand une fille me dit non, je passe à une autre. (Werber)

Большое значение в данном типе предложений имеет употребление времён и наклонений. В подавляющем большинстве случаев, в придаточных с данными союзами используется сослагательное наклонение. Например:

A moins que vous ne soyez trop monstrueux pour vous présenter devant moi. (Werber)

C'était un accord entre nous: je ne me plaignais pas à condition qu'il ne me parle plus de vous. (Gavalda)

Порядок слов, то есть расположение синтаксических членов предложения относительно друг друга, обусловлен в первую очередь тем, что предложение является линейным образованием. Иначе говоря, предложение реализуется во времени как последовательность сегментов. В каждом конкретном языке порядок слов играет определенную роль в структуре предложения, которая зависит от многих свойств грамматического строя конкретного языка.

Для условных придаточных предложений, вводимых союзом *si*, характерен прямой порядок слов. Например:

Ils mangeaient sur la pointe des fesses, toujours prêts à se lever si un client entrait. (Pancol)

Moi, je suis comme un cerf-volant, si quelqu'un ne tient pas la bobine, pfft, je m'envole… (Gavalda)

Si cette étrange hypothèse se confirmait, ce serait, en tous cas, une singulière «mort d'amour» (Werber)

На прямой порядок слов в данном типе придаточных никак не влияют модальные формы глагола и место самого придаточного.

Так же как и в других обстоятельственных придаточных предложениях, на прямой порядок слов в условных придаточных влияют грамматические факторы, к ним относятся синтаксические и морфологические. Ими управляют строгие грамматические законы, которые не допускают отклонений [2]. К синтаксическим факторам, которые обуславливают прямой порядок слов или инверсию относятся:

1) прямой порядок слов всегда имеет место в предложениях с подлежащим, выраженным личным местоимением:

Tromper sa femme n'est pas très méchant en soi, si elle ne l'apprend jamais. (Beigbeder)

2) прямой порядок слов реализуется в предложениях, содержащих прямое дополнение:

C'est la loi de la jungle et si la lionne ne défendait pas ses petits, personne ne lui ferait confiance. (Ajar)

Существуют и другие морфологические факторы, которые обуславливают прямой порядок слов, например, помимо личного местоимения, использование неопределённых и указательных местоимений в функции подлежащего:

Si ce n'avait été l'homme qu'elle avait toujours essayé de connaître, elle aurait cru déceler un peu de tendresse dans le regard qu'il posait sur elle. (Levy)

Как уже отмечалось ранее, другие союзы со значением условия используются намного реже, и примеры с данными союзами не многочисленны, поэтому не представляется возможным установить закономерности использования того или иного порядка слов в данном типе придаточных.

Каждый тип придаточных обстоятельственных предложений имеет свои особенности в использовании инверсии и прямого порядка слов. Для некоторых типов обстоятельственных придаточных предложений характерно использование как прямого порядка слов, так и инверсии подлежащего, но употребление той или иной конструкции (инверсия и прямой порядок) является обусловленным. Таким образом, придаточные предложения условия с союзом *si* в современном французском языке характеризуются использованием прямого порядка слов. Согласно исследованию, ведущая роль в определении порядка слов принадлежит грамматическому фактору, а именно морфологическая характеристика главных членов предложения, а также структура самогó предложения.

Литература

1. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис. – М., 2013. - 473 с.
2. Васильева Н.М. Порядок слов в современном французском языке (сложноподчиненное предложение). – Монография. – М., 2010.- 97 с.
3. Коберник А.В. Французские союзные выражения, образованные на базе наречия "autant", и их испанские эквиваленты: Автореф… дис. кан. филол. наук. - Москва.:2000. - 22 с.
4. Grevisse M., Le Bon usage, 14e édition par André Goosse, De Boeck Duculot, 2007. - 1600 p.

УДК 811

Ю.А. Дроздова
Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАЗВАНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей вопросительных конструкций в названиях французских статей экономической тематики. Устанавливается связь реалий экономической конъюнктуры и выбора грамматических средств в заголовке. Проведенный анализ позволяет выявить определенные закономерности в употреблении времен глагола, вопросительных слов и синтаксических конструкций в рамках названий статей.

Ключевые слова: вопросительная конструкция, употребление времен, вопросительные слова, газетный заголовок, французская пресса, экономическая тематика

Yu.A. Drozdova
Russian foreign trade academy (VAVT)

USE OF INERROGATIVE CONSTRUCTIONS IN ECONOMICAL HEADLINES OF FRENCH PRESS

Abstract. The article analyses some particularities of interrogative constructions in French economical headlines. The intercommunication of economical conjuncture realia and choice of grammar means in headlines is determined. The described study allows to define some regularities in the use of tenses, interrogative words and syntactic constructions in frame of newspaper headlines.

Key words: interrogative construction, tense usage, interrogative words, newspaper headline, French press, economical theme

Вопросительные конструкции традиционно привлекают внимание исследователей разных областей лингвистики, что особенно заметно в последние годы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8 и мн.др.]. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности употребления вопросительных конструкций в названиях экономических статей французской прессы. Проведенный анализ показал, что вопросительные конструкции присутствуют в заголовках французских экономических статей довольно часто (точное процентное соотношение варьируется в зависимости от издания, но общая доля заголовков-вопросов составляет примерно 7%). Интересным представляется тот факт, что общая экономическая конъюнктура оказывает непосредственное влияние на долю вопросительных заголовков в прессе. Так, с момента начала осложнения всемирной эпидемиологической ситуации в 2020 году, которая, прямо или опосредованно, касается всех сфер жизни, в том числе, и экономики, количество заголовков с вопросительными конструкциями увеличилось примерно на треть, что доказывает в очередной раз тесную взаимосвязь объективной реальности и языка. Нестабильность и непредсказуемость экономической ситуации провоцируют авторов статей представлять на суд широкой публики разнообразные дискуссионные и спорные вопросы, затрагивающие все области экономической жизни общества.

Digitalisation de notre économie: et si nous voyions le verre à moitié plein? (Le Nouvel Economiste)

Que feront les brigades d'enquêteurs chargées de suivre les Français contaminés? (Le Monde-Economie)

Sur le modèle du livret A, Éric Woerth propose un livret C pour relancer l'économie, de quoi s'agit-il? (Le Nouvel Economiste)

Неоспоримо, что намерение автора статьи может быть разноплановым (заинтриговать аудиторию, предложить свой ответ на какой-либо актуальный вопрос, спровоцировать дискуссию), однако главной целью, безусловно, является стремление максимально привлечь внимание читателя.

Согласно проведенному исследованию, употребление времен в заголовках статей французской экономической прессы имеет определенную специфику. Так, авторы статей совершенно явно тяготеют к выбору настоящего времени, что подчеркивает максимальную актуальность и своевременность вопроса, обращенного к аудитории:

Les statistiques économiques sont-elles encore crédibles? (Le Monde-Economie)

La France doit-elle quitter l'Afrique? (Le Monde-Economie)

Où vont les prix du pétrole? (Le Monde-Economie)

À qui appartiennent les données personnelles? (Le Nouvel Economiste)

Обращает на себя внимание частый выбор ближайшего будущего времени в рамках названий статей экономической тематики на французском языке, что обусловлено стремлением авторов подчеркнуть близость анализируемых событий или процессов, описать перспективу в обозримом будущем:

Comment va se dérouler le grand débat sur les retraites? (Le Nouvel Economiste)

Combien d'impôts paient les GAFA en France et comment l'État va-t-il les taxer? (Le Monde-Economie)

Les pauvres vont-ils révolutionner le XXIe siècle? (Le Monde-Economie)

Futur Simple также может встречаться в заголовках французских экономических статей, хотя доля его относительно невелика:

Le FMI survivra-t-il à la guerre des monnaies et du commerce? (Le Monde-Economie)

Intérieur, Éducation, Armée, Écologie...Qui sortira gagnant du budget 2020? (Le Nouvel Economiste)

Chine ou Etats-Unis, lequel sera le plus à même de contrôler ses riches élites? (Le Nouvel Economiste)

В некоторых случаях возможно употребление конструкций со значением предположительности, когда автор статьи стремится представить на суд читателя тот или иной дискуссионный вопрос, свой экономический прогноз на будущее, а также предложить читателю оценить предполагаемый ход событий с точки зрения возможности / вероятности.

Mais si tout tournait mal? (Le Figaro-Economie)

Budget: et si la France s'inspirait (un peu) de Singapour? (Le Monde-Economie)

Et si le sable venait à manquer? (Le Nouvel Economiste)

Как показывает проведенный анализ, прошедшие времена довольно редко употребляются в названиях французских статей экономической тематики, содержащих вопросительные конструкции. Как правило, выбор прошедшего времени автором статьи связан с описанием или хронологией неких событий, а также с биографическими фактами, касающимися известных в той или иной экономической сфере лиц:

Carlos Ghosn a-t-il volé Nissan? (Le Figaro-Economie)

Qui était Ingvar Kamprad, le fondateur d'Ikea? (Le Nouvel Economiste)

John Maynard Keynes était-il un libéral? (Le Nouvel Economiste)

Небезынтересным представляется проанализировать некоторые особенности выбора вопросительных слов в заголовках-вопросах статей французской экономической тематики. Так, нередким выразительным средством является одновременное использование нескольких вопросительных слов, что позволяет автору статьи показать многоплановость и комплексность анализа рассматриваемого явления:

Quel cadeau d'affaires, à qui et quand? (Le Monde-Economie)

Gafa, jusqu'où ? Jusqu'à quand? (Le Nouvel Economiste)

MBA, quel ROI et pour qui? (Le Figaro-Economie)

Часто вопрос к тому или иному высказыванию ставится в конце заголовка, при этом он может подразумевать определенное возражение сказанному ранее (такому вопросу нередко предшествует союз mais):

Des centrales nucléaires, mais où? (Le Monde-Economie)

La transparence, certes, mais jusqu'où? (Le Figaro-Economie)

Baisser les dépenses publiques: oui, mais lesquelles? (Le Nouvel Economiste)

В рамках названий экономических статей вопрос, чаще всего, ставится к третьему лицу (и нередко имеет форму сложной инверсии).

Le regain d'introductions en bourse est-il parti pour durer? (Le Nouvel Economiste)

L'investissement factoriel peut-il tuer les hedge funds? (Le Monde-Economie)

L'Allemagne peut-elle survivre au 'moment iPhone' de l'automobile? (Le Nouvel Economiste)

Однако, чтобы привлечь к тематике статьи внимание менее профессионально подготовленной аудитории, авторы могут использовать вопрос ко второму лицу множественного числа (в этом случае в статье может проводиться своеобразный «ликбез» для неискушенного в экономическом плане читателя).

Pourquoi devez-vous opter pour l'investissement locatif meublé non professionnel (LMNP)? (Le Monde-Economie)

En combien d'années rentabiliserez-vous un achat immobilier à Paris?

(Le Nouvel Economiste)

В вопросительных заголовках такого типа часто наличествует противопоставление:

Êtes-vous fomo ou jomo? (Le Figaro-Economie) (аббревиатуры, заимствованные из английского языка. FOMO - *fear of missing out (страх упущенных возможностей, синдром упущенной выгоды);* JOMO - *joy of missing out (радость от упущенной выгоды))*

Êtes-vous celui qui attend ou celui qui n'attend pas? (Le Nouvel Economiste)

Vous êtes 'actions ou obligations'? (Le Nouvel Economiste)

В отдельных случаях авторы статей выбирают даже довольно неформальное обращение к читателю на «ты»:

En as-tu vraiment besoin? (Le Figaro-Economie)

Обращение вопроса к первому лицу множественного числа также позволяет автору максимально вовлечь читателя (наравне с собой) в решение какого-либо дискуссионного вопроса:

Classiques contre code informatique: que devrions-nous enseigner à nos enfants? (Le Nouvel Economiste)

À quel point sommes-nous dépendants de l'économie chinoise? (Le Figaro-Economie)

Inclusive ou excluante: quelle société voulons-nous? (Le Nouvel Economiste)

Facebook ou Google, de qui devrions-nous avoir le plus peur? (Le Monde-Economie)

Номинативные вопросительные заголовки в статьях французской экономической прессы встречаются примерно в 15% случаев. Нередким приемом в данном случае является противопоставление или сравнительный анализ каких-либо экономических явлений, понятий, процессов:

Assurance-vie, contrat unique ou contrats multiples? (Le Nouvel Economiste)

Coalition ou cohabitation? (Le Figaro-Economie)

Portage salarial ou auto-entreprise? (Le Nouvel Economiste)

Jean de Kervasdoué - Avoir ou être? Le PIB ou l'espérance de vie? (Le Figaro-Economie)

Classes prépas, voie royale ou féodale? (Le Monde-Economie)

La banque privée, luxe ou nécessité? (Le Nouvel Economiste)

Crédit en ligne ou crédit classique, comment s'y retrouver? (Le Monde-Economie)

Часто в начале номинативного заголовка-вопроса содержится некое понятие, общая тема, один из аспектов которой подвергается анализу в статье:

Jacques Chirac: quel bilan économique pour l'ancien président de la République? (Le Figaro-Economie)

Thomas Cook: la chute d'un géant du tourisme? (Le Nouvel Economiste)

Bitcoin - Métamorphoses - De l'or des fous à l'or numérique? (Le Nouvel Economiste)

Итак, вопросительные конструкции в рамках названий статей французской экономической прессы обладают рядом специфических черт, а именно, для них характерен выбор настоящего и ближайшего будущего времени для максимальной актуализации тематики заголовка, частое использование противопоставлений и сравнений, обращение вопроса к первому и второму лицу для усиления вовлечения читателя в проблематику статьи, одновременное использование нескольких вопросительных слов в одном предложении для анализа комбинации разноплановых аспектов того или иного экономического понятия.

Литература

1. Абраменко В.В., Кругликова Е.А. Вопросительные конструкции как имплицитный способ выражения оценки в жанре англоязычного интернет-комментария [текст] / В.В. Абраменко, Е.А. Кругликова // Молодой ученый. - 2019. - № 21 (259). - С. 550-552.
2. Белошицкая Н.Н. Особенности жанрового и метадискурсивного использования высказываний, построенных по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций в русском и английском языках [текст] / Н.Н. Белошицкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. -Серия: Гуманитарные науки. - 2018. - № 9. - С. 65-69.
3. Воробьева Е.Н. Использование эмфатических конструкций с наречием ever в эмоциональном вопросе [текст] / Е.Н. Воробьева // Аллея науки. - 2018. - Т. 2. - № 4 (20). - С. 163-167.
4. Дроздова Ю.А., Зубкова М.Н. Характеристика вопросительного оборота "est-ce que" во французском языке (диахронный аспект) [текст] / Ю.А. Дроздова, М.Н. Зубкова // Верхневолжский филологический вестник. - 2019. - № 4 (19). - С. 149-156.
5. Репнина Т.В. Монопредикативные вопросительные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) [текст] / Т.В. Репнина // Вестник Новосибирского государственного университета. - Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2018. - Т. 16. - № 3. - С. 102-115.
6. Титаренко С.А. Лингвопрагматический аспект вопросительных предложений в заголовках видеороликов [текст] / С.А. Титаренко // Материалы Научной сессии в 2 т.. - отв. ред. А.Э. Калинина. - 2018. - С. 414-419.
7. Ульяницкая Л.А. Подлежащее в вопросительных предложениях французского и нидерландского языков как предел синтаксической интерференции [текст] / Л.А. Ульяницкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2018. - № 1-2 (79). - С. 377-386.
8. Чернышева О.Н., Киселева А.Д. Современные тенденции вопросительных конструкций во французском языке [текст] / О.Н. Чернышева, А.Д. Киселева // Альманах мировой науки. - 2019. - № 6 (32). - С. 32-35.

УДК 81-114.2

А.И. Крюкова
Московский государственный областной университет

ВЛИЯНИЕ ПРИДАТОЧНОГО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ВЫБОР АРТИКЛЯ ПЕРЕД ЗАВИСИМЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Цель данного исследования - проанализировать влияние придаточного относительного предложения на употребление определенного, неопределенного и нулевого артиклей при зависимом существительном предложно-именного словосочетания. Процедура и методы исследования. Проведен обзор и анализ научных трудов по проблеме употребления артикля. Теоретическая и практическая значимость заключается в обобщении данных исследования по теме употребления артикля в предложно-именном словосочетании в двух родственных языках. В результате выявлено, что сложноподчиненное предложение с атрибутивной связью может обуславливать употребление той или иной формы артикля перед зависимым существительными предложно-именного словосочетания, но не является основным фактором. Есть и другие, которые в основном совпадают и во французском, и в испанском языках: лексико-семантическая принадлежность существительного, контекст, речевая ситуация.

Ключевые слова. Определенный артикль, неопределенный артикль, нулевой артикль, предложно-именное словосочетание, главное и зависимое существительные, относительное придаточное предложение

A.I.Kriukova
Moscow Region State University

INFLUENCE OF A SUBORDINATE RELATIVE CLAUSE ON THE CHOICE OF AN ARTICLE BEFORE A DEPENDENT NOUN OF A PREPOSITIONAL-NOMINAL PHRASE (BASED ON FRENCH AND SPANISH)

Annotation. The purpose of this study is to analyze the influence of the subordinate relative clause on the use of definite, indefinite and null articles in the dependent noun of a prepositional - nominal phrase. Procedure and methods of research. The review and analysis of scientific works on the problem of article usage is carried out. Theoretical and practical significance consists in generalization of research data on the topic of the use of the article in a

prepositional-nominal phrase in two related languages. As a result, it was found that a compound sentence with an attribute connection can cause the use of a particular form of the article before dependent nouns of a prepositional-nominal phrase, but it is not the main factor. There are others that are mostly the same in both French and Spanish: the lexical and semantic identity of the noun, the context, and the speech situation.

Key words. The definite article, indefinite article, zero article, prepositional-nominal phrase, the main and the dependent noun relative adverbial clause

Придаточные относительные или определительные предложения, как справедливо отмечает Н. М. Васильева, «являются очень неоднородными как в семантическом, так и в структурном отношении, и в свою очередь охватывают весьма разнообразные типы предложений». [1]

Традиционно в лингвистике французского и испанского языков выделяют предложение с атрибутивной связью, которые во французском языке оформляется относительными местоимениями **qui**, **que**, **dont**, **quoi**, **lequel**, **où**, **d'où**, выступающими в роли союзных слов; а в испанском языке разграничивают *относительные придаточные предложения, которые вводятся относительными местоимениями* **el (la, los, las) que, quien (quienes), cuanto (=lo que, los que)***, употребляются без антецедента* и *определительные придаточные предложения, вводящиеся относительными местоимениями* **quien (quienes)**, **cual**, **cuyo***, относительными наречиями* **como**, **donde**, **cuando**. Эти придаточные относятся к антецеденту, находящемуся в главном предложении. Определительные придаточные предложения обозначают признак или описание лица или предмета, то есть, по сути, они являются развернутыми определениями.

Антецедентом придаточного относительного предложения, может являться зависимое существительное, входящее с состав предложно-именного словосочетания.

Как показывает материал во французском языке в данном типе конструкций, в которых главное и зависимое существительные оформляются определенным артиклем, выделяются:

1) конструкции, в которых придаточное относительное предложение влияет на употребление определенного артикля перед зависимым существительным, способствуя конкретизации существительного, то есть усиливает конкретизирующую функцию определенного артикля перед зависимым существительным, указывая на то, что речь идет не о понятии вообще, а о конкретном предмете, явлении и так далее.

Определенный артикль может оформлять как абстрактное, так и конкретное одушевленное и неодушевленное существительное: *En revivant*

mentalement cette pénible soirée, ils en retrouvaient l'atmosphère, le climat et jusqu'à ***l'ordre*** *de la* ***peur*** *qu'ils avaient éprouvée alors*. (GMS, 387);

Il ne pouvait se défaire de la ***vision*** *de l'****enfant*** *que Jeffrey avait percuté.* (GMA, 285);

Une brise toute légère attisai les ***parfums*** *du* ***thym*** *et du* ***romarin*** *que Pompon avait plantés au bord de sa rocaille.* (BVEt, 76)

Следует отметить, что изъятие придаточного относительного предложения, относящегося к зависимому существительному предложно-именного словосочетания, ведёт к обобщению значения этого существительного, смысл всего предложения «теряется»: *En un instant, il avait perdu son statut d'avocat respectable pour endosser l'habit du salaud qui avait pris la fuite après avoir renversé un gosse.* (GMA, 285) - В одно мгновенье, он потерял свой *статус респектабельного адвоката, напялив одежду негодяя, который убежал, сбив мальчишку*.

В данном подтипе очень часто действия придаточного предшествует действию главного предложения, что выражено употреблением временной формы «plus-que-parfait»: *...elle n'était toujours pas passée prendre les resultats des analyses que son mèdecin lui avait demandé de faire la semaine demière.* (GMA, 347) - ... она не всё ещё не сходила за *результатами анализов, которые ее врач попросил её сделать на прошлой неделе*.

Данное утверждение справедливо и для испанского языка: *Se le oía moverse en el cuarto con una atormentada y enloquecedoa insistencia, igual que si en esas noches lo recibiera en el cuarto el fantasma del hombre que había sido hasta entonces*.... (GGMH, 73) - Было слышно, как он двигался в комнате с мучительной и умопомрачительной настойчивостью, равно как если этими ночами он принимал в комнате *призрак человека, который был там до сих пор.*

Действие придаточного относительного предложения может передаваться и формой «passé immédiat»: *Les images du film qu'il venait de voir se télescopaient dans son esprit.* (GMA, 111) – *Картинки фильма, которые он только что видел,* сталкивались в его уме;

2) конструкции, придаточное относительное предложение которых дополняет значение словосочетания, в некотором смысле дублирует его или является причиной существования значения, передаваемого словосочетанием: *Dehors, on entendait le grondement du vent qui faisait vibrer les carreaux.* (GMA, 171) - Снаружи, был слышен грохот ветра, который заставлял дрожать кафель.

Manhattan n'était plus éclairée que par les phares des voitures et par la blancheur de la neige qui prosphorait dans la nuit. (GMS, 81) - Манхэттен был освещен только *фарами машин и белизной снега, который светился ночью.*

Определение, выраженное придаточным относительным предложением, является дополнительной характеристикой зависимого существительного.

В данном подтипе конструкций действие главного существительного и придаточного предложения происходит одновременно, что выражено временной формой «imparfait»: *Dehors, on entendait le grondement du vent et le bruit des vagues qui se déversaient sur la plage.* (GMA, 119) - Снаружи, был слышен грохот ветра и *шум волн, которые выливались на пляж*.

Главное существительное данной конструкции, как правило, содержит сему «произведение действия». Зависимое существительное является причиной возникновения понятия, заложенного в главном существительном. А зависимое существительное является конкретным существительным во множественном числе или существительным единичной семантики: *Vers cinq heures, il agite son trousseau, et commence alors la cacophonie des verrous qui cliquettent.* (MLel, 196) - К пяти часам он потряхивает связкой ключей, и тогда *начинается какофония позвякивающих запоров.*

Elle prit un café dans un distibuteur et resta un long moment à la vitre à obsever les reflets des gratte-ciel qui bordaient Park Avenue. (GMS, 256) - Она выпила кофе в дистрибуторе, и *долгое время сидела и рассматривала отражающиеся в стекле небоскрёбы, окаймляющие Парк-авеню.*

В испанском языке также можно выделить данный подтип конструкций: *El romero parecía sofocado por la cegadora claridad de septiembre, por el sopor de las cigarras, por el jadeo de los hombres que trataban de desmontar una puerta en el vecinadario.* (GGMH, 79*)* – Розмарин аптечный казался подавленным ослепительной ясностью сентября, сонливостью цикад, *одышкой мужчин, которые старались демонтировать дверь по соседству*.

Определение, выраженное придаточным относительным предложением, уточняет конкретное значение определенного артикля перед зависимым существительным: *Se hizo nítido el ruido del agua que caia en el tonel.* (RAL, 115) - *Шум падающей в бочонок воды* стал чётким.

Определенный артикль имеет значение «тот»: *Sentí el cansancio del brazo en que tenía, sin probarlo, el plato con el dulce y los panecillos.* (GGMH, 37) - Я почувствовал, как *устала рука, в которой держал, не пробуя, тарелку со сладким и булками*;

3) конструкции, придаточное относительное предложение которых не оказывает влияние на употребление определенного артикля перед зависимым существительным и может быть изъято из предложения без нанесения ущерба смыслу: *Il regarda par la fenêtre, devina l'agitation et le bourdonnement de la ville qui s'étendait 50 étages bas.* (GMS, 63) - Он посмотрел в окно, понял волнение и *гудение города, которое распространялось на 50 низких этажей.*

Определённый артикль перед зависимым существительным обусловлен макроконтекстом: *Elle caresa la tête* ***du chat*** *qui ronronna de plaisir, et lui annonça:*

- *Julietta Beumont, enchantée.* (GMS, 46) - Она погладила *голову* ***кошки****, которая мурлыкала от удовольствия* и сообщила ей:

- Джульетта Бёмонт, приятно познакомиться.

Как правило, оба существительных данной конструкции являются конкретными существительными*: Découvrir que son père était un truand assassiné par des confreres, avait été un tel choc qu'il était resté longtemps prostré contre le* ***tronc*** *du* ***platane*** *ami, dont le feullage rassurant avait tenté de lui murmurer une tout aute histoire*. (BVEt, 116)

В испанском языке употребление определенного артикля перед зависимым существительным в данном подтипе словосочетаний с придаточным относительным предложением может быть обусловлено:

1) семантикой существительного: *Ahora ... pienso que en esa pierna inhábil está el secreto del* ***compromiso*** *que se dispone a cumplir contra la voluntad del pueblo.* (GGMH, 113) – Сейчас… я думаю, что в этой неуклюжей ноге заключается *секрет договоренности, которую он готов выполнять против воли народа*. – Существительное *el compromiso* является абстрактным, взятым в полном объеме своего значения;

2) речевой ситуацией: *Pero cuando mi padre va a hablar de nuevo, so oyen en el cuartíto de atrás las pisadas del alcalde que entra en la habitación, tamfalendo.* (GGMH, 110) - Но когда мой отец снова заговорит, сзади в комнатке послышатся *шаги мэра, который входит в комнату, пританцовывая.* Существительное *el alcalde* единственно возможное в данной ситуации.

Определенный артикль перед зависимым существительным имеет значение «этот»: *La amabilidad de la mujer que me daba de beber no permitía confusiones de ninguna especie.* (GGMN, 234) – Доброжелательность *той женщины, которая давала попить,* не допускала никакого вида ошибки.

В испанском языке изъятие придаточного относительного предложения, выступающего в качестве определения зависимого существительного, может стать причиной появления нулевого артикля перед зависимым существительным. Следовательно, форма артикля перед главным существительным изменится: *...él no había hecho nada por el placer de su materia, mientras que a su espíritu no le fue negada ni la geografía de los países para quienes los hombres aún no han descubierto máquinas quinas para llegar.* (RAL, 96) - … он ничего не сделал ради удовольствия матери, хотя в уме не отказался посетить *те страны, до которых люди еще не придумали на какой машине добраться*. - *...él no había hecho nada por el placer de su materia, mientras que a su espíritu no le fue negada ni la geografía de países ....* Значение всего предложения изменяется.

Неопределенный артикль появляется перед зависимым существительным в случае, если придаточное относительное предложение классифицирует понятие, обозначенное зависимым существительным, указывая на одну из его разновидностей: *J'ai été assailli des souvenirs d'une*

vie qui ne m'appartenait plus.... (ACE, 101) – На меня нахлынули воспоминания жизни, которая мне больше не принадлежала ….

Неопределенный артикль перед зависимым существительным имеет значение «один из»: *Je lui ai remis l'argent et elle m'a confié la clé d'une chambre au rez-de-chaussée qui donnait sur la rue*. (MLel, 32) - Я ей вручил деньги, а она мне дала *ключ от комнаты* на цокольном этаже, *которая выходила на улицу.*

Существительное с неопределенным артиклем, имеющим значение «один из», может быть абстрактным. В этом случае неопределенный артикль ограничивает понятие, заложенное в зависимом существительном: *Sam y lut quelque chose d'inquiétant, comme l'imminence d'un danger, qui le poussa à ne pas s'éterniser ici.* (GMS, 132) - Сэм прочитал там что-то встревожившее его, как *неизбежность опасности, что его подтолкнуло к тому, чтобы не задерживаться здесь надолго*.

Придаточное относительное предложение может усиливать значение неопределенного артикля перед зависимым существительным: *Un soir de pluie, il avait été appelé pour constater le suicide d' une femme qui s'était jetée du haut d'un immeuble de Downtown.* (GMSl, 91) – Однажды дождливым вечером его позвали, чтобы констатировать *самоубийство женщины, которая бросилась с высоты здания Даунтаун.*

Использование определённого наклонения придаточного относительного предложения может подчёркивать значение «неизвестный»: *Il grogna, impatient, craignant l'approche d'un voisin qui* aurait trouvé *étrange de le voir, à deux pas de chez lui, téléphoner d'une cabine publique.* (BVEt, 180) - Он ворчал нетерпеливо, опасаясь приближения *соседа, которому показалось бы странным видеть его в двух шагах от дома, звонящего по общественному телефону из кабины*.

В испанском языке неопределенный артикль в данном подтипе конструкций может выполнять обобщающую функцию, как правило, перед одушевлённым конкретным существительным: *Dicha tristeza ... tornábase profunda, como debe…el dolor de una madre que nunca pudo satisfacer los deseos de su hijo.* (RAL, 97) - Вышеупомянутая грусть… становилась глубокой, какой должна быть… *боль матери, которая никогда не могла удовлетворить желания своего сына*.

При этом главное существительное может быть и конкретным, и абстрактным: *Así, junto a la* ***corpulencia*** *de un* ***negro****, cuya mano perdíase en el trasero de un pequeño, veía una mesita minúscula…sobre la que estaban aplastadas las pequeñas cabezas de unos hombres ladrones*.... (RAL, 160)

Неопределенный артикль перед зависимым существительным может иметь характеризующую функцию: *Y la meretriz le gritaba desde la puerta entreabierta del dormitorio, en cuyo interior se escuchaba el ruido de un hombre que se vestía:*

-*¿Vamos,querido?* (RAL, 20) – Проститутка крикнула ему в полуоткрытую дверь спальни, внутри которой *было слышно, как кто-то одевался*:

- Мы идем, возлюбленный?

Или индивидуализирующую функцию. Неопределенный артикль имеет значение «один»: - *Este caballero, digo - agregó la tía, - que por una feliz casualidad ha hecho conocimiento con nosotros y resulta ser el hijo de una señora a quien conocí*.... (MUN, 71) - Этот господин, говорю, - добавила тетя, - по счастливой случайности познакомился с нами и, оказывается, он *сын одной сеньоры, которую я знала*….

Употребление определенного артикля в первой и второй подгруппах обусловлен:

- семантикой существительного;
- группой предлог de + зависимое существительное.

Неопределенный артикль перед главным существительным в конструкции *«главное существительное + предлог de + зависимое существительное* + определение *(придаточное относительное предложение)»* выделяет количественную характеристику существительного. Значение неопределенного артикля близко значению числительного «один»: *...des nausées l'indisposaient, depuis l'instant où Michel, en soulevant une partie du mystère qui la rongeait depuis si longtemps, avait réveillé des souvenirs douloureux;* (BVEt, 82) - *… она страдала от тошноты* с того самого момента, как Мишель, раскрыв *часть тайны, которая её мучала потом так долго*, разбудил болезненные воспоминания;

Por el camino yo me iba acordando del asiento inservible, arrimado a un rincón de ***la cocina*** *que en un tiempo siruió para recibir visitas* .... (GGMH, 49) – По дороге я вспоминал о непригодном стуле, стоящем в *уголу кухни, в которой временами принимали посетителей….*

Придаточное относительное предложение может настаивать на конкретном значении существительного: *une partie du mystère qui la rongeait depuis si longtemps* (BVEt, 82) – часть той тайны, которая мучала её в течение длительного времени*;*

Cada viento es un número de la ruleta que trae ... su propia amenaza. (CICCb, 52) - Каждый порыв ветра - *число рулетки, которая несёт… собственную угрозу.*

Определенный артикль может указывать на то, что данное существительное является единственно возможным в данной ситуации: *un rincón de* ***la cocina****, que en un tiempo sirvió para recibir visitas*. (GGMH,49)

Конструкции, в которых придаточное относительное предложение относится к *зависимому существительному*, последнее оформляется ***нулевым артиклем***, а *главное существительное* – ***определенным артиклем***, подразделяются в зависимости от варианта нулевого артикля перед зависимым существительным.

Во французском и испанском языках выделяются конструкции, в которых зависимое существительное оформлено:

1) реальным нулем, указывающим на сужение обобщённого значения зависимого существительного: *...Oui, j'ai peur, avoua Bastien malgré l'amorce de mépris dont le gosse le gratifiait.* (BVEt, 143)

2) нулевым вариантом эксплицитного артикля, указывающим на неопределенное количество понятия, содержащегося в зависимом существительном: *D'un côté ils posent la pile de tracts qu'ils ont tapés à la machine, de l'autre côté un bidon plein d'eau.* (MLel, 23)

В первом случае, хотя придаточное относительное предложение относится к зависимому существительному, оно (придаточное относительное предложение) конкретизирует главное существительное, способствуя употреблению определенного артикля. Определенный артикль приобретает значение, близкое указательному прилагательному «этот»: *Tout en conduisant, il ne cessa de s'interroger sur le mélange de rejet et de fascination qu'il éprouvait envers Garrett.* (GMA, 120) – Продолжая вести машину, он не переставал задаваться вопросом *о **той** смеси отвращения и очарования, которое он испытывал по отношению к Гаретту*.

В испанском языке придаточное относительное предложение может конкретизировать зависимое существительное и не оказывать влияние на определённый артикль перед главным существительным. Определённый артикль имеет значение, близкое по значению к притяжательному прилагательному: *Es justo - me levanté. - El sueño de vals que bailábamos no tiene nada de divertido.* (HQ, 225) – Это справедливо. - Я встал. – В *мечте о **том** вальсе, который мы танцевали, нет ничего смешного.*

Во втором типе словосочетаний нулевой артикль употребляется, как правило, перед зависимым существительным во множественном числе.

Во французском языке главное существительное может быть изъято из словосочетания, в этом случае зависимое существительное приобретает неопределенный артикль множественного числа со значением» неопределенное множество»: *Le chauffeur haussa les épaules en désignant la file de voitures qui roulaient au pas en raison du mauvais temps.* (GMS, 385) - Шофер пожал плечами, указывая на *ряд машин, которые плелись как улитки из-за плохой погоды.*

В испанском языке зависимое существительное приобретает определенный артикль множественного числа. Определенный артикль имеет значение «тот»: *Erdosain ha ideado un aparato que permitirá controlar diariamente el número de visitas que reciba cado pupila.* (RAL, 39) - Эрдосаин разработал приспособление, которое позволит контролировать ежедневно то *количество визитов, которое получит каждая подопечная.*

Придаточное относительное предложение конкретизирует главное существительное, хотя относится к зависимому существительному, на что указывает форма главного существительного или согласование причастия с

прямым дополнением, которое и является зависимым существительным: *Je ne peux pas compter le nombre d'appareils que nous avons ainsi cloués au sol.* (MLel, 135) - Я не могу сосчитать *количество аппаратов, которые мы прикрепили таким образом к земле.*

Les deux hommes longèrent la multitude de boutiques qui bordaient les rampes conduisant aux quais. (GMA, 323) - Оба человека двинулись вдоль *множества бутиков, которые окаймляли эстакады, ведущие к набережным.*

Ayestarain comprendió ... la parte de verdad que había en lo anterior…. (HQ, 208) - Аестараин понял… *часть правды, которая была раньше….*

Конструкции, в которых главное существительное употреблено с неопределённым артиклем, а зависимое существительное с определением, представленным придаточным относительным предложением, оформлено одним из вариантов нулевого артикля, также представлены двумя типами:

1) неопределенный артикль главное существительное + предлог de + реальный нуль зависимое существительное + придаточное относительное предложение: *Et puis la naissance de Lucas lui avait apporté ... une amorce de force qu'elle ne soupçonnait pas.* (BVEt, 178)

Súbitamente estalló una tormenta de relámpagos, que cruzaban el cielo en todas direcciones, y empezó a llover a raudales. (IACB, 58);

2) неопределенный артикль главное существительное + предлог de + нулевой вариант эксплицитного артикля зависимое существительное + придаточное относительное предложение: *Elle se fraya un passage au milieu d'un groupe de jeunes qui trafiquaient dans la cage d'escalier.* (GMS, 198)

В первой структурной модели неопределенный артикль перед главным существительным во множественном числе передает неопределенное количество понятия, заложенного в существительном, и имеет значение «разный»: *Toujours des fougues l'emportaient, dans des coins d'âme qu'on avait négligé de murer.* (EZR, 60) - Его пыл всегда уносил … *в уголки души, которую забыли замуровать.*

Существительное с реальным нулем имеет конкретизированное значение, подчеркнутое придаточным относительным предложением. Реальный нуль имеет значение «тот»: *Il lui a cité des examples de chiens qui avaient fait des dizaines de kilomètres pour retrouver leur maître.* (ACE, 39) - Он привел ему разные *примеры собак, которые проделали десятки километров, чтобы вернуться к хозяину;*

Une histoire de vaccins qui h'étaient pas à jour. (GMS, 253) - *История тех прививок, которые не были сделаны до сих пор.*

Во второй структурной модели неопределенный артикль может оформлять существительное во множественном числе, нулевой вариант эксплицитного артикля употребляется также перед существительным во множественном числе. Главное существительное с неопределенным артиклем может быть заменено наречием «beaucoup»: *Il y a des tas de parents*

qui exigent de leurs mômes un retour à minuit, comme si les bêtises ne se faisaient qu'à partir de cette heure- là.... (BVEt, 149) – *Огромное множество родителей требуют от своих детей возвращаться до полуночи*, как если бы глупости делались, только начиная с этого часа. – Beaucoup de de parents qui exigent de leurs mômes un retour à minuit.

Нулевой вариант эксплицитного артикля имеет значение «тот». Определение зависимого существительного, выраженное придаточным относительным предложением, настаивает на конкретизирующем значении нулевого варианта эксплицитного артикля: *Il pensa à des tas de choses qu'un petit garçon de son âge ne sait pas encore partager avec d'autres.* (BVEt, 366) - Он подумал о *куче вещей, которые маленький мальчик его возраста не может еще разделить с другими.*

Неопределенный артикль может оформлять зависимое существительное в единственном числе, тогда как зависимое существительное во множественном числе сопровождается нулевым вариантом эксплицитного артикля, имеющего значение «неопределенного множества».

Главное существительное может быть изъято, в этом случае перед зависимым существительным будет употреблен неопределенный артикль множественного числа, имеющий значение «разный»: *Mais il existe aussi ... un tas de décès qu'il est impossible de prévoir à l'avance.* (GMA, 52) - Но существует также … *огромное множество кончин, которое невозможно предусмотреть заранее.*

Зависимое существительное может быть абстрактным: *Toutes ces émotions l'avaient plongé dans une vague de* ***mélancolie****, qui peu à peu s'était trans transformée en angoisse....* (GMA, 185)

Определение - придаточное относительное предложение является лишь дополнительной характеристикой зависимого существительного: *Tout à coup, il fut dépassé par un cortège d'ambulances qui, gyrophare hurlant, fonçaient vers Brooklyn.* (GMA, 72) - Внезапно, его перегнал *кортеж машин скорой помощи, которые, воющие и мигающие сигнальными огнями, быстро ехали по направлению к Бруклину.* И может быть изъято без ущерба для смысла всего предложения: *Enveloppé par un tourbillon de flocons qui s'accrochaient à ses cheveux et à sa barbe naissante, il était bien.* (GMS, 26) – *В вихре снежных хлопьев, которые цепляли за его волосы и за его щетину*, он чувствовал себя хорошо. Определение, выраженное придаточным относительным предложением, может конкретизировать зависимое существительное с нулевым вариантом эксплицитного артикля: *Je vous ai apporté ici ... un tas de documents qui prouvent mes affirmations...* (GMA, 136) - Я вам принёс *кучу документов, которые доказывают мои утверждения....*

В испанском языке, как показывает материал, группа словосочетаний, в которых *главное существительное* сопровождается ***нулевым артиклем***, а

зависимое существительное – ***определенным артиклем***, немногочисленна. Главное и зависимое существительные - конкретные.

Определение, представленное придаточным относительным предложением, является детерминирующим контекстом для зависимого существительного: *...cuando leas estas líneas yo estaré con Mauricio camino del pueblo adonde éste va destinado gracias a tu bondad....* (MUN, 211) - ... когда ты прочитаешь эти строки, я буду с Маурисио *по дороге в посёлок, куда и отправился благодаря твоей доброте....*

Неопределенный артикль перед зависимым существительным появляется в случае, если придаточное относительное предложение является характеризующим контекстом для зависимого существительного: *On ne peut pas dire qu'il avait loupé sa vie: il était père d'une fille qu'il adorait, il avait été utile*. (GMSl, 114) - Нельзя сказать, что его жизнь не удалась: он был *отцом девушки, которую он обожал,* и был полезен.

Неопределенный артикль перед зависимым существительным может иметь значение «один»: *Ni siquiera supe si era francés como se suponía, ni si conservaba recuerdos de una familia que debió tener pero de la que nunca dijo una palabra.* (GGMH, 66) - Даже я не знал, был ли он французом, как предполагалось, сохранил ли *воспоминания о семье, которая у него должна была быть*, но о которой он никогда не говорил ни слово.

Главное существительное может оформляться или нулевым вариантом эксплицитного артикля, или фиктивным нулем.

В испанском языке словосочетания, в которых оба существительные оформляются нулевым артиклем, также редко встречаются. Придаточное относительное предложение конкретизирует значение существительного: *Le citó* ejemplos de perros que habían hecho decenas de kilómetros a su amo. (ACE, 12) - Он привёл ему *примеры собак, которые проделали десятки километров, чтобы добраться до хозяина.*

Придаточное относительное предложение не является решающим для выбора артикля перед существительным, к которому относится: *Las paredes ... estaban cubiertas de palabrotas y dibujos obscenos, por el suelo había papelas arrugados y charcos de agua, que goteaba de las cañerias oxidadas.* (IACB, 32) - Стены … были покрыты грубыми надписями и непристойными рисунками, на полу валялись скомканные бумажки и *лужи воды, которая капала из ржавых трубопроводов.*

Во французском и испанском языках употребление того или иного артикля перед зависимым существительным предложно-именного словосочетания, представляющего антецедент придаточного относительного, не всегда обусловлено придаточным относительным предложением.[2]

На определенность или неопределенность антецедента придаточного относительного предложения могут влиять структурные особенности главного предложения. В главном предложении могут быть другие

определения. В этом случае придаточное относительное предложение вносит дополнительную характеристику и обеспечивает характеризующую функцию артиклю, с которым употребляется антецедент-существительное. Определение может иметь конкретизирующую семантику *(principal, dernier, essentiel, seul, unique, principal, último, esencial, único)* и влечёт употребление определенного артикля. Антецедент может быть выражен существительным, обозначающим уникальный объект, что обуславливает употребление определенного артикля. Перед уникальным существительным может употребляться и неопределенный артикль в характеризующей функции.

На выбор артикля перед антецедентом придаточного относительного предложения может влиять отношение одновременности, следования и предшествования, установившееся между главным и придаточным относительным предложением. Если действие придаточного относительного предложения предшествует действию главного, то перед антецедентом употребляется, как правило, определенный артикль. Если действие придаточного относительного предложения следуют после действия главного, то перед антецедентом употребляется неопределенный артикль.

Решающую роль в детерминации предмета, обозначенным существительным-антецедентом, может играть контекст, предшествующий относительному придаточному предложению.

Итак, факторы, влияющие на употребление определенного, неопределенного и нулевого артиклей при главном и зависимом существительном предложно-именного словосочетания, в основном совпадают и во французском, и в испанском языках. Основными факторами являются лексико-семантическая принадлежность существительного, контекст, речевая ситуация. Но имеются различия в структуре словосочетаний двух родственных языков.

Список используемой литературы

1. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс. - М.: Лист Нью, 2004.
2. Латышева Ю.А. Функционально-семантическое поле предметной определенности и неопределенности и контекст в современном французском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 2006.
3. Пицкова Л.П. Реализация семантики предметной определенности/неопределенности во французском и русском языках. – М.: Изд-во МГОУ, 2009

4. Коберник А.В. Французские союзные выражения, образованные на базе наречия «autant» и их испанские аналоги. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2000. - 197 с.
5. Carlsson, Lennart. Le degré de cohésion des groupes substantif + de + substantif en français contemporain étudié d'après la place accordée à l'adjectif épithète. - Uppsala, 1966.
6. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. - Paris, 1939.
7. Wilmet, Marc. La détermination nominale : Quantification et caractérisation / Marc Wilmet. - [Paris] : Presses univ. de France, 1986.

Список сокращений

PBAR Pio Baroja, La aurora roja http://www.librosgratis.org/stag/la-busca- pio-baroja.html

GSV Georges Simenon, La veuve Couderc - Paris: Gallimard.-2000 -208p.

ACE Albert Camus,"El Extranjero", http://www.bibliotecavirtuales.com/biblioteca/LiteraturaFrancesa/Camus/extranjero/index.asp

ACE Albert Camus, L'Etranger. - Jupiter-Inter, Moscou, 2005-118p.

EZR Emile Zola, Le Rêve.- Gallimard, Paris, 1998 - 280p.

ML Marc Lévy, Où es-tu?-Robert Laffont.-Paris : XO Editions, 2001 -

Mlel Marc Lévy, Les enfants de la liberté.- Paris : XO Editions, 2007 –

BVEt Brigitte Varel, L'efant traqué.- France Loisirs, Paris, 1999 -

GMA Guillaume Musso, Et après...- XO Editions, 2004, 357p.

GMSl Guillaume Musso, Seras–tu là?- XO Editions, 2006, 352p

GMS Guillaume Musso, Sauve-moi ! - XO Editions, 2005, 349p.

HQ Horacio Quiroca. Una estación de amor. Айрис-Пресс, Москва, 2008-256 p.

APRSA Arturo Pérez-Reverte, La sombra de águila. – Santillana Ediciones Genererales, 2001. – 176 p.

MUN Miguel de Unamuno.Niebla,- Kapo, Спб, 2006 - 265p.

GGMH Gabriel García Marquez, La Horaska. Relato de un Náufrago. Kapo, Спб,2008-256p.

RAL Roberto Arl, Los 7 locos .- Mestas, Madud, 2000 – 240 p.

IACB Isabel Allende. La Ciudad de las Bestias. Barcelona: Random House Mondadori, 2002. - 297 p.

CJCCb Camilo José Cela Conde, Como bestia que duerme.-Madrid: Alianza Editorial, 2003.-266p.

УДК 811

Н.Е. Лисичкина
Одинцовский филиал МГИМО (Университет) МИД РФ

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТНОШЕНИЕМ ПРИЧИНЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Вопросительные сложные причинные предложения в испанском языке представлены двумя конструкциями: 1) с союзом *porque* - нет вопросительных слов, главная и придаточная части лишены вопросительности, вопрос направлен на причинную связь; и 2) союзом que - всегда имеется вопросительное слово в главной части, на которой сосредоточена вопросительность. Придаточная часть и причинная связь вопросительности лишены.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, причинная связь, ядро вопросительности, предикативная основа, вопросительное местоимение

N. Lissichkina, MGIMO Odintsovo-University MFA of Russia

INTERROGATIVE COMPLEX SENTENCES WITH REASON RELATION IN SPANISH

Abstract. Question complex causal sentences in Spanish are represented by two constructs: 1) with the conjunction porque - there are no question words, the main and appendage parts are devoid of question, the question is aimed at causal connection; 2) with the conjunction que - there is always a question word in the main part on which the question is focused. The appendage and causality of the question are devoid.

Key words: complex sentence, causal relationship, core of question, predictive basis, question pronoun

В настоящей статье представлена попытка исследовать особенности вопросительности сложноподчинённых предложениях с отношением причины и установить основные структурные и семантические типы данных сложных структур. Анализу подлежат семантические, грамматические и структурные характеристики данных предложений, природа их вопросительности и способы её реализации. Материалом послужили примеры из произведений современной художественной литературы Испании.

Исследования вопросительных предложений, анализ их структуры, вопросительности компонентов проводились ранее в лингвистике на материале русского языка, например, в работах Валимовой Г.В. в

теоретическом плане; на материале французского языка сложноподчинённые вопросительные предложения, в частности, причинные предложения, изучались в диссертационной работе Корж В.И. [1; 3, с. 140-173]. Также в российской испанистике некоторые типы сложноподчинённых вопросительных предложений в сопоставлении французского и испанского языков исследовались Васильевой Н.М. [2]. В зарубежной испанистике вопросительные предложения, сложноподчинённые с причинной связью, исследованы недостаточно и в научных работах по испанскому языку не описаны и не классифицированы полностью.

Выбранные объектом исследования предложения обладают двойным набором признаков: как сложноподчинённые синтаксические структуры и как конструкции вопросительного коммуникативного типа. При анализе данных предложений рассматривались и признаки, связанные с синтаксисом, и особенности вопросительности данных синтаксических конструкций. С одной стороны, принималась во внимание композиция сложной структуры, семантико-синтаксическое соотношение главной и придаточной части, наличие вопросительных местоимений или наречий. Большое значение имеет использование союзного средства, выражающего причинные отношения. При синонимичности союзов могут создаваться различные оттенки основного отношения главной и придаточной части, что может происходить также «под воздействием контекста». [4, с. 154]. С другой стороны, был проведён анализ вопросительности сложных причинных предложений испанского языка. Для вопросительных предложений испанского языка типична инверсия. [2, с. 39]. Однако особенностью испанского языка является отсутствие местоименного подлежащего, что в большинстве примеров делает невозможным констатацию инверсии. То есть, инверсия не служит определительным признаком для выявления вопросительности.

Лингвисты исследуют природу вопросительности и формы её выражения в различных языковых структурах. Предложение, в первую очередь, является вопросительным, если вопросительность охватывает предикативную основу. Если этого не наблюдается, то предикативная синтаксическая единица, формально отмеченная как вопросительная, представляет собой иной коммуникативный тип, а вопросительность сосредоточивается в другом компоненте сложной конструкции. Васильева Н.М. в своей монографии «Вопросительное предложение во французском и испанском языках» указывает, что вопросительность в испанском языке может заключаться не только в целом предложении, но и в одном из его компонентов. [2, с. 36]. Исследователи приходят к заключению, что придаточное предложение также может быть вопросительным. Так происходит в том случае, если неизвестное, составляющее вопросительный центр, выражено в придаточной части, «эти конструкции

являются вопросами об истинности или ложности предполагаемой причины действия». Перемещение вопросительного центра в придаточную часть требует соблюдения особых условий. [1; 3, с. 143]. Высказывается мнение о том, что оба компонента сложного предложения не могут быть вопросительными одновременно [3, с. 32]. Однако, при общей вопросительности сложноподчинённого предложения в целом оба компонента могут в действительности быть утвердительными по смыслу, вопрос же обращён к подчинительной связи между компонентами. Относительно сложных причинных предложений утверждается, что (в русском, французском языках) вопросительность всего сложного предложения определяется вопросительной установкой главного предложения, или вопросительность сосредоточена на причинной связи. [2, с. 97-103]. Для выявления прагматической характеристики предложения необходимо рассматривать коммуникативную направленность комплекса и отдельных его компонентов, определить ядро вопросительности, и насколько это отражается в синтаксической структуре.

Вопросы с причинной обстоятельственной синтаксической связью, как общие, так и специальные, с вопросительными местоимениями или наречиями, реже встречаются, чем вопросительные сложноподчинённые дополнительные и определительные. [2, с. 102]. Установлено, что сложные предложения причины обладают рядом специфических признаков, чем отличаются от некоторых других типов сложноподчинённых конструкций, с иной подчинительной связью.

1. Наиболее частыми структурами, представляющими сложноподчинённое причинное предложение в функции вопроса, являются следующие:

Tú sabrás lo que haces. ¿Dejarías de verla sólo porque yo te lo pidiese? (Zafón) [11, с. 234].

Или с несколько усложнённой синтаксической конструкцией: *¿Usted cree que una mujer se mete puta por gusto? ¿No será que no tiene a dónde ir porque la escorrentan de todas partes como si fuera gafenta? (Cela)* [6, с. 157].

В данных конструкциях наблюдается использование причинного союза *porque*, препозиция главной части (что является обязательным при использовании союза *porque*), отсутствие вопросительных слов.

По семантике предложения ясно, что в главной части собеседнику представлена известная информация, лишённая вопросительности. В первом примере указывается на это: *Tú sabrás lo que haces*. Действие придаточной части также не составляет вопроса для собеседника. Вопрос относится только к причинной связи между придаточной и главной частями. Наречием *sólo* делается акцент на эту связь. Во втором примере в причинном комплексе *no tiene a dónde ir porque la escorrentan de todas partes* наблюдаются те же характеристики.

В испанском языке трудно говорить о порядке слов, прямом или обратном, так как местоименное подлежащее не употребляется. Приведём редкий случай, где посчастливилось иметь подлежащее: *¿Clara no puede venir porque tiene una clase de música? (Zafón)* [11, с. 73]. *Главное предложение имеет прямой порядок слов, что подтверждает отсутствие вопросительности главной части и указывает на её повествовательность. Содержание придаточной части также является известным фактом для собеседников. Вопрос направлен на наличие причинной связи между двумя известными фактами.*

Рассмотрим абзац из нескольких вопросительных предложений.

¿Por qué estás haciendo esto, Tom? ¿Es porque me he salido del guión? ¿Porque no cumplo mi papel de segundón, del cerebrito al que tienes que guiar? ¿Porque he encontrado a alguien de una forma poco convencional? ¿Es acaso porque es guapa, y eso ya no te permitirá mirarme con superioridad, mientras vas acumulando un tanga tras otro en el suelo de tu habitación? (Gómez-Jurado) [8, с. 161].

В первом предложении, простом вопросительном, имеется вопросительное местоимение, указывающее на неизвестность причины. В дальнейшем, приводится несколько возможных причин. Они представлены в вопросительной форме, но перечисляются как вполне конкретные действия и имеют повествовательную целеустановку. Вопросительность сосредоточена на наличии или отсутствии причинной связи между действиями, синтаксически – между частями сложного предложения. В соответствии с данной спецификой для сохранения вопросительности необходимы обе части сложного предложения. В связи с этим всегда представлена предикативная основа главного предложения, и эксплицитно выражена причинная связь между частями. *¿Es porque me he salido del guión? ¿Es acaso porque es guapa,…?* Во втором из данных вопросов имеется наречие *acaso*, выражающее неуверенность именно в причинной связи и коррелирует с вопросительностью, сосредоточенной на союзе причины. Однако, допустимы парцеллированные придаточные, как в данном примере *(¿Porque no cumplo mi papel de segundón, del cerebrito al que tienes que guiar? ¿Porque he encontrado a alguien de una forma poco convencional?)*. Они встречаются в подобном комплексе предложений, где параллельность и однородность придаточных частей устраняет непонимание синтаксической и коммуникативной связей.

Что касается структуры вопроса с обеими предикативными основами, главной и придаточной, обращает на себя внимание тот факт, что в исследованном материале испанского языка не обнаружено сегментированных вопросительных предложений, являющихся достаточно распространёнными в испанском языке в целом. Сегментированные предложения состоят из двух частей, первая из которых является утвердительной, произносится с утвердительной интонацией, вторая часть

– вопросительная, выделена вопросительными знаками, произносится с соответствующей интонацией, записывается с маленькой буквы, как продолжение предложения. [2, с. 38]. Сегментированные предложения, выделяемые как вопрос, должны содержать вопросительность в своей предикативной основе. Данные предложения оформлены как общий или частный вопрос. [2, с. 102]. Примеры других сложноподчинённых структур иллюстрируют вышеприведённые утверждения.

Y, sin embargo, tras tanta disparidad, ¿no habrá algo que pudiera emparentarlos, entroncarlos en una común raíz? (Cela) [5, с. 194].

... ¿por qué, cómo y para qué se venden – y se compra – y se consigue vender – y hacer comprar – aquello que se vende y se aspira a vender y hacer comprar? (Cela) [5, с. 99]. Рассмотрим пример, где *очевиден акцент на причинную связь при использовании эмфатической вопросительной конструкции: ¿Es por eso por lo que escribe usted? ¿Porque le pagan bien? (Zafón)* [10, с. 299]. *Семантически указывается на известность информации, описанную ранее собеседником. Можно допустить трансформацию высказывания с удалением дополнительного акцентирования причинности: ¿Es / Escribe usted porque le pagan bien?*. Ядром вопросительности является причинная связь.

Приведём другой пример трансформации: *¿Y por qué sabes que ella no la tiene? ¿Encargaste tú el registro que hicieron en su casa? (Millás)* [9, с. 101]. Исходно представлены два предложения, имеющие вопросительные предикативные основы. При трансформации в сложноподчинённое причинное вопросительность основ утрачивается и концентрируется на союзе: *¿Sabes que ella no la tiene porque encargaste el registro ...?*.

Сложноподчинённые причинные комплексы могут участвовать в образовании многокомпонентных сложных конструкций с последовательным разнотипным подчинением:

¿Qué me trae hoy? ¿Otro letraherido de los que no se echan novia porque prefieren vivir con su madre? (Zafón) [10, с. 163].

¿Es verdad que Manueliño Remeseiro tuvo sus más y sus menos con María Auxiliadora Porrás, la novia que dejó a Adolfito porque se le estaba poniendo pinta de muerto? (Cela) [6, с. 299].

В данном примере компоненты (главный и придаточный *dejó a Adolfito porque se le estaba poniendo pinta de muerto*) не несут никакой вопросительности, являются абсолютно повествовательными по своей коммуникативной функции, несмотря на включённость в структуру с оформлением вопросительными знаками. Также отсутствует вопросительный смысл у причинной связи, выраженной союзом *porque*.

Среди рассмотренных сложных причинных вопросительных структур с союзом *porque* отсутствуют частные вопросы, с вопросительным словом. Объясняется данный факт тем, что, если

вопросительность сосредоточить на вопросительном слове, то поиск предиката пойдёт вне его причинной обусловленности. [3, с. 144].

2. Обнаруживается другой тип вопросительной сложноподчинённой конструкции с причинной связью.

¿Y qué vamos a hacer ahora que el viejo nos ha dejado solos? (Zafón) [10, с. 489].

Pero, ¿quién te acosa, hombre de Dios, que no son más que ganas de darte importancia? (Delibes) [7, с. 178].

¿Por qué regla de tres estabas tan blanco en la playa, di, que no te agarraba el sol ni por cuanto hay? (Delibes) [7, с. 196].

В приведённых предложениях используется другой причинный союз que. Главное предложение содержит вопросительное слово, оформляется частновопросительное предложение. Наличие вопросительного слова является признаком того, что объектом вопроса служит главное предложение, так как вопросительное слово выполняет свою функцию в синтаксическом взаимодействии с предикативной основой. Таким образом, предикативная основа вовлечена в центр вопросительности, главная часть коммуникативно является вопросительной. *Вопросительность к причинной связи отсутствует.* Придаточная часть коммуникативно повествовательна. *Главное предложение, так же как и в структуре с porque, находится в препозиции.*

Причинный союз que используется реже, создаёт значение мотивации действия главной части. Действие придаточной части звучит фактическим объяснением главного действия и наделено значением утверждения, нежели вопросительности.

В итоге проведённого исследования можно заключить, что вопросительные сложноподчинённые причинные предложения в испанском языке немногочисленны и структурно не многообразны. Сложноподчинённые предложения причины в форме вопроса представлены двумя конструкциями, эксплицитными признаками которых являются: использованный союз (*porque или que*) и наличие вопросительного слова в главном предложении. Синтаксические, семантические, коммуникативные характеристики двух типов конструкций различны.

Библиография

1. Валимова Г.В. Сложное предложение и сочетание предложений. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975.
2. Васильева Н.М. Вопросительное предложение во французском и испанском языках. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 112 с.
3. Корж В.И. Сложноподчинённое вопросительное предложение в современном французском языке (структура и типология). Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Москва, 1974. – 217 с.
4. Солнцева А.В. О семантике союзов. // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики. – Тольятти, 2020. – С. 151-158.
5. Cela, C.J. *Los vasos comunicantes –Barcelona: Plaza & Janes Editores, S.A., 1989. - 475 pp.*
6. Cela, C.J. Mazurca para dos muertos – Barcelona: Seix Barral, S.A., 1989 – 270 pp.
7. Delibes, M. Cinco horas con Mario – М.: Прогресс, 1979. – 280 с.
8. Gómez-Jurado, J. Cicatriz. – Barcelona: Ediciones B, S.A., 2015 – 574 pp.
9. Millás, J.J., Papel mojado. – Madrid: Anaya, S.A., 2014. – 208 p.
10. Ruiz Zafón, C. El juego del ángel. – Barcelona: Booket, 2008. – 670 pp.
11. Ruiz Zafón, C. La sombra del viento. – Barcelona: Booket, 2008. – 575 pp.

УДК 811.133.1/811.134.2

А.И. Макарова
Российский государственный университет туризма и сервиса

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ПРИДАТОЧНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ В ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается употребление сослагательного наклонения в придаточных относительных испанского и французского языков. Выделяется ряд факторов, влияющих на выбор наклонения. Определяются ключевые темы для дальнейшего исследования сослагательного наклонения в придаточных относительных. Статья включает постановку вопросов, связанных с грамматической природой антецедента, семантикой глагола, типом предложения, порядком слов в главном и придаточном предложениях.

Ключевые слова: глагол, категории глагола, сослагательное наклонение, придаточные относительные, антецедент

A.I. Makarova
Russian State University of Tourism and Service

USE OF THE SUBJUNCTIVE MOOD IN THE RELATIVE SUBORDINATE CLAUSES IN SPANISH AND FRENCH

Abstract. The article considers the use of the subjunctive mood in the relative subordinate clauses of Spanish and French. There are a number of

factors influencing on the choice of mood. The key topics for further research of the subjunctive mood in subordinate relative are determined. The article includes questions related to the grammatical nature of the antecedent, the semantics of the verb, the type of sentence, and the order of words in the main and subordinate sentences.

Keywords: verb, verb categories, subjunctive mood, relative subordinate clauses, antecedent

Категория наклонения является одной из самых сложных глагольных категорий в испанском и во французской языках. Сослагательное наклонение становится при этом ключевой проблемой этой глагольной категории. При изучении сослагательного наклонения в выбранных нами романских языках возникает большое количество теоретических вопросов, часть из которых связана с употреблением сослагательного наклонения в придаточных относительных предложениях.

Согласно общепринятому определению относительное придаточное предложение дает дополнительную информацию об антецеденте (существительном или местоимении), который в свою очередь может быть опущен. Исследователи выделяют два типа придаточных относительных: ограничительные (las relativas especificativas / les relatives déterminatives) и пояснительные (las explicativas / les relatives explicatives). Первые выражают качества, свойственные антецеденту и содержат уточнение, необходимое для общего смысла, вторые определяют дополнительные характеристики, которые не влияют на общий смысл, а лишь дают дополнительный комментарий.

В первом случае придаточное предложение и антецедент образуют очень тесное семантическое и грамматическое единство. Второй тип придаточных относительных имеет менее сильную связь с антецедентом. Степень синтаксической связи между придаточным и главным предложением отличается в двух случаях. Пояснительное придаточное можно опустить в предложении, при этом не изменится смысл и структура главного предложения. В случае с придаточным ограничительным такое невозможно. Семантическая обособленность и слабая синтаксическая связь с главным предложением придаточного пояснительного определяется также тем фактом, что его можно заменить сложносочиненным предложением или независимым предложением.

Среди различий между ограничительными и пояснительными относительными придаточными можно выделить следующие:

1. Ограничительные вводятся простыми формами относительных местоимений и наречий qui, que, dont, où. Пояснительные могут также вводится не только простыми формами, но и составными, сложными (например, с относительным местоимением lequel в функции подлежащего, прямого и косвенного дополнения);

2. В ограничительных относительных придаточных возможно употребление сослагательного и изъявительного наклонения. В придаточных определительных употребляется исключительно изъявительное наклонение [1, с. 308].

Различия между двумя типами относительных придаточных также обусловлены природой антецедента. Так придаточные пояснительные употребляются с антецедентом, выраженным именем собственным. Например:

Ronald, que me conoce, miró hacia donde había ido a parar el terrón y se empezó a reír.

В устной речи придаточные относительные второго типа отделяются от главного предложения паузой, а на письме выделяются графически (запятыми) как во французском, так и в испанском языке [1, с. 309; 4, с. 38]. Если пауза при этом является продолжительной, то вместо запятой может стоять точка, показывая тем самым обособленность придаточного предложения [14, с. 566]. Ряд исследователей, однако, приходят к заключению, что данное отличие не является определяющим. Так, Мартине полагает, что пауза и запятая не являются характеризующими, постоянными признаками [10, с. 66].

В статье проведен анализ только ограничительных относительных придаточных, так как они представляют особый интерес с точки зрения употребления сослагательного наклонения из-за тесной семантической и грамматической связи с антецедентом в главном предложении.

Прежде всего рассмотрим те случаи, когда антецедент выражен именем существительным.

Существует точка зрения, согласно которой на выбор наклонения влияет степень определенности антецедента. Так в придаточных относительных употребляется изъявительное наклонение, если антецедент сопровождается грамматическим показателем определенности, а именно определенным артиклем или притяжательным прилагательным [9, с. 60]:

Tantas veces me había bastado asomarme, viniendo por la rue de Seine, <u>al arco que da</u> al Quai de Conti…(J. Cortazar «Rayuela»)

Julia leva les yeux au ciel et partit vers la cabine d'essayage que Stanley pointait du doigt. (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

Некоторые исследователи полагают, что сослагательное наклонение употребляется в случае неопределенности антецедента. При этом показателем неопределенности служит семантика предложения или контекст, а не наличие неопределенного артикля (грамматического показателя неопределенности) [4, с. 39-40]. Таким образом, если антецедент не определен контекстом, то употребляется сослагательное наклонение:

Tráigame una historia que no haya leído antes y, si ya la he leído, tráigamela tan bien escrita y contada que no me dé ni cuenta. (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

Грамматическая определенность – неопределенность антецедента не представляется нам показателем употребления сослагательного наклонения. Рассмотрим пример:

Y en el fondo del barranco se hundió como un barco que sucumbe al agua verde, al agua verde y procelosa…(J. Cortazar «Rayuela»)

Речь не идет о конкретном корабле («un barco»), однако в придаточном предложении употреблено изъявительное наклонение. В данном случае следует говорить не об определенности или неопределенности антецедента, а о семантике предложения. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи [1, с. 309; 6, с. 33-35; 7, с.98; 8, с. 566] При выражении неуверенности, неопределенности, сомнения употребляется сослагательное наклонение. В данном случае о подобных модальных значениях речь не идет, а значит правомерным будет употребление изъявительного наклонения.

Согласно общему правилу, если антецедент выражен существительным с прилагательным в превосходной степени или употреблено прилагательное, которое по своему значению предполагает превосходство и уникальность, то в придаточном относительном употребляется сослагательное наклонение:

– Je serais incapable de leur décrire mon agresseur, la seule chose que je puisse dire, c'est qu'il mesurait une bonne tête de moins… (M. Levy «Si S'était À Refaire»)

L'unique intérêt qu'il ait jamais accordé à la mort était qu'elle vous libère de toute souffrance physique. (M. Levy «Si S'était À Refaire»)

Однако нередкими являются случаи замены сослагательного наклонения. С одной стороны, вместо сослагательного наклонения часто употребляются формы Conditionnel / Condicional:

… seguramente el único que habría podido permitirme era uno de hojas para liar cigarrillos. (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

… la escritura del único libro que llevaría mi nombre, aquella muchacha cuyo nombre desconocía y cuyo rostro olvidaba cada semana, hasta que volvía a encontrarla en el umbral de mi puerta, fue la persona a la que vi más a menudo. (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

Данная замена сослагательного наклонения формами Condicional в испанском или Conditionnel во французском языке является распространенной и в других видах придаточных предложений, например, в придаточных дополнительных. Причиной этого является семантическая близость двух грамматических форм.

С другой стороны, распространены случаи употребления изъявительного наклонения:

...hacer sentir que el verdadero y único personaje que me interesa es el lector,

– La dernière fois que j'ai aperçu mon père, j'étais à un feu rouge et lui dans une voiture qui descendait la 5e Avenue… il y a six mois. (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

C'est bien la première fois que je t'entends prendre sa défense. (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

Дамурет и Пишон полагают, что при употреблении сослагательного наклонения семантический акцент делается на прилагательное, а при употреблении изъявительного – на существительное в главном предложении [5, с.568].

В испанском языке распространены случаи субстантивации таких прилагательных. В таких случаях также нередко встречается употребление изъявительного наклонения:

Pero todo esto había que decirlo en su momento, sólo que era difícil precisar el momento de una cosa, y aún ahora, acodado en el puente, viendo pasar una pinaza color borravino… (J. Cortazar «Rayuela»)

y en realidad lo único que hacía era molestarme, entonces sin pedir permiso me tiré al suelo y empecé a buscar el terrón entre los zapatos de la gente…(J. Cortazar «Rayuela»)

Aparte de eso, lo único que se podía ver era mi nombre pulcramente escrito en una caligrafía escarlata de trazo exquisito. (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

Lo último que vi antes de perder el sentido fue cómo Irene Sabino extraía una navaja de afeitar y la desplegaba lentamente… (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

Форма сослагательного наклонения выражает предположение, неуверенность. В данном случае изъявительное наклонение употреблено для того, чтобы выделить информацию придаточного предложения и подтвердить ее, выразить уверенность в той информации, о которой говорится в придаточном предложении [11, с. 362-388; 12, с. 74]. Таким образом на выбор наклонения влияет как антецедент, так и семантика всего предложения.

Следует также провести анализ случаев, когда антецедент выражен местоимением. Антецедент может быть выражен личными местоимениями, указательными и неопределенными местоимениями.

Рассмотрим случаи употребления сослагательного наклонения в придаточных относительных с антецедентом – личным местоимением. Следует прежде всего отметить, что если антецедент выражен личным приглагольным местоимением, то придаточное относительное ставится в конце всего предложения. Например, «…et je suis lá qui frissonne à la fenêtre» [1, с. 310].

Частыми являются случаи употребления изъявительного наклонения, как во французском, так и в испанском языке. Например:

– C'est pour moi que tu dis cela? (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

Y en el fondo demasiada piedad, yo que me creía despiadado. (J. Cortazar «Rayuela»)

Однако встречаются случаи употребления сослагательного наклонения с антецедентом личным местоимением. Выбор наклонения в таких случаях определен иными факторами, например, типом предложения. Например, в данном случае влияние на выбор наклонения оказывает отрицание:

-Ni yo que me siguiera usted, inspector. (C. Zafon «El Juego del Ángel»)

Рассмотрим также употребление сослагательного наклонения в придаточных относительных с антецедентом, выраженным неопределенным местоимением.

Общее правило гласит, что употребление сослагательного наклонения в придаточном относительном обязательно в таких случаях. Проведя анализ исследовательского материала, мы можем заключить, что частота употребления сослагательного наклонения в придаточном предложении при антецеденте – неопределенном местоимении высока:

En la habitación en que trabaja Luisa cuando trabaja en algo no había nada que denotara que hubiera trabajado en nada en los últimos tiempos. (J. Marías «Corazón tan blanco»)

Sin palabras llegar a la palabra (qué lejos, qué improbable), sin conciencia razonarte aprehender una unidad profunda, algo que fuera por fin como un sentido de eso que ahora era nada más que estar ahí tomando mate….(J. Cortazar «Rayuela»)

Однако ряд примеров демонстрируют, что не следует в данном случае говорить об исключительном употреблении сослагательного наклонения в придаточных относительных:

– S'il y a bien quelque chose que je n'oublierais jamais, c'est pourquoi, par moments, je te détestais autant! (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

J'ai encore dit quelque chose qu'il ne fallait pas? (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

– Esa luz es tan usted, algo que viene y va, que se mueve todo el tiempo. (J. Cortazar «Rayuela»)

В первом примере речь идет о замене сослагательного наклонения формой Conditionnel. Данный факт уже объяснялся ранее семантической близостью.

В двух других примерах на выбор наклонения влияет семантика предложения и контекст. При употреблении изъявительного наклонения выделяется информация в придаточном предложении. При употреблении сослагательного акцент делается на антецеденте.

Сослагательное наклонение в случае с антецедентом – указательным местоимением также имеет ряд особенностей. Рассмотрим пример:

Mais celui qui croyait n'avoir peur de rien redouta le jugement de son meilleur ami et s'abstint de l'appeler. (M. Levy «Si S'était À Refaire»)

Согласно Н.М. Васильевой и Л.П. Пицковой в подобных конструкциях двояко можно рассматривать местоимение celui. С одной стороны, это антецедент с придаточным относительным. С другой стороны, указательное местоимение образует тесное семантическое и грамматическое единство с относительным местоимением, вместе с которым они становятся частью придаточного предложения. Тогда данное предложение следует рассматривать как сложноподчиненное предложение с придаточным относительным без антецедента.

Особым типом придаточных относительных также становится также конструкция с антецедентом ce и относительным местоимением qui, которые образуют тесное семантическое, грамматическое и фонетическое единство. В таких случаях придаточное предложение относится не конкретно к одному члену предложения, а ко всему главному предложению. Подобные конструкции можно легко преобразовать в сложносочиненные предложения с союзом et. Так существует точка зрения, согласно которой данный тип конструкций занимает пограничное место между сочинительной и подчинительной связью [1, с.311].

В испанском языке подобное двоякое восприятие фразы также присутствует в анализе местоимений lo и el в конструкциях типа:

Lo que me gustaría ser a mí si no fuera lo que soy. (J. Cortazar «Rayuela»)

Vos sos como un testigo, sos el que va al museo y mira los cuadros. (J. Cortazar «Rayuela»)

В подобных конструкциях возможно употребление как сослагательного, так и изъявительного наклонения. Согласно ряду исследователей выбор наклонения зависит от семантики предложения. В случае сослагательного наклонения речь идет о возможности действия, неуверенности в информации в придаточном предложении, сомнении [4, с. 41].

Следует также отметить, что на выбор сослагательного наклонения может влиять семантика сказуемого в главном предложении. Так в испанском языке это глаголы и выражения querer, buscar, haser falta, intenar, inducir a, obligar a, ser necesario и т.д. Во французском языке это глаголы chercher, demander, désirer, préférer и т.д. Данные глаголы имеют значение неуверенности, возможности, желания, намерения. Эти модальные значения выделяются при помощи сослагательного наклонения в придаточном относительном. Например:

Elle chercha un mot qui exprimât sa pensée.

Hacía falta llevar prendas que no abrigaran demasiado [1, c. 309; 4, c. 42].

Говоря о сослагательном наклонении в придаточных относительных, следует отметить, что во многих случаях влияние оказывает тип предложения (вопрос и отрицание) [1, с.309; 4, с.45-46]. Тип предложения напрямую влияет на семантику, дает дополнительное модальное значение. Однако в ходе анализа были выявлены случаи употребления изъявительного наклонения в вопросительных и отрицательных предложениях. Рассмотрим пример:

Ce ne serait pas la première fois que votre mémoire vous fait défaut, n'est-ce pas? (M. Levy «Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites»)

В данном случае в главном предложении есть отрицание, предложение в целом является вопросом, в роли антецедента выступает порядковое числительное («première»), которое согласно общему правилу также, как и прилагательные со значением уникальности, требует употребления сослагательного наклонения в придаточном относительном. Причиной употребления изъявительного наклонения является контекст. Герой произносит это фразу с уверенностью и хочет подчеркнуть, что «память подводит» собеседника уже не в первый раз. Для выделения информации в придаточном предложении используется сослагательное наклонение, а вопрос в данном случае не требует ответа, становится риторическим.

Не следует исключать и влияния порядка слов в вопросительных предложениях на употребление сослагательного наклонения в придаточных относительных. Об основных проблемах образования вопросительных предложений подробно говорится в исследовании Н.М Васильевой [2]. Однако влияние вопроса и отрицания на выбор сослагательного наклонения в придаточных относительных представляется нам темой для отдельного самостоятельного исследования.

Также возникает вопрос о влиянии инверсии подлежащего в придаточном предложении. Разница в употреблении прямого порядка слов и инверсии в придаточном предложении оказывает влияние на тема-рематическую организацию высказывания на коммуникативном уровне. Так ряд исследователей полагают, что влияние коммуникативных факторов основным образом проявляется в модальных формах глагола. Так, по мнению Эриксона, цель высказывания (рема) не выражается сослагательным наклонением. Подробно о порядке слов в сложноподчиненных предложения с придаточным относительным, а также о тема-рематической организации придаточных относительных говорится в исследовании Н.М. Васильевой [3].

Таким образом можно сделать вывод, что употребление сослагательного наклонения в придаточных относительных зависит от многих факторов и поднимает ряд важных теоретических вопросов. На выбор наклонения может влиять тип придаточного относительного, так в придаточных определительных не употребляется сослагательное наклонение. В ряде случаев фактором выбора сослагательного наклонения становится антецедент, выраженный

существительным с прилагательным в превосходной степени или прилагательным со значением уникальности, превосходства. Антецедент – местоимение также влияет на выбор наклонения. Глаголы определенной семантической группы и тип главного предложения становятся в ряде случаев показателями употребления сослагательного наклонения в придаточных относительных. Однако, в любом из перечисленных случаев возможны отклонения, если речь идет об определенной семантике и контексте предложения. В случае выделения информации в придаточном предложении, ее достоверности употребляется изъявительное наклонение. Тема-рематическая организация придаточного предложения, влияющая на семантику всего высказывания, также становится фактором употребления сослагательного наклонения. Таким образом, нельзя согласится с тем, что выбор наклонения в придаточных относительных является свободным: «…il vaut mieux dire que le mode des propositions relatives est libre» [11, c. 41]. Следует также отметить, что задачей статьи являлось определение ключевых проблем, связанных с употреблением сослагательного наклонения в придаточных относительных и каждая из выявленных теоретических проблем является самостоятельной темой для дальнейшего исследования.

Библиография

1. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов/ Н.М. Васильева, Л.П.Пицкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 473с.
2. Васильева Н.М. Вопросительные предложения во французском и испанском языках. / La phrase interrogative dans les langues française et espagnole. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 112с.
3. Васильева Н.М. Порядок слов в современном французском языке / сложноподчиненное предложение /. Монография. – М.: Издательство МГОУ, 2010. – 97с.
4. Ahern A. El subjuntivo: contextos y efectos / Aoife Ahern. – Madrid: Arco Libros, S. L., 2008. - 95 p.
5. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée : essai de grammaire de la langue française. Tome 5. 1911-1936 : verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix. – Paris: Ed. d'Artrey, 1987. – 866 p.
6. Dreer I., Expressing the Same by the Different: The subjunctive vs the indicative in French. - Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2007. - 272 p
7. Gross M. Grammaire transformationnelle du français: syntaxe du verbe / Maurice Gross. - Paris : Larousse, 1968. – 183 p.
8. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. – Paris: HACHETTE LIVRE, 2008. – 591 p.
9. Manteca Alonso-Cortés A., Gramática del subjuntivo. – Madrid: Ediciones Cátedra, S.A., 1981. – 158 p.

10. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français / André Martinet. - Paris : Didier-Credif, 1984. - 276 p.
11. Ramírez S.F. Gramática Española. 4. El verbo y la oración. Madrid: ARCO/LIBROS, S.A., 1986. – 543 p.
12. Seco R. Manual de Gramática Española. La Habana: Instituto del libro, 1969. – 402 p.
13. Togeby K. Mode, aspect et temps en espagnol. København: Kommissionær: Munksgaard, 1975. - 141p.
14. Wagner R.L., Pinchon J. Grammaire du français classique et modern / Robert Léon Wagner, Jacqueline Pinchon. – Paris: Hachette, 1992. – 648 p.

УДК 81.23

Л.А. Нефедова
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
С.В. Балакин
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ РОМАНСКОГО ГЛАГОЛА

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты комплексного исследования развития способов выражения прошедшего времени в системе романского глагола на примере французского, испанского и португальского языков. Несмотря на общие тенденции к аналитическому способу выражения прошедшего времени, наблюдается систематическое употребление и синтетических форм. Эта тенденция отчетливо прослеживается в иберийских языках.

Ключевая слова: аорист, вспомогательный глагол, аналитическая форма, синтетическая форма, романский глагол, прошедшее время

L.A. Nefedova
Chelyabinsk State University
S.V. Balakin
Ural State University of Railway Transport

THE COMMON TENDENCIES OF THE VERB SYSTEM OF THE ROMAN VERB

Abstract. The given article represents the results of the comprehensive analysis of the development of the means of expression of the Past Tense in the system of the Roman verb at the example of French, Spanish and Portuguese. In

spite of the common tendencies to analytical means of expression of the Past Tense there is the systematic use of synthetic forms. This tendency is clearly seen in the Iberian languages.

Keywords: aorist, auxiliary verb, analytical form, synthetic form, the Roman verb, the Past Tense

На протяжении всего XX века в системе романского глагола (в данном случае во французского, испанского и португальского) намечались тенденции поиска более «оптимального» выбора средств выражения временных отношений при главенствующем стремлении языковой системы экономить своих средства. В романских языка эта тенденция характеризуется использованием, как правило, аналитических глагольных форм, восходящих к общей категории посессивности. Однако стоит отметить, что тенденция к доминированию аналитических форм подчас не соответствует действительности.

В целом, как показывают исследования, тот или иной романский язык сохраняет тенденцию преобладания системы «habeo-language» над системой «esse-language». Однако ситуация оказывается двойственной и, если французский язык (в прочем, как и итальянский) практически полностью потерял так называемый аорист, а его различие в употреблении стерлось и растворилось в современном Passé Composé, то в иберийских (испанском и португальском) не все так однозначно. Перфектная форма, которая развилась из понимания того, что прошедшее время указывает на существование результата какого-либо действия в настоящем, не всегда вытесняет из употребления формы аориста, который описывает некое действие в прошлом с отрывом от момента речи. Например, очень сильное влияние аориста до сих пор наблюдается в нарративной речи испанского языка. Ср., – *No esperaba nada –* ***mintió****. Volvió hacia el médico una mirada enteramente infantil. Yo no tengo quien me escriba* [6, c.10].

«Tengo que escribirles a mis agentes para que anulen las copias», ***concluyó*** [6, c. 18]

«Es demasiada responsabilidad para mí. Desde hace días tengo la impresión de que ese animal se está muriendo» [6, c. 24].

Estos monstruos tienen cuarenta años y es la primera vez que oyen una mala palabra. Tienes media hora de estar molestando a mi compadre con tus tonterías [6, c. 26].

В разговорной речи в испанском языке также наблюдается четкое разграничение описания действия, имевшего результат в настоящем, от действия, свершение которого не привязан к моменту речи. В то же время в «европейском» португальском языке тенденция к аналитизму проявляется сильнее, нежели в португальском варианте на других континентах, а также наблюдается усиление синтетических форм, которые употребляются наравне с аналитическим. О «тектонических» сдвигах во

временной парадигме португальского языка также свидетельствует и постепенная смена вспомогательного глагола. В данном случае наблюдается постепенная смена вспомогательного глагола haver на ter. Думается, что это связано с двумя факторами:

1. Природой двух глаголов: оба глагола обозначают посессивность, при этом глагол ter обладает большей степенью конкретности.

2. Частотностью употребления ter по сравнению с haver.

Как показывают наблюдения, загадка смены вспомогательного глагола в португальском языке кроется в самой природе категории посессивности, точнее в стремлении такого рода предиката к большей абстрактности за счет потери конкретных аргументов. Как показало исследование, предикаты могут обладать наивысшей степенью абстрактности и выражать самые простейшие отношения между актантами. При абстрагировании предиката усиливается его валетностные возможности, так как увеличивается сам «список» актантов: в результате этого возникает эффект обладания в результате какого-либо действия, что сближает глагол ter с перфектными формами прошедшего времени. Скажем, португальский глагол «ter» абстрагировался за счет потери категории «*конкретный физический объект, который можно держать в руке», что и служит одним из доказательств его грамматикализации.

На данный факт указывает и А. М. Молодкин, исследующий функционирование глаголов «haver» и «ter» в португало-креольских языках Африки. Автор отмечает, во-первых, случаи недифференцируемого употребления данных глаголов для передачи понятий «существование» и «посессивность» как в личном, так и в безличном значении. Во-вторых, имеется факт активной замены глагола «haver» на «ter» при выражении сложных времен [3, с. 314]. Факт конкурентности указанных глаголов отражается также в их модальности со значением необходимости, которая формируется в равнозначных конструкциях типа «haver de», «haver que», «ter de», «haver que», «ter a» [1, с. 7].

В целом для португалоязычной лингвокультуры, как и для французской, категория «посессивность» имеет большое значение. Эта категория обладает предикатами, могущими связывать большое количество актантов, что отображено в грамматических, модальных и устойчивых конструкциях. Ср.:

Meu marido ***tem razão****, disse para si mesma. Se eu não estivesse aqui, ninguém* ***teria percebido*** [5, с. 4].

Era péssima para calcular idades, por isso estimou que ***tivesse entre 40 e 50 anos*** [5, с. 4].

Prometo responder todas as suas perguntas, mas antes ***você tem que vir comigo****, pois desejo lhe mostrar algo* [5, с. 8].

Лингвисты подчеркивают, что в португальском языке процесс унификации глагольных единиц темпоральности не завершен: благодаря

полифункциональности и полисемантичности, одни глагольные формы получают функциональное утверждение за счет исчезновения других, синонимичных и более слабых в функциональном и семантическом значении [2, с. 4].

Таким образом, можно сделать вывод о стирании границ между аналитическими и синтетическими формами, что говорит о постепенном исчезновении понимания процессов, имевших результат на момент речи и процессов, произошедших давно. Повторимся, данный процесс наглядно представлен в португальском языке, в котором в большинстве случаев используются две – аналитическая и синтетическая – формы одновременно. Ср.,

Conheci *verdadeiros alquimistas –* ***continuou****. – Se* ***trancavam*** *no laboratório e* ***tentavam evoluir*** *como o ouro;* ***descobriam*** *a Pedra Filosofal. Porque* ***haviam entendido*** *que quando uma coise* ***evolui****,* ***evolui*** *também todo que está a sua volta* [4, с. 75].

Примерно такой же процесс происходит и с предикатами из категории движения для обозначения будущего времени. Для всех исследуемых языков характерна перекатегоризация глаголов движения в сторону аспектуальности и фазовости, что на языковом уровне отображается в синтаксических конструкциях со значением будущности. Скорее всего, это связано с соединением в ментальном представлении движения человека вперед как переход из настоящего к будущему. В исследуемых романских языках, в которых предикат «движение» практически полностью стирается, и это дает возможность романской системе глагола формировать структуры со значением будущности. В этом плане больше всего испанский и португальский языки перетерпели большую грамматикализацию и выражают будущность, что не характерно для французского языка, имеющего однако перефразу aller + infinitif. В данном случае на современном этапе французский язык продолжает «избирать» синтетическую форму выражения категории будущности.

Tiens ma puce, je t'ai trouvé un truc qui ***va t'intéresser*** [7, с. 50].

Vou sujar *minhas mãos, – disse Chantal. –* ***Vou sujar*** *minha roupa* [5, с. 8].

A temperatura finalmente vai cair – disse Berta [5, с. 25].

Todos acham que, um dia, este lobo ***vai atacar*** *de novo* [5, с. 33].

Интересно также отметить, что актуализация предиката «движение» осуществляется при использовании форм глаголов движения в будущих временах. Ср.:

Numa cidade grande, isto é aconselhável. Mas, numa aldeia como a nossa, ***ela irá*** *terminar perecendo* [5, с. 27].

<…> elle m'a dit qu'il était parti vivre en Irlande, mais qu'un jour, quand elle aurait de l'argent et une nouvelle dent, ***elle irait le retrouver*** [7, с. 93].

<..> puis ***j'irais voir*** *Monsieur Marin à la fin du cours pour lui expliquer que je ne peux pas, un exposé devant toute la classe c'est tout simplement au-dessus de mes forces* [7, с. 7].

Vous ***irez jouer*** *les justicières en permanence, mademoiselle Bertignac, prenez vos affaires* [7, c. 85].

Итак, развитие временных парадигм во французском, испанском и португальском языке идет разнопланово, как на глубинном, так и на формальном уровнях. На глубинном уровне наблюдается, с одной стороны, процесс окончательного стирания границ между действиями, имеющими результат в момент речи, и действиями, не имеющими результата.

В португальском языке также оказывается важным процесс смены вспомогательного глагола без выхода за рамки категории посессивности. Предикат тяготеет к более абстрактной форме, которая выражается в постепенной потере конкретных актантов в структуре предиката. Это влечет за собой постепенное абстрагирование последнего, что делает его предикатом первого порядка по отношению к предикатам более конкретным. Предикаты первого порядка обладают свойством атомарности и латентности и с точки зрения падежной грамматики восходят к субъектно-объектным отношениям в наивысшей степени. В исследуемых языках среди атомарных предикатов первого порядка можно выделить «посессивность», «существование», «акциональность» и «движение». Атомарность предиката проявляется в способности соединять актанты различных категорий и участвовать в образовании и развитии перфектных форм глаголов.

Литература

1. Мартынов, Е. В. Функционально-семантическая характеристика пропозициональных структур с модальным значением необходимости (на материале португальского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 – Романские языки / Мартынов Евгений Вячеславович. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2005. 28 с.
2. Зененко, М. А. Функционально-семантическое поле акциональности в современном португальском языке (изъявительное наклонение) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Зененко Мария Андреевна. М. : Московский ордена Дружбы народов государственный лингвистический университет, 2006. 24 с.
3. Молодкин, А. М. Языковые контакты в этнокультурном пространстве португалоязычной Африки : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Молодкин Анатолий Михайлович. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2001. 367 с.
4. Coelho, P. O Alquimista / P. Coelho. Kindle Edition Planeta, 2006. 92 p.
5. Coelho, P. O demônio e a Srta. Prym / P. Coelho. Rio de Janeiro : Sextante, 2013. 176 p.
6. Márquez, G. G. El coronel no tiene quien le escriba / G. G. Márquez. Madrid: Debolsillo. 2011. 104 p.
7. Vigan, D. de. No et moi / D. de Vigan. Paris : JC Lattès, 2007. 256 p.

УДК: 81'366.58 [811.161.1+811.133.1]

М.В. Сенченкова
Московский государственный лингвистический университет

ПРОБЛЕМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АСПЕКТОЛОГОВ

Аннотация. Вид как глагольная категория признается в современном языкознании как во французском так и в русском языках. Однако ряд вопросов, касающихся значения вида, его реализации, спорны и решаются неоднозначно. В результате анализа точек зрения отечественных и зарубежных авторов в статье уточняется определение категориального значения вида, и выявляются особенности языковой реализации вида в сравниваемых языках.

Ключевые слова: категория вида; грамматика; французский язык; русский язык; сравнительное языкознание

M. V. Senchenkova
Moscow State Linguistic University

THE PROBLEM OF GRAMMATICAL CATEGORY OF ASPECT IN FRENCH AND RUSSIAN AS SEEN BY ASPECT RESEARCHERS

Abstract. The aspect as a verbal category is acknowledged by modern linguistics both in the French and Russian language. However, a number of issues concerning the aspect in terms of its meaning and manifestation are controversial and approached differently. Analysing various views expressed by researchers in her country and abroad the authorr clarifies the definition of the aspect's categorical meaning and identifies how the aspect is linguistically expressed in the compared languages.

Key words: category of aspect; grammar; French; Russian; comparative linguistics

Вид – это категория глагола, которая обозначает характер протекания процесса. Свойства процесса, которые отражаются в видовых значениях, разнообразные, например: отношение действия к результату, его длительность, повторяемость, фазы (начало, окончание) и другие. Значения, выраженные противопоставлением глагольных форм, образуют категорию вида. Значения, выраженные средствами словообразования, образуют способы действия (modes d'action, ordres de procès) – это более конкретные разновидности протекания процесса [7, с. 329–337]. Аспектологи насчитывают до сорока способов действия, например:

начинательный *(засмеяться – se prendre à rire),* итеративный *(подпрыгивать – sautiller)* и другие. Они характеризуют действие в качественно-количественном отношении. Серьезные разногласия касаются определения глагольного вида, соотношения этой категории со способами глагольного действия, характером его протекания. В связи с этим исследование данного вопроса остается актуальным и значимым, так же, как и вопрос грамматического выражения вида в сравниваемых языках.

Во французском языке вопрос о виде принадлежит к числу спорных и требует глубокого изучения, поэтому его нельзя назвать окончательно решенным. Во французском современном языке вида нет, но имеется разветвленная система временных форм, с помощью которых могут выражаться видовые значения. Такой точки зрения придерживается Ф. Брюно. Он пишет: «Sans avoir l'importance qu'elle a dans d'autres langues, l'indication de l'aspect contribue en français, avec l'indication de la date, à l'expression du temps» [18, p. 440].

Французские лингвисты часто смешивают вид как морфологическую категорию глагола с видовым значением, которое реализуется в контексте в результате взаимодействия семантики глагола, наречий, значений временных форм. Во французском языке выделяются следующие видовые значения: имперфективный, перфективный, мгновенный, длительный, итеративный или многократный, начинательный (инхоативный), вид ближайшего прошедшего и будущего. В одной из последних французских грамматик различаются такие виды глагола, как:

– завершенный/незавершенный (accompli/inaccompli), который выражается посредством противопоставления простых и сложных времен;

– совершенный/несовершенный (perfectif/imperfectif), который передается семантикой глаголов;

– пресекающий/непресекающий (sécant/non-sécant), выражаемый противопоставлением форм imparfait/passé simple;

– инхоативный/терминативный (inchoatif/terminatif), передаваемый перифразами с неслужебными глаголами, например: *commencer à travailler, finir de travailler*;

– однократный/итеративный (semelfactif/itératif), который выражается обстоятельствами, например: *une fois par an/tous les mois* или аффиксами, например: *redire*;

– прогрессивный, передаваемый конструкцией aller + gérondif.

Во французском языке видовые значения могут передаваться:

– лексическим способом (посредством противопоставления предельных и непредельных глаголов). В данном случае нельзя рассматривать вид как грамматическую категорию, несмотря на то, что семантические различия глаголов сильно влияют на образование видовых оттенков в определенных конструкциях и временных формах;

– синтаксическим способом. В качестве этого выступают определенные конструкции или средства словообразования (аффиксы). Эти средства не образуют морфологического глагольного вида, они передают способы действия, такие, как: смягчительный, итеративный, начинательный и другие, например: *toussoter, sautiller; relire, se mettre à rire*;

– противопоставлением форм глаголов. Лишь в этом случае можно рассматривать вид как морфологическую категорию глагола. Во французском языке эта категория передается оппозицией простых и сложных времен и оппозицией линейных и точечных времен.

При изучении вопроса о виде на материале других языков, например, русского, наблюдается универсальность этого значения в языке. Вид как понятие перешло в общее языкознание из русской грамматики. Но и в славистике не существует одного мнения относительно содержания вида.

Согласно мнению В.В. Виноградова, эта категория связана с выражением достижения внутренней цели, предела действия, искомого результата. Он пишет: «… в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, признак ограничения или устранения представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как всего предела» [5, с. 497].

Точка зрения, которой придерживается П.С. Кузнецов, близка к определению вида, который дает В.В. Виноградов. Автор отмечает, что «категория вида в русском языке характеризует выраженное глаголом действие или состояние с точки зрения отношения к его внутреннему пределу или независимо от всяких ограничений в его течении и повторяемости…» [10, с. 309].

Другие ученые считают, что вид представляется как субъективная категория, которая отражает точку зрения говорящего на процесс, который представляет действие или в его целостности, – это когда говорящий видит процесс как бы со стороны (совершенный вид), или в самом протекании, – это когда процесс описывается как будто изнутри (несовершенный вид) [8, т. 2, с. 133].

Определение вида у А.В. Бондарко построено на том же принципе. Он считает, что «категория вида обозначает различие в протекании действия с точки зрения его целостности/нецелостности, процессности/непроцессности» [3, с. 4; 4].

По мнению В.Г. Гака, «разные теоретические осмысления объясняются в некоторой степени неоднородностью значения самих форм вида. Совершенный вид в русском языке, несомненно, указывает на предельность (лимитированность) действия. Но действие может закончиться по двум причинам: потому что задача действия выполнена (внутренняя предельность: *Он читал книгу и прочитал ее),* либо потому что окончилось время, отведенное на это действие (внешняя предельность:

Он почитал книгу и отложил ее). Достижение внутренней цели в этом случае не имеется в виду. Первый тип предельности имеет качественное содержание, второй – количественное. Если первое значение является собственно-видовым, то второе стоит ближе к категории времени, поскольку речь идет о временных пределах, а не о характере процесса» [7, с. 332].

Различные видовые значения в русском языке передаются одной морфологической формой, что привело к более широкому понятию «целостности» действия. Количественная, временная предельность в русском языке часто передается такими префиксами, как: *по-, про-,* например*: порисовать; поработать час, проработать целый час.*

А.В. Бондарко пишет, что в русском языке выделяются две основные тенденции при рассмотрении вопроса о временах русского глагола в их отношении к видам в трудах грамматистов XIX века и в современной грамматической литературе [3, с. 43−44].

1. Тенденция к рассмотрению категорий времени и вида с преимущественным вниманием к виду.

Эта тенденция свойственна в особенности для ряда грамматик XIX века. Проявление данной тенденции заключается в том, что способ изложения категории времени рассматривается только с точки зрения «естественных» времен – настоящего, прошедшего и будущего – «при очень слабой связи с более богатым по содержанию и более детальным рассмотрением категории вида» [3, с. 43]. Проявление рассматриваемой тенденции заключается в изложении теории вневременности русского глагола, которая представлена в трудах таких авторов, как К.С. Аксаков и Н.П. Некрасов [1, с. 410–417; 12, с. 117–140].

2. Тенденция к раскрытию соотношения и взаимодействия вида и времени как самостоятельных категорий, но связанных друг с другом.

Данной тенденции придерживаются такие авторы, как А.А. Потебня, Л.П. Размусен и А. Мазон [14, с. 93–167; 15, с. 19–26; 25, p. 117–226]. Такого же мнения о развитии учения о видах и временах придерживаются А.А. Шахматов и В.В. Виноградов [16, с. 178–188; 6, с. 477–581].

Во французской грамматике концепция Г. Гийома занимает особое место в вопросе о виде. Он первым дал определение значения и статуса вида. Согласно его концепции, различаются «внешнее время», которое соотносит действие с моментом речи (прошедшее, настоящее, будущее), и «внутреннее время» – это длительность самого действия, которое и называется видом. Автор отмечает, что определенным образом каждая форма глагола сочетает в себе «совершенность» и «совершение» действия. Однако эти понятия трактуются, как чисто временное завершение или продолжение действия, причем затрагивается вопрос о том, достигается при этом или нет внутренний предел или результат действия. Следовательно, категория вида может быть связана с выражением предела

действия, его внутренней цели. К этому значению ближе находится оппозиция простых/сложных форм французского языка. Категория вида связывается и с противопоставлением целостности/нецелостности действия. К такому пониманию вида ближе находится оппозиция линейных/точечных времен французского языка [21, p. 15–27; 20, p. 50–56; 70–76].

Рассмотрим грамматические оппозиции, которым приписывается значение вида.

Противопоставление между простыми и сложными формами трактуется:

– как временное (сложные времена передают временную соотнесенность, предшествование). Такой точки зрения придерживается традиционная грамматика;

– как видовое противопоставление: незавершенность/завершенность.

Г. Гийом полагает, что простые формы выражают действие в его развертывании (aspect tensif, от tension – «направленность действия»), а сложные формы указывают на состояние, которое последовало за окончанием действия (aspect extensif) [21, p. 20].

А. Мартине высказал свою точку зрения более определенно о видовом характере данных форм. Он выделяет двойственность значения этих форм. Passé composé именуется accompli и antérieur du présent, a plus-que-parfait именуется accompli и antérieur du passé [23, p. 128–130]. Временное и видовое значения часто тесно переплетаются, при этом чаще на первый план в независимых предложениях выступает значение завершенности, например: *Nous t'avions attendu jusqu'à midi. – Мы прождали тебя до 12 часов дня.* Тем же значением обладает форма совершенного вида русского глагола.

Понятие завершенности действия тесно связано с идеей предшествования. Действие, которое закончилось к данному моменту, с точки зрения достижения внутреннего предела, нередко оказывается и завершенным.

Э. Бенвенист отмечает, что сложные времена обладают двойным статусом, образуя с простыми временами два типа отношений. Сложные времена выражают перфектность (по мнению Э. Бенвениста, это «совершенность действия» + «актуальность» ситуации, которая создалась в результате действия для данного момента) и предшествование – по отношению к настоящему времени – это действие в прошлом, претерит. В определенных условиях то или другое значение выдвигается на первый план [2, с. 280–284]. В предложении *Il ne peut pas la trouver, elle est partie (Он не может ее найти, она ушла)* акцентируется перфектность, то есть результат действия *(ее нет сейчас).* А в предложении *Hier, elle est partie à midi* подчеркивается временное претеритное значение *(она ушла в полдень).*

Представленные выше доводы позволяют считать, что значение предшествования является ведущим значением сложной формы:

– значение предшествования шире значения видовой завершенности. Любое завершенное действие является предшествующим действием по отношению к следующему действию, но не любое предшествующее действие является завершенным в смысле достижения своего внутреннего предела. Часто сложное время обозначает предшествующее действие, не имея при этом оттенка завершенности, например: «Trois mois auparavant, c'est-à-dire à l'époque où sa mère vivait encore, on l'avait appelé le prince de Beam» [Приводится по: 7, с. 334]. В этом примере говорится о титуле персонажа в предшествующий период времени, но сам процесс не оказывается перфективным. Значение зависит от конструкции предложения и семантики глагола. Значение завершенности обычно реализуется при предельном глаголе, а предшествование во времени реализуется при непредельном.

– значение завершенности по-разному представляется в разных сложных временах. Данное значение всегда реализуется в таких временах, как passé antérieur и futur antérieur, но в наиболее употребительных сложных временах, таких, как plus-que-parfait и passé composé является менее обязательным.

– сложные времена обладают недостаточно выраженным оттенком перфектности, что способствовало развитию сверхсложных времен, всегда выражающих завершенность действия. Такие употребительные формы, как passé surcomposé и plus-que-parfait surcomposé, соответствуют тем сложным временам, у которых перфектность проявляется менее регулярно. Наблюдение над значением и его реализацией в тексте позволяет считать, что сложные времена входят в более широкую систему глагольных форм, показывающих не только предшествование, но и следование, и одновременность. Поэтому, несмотря на колебания в интерпретации значения и двузначность форм, можно полагать, что временная соотнесенность является ведущей в значении сложных форм, одновременно при этом реализуется видовое значение завершенности действия, особенно с предельными глаголами.

Формы времен passé surcomposé и imparfait surcomposé – это наиболее часто встречающиеся сверхсложные времена, формы futur и conditionnel surcomposés – более редкие формы. Употребление сверхсложных форм встречается в разговорной речи и просторечии. Они не имеют пассивной формы. П. Имбс отмечает, что эти формы используются, таким образом, как если бы они не существовали в коллективной памяти носителей языка. Каждый раз они как будто снова образуются для данного случая. Благодаря этому подчеркивается не вполне системный характер, а речевой. Это дает основание не включать эти формы в основную парадигму французского глагола, несмотря на то,

что современные грамматики стали уделять им больше внимания [22, p. 131–135].

Сверхсложные формы выражают действие, предшествующее действию, которое выражено посредством сложной глагольной формы, например: *Quand il a eu relu son livre, il est sorti. – Quand j'ai eu fini de dîner, je me suis endormi.* Сверхсложные формы могут употребляться и в независимых предложениях, например: *J'aurai eu vite réparé le mal*. Как правило, сверхсложные времена связывают со сложными временами. По мнению Г. Гийома, сложные и сверхсложные времена являются формами вида (aspects extensif и bi-extensif) [21, p. 20]. Согласно мнению Ж. Дамурета и Эд. Пишона, те и другие являются формами предшествования (temps antérieurs и bisantérieurs) [19, t. 5, p. 163–166; p. 292–302].

Однако сверхсложные формы не тождественны сложным формам. Они всегда обладают значением совершенного вида и обычно употребляются с предельными глаголами, тогда как в passé composé и plus-que-parfait часто употребляются и непредельные глаголы. Использование глагола «finir», оборота «vite faire de» подчеркивает завершенность действия. Считается, что сверхсложные формы появились для выражения завершенного предшествующего действия, так как сложные формы начали утрачивать эту способность. Из этого следует, что в первую очередь сложные формы передают временную соотнесенность (предшествование), а выражение совершенного вида является главной функцией сверхсложных форм.

Во французском языке имеются такие глагольные формы, которые не показывают временных пределов действия, а именно формы présent, формы imparfait, иногда к ним относят и формы futur simple. Эти времена называются линейными (linéaires), длительными, неограниченными. А также имеются ограниченные, точечные времена (ponctuels), – это формы passé simple, формы passé composé, показывающие ограниченность временных рамок действия. Противопоставление этих времен в пределах прошедшего плана (imparfait/passé simple, passé composé) признается видовой оппозицией, которая выражает законченность/незаконченность, длительность/недлительность действия.

Среди временных форм, которые обозначают прошедшее время, Ж. Дамурет и Эд. Пишон выделяют особое место формам imparfait. Они отмечают, что эти формы выражают не только временное значение, но и передают действие в процессе его протекания, в его непрерывности: «... il est bien certain que le saviez présente le passé dans son déroulement... jamais ce tiroir n'arrive à s'enfermer dans les limites d'une indication temporelle [19, p. 363].

Анализируя значение форм imparfait и passé simple, авторы отмечают, что различие между этими формами существует не столько временное, а «психологическое», (по их терминологии), которое

заключается в различном представлении («презентации») явлений (фактов): «Il ne faudrait pas en conclure que la différence entre ces deux tiroirs fût purement chronologique, le su étant affecté à l'expression des événements instantanés, le saviez à celle des phénomènes ayant un déroulement plus long. La véritable différence est une différence psychologique, une différence dans la présentation des faits» [19, p. 219].

Данной точки зрения придерживаются такие грамматисты, как Ж. и Р. Ле Бидуа, которые также полагают, что формы imparfait выражают действие в его непрерывности (continuité). Они пишут: «L'imparfait énonce une action (ou un état) qui se situe dans le passé; mais il énonce d'une façon spéciale, et qui le différencie profondément de tous les autres passés. Il offre en effet cette particularité remarquable d'énoncer toujours une action (ou l'état) sous l'aspect de continuité» [17, t. 1, p. 427]. На их взгляд, это сущность форм imparfait, которые сильно отличаются от других прошедших временных форм. Обозначая действие как непрерывное, они влекут за собой представление об этом действии как о незавершенном в момент прошлого, к которому относится действие, как о незаконченном действии, находящемся в процессе протекания.

А. Стен полагает, что формы imparfait указывают на действие, которое являлось бы настоящим для того, кто наблюдает это действие из плана прошлого. Он пишет: «L'imparfait sert à l'indiquer une action qui serait du présent pour un observateur du passé, il peut même, comme le présent, se combiner avec en ce moment» [26, p. 128]. Это означает, в первую очередь, что формы imparfait противопоставляются формам passé simple, а также иногда и формам passé composé [26, p. 128–130].

По определению русистов, как отмечалось, совершенный вид русского глагола выражает действие в значении целостности, сомкнутости, а несовершенный вид не имеет этого значения. А.В. Исаченко пишет: «Выражая процесс формами совершенного вида (например «я переписал»), говорящий стоит вне процесса выраженного глагольной формой: следовательно, он обозревает процесс как единое целое» [8, т. 2, с. 133]. Передавая процесс посредством форм несовершенного вида, говорящий как будто находится в самом процессе, а значит, он не видит ни начала процесса, ни его конца.

Л.П. Пицкова считает, что имеются все основания, чтобы выделить противоставление форм imparfait/passé simple в особую категорию – категорию вида, так как обе эти формы относятся к одному времени и к одному наклонению, и в обеих формах употребляется весь класс глаголов [13, с. 78–79].

Рассмотрение форм imparfait как глагольных форм, которые, как правило, выражают значение несовершенного вида, а форм passé simple как глагольных форм, которые обозначают совершенный вид, может казаться сомнительным. Ведь при переводе с французского языка на

русский и с русского языка на французский глаголы совершенного вида не всегда равнозначны passé simple, а глаголы несовершенного вида – imparfait. Это происходит не оттого, что во французском языке формы imparfait и passé simple не передают значение категории вида. Формы imparfait и passé simple могут передавать видовое значение совершенного и несовершенного вида. Просто, они передают видовое значение иными средствами. Так, категория вида в русском языке определяет значение временных форм, а во французском языке временные формы определяют видовое значение глагола. Например: *J'entendais la mélodie. – Я слышал мелодию* (несовершенный вид). *J'entendis la mélodie. – Я услышал мелодию* (совершенный вид). Еще пример: *Dix heures sonnaient quand il se réveilla* (несовершенный вид). – *Dix heures sonnèrent quand il se réveilla* (совершенный вид).

Во французском языке сама временная форма выражает видовое значение, то есть противопоставление форм imparfait/passé simple.

В русском языке сам глагол обладает видовым значением за счет аффиксного оформления противопоставления видовой пары: «пробить/пробивать», либо иных лексических средств. Иногда точный перевод требует более сложного эквивалента. Например, возьмем отрывок из Шатобриана: Je parlais peu, je ne parlai plus; j'étudiais encore, je jetai là les livres [Приводится по: 9, с. 14]. Противопоставление форм imparfait и passé simple, которые переданы глаголом «parler», не может быть выражено в русском языке глаголом «говорить». Этот глагол не имеет соотносительной однокоренной формы совершенного вида. А существует только супплетивная пара: «говорить/сказать». В таком случае наиболее точно смысл может быть передан за счет лексических средств.

Употребление форм imparfait, когда они обозначают завершенное единое действие в прошлом, имеют точный эквивалент в русском языке. Таким эквивалентом является, так называемое «настоящее историческое». Например: Au bout d'un mois elle *annonçait* de tous les côtés la nouvelle, sauf à la comtesse Gilbert, par une sorte de pudeur compliquée et délicate [24, p. 178]. − Через месяц она *рассказывает* новость всем и каждому, за исключением графини Жильберты – из-за чувства какой-то сложной и деликатной стыдливости [11, с. 209].

Такое время употребляется, чтобы обозначить нежданно наступившее конкретное единичное действие, которое в иных случаях требует прошедшего. На самом деле, эта временная форма обозначает прошлое, но дело в специфической презентации действия. Форма imparfait сообщает динамичность действию, она приближает его к слушателю.

Таким образом, сложные формы французской глагольной системы подтверждают значительные отличия французской грамматики от русской грамматической системы. Без сомнения, формы imparfait выражают видовое значение несовершенного вида. Такое значение свойственно

самим формам imparfait, оно не возникает контекстуально. По терминологии, которая принята в настоящее время как французскими, так и русскими грамматистами, – это значение «процессности», значение непрерывного действия. Как показано в выше приведенном примере, контекстуально формы imparfait могут обладать значением законченного единичного действия. Формам же passé simple не всегда присуще значение совершенного вида, оно обусловливается контекстом.

Вопрос о соотношении видового значения формы passé simple и совершенного вида в русском языке представляется очень важным для французско-русского перевода.

Литература

1. Аксаков К. С. О русских глаголах. Полное собрание сочинений. Сочинения филологические. М.: Университетск, 1875. Т. 2. Ч. 1. 661 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 112 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Учпедгиз, 1947. 497 с.
6. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 58 с.
7. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 860 с.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава: Словацкая академия наук, 1960. Т. 2. 576 с.
9. Катагощина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках. М.: Изд-во МОПИ, 1985. 55 с.
10. Кузнецов П. С. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 309.
11. Мопассан де Г. Жизнь / пер. с фр. А. Чеботаревской. М.: Мир книги, 2006. 448 с.
12. Некрасов К.С. О значении форм русского глагола. СПб.: Наука, 1865. С. 117–140.
13. Пицкова Л. П. Грамматическая категория вида в современном французском языке. М.: Высшая школа, 1982. 160 с.
14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Академия наук СССР, 1941. Т. 4. С. 93−167.
15. Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Императорская академия наук, 1891. № 7. С. 19−26.

16. Шахматов А. А. Очерк современного литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
17. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. Paris: Picard, 1935. T. 1–2. 793 p.
18. Brunot F. La pensée et la langue. Paris: Masson, 1965. 982 p.
19. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire française. Paris: Artrey, 1970. T. 1–6.
20. Guillaume G. Temps et aspect. Paris: Klincksieck, 1971. 450 p.
21. Guillaume G. Temps et verbe. Paris: Champion Honoré, 1970. 154 p.
22. Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. Paris: Klincksieck, 1960. 272 p.
23. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris: CREDIF, 1979. P. 84−131.
24. Maupassant de G. Une vie. − Paris: Maxi-Livres, 2005. − 255 p.
25. Mazon A. Emplois des aspects du verbe russe. Paris: Champion, 1914. 257 p.
26. Sten H. Compte rendu de A. Klum. Verbe et adverbe // Studia nophilologica. Kobenhavn: Munksgaard, 1962. № 2. P. 345−348.

УДК 811.133.1

А.В. Солнцева
Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИЙ «НАРЕЧИЕ+СОЮЗ» И «ПРЕДЛОГ + СОЮЗ»

Аннотация. Работа посвящена разграничению омонимичных конструкций, имеющих структуру «наречие + союз» и «предлог+союз». Автор предлагает учитывать комплекс морфологических, лексических, синтаксических признаков для определения сложных союзов: высокая степень спаянности конструкции, неразложимость конструкции на составляющие, возможность замены простым союзом que при однородном соподчинении, значение и функция в предложении, употребление наклонений во вводимой предикативной единице, позиция придаточного предложения.

Ключевые слова: французский язык, союз, предлог, грамматика, морфология

A.V. Solntseva
Moscow Region State University

DEFINING STATUS OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS «ADVERB+CONJUNCTION» AND «PREPOSITION+CONJUNCTION »

Abstract. The article deals with distinguishing between homonymous constructions having the structure “adverb + union” and “preposition + union”. To define complex conjunctions, the author proposes to take into account a combination of morphological, lexical, syntactic features for defining complex unions: high degree of construction connexity, construction non decomposable into components, possibility to replace the structure with the simple conjunction “que” in case of homogenous collateral subordination, value and function within the sentence, use of moods in the predicative unit introduced by the structure, position of the subordinate clause .

Key words: French language, conjunction, preposition, grammar, morphology

Во французском языке, как и в других языках, существует немало сочетаний существительных, наречий и предлогов с простыми союзами. К числу подобных спорных конструкций можно отнести “*même que”, “sauf que”, “sauf si”, “surtout que”, “autant que”, “d’autant que même si”* и др.

Грамматический статус конструкций, формирующихся в современном французском языке на основе соединения союзов с наречиями и предлогами, является одной из нерешенных проблем

романистики: в лингвистической литературе конструкции «наречие + простой союз que» и «предлог + простой союз que» трактуются неоднозначно. Одни авторы считают их сформированными сложными союзами, другие рассматривают их как свободные сочетания. Некоторые авторы (Ж. Муанье [1], С. Аллер [2], Н.М. Васильева [3], А.Ф. Прияткина [4], А.В. Коберник [5], Н.Е. Лисичкина [6] и др.) говорят о промежуточных типах, которые сочетают в себе признаки собственно союзов и признаки свободных сочетаний, поэтому зачастую без специального анализа определение грамматического статуса подобных конструкций затруднено.

Для определения их грамматического статуса нами был разработан ряд критериев, позволяющих установить границу между союзами и свободными сочетаниями.

Формирование сложных союзов (союзных выражений) представляет собой живой и продуктивный процесс, который происходил на протяжении всего исторического развития французского языка и продолжается в наши дни. Сложные подчинительные союзы обладают комплексом морфологических, лексических и синтаксических признаков, объективно противопоставляющих их внешне сходным грамматическим конструкциям.

Основным признаком сложных союзов является устойчивость. Устойчивость конструкции складывается из следующих составляющих:

1. Неразложимость конструкции на составляющие.

Наречия и предлоги, входя в состав сложного союза, являются его неотъемлемыми элементами. При их элиминации семантические отношения между главным и придаточным предложениями меняются.

Même si le système de contrôle des produits biologiques s'est amélioré, certains défis restent à relever. (https://www.eca.europa.eu)≠ Si le système de contrôle des produits biologiques s'est amélioré, certains défis restent à relever.

Même si vous êtes seul et que personne ne vous suit, défendez toujours ce qui vous paraît juste. (Abbé Pierre) ≠ Si vous êtes seul et que personne ne vous suit, défendez toujours ce qui vous paraît juste.

2. Высокая степень спаянности компонентов конструкции. Входя в состав сложного союза, наречие и предлог десемантизируются, утрачивают свое собственное значение и не допускают возможность замены синонимами. Десемантизация наречий и предлогов способствует идиоматичности всей конструкции, значение которой не складывается из суммы значений ее компонентов.

Наречия и предлоги в составе сложного союза не могут быть заменены синонимами *(J'ai attendu autant que je le pouvais. (M. Lévy)≠ J'ai attendu aussi que je le pouvais),* существует возможность замены всей конструкции синонимичным союзом, например:

Je souris, le mot « Mayday » ne s'utilise que dans l'aviation, mais ce n'est pas le moment de jouer au donneur de leçons, surtout qu'un stupide fou rire me gagne. (M. Lévy) ≈ Je souris, le mot « Mayday » ne s'utilise que dans l'aviation, mais ce n'est pas le moment de jouer au donneur de leçons, d'autant plus qu'un stupide fou rire me gagne.

Сочетание "наречие + союз que" не является союзом, если наречие сохраняет свое значение и допускает возможность замены синонимичным наречием:

Je crois surtout que ce vieux professeur s'ennuie, et qu'il a trouvé un prétexte pour se distraire un peu. (M. Lévy) ≈ Je crois avant tout que ce vieux professeur s'ennuie, et qu'il a trouvé un prétexte pour se distraire un peu.

Saluez-les bien pour moi, dites-leur surtout que c'est le dernier service que je leur rends, et transmettez mes sincères inimitiés à qui vous savez. (M. Lévy) ≈ Saluez-les bien pour moi, dites-leur avant tout que c'est le dernier service que je leur rends, et transmettez mes sincères inimitiés à qui vous savez.

3. Если речь идет о едином союзе, то существует возможность его замены простым союзом que при однородном соподчинении, например:

Tu t'rappelles, Desmaisons, le coup du lieutenant Virnin défonçant la porte d'une cave d'un coup de hache? Même qu'un poilu l'a vu et qu'il lui a donné la porte pour en faire du bois à brûler ... (H. Barbusse)

Подобная замена невозможна в предложениях со свободными сочетаниями.

4. Функции нового сложного союза отличаются от функций союза, входящего в его состав. Так, например, союз que вводит дополнительное придаточное, а образованное на его основе surtout que - обстоятельственное (причинное).

Le titre est un peu long pour un polar, surtout que le crime est loin d'être parfait. (M. Lévy)

5. Значение нового сложного союза отличается от значения союза, входящего в его состав. Сравните:

Autant qu'elle détestât sa belle-fille, elle ne transigeait pas sur les principes. (Mauriac)

Je vous aiderai autant que je le pourrai. (M. Lévy)

6. Собственно грамматическими маркерами сложного союза или союзного выражения (данные термины считаем синонимичными, см. Солнцева А.В. [7]) являются

- употребление имен и наклонений

Так, например, употребление subjonctif после конструкции *autant que* является показателем того, что она является союзом:

Autant qu'il ait plu, le sable d'Argelouse ne retient aucune flaque (F. Mauriac)

- позиция вводимой предикативной единицы.

Препозиция предикативной единицы, которую вводит конструкция «наречие autant + que » демонстрирует, что autant que – союз.

- парцелляция придаточного предложения

Croyez en mon expérience, il prendra sa revanche dès qu'il en aura l'occasion. Surtout que cela reste entre nous, inutile d'inquiéter Adrian pour l'instant, qu'il ne sache rien sur ce qui l'a conduit à l'hôpital. (M. Lévy)

7. Для приобретения союзного статуса конструкция должна получить широкое распространение и регулярно использоваться в качестве связующего элемента.

Литература

1. Moignet G. Systématique de la langue française. Paris, 1981. - 346p.
2. Allaire S. Le modèle syntaxique des systèmes corrélatifs: Étude en français moderne. Thèse . Lille: Univ. de Lille 3, 1982. - 601p.
3. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис : учебник для вузов / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 473 с.
4. Прияткина А.Ф. Синтаксис осложненного предложения: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. Москва: Высшая школа, 1990. - 175 с.
5. Коберник А.В. Французские союзные выражения, образованные на базе наречия «autant» и их испанские аналоги. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2000. – 22 с.
6. Лисичкина Н.Е. Синтаксический статус конструкций *como para* и *como para que* в испанском языке // Сборник научных и учебно-методических статей преподавателей и студентов Факультета иностранных языков МАИ-НИУ. Москва, 2015. - С. 141-149.
7. Солнцева А.В. Критерии разграничения омонимии и многозначности применительно к союзам. // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков. Межвузовский сборник научных трудов. - Москва, 2015. - С. 91-95.
8. Солнцева А.В. О вариантности союзов (на примере французского языка). // Романские языки в синхронии и диахронии. Межвузовский сборник научных трудов. - Москва, 2017. –С.113-116.

УДК: 811.134.3

О.А. Шершукова
Дипломатическая академия МИД РФ

СПЕЦИФИКА ЧИСЛОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию числового варьирования португальских вещественных имен, которые могут реализовывать как недискретное, так и дискретное значение. Автор рассматривает это явление на примере обозначений различных видов камней, которые могут выступать как в обозначении материала, так и его частей. Значение расчлененности всегда передается формой множественного числа. Формы числа могут передавать целый спектр значений.

Ключевые слова: концептуализация, неисчисляемые имена, дискретность, вещественные имена, единственное и множественное число, варьирование по числу

O.A. Shershukova
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

THE SPECIFICS OF NUMERIC VARIATIONS OF THE PORTUGUESE NAMES OF SUBSTANCES

Abstract. This article is devoted to the study of numeric variations of Portuguese mass nouns possessing indiscrete and discrete denotation. The author considers the peculiarities of conceptualization of solids in the Portuguese language, which can designate both the substance and its parts. The meaning of segmentability always is transmitted by the plural form of nouns. Number forms can be used to express a wide range of meanings.

Key words: conceptualization, uncountable nouns, discreteness, mass nouns, Singular and Plural forms, variation in number

В настоящей работе мы хотели бы обратиться к специфике реализации числовых значений португальских имен, которые могут совмещать дискретное и недискретное значения. К таковым, в частности, относятся вещественные имена, которые обозначают неисчисляемую массу, которая в реальной жизни делима на части, имеющие ту же качественную определенность, что и само вещество. Поскольку вещественные имена в большинстве своем в различных языках относятся к разряду Singularia tantum, т.е. не имеют полной числовой парадигмы в своем первичном недискретном значении, то их употребление в форме множественного числа указывает на реализацию вторичных

значений граммемы множественного числа. К базовым вторичным значениям, когда допускается исчисление вещественных имен, традиционно относятся следующие значения: видовое (*petróleo-petróleos нефть-нефти*), пространственное (*areia-areias песок-пески*), значение большой массы вещества (*poeira-poeiras пыль*), конкретизирующее, когда формой множественного числа обозначаются либо изделия из вещества или материала (*bronze-bronzes бронза – бронзы,* т.е. изделия из бронзы), либо некоторое множество их частей (*madeira-madeiras древесина – пиломатериалы, изделия из дерева*). Как видно из примеров, не всегда португальские вещественные имена во множественном числе имеют русские эквиваленты, что в первую очередь связано с морфологическими ограничениями на образование форм множественного числа русскими неисчисляемыми существительными. По мнению Д. И. Руденко, «на конкретизацию неисчисляемых имен налагаются довольно жесткие функционально-семантические ограничения. Так, словосочетания типа *две воды, один хлеб, три масла* употребляются в разговорной речи, главным образом в тех случаях, когда, по мнению говорящего, слушатель может однозначно (или с большой вероятностью) восстановить название стандартного «объединителя» вещества – сосуда, формы и т.п.» [4, с. 196]. Поскольку в португальском языке соответствующих ограничений нет, так как множественное число любого португальского существительного образуется посредством присоединения флексии *-s* (*-es*) к любой основе, то формой множественного числа вещественных имен могут выражаться различные значения, причем конкретное значение зависит от контекста употребления. Как указывает В. Г. Гак, форма множественного числа неисчисляемого существительного «показывает, что объект представлен как считаемый, расчлененный», при этом «расчлененность может носить различный характер» [1, с. 93]. В таком случае конкретное значение вещественного имени во множественном числе будет зависеть от контекста. В частности, для русского языка нетипично употребление множественного числа для передачи значения расчлененности на части или элементарные единицы, поэтому мы хотели бы более подробно рассмотреть данное явление в португальском языке.

Традиционное деление предметных существительных, к которым относятся и вещественные имена, на исчисляемые и неисчисляемые обусловлено дискретностью/недискретностью их денотатов. Так, Д. И. Руденко отмечает, что в логике не проводится различия между классами, которые состоят из объектов, обладающих «постоянной материальной оформленностью», и классами, которые «не распадаются на целостные элементы» [5, с. 153], т.е. между нарицательными и вещественными нет строгой границы в плане исчисляемости одних и неисчисляемости других. С.Д. Кацнельсон делит вещественные имена на две группы: одни

«обозначают предметы, лишенные признака дискретности и как таковые не поддающиеся счислению и квантитативной актуализации», а другие «обозначают предметы, которые хотя и дискретны, но представляют ряд практических неудобств для счета ввиду неравновеликости их дискретных элементов». Если имена первого рода автор называет недискретными, но другие – «условно недискретными» [2, с. 29]. Так, к условно недискретным вещественным именам относятся названия так называемых «твердых» веществ, к которым относятся названия овощей и фруктов, причем в разных языках одни существительные исчисляемы, а другие – нет. Отметим, что в португальском языке практически все названия овощей и фруктов могут иметь полную парадигму числа в отличие от русских аналогов, например: *капуста couve-couves*; *лук cebola-cebolas; виноград uva-uvas*; *клубника morango-morangos* и т.п. (Более подробно см. [6, с. 450-457].

К прототипическим условно недискретным вещественным именам как в португальском языке (можно сказать, и во всех романских языках), так и в русском языке можно отнести существительное *камень pedra*, которое, с одной стороны, обозначает как твердую горную породу (“substância dura e compacta que forma as rochas”), так и ее отдельную часть (“calhau, lapa”) [8, p. 744], которая может быть различной по величине и размеру. В концептуальной картине мира человека понятие «камень» в первую очередь ассоциируется не с горной породой, а с ее частями, которых достаточно много вокруг нас и которые воспринимаются как конкретные предметы. В отличие от предметов, созданных человеком, вряд ли в природе можно встретить два одинаковых камня, но в то же время можно сказать, что человек обычно не фокусируется на внешнем отличии одного камня от другого. Камни различаются по своим видам, размерам и структуре, что отражается в процессе именования. Поэтому не случайно, что существительное *камень pedra* может быть концептуализировано как недискретное, так и дискретное понятие: в недискретной интерпретации существительное употребляется только в форме единственного числа, а в дискретной интерпретации может выступать в обеих числовых формах в зависимости от передаваемого значения единичности или множественности: *E **a pedra** não se amolda … quebra-se!* (B. Santareno) ***Камень** не деформируется … разбивается!* Ср.; *…a referida **pedra** atingiu a porta e partiu um vidro …**камень**, о котором идет речь, попал в дверь и разбил стекло*; *Um guarda foi ferido com **uma pedra** Охранник был ранен **камнем***. Неопределенный артикль с вещественным именем может не только указывать на единичность вещественного объекта, но и на значение множественности, если существительное употреблено в дистрибутивном контексте, «когда одно из двух фигурирующих в ситуации множеств обозначается формой ЕД» [3, с. 288]: *Desconhecidos atiraram **uma pedra** ao comboio Неизвестные бросались*

камнями (букв. *бросили* ***по камню***) *в проходящий поезд*. Сравнить с традиционным употреблением во множественном числе: *Os manifestantes responderam com* ***pedras*** *Протестующие в ответ начали бросать* ***камни***; *De início, preferiram* ***as pedras*** *às metralhadoras Kalashnikov. Изначально они предпочитали* ***камни*** *автоматам Калашникова*; *…uns miúdos que, enquanto a auto-estrada foi novidade, se juntavam nos viadutos e, às vezes, atiravam* ***umas pedras*** *… малолетки собирались у автострады и время от времени бросали* ***камни***. Употребление определенного и неопределенного артиклей с лексемой ***pedras***, так и опущение артикля традиционно передает в португальском языке значение определенности /неопределенности. Дискретная интерпретация существительного ***pedras*** предполагает употребление в арифметических контекстах, в частности в ИГ с количественными детерминативами, в том числе количественными и порядковыми числительными (См. подробнее [7, с. 315-319]). Квантифицируемые ИГ, вершиной которых является существительное ***pedra***, могут передавать как прямое, так и переносное значение: *... lançou* ***a primeira pedra*** *de uma fábrica na Covilhã …он заложил* ***первый камень*** *в строительство фабрики в Ковилья* ср. *Foi uma tarde produtiva: lançou* ***primeiras pedras****, inaugurou, visitou, elogiou День прошел успешно: он заложил* ***первые камни****, торжественно открыл, посетил, похвалил*. Как видно из примеров, в португальском и русском языках употребление лексемы ***pedra-pedras*** ***камень-камни*** аналогично употреблению исчисляемых существительных.

Если же говорить о числовом поведении существительных, обозначающих различные виды камней, то здесь прослеживается иная ситуация. Так, в русском языке большинство таких существительных относятся к Singularia tantum, особенно это касается строительного и поделочного материала (***гранит granito, мрамор mármore, щебень brita, галька calhau*** и др.).

Исключение составляет числовое поведение названий минералов, обозначающих драгоценные и полудрагоценные камни (***алмаз-алмазы diamante-diamantes, изумруд-изумруды esmeralda-esmeraldas, аметист-аметисты ametista-ametistas*** и др). Дискретная концептуализация ювелирных камней, несмотря на мизерность их частей по сравнению с другими поделочными камнями, является вполне логичной с точки зрения значимости таких камней в жизни человека, которая в первую очередь воплощается в их стоимости, поскольку каждый осколочек имеет цену. Однако названия ювелирных камней, употребленные во множественном числе, как правило, передают не значение видового многообразия, а именно значение расчлененности на части: *este ofereceu à futura esposa* ***um anel de esmeraldas e diamantes*** *он подарил своей будущей супруге* ***кольцо с изумрудами и бриллиантами***. Тем не менее, не во всех контекстах множественность референта предопределяет числовую форму, в котором может быть

употреблено название драгоценного камня: *As fiadas de* ***pérolas, corais*** *e* ***turquesas*** *continuam a ser penduradas por trás das orelhas, como um pequeno colar Висящие серьги с* ***жемчугом*** (мн.ч.), ***кораллами, бирюзой*** (мн. ч.) *фиксируются на ушах, как маленькие ожерелья*; *E é em oiro que se incrustam* ***as ametistas****, o* ***jaspe*** *e* ***as ágatas Аметисты, нефрит и агаты*** *инкрустированы золотом*. Если название драгоценного камня употреблено в качестве предложного дополнения, то сложно понять, идет ли речь об одном-единственном камне или о множестве камней: *O pai de Aurora deu-lhe* (…) ***um anel de rubi*** *Отец Авроры подарил ей* (…) ***кольцо с рубином*** (букв. ***рубиновое кольцо***); *Aconcelhei-o a usar* ***um anel de jade pedra*** *Я посоветовал ему носить* ***кольцо с нефритом*** (букв. ***нефритовое кольцо***) Ср. *…uma jóia índia* ***com turquesas*** *….индийское ювелирное украшение* ***с бирюзой*** (мн.ч.).

Остановимся теперь вкратце на числовом поведении существительных, обозначающих строительный и поделочный материал. Особенности использования этих материалов в различных сферах деятельности определяются их функциональной предназначенностью, т.е. горная порода либо дробится, измельчается, либо ей придается определенная форма и размер (плиты, блоки, бруски и т.п.) для последующего использования. Таким образом, благодаря наличию определенной, очень часто заданной формы эти части строительного и поделочного материала воспринимаются как отдельные предметы, что в свою очередь обусловливает возможность числового варьирования обозначающих их имен в португальском языке, аналогичное функционированию их гиперонима ***pedra***, что подтверждается примерами из Национального корпуса португальского языка. Так, мы наблюдаем у некоторых названий преобладание употребления в единственном числе, например: ***гранит - granito*** **(797)/** ***granitos*** **(117);** ***мрамор mármore*** **(985)/** ***mármores*** (**318**); ***щебень brita*** **(108)/** ***britas*** **(26)**; ***гравий gravilha*** **(72)/** ***gravilhas*** **(4)**. Преобладание употреблений во множественном числе характерно для обозначения мелких камней, например гальки, представленного двумя лексемами: ***calhaus*** **(79)** /***calhau*** **(47)** (*кремниевая галька*) и ***seixos*** **(52) /** ***seixo*** **(8)** (*речная галька*), что, на наш взгляд, указывает на множественную концептуализацию этого материала, состоящего из множества мелких камешков. Однако в обоих случаях данными существительными во множественном числе передается значение расчлененности на отдельные части или элементы: ***As amostras de rocha colhidas*** *- que contêm* ***quartzos****,* ***granitos****,* ***feldspatos e outros minerais*** *- possuem 250 mil anos Возраст* ***собранных образцов горных пород - кварцев, гранитов, полевого шпата*** (мн.ч.) *и* ***других минералов*** *– более 250 тысяч лет*; *…as primeiras imagens: ruas pejadas* ***de calhaus****…первые фотографии: улицы засыпаны* ***галькой***; *…o mal é a camada excessiva de terra vegetal* ***em cima das britas*** *…проблема в том, что* ***щебень*** *покрыт мощным земляным покровом с растительностью*; *…é um percurso penoso, - sujo e escorregadio por causa* ***das gravilhas*** *… по дороге очень тяжело двигаться - она* ***грязная и скользкая из-за рассыпанного гравия***; *O*

interior da mesquita é todo decorado com ***mármores****, cobres, pratas e madeiras Внутреннее пространство мечети декорировано* ***мрамором*** (мн.ч.), *медью* (мн.ч), *серебром* (мн.ч.) *и деревом* (мн.ч.). Как уже было указано выше, формой множественного числа могут передаваться и другие вторичные значения, в частности видовое, пространственное и эмфатическое, которые также в своей основе содержат понятие расчлененности. В ряде случаев нельзя исключить кумуляцию вторичных значений, например конкретизирующего и видового (*Nos Eua, conta com uma fábrica de* ***mármores*** *e* ***granitos*** *em Chicago В США завод по производству* ***изделий из мрамора и гранита*** *есть в Чикаго*), пространственного и видового (*jazidas* ***de mármores*** *месторождения* ***мрамора****; …****os granitos*** *de S. Pedro do Sul apresentam níveis de radiações superiores à media …****граниты*** *в Сан Педро ду Сул имеют уровень радиации выше среднего*).

Таким образом, числовое варьирование вещественных имен обусловлено недискретной или дискретной концептуализацией вещественного объекта и является в португальском языке достаточно регулярным явлением.

Литература

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 218 с.
3. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М., 2004 – 400 с.
4. Руденко Д. И. Количественность и семантика имени. // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. С-П.: Наука, 1996. – С. 181-214
5. Руденко Д. И. Понятие «класс» и модальность «оценки» в семантике языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т.42, 1983, № 2. –С.151-162.
6. Шершукова О. А. Когнитивный подход к анализу числового варьирования названий овощей и фруктов в португальском языке. // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. – С. 450-457
7. Шершукова О.А. О характере представления твердых веществ в португальском языке: континуальное vs. дискретное // Романские языки и культуры: от античности до современности: Сборник материалов VIII Международной научной конференции: Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Отв. ред. Л.И. Жолудева 26–27 ноября 2015 года – С. 315-319 (Электронная версия) http://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/65f/962/30354048/romanskie_yazyiki_i_kulturyi_2015_1.pdf
8. Dicionário de Português. Dicionários do Estudante. – Porto: Porto Editora, 1984.
9. http://linguateca.pt/CETEMPublico/ (Национальный корпус португальского языка)

УДК 1751

А.М. Яковлева
Московский государственный областной университет
Т.Ю. Назаревская
Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА: СРАВНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АСПЕКТЕ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности французских синтаксических конструкций, употребляемых в письменных официально-деловых текстах, в сравнении с синтаксическими структурами, свойственными языку художественных произведений и языку прессы. Автор приводит сопоставление письменных текстов различных функциональных стилей, анализирует элементы стилистического синтаксиса и их функции в различных типах текстов. В статье представлены отличительные характеристики французских синтаксических единиц официально-делового стиля.

Ключевые слова: функциональные стили языка, официально-деловой стиль, деловой французский язык, официально-деловые документы на французском языке, французские синтаксические конструкции

A.M. Iakovleva
Moscow Region State University
T.Y. Nazarevskaya
Moscow Region State University

THE SYNTACTIC FEATURES OF THE FRENCH BUSINESS LANGUAGE: COMPARISON OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE ASPECT OF DIFFERENT FUNCTIONAL STYLES

Abstract. The article examines the specific features of French syntactic structures used in written official and business texts, in comparison with the syntactic structures typical for the language of the literature and the language of the press. The author compares written texts of various functional styles, analyzes elements of stylistic syntax and their functions in various types of texts. The article presents the distinctive characteristics of French syntactic units of the official business style.

Key words: functional language styles, official business style, business French, official business documents in French, French syntactic constructions

На современном этапе развития национальных языков происходят заметные сдвиги в соотношении функциональных стилей. Экстралингвистические факторы, связанные с развитием и изменением в обществе, включение Интернета во все области общественной жизни, привели к тому, что особое место в языке вот уже несколько десятилетий занимает деловой язык [9]. Под понятие официально деловой стиль в современной интерпретации попадают, прежде всего, письменные текстовые структуры, обслуживающие широкий спектр коммуникативных сфер: от административной документации до писем-претензий частных лиц. Появление такого огромного пласта фактического материала ставит перед лингвистами всё новые задачи фиксации, систематизации и анализа языковых средств. Современные исследователи обращаются к реальному употреблению, функционированию языковых единиц в речи, что решает и практические задачи: предоставить всем, кто сталкивается с потребностью вступить в официальную переписку, средства и методы, необходимые для грамотного владения соответствующим языковым стилем [8].

Спецификой делового языка традиционно являются следующие аспекты:

- точность передачи информации;
- использование клише;
- отсутствие средств языковой экспрессивности;
- специфический синтаксис.

Некоторые аспекты последнего пункта рассматриваются в данной статье.

Изучая французскую литературу по заявленной тематике, можно встретить понятие «la phrase professionnelle», «s'approprier la phrase professionnelle» [1]. Проанализируем, каким комплексом характеристик обладает эта «профессиональная фраза» и чем она отличается от синтаксических структур, свойственных языку художественных произведений и языку прессы.

Одной из основных характеристик письменного официально-делового или административного документа вообще является «простота восприятия» («la lisibilité»): «Un texte lisible est un texte dont la compréhension est aisée et immédiate pour le ou les lecteurs auxquels le rédacteur s'adresse. Dès la première lecture, le lecteur comprend l'essentiel de la communication. Ce n'est pas à lui de décoder le mesage. Le rédacteur doit choisir la simplicité afin de rendre son écrit lisible.» [2, c. 19].

Подобная стилистическая простота (la simplicité stylistique) характерна для любого официально-делового документа. Отметим, что именно сопоставление художественных, публицистических и официально-деловых текстов позволяет исследователям наглядно демонстрировать их специфические черты, связанные с различной коммуникативной задачей.

Так, французские лингвисты Мишель Файе и Алин Нишимата [1] проводят интересное сопоставление письменных текстов различных стилей.

Поскольку сравнительно-сопоставительный анализ дает возможность более объемно представить объект исследования, то целесообразно рассмотреть синтаксические конструкции, употребляемые в разных типах текстов, именно в сравнении.

Проанализируем пример из художественного текста, представленный в работе вышеназванных лингвистов.

- Alors elle faisait le plan de la ville, pour arrêter le mouvement de tourbillon. Mais ça n'était pas facile. Elle partait du centre de sa tête, et elle essayait de compter premier tourbillon, deuxième tourbillon, troisième tourbillon. Courant. Barre d'écueils. Un cap. Série d'ilôts. Barre. Impacts de la houle. Quatrième, cinquième tourbillon. Immense esplanade, plaque d'huile, bonasse. Calme, calme. Vent du large. Vol de goëlands. Bas-fond. Plage courte, où vont s'échouer les méduses. Couloir aérien. Déchirure de nuages.

J.M.C Le Clézio, La Guerre [1, c. 17]

В данном примере можно видеть череду именных односоставных предложений, состоящих из нескольких слов или даже одного слова. Подобные конструкции обладают явно выраженным стилистическим эффектом, они позволяют писателю выразить эмоции, придают повествованию большую напряженность и экспрессивность.

Приведем еще несколько примеров художественных текстов, позволяющих судить о специфике используемых в них синтаксических структур:

- Il aimait ce moment. Trois fois par semaine. Été comme hiver. S'élancer sur l'eau, filer à la vitesse du vent le long des îles de la Garonne. Le Grand Ramier, l'îlot des Moulins, l'île d'Empalot. Dans le soleil levant. Quand la ville en était encore à se réveiller.

Bernard Minier «Soeurs» [3,c.25]

- La fluidité, c'était la clef. Dela glisse pure. Tout était pour la favoriser – force, finesse, puissance et relâchement. Un sport qui sollicitait tous les muscles: dos, épaules, bras, cuisses, fessiers, abdominaux... Et aussi la concentration.

Bernard Minier «Soeurs», [3,c.26]

Авторы художественных текстов свободно пользуются ресурсами языка, комбинируют различные синтаксические конструкции, что позволяет им донести до читателя чувства и настроения. Таким образом создавая особый художественный стиль, «leur marque de fabrique» [1, c. 19].

Подобная свобода не приемлема при составлении официально-деловых текстов. Следует также отметить, что такой пунктуационный знак, как многоточие, часто встречаемый в художественном тексте,

поскольку его использование позволяет выразить целый спектр значений и стилистических нюансов, не используется в официально-деловых текстах.

Что же касается текстов прессы, то их первая и основная коммуникативная задача – привлечь внимание читателя. Журналист сообщает некую информацию, но при этом он использует все языковые средства, позволяющие ему создать определенное отношение к этой информации у читателя. Именно поэтому журналист также может позволить себе «свободно поиграть с языком» [1, с. 19]. Этот же принцип «направленности на читателя» руководит и отбором синтаксических конструкций, к которым прибегает журналист. Если лексические стилистические элементы, придающие определенную эмоциональную окраску, присутствуют в языке прессы, то выбор синтаксических конструкций может быть обусловлен принципом «простоты восприятия»: каждый читатель должен понять предложенный текст. Известно, что средний читатель способен воспринимать без затруднений французскую письменную фразу, длительностью от 8 до 16 слов, так называемый «интервал восприятия» или «рамки восприятия» - «le créneau de lisibilité» [1, с. 20].

Тем не менее, синтаксические конструкции языка прессы также разнообразны и могут выполнять стилистическую функцию. Например,

риторические вопросы:

- Pourtant, quoi de meilleur qu'un VRAI jambon-beurre?

Libération [4]

восклицательные предложения:

- Vous n'aimez pas la coriandre? C'est génétique!

Cosmopolitan [5]

- En revanche, en Asie du Sud (au Vietnam, par exemple), plus de 93% des habitants adorent cette herbe aromatique!

Cosmopolitan [5]

многоточие для создания стилистического эффекта неожиданной информации, вызывающей у читателя удивление:

- Or, les aldéhydes se retrouvent également... dans le savon!

Cosmopolitan [5]

- La Chine développe un tramway autonome... et sans rails

Le Figaro [6]

Главной отличительной синтаксической чертой официально-делового французского текста является короткое предложение – «la courte phrase. Любая стилистическая оригинальность может отвлечь читателя от смысла, от основного содержания сообщения.

Структура «профессиональной фразы» следующая: Sujet+Prédicat+Compléments. Наличие приглагольных местоимений-дополнений также обычное явление для данной синтаксической конструкции. Например [4]:

- Nous enverrons ce colis dans les prochains jours.
- Nous vous transmettrons ces renseignements sous peu.

Такие стилистические синтаксические приемы, как инверсия и предложения без глагола в личной форме, которые часто встречаются в художественных или публицистических текстах, в официально-деловых документах не используются. Для сравнения приведем два примера :

- Et se balancent et chantent ces rideaux de bambou, de perles de verre qui sont aux portes des coiffeurs.

  Valéry Larbaud (пример взят из работы французских лингвистов Мишель Файе и Алин Нишимата [1, с. 28])

Подобная инверсированная синтаксическая конструкция C+P+S для официально-делового текста невозможна *De notre service commercial proviennent ces directives.

Еще одним стилистическим синтаксическим явлением, не встречающемся на уровне официально-делового текста, можно назвать явление парцелляции. Приведем несколько примеров из художественных текстов:

- Il continua de glisser sur l'eau, à vitesse toujours réduite, profitant de cet interlude paisible, quand soudain quelque chose qui n'était pas là la dernière fois apparut sur sa droite. Deux grandes formes blanches au pied des troncs. Comme deux sacs plastiques géants. Mais ce n'étaient pas des sacs plastiques.

  Bernard Minier «Soeurs», [3, c. 27]

- Il savait ce que certains vieux briscards pensaient de lui. Qu'il n'était pas fait pour ce métir. Qu'il aurait dû se couper les cheveux, mettre une cravate […]. Et aussi qu'il allait trop vite.

  Bernard Minier «Soeurs», [3, c.42]

Также интересно отметить парцеллированные конструкции, в которых после точки, в грамматически самостоятельном предложении, оказывается глагол в личной форме без местоимения-подлежащего. Известно, что опущение местоимения-подлежащего в современном французском языке возможно только на уровне простого предложения при однородных сказуемых и на уровне сложного предложения в определенных сложносочиненных конструкциях. Подобная пунктуация – точка – усиливает эффект прерывания, дополнительной паузы, что конечно же создает определенный ритм в повествовании:

- Il tourna le tête vers la gauche et aperçut de la lumière au-delà d'une porte ouverte. Marcha jusque-là.

  Bernard Minier «Soeurs», [3, c. 237]

- Il repoussa la couette, le coeur battant. Écouta. Mais l'appartement comme le reste de l'immeuble étaient parfaitement silencieux.

  Bernard Minier «Soeurs», [3, c. 262]

В художественном тексте использование парцелляции в стилистических целях позволяет создать особую атмосферу напряженности, придать ритм повествованию.

Следует подчеркнуть, что в текстах «профессионального стиля» во главу угла ставится ясность представления информации. Структурно-синтаксическая монотонность, повторяемость конструкций, построенных по типичным грамматическим моделям – отличительная черта официально-деловых текстов. Например [7]:

Madame, Monsieur,

Par votre lettre du…., vous nous demandez le passage d'un paysagiste en vue de l'établissement d'un devis concernant le réaménagement de votre terrasse.

Notre équipe s'appuie sur l'expertise de deux paysagistes et de dix jardiniers, aptes à effectuer tous les travaux déterminés lors de votre accord du devis.

Afin d'établir celui-ci, pouvez-vous nous proposer deux dates possibles de rendez-vous ? Vous le recevrez ensuite sous huitaine.

Nous vous remercions de votre confiance.

Nous vous prions de recevoir, Madame, Monsieur, nos meilleures salutations.

Таким образом, специфические синтаксические особенности официально-деловых текстов, художественных текстов и текстов прессы могут быть представлены следующим образом:

Официально-деловые тексты

- относительно короткие предложения, подчиняющиеся базовым синтаксическим правилам французского языка;
- отсутствие синтаксических конструкций со стилистическим эффектом;
- пунктуация и деление на предложения подчинены логике, направлены на ясность и облегчение восприятия текста.

Художественные тексты и тексты прессы

- свободное использование разных синтаксических конструкций для создания требуемого эффекта художественной выразительности; для текстов прессы – соблюдение принципа «рамок восприятия» (créneau de lisibilité) при построении предложений;
- использование синтаксических конструкций со стилистическим эффектом;
- пунктуация и деление на предложения направлены на то, чтобы создать у читателя определенные чувства, ощущения, настроения.

Литература

1. Michelle Fayet, Aline Nishimata Savoir rédiger le courrier d'entreprise / Éditions Eyrolles, Paris, 2019
2. Roselyne Kadyss, Aline Nishimata Rédiger avec succès lettres, e-mails,et documents administratifs / Gualino éditeur, Lextenso éditions, Paris, 2013. Авторский перевод приведенной цитаты: Простой для восприятия текст – это текст, понимание которого не затруднено и не требует дополнительного времени для читателя/лей, к которым обращается составитель текста, читатель сразу воспринимает основное сообщение, расшифровка текста не требуется. Задача составителя текста – выбрать ясные формулировки, обеспечивающие простоту восприятия.
3. Bernard Minier Soeurs / XO Éditions, 2018
4. электронный ресурс – режим доступа https://www.liberation.fr/france/2018/03/21/cri-d-amour-pour-le-vrai-jambon-beurre_1637943 - время доступа 05.05.2020
5. электронный ресурс – режим доступа https://www.cosmopolitan.fr/on-sait-enfin-pourquoi-certaines-personnes-detestent-la-coriandre,2010512.asp - время доступа 05.05.2020
6. электронный ресурс – режим доступа https://www.lefigaro.fr/societes/2019/02/12/20005-20190212ARTFIG00007-la-chine-developpe-un-tramway-autonome-et-sans-rails.php - время доступа 05.05.2020
7. Michelle Fayet, Aline Nishimata Compléments en ligne: les modèles de lettres / Eyrolles, 2019.
8. Полякова Н.В., Скитина Н.А., Шабанова В.П. Языковая идентичность делового электронного письма (на материале французского и английского языков) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 118-129.
9. Линдберг Е.С., Полякова Н.В. Прагматические особенности функционирования прецедентных имен в рекламном дискурсе (на материале английского и французского языков) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 2 (26). С. 70-81.

СЕКЦИЯ IV.
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.133.1(71)+(671.1)

В.В. Албанский
Московский государственный областной университет

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА *ШИЯК* ПОСРЕДСТВОМ ЭПИЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения термина «шияк» посредством Интернет-коммуникации в контексте социально-исторических условий жизни носителей в свете современной социолингвистической ситуации в провинции Нью-Брансуик. Проводится анализ и синтез мнений носителей относительно данной языковой формации в трёх ключевых аспектах: дефиниция понятия, зона распространения, отношение носителей к шияку.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, шияк, Монктон, Нью-Брансуик, Канада

V.V. Albansky
Moscow Region State University

TO THE DEFINITION OF *CHIAC* THROUGH THE EPILINGUISTIC DISCOURSE

Abstract. The article deals with the role and co-existence of Chiac – local French variant in Moncton city (New Brunswick, Canada). Chiac's definition is emphasized and researched. The problem of Chiac's functioning is outlined. Native speakers' self-identification is analyzed through the virtual discourse. The research dwells upon the principles of language variability in the context of social and historical living conditions of native speakers pointing out the last changes in the foreign aspect.

Key words: Internet communication, Chiac, New Brunswick, Moncton, Canada

В настоящее время исследования часто тяготеют к проблематике междисциплинарного характера, что проводится с целью увеличения

достоверности полученных результатов. Одним из таких источников может послужить *эпилингвистический дискурс*, т.е. суждения самих носителей о языке, который они используют в повседневном общении [3, с. 220].

Объектом исследования настоящей статьи является разновидность одного из североамериканских вариантов французского языка (акадийский региолект:[38] далее – АФЯ) под названием *шияк* (chiac). В словаре “Le Petit Robert” (2012) можно найти следующее определение шияка: “Chiac [ʃjak] **n.m.** – 1962 ◊ p.-ê. déformation du nom de la ville de *Shediac* ▪ RÉGION. (Canada) Variété populaire du français acadien parlé dans les Provinces maritimes, caractérisé par l’emploi d’éléments phonétiques, morphologiques, syntaxiques, lexicaux empruntés à l’anglais. *Le chiac de Moncton*” [6, с. 419].

Данное определение шияка не является, тем не менее, исчерпывающим, что подтверждают многие исследования лингвистов [4, 8–10]. Шияк как языковая формация предстаёт в качестве расплывчатого объекта, что обусловлено двойственной природой самогó явления. Несмотря на активное его становление и внедрение в повседневную жизнь акадийцев-франкофонов, на сегодняшний день среди лингвистов не утвердилось единого мнения относительно конкретного наполнения термина *шияк*.

Таким образом **целью** настоящего исследования является изучение и классификация определений касательно данного термина со стороны носителей шияка.

У. Вайнрайх отмечал: «чтобы ответить на вопрос, формируется ли новый язык, с полным основанием, нужно учитывать отношение к нему самих его носителей» [1, с. 113]. Поэтому в связи с построением цельной картины в отношении понимания феномена шияка необходимо также обратиться к самим говорящим. Эпилингвистический дискурс здесь представлен Интернет-коммуникацией, где пользователи высказывают то или иное мнение по поводу шияка.

Изучая корпусы текстов на предмет выявления языковых особенностей шияка, нельзя было не заметить среди прочих тем реплики носителей о его положении и роли в обществе. Настоящий анализ включает в себя не только текстовые фрагменты из собранных кóрпусов (которые выступают в качестве языкового материала диссертационного исследования автора настоящей статьи), он также опирается на некоторые отобранные темы с сайта reddit.com, подстрочные ссылки на которые даются дополнительно.

Таким образом, посредством анализа эпилингвистического дискурса предполагается осветить статус шияка со следующих позиций:

---

[38] Более подробно см., напр.: **King R.** Acadian French in time and space: a study in morphosyntax and comparative sociolinguistics. Publication of the American Dialect Society: number 97. 2013. 159 p.

- ареал;
- определение шияка как языковой формации, его структура;
- отношение к нему.

Далее представлены реплики, отражающие зону распространения шияка:[39]

ilovebeaker[40]

"I'm currently living in Ottawa but am originally from Moncton / Memramcook […] Chiac and Franglais are the same in the south east NB […]"[41].

(В настоящий момент я живу в Оттаве, но по происхождению я из Монктона / Мемрамкука […] Шияк и франгле – это одно и то же на юго-востоке Нью-Брансуика […]) (Здесь и далее – перевод автора статьи В.А.).

Chantottie

"Chiac is a branch off of French and very prominent in New Brunswick – especially central zones where the the french meet the english, geographically speaking – Moncton, Dieppe, etc. […]"[42].

(Шияк представляет собой ветвь французского языка, и он особенно проявляет себя в Нью-Брансуике в центральных регионах, где французский сталкивается с английским языком, географически – это Монктон, Дьеп и др. […])

RouilleuxShackleford

"[…] I feel like it's important to stress that Chiac is only spoken in Southern NB, especially in the South-East. […] The difference is that Chiac is only used by (Moncton-area) Francophones to communicate with other (Moncton-area) Francophones […]"[43].

([…] Я думаю, следует отметить, что на шияке говорят только на юге Нью-Брансуика, особенно на юго-востоке […]. Отличие в том, что шияк используется только франкофонами (Монктона) с целью общения с другими франкофонами (Монктона) […]).

cheesetrain

"I'm a native Chiac speaker […] Chiac is exclusive to the Maritime provinces, but only in the southeast of New Brunswick is it called that. Other varieties of Acadian French are very similar to what is occurring in the south of New Brunswick but they don't name it Chiac" [44].

---

[39] Написание пользователей сохранено.

[40] Здесь и далее: имя пользователя.

[41] "Attitudes towards chiac". URL: https://www.reddit.com/r/moncton/comments/5fkppo/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

[42] "Attitudes towards chiac?" URL: https://www.reddit.com/r/newbrunswickcanada/comments/5fknfj/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

[43] Ibid.

[44] "Chiac, a hybrid dialect of English and French from eastern Canada…" URL: https://www.reddit.com/r/linguistics/comments/4dlrv0/chiac_a_hybrid_dialect_of_english_and_french_from/ (дата обращения: 01.04.2020).

(Я урождённый носитель шияка […] Шияк характерен только для Приморских провинций, но лишь на юго-востоке Нью-Брансуика он называется так. Другие разновидности АФЯ очень похожи на то, что происходит на юге Нью-Брансуика, но они не называются шияком).

Viennery

"[…] C'est drole parce qu'everyone au sud-east de Nouveau-Brunswick parle comme ca. Nous sais que c'est pas correct ou la right way to talk, mais tout le monde le fait anyway lol".

([…] Это забавно, ведь любой на юго-востоке Нью-Брансуика так говорит. Мы знаем, что это неправильно или неверно так говорить, но все, тем не менее, это делают) [11].

Таким образом, из реплик видно, что ареал шияка закреплён преимущественно за юго-восточным регионом провинции; это подтверждается исследованиями лингвистов: "Chiac is a vernacular spoken by many Acadians in the south-east of New Brunswick, especially around Moncton" [5, c. 161]; "…le chiac a vu le jour dans le Sud-Est du Nouveau-Brunswick en plus d'être principalement utilisé à Moncton" [2, c. 21].

Терминология носителей в отношении определения шияка широко варьируется, что наглядно демонстрируют следующие реплики:

ejd2230

"Chiac is the old acadian dialect that pretty much no one speaks anymore […]"[45].

(Шияк – это старинный акадийский диалект, на котором больше никто не говорит […]).

ilovebeaker

"[…] Chiac is the french/english slang of the region […]"[46].

([…] Шияк – это французско-английский сленг региона […]).

[–]Jtothe3rd

"I'm pretty sure chiac is 90% of what people call French […]"[47].

(Я уверен в том, что шияк на 90% является тем, что называют французский язык […]).

denis_b

"[…] it seems to be more a mix of english and french […] I also find the chiac slang varies from place to place... […]"[48].

([…] кажется, это скорее смешение английского и французского языков […] Я также нахожу, что сленг шияк варьируется в разных регионах… […])

ilovebeaker

---

[45] "Attitudes towards chiac". URL: https://www.reddit.com/r/moncton/comments/5fkppo/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

[46] Ibid.

[47] Ibid.

[48] Ibid.

"[…] Chiac and Franglais are the same in the south east NB […]"[49].

([…] Шияк и франгле – это одно и то же на юго-востоке Нью-Брансуика […]).

Chantottie

"Chiac is a branch off of French […] I'd consider it to be similar to creole […]"[50].

(Шияк представляет собой ответвление от французского языка […] Думаю, он похож на креольский язык […]).

dustybizzle

"Lived in Moncton for the past 7 years or so. I'd consider chiac to be franglais - it's more French than English, but it's still not French […]"[51].

(Проживал в Монктоне последние 7 лет или около того. Думаю, что шияк схож с франгле – это скорее французский язык, чем английский, но в то же время ещё не французский […]).

RouilleuxShackleford

"[…] I would say Chiac is a variety of French, not a different language. Although it does share a lot of similarities with creoles, the term "creole", […] So at its base, Chiac is French that has been preserved more conservatively than elsewhere because the region lost contact with large Francophone centers (France, Québec) early on in its history, and a French that has since evolved in different directions than other varieties, notably because of the pressures of a heavily Anglophone environment. More recently, what is considered Chiac has been highly anglicized. It's still fundamentally French, but, depending on the person speaking (younger people will tend to do this more), many if not most nouns (and some of the other parts of speech) will be English words. For example, "How come t'as parké ta car su' la lawn?" Chiac-speakers from older generations might say something like "Pouquoi t'as parké ta car su' l'harbe" […]"[52].

([…] Я бы сказал, что шияк – разновидность французского языка, а не отдельный язык. Также он имеет много общего с креолом…, […] Шияк в основе своей – это французский язык, который сохранился более консервативно, чем где-либо, т.к. регион ранее потерял контакты с обширными центрами франкофонии (Франция, Квебек), и французский язык начал развиваться по иному пути в отличие от других вариантов, в основном под давлением англоязычного окружения. В последнее время шияк сильно наводнён англицизмами. Это по-прежнему французский язык, но в зависимости от говорящего (молодёжь предпочитает это больше),

---

[49] Ibid.

[50] "Attitudes towards chiac?" URL: https://www.reddit.com/r/newbrunswickcanada/comments/5fknfj/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

[51] Ibid.

[52] "Attitudes towards chiac?" URL: https://www.reddit.com/r/newbrunswickcanada/comments/5fknfj/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

многое если не сказать значительную часть существительных (а также другие части речи) составляют английские слова. Например, "How come t'as parké ta car su' la lawn?" Говорящие на шияке старших поколений могут сказать что-то вроде "Pouquoi t'as parké ta car su' l'harbe" […]).

lettuce_tomato_bacon

"I think a big difference between Chiac and Franglais […] is the use of old words that are no longer existant in modern French […] Whereas Franglais is really just a mix of French and English, Chiac has a whole other vocabulary to accompany that"[53].

(Я думаю, что различие между шияком и франгле […] кроется в использовании устаревших слов, которых больше нет в современном французском языке […] Тогда как франгле – это всего лишь смешение французского и английского языков, шияк обладает совсем другим словарём в этом смысле).

Hakaku

"[…] Chiac is largely based off of Acadian French and Maritime English, so the words and expressions and even the conjugation patterns are pulled directly from those varieties. […]"[54].

([…] Шияк значительно восходит к АФЯ и приморскому английскому языку, т.е. слова и выражения и даже модели спряжения прямо заимствуются из этих вариантов […]).

cheesetrain

"The major difference in Chiac and franglais is the locations of the switches between French and English […]"[55].

(Большая разница между шияком и франгле – это локализация переключения между французским и английским языком […]).

talideon

"A better term for something like Chiac would be to describe it as a mixed language" [56].

(Лучшее определение для шияка может быть обозначено как смешанный язык).

NetWorK

"Le Chiac comme tous autres dialect francais, prend une forme propre et une forme familliale. […] Le Chiac que nous parlons (je vient de la region de Moncton) se trouve a etre un melange de notre francais et anglais familier. […]

---

[53] "Chiac, a hybrid dialect of English and French from eastern Canada…" URL: https://www.reddit.com/r/linguistics/comments/4dlrv0/chiac_a_hybrid_dialect_of_english_and_french_from/ (дата обращения: 01.04.2020).

[54] Ibid.

[55] "Chiac, a hybrid dialect of English and French from eastern Canada…" URL: https://www.reddit.com/r/linguistics/comments/4dlrv0/chiac_a_hybrid_dialect_of_english_and_french_from/ (дата обращения: 01.04.2020).

[56] Ibid.

Le phenomene qui se passe dans la region de Moncton est que la langue francaise, anglais et un dialect Chiac se font melanger et combiner pour devenire une langue […]”[57].

(Шияк как все другие диалекты французского приобретает собственную форму и становится нормой в семье. […] Шияк, на котором мы говорим (я из Монктона) представляет собой смешение нашего французского и разговорного английского. […] То, что происходит в Монктоне может быть описано, как смешение французского, английского и диалекта шияк, что в итоге приводит к становлению языка […]).

Cheezanator

“[…] Moi je vien de la region de Moncton, alors ce que moi j'appel le "chiac" est belle et bien un melange de francais et d'anglais […]”[58].

([…] Я из Монктона и то, что я называю «шияком» – это в самом деле смешение французского с английским, как вы об этом и думаете […]).

Итак, среди определений, приписываемых шияку, можно выделить такие, как:

- Старинный акадийский диалект (“the old acadian dialect”);
- Французско-английский сленг (“the french/english slang; the chiac slang”);
- шияк на 90% является тем, что называют французский язык (“chiac is 90% of what people call French”);
- смешение английского и французского языка (“a mix of english and french”, “un melange de francais et d'anglais”, “un melange de notre francais et anglais familier”, “un melange de francais et d'anglais”);
- шияк приравнивается к франгле (“Chiac and Franglais are the same”; “I’d consider chiac to be franglais – it's more French than English, but it's still not French”);
- шияк – это ответвление от французского языка (“Chiac is a branch off of French”);
- шияк – это креольский язык (“it to be similar to creole”).

Многочисленность определений шияка говорит о его постоянной трансформации, выхода из стигматизированного говора и проникновение в более широкую сферу общения среди носителей.

Согласно И. Виолетт языковые представления о шияке в последнее время значительно изменились. Принятие факта лингвистического разнообразия и в то же время некоторая интериоризация относительности нормы отражаются отныне в дискурсе о языках Акадии. Всё это подкрепляется проникновением местного говора в публичное

---

[57] “Le chiac?” URL: https://www.reddit.com/r/acadie/comments/1h8ol7/le_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).
[58] Ibid.

пространство, где ранее он был осуждён по крайней мере символически. Шияк становится частью акадийского литературного и медиа-пространства, что в свою очередь приводит к утверждению языковой идентичности говорящих [9, с.168–169].

Интересно в связи с этим ознакомиться с мнением пользователей:

denis_b

"I don't think I'd say there's a stigma around it, but people tend to make fun of it... […]"[59].

(Я не думаю, что вокруг него складывается клеймо, люди скорее так веселятся… […]).

ilovebeaker

"[…] I would say that in Moncton or NB proper, there isn't much of a stigma when speaking Acadian French or Chiac […]"[60].

([…] Я бы сказал, что в Монктоне или собственно Нью-Брансуике не настолько стигматизированное отношение к АФЯ или шияку […]).

Chantottie

"[…] Attitude in NB towards Chiac is relatively good I think among Francophones. We've embraced it as part of our culture. Quebec and France frown upon it. But the success of bands/writers like Les Hay Babies, Radio Radio and France Daigle have helped start to shift popular opinion, especially with the younger generations. Still a long way to go, the French seems to have a very snobbish attitude when it comes to our own grammar.. but it's very prominent and embraced as part of our culture in NB" [61].

([…] Отношение в Нью-Брансуике к шияку нормальное, я думаю, среди франкофонов. Мы приняли его как часть своей культуры. В Квебеке и Франции осуждают это. Однако успех таких групп / писателей, как Les Hay Babies, Radio Radio и France Daigle помогает изменить общее мнение, особенно среди молодого поколения. Предстоит ещё долгий путь, у французов, похоже, очень снобистское отношение, когда речь идёт о нашей собственной грамматике. Но это очень значимая часть нашей культуры в Нью-Брансуике).

Office_Jerk

"[…] In Moncton there doesn't seem to be stigmatization of chiac, except from those who come from Quebec. Same thing in Bathurst […]"[62].

([…] В Монктоне, кажется, нет стигматизации шияка, за исключением со стороны тех, кто приезжает из Квебека. То же самое в Батхёрсте […]).

---

[59] "Attitudes towards chiac". URL: https://www.reddit.com/r/moncton/comments/5fkppo/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

[60] Ibid.

[61] Ibid.

[62] "Attitudes towards chiac?" URL: https://www.reddit.com/r/newbrunswickcanada/comments/5fknfj/attitudes_towards_chiac/ (дата обращения: 01.04.2020).

RouilleuxShackleford

"[…] it is pretty common that Francophones in Northern NB look down on Chiac. […] Quebeckers are often pointed out as the only people who have a negative view of Chiac, but the reality is that Chiac is stigmatized by most (or close to most) of the people who don't speak it. Francophones think it represents the threat of assimilation, and Anglophones think it's so different from "Parisian French" so as to not even be considered French (an argument frequently used to argue against official bilingualism). However, if there is discrimination toward Chiac-speakers, it's a pretty subtle one. Most of it would simply result from the fact that someone who associates this variety with poor education and what not might assume the speaker to be poorly educadted, less intelligent, etc. […]"[63]

([…] для франкофонов с севера Нью-Брансуика характерно то, что они смотрят свысока на шияк. […] квебекцы часто упоминаются как единственные, у которых есть негативный взгляд на шияк, но правда в том, что он стигматизируется со стороны большинства, которое не говорит на нём. Франкофоны думают, что это представляет угрозу ассимиляции, а англофоны, что он настолько отличается от парижского французского, что в принципе не рассматривается как французский язык (часто используемый аргумент против официального билингвизма). Тем не менее, хотя и есть дискриминация к говорящим на шияке, она едва различима. По большей части это исходит из предположения, что кто-то ассоциирует происходящее с плохим образованием, однако это не значит, что говорящий малообразован или менее умён […]).

replies_in_chiac

"Actually les Québecois hate le chiac. So since quej vie à Québec right now, mon outlet pour le chiac c'est mon reddit acount".

(Вообще квебекцы ненавидят шияк. И с тех пор, как я живу в Квебеке моя отдушина для шияка – это электронный кабинет reddit) [13].

Denis Goguen

"Chu proud the parler chiac!" (Я горжусь говором шияк!) [12].

Olivier Morin

"Le chiac c'est ben cool comme langue […]" (Шияк как язык очень классный […]) [11].

RealDeadOne

"J'trouve ca vraiment dommage qu'il y a des gens francais ici qui disent que le dialecte chiac est "laid". Moi, chu Chiac. J'ai eu la chance dans mon emploi de parler avec des francais de partout dans le monde. On est pas tous pareille, pis moi ch'trouve ca beau […]".

(Я нахожу очень печальным, что некоторые франкофоны здесь говорят, что шияк – скверный диалект. Я использую шияк. Мне везёт по

[63] Ibid.

долгу службы говорить по-французски по всему миру. Все разные и я думаю это здорово […]) [11].

OMFGdudesitsMarie

"[…] Le chiac c une fierté […]" ([…] Шияк – это гордость […]) [11].

danamite666

"[…] Le chiac c unique pi comme acadiens on est proud de notre language […]" ([…] Шияк уникален и акадийцы гордятся своим языком […]) [11].

danamite666

"[…] lke chiac c pas yinque du anglicisme, ya aussi des vieux mots francais comme 'zire" 'bouchure' , et aussi beaucoup de terme nauticaux, comme 'embarquer' 'hale' et aussi des differente prononcation, comme Tchuillere. Ca rien a faire avec des anglais qui prend over notre language, c about nous autres, comme acadien, comme peuple, a avoir notre propre language a nous autre, et notre propre culture".

([…] шияк – это не только англицизмы, в нём также есть устаревшие французские слова как «zire», «bouchure», а также много морских терминов, как «embarquer», «hale», кроме того существует различное произношение, например, Tchuillere. Это не имеет никакого отношения к англичанам, которые перенимают наш язык, это мы, акадийцы как народ имеем свой собственный язык и культуру) [11].

David Leblanc

"[…] Le chiac spas ink une langue c un lifestyle!" ([…] Шияк – это не только язык, это стиль жизни!) [11].

Итак, носители шияка свидетельствуют об отсутствии или совсем незначительном процессе стигматизации по отношению к шияку. В основном осуждают местный говор жители Квебека и севера Нью-Брансуика.

В то же время шияк является неотъемлемой частью культуры акадийцев юго-востока провинции, для них это стиль жизни, проявление утверждения своей акадийской идентичности. Можно констатировать продолжение процесса вхождения шияка в повседневную жизнь его носителей, а также заметную тенденцию относительности языковой нормы, что было отмечено ещё в исследовании М.-Э. Перро [7].

Ввиду двойственности в определении шияка и его постоянной эволюции эпилингвистический дискурс представляет альтернативный дополнительный подход к пониманию неоднозначности феномена шияка в языковом репертуаре юго-восточного региона Нью-Брансуика.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. К.: «Вища школа», 1979. 264 с.
2. Biahé H. Parlers hybrides en traduction: l'exemple du chiac et du camfranglais, Ph.D. thesis, Dalhousie University (2017). [Электронный ресурс]. URL: https://dalspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/73035/Biah%C3%A9-

Henri-PhD-FREN-June-2017.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.04.2020).
3. Bulot T. Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbaine. Revue de l'Université de Moncton. 2005. №36. P. 219–253.
4. Cormier J. Représentations, dynamiques langagières et Internet: le cas du chiac en Acadie, *Thèse présentée à la faculté des arts et des sciences sociales comme exigence partielle de la maîtrise ès arts (sciences du langage)* (2010). [Электронный ресурс]. URL: http://www.collectionscanada.gc.ca/obj/thesescanada/vol2/002/MR70688.PDF (дата обращения: 01.04.2020).
5. Leclerc C. Between French and English, Between Ethnography and Assimilation: Strategies for Translating Moncton's Acadian Vernacular // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 2005. vol. 18. №2. P. 161–192.
6. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert; Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris: Le Robert, 2012. 2837 p.
7. Perrot M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques // Francophonies d'Amérique. 2006. №22. P. 141–152.
8. Thibault A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. Bd. 121. H. 1 (2011). P. 39–65. [Электронный ресурс]. URL: http://andre.thibault.pagesperso-orange.fr/ChiacZfSL.pdf (дата обращения: 01.04.2020).
9. Violette I. Immigration francophone en Acadie du Nouveau-Brunswick: langues et identités (Une approche sociolinguistique de parcours d'immigrants francophones à Moncton), *thèse de doctorat en lettres et linguistique, Université de Moncton, Université François-Rabelais de Tours* (2010). [Электронный ресурс]. URL: http://www.applis.univ-tours.fr/theses/2010/isabelle.violette_3083.pdf (дата обращения: 01.04.2020).
10. Young H. "C'est *either* que tu parles français, c'est *either* que tu parles anglais": A Cognitive Approach to Chiac as a Contact Language, *Ph.D. thesis, Rice University* (2002). [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.rice.edu/handle/1911/18154 (дата обращения: 01.04.2020).

Источники эпилингвистического дискурса

11. Комментарии к видео «Le Chiac est la solution». [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=w36ZLQ5H2so (дата обращения: 01.04.2020).
12. Acadieman: chiac pour les dummies. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zRgbpIQU1hw (дата обращения: 01.04.2020).
13. replies_in_chiac. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reddit.com/user/replies_in_chiac?count=50&after=t1_cp58fha (дата обращения: 01.04.2020).

УДК 81-119

О.А. Быкова
ФГБОУ ВО МГЛУ

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС КАК СИНТЕЗ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос об определении характера интернет-дискурса с точки зрения оппозиции «письменный-устный дискурс». Жанровая гетерогенность интернет-дискурса приводит к различной степени проявления признаков письменной или устной форм дискурса. В целом, интернет-дискурс представляет собой особую, гибридную форму общения, включающую признаки устного и письменного дискурса.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-коммуникация, гибридность, устная форма речи, жанры интернет-дискурса

O.A. Bykova
Moscow State Linguistic University

INTERNET DISCOURSE AS SYNTHESIS OF THE WRITTEN AND THE SPOKEN COMMUNICATION FORMS

Abstract. The article deals with the problem of the character of Internet speech from the point of view of the "spoken-written speech" opposition. The heterogeneity of the internet genres involves various manifestations of features of the orality and written discourse. Thus, the internet discourse can be considered as a hybrid form.

Key words : internet discourse, internet communication, hybridity, spoken communication form, written communication form

С появлением интернет-дискурса возник вопрос об определении его характера с точки зрения оппозиции «письменный-устный дискурс». Новое коммуникативное пространство, а также новая конфигурация интеракции определяют специфику интернет-коммуникации на всех уровнях.

Многие ученые сходятся во мнении относительно нового качества виртуального дискурса по сравнению с традиционно выделяемыми устной и письменной формами речи. П. М. Дайнеко, анализируя встречающиеся в литературе подходы к его исследованию, приходит к выводу о том, что точки зрения ученых сводятся к следующим пунктам: а) Интернет как устное речевое общение; б) Интернет как особый вид письменной коммуникации (особенно в случае асинхронной коммуникации); в)

Интернет как усеченное письмо, черновик; г) Интернет как уникальная, ранее не существовавшая форма коммуникации, как вид дискурса [1, с.18].

Вопрос о характере интернет-дискурса представляется нам сложным по многим причинам, наиболее важной из которой является жанровая гетерогенность интернет-дискурса. Действительно, интернет-дискурс включает как жанры, «заимствованные» им из других дискурсов (медийный, политический, экономический, научный и т.д.), так и новые жанры, характерные исключительно для интернет-пространства. И если в одном случае мы действительно имеем дело с полноценными текстами (статьи, эссе, развернутые комментарии событий и т. д.), то в других случаях о полноценных текстах говорить невозможно (чаты, коммуникация в социальных сетях и т. д.). Подобные типы дискурсов можно охарактеризовать как гибриды, сочетающие в себе признаки устной и письменной коммуникации.

Но даже традиционные жанры выступают в интернет-дискурсе как составляющие макрожанров, т.к. характерным признаком интернета сегодня можно считать возможность комментирования и обсуждения. Большинство новостных и медиа сайтов, исходной функцией которых было информирование и распространение информации, постепенно внедряют возможность комментирования.

В связи с этим, на наш взгляд, нужно проводить четкую границу между полноценными письменными текстами, составленными в соответствии с жанровыми канонами, и речевыми произведениями гибридного характера. Гибридность их находит множество проявлений. Так, Т. И. Рязанцева отмечает, что в электронном тексте часто наблюдается смешение речевых стратегий, свойственных как письменной, так и устной речи [3, с.186], и указывает на то, что, в отличие от традиционного письменного текста в печатном формате, она не имеет законченного «статического характера» [3, с. 185].

Однако есть и точки зрения, которые говорят об интернет-дискурсе как о новой форме дискурса с точки зрения оппозиции «устная-письменная форма коммуникации». Интересной нам представляется точка зрения П. В. Кошеля, который настаивает на необходимости говорить не об оппозиции устный – письменный дискурс, а о трихотомии «письменный дискурс – устный дискурс – интернет-дискурс». Исследователь отмечает: «В современном интернет-дискурсе взаимовлияние и взаимопроникновение различных «устных» и «письменных» речевых произведений настолько велико, а их соседство в интернет-пространстве настолько тесно, что практически каждое речевое произведение сочетает в себе признаки обеих форм речи» [2, с. 26]. Однако, на наш взгляд, построение подобной типологии неправомерно. Оно основано лишь на признаке канала связи и не учитывает многообразия жанров и материалов, которыми располагает

Интернет. Неясно, на каком основании можно говорить об интернет-дискурсе как о новой форме речи: он не обнаруживает нового качества по сравнению с устной или письменной формами речи, но лишь перенимает от них некоторые признаки. В связи с этим нам представляется более точной формулировка Г. Н. Трофимовой, которая отмечает: «В средствах электронной коммуникации инкорпорированы обе формы речи – и устная, и письменная. Письменная форма, благодаря техническим особенностям гипертекста, приобрела более высокую степень структурности, получила дополнительное пространственное измерение, приобрела интерактивность. Письменная фиксация устной формы привела к возникновению <...> попытки передать все особенности разговорной фразы, особенности произношения и интенсивности тона ("звуковое письмо")» [4,с. 196].

Подводя итог вышесказанному, интернет-дискурс следует рассматривать как разновидность письменного дискурса, включающую в себя элементы устной формы коммуникации. Обоснуем нашу точку зрения. Интернет-дискурс и письменную форму коммуникации объединяет графический канал передачи информации [1, с. 18]: зачастую интернет-пользователь имеет дело с текстом, который он считывает с экрана (за исключением видео- и аудио-чатов, общения в skype и т. д.). Таким образом, материал воспринимается реципиентом посредством зрительного канала, а не слухового, как при устном общении. Еще одним аргументом в пользу невозможности рассматривать интернет-дискурс в качестве формы устной коммуникации, по нашему мнению, можно считать отсутствие невербальных средств общения, которые в устной коммуникации играют иногда детерминирующую роль в передаче информации или же в восприятии собеседниками выраженных в речи импликатур.

Интернет, обладая многими признаками устной речи, все же не позволяет полноценно оперировать невербальными каналами информации [1, с. 16]. В реальной коммуникации значительная часть информации передается посредством жестов, мимики и прочих паравербальных средств, которых интернет-собеседники лишены. На помощь им приходят такие средства как смайлы, эмотиконы, короткие видеоряды в формате gif, которые, тем не менее, не способны нести полноценную функциональную и информативную нагрузку. И, наконец, важнейшим фактором при анализе интернет-дискурса является временной промежуток, который разделяет реплики собеседников. Даже в синхронной коммуникации у каждого из участников коммуникации есть возможность взять "микропаузу" для подготовки высказывания, а также скорректировать содержание сообщения или, передумав, вовсе стереть его. Это, безусловно, сближает интернет-дискурс с письменной формой речи.

Общая же черта устной формы общения и имитирующих живое общение жанров интернет-коммуникации – использование речевых

средств, характерных для устной речи (разговорные слова и фразеологизмы, просторечные выражения, упрощенные синтаксические конструкции, обращения, восклицания, игнорирование знаков препинания, фонетическое письмо и др.). Однако данные черты, как нам кажется, не позволяют рассматривать интернет-дискурс в качестве устной формы коммуникации. Это, скорее, приемы для имитации реального общения (аналогичным образом намеренное нарушение нормы используется авторами художественных произведений для передачи особенностей речи персонажей).

Подводя итог, отметим еще раз, что при выделении характеристик письменного и устного общения важно классифицировать содержание интернет-пространства по жанровому признаку, а также, по нашему мнению, выделить первичные интернет-жанры, т. е. возникшие в Интернет-пространстве и отражающие его специфику, и вторичные, т. е. заимствованные из уже существующих жанров. Интернет-дискурс, сочетая в себе признаки устного и письменного дискурсов, представляет собой гибридную форму общения, адаптируясь к тем функциям, которые он призван выполнять.

Список литературы

1. Дайнеко П. М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2011. – 26 с.
2. Кошель П. В. Жанровая характеристика интернет-комментария (на материале франкоязычных научно-популярных блогов): дис. …канд. филол. наук. – М., 2015. – 189 с.
3. Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация.– М.: ЛКИ, 2010. –256 с.
4. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.

УДК 81

Т.М. Быкова
Московский Государственный областной университет

КАТЕГОРИЯ СИММЕТРИИ/АСИММЕТРИИ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Статья представляет собой исследование синтаксических асимметрий мужской и женской письменной речи. Определяются синтаксические предпочтения мужчин и женщин в письменной речи, а также причины данных предпочтений. Метод лингвистического анализа и наблюдения является основным. Новизна работы определяется изучением проблемы гендерной стилизации современного французского языка.

Ключевые слова: категория симметрии/асимметрии, синтаксис, письменная речь, гендер, лингво-статистический анализ

T.M. Bykova
Moscow Region State University

CATEGORY OF SYMMETRY/ASYMMETRY IN MAN'S AND WOMAN'S WRITTEN SPEECH (IN MODERN FRENCH LANGUAGE)

Abstract. The article presents the research of syntactic asymmetry of the man's written speech and woman's written speech. Syntactic choices of the men and women in the written speech also the reasons of these choices are determined. Method of linguistic analysis and observation is principal. Novelty of the work is the research about the problem of gender stylization in modern French language.

Key words: category of symmetry/asymmetry, syntax, written speech, gender, statistic linguistic analysis

В мире отмечается не только значительное разнообразие социальных характеристик мужчин и женщин, но и соотношение биологических характеристик людей, что позволяет заключить следующее: социальные роли людей не зависят от их биологического пола.

Категория симметрии/асимметрии – это та научная категория, существующая во всех сферах научной деятельности, в том числе и в лингвистике, что позволяет назвать ее универсальной категорией. [7]

Наиболее ясно теория асимметрии языкового знака была обоснована С.О. Карцевским, который первый в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) воспользовался терминами симметрия и

асимметрия в приложении к языку. Он отметил самый характерный тип лингвистической асимметрии – многозначность/синонимия языковых явлений, – происходящий вследствие расхождения плана выражения и плана содержания. Известно, что теория асимметрии, разработанная С.О. Карцевским, включала лишь асимметрию на парадигматической оси, имеющую два проявления: вариативность при неизменном означаемом (алломорфия, вплоть до ее предельного случая – синонимии, супплетивизма, омосемии) и вариативность означаемого при неизменном означающем (полисемия, вплоть до ее предельного случая – омонимии).[3]

В лингвистике категория симметрии/асимметрии выявляется в различных областях изучения языка и дает тему для размышлений над:

1. Причинами появления асимметрии
2. Проблемой знака и значения
3. Проблемой границ ядра и периферии

В настоящее время половая дифференциация занимает особое место в языковом мире. Вопросами категории симметрии/асимметрии по речеполовому признаку занимались как отечественные (В.Г. Гак [2], А.В. Кирилина [4], С.О. Карцевский и др.), так и зарубежные ученые (Ш. Балли [1], M.-T. Beigner [10] и др.).

Современные лингвисты подробно изучают научные работы своих коллег по речеполовой дифференциации письменной речи и уделяют большое внимание этой тематике, проводят исследования симметрии и асимметрии в языке и речи: Л.В. Ляпина[6], Е.С. Ощепкова[9] и др.

Данная статья посвящена исследованию синтаксических асимметрий мужской и женской письменной речи на материале современного французского языка.

Л.В. Ляпина отмечает, что «асимметрию в письменной речи мужчин и женщин на материале французского языка можно рассмотреть на всех уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом и на уровне текста в целом». [6]

1. *Лексический уровень*. На этом уровне категория симметрии/асимметрии выражается в лексике и тематике, употребляемой мужчинами и женщинами.

Например:

– N'oublions pas la théorie de la relativité... Les limites de la pudeur sont différentes pour tous... cf. les jupes plissées du début des années 60 étaient sexy à l'époque... mais feraient maintenant carrément ringard... (Alain 29 ans.)

– Les femmes font tout pour être belles. Les jupes plissées, les minijupes sont des représentants de l'arsenal féminin traditionnel… (Gobette, 31 ans.)

По мнению многих ученых мужчины разговаривают на тему политики, спорта, автомобилей и т.д., а женщины – дом, семья, одежда, дети и т.д.

Мужчины используют в своей речи редкие слова, жаргонизмы, бранную лексику, женщины же напротив, не используют ничего, что мало употребляется, используют больше форм вежливости. [12]

2. *Морфологический уровень*. Различия на этом уровне затрагивают морфологические особенности речи мужчин и женщин. Некоторыми учеными отмечено, что женщинам свойственно употреблять уменьшительные суффиксы.

Например:

– La première fois j'ai vu un perroquet à l'âge de 8 ans…J'ai aime ses jolies ailettes (Laure 32 ans).

– Je sais pas pourquoi mais les perroquets m'étonnaient toujours, peut-être c'est parce qu'ils sont optimistes, j'admirais leurs ailes, leurs plumes… (Thomas, 26 ans).

Т.Б. Крючкова занималась проблемой предпочтений мужчинами и женщинами употребления частей речи. Она проанализировала по 10 текстов мужчин и женщин из художественной прозы (по 1000 слов) из журнала «Юность» от 3-го лица и по 10 публицистических текстов из журнала «Юность» (по 1000 слов) от 1-го лица. Велся подсчет количества 1)существительных; 2)прилагательных; 3)глаголов; 4)наречий; 5)причастий; 6)местоимений; 7)деепричастий; 8)союзов; 9)предлогов; 10)частиц; 11)междометий; 12)числительных; 13)частицы не-ни.

В ходе этого исследования были выявлены следующие различия: женщины употребляли больше местоимений и частиц, в частности частиц «не-ни», а у мужчин – к более частому употреблению существительных. [5]

3. *Синтаксический уровень*. Материалы по проблеме синтаксических особенностей мужской и женской письменной речи находят отголосок в работах многих лингвистов (О. Есперсен [11], M.-T. Beigner и др.). Проанализировав исследования отечественных и зарубежных лингвистов, можно заключить, что мужская письменная речь характеризуется: 1)гипотаксисом, 2) употреблением сложных бессоюзных и сложноподчиненных предложений с придаточными определительными и обстоятельственными, 3) вводными словами; а женская письменная речь характеризуется: 1)парасинтаксом, 2)восклицательными предложениями, 3)риторическими обращениями, 4) вопросительными предложениями, 5)односоставными именными и сложносочиненными предложениями.

Например:

– Vous êtes ici sur un blog d'écriture, un blog de tous les jours ou presque, et je mets sur ce blog toute ma vie. Si vous cherchez, un endroit avec des photos de cul, des textes intimes, des dessins, soyez la bienvenue. Après tout, on ne plait pas à tout le monde et ce n'est pas plus mal! Tu ne dessines pas et tu ne montres pas tes photos? Tu ne racontes pas tes histoires romantiques et tu n'es pas connue? Nous pouvons devenir amies! (Marthe Auguste, 28 ans).

– J'ai décidé d'organiser mon blog parce que je veux bien retrouver de nouveaux amis. J'apprécie cette possibilité puisque je pourrais discuter qques problèmes actuels de l'époque. J'aime bien parler de la musique moderne, des livres des voyages et des films. Quand je suis triste et stressé, j'écris mes poésies. S'il y a ceux ou celles qui voudraient devenir mes ami(e)s, soyez le bienvenu(e)s. (Alain, 29 ans)

4. *Уровень текста*. На этом уровне рассматривалась связность текста с точки зрения организации текста по актуальному членению на темы и ремы.

А.П. Мартынюк провел исследование, касающееся особенностей тема-рематической организации текста в зависимости от пола автора. Так, исследователь считает, что различия между мужской и женской авторской речью заключаются в особенностях тема-рематической организации текста. По данным исследователя для женской речи более характерны сверхфразовые единства (СФЕ), в которых связь осуществляется через повторение темы, а новая информация дается только в реме, для мужской же авторской речи характерны СФЕ, где новая информация передается и через тему, и через рему, а связь осуществляется и через связь тем, и через рематизацию темы, и через тематизацию ремы предыдущей макросинтагмы в последующей, а также через связь между ремами следующих друг за другом макросинтагм.[8]

Например:

– Chaque fois quand je reviens à Moscou, je sens du soulagement. Moscou pour moi est une ville ou j'ai rencontré mon premier amour… A Moscou mes amis habitent et travaillent… A Moscou se trouve mon université où j'ai passée la meilleure partie de ma vie… (Adeline, 27 ans.).

– Pour moi Moscou est le centre d'affaire de la Russie…. Et la Russie c'est le pays le plus mystérieux du monde avec ses traditions… et son peuple… Son peuple n'arrête à m'étonner, je crois que je ne parviens jamais à comprendre leur monde intérieur… (Thomas, 26 ans).

Говоря о выводе по данной проблематике, можно отметить, что категория симметрии/асимметрии в письменной речи мужчин и женщин наблюдается на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и на уровне текста.

Более подробное изучение этой тематики позволит решить вопросы лингвокультурологических особенностей французского языка и сможет расширить и углубить возможность определения пола автора письменной речи.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, с.74-76.
2. Гак В.Г. Языковые преображения. – М., 2001.

3. Карцевский С.О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака. // Звягинцев В.А. История языкознания 19-20 вв. в очерках и извлечениях. 2. - М., 1965, с.85-90.
4. Кирилина А.В. Гендер и язык / Московский гос. университет; Лаборатория гендерных исследований / под ред. А.В. Кирилиной – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
5. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной // Проблемы психолингвистики. М., 1975, с. 152-157.
6. Ляпина Л.В. Категория симметрии/асимметрии в письменной речи мужчин и женщин // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, №2, 2009. – С. 89-93.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. / Гл. ред., В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
8. Мартынюк А.П. Особенности тематической организации текста в зависимости от пола автора // Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц. Межвуз. сборник науч. трудов. – Иваново, 1989.
9. Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): Дис. … канд. филол. наук. – М., 2003. – 140 с.
10. Beigner M.-T., 1993: Relation des femme-s à elle-s-même-s. "Language", 27. - p. 27-41.
11. Jespersen O. Language, its nature, development and origin. — L., 1922.
12. Solntseva A. Formation déonomastique et problèmes de traduction // Вестник МГОУ, 2018. – С.230-233.

УДК 81-2;39

Т.Ю. Загрязкина
МГУ имени М.В. Ломоносова

«ВЕХИ ИДЕНТИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВАНСА/ОКСИТАНИИ)

Аннотация. С учетом концепции Ж. Пуайона на традицию как «точку зрения» современников на ценности прошлого, предлагаем понятие «вехи идентичности». Под этим понятием подразумеваются идентитарные референции, языковые и культурные, возникающие в процессе исторического развития. «Вехи»/новации/дифференциальные признаки маркируют идентитарный путь того или иного региона Франции, обозначая при этом и общий вектор развития – подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей общефранцузской культурой.

Ключевые слова: идентичность, традиция, язык, культура, Франция, Прованс, Окситания

T. Yu. Zagryazkina
Lomonosov Moscow State University

“MILESTONES OF IDENTITY” IN THE CONTEXT OF LANGUAGE AND CULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF PROVENCE/ OCCITANIA)

Abstract. We propose the term «milestones of identity» taking into account the J. Poillon's concept of tradition as a «point of view» of contemporaries on the values of the past. By this concept we mean identical, linguistic and cultural references arising in the process of historical development. “Milestones” / innovations / differential signs mark the identical path of a particular region of France, while also designating a common development vector. This vector confirms the rights to be different in terms of interaction with the dominant French culture.

Keywords: identity, tradition, language, culture, France, Provence, Occitania

Изучение идентичности стало одним из магистральных направлений современной науки. По образному выражению Д, Шевалье и А. Мореля, понятие идентичности обладает некоей «силой обольщения» [6] как точка пересечения мыслительных процессов, в том числе разнонаправленных.

Оставляя в стороне эту образную метафору отметим, что понятие идентичности тесно связано с понятием традиции и ее интерпретацией как

со стороны носителей, так и со стороны исследователей. Это утверждал, в частности, Ж. Пуйон, видевший в передаче традиции ее реконструкцию. Ж. Пуйон определяет традицию как «точку зрения» (*point de vue*), набросок решений (*esquisse de solutions*), которые считают правильными не потому, что так думали раньше, а потому, что так думают сейчас. «Мы сами выбираем то, что объявляем определяющим фактором, сами объявляем себя продолжателями тех, кого сами сделали предшественниками» [7, p. 160]. Общество развивается, и на каждом новом этапе понимание традиции претерпевает свои изменения.

Изменения в идентитарной сфере, более или менее заметные новации, затрагивают многие страны и регионы. Среди новаций ослабление, а в иногда и полная утрата коммуникативной функции родного языка, его выход из реальной коммуникации при развитии иной, символической функции как средства интимизации контакта и идентификации человека и коллектива. В.Г. Гак назвал эту функцию «эпилингвистической» [2, с.2]. Кроме того, на смену культуры книги приходит культура цифровых технологий, и этот переход влечет за собой формирование виртуального пространства для демонстрации идентичности и привлечения широких слоев к обсуждению идентитарных проблем, часто даже более активному и свободному, чем в иных сферах коммуникации.

Так, С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев утверждают, что «сегодняшние виртуальные споры насчет своего «я» становятся порой более информатимвными и насыщенными, чем в реальной жизни. Кибержизнь народа <…> расширяет круг взаимодействий, открывает новые возможности для самовыражения». Эту особенность квалифицируют как «новацию на фоне традиции», продолжающую, с одной стороны, конструктивистскую концепцию «воображаемых сообществ», с другой – традиционалистские подходы к традиционной культуре (фольклор, одежда, быт) [1, p. 36]. По мнению Н. Деринга и Т.С. Киссер, «новые виды идентичности» развиваются на основе традиции, но имеют способность к быстрому изменению. Для некоторых пользователей Интернета, в первую очередь молодежи, «виртуальная этничность актуальнее реальной». На примере российских немцев показывается, что этот тип идентичности консолидирует группу, замещает принцип «единства территории» и вызывает «этноренессанс» [3, с. 65, 81, 69]. Медийный характер «новых форм языковой идентичности» на белорусском материале отмечает Ю. Чернявская. Автор пишет, что эти формы развиваются «в примордиалистском духе» и наиболее престижны в городской молодежной среде [5, с. 126-140].

Среди идентитарных новаций есть и национально-специфические, отражающие особенности отдельных стран, среди которых Франция. «Недавняя эволюция Франции в «идентитарной» области была

ускоренной, и тем не менее она прошла через несколько конкретных фаз <…>, - пишет И. Плассеро, - За каких-то нескольких лет, в обстановке массового ухода в города и покинутых сельских районах, возможно, родилась *новая Франция*: она больше не хочет, как в прошлом, ориентироваться прежде всего на Париж <…>. За прошедшие годы произошли сдвиги в сознании *новых* слоев населения» [4, с. 33] (выделено *Т.З.*).

Рассмотрим идентитарные новации ареала Прованс/Окситания, выделив а) основные черты каждого периода, а также б) идентитарные новации - «вехи идентичности». Под этим понятием подразумеваются новые идентитарные референции и их комбинации, накапливающиеся или сменяющие друг друга в процессе исторического развития. (Термины «провансальский» и «окситанский» мы используем синонимично, однако провансальский в большей степени относится к прошлому, окситанский – к настоящему языка и культуры Юга Франции).

Конец XI – начало XIII в. Конструирование базиса региональной идентичности в языке и культуре трубадуров

Сформировав для Европы куртуазный универсум, заложив идентичность Нового времени с его идеями чести, знания, воспитанности, любви как основы союза мужчины и женщины и др., трубадуры создали и особый конструкт – собственно провансальскую/окситанскую идентичность: «свои» язык и пространство, «свои» земли, леса, замки, людей, живших в очарованном мире, сквозь который проступали и реальные черты. В дальнейшем эта база стала референтной в большей (фелибризм) или меньшей степени (окситанизм).

Начало XIII в. - середина XIII в. Ослабление региональной идентичности

Среди новаций этого периода ослабление провансальского языка как показателя идентичности, развитие двуязычия и множественной провансальско-французской идентичности постепенным вытеснением региональных особенностей под воздействием общефранцузских форм.

Последующая эволюция южнофранцузской традиции связана с несколькими попытками «возрождения» и появлением новаций на фоне последовательного вытеснения провансальского/окситанского языка и культуры из реальной жизни.

XVI в.- начало XVIII в. «Первое окситанское возрождение»

Начинают развиваться локальные идентичности, характерные для жителей отдельных местностей, а не региона как единого целого (гасконская, лангедокская и др.); углубляются религиозные референции (протестантизм) и протестные аспекты идентичности.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. «Второе окситанское возрождение», фелибризм

Деятельность Ф. Мистраля и группы Фелибрих подтверждает роль «титанов» в защите культуры и создании матрицы региональной идентичности как репродукции прошлого. Происходит мифологизация и персонификация образа региона; сакрализация прошлого; консервации языковых форм; «музеификация» идентичности. Фелибризм выходи за пределы одного региона и получает надрегиональный резонанс.

С 30-х годов XX века до конца XX века. «Третье окситанское возрождение»

Углубляются научные обоснования окситанской идентичности; происходит демифологизация культуры; переход от «вечного» Прованса Ф. Мистраля к реальной Окситании. Укрепляются референции с общественными и экологическими движениями; продолжается нивелирование окситанского языка в его коммуникативной функции и развивается символическая, идентифицирующая функция – маркер идентичности.

С конца XX века по настоящее время. Переформатирование идентичности

Происходит виртуализация и переформатирование идентичности, отмечается деперсонификация идентитарного дискурса в пространстве Интернета; происходит дистанцирование от традиции при диалоге с прошлым.

Исследованный материал подтверждает, что феномен провансальской/окситанской идентичности связан с феноменом традиции, под которой понимается точка зрения современников на культурную значимость прошлого. Основу идентичости заложили трубадуры с их развитым чувством принадлежности к своей земле. Оно дошло до нас сквозь века через провансальский язык с его системой сильных слов – идентификаторов: топонимов, очерчивающих регион, обозначений языка, названий известных дворов, через имена меценатов и дам (в том числе зашифрованных) и выстроенную систему слов-символов, формирующих идеал, игру, мечту и ценностные установки высокого образца. С течением времени эта культура не ушла в небытие, а словно угасшая звезда, продолжала сиять, пусть и отраженным светом. В истории южнофранцузской идентичности был яркий всплеск, затем период угасания и несколько периодов идентитарных подъемов различной силы. На протяжении веков вновь и вновь переосмысливается прошлое, возникают новации, переформатируется идентичность.

Подведем итоги. Накладываясь на сложившийся фон, новации создают новые комбинации - «вехи идентичности», показывающее направление ее развития. Среди них: культура трубадуров как референтная база (1); стигматизация и «кровавая рана» альбигойских и религиозных войн (2); культурная матрица «вечного» Прованса, сакрализация и «музеификация» прошлого, роль творческой личности (фелибризм) (3);

демифологизация культуру; рациональное обоснование идентичности (окситанизм), уход окситанского языка из реальной коммуникации и развитие вторичной, символической функции (4); виртуализация, «деперсонификация» идентичности; дистанцирование от прошлого (наше время) (5) и др.

Путь, который прошла южнофранцузская идентичность, имеет и общий вектор развития: это подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей северофранцузской/общефранцузской культурой.

Литература

1. Белоруссова С.Ю., Головнев А.В. Виртуальная идентичность – новация на фоне традиции? (Ведение в тему) // Сибирские исторические исследования. 2019, № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 36-40.
2. Гак В.Г. Отзыв официального оппонента о докторской диссертации Т.Ю. Загрязкиной «Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка». М., 1996 (на правах рукописи). – 8 с.
3. Киссер Т.С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019, № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 64-64.
4. Плассеро И. Идентичность народов Европы. М.-С.-Пб.: Нестор-История, 2019. – 197 с.
5. Чернявская Ю. Модификации белорусской идентичности: медийность и повседневность // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. Москва : Горячая линия - Телеком, 2018. С. 126-140.
6. Chevalier D. et A. Morel A. Identité culturelle et appartenance régionale: Quelques orientations de recherche // Terrain, antropologie et sciences humaines 1985, № 5 octobre. P. 3-5. https://journals/oppenedition.org/terrain/2878 (Дата обращения 14.02.20).
7. Pouillon J. Fétiches sans fétichisme Paris : Maspero, 1975. -351 p.

УДК 811.13

Т.И. Лалова
Российский университет транспорта (МИИТ)
А.В. Лагутина

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНДИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. Представленная статья посвящена описанию одного из регионов Индии, а также его одноименного административного центра – Пондичерри, являющихся частью сохранившейся Французской Индии.

Целью данной статьи является анализ проблематики, связанной с сохранением французского наследия в современном индийском националистически настроенном обществе.

Ключевые слова: Французская Индия, утраченная территория, Пондичерри, французское наследие, Franco-Pondichériens

T.I. Lalova
Russian University of Transport (MIIT)
A.V. Lagutina

THE PROBLEM OF PRESERVATION OF FRENCH INDIA UNDER INTENSE DEVELOPING MOTION OF NATIONALISM

Summary. This article is devoted to the description of one of the regions of India, as well as its administrative center of the same name – Pondicherry, which are part of the preserved French India.

The purpose of this article is to analyze the problems related to the protection of French heritage in modern Indian nationalistic society.

Keywords: French India, lost territory, Pondicherry, French heritage, Franco-Pondichériens

Республика Индия – это огромная страна, расположенная в Южной Азии. Численность населения Индии насчитывает, по последним данным, около полутора миллиарда человек, что является вторым показателем в мире после Китая. Республика Индия известна своим религиозным многообразием. Большая часть населения исповедует индуизм, однако здесь представлены ислам, буддизм, сикхизм, христианство и многие другие вероисповедания. Языки, на которых говорят индийцы, зависят от географического положения региона. Официальными языками являются хинди и английский, но зачастую здесь можно услышать урду, тамильский, гуджарати и многие другие языки и диалекты. Именно таким

религиозным, культурным и языковым колоритом объясняется неугасающий интерес к этой стране.

Политические и экономические позиции Республики Индия в современном мире постоянно укрепляются. В настоящее время существует большое количество различных публикаций, интернет репортажей, посвященных жизни и обычаям народов этой страны. Ежегодно многочисленные туристы посещают ее с целью не только увидеть другой мир и познакомиться с нравами местных жителей, но также прикоснуться к истории этого государства.

Большое количество научных исследований посвящены Индии. Их авторы изучают данный регион с точки зрения истории, археологии, лингвистики, культурологии, политологии. В прорабатываемом массиве информации эксперты находят все новые источники взаимодействия различных языков и культур, существовавших и существующих в этой стране. Подобное разнообразие объясняется тем, что когда-то территория современной Индии с ее колоритом, отличным от европейского жизненным укладом была колонией не только Англии, но и Франции.

Термин «Французская Индия» является общим наименованием бывших земель Франции на территории Индии, к которым относились Пондишери, Карайкал, Янаон , Маэ и Чандернагор. Наибольшим по площади (56 %) был один из интереснейших регионов Индии с одноименным административным центром – Пондичерри, которому и посвящена наша статья. Название Пондичерри (в народе «Понди»), происходящее от французского Pondichéry, в настоящее время изменено на тамильское «Пудуччери», что переводится как «новая деревня».

Первая французская экспедиция, отправленная к берегам Индии, датируется серединой 17 века. С этого момента, по мнению экспертов, устанавливаются торговые взаимоотношения Франции с Индией. В конце 17-го века была организована знаменитая Французская Ост-Индская кампания. Позже сформировались первые французские фактории в Индии, что послужило началом истории Пондичерри в конце 17 века. С течением времени обыкновенная индийская деревня, основным доходом которой являлся рыболовный промысел, становится полноценным портовым городом. Однако развитие данной территории осложнялось бесконечными конфликтами французов с англичанами и голландцами, также присутствующими в этом регионе.

В конце 40-х годов 20 века Индия стала независимым государством и население, как следствие, получило право выбирать будущее для своей страны. Таким образом, в 1954 году бывшие французские владения образовали Союзную территорию Пондичерри и воссоединились с Индией.

Современный Пудуччери является местом притяжения многочисленных иностранных туристов. И этот факт объясняется

несколькими причинами. Во-первых, необходимо отметить сохранившиеся до нашего времени явные следы присутствия Франции на этой территории. Речь идет не только об архитектуре города, представленной старинными постройками и памятниками. Французский язык присутствует в названиях улиц, таких как Dumas или Romain-Rolland, а также кварталов Пудуччери.

Французское колониальное наследие тесно связано с индийской культурой и местным колоритом: месса на французском чередуется с мессой на тамильском языке, вымощенные дороги зачастую теряются среди грязи и «тук-туков», а запахи французских кондитерских смешались с терпкими ароматами индийской кухни… Многие туристы, большая часть из которых – французы, приезжают в Пудуччери, чтобы увидеть пока еще сохранившиеся следы их Родины на побережье Бенгальского залива.

Вторая причина популярности этого региона – находящиеся в самом Пудуччери и его окрестностях духовные центры, являющиеся местом притяжения различных социальных групп. Здесь можно встретить искателей приключений, любопытных путешественников, но вместе с этим и разочаровавшихся людей, которые остаются в таких Ашрамах[64] на очень долгое время.

Отдельно стоит остановиться на языковой политике, проводимой Пятой республикой в Пудуччери. Правительство Франции пытается поддерживать связь с давно утраченной территорией различными способами: здесь находится Консульство Франции, Французский лицей, представительство «Alliance Française», которое предоставляет возможность всем желающим выучить французский язык; Ecole française d'Extrême-Orient, где находится старинная библиотека, богатая трудами по языкознанию, археологии, истории и лингвистике; Eglise de Notre-Dame des Anges, где можно послушать мессы на французском языке.

Отличительной особенностью домов, находящихся на улицах Пудуччери, является большое количество табличек с надписями, указывающих на принадлежность строений к национальному достоянию Франции.

[64] Ашрам-место проживания мудрецов и отшельников в древней Индии. В современном понимании трактуется для наименования религиозной общины [4].

LITURGIE ET PRIÈRE QUOTIDIENNE
PAROISSE DE NOTRE-DAME-DES-ANGES
HORAIRES DES MESSES
Lundi - 06h15 en Français
Mardi - 18h30 en Français
Mercredi - 06h15 en Français
Jeudi - 06h15 en Tamoul
Vendredi - 18h30 en Français
Samedi - 06h15 en Français
Dimanche - 06h00 en Tamoul
07h30 en Français
08h30 en Anglais
17h15 en Français
MASS TIMING
Monday - 6:15 A.M. in French
Tuesday - 6:30 P.M. in French
Wednesday - 6:15 A.M. in French
Thursday - 6.15 A.M. in Tamil
Friday - 6:30 P.M. in French
Saturday - 6:15 A.M. in French
Sunday - 6:00 A.M. in Tamil
7:30 A.M. in French
8:30 A.M. in English
5:15 P.M. in French
திருப்பலி நேரம்
திங்கட்கிழமை - காலை 6:15 பிரெஞ்சு மொழியில்
செவ்வாய்க்கிழமை - மாலை 6:30 பிரெஞ்சு மொழியில்
புதன்கிழமை - காலை 6:15 பிரெஞ்சு மொழியில்
வியாழக்கிழமை - காலை 6:15 தமிழ் மொழியில்
வெள்ளிக்கிழமை - மாலை 6:30 பிரெஞ்சு மொழியில்
சனிக்கிழமை - காலை 6:15 பிரெஞ்சு மொழியில்
ஞாயிற்றுக்கிழமை - காலை 6:00 தமிழ் மொழியில்
காலை 7:30 பிரெஞ்சு மொழியில்
காலை 8:30 ஆங்கில மொழியில்
PRAYING THE ROSARY
Monday to Friday at 6.00 P. M in Tamil
திங்கள் முதல் வெள்ளி வரை மாலை 6.00 மணிக்கு தமிழில் ஜெபமாலை
ADORATION AND BENEDICTION
First Friday : 6:00 – 6:30 P.M. Adoration and Benediction in Tamil
Tous les Samedis : 18:45h – 19.15h L'Adoration et la Benediction en Français
CONFESSION
Saturday : 5:00 – 6:00 P.M. in three languages French, English and Tamil
Tous les Samedis : 17h – 18h Confessions en trois languages Anglais, Français et Tamoul

Рисунок 1

Рисунок 2

Интерес представляет национальная идентичность местного населения. Индийцы, проживающие в Пудуччери, имеют право на французское гражданство. Однако, несмотря на большую часть официальных граждан Пятой Республики (более 6 000 человек), по своей культуре, сознанию, самоопределению жители эти являются гражданами Индии.

Несколько поколений назад большинство семей стремилось дать своим детям французское образование. В настоящее время ситуация изменилась. Несмотря на то, что есть люди, для которых французский язык – это прежде всего память о предках, связь с корнями, очень многие идут во французский лицей с целью выучить язык и уехать в Европу. С этой же целью большинство жителей используют возможность получения в Пудучерри французского гражданства.

Однако, выходцы из Пудуччери (Franco-Pondichériens) зачастую чувствуют себя чужими как во Франции, так и в Индии. В Пятой республике их не всегда принимают из-за национальной принадлежности, а в Понди же они возвращаются только на каникулы как иностранцы.

На сегодняшний день, население Пудуччери пытается всеми способами получить выгоду от своей исторической связи с Францией. Местные жители хотят, чтобы Пятая Республика оставалась, как отметил в своей речи Неру в 1954 году, «…une fenêtre ouverte sur la France» [1].

Список литературы

1. La Croix – À Pondichéry, l'empreinte tenace du français [Электронный ресурс]. URL: https://www.la-croix.com/Monde/A-Pondichery-lempreinte-tenace-francais-2019-08-01-1201038736
2. Les Amis du Patrimoine Pondicherien [электронный ресурс]. URL: https://www.lesamisdupatrimoinepondicherien.org/index.html
3. Paris Match – Ces Indiens français de Pondichéry [электронный ресурс]. URL: https://www.parismatch.com/Actu/International/Ces-Indiens-francais-de-Pondichery-684108
4. Википедия. Свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ашрам
5. Википедия. Свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пондичерри

УДК:811.134.3

И.Ф. Ликунова
Дипломатическая академия МИД России

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТОЙ И СЛОЖНОЙ ФОРМЫ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА ИНДИКАТИВА В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье впервые в португалистике рассматривается использование простой и сложной формы плюсквамперфекта индикатива в языке художественной литературы в позиции функциональной стилистики. Проведённый контекстологический анализ позволил показать, что системная синонимия двух форм предпрошедшего широко применяется писателями для создания стилистически более выразительного повествования.

Ключевые слова: стилистика, синонимия, выразительность, контекст, художественный стиль

I.F. Likunova
The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

FUNCTIONAL AND STYLISTICAL CHARACTERISTICS OF SIMPLE AND COMPOUND FORMS OF PLUPERFECT OF INDICATIVE MOOD IN PORTUGUESE LANGUAGE

Abstract. The article, for the first time in Portuguese Studies, deals with using simple and compound forms of Pluperfect (Indicative mood) in fiction writing from functional stylistics point of view. Context analysis shows that

system synonymy of these two forms of Pluperfect is widely used by authors to create a narrative that's more expressive stylistically

Key words: stylistics, synonymy, expressiveness, context, fiction style

Наличие в грамматической системе португальского языка простой и сложной формы индикативного плюсквамперфекта обуславливает интерес к изучению их сходства и различий при функционировании в речи. Что касается сложной формы, то она формируется с двумя вспомогательными глаголами *ter и haver*. Эти формы следует считать грамматическими (морфологическими) дублетами. По определению Е.И. Шендельс “грамматические дублеты – варианты одной формы одного и того же слова (одного и того же времени – И.Л.), обусловленные неустойчивостью нормы” [2, с.10]. Дублеты могут различаться большей или меньшей употребительностью, стилевой окраской, условиями ритма, но не грамматическим значением. Совершенно очевидно, что эти формы отвечают названным требованиям. Не вызывают сомнения их структурная близость и тождественность грамматического значения. Отличаются формы стилевыми и стилистическими характеристиками, а также частотой употребления. Вместе с тем существует территориальное преобладание формы с *haver* в бразильском варианте португальского языка. Бразильский языковед Эунисе Понтес считает сложные формы “стилистическими вариантами” [3, с. 50].

Сравнивая простой и сложный плюсквамперфект, следует подчеркнуть, что на денотативном уровне они почти полностью совпадают в своих основных и частных значениях. Различия между ними обнаруживаются в наборе частных значений (у формы *на-ra* их больше), в условиях их синтаксической дистрибуции и частоте использования [1, с. 177-180].

На стилистическом уровне синтетический и аналитический плюсквамперфект имеют гораздо больше различий, чем на грамматическом. Различия в функциональных и стилистических характеристиках этих форм “оправдывают” их параллельное существование в современном языке.

В этой связи необходимо напомнить, что в португальском языке простая форма *на-ra* закреплена за письменной речью, а сложная – за разговорной. Эта функциональная специализация обуславливает те стилистические коннотации, которые сопровождают использование форм в несвойственной для них речевой сфере. Так, все реализации формы *на-ra* в прямой речи персонажей имеет просторечный или диалектный оттенок. Все реализации сложной формы с *ter* в авторской речи сопровождаются возникновением разговорной интонации. Форма с *haver* придает авторской речи возвышенную, архаичную тональность.

Синонимия простой и сложной форм плюсквамперфекта таит в себе большие стилистические ресурсы, которые с успехом используются в языке художественной литературы. Чередование форм предпрошедшего позволяет избежать монотонных повторов морфологических форм, разнообразит язык повествования.

Se tinha caído *ao mar e* ***se afogara****, náo menos ele* ***se afogara*** *por ter sido possível que o embarque se desse (Jorge de Sena).*

Más, a esa hora, como por milagre, Joana ***tinha arrancado*** *a sua máscara de rapariguinha apaixonada.* ***Tornara-se*** *uma mulher prudente,predicada contra ciladas do mundo (Arminda Fortes).*

Подобным же образом могут чередоваться простая и сложная форма с *haver*.

...se, eu me recusava, diante de tanta gente, ou tentava retirá-lo dali, ele podia resistir-me, por achar com a nostalgia daquilo a que nâo ***assistira*** *e em que nâo* ***havia tomado*** *parte (Jorge de Sena).*

Иногда все три формы предпрошедшего могут являться однородными сказуемыми.

Tinha começado *a falar com suavidade, arrastando a voz no ar um poco lamecha de uma criança que pede un bolo, mas agora a voz* ***enterara-se*** *e* ***havia- se tornado*** *áspera… (Antologiada ficçâo portuguesa contemporânea).*

Иногда формы плюсквамперфекта могут обозначать действия, происходившие друг за другом в хронологическом порядке. В этом случае порядок следования форм отражает порядок следования событий. При этом действия, обозначенные разными формами предпрошедшего, могут относиться к одному и тому же (1) или к разным субъектам (2, 3).

(1) Foram todos ver o circo, armado na praça principal da cidade. Todos menos una persona: o próprio rei, que ***tinha ido*** *visitar um primo seu, rei também, em uma terra distante, e que nâo* ***voltara*** *ainda (Sérgio A. Teixeira).*

(2) Nâo a ***abandonara****, nâo* ***se esquecera*** *dela, nem lhe* ***tinha acontecido*** *nada que o houvesse obrigado a faltar no encontro (José Saramago).*

(3) A Maria sentou-se a um canto a chorar e a maldizer a hora en que ***nascera****, o dia en que pela primera vez* ***vira*** *o Leonardo, a pisadela, o beliscâo com que* ***tinha começado*** *o namôro a bordo... (Manuel Antônio de Almeida).*

Синонимия простой и сложной форм используется для выделения разных аспектуальных рисунков действия. Простая форма плюсквамперфекта *на-ra*, передавая длительный характер протекания действия, контрастирует со сложной формой с *ter*, которая подчеркивает результативность другого действия.

Стилистическая экспрессивность возникает на фоне контраста длительности и результативности.

A prima de Noca ***vivera*** *tantos meses sem querer comer coisa nenhuma, vomitando até quando avistava o leite, o pâo, a carne. E nãõ* ***tinha ficado*** *boa? (José Carlos C. Bordes).*

Простая и сложная формы индикативного плюсквамперфекта нередко участвуют в создании и усилении контраста, противопоставляя действия, совершенные разными субъектами.

O rostro de Xireréia ***tinha adquirido*** *uma grande expressão de angústia.*

– Você precisa me ajudar.

Estranho que o rostro da moça naquele momento ***virara*** *o rostro de uma mulher madura. Em um minuto,* ***perdera*** *toda a travessura e alegria da mocidade (José Mauro de Vasconcelos).*

Наиболее ярко такой контраст выражен в следующих двух примерах, что обусловлено противительным союзом *mas*.

Seria ou não, ganhou a esquerda. No dia seguinte ainda os jornais anunciavam que, pelas primeras impressões a direita ***tinha ganho*** *em dezassete províncias, mas, contados os votos todos, viu-se que a esquerda* ***elegera*** *mais diputados que o centro e a direita juntos. (José Saramago).*

O Chico insistia que ***tinha visto*** *na cabana. Mas a senhora fora peremptória: ele não* ***saír****a de casa (Ana Maria Magalhães).*

В одном абзаце, а иногда и в одном предложении могут находиться все три формы плюсквамперфекта. Встречаются случаи, когда две их них относятся к одному субъекту, а третья к другому, как в следующем примере.

Tudo que últimamente ***se passara*** *em casa de D. Maria* ***havia pôsto*** *andar á roda a cabeça de José Manuel; conheceu que tinha ali um inimigo, fosse o que fosse, pois que aquilo não passava certamente de intriga que lhe* ***tinha armado*** *(Manuel Antônio de Almeida).*

Все три формы могут иметь разные субъекты.

Horácio saiu confrangido. Tanto como a negativa, desorientavam-no as palavras que ao Marques ***ouvira****. Parecia-lhe que todos* ***se haviam combinado****, pois em Lisboa* ***tinham-lhe dito*** *quase a mesma coisa (Ferreira de Castro).*

Еще более интересное переплетение форм предпрошедшего можно наблюдать во внутренней речи персонажей.

Eu ***tinha-o visto****. Nessa mesma manhã. Ou* ***tinha sido*** *ontem, ou anteontem?*

Não ***havia passado*** *sequer um dia que eu o* ***vira*** *(Jorge de Sena).*

Короткие предложения, напоминающие “телеграфный стиль” при участии чередующихся форм плюсквамперфекта, придают определенный ритм размышлениям персонажа.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что в результате проведенного исследования стало совершенно очевидно, что синонимия синтетического и аналитического плюсквамперфекта (обеих форм) в языке художественной литературы широко используется как для композиционного построения произведения, так и для создания стилистически более выразительного повествования.

Список литературы

1. Ликунова И.Ф. Грамматико-стилистическое исследование прошедших времен португальского глагола: Дисс… канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1989. – С. 232.
2. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке): Автореф. дисс... докт. филол. наук. – М.,1964. – С. 51.
3. Pontes Eunice. Verbos Auxiliares em Português. – Petrópolis, 1973. – P.145.

УДК 811

Н.В. Путилина
Московский государственный областной университет

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Медицинская терминология является источником для образования новых метафорических моделей в публицистическом стиле медийного дискурса. Распространение медицинских метафор в экономическом и политическом контекстах обусловлено экстралингвистическими факторами – возросшим влиянием экономики на выживаемость человека и распространением санитарных рисков пандемического характера. Отдельная от физиолого-антропоморфного вида метафоры, медицинская метафора выполняет функцию воздействия и формирования общественнго мнения.

Ключевые слова: медицинская терминология, медийный дискурс, публицистический стиль, средство художественной выразительности, модель метафоры, политический дискурс, экономический дискурс

N.V. Putilina
Moscow Region State University

NEW METAPHORIC MEANINGS OF MEDICAL TERMINOLOGY IN SOCIAL-POLITIC AND ECONOMIC CONTEXTS OF MASS-MEDIA DISCOURSE

Annotation: Medical terminology provides linguistic contexts with special words that become new models of metaphors in journalistic style in mass-media discourse. A large distribution of medical metaphors in economic and political contexts is connected with an increasing influence of economics

and the emergence of sanitary pandemic risks. Medical metaphor is considered like a autonom type of metaphors, extra anthropomorphic metaphors.

Key words: medical terminology, mass-media discourse, journalistic style, stylistic devices and expressive means, models of metaphors, political discourse, economic discours

Особенности, связанные с использованием метафоры в публицистическом стиле, уже давно интересуют исследователей-романистов. Исторически такие исследования восходят к началу XX в., когда после выхода в свет научного труда Ш. Балли Traité de stylistique française (1909), русск. пер. Французская стилистика (1961) постепенно появляются подробные описания стилистических средст, используемых в разных функциональных стиля.

В зарубежной романистике одним из первых описаний различных видов метафоры в социополитическом и экономическом контекстах франкофонной прессы является работа Ришара Боша, опубликованная в сборнике “Meta. Journal des traducteurs” (1968) [1], в которой автор предлагает классификацию, основанную на взаимодействии политико-экономического вида медийного дискурса с другими сферами – медицинской, военно-стратегической, театральной, игровой, метеорологической. В работе Р. Боша особого внимания заслуживает корпус примеров, демонстрирующий проникновение медицинской терминологии в политико-экономический контекст. В частности, автор исследования разделяет медицинские метафоры на два подвида – основывающиеся на переосмыслении медицинских болезней и медицинских лекарств (цит. “*Une fièvre maligne* de l’économie française qui allait tomber toute seule, sans qu’il soit nécessaire de lui adminiatrer *des remèdes de cheval*”) [1, c.175]. В исследовании Р. Боша мы также можем наблюдать примеры метафорического переосмысления таких медицинских терминов, как *“les allergies idéologiques”, “les périphéries lépreuses”, “des entorses graves de la société”, “l’injection des crédits”, “le meilleur antidote de l’économie”*.

Тема метафорического использования медицинской лексики в экономическом и политическом контекстах медийного дискурса не утратила актуальности и на современном этапе анализа развития средств языковой выразительности. Подобные исследования уже были проведены на материале некоторых других романских языков. Интересная статья, посвященная медицинской метафоре в публицистике, была опубликована Ж.-Ж. Монтелеско на примере анализа испаноязычной прессы [4, с. 81]. На материале румынского языка исследование было проведено автором К.С. Лунгу (Крайовского университета), в котором также проводится анализ корпуса примеров медицинских метафор в политическом и экономическом контекстах [3, с. 80].

В отечественной романистике одна из фундаментальных работ, посвященных изучению публицистического стиля во французском языке, принадлежит В.Г. Кузнецову [5], в которой исследователь описывает 7 метафорических моделей – антропоморфную метафору, пространственную, военную, зооморфную, цветовую, по внешнему сходству и сочетаемости [5, p.92-94]. При анализе сути антропоформной метафоры исследователь приводит такие примеры, как “la fracture technologique”, “la fuite des cerveaux”, “la lessive des cerveaux”, в которых содержаться термины, связанные с частями тела. В основе такого метафорического переосмысления положена в основном физиологическая метафора, состоящая из фреймов “Тело”, “Части тела”. Однако практический материал и частотность употребления медицинских метафор в современной прессе показывают, что медицинская метафора в медийном контексте – это нечто большее, выходящее за рамки антропоформно-физиологических моделей.

В феврале 2017 г. на страницах газеты *Le Figaro* была опубликована редакционная статья журналиста N. Chaze “Ces termes médicaux qui inondent le jargon économique” [2], в которой автор констатирует интенсивное проникновениек медицинской терминологии в статьи экономической тематики, публикуемые в общедоступных средствах массовой информации. Внимания заслуживают примеры медицинских метафор, приводимые автором: *“cure d'austérité”, “diète”, “contagion”, “bonne santé”* – регулярно встречающиеся термины в экономическом контексте. Н.Шаз цитирует исследования экономиста Éloi Laurent, работающего во Французской обсерватории экономических конъюнктур (OFCE), по наблюдению которого проблемы в экономической сфере часто сопоставляются с функционированием человеческого тела, о чем свидетельствуют распространенные метафоры: “*symptôme”, “syndrome”, “toxique”, “injections de liquidités”* и другие термины.

В связи с широким распространением медицинских метафор во французских средствах массовой информации актуальным представляется провести исследование таких метафорических моделей и определить причины их частотного употребления в экономической и социально-политической сферах.

I. Медицинская терминология в экономическом контексте современного медийного дискурса.

В статьях экономической тематики можно наблюдать метафоричное использование медицинских терминов, денотативно отсылающих к разным фазам болезни и способам их лечения.

Наиболее распространенной является метафора, указывающая на плохое состояние современной экономики. Так в заголовке французской газеты Le Figaro [Le Figaro, 05/05/2020] “La France est-elle devenue ***l'homme malade*** de l'économie européenne?” содержится непосредственное

метафоричное сопоставление по атропоморфному признаку французской экономики и больного человека. Подобная метафора является более чем актуальной в современном контексте распространения Covid-19 и подразумевает причинно-следственную связь пандемии и состояния французской экономики.

Еще более яркую медицинскую метафору можно найте на web-страницах общеинформационного сайта https://www.letelegramme.fr, где в заголовке статьи "L'économie française ***« sous anesthésie »***" [Le Télégramme, 23/04/2020] драматичность экономического спада сравнивается с больным, находящимя под анестезией. Далее в статье можно наблюдать сравнительную конструкцию, которая объясняет медицинскую антропоморфную метафору в заголовке: L'économie française est comme un «organisme placé sous anesthésie» qui « n'assure plus que ses fonctions vitales». [idem]

Распространение болезни Covid-19 отразилось на экономике и на языковой реальности. В заголовках статей различных изданий можно наблюдать взаимосвязь между денотатом и метафоричным осмыслением экономической ситуации и последствий коронавируса:

Coronavirus : l'économie française ***souffre***, les mesures du gouvernement pour les entreprises.
[https://actu.fr/economie/coronavirus-leconomie-francaise-souffre-mesures-gouvernement-entreprises_32033242.html]

Coronavirus : l'économie française ***en réanimation***.

[https://www.lesechos.fr/economie-france/conjoncture/coronavirus-leconomie-francaise-en-reanimation-1197544]

Французской экономике, как и больному, предписывают средства лечения и оздоровления – способы выхода из кризиса.

L'assainissement des finances de l'Etat se poursuit.

[https://www.lesechos.fr/1996/09/michel-pericard-rpr-nous-entrons-en-convalescence-841413]

Европейской экономике удается выжить благодаря финансовой помощи европейских финансовых институтов, о чем свидетельствует метафора в статье по заголовком: Coronavirus: la BCE ***injecte*** 750 milliards d'euros pour soutenir l'économie [https://www.novethic.fr]:

La Banque Centrale Européenne (BCE) déploie un programme massif ***d'injection d'argent*** frais dans l'économie européenne. Un programme d'achat d'actifs d'urgence pandémie de 750 milliards d'euros est lancé jusqu'à la fin de l'année au moins, pour tenter d'aider les entreprises à traverser le choc de l'épidémie du coronavirus.

Наконец, от некоторых заголовков статей веет бóльшим оптимизмом, указывающим на "выздоровление больного организма" по мере того, как Франция выходит из режима изоляции:

Michel Péricard (RPR) : « Nous entrons ***en convalescence*** »

[https://www.lesechos.fr/1996/09/michel-pericard-rpr-nous-entrons-en-convalescence-841413]

Использование антропоморфной медицинской метафоры в экономическом контексте связано с тем, что “здоровье экономики” ассоциируется с жизнедеятельность человека и де-факто является одной из сфер его жизнедеятельности, обеспечивающей существование общества. В контексте глобального санитарного кризиса с Covid-19, вызвавшего экономический спад во многих странах, использование когнитивной модели медицинской метафоры как разновидности антропоморфной метафоры в медийном дискурсе обусловлено экстралингвистическими факторами. В настоящий момент такие метафоры являются наиболее частотными и определяют специфику лексико-семантического поля актуального медийного дискурса.

По наблюдению французских исследователей, подобные явления по сопоставлению экономической сферы и жизнедеятельности человека можно найти еще у социальных философов, развивавших экономические теории в XVII-XVIII вв. Например, современный исследователь-социолог Bruno Théret (Université Paris Dauphine) упоминает о Ф.Кенэ (1694-1774), который сопоставлял “экономику” и “ le schéma de la circulation sanguine”, “кровь” и “richesses et marchandises”, “жизненно важные органы” и “classes sociales”. [цит. по 2]

Автор статьи газеты Le Figaro N. Chaze отмечает, что специалистами в сфере экономики критикуется частотность использование медицинских метафор в экономическом контексте и утверждает, что между экономикой и человеческим телом есть основное различие – экономика в отличие от человеческого тела не способна к саморегулированию.

II. Медицинская терминология в политическом контексте современного медийного дискурса.

Политический дискурс также испытывает влияние метафоричного переосмысления медицинских терминов.

Например, следующая развернутая метафора была использована для характеристики коррупции в политических кругах, которая сопоставляется с болезнью власти:

La corruption, virus endémique affectant l’intégrité des élus.

[https://publications-prairial.fr/cjm/index.php?id=142]

Для образной характеристики политических решений власти журналисты используют метафору, сравнивая методы властей с шоковой терапией:

Fillon, ***la thérapie de l’électrochoc.***

[https://www.liberation.fr/evenement/2007/05/24/fillon-la-therapie-de-l-electrochoc_94007]

Другие распространенные виды медицинской метафоры, переосмысливают физическую “глухоту” и “нежелание прислушиваться к

социальным потребностям граждан” или “растройство желудка” и “непереваривание политической кухни”.

Ferme et déterminé, Emmanuel Macron reste ***sourd*** aux attentes sociales.

[https://fr.euronews.com/2019/12/31/ferme-et-determine-emmanuel-macron-reste-sourd-aux-attentes-sociales]

Une indigestion de petite cuisine politique.

[https://www.charentelibre.fr/2018/10/03/une-indigestion-de-petite-cuisine-politique-le-point-de-vue-de-cl,3321769.php]

В некоторых случаях журналисты составляют заголовки статей, комбинируя медицинскую метафору и игру слов:

Bal masqué tragique à l’Elysée faute de ***masques***, des milliers de morts.

[https://blogs.mediapart.fr/christophe-lasterle/blog/310320/bal-masque-tragique-l-elysee-faute-de-masques-des-milliers-de-morts]

В данном примере сопоставляется нехватка медицинских масок, приведшая к росту смертей от Covid-19, и медленное реагирование, уход от ответственности испольнительной власти во Франции.

В политическом и экономическом дискурсах медицинские метафоры используются для эмоционального воздействия на читателя, стимулируют критическое восприятие функционирования властей, а также направлены на критическое осмысление социально-экономической сферы жизнедеятельности общества.

Задействуя самые яркие языковые приемы, средства массовой информации выполняют свои основные функции – информационную, критики и контроля, мобилизационную, формирования общественного мнения.

Тот факт, что современные исследователи могут наблюдать использование медицинской терминологии в метафорическом употреблении с отрицательным коннотативным значением свидетельствует о свободе мнений и слова в современных франкофонных средствах массовой информации и, следовательно, о “здоровом” их состоянии.

Выводы:

1. Под влиянием экстралингвистических факторов происходит дальнейшее развитие языка медийного дискурса, что требует уточнения классификация стилистических средств публицистического стиля. Изначально медицинская семантика была включена в антропоморфную метафору (см. *“la fracture technologique”*). Однако в связи с увеличением санитарных рисков использование медицинских метафор в прессе стало настолько частотным и разнообразным, что медицинскую метафору можно выделить в отдельную метафорическую модель, отделив её от антропоморфно-физиологической.

2. Экспонентное развитие антропоморфного медицинского компонента в статьях экономической тематики связано с возросшей ролью

экономических процессов в современном обществе и еще большим отождествлением “выживания человека” с “здоровьем экономики”.

3. В медийных текстах экономической проблематики медицинская метафора семантически связана с переосмыслением стадий болезни и способов их лечения.

4. В политической сфере использование медицинской терминологии в метофорическом значении сопоставления с пандемией, вирусами, применением медицинских средст.

5. Как в экономических, так и в политических статьях использование медицинских метафор отображает идеологическую позицию журналиста или редакции средства массовой информации и связано с критикой политической и экономической ситуации и формированием общественного мнения.

Библиография

1. Bausch K.-R. Meta. Journal des traducteurs La métaphore dans la langue de la presse d'aujourd'hui. Vol. 13, n. 4. Les Presses de l'Université de Montréal, 1968
2. Chaze N. Ces termes médicaux qui inondent le jargon économique. //Le Figaro, 10.02.2017.
3. Lungu C.St. Valeurs connotatives des termes médicaux dans la presse écrite roumaine. //Appropriation et transmission des langues et des cultures du monde. Actes du Séminaire Doctoral International, 2012.
4. Montelescaut J.-J. Le langage médical dans la presse espagnole. //Aspects du vocabulaire. Presse universitaire de Lyon, 1993.
5. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка. Публицистически и научный. Москва, 2011.

УДК 81’42

Е.Л. Туницкая
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»

ФРАНЦУЗСКИЙ НАУЧНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. На примере французских студенческих научных работ юридической тематики статья рассматривает особенности жанра профессионального эссе в двух его вариантах на уровне композиции, макроструктуры и локальной структуры. Анализ доказывает, что профессиональное эссе правомерно рассматривать как самостоятельный научный академический жанр, овладение которым в ходе обучения иностранному языку является задачей выпускника высшей школы.

Ключевые слова: научный академический дискурс, профессиональное эссе, макроструктура дискурса, локальная структура дискурса

E.L. Tunitskaya
Russian academy of foreign trade
Ministry of Economic Development of the Russian Federation

FRENCH SCIENTIFIC ACADEMIC DISCOURSE: LINGUO-PRAGMATICS ASPECT

Abstract. Using the example of French student scientific works on legal subjects, the article examines the features of the professional essay in its two variants at the level of composition, macrostructure and local structure. The analysis proves that the professional essay can be considered as an independent scientific academic genre, the mastering of which is the task of students in the course of a foreign language.

Key words: scientific academic discourse, professional essay, macrostructure of discourse, local structure of discourse

Современный подход к обучению иностранному языку специальности нацелен на развитие коммуникативной компетенции студента применительно к определенной предметно-профессиональной сфере. Развитие международных контактов и академической мобильности, обеспечивающее возможность получить второе образование по своей специальности за рубежом (в рамках двойного диплома, очной магистратуры или докторантуры), требует от студента, в частности, овладения научным академическим иноязычным дискурсом, в том числе, в письменной форме.

Распространенной формой промежуточной и итоговой аттестации по большинству специальностей часто является, в том числе, во Франции, написание курсовых и выпускных квалификационных работ. Примерными, хотя и неточными аналогами терминов «курсовая работа, выпускная квалификационная работа» являются, соответственно, французские термины dissertation и mémoire de recherche. (Существуют и другие, производные наименования: mémoire de maîtrise – магистерский диплом, mémoire de licence – диплом лиценциата-бакалавра).

Успех студента в реализации поставленной задачи зависит, в том числе, от овладения им дискурсивной компетенции – знания специфики построения научного академического дискурса на уровне его композиции и языка. Таким образом, задачей нашей статьи является определение лингвопрагматической специфики данного жанра на примере курсовых и выпускных франкоязычных работ правовой специальности.

Правовой научный академический дискурс выбран нами в качестве материала еще и потому, что солидная лингводидактичская база (межкультурный, психолингвистический, собственно педагогический аспекты) для описания данного дискурсивного жанра уже заложена в недавно опубликованном исследовании Н.П. Хомяковой [1]. Опираясь на типологию академического эссе, предложенную ранее С.К. Восканян [2], исследователь вводит понятие профессионального эссе, которое объединяет оба вышеназванных типа письменного дискурса: dissertation juridique и mémoire de recherche en droit.

Причем «dissertation juridique» учащийся может выполнять уже на младших курсах университета и даже в специализированных старших классах средней школы. В таком случае, ему может соответствовать термин «реферат» или «сочинение на правовую тему». Тематика произведения носит не сугубо научный, а часто гуманитарный, общеобразовательный характер, тогда как mémoire de recherche en droit выполняется на старших курсах университетов и соответствует выпускной квалификационной работе (ВКР).

Жанр эссе в понимании вышеназванных исследователей наделен следующими признаками:

1. Его коммуникативная цель состоит в том, чтобы продемонстрировать компетентность автора по определенной проблеме.
2. Текст эссе создается на основе переработки ряда источников, то есть носит интертекстуальный характер и ориентирован на формулирование авторской позиции.
3. Эссе использует определенные лексико-грамматические средства, выбор которых обусловлен функциональной направленностью создаваемого произведения и его частей (повествование, сравнение, аргументирование и т. д.).

4. Эссе присуща композиционная схема академического произведения: введение, основная часть и заключение.

Можно ли утверждать, что профессиональное эссе является отдельным жанром в рамках научной коммуникации? По нашему мнению, да, поскольку оно обладает определяющими признаками жанра – устойчивостью, нормированностью, узуальностью, адресной направленностью: жанр воспринимается языковой общностью как готовый формат реализации определенной коммуникативной задачи в определенной ситуации общения [3, с. 62].

Важно подчеркнуть также, что тип или жанр дискурса могут быть описаны как «готовые» форматы реализации определенных целей и дискурсивных стратегий в определенных условиях. Таким форматом может «воспользоваться» говорящий. Владение дискурсивными жанрами данного языка входит в дискурсивную компетенцию говорящего на этом языке.

Каковы же стратегии научного дискурса? По мнению В.И. Карасика [4, с.276], «ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование) и сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины».

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения, 2) проанализировать историю вопроса, 3) сформулировать гипотезу и цель исследования, 4) обосновать выбор методов и материала исследования, 5) построить теоретическую модель предмета изучения, 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9) определить область практического приложения полученных результатов, 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой целевой аудитории.

Для научного академического дискурса (профессионального эссе) этот перечень следует уточнить с учетом статуса адресатов: ими выступают представители научного сообщества данного учебного заведения. Одновременно, по мнению Н.П. Хомяковой [1], мера ответственности за созданное научное произведение будет более ограниченной по сравнению, например, со статьей или монографией, поскольку его написание является обучающим. Все эти факты указывают на то, что профессиональное эссе призвано занять свою начальную нишу в иерархической лестнице жанров научного дискурса.

Попытаемся охарактеризовать жанр профессионального эссе с точки зрения его структуры[65].

Следует выделить три структурных уровня любого дискурса:

- суперструктуру дискурса в целом, которую образуют не только элементы его композиции - главы, разделы, абзацы, параграфы и т.п., но и стандартные дискурсивные формулы – обороты речи, свойственные общению в рамках данного жанра и выполняющие организующую функцию в дискурсе, например: «La problématique de la recherche s'articule autour…»;

- макроструктуру, обеспечивающую как единство и целостность дискурса, так и его иерархичность;

- локальную структуру (уровень предложения, или языковой уровень).

Суперструктура профессионального эссе консервативна и отражает весь комплекс названных выше стратегий.

Рассмотрим ее на примере более простого научного академического жанра dissertation juridique [5]:

1.Введение включает:

- цитата или ссылка на событие «на злобу дня» (accroche)
- определение темы (annonce du sujet)
- определение базовых терминов (définition des termes)
- исторический обзор (évolutions juridiques et historiques)
- актуальность работы (intérêt du sujet)
- проблематика исследования (problématique)
- характеристика используемых источников
- план исследования (annonce de plan)

2. Основная часть состоит из двух глав, причем каждая глава поделена на две части (два раздела):

глава 1 – А и Б

глава 2 – А и Б

В рекомендациях указывается, что по смыслу части А и Б внутри глав могут дополнять и развивать друг друга или, напротив, находиться в смысловых отношениях типа «тезис/антитезис»

3. Заключение с глобальными выводами в такой работе факультативно и часто отсутствует.

---

[65] Мы не останавливаемся в данной статье на подготовительных этапах к написанию профессионального эссе, которые ставят свои проблемы, связанные с восприятием и изучением авторитетных научных источников, их цитированием, перифразированием, реферированием. Эти вопросы могли бы послужить материалом отдельного лингвопрагматического исследования

Как правило, отсутствует и глубокая и детальная проработка серьезной профессиональной литературы: автор часто ограничивается несколькими источниками учебного и научного плана.

С точки зрения методологических задач и структуры, для старших курсов вузов в наибольшей степени подходит жанровая форма «mémoire de recherche en droit».

Для этого жанра предлагается следующая суперструктура [6]:

Введение:

– актуальность исследования

- объем исследования и история вопроса

- цели и задачи исследования

- методология исследования

Часть 1

Глава 1 Параграф 1

Параграф 2

Глава 2 Параграф 1

Параграф 2

Часть 2

Глава 1 Параграф 1

Параграф 2

Глава 2 Параграф 1

Параграф 2

Заключение и выводы

Библиография

Части 1 и 2 должны находиться в смысловой оппозиции: например, часть 1 указывает на вклад нового закона в юридическую практику, часть 2 – на оставшиеся пробелы и недостатки в законодательстве. Главы и параграфы обычно дополняют друг друга.

Выводы и заключение являются обязательными.

Для успешного написания такого профессионального эссе обязательно глубокое изучение правовой литературы и определение методологии исследования.

Как было указано выше, к суперструктуре дискурса мы относим и различного рода клише, свойственные данному жанру. Научный академический дискурс изобилует подобными клишированными формами. Приведем для примера лишь некоторые из них:

- La question se pose…
- Dans une approche concrète de la matière…
- Un examen passe nécessairement par…
- Il convient donc d’envisager successivement…
- Il est souvent énoncé que…

Построение макроструктуры дискурса осуществляется, чаще всего, на основе выявления его основных тем в их взаимосвязях. Этот термин

описывает явления, традиционно изучаемые отечественными и зарубежными исследователями как сверхфразовые единицы текста: сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое. Она соотносится с динамикой передачи информации, которая определяется, в первую очередь, аргументативно-логическим аспектом дискурса.

Макроструктурные особенности профессионального эссе еще недостаточно изучены, по крайней мере, на материале французского языка.

По мнению Н.П. Хомяковой [1, с. 38], профессиональное эссе, чья коммуникативная направленность состоит в информировании, разъяснении, комментировании при преимущественном аргументировании, правомерно квалифицировать как текст-рассуждение. Это комплексный дискурс, который вбирает в себя целый ряд функционально-семантических типов речи.

Французский исследователь Ж. Корню [7], со своей стороны, выделяет две важнейшие логико-коммуникативные операций, участвующие в юридическом рассуждении — аргументирование и толкование Первое имеет своей целью доказывание, убеждение адресата сообщения, второе понимается как выявление точного смысла определенных норм права, положений закона, представленных фактов. Подчиненными логико-коммуникативными операциями в процессе юридического рассуждения являются, по его мнению: сообщение, объяснение, дефиниция, сравнение, доказывание, убеждение, квалификация. Отрезок дискурса (компонент его макроструктуры) с доминированием одной из вышеназванных логико-аргументативных операций мы, вслед за Н.П. Хомяковой [1] рассматриваем как функционально-семантический тип речи.

Очевидно, на первый план в построении макроструктуры профессионального эссе выходят также средства связи, обеспечивающие когезию и когерентность. Продуктивно, на наш взгляд, не разграничивать эти два аспекта связанности речевого произведения, но говорить о реализации смысловых и прагматических связей через формально-языковые. Разумеется, можно поставить вопрос о существовании сугубо имплицитной когерентности вне средств когезии. Говорить об имплицитной когерентности имеет смысл в аспекте восприятия дискурса адресатом, когда смысловые дискурсивные связи устанавливаются «компетентным» читателем на основе анализа ситуации порождения дискурса и его собственного коммуникативного опыта. Хотя и в этом случае опора на формальные маркеры вряд ли исключается полностью.

Представим схематически основные средства дискурсивной когезии:

синтаксические связи на уровне сверхфразового единства: порядок слов, тип предикации – абсолютно причастные обороты и т.п., актуальное членение предложения, синтаксически неполные структуры;

аргументативно-логические связи на уровне сверхфразового единства и текста:

- собственно логические (причинно-следственные, условные и т.п.);

-хронологические (проспективные и ретроспективные), обеспечивающиеся видо-временными формами глагола и другими лексическими и грамматическими средствами;

- ограничительные (seul, seulement, ne…que);

- переформулирующие (перифрастические и неперифрастические), которые в основном реализуются коннекторами: autrement dit, en effet и т.д.;

- ранжирующие, также реализующиеся коннекторами: enfin, pour commencer, premièrement;

семантические связи на уровне сверхфразового единства и текста:

- референциальные (анафора и другие виды кореференции);

- тематические, обеспечивающиеся специальными коннекторами (à propos de, quant à);

- изотопия, или избыточность – синонимия, полный или частичный повтор, вплоть до самых общих ассоциативных отношений;

собственно прагматические (субъективные) дискурсивные связи обеспечивающиеся:

- дейксисом (celui-ci, et là);

- различными формами «прямого» обращения к адресату сообщения: nous vous rappelons que…, n'oubliez pas que… [3, c.82].

Важную роль в макроструктуре дискурса играет также позиция tuj fdnjhf, которая проявляется в дейксисе и способах передачи чужого слова (цитация, косвенная и прямая речь).

Рассмотрим макроструктуру типового произведения “dissertation en droit” на конкретном примере Приложения 1 [8, p.92-97]. Эссе называется “La propriété du dessus”.

Его вводная часть включает четыре абзаца.

В первом автор выдвигает основной тезис исследования: Aujourd’hui tout le monde a conscience que l’importance de la propriété du sol tient à la maîtrise de ce qui est “au dessus” - … значимость собственности на землю объясняется возможностью распоряжаться тем, что находится на этой земле. Интересно, что этот тезис представлен в форме вывода из предшествующих наблюдений автора над современной ситуацией (функционально-семантический тип сообщения-énoncé).

В следующем абзаце определяется термин “propriété du dessus - ”, представленный в гражданском кодексе, а также дается историческое объяснение статьи 552 гражданского кодекса “la propriété du sol emporte la propriété du dessus - право собственности на землю преобладает над правом на находящиеся на ней объекты“ (функционально-семантический тип – объяснение).

Основной тезис третьего абзаца таков: экономическая и социальная эволюция ставит под сомнение актуальность вышеназванной статьи гражданского кодекса (функционально-семантический тип – аргументирование).

Последний абзац вводится коннектором противопоставления pourtant, указывающим на противопоставление реального положения дел и неизменности (стабильности, устаревания) статьи гражданского кодекса. Далее автор через риторический вопрос “Est-ce à dire que le droit n’a pas su s’adapter aux circonstances?” привлекает внимание читателя к тому факту, что реальная ситуация может оказаться более сложной и заслуживает, таким образом, более детального исследования (функционально-семантический тип - рассуждение). Таким образом определяется цель исследования – подтвердить гипотезу о диалектическом единстве законодательного положения о преобладании собственности на землю над собственностью на находящиеся на ней объекты - и все более явной тенденцией принадлежности того и другого разным собственникам.

Раздел 1 показывает на конкретных примерах, каким образом трактуется и применяется на практике статья о преобладающем праве на землю в случаях ее застройки самим владельцем земли (A) и иным лицом (B). Семь абзацев раздела 1 включают как сообщение, так и рассуждение с элементами толкования. Последний восьмой абзац вводится коннектором en définitive и содержит вывод о том, что рассматриваемая правовая норма на практике применяется довольно гибко и лишена догматизма.

Раздел 2 показывает, как применяется рассматриваемая правовая норма в случае изначальной принадлежности земли и сооружений на ней разным собственникам. Пять абзацев также включают как сообщение, так и рассуждение с элементами толкования. Последний абзац, содержащий логический коннектор au fond, утверждает, что «в техническом плане» практика применения рассматриваемой нормы довольно разнообразна, что не нарушает, однако, духа закона, а поэтому не следует считать эту норму абсолютно устаревшей.

Формально, раздел вывода в профессиональном эссе - dissertation отсутствует.

Тексты эссе «скреплены» прагматическими коннекторами различной морфологической природы даже в большей степени, чем тексты собственно научные. На страницах анализируемых образцов мы обнаружили следующие коннекторы: toujours est-il que, de surcroît, en effet, en définitive, cependant, d’ailleurs, ainsi, pourtant, d’autant plus que, d’une part-d’autre part, aussi. Наиболее употребительные из них (en effet, cependant, d’ailleurs, ainsi) повторялись неоднократно.

Таким образом, макроструктура данного профессионального эссе строго реализует предложенный ваше план, то есть соответствует суперструктуре.

Перейдем к собственно языковой структуре профессионального эссе юридической тематики. Во многом она повторяет языковые особенности жанра юридической научной работы в целом [9].

Оговоримся также, что существенных различий на языковом уровне между упрощенным типом dissertation и более сложным типом mémoire en droit мы не отметили. Более существенны в этом аспекте индивидуальные авторские отличия.

В обоих случаях можно наблюдать «стирание» прагматической позиции автора, который стремится вести повествование «обезличенно». Этому служат безличные глаголы и глагольные конструкции:

- Il est fort malaisé d'en donner une définition satisfaisante [8, p.82]
- Il en est ainsi lorsque l'on peut déceler chez l'auteur de la rupture une intension de nuire [8, p.90].

Также типичны утверждения от неопределенного лица или множественного числа первого лица вместо единственного(именно форма «мы» доминирует в русском научном дискурсе) :

On remarquera, à cet égard, le parallélisme qui peut être établi avec les solutions données par les tribunaux dans le cas de rupture des fiançailles [8, p.90]

- Comme nous pouvons le constater ci-dessous, il est vrai que le pétrole et le gaz russes représentent actuellement une part non négligeable des importations en énergie de l'Union Européenne [10, p.4]

Близким по функции является употребление пассивной формы, частотность которой выше, чем в произведениях других жанров:

- La plupart des pipelines venant de Russie sont orientés vers l"Union Européenne [10, p.6].

Типично также употребление условного наклонение в специфическом модальном значении (conditionnel de presse, ou conditionnel hypothétique), указывающее на нежелание автора гарантировать истинность собственного суждения, стремление, напротив, подчеркнуть его гипотетичность. Гипотетичность суждений в научном дискурсе представляется очевидной:

- Selon l'AIE, la demande européenne de gaz devrait augmenter de 50% d'ici 2020 [10, p.6]

Кроме того, локальная структура профессионального эссе, как нам представляется, сформировалась как результат компромисса между выбором в пользу усложненного синтаксиса собственно научной публикации и аргументативной экспрессивности «школьного» сочинения.

С одной стороны, анализируемые тексты богаты свернутыми предикативными структурами, часто обособленными (причастные, деепричастные обороты, номинативные конструкции):

- Mais, s'agissant de vanter un produit, l'atteinte au droit à l'image n'a pu bénéficier d'aucun fait justificatif [8, p.84].

С другой стороны, тексты студенческих профессиональных эссе в большей степени, чем тексты собственного научных публикаций содержат примеры экспрессивного синтаксиса. Следует отметить:

- стилистическую инверсию:

Ainsi, a été sanctionnée l'utilisation de la photocopie… [8, 83].

- презентативные конструкции, представляющие собой средства оформления ремы:

C'est à partir de ce schema qu'était attendu du jeu de l'autonomie de la volonté un bon équilibre des relations contractuelles [8ё, p. 88].

- риторические вопросы:

Est-ce à dire que ce qui semblait un acquis de l'humanisme n'est qu'illusion? [8, p. 82].

Разумеется, жанры научного дискурса нельзя назвать метафоричными, но отдельные авторские метафоры в них встречаются, добавляя в тексты экспрессию.

La personnalité humaine, du moins sous certains de ses aspects, "vaut de l'argent" [8, p. 82].

Причем профессиональное эссе обладает несколько большей выразительностью на уровне синтаксиса, чем собственно научная статья или монография: в нем присутствует больше средств эмфазы. Это особенно заметно в «юридических сочинениях - dissertation juridique. Можно утверждать, что воздействие на читателя профессионального эссе достигается иногда через экспрессию, тогда как автор диссертации или монографии доказывает свою точку зрения через факты и их логичное, последовательное изложение.

Образцы профессионального эссе несколько меньше насыщены узкоспециальной юридической терминологией. Это вполне объяснимо, если рассматривать написание профессионального эссе как подготовку к строго научной работе.

В образцах профессионального эссе мы также наблюдаем большое количество и разнообразие коннекторов и иных элементов формальной связи смысловых блоков, тогда как, например, в диссертациях (thèse) сама структура более жестко регламентирована, и смысловая когерентность здесь усиливается не за счет формальной связи частей, а за счет предсказуемости следующего структурного элемента.

Итак, профессиональное эссе – это комплексное речевое произведение со своими жанровыми параметрами. Оно реализует исследовательскую цель путем доказывания идеи-гипотезы и вербализации нового знания. Его характеризует интертекстуальность, - опора на источники соответствующей тематики – статьи, монографии, диссертации. Оно ограничено по объему и обладает определенной композицией, макро- и микроструктурой. В нем четко выражена

направленность на адресата- преподавателя, который знакомится с научным студенческим произведением и дает ему оценку.

Подчеркнем в итога, что мы можем рассматривать научный дискурс как континуум, внутри которого располагается несколько жанров, Практикуясь в написании профессионального эссе, создавая произведения научно-академического жанра, учащийся постепенно приобретает навык составления фундаментальных произведений научного жанра – статей, диссертаций, монографий и т.п.

Список литературы

1. Хомякова Н.П. Профессиональное эссе как одна из базовых технологий формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-нефилологов// Ежегодный сборник статей преподавателей иностранных языков ВАВТ. Выпуск 2. - М.: Изд-во 2020. С. 37 – 52.
2. Восканян С.К. Эссе как жанр письменной речи: цели и задачи // Вестник моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - М., 2018, №2. С. 95 – 102.
3. Туницкая Е.Л. Перефразирование в лингвопрагматическом аспекте на материале французского дискурса : дис. … докт. филолог. наук: 10.02.05 –романские языки. - Москва, 2010. 292 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004, 390 с.
5. La dissertation juridique: méthode. Режим доступа: https://www.doc-du-juriste.com/blog/conseils-juridiques/dissertation-juridique-méthode-08-03-2017/
6. Comment rédiger un mémoire de droit? Режим доступа: https://www.corep.fr/le-guide-dumemoire/les-types-de/memoire/memoire-dedroit/
7. Cornu G. Linguistique juridique – P.: Montchrestien, 2005, 437 p.
8. Goubeaux G., Bihr Ph. Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d'arrêt. – P.: L G D J, 2001, 269 p.
9. Кожемякина В.А. Язык и стиль французских официально-деловых документов. – М.: МГИМО, 1987, 78 с.
10. Genina A. Le rôle du traité sur la Charte de l'énergie dans le dialogue énergetique entre l'Union europeenne et la Fédération de Russie. Memoire de recherche en droit. M.: College univeritaire français de Moscou, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Dissertation

La propriété du dessus

L'espace est rare. Les concentratios urbaines ont amené à utiliser chaque parcelle du terrain pour y édifier des bâtiments toujours plus hauts. En réaction, des préoccupations écologiques, le souci de maintenir une certaine qualité de la vie, ont donné le prix à la sauvegarde de surfaces échappant à l'implantation du fer et du béton. Aujourd'hui, tout le monde a conscience que l'importance de la propriété du sol tient à la maîtrise de ce qui est "au-dessus".

L'expression " est propriété du dessus" est employee par l'article 552 du Code civil….Dans une France principalement rurale, il n'y avait pas de grandes différences de valeur entre la terre portant les récoltes et celle qui supportait des maisons. Magnifiée par l'idéologie révolutionnaire, la propriété privée inspirée du droit romain ne souffrait pas de partage et pouvait être présentée comme "le droit le plus absolu". Dans ces conditions, il paraissait sans doute naturel d'énoncer à l'article 552: "la propriété du sol emporte la propriété du dessus".

L'évoltion économique et sociale a remis en cause, pratiquement sur tous les points, les fondements du système établi par le Code civil en ce domaine. L'avantage considérable que représente la propriété "du dessus" a semblé parfois injuste. Les besoins de la collectivité se sont fait pressants et se sont heurtés à la quasi-souveraineté du propriétaire du sol. En même temps, est apparu l'intérêt qu'il pouvait y avoir pour les particuliers à "démultiplier" les prérogatives que confère la propriété d'un terrain, en répartissant entre des personnes différentes les droits sur le sol et sur tout ou partie du "dessus".

Pourtant, les textes du Code civil sont demeurés inchangés. Est-ce à dire que le droit n'a pas su s'adapter aux circonstances? Ce serait sans doute excessif. Les dispositions de la loi civile sont, en cette matière, assez largement empreintes de progmatisme, de sorte que qu'il est possible de les appliquer dans un esprit quelque peu différent de celui qui dominait au XIXe siècle. D'autant plus que, dès l'origine, il a été possible de déroger au principe et de dissocier la propriété du sol et celle du "dessus", afin de les attribuer à des maîtres différents. Rare autrefois, cette division est vue aujourd'hui avec un intérêt accru et il peut y avoir là, en germe, un nouvel équilibre du système. La stabilité des textes n'est donc pas signe d'immobilisme. On s'en aperçoit lorsqu'on envisage, d'une part, le principe, volontiers tempéré dans son application, selon lequel la propriété du sol emporte la propriété du "dessus", et, d'autre part, la distinction, encore peu fréquente mais riche d'avenir, de la propriété du sol et celle du "dessus".

I. LA PROPIETE DU SOL EMPORTE LA PROPRIETE DU DESSUS

Le Code civil ne se borne pas à énoncer le principe. Il en donne des applications concrètes. C'est à partir de là qu'il est possible de mesurer la portée, en droit positif, d'une formule dont la concision exclut les nuances. A cet égard, il faut distinguer l'utilisation du "dessus" décidée par le propriétaire du sol lui-même et le cas des ouvrages édifiés sur un terrain par des tiers.

A. CONSTRUCTIONS ET PLANTATIONS PAR LE PROPRIETAIRE DU SOL

... l'article 553 décide que "toutes constructions, plantations et ouvrages sur un terrain…sont présumés faits par le propriétaire à ses frais et lui appartenir, si le contraire n'est pas prouvé"; quant à l'article 554, il oblige le propriétaire d'un terrain qui a utilisé, pour construire, des matériaux ne lui appartenant pas, à les payer, mais interdit de faire démolir la construction qui appartient au propriétaire du sol.

Cet ensemble de dispositions peut accréditer l'idée que la propriété du sol comprend celle de l'espace situé au dessus du terrain, jusqu'à l'infini, si bien que tout ce qui serait placé dans cet espace serait en quelque sorte absorbé par la propriété du sol. En réalité, cette conception n'est pas admise en droit positif. L'article 552 du Code civil est, selon l'interprétation dominante, moins conçu comme définissant l'objet de la propriété que comme explicitant les pouvoirs du proprétaire: maître du sol, il a le droit d'y construire et planter. La propriété du "dessus" dont il est question et donc la propriété des bâtiments et les végétaux, non celle de l'air et de l'espace. Mais il est vrai qu'en principe, le propriétaire du sol est seul à avoir le droit d'utiliser le terrain pour y implanter des ouvrages; d'où la présumption de l'article 553, qui d'ailleurs cède devant la preuve contraire. L'article 554, de son côté, règle une question pratique dans un souci d'économie inspiré par le bon sens.

Il résulte d'une telle analyse que le proprétaire d'un terrain ne saurait s'opposer au survol de son bien par des aéronefs: il n'y a pas atteinte à son droit….Il y a plus. Le droit de construire reconnu en principe au propriétaire du sol par l'acticle 552 est désormais étroitement encadré par la réglementation de l'urbanisme… Il n'y a pas expropriation, mais selon une méthode devenue familière, entrave à l'exercice du droit.

Ainsi se trouve ramenée à des proportions relativement modestes la souveraineté du propriétaire du sol. Cet affaiblissemet relatif de sa situation est principalement provoqué par des besoins croissants de la collectivité. Entre l'intérêt général et l'intérêt individual, le combat est évidemment inégal. Il n'en est pas de même quand le propriétaire du sol s'oppose à un autre particulier. Tel est le cas du conflit qui apparaît en cas de costructions et de plantations effectuées par un tiers, qui se résout au profit du maître du terrain.

B. CONSTRUCTIONS ET PLANTATIONS PAR UN TIERS

… la propriété du sol emporte la propriété du dessus. Les constructios appartiennent au propriétaire du terrain, qui doit indemniser le constructeur pour cet accroissement de son bien. Du moins en est-il toujours ainsi lorsque le constructeur était de bonne foi. Si, au contraire, le constructeur savait que le terrain ne lui appartenait pas lorsqu'il a bâti, le propriétaire du sol bénéficie d'une option: il peut, à son choix, conserver la construction en indemnisant le constructeur, ou exiger la démolition de l'édifice aux frais du constructeur.

Ce système a bien pour effet de laisser le propriétaire du sol maître du "dessus": ou bien la construction édifiée contre son gré est enlevée, ou bien, s'il ne peut ou ne veut pas la faire démolir, elle lui appartient. Il faut cependant

observer qu'ici encore l'idée d'une absorption automatique par la propriété du sol serait excessive. Deux traits le montrent clairement. D'une part, selon la jurisprudence, l'article 555 ne s'applique qu'au cas de construction entièrement édifiée sur le terrain d'autrui et au cas d'empiétement partiel. Dans cette dernière hypothèse, loin d'acquérir la propriété de la partie d'ouvrage implantée chez lui, le propriétaire victime d'empiétement peut seulement recouvrer la pleine juissance de son fonds en faisant démolir la portion d'ouvrage établie sur son terrain. D'autre part, quand il est fait application de l'article 555 au constructeur de mauvaise foi, c'est seulemet au moment où il a opté pour la conservation de la construction que le propriétaire du sol acquiert l'ouvrage…

En définitive, la formule "la propriété du sol emporte la propriété du dessus" ne doit pas être comprise, en droit positif, de façon dogmatique. Il s'agit seulement d'un ensemble de solutions, parfois nuancées dominées par des considérations tout à fait pragmatiques. Aussi n'est-il pas contradictoire d'admettre qu'en certains cas la propriété du "dessus" puisse être distincte de celle du sol.

II. LA DISTINCTION ENTRE LA PROPRIETE DU SOL ET CELLE DU "DESSUS"

Attribuer le sol, d'une part, et le "dessus" d'autre part à des propriétaires différents n'est nullement incompatible avec les dispositions du Code civil. La preuve en est que le jeu de l'article 555 aboutit, selon l'interprétation jurisprudentielle du texte, à ce résultat jusqu'à ce que le propriétaire du sol évince le constructeur. Une telle distinction peut également être établie conventionnellement. L'hypothèse a cependant longtemps paru assez exceptionnelle pour être, en pratque, seulement temporaire…

A. LA DISTINCTION TEMPORAIRE

Le propriétaire du sol, qui n'a pas personnellement les moyens nécessaire pour en tirer parti en utilisant le "dessus", peur concéder à un tiers le droit de planter ou de construire. Le bénéficiaire aura la propriété des plantations ou constructions, tandis que le concédant conserve la propriété du sol. Propriété sans possibilité d'exercice effectif, puisque privée des droits sur le "dessus", mais qui, à terme , reprendra toute son ampleur. En effet, la distinction de la propriété du sol et de celle des plantations et ouvrages est temporaire. A la date d'expiration du contrat, l'ensemble revient au propriétaire du terrain, au profit duquel se constitue l'unité de la propriété du sol et du "dessus".

Ce schéma décrit une convention connue depuis l'Antiquité: le bail emphytéotique. Ce Code rural a accueilli la réglementation de ce contrat, qui convient particulièrement à la mise en valeur de terres à défricher: la redevance due par l'emphytéote au propriétaire du sol est faible; le contrat, de longue durée, laisse à l'exploitant la possibilité de profiter de ses investissements; à l'échéance, le propriétaire du sol récupère un fonds en état de produire.

Le législateur s'est efforcé de ranimer le mécinsme quelque peu désuet de l'emphytéose, en l'adaptant en matière urbaine. C'est ainsi qu'a été organisé le

bail à construction, destiné à lutter contre l'accroissement du coût des terrains à bâtir…

Un objectif analogue peut d'ailleurs être atteint avec une autre technique: au lieu de limiter dans le temps les droits cédés sur le "dessus", il est possible de les limiter dans l'espace.

B. LA DISTINCTION DEFINITIVE

Encore peu fréquente dans ses applications, la division de la propriété en volumes cessibles déroge au principe faisant dépendre la propriété du dessus de celle du sol. Cette méthode, qui convient surtout à de vastes ensembles immobiliers, consiste à définir la propriété immobilière non plus à partir de la seule surface du sol, mais dans les trois dimensions de l'espace…

… la méthode est certes fort éloignée de l'interprétation devenue traditionnelle de l'article 552 du Code civil. Mais l'opposition n'est que technique. Au fond, le but ne change guère: obtenir une utilisation satisfaisante de l'espace.

СЕКЦИЯ V.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 821.133.1.05

Е.И. Бойчук
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

СПЕЦИФИКА РИТМА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ж. ЛЕГАРДИНЬЕ, М. ЛЕВИ, Г. МЮССО)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-07-00243

Аннотация. В статье представлены результаты исследования ритмической структуры произведений трех современных французских писателей с точки зрения реализации в текстах ритмических средств на лексико-грамматическом уровне, в частности с точки зрения употребления таких типов повторов, как анафора, эпифора, симплока, анадиплозис, эпизевксис, диакопа, эпаналепсис, полисиндетон. Анализ осуществлялся с опорой на инструмент PRD (ProseRythmDetector), позволяющий автоматически обнаруживать указанные средства в тексте и осуществлять их количественный подсчет.

Ключевые слова: ритм текста, современная французская проза, ритмические средства, повтор

E.I. Boychuk
YSPU named after K.D. Ushinsky

SPECIFICITY OF THYTHM IN MODERN FRENCH PROSE (BASED ON THE NOVELS WRITTEN BY G.LEGARDINIER, M. LÉVY, G. MUSSO)

Abstract. The paper presents the results of a study of the rhythmic structure in works of three modern French writers. It was done from the point of view of the implementation of rhythmic figures of speech in the texts at the lexical and grammatical level, in particular from the point of view of the use of such types of repetitions as anaphora, epiphora, simploce, anadiplosis, epizeuxis,

diacope, epanalepsis and polysyndeton . The analysis was based on the PRD tool (ProseRythmDetector), which allows to detect automatically these figures of speech in the text and quantify them.

Keywords: rhythm of the text, modern French prose, rhythmic figures of speech, repetition

Современная французская литература, переживая период формирования новой эстетики, отличающейся настойчивым проникновением других культур, их традиций и жанров, не пытается устоять перед влиянием процессов глобализации, она с жадностью впитывает и принимает транскультурную специфику, примеряя на себя новые образы, активизируя процессы, направленные на образование новых форм романного мышления, на изменение его структуры.

Литература последних двадцати лет еще не достаточно основательно изучена и еще недостаточно показательными являются проведенные исследования для того, чтобы судить о том, какова она, французская литература XXI века и сравнивать ее с предыдущими столетиями. Мы можем лишь изучить тенденции, которые направляют сегодняшнюю прозу в новое русло.

Согласно Э.Н. Шевяковой литература начала XXI века (2000-2009гг.) «характеризуется преобладанием лиризма, музыкальности, поэтичности» [14]. Однако мы позволим себе не согласиться с этим утверждением, поскольку наметившиеся тенденции, в которых господствуют идеи «формализма» (формальный подход к структуре текста), «нигилизма» (в котором разрушение и насилие составляют суть человеческого бытия) и солипсизма (нарциссическое отношение к своему «Я»), не способствуют общему восприятию современной французской литературы как лирической [21].

В настоящее время авторы ищут новые формы, именно на них сконцентрирован поиск индивидуального стиля. Богатство языка, размышления автора, душевные переживания героев и красочные описания, отходят на второй план. Возникают новые романные модификации, появляются новые сложно-структурные образования - «сверхсовременная литература» (extrême contemporaine): «роман-эссе, роман-метафора, кино-роман, роман-трагифарс, роман-калейдоскоп, роман-крик», «лирико-философская сказка как фрагментарная романная структура, моделирующая единство множественного; роман - романтическая опера - музыкальная драма; романная форма, становящаяся словесным эквивалентом свободной джазовой импровизации и т.д.» [14].

Проза часто ориентирована на восприятие человека не как сильной личности, противостоящей действительности, защищающей свои интересы, погружающейся в свои чувства, рефлексирующей и работающей над собой, а как элемента агрессивной действительности, которая

поглощает и высасывает все его силы. Человека, который уже не способен справиться ни с собой, ни с ситуацией, иногда пессимистичного, смирившегося с той формой бытия, которая сама его выбирает.

Безусловно, довольно интересным является аспект изучения современной французской романной прозы, раскрывающий ее языковую специфику не только с точки зрения констатации определенных языковых изменений, но и с точки зрения эволюции романной прозы как таковой, эволюции индивидуального авторского стиля. Существует множество отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению языковой и образной, структурно-композиционной и интертекстуальной специфики стиля того или иного автора на материале конкретных произведений (В.В. Леденёва, 2000 [9]; Н.С. Ю.В. Каменская, 2001 [6]; Н.М. Калашникова, 2004 [5]; Н.В. Колесова, 2005 [8]; О.В. Карелова, 2006 [7]; А.И. Грищенко, 2008 [4]; И.А. Горчакова, 2009 [3]; В.В. Воскобойников, 2013 [2]; С.А. Сафонкина, 2015 [12]; Е.С. Медведкова, 2016 [11]; К.С. Чугунова, 2017 [13]; J. Lambilliotte, 2002 [17]; A. Rabatel, 2005 [20]; H. Drissi, 2008 [15]; G. Hanser, 2012 [16]; A. N'Guessan Alice Yao, 2016 [18]; A. Tromp, 2016 [22]; C. Pajona, 2019 [19] и многие другие). Однако разрозненные исследования необходимо структурировать, а полученные выводы привести к общему знаменателю для того, чтобы иметь целостное представление об основных тенденциях в литературе XXI в.

Идиолект автора является основополагающим понятием, базой, на которой строится идейный и структурный каркас произведения. Язык современных авторов также претерпевает изменения, ориентируясь на все более активное использование коротких предложений, часто нераспространенных простых или сложных. Эффект обрывочного сознания достигается через хаотичное представление примитивного потока сознания [10], простейших повторов и простой констатации фактов, описания простой последовательности действий персонажей (фр. récit).

Целью нашего исследования явилась попытка описать ритмическую структуру некоторых современных французских романов с точки зрения реализации в них лексико-грамматических ритмических средств, основная часть которых представлена стилистическими средствами, включающими в свою структуру повтор. Как было отмечено выше, употребление простых повторов является одной из черт современной прозы, в процессе ритмизации также происходят свои изменения, ритм эволюционирует вместе с авторским стилем.

Исследования, проведенные ранее [1], позволили прийти к предположению о смене ритмической парадигмы, в частности о существовании нисходящей тенденции с точки зрения ритма в эволюции романного жанра в современной литературе. Это, прежде всего, обусловлено снижением по сравнению с XIX веком частотности

употребления таких ритмических средств, как анафора, эпифора, симплока, эпаналепсис, полисиндетон, исчезновением рифмованных окончаний, редким употреблением аллитерации и ассонанса. При этом, такие простые повторы, как диакопа, эпизевксис, анадиплозис довольно распространены.

Для анализа ритмической структуры современных текстов были отобраны романы следующих авторов:

G. Legardinier (L'Exil des anges, 2009; Ça peut pas rater ! 2014 ; Et soudain tout change, 2013; Nous étions les hommes, 2014 ; Quelqu'un pour qui trembler, 2015 ; Le premier miracle, 2016; Demain j'arrête, 2017 ; Une fois dans ma vie, 2017);

M. Lévy (Et si c'était vrai, 2000;Vous revoir, 2005 ; Le premier jour, 2009 ; La Première nuit, 2009 ; Les enfants de la liberté, 2007 ; Le voleur d'ombres, 2010 ; Si c'était à refaire, 2012 ; Un sentiment plus fort que la peur, 2013) ;

G. Musso (7 ans après, 2012; Demain, 2013; Et après, 2004 ; Je reviens te chercher, 2008 ; La fille de papier, 2010 ; Que serai-je sans toi ? 2009 ; Sauve-moi, 2005 ; Seras-tu là ? 2006).

Выбор авторов и произведений случаен. Главной нашей целью был не анализ творчества конкретного писателя, а получение результатов автоматизированной количественной обработки данных по ритмическим показателям. Для осуществления автоматизированного поиска перечисленных выше средств нами было использовано приложение PRD (ProseRythmDetector), разработанное автором статьи совместно с коллегами из ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Приложение сертифицировано, получено свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ.

В качестве ритмических средств, участвующих в исследовании, выступают **анафора, эпифора, симплока, эпаналепсис, диакопа, анадиплозис, эпизевксис и полисиндетон**. Инструмент позволяет находить данные средства в тексте, представлять количественный анализ и осуществлять статистический анализ по эпохам. Результаты количественной обработки средств по произведениям отражены в таблице 1.

Таблица 1. Ритмические средства современных французских авторов

автор, произведение/ средство	анафора	эпифора	симплока	эпизевксис	анадиплозис	диакопа	эпаналепсис	полисиндетон
G. Legardinier								
L'Exil des anges	18	32	0	6	3	230	2	20
Ça peut pas rater !	14	34	0	7	1	312	0	11
Et soudain tout change	18	54	1	5	2	365	0	23
Nous étions les hommes	15	21	1	4	3	210	1	21
Quelqu'un pour qui trembler	13	26	0	8	6	243	1	13
Le premier miracle	24	33	1	8	3	267	1	15
Demain j'arrête	11	12	0	6	3	211	0	16
Une fois dans ma vie	12	35	0	5	2	322	0	12
Всего:	**125**	**247**	**3**	**39**	**23**	**2160**	**5**	**132**
M. Levy								
Et si c'était vrai	4	22	0	3	0	287	0	14
Vous revoir	1	12	0	4	0	114	1	11
Le Premier jour	14	24	0	2	2	123	0	5
La Première nuit	7	30	0	12	3	145	0	12
Les enfants de la liberté	14	9	0	10	7	321	1	17
Le voleur d'ombres	3	9	0	2	2	232	0	11
Si c'était à refaire	8	27	0	3	7	276	0	10
Un sentiment plus fort que la peur	6	26	0	3	3	172	1	12
Всего:	**54**	**159**	**0**	**39**	**24**	**1670**	**3**	**92**

G. Musso								
7 ans après	5	12	0	7	1	50	0	6
Demain	11	13	0	12	1	156	1	8
Et après	11	12	0	7	2	151	1	4
Je reviens te chercher	22	21	1	6	5	154	1	9
La fille de papier	8	21	0	8	3	121	1	4
Que serai-je sans toi ?	19	23	0	5	4	187	1	12
Sauve-moi	6	12	0	10	1	112	0	8
Seras-tu là ?	12	13	0	1	4	114	1	7
Всего:	**94**	**127**	**1**	**56**	**21**	**1045**	**6**	**62**

Очевидным является преобладание диакопы, как свободного повтора слова через определенные промежутки текста (в рамках одного предложения). Ввиду того, что повтор практически не ограничен позицией, мы наблюдаем наиболее частое его проявление в исследуемых текстах. Кроме того, наблюдается общая тенденция к такой расстановке средств по количеству в совокупности произведений одного автора (в порядке убывания): *диакопа, эпифора, полисиндетон, анафора, эпизевксис, анадиплозис, эпаналепсис, симплока*.

Для того, чтобы определить, является ли это тенденцией, характеризующей литературу XXI века или только лишь язык данных авторов, необходимо изучить достаточное количество текстов с той же целью, выявить наиболее частотные ритмические средства и определить специфику их употребления.

Поиск *диакопы* осуществляется инструментом в рамках одного предложения. Это позволяет «услышать» повтор, поскольку рассредоточение повторяющихся элементов в абзаце или в нескольких предложениях делает этот повтор незаметным, невоспринимаемым:

*Le soleil était **loin** d'avoir atteint son zénith, et ma punition **loin** d'être achevée. (M. Lévy "Le voleur d'ombres")*

*- C'est vrai, admit April, mais je pense que, d'une certaine façon, tu te complais dans la **douleur** et que tu l'entretiens, car ta **douleur** est le dernier lien qui te rattache encore à Kate et… (G. Musso "Demain")*

*En **bruit** de fond, on pouvait entendre des éclats de voix et des cris d'encouragement qui venaient de la fenêtre: sans doute le **bruit** des gosses jouant au basket sur le bitumen (G.Musso "Et après")*

Употребление данного средства в тексте позволяет возвратиться к определенной мысли, к образу или идее. Диакопа в большей степени проявляется в однократном повторе основного элемента. Это не позволяет

тексту звучать навязчиво, но в то же время читатель улавливает то или иное ощущение, чувство, которое хочет передать автор.

Анафорический повтор в исследуемых текстах употребляется чаще в предложениях, где повторяется уже сказанное персонажем, чаще это реплики героев. Такой тип повтора в некотором роде схож с мимезисом:

- *À tes souhaits, mon* ***bébé.***

- Je suis plus un ***bébé*** *(G. Musso "Demain")*

- Ça vous arrive d'écouter ***de la vraie musique?***

- C'est quoi pour vous, ***de la «vraie musique»*** *(G.Musso "La fille de papier")*

Это средство выразительности за редким исключением передает авторские мысли, рассуждения, и совсем не встречается в повествовании или описании.

Что касается *полисиндетона*, то его довольно частое употребление характеризует современный стиль с той позиции, что многие произведения передают лишь некоторую последовательность действий, оставляя читателя без той мыслительной работы, к которой приучали нас авторы-классики. Рассуждения о смысле жизни, о чести, доблести, правде и любви, вероятно, утомляют современного читателя, поэтому проще описать последовательность действий героя, сопровождающуюся определенными его переживаниями:

Il suffit de rencontrer une Cléa ***pour que*** *plus aucun matin ne soit le même,* ***pour que*** *plus rien ne soit comme avant,* ***pour que*** *la solitude s'efface. (M. Lévy "Le voleur d'ombres")*

Ça fait six jours ***que*** *je ne dors pas,* ***que*** *je passe mes journées à te guetter,* ***que*** *je frôle ta porte. (G. Legardinier "Demain j'arrête")*

Наиболее частотным союзом, безусловно, является союз *que*, однако в некоторых случаях инструменту сложно определить, является повтор союза полисиндетоном или нет. В этом случае решение принимает исследователь. Это обусловлено сложностью идентификации инструментом однородных придаточных предложений и разграничения однородных предложений и придаточных, относящихся к разным антецедентам:

*- Écoute-moi bien, grande girafe ! (Si j'arrive un jour au bureau avec la tête d'un type) ((qui est resté coincé sur un escalier roulant pendant un mois)), (****que*** *je repars en colère ((alors que je ne perds jamais mon calme)), (****que*** *de la fenêtre tu me vois marcher sur le trottoir le bras en l'air à quatre-vingt-dix degrés à l'horizontale, puis ouvrir la portière de ma voiture à un passage) ((qui n'existe pas)), (****que*** *non content de l'effet provoqué je continue à parler en gesticulant dans la voiture), ((comme si je parlais à quelqu'un)), ((mais qu'il n'y a personne, vraiment personne)), et (****que*** *pour seule explication je te dis) ((****que*** *je viens de rencontrer un fantôme)),[j'espère] (****que*** *tu seras aussi inquiet pour moi) ((****que*** *je le suis pour toi en ce moment)). (M. Lévy "Et si c'était vrai").*

В приведенном примере к полисиндетону можно отнести только союзы, вводящие подчеркнутые однородные придаточные предложения. Остальные формы, находясь в постпозиции по отношению к главному предложению, хоть и вводятся союзом *que*, уже не включаются в эту последовательность.

Наиболее распространенным типом *анафоры* является местоименная анафора, это обусловлено спецификой грамматической структуры французского предложения. Однако в исследуемых текстах нередкими являются примеры, в которых в качестве повторяющегося элемента выступают имена собственные, вопросительные слова и синтаксические конструкции, которые состоят из подлежащего и части сказуемого (вспомогательного глагола при составном именном или глагольном сказуемом). При этом наблюдается не более 4-5 повторов в разных предложениях и редко в составе одного сложносочиненного предложения:

J'aurais dû *deviner la supercherie, il n'y avait ni adresse, ni timbre.* ***J'aurais dû*** *me douter que mon père nous quitterait un jour. (M. Lévy "Le voleur d'ombres")*

Pourquoi *s'était-il vu infliger ces «retrouvailles» avec son ex-femme?* ***Pourquoi*** *son fils enchaînait-il connerie sur connerie?* ***Pourquoi*** *sa fille de quinze ans se mettait-elle en tête de coucher avec des garçons?* ***Pourquoi*** *sa situation professionnelle menaçait-elle de s'effondrer (G. Musso "7 ans après")*

MOSCOU *raccrocha et héla son chauffeur, la voiture arriva à sa hauteur, le garde du corps descendit lui ouvrir la portière.* ***MOSCOU*** *s'installa à l'arrière du véhicule qui repartit à vive allure.(M. Lévy "La dernière nuit ")*

В качестве *эпизевксиса* рассматривается повтор элементов в контактной позиции. Положение внутри предложения не оговаривается, однако в этом случае встает проблема разграничения эпизевксиса и анадиплозиса, для которого определены условия повтора на стыке частей предложения. В большей степени эпизевксис проявляется в начале предложения, повторяющиеся лексемы при этом чаще выражены либо глаголом в форме повелительного наклонения, либо существительным:

«***Merde, merde*** *!» Frank le saisit par les épaules et le serra fortement (M. Lévy "Et si c'était vrai ")*

*- **Allons, allons**, reprit celui qui se faisait appeler Giovanni, et l'hospitalité africaine, qu'en faites-vous? (M. Lévy "La première nuit").*

Анадиплозис в качестве повтора на стыке предложений употребляется с большей частотой, чем повтор на стыке частей предложения. При этом наиболее распространенной частью речи, в функции которой употреблено данное средство, является прилагательное или существительное:

Elle captiva l'assemblée dès le début de son ***exposé. Exposé*** *n'est pas le bon mot, c'était une histoire qu'elle nous racontait. (M. Lévy "Le premier jour")*

Je n'ai rien dit, parce que j'étais ***furieux, furieux*** *de l'avoir entraînée dans cette histoire, furieux de me sentir coupable de la perte de son travail, et incapable de l'éloigner des dangers que je pressentais. (M. Lévy Le premier jour).* В данном примере употребление анадиплозиса сопровождается диакопой - повтором лексемы *furieux* в качестве однородных членов в функции именной части составного именного сказуемого.

- Vous n'êtes pas ***contente****?*

Contente*, le mot est faible. (G. Legardinier "Demain j'arrête")*

Последний пример демонстрирует частотное употребление анадиплозиса на стыке реплик персонажей (вопрос-ответ). Повтор слова здесь машинален, выступает как ответ на вопрос, который вызывает затруднение или сильную положительную или отрицательную эмоцию. Это в большом количестве случаев может быть переспрос.

Эпаналепсис (повтор слов и сочетаний в начале и в конце предложения по типу кольца) и *симплока* (повтор слов и сочетаний в начале и в конце двух смежных предложений, сочетание анафоры и эпифоры) являются довольно редкими средствами, поскольку в большей степени присущи поэтическим текстам. В составе исследуемых текстов в несколько большем количестве эти средства были обнаружены у Г. Мюссо:

– ***Bien sûr*** *je te ferai* ***mal.***

– ***Bien sûr*** *tu me feras* ***mal*** *(G. Musso "Je viendrai te chercher*) - симплока здесь сочетается с синтаксическим параллелизмом.

Accepte *sa proposition, bon sang,* ***accepte*** *(G. Musso "Je viendrai te chercher");*

Elliott *soignait ses malades à l'hôpital; Ilena s'inquiétait pour ses orques; Matt n'avait pas revu Tiffany, mais travaillait activement au démarrage de l'exploitation viticole achetée avec* ***Elliott*** *(G. Musso "Seras-tu là?")*

Таким образом, основываясь на проведенном анализе, можно определить конкретные тенденции в употреблении некоторых ритмических средств в современных французских текстах.

Во-первых, наиболее распространенным средством является диакопа (простой повтор через небольшие промежутки текста в рамках предложения). Преобладает в текстах Ж. Легардинье. Со смысловой точки зрения определяет повтор как возврат к определенной навязчивой мысли или эмоции.

Во-вторых, анафора, эпифора и полисиндетон, хоть и распространены в гораздо меньшей степени, но по сравнению с остальными средствами (анадиплозисом, эпаналепсисом, эпизевксисом и симплокой) употребляются довольно часто. В качестве повторяющихся элементов выступают имена существительные и прилагательные, часто имена собственные, вопросительные слова.

В-третьих, при употреблении анадиплозиса (повтора на стыке предложений или частей предложений) в диалогической речи часто используются конструкции, напоминающие мимезис, что объясняется выражением недопонимания или таких эмоций, как возмущение, негодование, удивление, реже радость.

В-четвертых, количество повторяющихся элементов для всех исследуемых средств за исключением анафоры (4-5 повторов) и полисиндетона (его употребление отслеживается для случаев с не менее, чем тремя повторами), сводится к одному, то есть имеется основной элемент и один его повтор.

В-пятых, в текстах редким является сочетание разных ритмических средств в рамках одного предложения, что обусловлено, в первую очередь небольшим объемом предложений, степенью их распространенности, а также довольно ограниченным на данный момент количеством исследуемых средств (восемь).

Проведенные ранее исследования особенностей ритма французской литературы XIX века [1] позволяют обратить внимание на схожее соотношение количества данных средств: главенство диакопы и анафоры. В качестве отличия можно назвать большее количество употреблений анадиплозиса и эпизевксиса, а также наличие более сложных структур предложений, в которых ритмические средства на разных уровнях переплетаются друг с другом, одни проявляются на фоне других. Свидетельствует ли это об упрощении языка? Сказать сложно, требуются дальнейшие исследования, требуется расширение спектра ритмических средств для автоматизированного анализа. То, что ритмика текста способствует распознаванию специфики авторского стиля, нами было доказано в ряде работ. Она как индикатор может способствовать распознаванию качества предлагаемого нам литературного продукта. Однако для определения тенденций современной литературы в сравнении с предыдущими эпохами следует более глубоко проникнуть в суть процесса ритмизации, хотя определенные отличия качества прозы на данном уровне вырисовываются уже сейчас.

Библиография

1. Бойчук Е.И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка): монография [Текст] / Е.И. Бойчук, Ярославль: Канцлер, 2019. - 232 с.
2. Воскобойников В.В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике [Текст] / В.В. Воскобойников // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 11. 2013, С. 164-169.
3. Горчакова И.А. Идиостиль И. Нолль в аспекте фразеографии [Текст] : дисс. … канд. филол. наук, 10.02.19/ Горчакова, Ирина Александровна Екатеринбург, 2009, 285с.

4. Грищенко А.И. Идиостиль Николая Моршена [Текст] : дисс. … канд. филол. наук, 10.02.01/ Грищенко Александр Игоревич, Москва, 2008, 348 с.
5. Калашникова Н.М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой [Текст] : дисс. … канд. филол. наук, 10.02.01 / Калашникова, Наталья Марковна, Ростов-на-Дону, 2004, 246с.
6. Каменская Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова [Текст] : дисс. … канд. филол. наук, 10.02.01 / Каменская Юлия Валерьевна, Саратов, 2001, 173с.
7. Карелова О.В. К вопросу изучения индивидуального стиля автора [Текст] / О.В. Карелова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006, С. 24-30.
8. Колесова Н.В. Заимствования в идиостиле В. Аксенова [Текст] : дисс. … канд. филол. наук, 10.02.01/ Колесова, Наталья Васильевна, Красноярск: Красноярский государственный университет, 2005, 170с.
9. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации [Текст] : дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01 / Леденёва Валентина Васильевна, М.: Московский педагогический университеь, 2000. - . 1212 с.
10. Медведев Ю.П. Модификация романной прозы в современной французской литературе [Текст] / Ю.П. Медведев // Язык и общество: диалог культур и традиций. Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского», Выпуск 16. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018.
11. Медведкова Е.С. Идиостиль и идиолект автора исторического романа (на примере произведений В.И. Костылева) [Текст] / Е.С. Медведкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2016, Т.1, №1, Тольятти, С. 124-132.
12. Сафонкина С.А. Особенности идиостиля Айрис Мёрдок [Электронный ресурс] / С.А. Сафонкина // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика 2015. – № 6. С. 29-35. Режим доступа: www.vestnik-mgou.ru
13. Чугунова К.С. Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца [Текст] : дисс. … канн. филол. наук, 10.02.01/ Чугунова Ксения Сергеевна, Воронеж: Вронежский государственный университет, 2017, 268с.
14. Шевякова Э.Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы [Текст] : дисс. … докт. филол. наук, 10.02.03/ Шевякова Эвелина Николаевна, Москва: Учреждение Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2010, 473с.
15. Drissi H. L'œuvre de Marguerite Duras ou L'expression d'un tragique moderne. Thèse de doctorat soutenue le 09-12-2008. P.: École doctorale

Cultures et Sociétés. Département de l'École Entreprise Travail et Emploi (Champs-sur-Marne, Seine-et-Marne).
16. Hanser G. Intrication textuelle, et déchiffrement du sens dans l'oeuvre de Charlotte Brontë. Thèse de doctorat soutenue le 08-12-2012. P.: École doctorale Études anglophones, germanophones, et européennes.
17. Lambillotte J. La question de l'écriture : voix, matière et abstraction chez Michel Leiris. Thèse de doctorat soutenue en 2002. P.
18. N'Guessan A. A.Y. La création poétique chez Henri Michaux : formes, langages et themes. Thèse de doctorat soutenue le 02-12-2016. P. Sorbonne Paris Cité , École doctorale Littérature française et comparée.
19. Pajona C. Les procédés de fictionnalisation dans l'œuvre romanesque de Boris Vian. Thèse de doctorat soutenue le 11-03-2019. Nice, École doctorale Sociétés, humanités, arts et letters.
20. Rabatel A. Idiolecte, ethos, point de vue: la représentation du discours de l'autre dans le discours d'ego [Электронный ресурс] / A. Rabatel // Les cahiers de praxématique, Montpellier : Presses universitaires de la Méditerranée, 2006-,2005, pp.93-116. Режим доступа: https://journals.openedition.org/praxematique/1664
21. Todorov Ts. La Littérature en peril. P.: Flammarion, 2007.
22. Tromp A. Les écrits tardifs de Mark Twain : un corpus illisible ? Thèse de doctorat soutenue le 05-11-2016. P.: Sorbonne Paris Cité , École doctorale Langue, littérature, image : civilisation et sciences humaines (domaines anglophone, francophone et d'Asie orientale).

УДК 811

К.А. Бушуева
Московский государственный областной университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТРОНОМНОЙ ОНОМАСТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию ономастического материала, представленного наименованиями станций метро Парижа, Лондона и Москвы. Рассмотрен статус метрононимов в топонимии и урбанонимии; определено понятие лексико-семантического поля номинаций метрононимов; выявлены и сопоставлены структурные и семантические особенности лексико-семантического поля номинаций метрононимов парижского, лондонского и московского метро.

Ключевые слова: метрононим, структурный анализ, семантический анализ, станция метро, Париж, Лондон, Москва

K.A. Bushueva
Moscow Region State University

LINGUOCULTURAL FEATURES OF METRONOM ONOMASTICS IN THE FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The article is devoted to a comparative study of onomastic material presented by the names of underground stations of Paris, London and Moscow. The status of metrononyms in toponymy and urbanonymy is reviewed; the concept of lexico-semantic field of categories of metrononyms is defined; the structural and semantic peculiarities of lexico-semantic field of categories of metrononyms of Paris, London and Moscow underground are identified and compared.

Key words: metrononym, structural analysis, semantic analysis, underground station, Paris, London, Moscow

На современном этапе метрононимы как часть урбанонимии практически не изучены. Тем не менее, существует повышенный интерес к городу как к культурной универсалии, оказывающей влияние на формирование современной урбанонимической культуры. Изучение метрононимов является вкладом в научную разработку урбанонимии и ономастики и топонимии в целом. Цель исследования – определение понятия метрононим, лингвокультурологический и структурно-семантический анализ метрононимов Парижа, Лондона и Москвы.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, собственное имя (оним) - слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [7]. Определение метрононима до настоящего времени не разработано в специальной лингвистической литературе. На основе изученных источников зарубежных и отечественных исследователей, данных энциклопедического словаря предлагается следующее рабочее определение данного термина: метрононим – это имя собственное, или оним, которое, являясь номинацией прагматонимики как части урбанонимии, представляет собой название станции метро и функционирует в языке по законам функционирования имен собственных.

Названия станций метро выбираются неслучайно. Они, выступая частью ономастического пространства данного языка, представляют собой слова-реалии, характерные для данной культуры. Это источник ценной лингвистической и культурологической информации развития страны в целом, отражение реального мира, в частности культуры и истории определенного народа, имеют сложную словообразовательную систему и разнообразную семантику.

Выявление особенностей структуры и семантики метрононимов потребовало применение комплекса методов исследования: метод сплошной электронной выборки, метод словарных дефиниций, метод компонентного анализа, морфемный анализ, методы словообразовательного анализа и словообразовательного синтеза.

Рассмотрим метрононимы французского, английского и русского языков в словообразовательном аспекте.

С точки зрения структурного анализа названия станций метро Парижа можно разделить на следующие группы:

- непроизводные: *Concorde, Europe, Pyramides, Liège, Temple, Bourse, Pasteur, Opéra, Nation, Commerce, Cadet, Crimée, Ternes, Monceau, Rome, Cité, Blanche, Sentier* и т.д.;

- производные: *Tuileries, Glacière, Bronchant, Abbesses, Oberkampf, Pigalle, Parmentier, Vaugirard, Châtelet, Tourelle, Plaisance, Nationale* и т.д.;

- сложные слова: *Saint-Paul, Sully – Morland, Saint-Mandé, Mouton-Duvernet, Marne-la-Vallée, Belleville, Stalingrad, Télégraphe* и т.д.;

- лексикализованные синтагмы: *Porte Maillot, Franklin D. Roosevelt,*

Arts et Métiers, Hôtel de Ville, Marcel Sembat, Gare de Lyon, Porte de Vincennes, Château de Vincennes, Victor Hugo, Place de Clichy, Père Lachaise, Porte de Champerret, Carrefour Pleyel, Avenue Émile Zola и т.д. [2].

При образовании названий парижских станций метро самой распространенной структурной моделью являются словосочетания, которые составляют 31% от общего количества. Также весьма часто названия станций метро образуются при помощи сложных слов (28%). Производные слова составляют 25% от общей выборки, а непроизводные – 16%.

Анализируя производные метрононимы во французском языке, важно отметить, что они образуются чаще всего суффиксальным способом, однако таких названий станций метро относительно немного.

Составные метрононимы, представляющие собой лексикализованные синтагмы, образуются чаще всего по следующим моделям:

1) имя нариц. + de + имя собств.: *Place de Clichy, Porte de Champerret, Porte de Clignancourt, Mairie de Montrouge, Pont de Neuilly, Croix de Chavaux*;

2) имя + фамилия: *Victor Hugo, Louise Michel, Anatole France, Étienne Marcel, Chardon Lagache, Marcel Sembat, Jacques Bonsergent*;

3) имя нариц. + имя собств.: *Porte Dauphine, Père Lachaise*, *Pont Marie;*

4) имя нариц. + d' + имя собств.: *Porte d'Ivry, Place d'Italy, Gare d'Austerlitz, Fort d'Aubervilliers;*

5) сущ. + прил.: *Maison Blanche, École Militaire, Front Populaire;*

6) другие способы:

- имя нариц. + des + имя нариц.: Rue des Boulets, Place des Fêtes;

- сущ. + de + la + сущ.: Quai de la Gare;

- сущ. + числ.: Pont Neuf и т.д.[2,4].

Чаще всего метрононимы во французском языке образуются при помощи сложения имен собственных: имя + фамилия (25%). Другой распространенной моделью является имя нариц. + de + имя собств. (21%). Кроме этого, используются модели образования имя нариц. + d' + имя собств. (10%), сущ. + прил. (9%) и имя нариц. + имя собств. (8%). Тем не менее, самой большой группой является «другие способы» (27%), которая представлена многочисленными позициями разнообразных комбинаций компонентов [2].

Подводя итог, важно подчеркнуть, что в названиях станций парижского метро метрононимы чаще всего представляют собой, сложные и производные слова, лексикализованные синтагмы. Последняя группа может иметь следующие модели: имя нариц. + de + имя собств., имя + фамилия, имя нариц. + d' + имя собств., сущ. + прил., другие способы.

По структуре среди всех названий станций лондонского метро можно выделить следующие группы:

- непроизводные: *Bank, Oval, Victoria, Angel, Temple* и т.д.;

- производные: *Acton, Croxley, Paddington, Woodford, Wanstead, Sydenham, Leyton, Osterley, Borough, Greenford, Chesham, Queensbury, Kennington, Upney, Stratford, Loughton, Gunnersbury, Epping* и др.;

- сложные слова: *Harrow-on-the-Hill, Highgate, Whitechapel, Oakwood, Southfields, Redbridge, Southgate, Hornchurch* и т.д.;

- составные, представляющие собой словосочетания (лексикализованные синтагмы): *High Street Kensington, St John's Wood, Sudbury Hill, Ravenscourt Park, Great Portland Street, Hyde Park Corner, Notting Hill Gate, Putney Bridge, London Bridge, Lancaster Gate, Rayners Lane, Ruislip Manor, Tottenham Court Road* и др. [6].

Произведя анализ данных, можно прийти к заключению, что при образовании названий станций лондонского метро наиболее распространенной структурой являются лексикализованные синтагмы, составляющие 39% от общего количества. Наряду с этим, часто названия станций метро являются производными словами (27%). Чуть меньшее количество, 23%, приходится на сложные слова. Самую немногочисленную группу составляют непроизводные – 11%

Как правило, производные метрононимы образуются от англосаксонских слов с помощью следующих суффиксов: *–ing, –ham, –ton, –bury, –stead, –ford и –ley*.

Лексикализованные синтагмы, в свою очередь, представлены следующими группами:

1) имя собств. + имя нариц.: *Canada Water, Acton Town, Warwick Avenue, Piccadilly Circus, Lancaster Gate, Bond Street, Euston Square* и др.;

2) прил. + имя собств.: *East Acton, South Kensington, South Kenton, North Wembley, West Ruislip, East Putney, East Ham, High Barnet, South Harrow, Latimer Road* и др.

3) другие способы:

- имя собств.+ прил.: Willesden Green, Hendon Central, Bethnal Green;
- прил. + сущ.: White City, Chalk Farm, Old Street;
- имя собств. + имя. нариц. + имя нариц.: Tottenham Court Road, Hyde Park Corner, Notting Hill Gate;
- имя собств. + прил. + имя нариц.: Harringay Green Lanes, Laytonstone High Road [6].

Из вышеизложенного следует вывод, что большинство метрононимов в английском языке появились от сложения имени собственного и нарицательного (44%). Следующей по численности группой является структура прил. + имя собств. (30%). Количество компонентов других структур немногочисленно, поэтому целесообразно отнести их в категорию «другие способы». К ним относятся 26% метрононимов.

Итак, можно подвести следующий итог: названия станций лондонского метро в своём большинстве выражены лексикализованными синтагмами, представленными комбинациями имя собств. + имя нариц., прил. + имя собств. и другими структурами, количество компонентов которых немногочисленно. Кроме того, некоторая доля приходится на производные и сложные слова. Отнюдь небольшую часть составляют непроизводные слова.

Анализ метрононимов Москвы показал, что все названия станций можно подразделить по способу образования на:

- непроизводные: *Университет, Смоленская, Павелецкая, Спартак, Фили, Румянцево, Сокол, Динамо, Маяковская, Саларьево* и т.д.;
- производные: *Лесопарковая, Раменки, Беговая, Юго-Западная, Черкизовская, Орехово, Кропоткинская, Аннино, Новокузнецкая, Фрунзенская, Спортивная, Войковская, Тверская, Борисово, Митино, Театральная, Домодедовская* и т.д.;
- сложные слова: *Китай-город, Новокосино, Петровско-Разумовская, Аэропорт, Технопарк* и т.д.;
- составные, представляющие собой лексикализованные сингтагмы: *Бульвар Рокоссовского, Преображенская площадь, Красные Ворота, Чистые пруды, Охотный Ряд, Библиотека имени Ленина, Парк культуры, Воробьёвы горы, Проспект Вернадского, Речной вокзал, Водный стадион, Пятницкое шоссе* и т.д [1].

На основании приведенных данных можно заключить, что при образовании названий станций метро в Москве самой распространенной структурной моделью являются производные слова (52% от общего количества). На втором месте практически равные по численности группы

непроизводных слов и словосочетаний (21% и 24%). Самую малочисленную группу составляют сложные слова (3%). Говоря о производных метрононимах в русском языке, важно отметить, что они образуются чаще всего суффиксальным способом.

Составные метрононимы, представляющие собой словосочетания, в подавляющем большинстве выражены структурой прил. + сущ. (63%): *Ботанический сад, Ленинский проспект, Сретенский бульвар, Новые Черёмушки, Тёплый Стан, Октябрьское Поле, Водный стадион, Речной вокзал, Кузнецкий Мост, Волгоградский проспект, Рязанский проспект, Лермонтовский проспект, Боровское шоссе, Мичуринский проспект, Ломоносовский проспект*.

Остальные 37% - это разнообразные по своему образованию небольшие группы:

- сущ. + сущ.: *Проспект Мира, Площадь Революции, Парк Победы, Шоссе Энтузиастов* и т.д.;
- имя нариц. + имя собств.: *Проспект Вернадского, Улица Милашенкова, Площадь Гагарина, Улица Горчакова, площадь Ильича* и др.;
- имя нариц. + имя нариц. + имя собств.: *Улица Академика Янгеля, Бульвар Адмирала Ушакова, Улица Академика Королёва* и пр.;
- имя нариц. + имя собств. + имя собств.: *Бульвар Дмитрия Донского, Улица Сергея Эйзенштейна* и др.;
- сущ. + прил.: *Улица Старокачаловская, Улица Скобелевская;*
- прочие [5].

Итак, чаще всего составные метрононимы в русском языке образуются при помощи сложения имени прилагательного и имени существительного. Удельный вес таких метрононимов составляет 63%. Кроме этого, они могут образовываться другими способами, которые не являются широко распространенными, именно поэтому можно объединить подобные номинации в группу «другие».

Таким образом, названия московского метро чаще всего представляют собой производные и непроизводные слова, лексикализованные синтагмы. Последняя группа выражена следующей моделью: прил. + сущ. Наименьшую часть охватывают сложные слова.

Изучение результатов компонентного анализа лексико-семантического поля номинаций метрононимов Парижа позволяет сделать следующие выводы: семантика метрононимов парижского метрополитена является достаточно разнообразной, но в основе её лежит географический признак. Подавляющее большинство метрононимов представлены ядерной семой «улица» (42%), «площадь» (17%), названия которых в большой степени исходят от фамилий известных личностей, государственных, военных и политических деятелей, исторических событий и монастырей. Например, станция *Robespierre* названа по одноименной улице (la rue

Robespierre), которая воздает должное Максимилиану Робеспьеру — одному из вождей Великой Французской революции; пересадочный узел метро *Louis Blanc* берет свое название от одноимённой улицы (la rue Louis Blanc), названной в честь французского историка и публициста Луи Блана [3]. *Solférino* названа по улице Солферино (la rue de Solférino), получившей своё имя в честь битвы при Сольферино в ходе австро-итало-французской войны. *Jacques Bonsergent* – по Бонсержана площади (la place Jacques-Bonsergent), под которой расположена станция, чье наименование связано с памятью о Жаке Бонсержане, французском инженере, члене общества «Арз-э-Метье», который стал одним из первых парижан, казнённых нацистами. Станция *Saint-Paul* названа по улице Сен-Поль и расположенной рядом католической церкви Сен-Поль-Сен-Луи (l'église Saint-Paul Saint-Louis). *Palais Royal* – по названиям площади, дворца и парка, расположенных напротив северного крыла Лувра [4].

Остальные категории малочисленны: с ядерной семой «дорожный объект» встречается 8% станций (*Porte Dorée, Porte de Champerret)*, «достопримечательность» (*Arts et Métiers, Invalides)* и «городское сооружение» (*Père Laschaise , Mairie d'Ivry)* – по 7%, с ядерными семами «монастырь» (*Saint-Sulpice, Bonne Nouvelle)*, «коммуна» и «квартал» (*Maisons-Alfort - Les Juilliottes, Les Halles*) – по 5%, «вокзал» (*Gare de Lyon, Galliéni)* – 2% и прочее – 9% [5].

Итак, компонентный анализ метрононимов французского языка позволяет прийти к заключению, что способом образования рассматриваемых номинаций является географический признак: названия станций метро могут представлять собой наименования улиц, площадей, достопримечательных мест, городских сооружений и дорожных объектов, монастырей, коммун и кварталов, вокзалов. Соответственно, они характеризуются ядерными семами «улица», «площадь», «достопримечательность», «городское сооружение», «дорога», «монастырь», «коммуна», «квартал», «вокзал».

Компонентный анализ метрононимов Лондона показывает, что:

- почти все названия станций следует отнести к классификации по географическому признаку и большинство из них восходят к названиям территорий: то есть, с ядерными семами «район», «деревня», «поместье», «постоялый двор» (64%) (*Aldgate East* - станция носит имя одноимённого района Олдгейт округа Тауэр Хамлетс в восточном Лондоне. *Chiswick Park* названа в честь района Чизвик на западе Лондона, само название англосаксонского происхождения и означает «сырная ферма». *Mill Hill East* – по расположенной неподалёку деревне Милл-Хилл (Mill Hill village). *Angel* – в честь бывшего одноимённого постоялого двора, расположенного на Великой северной дороге в XVII веке. *Manor House* – по близлежащему пабу) [8];

- наблюдаются станции с ядерными семами «улица» (*Baker Street* – станция названа по расположенной неподалеку улицы Бейкер-стрит, построенной в XVIII веке Уильямом Бейкером, который и дал ей свое имя. *Victoria* – по прилегающей улице Виктории, которая именована в честь королевы Виктории) и «площадь» (9%) (*Leicester Square* – по одноименной площади в Вест-Энде Лондона. Берет своего название от местного владельца земель Роберта Сиднея, второго графа Лестера. *Russell Square* – по одноименной площади в Блумсбери, названной в честь Френсиса Рассела, герцога Бедфорда, владельца земли в этом районе в начале XIX века. Его статуя стоит в центре площади.);

- с ядерной семой «достопримечательность» в честь достопримечательных мест и городских сооружений (9%) (*Kew Gardens* – по близлежащему ботаническому саду на юго-западе Лондона. *Monument* – в честь монумента в память о Великом лондонском пожаре, представляющий собой римскую дорическую колонну) [8];

- именованные по дорогам и дорожным объектам (10%) (*Rayners Lane* - в честь длинной и извилистой дороги, которая проходит через районы Пиннер и Западный Харроу. Название происходит от семьи Райнер, которая владела фермой на территории в первой половине XIX века. *Goldhawk Road* – в честь одноименной дороги Голдхок роуд. Название, дорога, возможно, взяла от Роберта Голдаука (Robert Goldauek), землевладельца 13-го века.) [8];

- получившие наименования от парков, мостов и других физико-географических объектов (8%) (*Northwick Park* – по одноименному парку. Владелец Джордж Эдвард Спенсер-Черчилль назвал местность в честь своего поместья в Глостершире. *Waterloo* – по мосту Ватерлоо, который был назван в честь битвы при Ватерлоо. Голландского происхождения и переводится как «сырой лес». *Canada Water* - названа в честь близлежащего озера, где ранее был док (Canada dock)).

Семантический анализ станций метро Лондона приводит к следующему выводу: почти все названия станций следует отнести к классификации по географическому признаку и большинство из них восходят к названиям территорий: с ядерными семами «район», «деревня», «поместье», «постоялый двор»; с ядерными семами «улица», «площадь»; с ядерной семой «достопримечательность» в честь достопримечательных мест и городских сооружений; дорог и дорожных объектов; парков, мостов и других физико-географических объектов.

В свою очередь, результаты компонентного анализа лексико-семантического поля номинаций метрононимов Москвы, дают основание утверждать, что:

- названия станций московского метрополитена в основном образованы по географическому признаку, в первую очередь от названий одноименных улиц, на которых та или иная станция расположена, то есть,

с ядерной семой «улица» (34%) (*Молодёжная* - названа от Молодежной улицы, расположенной в бывшем подмосковном городе Кунцево. *Авиамоторная* также взяла название от близлежащей улицы. Оформление станции посвящено строителям авиационных двигателей.) [1];

- от районов местонахождения, либо по тем или иным поселениям на данной территории на определенном этапе исторического развития (с ядерной семой «район») - 32% (*Владыкино* - по названию села Владыкино, находившегося ранее на этом месте. *Красносельская б*ыла названа по местности Красное Село, первое упоминание о которой относится к 1423 году. При Василии Тёмном оно было обустроено и по живописности получило название Красное (красивое));

- по тем или иным достопримечательным местам, с ядерной семой «достопримечательность» (13%) (*Александровский сад* - по Александровскому саду у западной стены Кремля. *Телецентр* – по Телевизионному техническому центру Останкино.) [1];

- от наименований дорог, парков, вокзалов, событий, в честь городов, площадей, известных личностей, представленные множественными комбинациями малочисленных компонентов и отнесённые в раздел «прочие» (21%) (*Румянцево* – по парку «Румянцево», названному по находящейся поблизости одноимённой деревне. *Пражская* - построена при участии чехословацких архитекторов и инженеров названа в честь города Праги. *Пионерская* в честь 40-летия пионерской организации (в 1962 году)).

Из вышеизложенного следует, что, в свою очередь, московские метрононимы почти в полном объеме также исходят от названий географических объектов: в первую очередь от названия улиц, затем районов, в меньшем количестве по достопримечательным и значимым местам города, то есть в значительной степени содержат ядерные семы «улица», «район», «достопримечальность». Небольшую группу составляют названия станций метро, отнесенные в разряд «прочие».

Таким образом, в ходе анализа языкового материала были выявлены основные способы номинации станций крупнейших метрополитенов мира. Сравнительный анализ позволяет утверждать, что структурное единство метрононимов Парижа и Лондона выражено преобладанием среди них словосочетаний. Лексикализованные синтагмы, которыми представлены номинации московского метрополитена, по численности уступают место производным словам, занимая вторую позицию.

С точки зрения семантики в основе образования практически всех метрононимов трех мегаполисов самым распространенным является наименование по географическому признаку: названия станций метро могут представлять собой наименования улиц, площадей, районов, достопримечательных мест, городских сооружений, дорог и других реалий. Следует отметить то, что, вопреки расхожему мнению, все

названия станций получены не напрямую от фамилий известных личностей, а от объектов, названных их именами.

Париж, Лондон и Москва – самобытные города как по времени своего основания, так и по наличию материального и культурного наследия, по географическому расположению и планированию. Несмотря на эти различия, в этих городах есть общие принципы именования, что позволяет говорить о некоем общем культурно-историческом развитии языковых групп. В то же время исследование позволило заметить в названиях элементы национальных особенностей французов, англичан и русских.

Список литературы

1. Гречко М. Засекреченное метро Москвы. Новые данные. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
2. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. – М.: КомКнига, 2012. – 112 с.
3. Мильчина В. Имена парижских улиц. Путеводитель по названиям. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 320 с.
4. Овчинникова Г.В. Вам, любители метро = A vous, métrophiles: Науч.-практ. пособие по теории и практике перевода. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2014. – 76 с.
5. Овчинникова Г.В. Из уст в уста = De la bouche à l'oreille: Учебно-методическое пособие / ред.: Р. Баринов, ред.: А. Шумилин, ред.: А. Юнин. – Тула : Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011 . – 80 с.
6. Шидловская С.Н. Английское словообразование. English Word Formation. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 432 с.
7. Ярцева В. Н. Имя собственное: [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. – Электрон. дан. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/osnovy-turizma.htm (дата обращения: 24.02.2019)
8. Revill D. London by Tube: A History of Underground Station Names. – Fast Fish Publications, 2011. – 323 p.

УДК 811.133.1

О.А. Дубнякова
Московский городской педагогический университет

ЭССЕ «CE QUE JE CROIS»: МОРИАК В ДИАЛОГЕ С СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ

Аннотация. В статье детально исследуется рецепция в советское время произведений и личности французского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Франсуа Мориака (1885-1970). Исследование представляется актуальным в рамках теории рецепции и восприятия читателя как «активного лица» в диалоге с писателем, который, со своей стороны, через свое творчество вступает в диалог с читателем. Исследование углубило вопрос о переводах французского писателя на русский язык лучшими для своего времени переводчиками, и был отмечен факт того, что иногда переводы делались практически сразу после выходы романов во Франции, что говорит об изначальном интересе советского читателя. Также был проведен анализ мнений советских литературоведов, которые видели в Мориаке мастера критического слова, но замалчивали истоки творчества писателя – его духовную составляющую. В качестве материала был взят очерк “Ce que je crois», представляющий собой квинтэссенцию религиозной мысли и уникального автобиографического стиля писателя.

Ключевые слова: религиозная литература, рецепция, критика, перевод, Франсуа Мориак, французская литература XX в.

O.A. Dubnyakova
Moscow City University

THE ESSAY “CE QUE JE CROIS»: F. МОРИАК IN A DIALOGUE WITH THE SOVIET READER

Abstract. The article focuses in detail on the problem of reception of the works by and the personality of Francois Мориак (1885-1970), a French author and Nobel prize winner, in the Soviet Union. The relevance of the research stems from its belonging to the domain of the theory of “active» reception and perception by the reader conducting a dialogue with the author, who, in his turn, steps into the dialogue with the reader through his fiction. The article touches upon the problem of translating the French author’s oeuvres into Russian by the top translators of their time; it was also noted that some of the translations shortly followed Мориак’s novels publication in France, which points at his popularity among the Soviet readers since the beginning of his career. We also did the an analysis of the opinions of Soviet critics who recognized Мориак as a master of social critique, but at the same time overlooked or wholly ignored

the foundation of his art, namely its spiritual dimension. We used the essay “Ce que je crois» as a study material, since it is Мориак’s quintessential work which represents his spirituality and the unique autobiographical style.

Keywords: religious literature, reception, literary criticism, Франсуа Мориак, the French literature of the XXth century.

В Советском союзе произведения французского писателя Франсуа Мориака стали известны особенно после того, как писатель стал Нобелевским лауреатом в 1952 г., несколько раз переводились на русский язык и, начиная с 70 гг. XX в. переиздавалась каждые три года тиражами по 100 тысяч экземпляров. Некоторые из произведений этого писателя-католика были обязательными для чтения для изучающих французский язык в Высших учебных заведениях и специализированных школах. Однако о его духовных произведениях, среди которых – его известное эссе «Ce que je crois», советские официальные источники замалчивали.

История переводов произведений Франсуа Мориак на русский язык в СССР, рецепция критиков и переводчиков позволит проследить этот непростой диалог между убежденным католиком, пристально следящим за жизнью в СССР, и читателем той эпохи, понимающим его художественные образы, и для которых через «Ce que je crois» появилась возможность познакомиться с миром духовной литературы, выделить временные этапы принятия творчества писателя в совокупности его составляющих. Немаловажным для нашей работы является современный аксиологический подход к научной проблеме, позволяющий рассматривать автора как ищущего свою идентичность [19], и понимание того, что в течении истории происходит изменение ценностных ориентиров [18].

В отличие от другого духовного романа «Жизнь Иисуса Христа» (La Vie de Jésus), который ждал своего перевода на русский язык 54 года (вышел во Франции в издательстве «Flammarion» в 1936 г., на русском языке в 1991 г. в издательстве «Мир») [6], эссе «Ce que je crois» ожидала более «быстрая» история издания в СССР.

Это конфессиональное произведение писателя-католика выходит во Франции в 1962 г., и впервые выходит на русском языке в анонимном переводе в Брюсселе в 1979 г. Книга появилась на свет как ответ на просьбу главы известного издательства «Grasset», который запустил серию для известных личностей, и Франсуа Мориак был вторым после Jean Rostand (1953) из тех, к кому обратилось издательство. Серия оказалась плодотворной, и в ней выступили со своими *Credo* Pierre-Henri Simon (1966), Gilbert Cesbron (1970), Maurice Clavel (1975), Vercors (1975), Hervé Bazin (1977), Jean-Marie Domenach (1978), Jean Delumeau (1985), Albert Memmi (1985), Léopold Sédar Senghor (1988), Monseigneur Gaillot (1996).

Ответ семидесятилетнего Франсуа Мориака, академика Французской Академии наук с 1933 г., удостоенного ордена Почётного легиона в 1958

г., включал не только задачу авторитетного свидетельства своей веры абстрактным читателям и миру. В начале «Ce que je crois» Ф. Мориак пишет, что посвящает его своим внукам Петру Вяземскому и Жерару Мориаку, когда им исполнится 16 лет: “Pour mes petits-fils Pierre Wiazemsky et Gérard Mauriac quand ils auront seize ans» [10, с. 11]. К сильной форме свидетельства, «показаниям» очевидца веры, удостоверяющего событие своей веры, добавляется личный педагогический дискурс, и желание вступить в диалог со своими наследниками. Удивительно, что в семью Мориака Россия вошла лично уже несколько лет до этого: дочь писателя Клэр вышла замуж за потомка русских князей Вяземских (Wiazemsky), бежавших от революции, и на момент выхода «Ce que je crois» внуку Пьеру исполнилось уже 13 лет.

Таким образом, начальной позицией автора становится ответ на личную просьбу издателя и желание вступить в диалог как с близкими ему людьми, так и со своим читателем. До этого периода Мориак, в основном, читали в СССР как мастера художественного текста благодаря нескольким переводам. Первый текст Мориака на русском языке (роман “Thérèse Desqueyroux») вышел в Советском Союзе в переводе Марии Абкиной в 1927 г. в том же году, когда вышел роман во Франции. Еще в сталинскую эпоху увидели свет также «Le Nœud de vipères» в переводе А. Новиковой (1934) и «La Fin de la nuit» в переводе N. Довгалевской (1936). Журнал «Зарубежная литература» в 1939 г. (n° 5-6 et n° 2) выпустила отрывки из “Les Chemins de la mer» и “Plongées» в переводе Норы Галь [14; 15].

Только начинающего талантливого французского писателя впервые заметил Илья Эренбург (1891-1967), писатель, поэт, переводчик с французского и испанского языков. В своих «Воспоминаниях» он пишет о встрече, произошедшей с ним в 1913 г.: “Франсуа Мориак, к которому в 1913 году меня направил Франсис Жамм, писал хорошие романы о нехорошей жизни. Он католик, но в его книгах куда больше жестокой правды, чем христианского сострадания» [12, с. 485]. По словам З.И. Кирнозе и С.М. Фомина «эта оценка советского писателя и переводчика предугадывает характеристику автора “Thérèse Desqueyroux” в 60-е гг., когда в СССР ему были готовы простить христианское сострадание ради “житейской правды” его книг» [8, с. 40].

Наиболее полно эту оценку декларировал в 30-е гг. советский литературовед, исследователь западноевропейской литературы Иван Иванович Анисимов. Так, в комментариях к переводу 1936 г. “La Fin de la nuit» критик писал: “В его романах развернута совершенно четкая система взглядов, густо окрашенная *поповским мракобесием* [...]. Он – дегустатор разложения» [2].

Даже после получения Нобелевской премии по литературе в 1952 г. советские критики все также продолжали осуждать манеру Мориака с идеологической точки зрения [6, с. 117-118]. Романы Мориака видятся, в

большей части критикующими буржуазное общество, в котором люди превращаются в «гадюк» [1]. Только в период перестройки начинают говорить о таланте писателя, о его вкладе в мировую литературу [3].

Впервые анонимный перевод на русский язык эссе «Ce que je crois» осуществляется в 1979 г. в Брюсселе, и печатается в журнале «Логос» (№ 3-4). В постсоветское время переиздание этого перевода было сделано киевским издательством «Дух и Литера» в 1996 г. Последнее переиздание очерка в России было в 2015 г. в нижегородском «Христианская библиотека» [Мориак 2015], в котором указано, что перевод был осуществлен Зоей Масленниковой.

Зоя Афанасьевна Масленикова (урождённая Власова; 1923-2008) – скульптор, художник, поэт, писатель и переводчик, сподвижник отца Александра Меня (1935-1990), русского православного священника и богослова, проповедника, писателя книг по богословию и истории христианства и других религий. Очевидна просветительская деятельность отца А. Меня в период нехватки духовной литературы в Русской Православной Церкви, которая обращался к европейским авторам за помощью. Именно так, в предисловии к переводу на русский язык романа «Жизнь Иисуса Христа» З.А. Масленикова объясняет интерес к религиозному творчеству Мориак-писателя для советского читателя: «Наш читатель совершенно незнаком с литературой этого рода» [9].

Раньше, чем в СССР, голос писателя-католика был признан Православной Церкви за рубежом. По случаю смерти Мориака в 1970 г. на «Радио свобода» выступил с интервью один из самых ярких православных богословов двадцатого века отец Александр Шмеман (1921-1983). Именно это выступление под названием «В память о Франсуа Мориаке» станет предисловием к очерку «Ce que je crois» на русском языке [10]. Так, постепенно именно религиозное слово Мориак становится словом, говорящем о свободе в несвободной стране, и прямота французского писателя становится важнейшим качеством для борьбы за духовную свободу: «Мориак не украшает человека, но он и не лжет о нём. Человек призван к *свободе*, *свобода* является для него самым трудным подарком [...]. Действительно свободные люди в романах Достоевского, Мориак, Солженицына. Они свободны, потому что авторы, которые создают их со всем своим существом» [10, с. 8]. Словно в ответ советским критикам протопресвитер встает на защиту писателя, называя его наследником великих русских писателей Достоевского и Толстого: «Никто не осмеливается сказать, что Мориак “эксплуатор”, “обскурантист” [...]. После Достоевского и Толстого он продолжил литературу, которая не только доказывает совместимость веры и творчества, но сама вера является самым глубоким источником творчества» [10, с. 7].

Важно было также и слово Мориака-журналиста, активно вступающий в диалог с читателем через ежедневные хроники, оставался в

тени в СССР в силу того, что именно там писатель наиболее объемно рисовал свои образы, и в журналистских заметках “*une tonalité spirituelle*» преобладала [16, с. 53]. Именно поэтому эта важнейшая часть творчества Мориака вообще не переводилась в СССР. Однако, такие автобиографические произведения эпохи Сопротивления как «Черная тетрадь» стали объектом восхищения [4], так как писатель представал как верный свидетель своего времени и ярко описывал героизм своего народа [5].

Именно через публицистику и автобиографические произведения Мориак всегда говорил напрямую со своими читателями, он кристаллизировал феномен повседневности, и, орудуя словом как шпагой, бросался в бой за свои идеалы [13]. В этом активном диалоге с читателем через публицистические работы Мориак был наиболее актуален и внимателен. Кроме этого, жанр автофикции позволял французскому писателю быть наиболее выразительным в художественном плане, так как сама автофицкия «соединении факта и фикции, синтеза реального и вымышленного» предполагает большой художественный простор [11, с. 466].

С одной стороны, Мориак-журналист обращает самое пристальное внимание на Советский Союз, резко критикуя все советское, прибегает при этом к особым формам диалога, выходящего за рамки повседневности к трансцендентности. Например, размышления Мориак о личности Сталина, его роли на политической арене и в судьбе советской России, занимали большое место в личных записях Мориака: так, упоминания имени Сталина уступают место только количеству упоминаний о великом французском философе Блезе Паскале. Учитывая религиозные и философские взгляды Мориака, К.Ю. Кашлявик пришла к выводу о том, что отношение писателя к личности Сталина было связано с надеждой на возрождение христианства, которое должно прийти из России, потому что это возрождение должно было бы стать искуплением за кровавые события, связанные с Революцией и сталинским режимом [цит. по 7, с. 160].

С другой стороны, сам Мориак ищет авторитетное слово в России для своих собственных духовных поисков, при этом совершенно не идеализируя русскую историю, «Святую Русь», «русскую драму». Он помнит слова из романа «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, тогда вес позволено» [17]. В России, пережившей немыслимые страдания, из темных глубин русской истории и русских лесов ему видится также вечная Русь (Ibid.), которой уготовано великое будущее [7]. Своими настоящими друзьями он называет Достоевского или Толстого, при этом Достоевский становится бóльшим другом, чем любимый его Марсель Пруст: «Произведения христианина Достоевского неизмеримо выше произведений Пруста, потому что первый в преступниках и проститутках

видел существа хоть и падшие, но искупающие свои грехи. Как-то я писал, что это ужасно, но бог отсутствует в творчестве Марселя Пруста» [17].

Именно *духовной* поиск (впрочем, как во всех своих составляющих творчества писателя) становится главенствующим для Мориака в очерке «Ce que je crois», в котором он начинает словами Главу 1 «Точка отправления»: «То, во что я верю, не совпадает с тем, что я знаю» [10, с. 15], а в заключительной Главе 10 «Сожаления», писатель говорит, что не хочет ничего вычеркивать из этой книжечки […] [Там же, с. 135], чтобы прийти к синтезу всей своей веры: «Верить – это любить» [Там же, с. 139].

Эти глубокие слова писателя и были услышаны читателем в постоветское время, который в 90 гг. XX в. и первое десятилетие 2000 гг. заново обратился ко многим произведениями Ф. Мориака, о чем свидетельствуют новые переводы и многочисленные переиздания.

Литература

1. Андреев Л.Г. Чистилище Франсуа Мориака // Мориак Ф. Романы. М.: Прогресс, 1972. С. 5-21.
2. Анисимов И.И. Предисловие // Мориак Ф. Конец ночи: Роман в 2 книгах / пер. с фр. Н.П. Довгалевской. М.: Гослитиздат, 1936. 317 с.
3. Балахонов В.Е. Этот народ – мой народ, его история – моя история // Мориак Ф. Не покоряться ночи... Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
4. Викулова Л.Г., Кулагина О.А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX в. (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») // Вестник Московского городского педагогического университета. 2013. № 2 (12). С. 33-42.
5. Дубнякова О.А. Писатель-публицист как свидетель своего времени (на материале «Mémoires politiques» Ф. Мориака) // Современное гуманитарное образование и иностранный язык: Сб. науч. тезисов по материалам межд. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево, ГГТУ, 2016. С. 54-56.
6. Дубнякова О.А. Католическая духовная литературе в советское время: «Жизнь Иисуса Христа» Франсуа Мориака // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Сборник статей по итогам IV международной конференции. М.: Издательство «Спутник+», 2019. С. 116-121.
7. Дубнякова О.А., Михайлова С.В. 33-й Международный научный семинар «Мы верим в вечную Россию…», посвященный творчеству Франсуа Мориака (Россия) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. языковое образование». 2020. № 2 (38). С. 157-164.

8. Кирнозе З.И., Фомин С.М. Франсуа Мориак на русском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического им. Н.А. Добролюбова. Вып. 9. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Художественный мир Франсуа Мориака. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 156-162.
9. Масленикова З.А., Предисловие к русскому изданию романа // Мориак Ф. Жизнь Иисуса. М.: Мир, 1991. С. 5-10.
10. Мориак Ф. Во что я верю. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2015. 154 с.
11. Савельева Е.Б. О жанре литературной автофикции во Франции // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, 3-2. С. 466-468.
12. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: том первый. М.: Советский писатель. 1990. 640 с.
13. Dictionnaire François Mauriac / Sous la dir. de C. Casseville, J. Touzot. Paris: Honoré Chamion, 2019. 1208 p.
14. Dranenko G. Mauriac en ukrainien // INTERVOIX. 2019. № 42. P. 7-9.
15. Dranenko G. Traductions et traducteurs de Fançois Mauriac en russe et en ukrainien. Chiffres et lettres // INTERVOIX. 2019. № 40. P. 35-37.
16. Dubnyakova O., Kachina T. Le journal de l'écrivain: solitaire à la vue de tout le monde // Solitaire et solidaire: Création et engagement à l'oeuvre dans la littérature. Paris: L'Harmattan, 2018. P. 47-60.
17. Mauriac F. La Russie inconnue // Le Figaro. 1944, 19 November). URL: http://Мориак-en-ligne.u-bordeaux-montaigne.fr/items/show/294
18. Vikulova L.G., Tareva E.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Raiskina V.A. Retrospective semiometrics of the sign *valeur* // Xlinguae. 2020. T. 13. № 1. P. 169-183. DOI: 10.18355/XL.2020.13.01.13
19. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11 (17). P. 10413–10422.

УВД 811

С.Д. Жиронкина
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. КАРРЕРА «UN ROMAN RUSSE» И ЭССЕ С. ТЕССОНА «DANS LES FORETS DE SIBÉRIE»)

Аннотация. В данной статье анализируется образ русского человека в современной французской литературе. В качестве материала для исследования выбраны роман Э. Каррера «Un roman russe» и эссе С. Тессона «В лесах Сибири». В работе указывается также на то, что стереотипные представления, которые писатели, как правило, используют при создании образа русского человека, играют отрицательную роль, так как приводят к его искажению.

Ключевые слова: образ русского человека, Э. Каррер, С. Тессон, стереотип, постмодернистский роман

S.D. Zhironkina
Lipetsk State Pedagogical University

THE IMAGE OF THE RUSSIAN PERSON IN CONTEMPORARY FRENCH LITERATURE (THE NOVEL «RUSSIN NOVEL» BY E. CARRERA AND THE ESSAY «IN THE FORESTS OF SIBERIA» BY S. TESSON)

Abstract. This article analyzes the image of the Russian person in modern French literature. The material for this research is taken from the novel "Russian novel" by E. Carrera Un and the essay "In the forests of Siberia" by S. Tesson. The paper also points out that the stereotypical ideas that writers usually use when creating the image of a Russian person play a negative role, as they lead to its distortion.

Key words: image of the Russian person, E. Karrer, S. Tesson, stereotype, postmodern novel

Проблема восприятия образа России и русского человека неоднократно становилась предметом художественного осмысления во французской литературе как XIX – XX веков, так и в произведениях современных авторов. Так, анализируя особенности восприятия французами России в XIX в., Т.В. Балашова отмечает неоднородность, которая проявлялась в «этапах разочарований и вспышках надежд» [1, с. 242]. Думается, что в современной французской литературе эта «неоднородность» только усилилась, так как тема «образ России и

русского человека» по-прежнему вызывает интерес у читателей, но требует своего переосмысления, а также новых форм воплощения. И они появляются, как отмечает О.Ю. Поляков «с одной стороны воспроизводя стабильную, сформировавшуюся ранее модель России, а с другой – переосмысливая старые стереотипы и создавая новые» [2, с. 220].

В современном мире в условиях глобализации и массовой культуры писатели нередко обращаются к стереотипам и мифам, которые зачастую становятся средством манипуляции. Французские авторы, которые также используют в своих произведениях тематические стереотипы, в том числе и о России, в этом ряду далеко не исключение. Этот прием позволяет им в первую очередь облегчить чтение и восприятие текста, сделать его более доступным, так как читатель понимает текст, используя уже определенный багаж знаний, почерпнутых из самых разных источников информации, к сожалению, не всегда достоверных.

В этой связи хотелось бы обратиться к изучению двух романов популярных современных французских писателей Э. Каррера «Un roman russe» [3] и С. Тессона «Dans les forêts de Sibérie» [4] и проанализировать образ русского человека, каким он предстает в этих произведениях. Стоит отметить, что эти романы можно отнести к постмодернистскому литературному направлению, так как лейтмотивом сюжетов, несмотря на их событийную непохожесть, является поиск героем своего «я», своих культурных корней, а также желание обрести внутреннее равновесие и свое место в мире. Оба романа представляют собой автобиографический подход к изложению фактов и написаны от первого лица. Повествование носит характер отчета о событиях, участниками которых главные герои являлись. Однако при этом акцент всё равно делается на внутреннем мире человека, и все внешние события являются, на наш взгляд, лишь поводом, чтобы поговорить в первую очередь о себе и понять самого себя. Интересно, что местом действия для этой цели выбрана именно Россия, а русские для главного героя зачастую именно те люди, которые помогают иначе взглянуть на себя и на мир.

В романе Э. Каррера рассказчик погружает своего читателя в атмосферу жизни маленького городка в глубинке России. В первый раз он приезжает в Котельнич в качестве журналиста, чтобы снять сюжет о пациенте психиатрической больницы, который попал туда после войны и спустя пятьдесят шесть лет был найден родственниками из Венгрии. Второй раз герой возвращается в этот город, чтобы снять документальный фильм о жизни этого провинциального городка в постсоветский период. Уже на первых страницах романа постепенно из воспоминаний героя возникает образ России: *«Le train s'arrête pour trois minutes dans une petite station en Sibérie. Froid de canard, pas de ville, seulement des baraquements: une zone sinistre, boueuse, qui semble dépeuplée.»* [3, с. 13] *«Le train est reparti, traverse des forêts. Pas de neige.»* [3, с. 12]. Слова и выражения,

которые мы встречаем дальше *«hooligan dégénéré», «vodka», «milicia», «Sibérie», «neige», «forêt», «un malheureux prisonnier… enfermé dans un hôpital psychiatrique au fin fond de la Russie»* [3] создают довольно мрачный образ России, но при этом, на наш взгляд, вполне вписываются в штампы и клише, существующие в сознании западного читателя. Стоит отметить, что рассказчик немного говорит по-русски и имеет некоторое представление о русской культуре, нравах и обычаях, так как близкие его матери жили в России, а дед пропал в сталинских лагерях. Однако образы русских людей, представленные на страницах романа, больше похожи на маски, соответствующие типичным представлениям иностранцев о русских: *«Au wagon-restaurant où, quelques heures plus tôt, nous avons éclusé nos dernières vodkas, on ne sert plus… Quatre militaires, qui ont pris leurs précautions, continuent néanmoins à s'arsouiller. Quand je passe à leur hauteur, ils me proposent un verre que je décline, en continuant d'avancer, je reconnais Sacha, notre interprète, affalé sur une banquette et ronflant puissamment.»* [3, с. 10]

Особое внимание в романе автор уделяет образу русских женщин, которые играют заметную роль в душевных поисках главного героя. Иногда писатель даже отступает от стереотипных представлений, делая исключение для некоторых женских образов.

Так, рассказчик знакомит читателя с девушкой, случайно встреченной в ресторане, которая становится положительным персонажем романа. Автор не дает описания её внешности, в телефонном разговоре со своей подругой главный герой упоминает лишь, что она особенная. Эта особенность связана с тем, что Анна говорит по-французски, и именно поэтому, на наш взгляд, рассказчик не приписывает ей «типичных» черт русской женщины, но помещает её в «свой лагерь». Для главного героя Анна становится связующим звеном между тем, что ему понятно, и тем, что ускользает от его понимания в незнакомой стране. В эту же группу «своих» попадает журналистка Галина. Мы также не найдем в романе подробного описания её внешности, характерных национальных черт, но лишь краткую и довольно нейтральную характеристику *«le corps ferme et doux»* [3].

Что касается ещё одного женского образа, который представлен матерью Анны, то он, на наш взгляд, объединяет в себе все самые распространенные стереотипы о русских: она гостеприимна, много пьет, оплакивая смерть дочери, и пытается свести счёты с зятем, обвиняя его в заказном убийстве. Стереотипу при описании её внешнего вида: *«une très petite femme au visage ridé, enveloppée dans une lourde pelisse»* [3] соответствует стереотип бедности, желания пожаловаться на власть и беспросветную жизнь : *«je suis une femme misérable, j'ai honte de moi, j'ai honte de ma maison»* [3].

Однако в этой галерее женских образов главного героя больше всего интересует образ красивой молодой русской женщины, которая любым

способом хотела бы уехать из провинции в Москву или Санкт-Петербург и выйти замуж за нового русского или иностранца. Он так описывает этот тип русских девушек: *«...je pensais à ces filles longilignes, blondes, ravissantes, qu'on rencontre dans les boîtes de Moscou et qui, maîtresses de nouveaux Russes, vêtues de manteaux de fourrure sur des robes très courtes et très chères, roulant en Mercedes aux vitres fumées, jugeant leurs compagnons au seul poids de leur carte de crédit, promènent sur le monde un regard d'une dureté glaçante.»* [3] Рассказчик даже приводит данные статистических исследований, в которых якобы говорится, что две трети русских женщин занимаются проституцией, чтобы завоевать себе место под солнцем. Воплощением этого образа в романе является дочь Саши из ФСБ, которая уезжает из Котельнича в Петербург, при этом её отец спокойно комментирует её отъезд: *«Elle va y faire ses études. Enfin faire ses études: faire la pute, plutôt.»* [3]. Думается, что описание внешности этих девушек «*filles longilignes», «blondes», «ravissantes»*, а также их черт таких как высокомерие, меркантелизм, цинизм «*leur regard glacial qui révèle le mépris»*, *«jugeant leurs compagnons au seul poids de leur carte de crédit, promènent sur le monde un regard d'une dureté glaçante»* [3] вполне соответствует представлениям западноевропейского читателя о русских девушках.

Думается, что интерпретация образа русского человека, представленная в этом романе, в некоторой степени отвечает действительности, но стремление автора обобщить частные случаи приводит в конечном итоге к упрощению и искажению.

Несколько иной взгляд на Россию и русского человека мы находим в произведениях Сильвена Тессона. С. Тессон – член Французского общества путешественников и обладатель Гонкуровской премии по литературе. Его эссе «В лесах Сибири» в 2011 году было удостоено престижной премии Медичи за эссеистику. В этом произведении С. Тессона события, которые он описывает, важны не сами по себе, а, скорее, как материал для философских размышлений писателя. Думается, именно поэтому многие его наблюдения и заключения тяготеют по форме к афоризмам и сентенциям. Для характеристики национальной идентичности писатель активно использует языковые средства выразительности, такие как транслитерация *«gloubina»*, *«abstractirovaouit», «vodka»* а также просторечную лексику *«mnie pofigou», «pofigisme», «pofigiste».*

Россия привлекает Тессона, в первую очередь, как путешественника, своим географическим положением между Европой и Азией, огромной территорией, необыкновенными ресурсами и местами, где, возможно, ещё не ступала нога человека. *«En France, la moindre montagne est pitonnée, balisée, cartographiée, ce qu'on ne voit pas en Russie. Ici, (en Russie) on échappe encore à tout ça: on peut faire ce qu'on veut. Les choses sont encore possible. Il y a moins d'entrave législative à l'existence.»* [6] Интересно, что

даже понятие «глубинка», которое у Э. Каррера является синонимом «дыра», «захолустье», С. Тессон связывает в первую очередь со словом «глубина» *«Je suis assis à la table de Volodia et regarde par la fenêtre se succéder les images de la Russie éternelle. Les Russes, pour parler des zones reculées, utilisent le terme de gloubina : la profondeur.»* [4]

Без сомнения, Сильвен Тессон по-своему любит Россию. Однако в книге мы можем встретить такие описания русских, что не понятно за что же их можно любить (что также вполне соответствует уже существующим представлениям западноевропейского читателя). Так, С. Тессон обращает внимание на узость их взглядов, национализм и даже шовинизм. *«Le soir, la soupe. Passionnante converstion avec un pêcheur d'où il ressort que les Juifs mènent le monde (mais qu'en France ce sont les Arabes), que Staline était un vrai chef, que les Russes sont invincibles (ce nain d''Hitler s'y est cassé les dents), que le communisme était un système excellent.., que le 11 septembre est un coup des Yankees, que les historiens du goulag sont antipatriotes et les Français des homosexuels. Je crois que je vais espacer mes visites.»* [4]

Автор описывает также дурной вкус русских, указывает на их неспособность расстаться с ненужными вещами, а также на привычку жить в хаосе, абстрагируясь от всего неприятного, что их окружает. *«La neige a un peu fondu dans la clairière, découvrant de nouveaux déchets accumulés depuis vingt ans par mon prédécesseur. Le peuple russe capable d'efforts surhumains pour repousser l'ennemi ne trouve pas l'énergie de jeter les ordures dans une fosse.»* [4] *«Les Russes font table rase du passé, jamais de leurs déchets. Jeter quelque chose? Plutôt mourir, disent-ils... Beaucoup de Russes vivent dans des endroits tenant du chantier et de la casse de bagnoles. Ils ne voient pas les déchets. Ils ignorent mentalement le spectacle étalé sous leurs yeux. Le verbe Abstractirovaouit, «faire abstraction», est un maître mot quand on habite sur une décharge.»* [4] «*Les Russes, si fiers de l'intégrité de leur patrie, ne portent pas d'attention à cette coupe réglée. Gonflés de l'illusion de peupler un pays sans bornes, ils imaginent leur nature inépuisable.»* [4]

Безусловно, автор не проходит мимо и алкоголизма русских: *«L'autocratisme se double de folie quand la vodka allume des feux au fond de ses yeux. Il règne sans rival sur sa satrapie.»* [4] *«Ma caméra est posée sur l'étagère, j'appuie sur le bouton. La conversation monte, soutenue par la brûlure de la Kedrovaïa à 40°.»* [4] *«Tout se marie bien avec la vodka. Sauf les baisers d'une fille. Je ne risque rien.»* [4] *«C'est au cinquième verre de vodka qu'il est difficile de résister au suivant. Avoir peu à faire entraîne à porter attention à toute chose.»* [4]

В произведении С. Тессона не так много образов русских женщин, некоторые из них перекликаются с теми, которые мы уже встречали в романе Э. Каррера. Например, образ русской жены друга рассказчика из Иркутска. Она мечтала о Франции и Каннах, и потому, вероятно, вышла замуж за француза в надежде, что он увезет её из сибирского захолустья.

Однако, как только она поняла, что муж её не собирается возвращаться во Францию и всё время проводит в тайге, сразу его бросила. *«Dans le camion, il y a aussi mon ami Arnaud qui m'accompagne depuis Irkoutsk. Il y vit depuis quinze ans. Il s'est marié avec la plus belle femme de la ville. Elle rêvait de l'avenue Montaigne et de Cannes. Quand elle a compris qu'Arnaud ne pensait qu'à courir les taïgas, elle l'a quitté.»* [4]

Несмотря на указанные недостатки, нам представляется, что в своем эссе С. Тессон отмечает, в первую очередь, противоречивость и парадоксальность русского человека. Как он сам утверждает: *«J'aime ces Russes paradoxales»* [4]. Что особенно привлекает автора в русских это то, что он называет «la force vitale», потрясающая жизненная сила, энергия. Вот как он говорит об этом в своём произведении: «*Il est 9 heures, je lis cette phrase de Michel Déon : «Mais vous savez, malgré toute ma volonté, la solitude est la chose la plus difficile à protéger», quand la porte s'ouvre violemment. Quatre pêcheurs pénètrent dans la cabane sans sommation, avec cette énergie que les Russes mettent dans les choses.»* [4] *«À chaque fois que les pêcheurs russes visitent ma cabane j'ai l'impression que la division de cavalerie est venue bivouaquer dans mon potager. Fatalisme, spontanéité, despotisme : les traits du caractère mongol ont été inoculés dans le système veineux slave.»* [4]

Автора привлекает также устойчивость и спокойствие русских перед жизненными трудностями. В одном из своих интервью писатель отмечает «Мне кажется, в Европе всё это в значительной степени утрачено, в частности, из-за благополучия последних пятидесяти с лишним лет. Разумеется, я приветствую и очень благодарен за все медицинские достижения, за отлаженную систему социальной помощи, но в итоге человек расслабился в комфорте и утратил долю сумасшедшинки» [7]. По мнению писателя, выстоять в непростых ситуациях или условиях жизни русским зачастую помогает так называемая народная философия «пофигизма», которая удивительным образом сочетается с их внутренней жизненной силой. *«En Russie, pour signifier qu'on s'en fout, on dit «mnie pofigou». Et on appelle «pofigisme» l'accueil résigné de toute chose. Les Russes se vantent d'opposer leur pofigisme intérieur aux convulsions de l'Histoire, aux soubresauts du climat, à la vilenie de leurs chefs… Les Russes demandent simplement qu'on les laisse vider une bouteille aujourd'hui parce que demain sera pire qu'hier. Le pofigisme est un état de passivité intérieure corrigée par une force vitale. Le profond mépris envers toute espérance n'empêche pas le pofigiste de rafler le plus de saveurs possible à la journée qui passe.»* [4]

Говоря о парадоксальности русских Сильвен Тессон постоянно прибегает к сравнениям, противопоставляя поведение русских и европейцев в одной и той же ситуации: *«Là où un Français est très vite désespéré et abandonne, le Russe va au contact, au combat, en se fichant pas mal du résultat. Quand il y a adversité du sort, j'ai remarqué que les Russes*

prenaient les choses avec un peu plus de fatalité et, du coup, avec une force que nous n'avons plus.» [4] Или другой пример: *«Les Allemands et les Russes : les uns rêveraient de mettre le monde en ordre, les autres doivent subir le chaos pour exprimer leur genie.»* [4]

С. Тессон указывает также и на такую противоречивую особенность русских: с одной стороны, они способны перечеркнуть их прошлое и начать с чистого листа, с другой стороны, он обращает внимание на их страсть отмечать разные исторические даты. Так, даже «на Памире… есть Пик 60-летия Октябрьской революции!», - говорит он [7]. Но среди всех знаменательных событий, писатель справедливо подчеркивает особую значимость для русских праздника 9 мая. Трудно не согласиться с его утверждением, что прошедшие 65 лет ничего не значат для русских, о победе говорят так, как будто она была вчера. *«Demain, c'est le 9 mai, la commémoration de la victoire. Les Russes de l'an 2010 n'en reviennent toujours pas d'avoir battu le fasciste. Soixante-cinq ans n'ont rien pesé: on parle de la victoire comme si elle datait d'hier.*» [4]

Другой характерной чертой русских, по мнению писателя, является глубокое сосуществование архаизма, суеверий и религиозного сознания («*Les Russes aiment l'explication ésotérique du monde»* [4]) с любовью к новым технологиям. Так, например, после разговора со своей сибирской знакомой Леной о медведях, С. Тессон покидает её ещё более укрепленный в своей любви к этому народу: «*Je la quitte, raffermi dans mon amour de la Russie, nation qui envoie des fusées dans l'espace et où l'on se bat contre les loups à coups de pierres.*» [4] В одном из своих интервью автор вспоминает, как он был потрясен, увидев, как священник благословляет очередной «Союз», запускаемый с космодрома Байконур. «На такую мизансцену, считает писатель, - мы, европейцы, не способны. Изучать иррациональных русских мне гораздо интереснее, чем преисполненных банальных истин представителей Запада» [7].

С точки зрения писателя, парадоксальность русских заключается в том, что они странным образом сочетают в себе пассивность, «пофигизм», мечтательность и необыкновенную внутреннюю жизненную силу и способность действовать. Как обычно с некоторой долей иронии автор указывает на это в своем эссе: «*Les Slaves peuvent rester des heures assis à regarder perler les carreaux. Parfois, ils se lèvent, envahissent un pays, font une révolution puis retournent rêver devant leurs fenêtres, dans des pièces surchauffées. L'hiver, ils sirotent le thé interminablement, pas trop pressés de sortir.*» [4]

Как видим, в своем романе С. Тессон отмечает массу недостатков русских, но тем не менее, как он сам признается в одном из своих интервью, увиденные им достоинства всё равно перевешивают в его глазах. И именно в России, говорит он, «я пережил самые сильные моменты дружбы, человеческой солидарности» [7].

Стоит отметить, что несмотря на то, что у С. Тессона присутствует тенденция говорить «эти русские», «эти французы / немцы», автор в своем эссе всячески пытается воздерживаться от обобщений, отдавая себе отчет в том, что все, и русские, и французы всё-таки разные и что его наблюдения о России лишь незначительная часть мозаики под названием «образ русского человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашова Т.В.* Динамика восприятия советской и постсоветской России интеллигенцией Франции // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.). М.: Новый хронограф, 2011. – С. 232 – 306.
2. *Поляков О.Ю., Полякова О.А.* Мифологизация образа России в современной французской литературе // Филология и культура. – 2015. №2. – С. 220-224.
3. *Carrère E.* Un roman russe. – Paris: P.O.L. éditeur, 2007.
4. *Tesson S.* Dans les forêts de Sibérie // https://www.livelib.ru/reader/swetlanash/wish?utm_source
5. *Robert, Verzeroli Marc* Voir et écrire le monde // Revue international et stratégique 92, №4, 1 décembre 2013, p. 7-17.
6. *Fasciaux Nina* Sylvain Tesson : “En Russie il y a moins d’entrave legislative à l’existence” // Le courier de Russie http://www.elitterature.net/publier2/spip/spip.php?page=article5&idarticle=648.
7. https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/silven-tesson-ya-lyublyu-paradoksalnyh-russkih

УДК 811

А.Ю. Исаева
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАРИЖЕ XIX В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния мифа о Париже XIXв., являющегося частью художественного и публицистического дискурса, на коллективные представления о Париже, существующие в умах французской нации в выбранный период времени. Материалом для исследования послужили романы О. де Бальзака и В. Гюго, а также тексты Ж. Мишле и М.Т. Фокона. В качестве основных идей, лежащих в основе мифа о Париже рассматриваются идеи централизации, развращенности Парижа XIXв. и этимология номинации города. Делается вывод о схожести проявлений мифа о Париже в текстах разных жанров, и в его влиянии на картину мира французов, в которой Париж прочно ассоциируется с центром притяжения и городом развлечений и удовольствий.

Ключевые слова: Париж, миф о Париже, метафора, художественная литература, французский язык, публицистический дискурс

A.Yu. Isaeva
Lomonosov Moscow State University

THE INFLUENCE OF ARTISTIC AND PUBLICIST DISCOURSE ON COLLECTIVE REPRESENTATIONS OF PARIS OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the myth of Paris of the 19th century, which is part of the artistic and publicist discourse, on the collective ideas about Paris that exist in the minds of the French nation in a selected period of time. The material for the study includes the novels of O. de Balzac and V. Hugo, as well as the texts of J. Michelet and M.T. Faucon. The ideas of centralization and depravity of Paris of the 19th century and the etymology of the nomination of the city are considered as the main ideas underlying the myth of Paris. The conclusion is drawn about the similarity of the manifestations of the myth of Paris in texts of different genres, and in its influence on the picture of the world of the French, in which Paris is firmly associated with the center of attraction and the city of entertainment and pleasure.

Keywords: Paris, the myth of Paris, metaphor, fiction, French language, publicist discourse

Парижский миф как идеализированное пространство, центр могущественной Французской империи, в котором собраны все блага цивилизации, рассматривался нами ранее в рамках изучения процесса метафоризации образа города в произведениях О. де Бальзака, В. Гюго, Г. Флобера [7]. Метафоры природной стихии, персонификации и централизации встроены в систему мифа, которую Р. Барт представлял в виде «метаязыка». Согласно Р. Барту природа мифа заключается в замещении одного факта чем-то другим, миф - «вторичный язык, на котором говорят о первом» [1, с. 23]. Дискурс о Париже ведется на «вторичном языке», в котором с помощью метафор создается миф о центре европейской цивилизации, где сосредоточены добродетели и пороки, и куда стремится вся Франция.

Образность художественной литературы способствует выстраиванию в сознании человека ряда представлений, к которым трудно прийти путем анализа смысла слов. Основной целью знаменитых романистов XIX столетия становится эстетическое воздействие на читателя, а образ Парижа в художественной литературе XIX века одновременно отражает национальную языковую картину мира и способствует ее созданию.

Один из важных компонентов мифа о Париже в литературе XIX века –идея централизации:

- Paris, le centre des arts et de la civilisation[66] (Париж — средоточие искусств и цивилизации[67]);

- Paris, centre, la banlieue, circonférence[68] (Париж — центр, его предместья — окружность[69]);

- Paris est la tête du globe, un cerveau qui crève de génie et conduit la civilisation[70] (Париж — голова земного шара, мозг, терзаемый гениальной мыслью и увлекающий вперёд человеческую цивилизацию[71]).

Рассмотрим оппозицию центр — периферия в жанрах нехудожественной литературы. Для исследования были выбраны тексты исторических источников. Так, в путеводителе по Парижу 1855 года для иностранцев «Véritable guide parisien pour les étrangers» М.Т. Фокона отождествляется история столицы с историей целой страны: «Paris n'a plus d'histoire particulière, c'est l'histoire de France, qu'il faut lire et consulter

---

66 *Hugo V.* Les Misérables. — T. 1. Fantine. — P. 205. — URL:https://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (дата обращения: 01.03.2020).

67 *Гюго В. Отверженные. — Т. 1. — М., 2012. — С. 260*

68 *Hugo V.* Les Misérables — T.3. Marius. — P. 16. — URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (дата обращения: 01.03.2020).

69 *Гюго В.* Указ. Соч. — С. 550.

70 *Balzac H.* La Fille aux yeux d'or. — P. 10. — URL: http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=247&Balzac-La_Fille_aux_yeux_d_or (дата обращения: 01.03.2020).

71 *Бальзак О.* Злотоокая девушка. — М., 2006. — С. 26.

si l'on veut obtenir des détails sur les événements historique dont cette ville a été le téâtre. (У Парижа нет больше отдельной истории, это история Франции, которую нужно читать, и к которой необходимо обращаться, если хочется узнать детали исторических событий, театральной сценой которых был этот город)»[72].

Париж становится не просто городом, а целым миром: «Un mot de Charles-Quint donnera une idée des accrossements successifs de cette ville. Il disait, après son séjour en France, qu'il y avait vu un monde, une ville, un village. Le monde, c'était Paris; la ville, Orléans; le village, Poitiers. (Слова Карла V дают представление о последовательном росте этого города. После своего пребывания во Франции он сказал, что видел мир, город, деревню. Миром был Париж; городом — Орлеан; деревней — Пуатье)»[73].

В книге «Картина Франции» знаменитого историка Ж. Мишле обнаруживается образ «чувственного центра» Франции, Париж становится «сенсориумом»: «D'une part, les provinces <…>; d'autre, celles de Languedoc et de Provence <…> enfin celles de Picardie et de Flandre, où les deux systèmes se rattahent. Paris est le sensorium » (С одной стороны, провинции <…>; с другой стороны, Лангедок и Прованс <…>, наконец, у Пикардии и Фландрии две системы связываются. Париж — это сенсориум)[74].

Метафора централизации в мемуарах Ж.-Э. Османа, префекта Департамета Сены с 1853 по 1870 гг. выражается с помощью прилагательных immense («безмерный»), grande («большой»), puissant («могущественный»), а также сравнений города с целым государством «La creation d'un Etat dans l'État» («создание Государства в Государстве)[75].

Таким образом, идея централизации в нехудожественных текстах выражается с той же интенсивностью, что и в литературе.

Обращение к этимологии обозначения столицы Франции также является частью мифа о Париже. В статье «Референтные точки языка и культуры: статика и динамика» Т.Ю. Загрязкина пишет о развитии научных взглядов в литературе франкоязычных стран «для характеристики разных аспектов культурной памяти как совокупности референтных точек, важных для идентификации человека и коллектива <…> П. Нора выдвигает понятие "место памяти", в котором объединяются два компонента — память и место.

Этим термином он обозначил "остатки" (restes) другой эпохи, значимые для современности». [5, с.61]

---

[72] *Faucon M.T.* Véritable guide parisien pour les étrangers. — P.,1855. — P. 15. — URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54105303?rk=21459;2 (дата обращения: 01.03.2020).
[73] Ibid. — P. 15.
[74] *Michelet J.* Tableau de la France. — P., 1875. — P. 78. — URL : https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102906s.texteImage (дата обращения: 01.03.2020).
[75] *Haussmann G-E.* Mémoires du Baron Haussmann. — P., 1893. — P. 197, 199, 203, 204. — URL : https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2205284 (дата обращения: 01.03.2020).

Лютеция — это место памяти, являющаяся частью культурного пространства французской нации, информация о котором сохраняется и транслируется как в литературе, так и в публицистическом дискурсе по сегодняшний день. Ранее при изучении концепта Париж в художественной литературе, мы рассматривали упоминание номинации Лютеция в романах В. Гюго и Г. Флобера. Исконное название города приобретает образ «старой гидры» («La vieille hydre Lutèce»), «города грязи» («la ville de boue»), который «живет среди гнилых испарений дворов, улиц, помойных ям» («couche dans les exhalaisons putrides des cours, des rues et des basses œuvres») [6]

Лютеция упоминается и в путеводителе М.Т. Фокона с похожей отрицательной коннотацией:

- «Lutèce, son ancien nom, aux marais voisins qui la rendaient extrêmement boueuse : Lutetia de Lutum qui signifie boue»[76] (Лютеция, его старое название, название соседних болот, которые делали его чрезвычайно грязным: Lutetia de Lutum, что означает грязь).

Произведения знаменитых романистов оказывали влияние на систему ценностей французской нации. Можно предположить, что авторы нехудожественной литературы писали свои тексты под влиянием уже сложившихся стереотипов. Одновременно с этим, исторические события, происходившие в XIX веке, отражались в литературе, что свидетельствует о непрерывном переплетении художественного дискурса и истории:

- Paris tressaille souverainement, le quid divinum se dégage, un 10 août est dans l'air, un 29 juillet est dans l'air, une prodigieuse lumière apparaît, la gueule béante de la force recule, et l'armée, ce lion, voit devant elle, debout et tranquille, ce prophète, la France[77] (Париж содрогается до самых глубин, ощущается присутствие guid divinum (чего то божественного (лат.)), веет духом 10 августа, веет духом 29 июля, вспыхивает дивное зарево, грубая сила пятится, как зверь с разинутой пастью, — и перед войском, разъяренным львом, спокойно, с величием пророка, встает Франция[78]).

- Sa physionomie sous-entend la germination du bien et du mal, le combat et la victoire, la bataille morale de 89 dont les trompettes retentissent encore dans tous les coins du monde ; et aussi l'abattement de 1814[79] (Лик его отражает произрастание добра и зла; борьбу и победу, идейную битву 1789

---

[76] *Faucon M.T.* Op. cit. – p.13

[77] *Hugo V.* Les Misérables. — T. 5. Jean Valjean. — P. 68. — URL:https://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (дата обращения: 01.03.2020)

[78] *Гюго В.* Отверженные. — Т. 2. — М., 2012. — С. 362.

[79] *Balzac H.* La Fille aux yeux d'or. — P. 10. — URL: http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=247&Balzac-La_Fille_aux_yeux_d_or (дата обращения: 01.03.2020).

года, трубы которой ещё гремят во всех уголках мира, а также поражение 1814 года[80]).

Еще один элемент мифа о Париже – это идея о безнравственности города.

Так, в своем стихотворении «À l'Arc de triomphe » В. Гюго использует аллегорию Париж-Вавилон, как символ места, куда съезжались люди со всей страны в поисках лучшей жизни, развлечений и удовольствий:

«Frère des Memphis et des Romes»,
Il bâtit au siècle où nous sommes
Une Babel pour tous les hommes
Un Panthéon pour tous les dieux[81]

«Брат Мемфиса и города Рим,
Он строит век, в котором мы живем
Вавилон для всех мужчин,
Пантеон для всех богов!»

М.Т. Фокон в уже упомянутом путеводителе по Парижу описывает сожаление Иоганна Богемского перед смертью (здесь, вероятно, имеется в виду Иоганн Люксембургский, граф Люксембурга), сожалеющего о том, что он не увидел Париж: « que je voye Paris, disait-il, c'est l'endroit le plus chevaleresque du monde » («хотел бы я увидеть Париж, это самое рыцарское в мире место»). По мнению автора, Париж с тех пор не изменился его можно сравнить с Вавилоном: « Paris était donc, à cette époque, un lieu de délices <…> Paris est tout cela encore aujourd'hui ; on l'a appelé (je ne sais trop si ce rapprochement est flatteur pour lui), la Babylone moderne ». (« Париж был в то время местом наслаждений. Париж такой и сегодня; мы его зовем (я не знаю, льстит ли ему эта отсылка), современный Вавилон».)[82]

Вавилон здесь, так же, как и у В. Гюго - символ развращения человека, возможно, поэтому автор сомневается в том, нравится ли самому Парижу такое сравнение.

Влияние повествования на коллективные представления тесно связано с понятием идентичность. Вопросы идентичности поднимались в различных исследованиях О.А. Крюковой [8], Ю.Г. Есиной [4] и др. В рассматриваемых нами текстах этот элемент прослеживается особенно явно. Миф о Париже связывает поколения и укрепляет образ Парижа в коллективной памяти практически не меняя его характеристики.

---

[80] *Бальзак О.* Указ. соч. — С. 26.
[81] *Hugo V.* À l'Arc de triomphe. — URL: https://www.poesie-francaise.fr/victor-hugo/poeme-a-l-arc-de-triomphe.php (дата обращения: 01.03.2020).
[82] *Faucon M. T.* Указ. Соч. — P. 219

В приведенных примерах миф о Париже, созданный романистами XIX века, находит свое подтверждение в произведениях нехудожественного стиля. Метафоры, используемые французскими писателями, обнаруживаются в публицистическом дискурсе с той же ясностью и образностью. Таким образом, влияние художественного и публицистического дискурса на картину мира, существовавшую в умах парижан XIX века, осуществлялось с удвоенной силой и способствовало формированию образа столицы Франции, города со своей историей и пороками, ставшего центром притяжения жителей всей страны.

Однако, миф о Париже ставший частью коллективных представлений о столице Франции XIX века не может трактоваться однозначно и требует всестороннего изучения. Р. Барт писал: «всякая метафора — это бездонный знак, и символический процесс, во всей своей неисчерпаемости, указывает именно на эту недостижимость означаемого; критик не может свести метафоры произведения к тому или иному однозначному смыслу, он может лишь продолжить их».[1, с.367].

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика /Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство «Прогресс», 1989
2. Бальзак О. Злотоокая девушка. — М., 2006.
3. Гюго В. Отверженные. — В 2 т. — М., 2012.
4. Есина Ю.Г. Показатели региональной идентичности в культуре Франции (Вандея, Руссильон). — М., 2012. — 276 с.
5. Загрязкина Т.Ю. Референтные точки языка и культуры: статика и динамика: (на примере Квебека) / Т. Ю. Загрязкина // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. - N 2. - С. 61-71.
6. Исаева А. Ю. Концепт Париж в художественной литературе XIX в. на примере произведений О. де Бальзака, В. Гюго, Э. Золя, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 4. — С. 163–172.
7. Исаева А.Ю. Метафоризация образа Парижа в произведениях О.де Бальзака, В. Гюго, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1. — С. 140–148.
8. Крюкова О.А. «Кино как маркер культурной идентичности (на материале кинематографа Квебека)» Франкофония: культура повседневности/Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. М.: Международные отношения. — 2020. — С.61-69
9. Balzac H. La Fille aux yeux d’or. — URL: http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=247&Balzac-La_Fille_aux_yeux_d_or (дата обращения 01.03.2020).

10. Faucon M.T. Véritable guide parisien pour les étrangers. P., 1855. — URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54105303?rk=21459;2 (дата обращения: 01.03.2020).
11. Haussmann G-E. Mémoires du Baron Haussmann. — P., 1893. — URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2205284 (дата обращения: 01.03.2020).
12. Hugo V. À l'Arc de triomphe. — URL: https://www.poesie-francaise.fr/victor-hugo/poeme-a-l-arc-de-triomphe.php (дата обращения: 01.03.2020).
13. Hugo V. Les Misérables. — URL: https://www.ebooks-gratuits.com/ebooks.php?auteur=Hugo_Victor (дата обращения: 01.03.2020).
14. Michelet J. Tableau de la France. — P., 1875. — URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102906s.texteImage (дата обращения: 01.03.2020).

УДК 811

М.Н. Москавец
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский Филиал)

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

Аннотация. В статье анализируется роль англоязычных вкраплений в современной французской прессе. В рамках политики языкового планирования возникает вопрос о целесообразности употребления англоязычных вкраплений на страницах центральных газет. Анализ основных типов данных вкраплений и их функций в газетном дискурсе позволяет заключить, что их использование является умеренным и разумным.

Ключевые слова: политика языкового планирования, французская пресса, прагматический потенциал, англоязычные вкрапления, термины

M.N. Moskavets
Moscow State Institute of International Relations (University), the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo Branch)

THE ROLE OF ENGLISH INCLUSIONS IN FRENCH MODERN PRESS

Abstract. The article is devoted to study the role of English inclusions in French modern press. Under the policy of language planning the question of rational use of English inclusions in the leading papers arises. The analysis is

given as an attempt to define the main types and functions of inclusions. Thus it can be argued that the use of English inclusions is rather moderate and reasoned

Key words: policy of language planning, French press, pragmatic potential, English inclusions, terms

Функцию языка международного общения до начала XX века выполнял французский язык. После окончания Первой мировой войны такой статус обрели также английский и немецкий языки. В настоящее время в мире наблюдается так называемый процесс «глобанглизации». С одной стороны, он влечет за собой исчезновение части языков населения нашей планеты, с другой, - побуждает представителей других языковых культур сопротивляться этой языковой экспансии, искать «баланс между разумным использованием английского языка и/или других языков международного общения и сохранением своих языков» [2, с. 15]. В рамках борьбы за чистоту языка государства применяют политику языкового планирования.

У Французской Республики накопился большой исторический опыт в вопросах языкового регулирования, которое осуществляется с XVII века по настоящий момент. Государственные органы «проявляют активное вмешательство в языковую деятельность общества, борются с засорением языка англо-американизмами, принимают меры по укреплению престижа французского языка в мире» [5, с. 584].

Одной из таких мер является употребление правильного французского языка в средствах массовой информации. Письменные языковые нормы находят отражение в печатной прессе. Именно потому, что пресса имеет широчайшую читательскую аудиторию, на нее возложена важная функция донесения этих норм до читателей: «… она играет важную роль в плане культуры речи, выступая проводником норм литературного языка» [3, с. 222].

В то же время, исследования показывают, что во французской прессе нередко встречаются иноязычные вкрапления, большая часть из которых - англоязычные.

Один из факторов этого явления – социокультурный статус языка-донора в культуре заимствующего языка: “Le terme emprunté a toutes les chances de s’introduire dans l’usage de l’ensemble des locuteurs, […] si le statut socioculturel de la langue-source par rapport à la langue-cible est réputé être préstigieux” [6, с. 79]. Взаимоотношения английского и французского языков можно характеризовать как тесное взаимодействие двух весомых на мировой арене языков [1]. Свидетельством престижности английского языка во французском обществе может служить популярность англо-американской культуры в мире в целом. О встречном же интересе англоязычных авторов к французской культуре свидетельствует наличие

немалого числа франкоязычных вкраплений в англоязычных дискурсах (например, в детской англоязычной анимации [4]).

Англоязычные вкрапления во французской прессе имеют различный статус. Это могут быть:

- элементы, уже полностью ассимилировавшиеся в языке, зарегистрированные во французских словарях, в дополнительном толковании которых аудитория не нуждается: 'la **star**' [здесь и далее выделено жирным шрифтом автором – *М.Н.*][9, p. 26] – 'nom féminin (anglais *star*, étoile). Vedette du cinéma, d'un autre domaine du spectacle' [https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/star/74480?q=star#73641];

- термины, появление которых всегда обусловлено необходимостью назвать новое явление или объект [6, с. 44], толкование которых может даваться прямо в статье, например: merchandising – "les ateliers du **merchandising** (qui s'occupent de l'organisation visuelle des zones de vente)" [9, p. 24];

- графически маркированные англоязычные включения – взятые в кавычки или выделенные курсивом: **«off the record»** [9, p. 19], des "*méthodes de* ***gangster***" [9, p. 6].

Что касается последней группы, данные включения по большей части используются в стилистических целях, на что указывает и внешняя маркировка, и смысловая составляющая, актуальная только в условиях данного контекста. Как правило, автор публикации использует англоязычные вкрапления, чтобы охарактеризовать ситуацию, часто подчеркивая ее пикантность, неоднозначность: "Il s'agace contre tel secrétaire national qui se répand en **"off"** acrimonieux dans la presse" [9, p. 15]; "M. Bantel a toujours nié avoir prononcé ces mots, même **«off the record»**" [9, p. 19].

Хотя могут встречаться ссылки на обсуждаемые ранее вопросы: "La préparation au **«no deal»** est-elle suffisante? – Nous préparons le **«no deal»**" [9, p. 2]. Этот фрагмент интервью, в котором обсуждаются сценарии выхода Великобритании из Евросоюза и линии поведения Европарламента, свидетельствует об употреблении выражения «no deal» в целях языковой экономии. Это выражение описывает основную стратегию Европарламента в условиях Brexit, о деталях которой, очевидно, читателю известно из предыдущих номеров газеты или других средств информации.

Нередкое в настоящее время появление неологизмов, терминов в языке прессы связано с популяризацией научной и экономической сфер жизни: «В публицистике термины употребляются не только в экспрессивных целях, но и в прямом значении в связи с тем, что наука и техника занимают все больше места в современной жизни» [3, с. 221]. Новый термин заимствуется вместе с новым явлением / объектом: «подобные термины приходят в язык обычно вместе с обозначаемым явлением, которое, по крайней мере, на начальном этапе имеет те же

характеристики, что и в культуре заимствования» [7, с. 79]. Логично, что именно англоязычные культуры, лидирующие по инновациям в области технологий, научной и экономической сферах, служат основным (хотя и не единственным) источником новых терминов. В публикациях встречаются такие термины, как: (технические) le **drone** [9, p. 5], ce **post** [9, p. 26], (экономические) une **start-up** [9, p. 11], le **marketing** 9, [p. 24], **merchandising** [9, p. 24]; (из шоу-бизнеса) un **casting** [9, p. 20], **street**-artiste [9, p. 22], le ***showrunner*** [9, p. 20], "sous forme de **happenings**" [9, p. 24]; (индустрия моды) **les fashions weeks** [9, p. 24], **looks twistant** [9, p. 24], **trench** [9, p. 24]. В данном случае англоязычное вкрапление, стилистически нейтральное, используется в качестве информемы.

Иная ситуация складывается, когда англоязычные вкрапления выполняют роль прагмемы, то есть призваны не столько сообщать информацию читателю, сколько на него воздействовать. Авторы, в поисках наиболее экспрессивных языковых средств, прибегают к употреблению фразеологических единиц, тропов, неологизмов, заимствований и т.д. [8, с. 407]. В исследуемом корпусе данное положение могут проиллюстрировать следующие контексты с англоязычными вкраплениями: "manquant de flair politique comme de **punch**" [9, p. 15], "son style **geiser** semble tomber à pic" [9, p. 21], "ils faisaient figure d'**outsiders**" [9, p. 22]. Эти иноязычные включения позволяют вложить в данные метафоры бóльшую эмоциональность, энергичность, воздействующую силу.

По наблюдениям, наибольшее количество англоязычных вкраплений имеют место в статьях, посвященных событиям в шоу-бизнесе, индустрии моды, культуре. Именно эти социальные сферы являются интегрирующими пространствами, объединяющими людей разных наций и языков. Именно здесь максимально проявляется процесс конвергенции, который «соответствует центростремительным тенденциям, создавая интернациональные элементы в различных языках» [2, с. 16].

Англоязычные вкрапления могут употребляться даже при условии существования в языке их французских эквивалентов. Так происходит в том случае, если основная тема публикации – взаимодействие с англо-американской культурой. Например, в статье-комментарии на политический призыв со стороны американской поп-звезды Тэйлор Свифт автор пользуется такими лексическими единицами, как "la **star**", "ses ***boyfriends***", которые здесь более уместны, чем французские "vedette" и "petits amis". Интервью с создателем популярного французского сериала, посетившего Голливуд с целью повышения своего мастерства, изобилует англоязычными лексическими включениями (часто графически выделенными): la **«war room»**, le ***showrunner***, un **gangster**, au **casting**, des **hackeurs** [9, p. 20].

Нельзя обойти вниманием еще одну группу англоязычных вкраплений –названия компаний, организаций, международных

нормативных документов на английском языке (которые могут дублироваться на французском языке при их первичном упоминании в тексте): “Le règlement européen **Reach** (**Registration, Evaluation, Authorisaton and Restriction of Chemicals** en anglais, ou «Enregistrement, évaluation, autorisation et restriction des substances chimiques»)…” [9, p. 17]; “des militants du movement **BDS** (**boycott** désinvestissement sanctions contre Israël” [9, p. 21], “**WeFight**” [9, p. 11], “Hudson Oil Compagny” [9, p. 11]. Названия научно-исследовательских, медицинских программ нередко имеют англоязычные составляющие в своем названии: **TAILORx** [9, p. 7], **MammaPrint** [9, p. 7].

Встречаются также названия международных событий в сфере культуры, шоу-бизнеса: des American Music Awards [p. 26], les fashion weeks [p. 24].

Названия социальных сетей, интернет-ресурсов также воспроизводятся в газетном дискурсе в оригинале, например: **Tweeter** [9, p. 5], **Messenger** [9, p. 8], le site **Buzzfeed** [9, p. 26], **Istagramm** [9, p. 26]. Однако на их базе могут возникать новые лексические единицы, например, глагол ‘**tweeter’** (который еще не зарегистрирован в электронной версии словаря “Larousse”): “…le ministère des affaires étrangères **a tweeté** que…” [9, p. 5]. Данное лексическое образование позволяет осуществить принцип языковой экономии (“**a tweeté**” [9, p. 5], ср.: “écrivait sur son compte **Twitter**” [9, p. 5]).

Как правило, англоязычные включения-названия обозначают понятия, существующие только под данным названием, не имеющим эквивалента на другом языке (за исключением отдельных случаев перевода на французский язык названий организаций или документов). Подобные англоязычные вкрапления выполняют информативную функцию.

Все вышесказанное свидетельствует о широком употреблении англоязычных вкраплений в современной французской прессе. Самую многочисленную группу данных вкраплений составляют названия организаций, международных программ, международных событий, а также термины экономического, технического характера и сферы шоу-бизнеса. Эти включения выполняют, как правило, информативную функцию, обозначая понятия, изначально названные на английском языке. Англоязычных вкраплений другого типа значительно меньше, но их употребление либо реализует принцип языковой экономии (например, отсылая к прецедентной ситуации), либо делает мысль автора более выразительной, наделяет ее большей иллокутивной силой. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о скорее разумном использовании английского языка французскими публицистами.

Литература

1. Епифанцева, Н.Г. Государственная языковая политика Франции как фактор развития и усиления роли французского языка в мире / Н.Г. Епифанцева, С.Н. Куракина // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru
2. Кабакчи, В.В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. Пособие для вузов / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 250 с. – (Серия: Авторский учебник).
3. Кузнецов, В.Г. Функциональные стили современного французского языка: Публицистический и научный: Учебное пособие / В.Г. Кузнецов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 232 с.
4. Лукьянова, В.С. Прагматический потенциал французских вкраплений в детской англоязычной анимации / В.С. Лукьянова, М.Н. Москавец // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистики. – 2018. – Вып. 5. – С. 108-116. – DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-108-116.
5. Скуратов И.В. Терминологическая политика современной Франции как фактор упорядочения процессов создания и заимствования новых терминов / И.В. Скуратов // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф. Сб. статей по мат-м Междунар. научно-практ. конференции памяти доктора филологических наук, профессора Ю.Н. Марчука. – Под общ. Ред. И.И. Валуйцевой. Ред. Англ.текста И.А. Улиткин. – Москва: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 584-588.
6. Скуратов, И.В. (Skuratov, I.V.) Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке (Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain): монография. На французском языке / И.В. Скуратов. – Москва: ИИУ МГОУ, 2016. – 158 с.
7. Скуратов, И.В., Полякова, Н.В. Политика франсизации англоязычных заимствований (на материале прессы) / И.В. Скуратов, Н.В. Полякова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 4 (20). С. 75-80.
8. Харламова, М.В. Семантическая трансформация фразеологических единиц (на материале французской молодежной прессы) / М.В. Харламова // Романские языки в межкультурном пространстве: Материалы международной научной конференции 26-27 июня 2012 г. — М.: МГОУ, 2012. – С. 406-409.
9. Le Monde Week-end. – 13.10.2018.

УДК 811

А.С. Овчинникова
АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА»

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ «ДУША» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО)

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных тем линговультурологии - исследованию концептов в аспекте межкультурной коммуникации. Впервые в статье рассматривается концепт «душа» в сопоставительном плане на примере оригиналов и переводов поэтических произведений В.С. Высоцкого. Применение спектра методов к иллюстративному материалу приводит к выявление сходств и различий в реализации ядерных, дифференциальных и потенциальных сем лингвокультурем «âme», «coeur», «душа».

Ключевые слова: концепт, лингвокультурема, исходный и переводный тексты

A.S. Ovchinnikova
ANO HE «International Police Academy ARPA»

TYPOLOGICAL FEATURES OF LINGUOCULTURAL "SOUL" IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF TRANSLATIONS OF V.S. YSOTSKY'S POETRY)

Abstract. The article is devoted to one of the relevant topics of linguistic studies - the study of concepts in the aspect of intercultural communication. For the first time in the article the concept of “soul” is considered in comparative terms using the example of the originals and translations of V.S. Vysotsky. Application of the spectrum of methods to illustrative material leads to the identification of similarities and differences in the realisation of basic, differential and potential semantic cultures “âme”, “coeur”, “soul”.

Key words: concept, linguocultureme, original and translated texts

В последнее время наблюдается значительной рост исследований творчества В.С. Высоцкого не только с литературоведческой точки зрения, но и имеющих лингвистическую направленность, что свидетельствует об актуальности высоцковедения до настоящего времени. Вместе с тем нет ещё достаточного количества работ, посвященных сопоставительному анализу оригинала и перевода в разноструктурных языках в аспекте лингвкультурологии.

Лингвокультурологический подход к иллюстративному материалу позволяет выявить наиболее точно национально окрашенную культурную информацию, носителем которой является лингвокультурема, ментальное образование, наделённое этнокультурными маркёрами.

Выбор лингвокультуремы «душа» в качестве фактического материала не является случайным, так как соотношение семного состава «*душа*» и его эквивалентов во французском языке « *âme* » et « c*oeu*r » рассматривается когнитологами неоднозначно.

С привлечением ряда методов: метода словарных дефиниций, компонентного анализа и сравнительно-сопоставительного анализа, удалось установить, что лингвокультурема «душа» в русском и французском языках имеет ядерную сему «жизненное существо»: «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» [Даль, 2005, с. 504], «principe de la vie végétative et sensitive» [Le Petit Robert ,2012, p.57]

«Стремилась ввысь ***душа твоя /Ton âme*** *s'élevait vers des sommets»*

«Ведь, может быть, в начальника / ***Душа твоя*** *вселится»*

C'est peut-être dans un président/Que ***ton âme*** *ira se loger.*

« Песенка о переселении душ» / « Métempsycose, tr.par Bedin » [Vyssotski, 2003]

В приведенном примере во французском и русском языках в лингвокультуреме «âme/душа» реализуется дифференциальная сема «principe spirituel de l'homme, conçu comme séparable du corps immortel» / «духовная бессмертная сущность человека, отделимая от тела».

Вместе с тем представляется недостаточным обращать внимание только на подбор французского эквивалента для русской лингвкоультуремы «душа», необходимо также учитывать синтаксическое моделирование лингвокультуремы. Часто оно обусловливает порождение потенциальных и дифференциальных сем, которые отсутствуют в словарной дефиниции. Выбор глагола *se loger -селиться* в ближайшем будущем времени является очень удачной находкой переводчика для передачи способа действия , связанного с начинательностью (в-селяться), которая в русском языке передается словообразовательным значением префикса «в-». Однако, эпидигматические связи лингвокультуремы «душа», отправная точка которых заложена в заглавии «О переселении душ»[Vyssotski, 2003], позволяет считать гиперсемой ядерную сему «changer» лексико-семантического варианта «déménager» (changer de logement). Душепереселение в восточной и западной культурах различно. Западная религиозная философия ведет речь о переселении души из одного тела в другое, то есть о реинкарнации, а русская душа пускается в свободное плавание и ищет себе новую оболочку либо среди людей, либо среди животных, поэтому очень часто в русских народных сказках появляются говорящие Царевна- Лягушка, Старичок-Боровичок и т.д.

Изучение фактического материала открыло пути для выявления типологии ещё одной дифференциальной семы «principe de la vie morale, conscience morale» / сущность нравственной жизни, нравственного сознания. В « Песне о Земле» В.С. Высоцкий придает Земле образ матери, душа которой истерзана войной, в ней скопились страдания и горе каждого её жителя без разграничения на «свой» и «чужой». Подобная планетарность видения поэта нашла отражение и во французском переводе:

Ведь Земля - это ***наша душа****,/Сапогами не вытоптать* ***душу****!*

C'est ***notre âme*** *la Terre, vous le savez,/Sous les bottes****, une âme*** *ne s'écrase pas!*

«Песня о Земле»/ « Le chant de la Terre », tr. par J.-J. Marie [Vyssotski, 2003].

Построчное повторение лексемы «душа» и в русском исходном тексте, и в переводном французском усиливает духовность русского человека, веру в победу измученной боями и страданиями Родины.

Лингвокультурема «душа» реализует также дифференциальную сему «жизнь». В призыве "Спасите наши души!" звучит голос В.С. Высоцкого, направленный на сохранение жизни и высоких духовных принципов, выработанных веками поколениями отцов и дедов и прадедов.

Спасите ***наши души****!/Мы бредим от удушья./Спасите* ***наши*** **души***,*

Sauvez ***nos âmes****/L'air nous manque et nos esprits se troublent/Sauvez* ***nos âmes***

«Спасите наши души» / « Sauvez nos âmes», tr. par M.Khan [Vyssotski, 2003]

Вместе с тем в том же варианте перевода для лингвокультуремы «душа» предлагается не лексема «âme», а лексема «coeur», что вызвано необходимостью выразить приращенные семы «боль, переживание, сочувствие», то есть реализуются семы французского лексико-семантического варианта «coeur» как «le siège des sensations et des émotions» [Le Petit Robert ,2012, p.331]

Наш SOS *всё глуше, глуше, /И ужас режет* ***души*** *напополам!*

Notre SOS est de plus en plus sourd/Et l'horreur nous fend ***le cœur****/En deux*

Интересными представляются в вышеуказанном примере функции категории числа во французском и русском языках. Соотнесенность обозначаемого денотата с реальной единичностью или множественностью в русском языке обусловлена принадлежностью к категории считаемости/несчитаемости, а во французском языке *coeur/сердце* переходит в категорию неисчисляемости и обозначает абстрактное понятие.

Во многих исследованиях отмечается, что специфика национального менталитета наиболее ярко выражается во фразеологических сочетаниях

[Овчинникова,2015, с.]. В силу того, что лингвокультурема «душа» занимает большое место в эмоционально-выразительном дискурсе В.С. Высоцкого, образные компоненты нередко включают данную лингвокультурему. Сложность перевода фразеологических сочетаний обусловлена асимметрией внутренней формы компонентов в русском и французском языках и часто удается найти только частичные межъязыковые эквиваленты, как в следующем примере:

Я не люблю, когда мне ***лезут в душу****,/*
Тем более, ***когда в нее плюют****.*
Je ne supporte pas que ***l'on entre dans mon âme****,/*
Je ne supporte pas ***qu'on la couvre de crachats****.*
«Я не люблю»/ « Je n'aime pas », tr.par J.-J. Marie

Выбор варианта «entrer dans l'âme» не учитывает реализации приращенной семы «*бесцеремонно* расспрашивать о личных переживаниях человека, которые он предпочитает скрывать. В данном контексте наибольшее соответствие сем наблюдается у фразеологического оборота «*sonder le coeur*», хотя полной межъязыковой эквивалентности и в этом случае обнаружить не удается. Поиск эквивалентов для фразеологического сочетания «плевать в душу» с привлечением анкетирования французских респондентов из университета «Гренобль-Альпы» позволяет предложить вариант « mettre les pieds dans l'assiette et remuer dedans», но переводчик пошел по пути сохранения образа русской ментальности и предложил описательный перевод «couvrir l'âme de crachats».

Как показал фактический материал, привлеченный для данной статьи, типологические признаки лингвокультуремы «душа/âme» во французском и русском языках имеют как сходные ядерные семы, но значительные отличия на уровне дифференциальных сем, что объясняется расширением значений за счёт потенциальных сем, обусловленных их реализацией в словоупотреблениях В.С. Высоцкого, что в значительной степени обогатило концепт «душа» в русском языке, но и усложнило поиск межъязыковой эквивалентности в русском и французском языках.

Библиография

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.- Т.1.- М.:Русский язык-Медиа, 2003. 699с.
2. Овчинникова Г.В. Особенности интерпретации фразеологизмов во французской и русской лингвокультурах. – Древняя и Новая Романия, 2015.-Т.15.№1. С.659-663.
3. Rey A., Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française,P ., 2006. 2 200p.
4. Vyssotski V. Ballades. – P., 2003. 444p.

УДК 811

А.Ю. Симонова
Московский государственный областной университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЕМ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ К ВОЛЬТЕРУ

Аннотация. Данная работа посвящена анализу лингвистических особенностей писем Екатерины Второй к Вольтеру. В статье исследуется влияние этих особенностей на исторические реалии XVIII века. Основными методами данной статьи являются исторический метод, методы анализа, сопоставления и обощения.

Ключевые слова: переписка, прием, убеждение, постскриптум, влияние, антомасия, культура, взаимовлияние

A.Yu. Simonova
Moscow State Region University

LINGUISTIC FEATURES OF CATHERINE THE GREAT'S LETTERS TO VOLTAIRE

Abstract. This work is delicated to the linguistic analysis of the correspondence between Catherine the Great and Voltaire. The article examines the influence of these features on the historical realities of the XVIII century. The main methods of this article are the historical method, methods of analysis, comparison and generalization.

Key-words: correspondence, PostScript, conviction, culture, politics, linguistic analysis

Тематика франко-российских отношений является актуальной уже не одно столетие. Обе страны связаны тесными экономическими, торговыми, политическими связями. Однако наиболее интересными с точки зрения настоящей статьи являются культурные взаимоотношения двух государств. Россия и Франция уже несколько столетий взаимодействуют в культурной сфере на самом высоком уровне: в качестве примера достаточно привести сильное французское влияние на Россию в XVIII веке, когда Франция стала гегемоном в мировой политике и могла диктовать всему миру образцы и правила поведения не только на международной арене, но и в культурном обществе [6; 8]. Неслучайно, что тема данной статьи «Лингвистические особенности писем Екатерины II к Вольтеру» касается времен XVIII столетия, когда франко-русские отношения находились в теснейшей культурной взаимосвязи. Главной задачей данной статьи является анализ писем Екатерины II с точки зрения лингвистических особенностей, а именно слов и выражений, с помощью

которых российская императрица старалась оказать политическое влияние на крупнейшего философа XVIII века – Вольтера. Необходимо отметить, что источником для написания статьи выступает переписка Екатерины II и Вольтера, в связи с этим, главным методом исследования является анализ источника, а именно выбранных писем Екатерины Великой к Вольтеру.

Переписка Екатерины II и Вольтера активно изучена многими учеными, в первую очередь историками и политологами, которые интересуются ею с точки зрения политической перспективы. Однако лингвистических исследований по заданной тематике недостаточно для качественного освещения вопроса языковых особенностей написания писем Екатерины II: однако стоит отметить работы А. Ю. Никитиной «Языковая личность Екатерины второй», И. С. Ивановой «Языковые и политические функции писем Екатерины Второй к Вольтеру», М.В. Трифоновой «Письмо как жанр литературы», работу Шапиро О. А. и Шкорубской Е. Г. «Трансформация эпистолярного жанра в современной текстовой культуре». Именно недостаточное внимание к лексическим особенностям данной переписки выступает как актуальность данной статьи.

Екатерина Вторая, крайне увлеченная идеями Просвещения, прочитала все трактаты мыслителей и, конечно, стремилась познать их идеи напрямую – в диалоге [5]. С этой целью ею было написано первое письмо Вольтеру в 1763 году, последнее же – в 1778 году. Как следует из временного промежутка, переписка между императрицей и просветителем длилась долгие 15 лет. Для анализа выбраны лишь некоторые письма, которые наиболее ярко демонстрируют лексические единицы, использованные Екатериной Второй для усиления убеждения своего адресата в нужных императрице целях и политических действиях на международной арене.

Прежде всего, стоит отметить, что письменную речь Екатерины Второй высоко оценивали исследователи. Так, А. Ю. Никитина писала об императрице: «Индивидуальность языковой личности Екатерины II ярче всего проявляется на прагматическом уровне. Прецедентные тексты (пословицы и поговорки, фразеологические единицы, цитаты из Библии и священного писания, прецедентные имена) многократно усиливают ценностную составляющую текста, а также отражают интеллектуальный и творческий потенциал императрицы, их удачное использование является наиболее мощным средством воздействия на реципиента» [4]. Следовательно, стоит еще раз подчеркнуть важность выбора переписки Екатерины Второй с Вольтером как анализ лексических средств убеждения своего оппонента.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на обращения Екатерины II к Вольтеру. Каждое новое письмо императрица вполне умышленно начинает с простого «месьё» - крайне фамильярного для того

времени. Например, одно из писем Екатерины в 1763 года начинается именно с обращения: “Monsieur” [1]. Более того, фамильярное общение поддерживает и факт подписи императрицы. Важно отметить, что все письма заканчиваются дружеским “Caterine” [1]. Эти обращения, которые в лингвистике получили название антономасии, и подписи свидетельствуют об одном: императрица, как умелый влиятельный политик понимала, чтобы склонить союзника на свою сторону, необходимо держаться с ним не холодно, а как можно более любезно.

Кроме того, с точки зрения лексических особенностей писем Екатерины интересны постскриптумы[83], которые императрица часто любила оставлять после основного содержания своих писем Вольтеру. Рассмотрим лишь часть одного из них: «mais son insolence et sa folie redoublant, il fut jugé par le métropolitain de Novogorod et par le synode entier, condamné comme fanatique, coupable d’une entreprise contraire à la foi orthodoxe autant qu’au pouvoir souverain, déchu de sa dignité et de la prêtrise, et livré au bras séculier. Je lui fis grâce, et je me contentai de le réduire à la condition de moine» [3]. Екатерина Великая пишет об одном из осужденных ею французов, обвиненном в фанатичности своей религии. Изобилие прилагательных, таких как fanatique, redoublant, coupable, livré свидетельствуют об излишней эмоциональности императрицы. История, ничего не значащая с точки зрения основного содержания письма и рассказанная ею Вольтеру уже в постскриптуме, крайне интересна в политическом смысле. Екатерина II, зная о нетерпимости Вольтера к вопросам церкви [2], неслучайно выбирает для истории именно церковной сюжет. Императрица желала подогреть интерес просветителя к дальнейшей беседе.

Наконец, Екатерина пишет следующие строки в письме от ноября 1765 года: «La tolérance est établie chez nous: elle fait loi de l’Etat, et il est défendu de persécuter. Nous avons, il est vrai, des fanatiques qui, faute de persécution, se brûlent eux-mêmes ; mais si ceux des autres pays en faisaient autant, il n’y aurait pas grand mal ; le monde n’en serait que plus tranquille, et Calas n’aurait pas été roué. Voilà, monsieur, les sentiments que nous devons au fondateur de cette ville, que nous admirons tous deux» [7]. В данном случае важно значение игры слов «que nous admirons tous deux». Екатерина в данном письме старается убедить Вольтера, что в Российской Империи установился принцип толерантности - elle est établie, прекрасно осознавая, что никакой свободы в России не существует, напротив, сама же императрица издает ряд указов, которые душат все проявления толерантности в стране. Итак, вернувшись к последней строке письма, видно, что Екатерина стремится объединить свои мысли с принципами Вольтера. Это крайне действенный прием, который императрица

[83] приписка к законченному и подписанному письму, обычно обозначаемая «P. S.»

использует, чтобы убедить просветителя в действительности существования в России свобод.

Очевидно, что, собрав все перечисленные выше приемы, Екатерина Великая стремилась показать себя просвещенной императрицей. Выбрав наиболее эмоциональные выражения и умело использовав словесные обороты, она сумела представить Россию свободной страной, но что более интересно, Екатерина старалась убедить в этом Вольтера.

Таким образом, проанализировав некоторые указанные в статье письма можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, прием антомасии и использование постскриптумов были использован Екатериной для создания непринужденной и дружеской атмосферы в письмах.

Во-вторых, умело выбранные темы для разговора и попытки убеждения в этом оппонента послужили императрицы подспорьем для того, чтобы Россия в представлении французских просветителей выглядела страной свободной и толерантной.

Наконец, необходимо подтвердить цель написания настоящей статьи, которая состоит в анализе влияния Франции на Россию XVIII века на основе исследования фрагментов переписки XVIII века. Так, особенно важно подчеркнуть тесное культурное влияние обеих стран: государство впитывало идеи другой страны для изменения внутренней обстановки, а также для оказания своего политического влияния в мире.

Литература

1. Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. М., 1803. С. 18–19. РГАДА, Ф. 5. Д. 154. Ч. 2. Л. 18–19 об. Подлинник. Автограф. Французский язык. В составе Государственного архива Российской империи, из личной канцелярии императрицы.
2. Длугач Т.Б. Вольтер и идея толерантности URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1509 (Дата обращения 16.03.2020)
3. Екатерина Вторая Письма Вольтеру URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text 1779_pisma_volteru.shtml(Дата обращения 25.03.2020)
4. Никитина А. Ю. Языковая личность Екатерины второй URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/29158/2014-078.pdf?sequence=1(Дата обращения 01.04.2020)
5. Франция в современном мире // Социс. – 2006. – No 6.
6. Черкасов, Петр Петрович (доктор исторических наук). Россия и Франция: 300 лет совместной истории [Текст] / Петр Черкасов // Экономические стратегии. - 2010. - No 10.

7. CORRESPONDANCE : Catherine II et Voltaire : Partie 1. URL: http://www.monsieurdevoltaire.com/article-34382830.html (Дата обращения 29.03.2020)
8. Ветринская В.В., Полякова Н.В., Шабанова В.П. Категория вежливости как залог успешной деловой коммуникации: лингвистический аспект (на материале немецкого и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 351-356.

УДК 821; 82.09

Ю.В. Степанюк
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В РОМАНЕ Д. ФОНКИНОСА «ТАЙНА АНРИ ПИКА»

Аннотация. Статья посвящена анализу отсылок к личности А. С. Пушкина в романе французского писателя Давида Фонкиноса «Тайна Анри Пика». Были установлены количество, характер и типы репрезентирующих отсылки языковых маркеров. Функции отсылок заключаются в выражении высокой оценки творчества поэта и стремлении популяризовать его, а также в привлечении фигуры А. С. Пушкина для передачи идей страдания и абсурдной смерти.

Ключевые слова: французская литература, Давид Фонкинос, интертекстуальность, А. С. Пушкин, отсылка, маркер

Yu.V. Stepanyuk
Lomonosov Moscow State University

REFLECTION OF LIFE AND WORK OF A. S. PUSHKIN IN THE NOVEL BY D. FOENKINOS «THE SECRET OF HENRI PICK»

Abstract. The article is devoted to the analysis of references to the personality of A. S. Pushkin in the novel of the French writer David Foenkinos «The Secret of Henri Pick». The number, nature and types of language markers representative of references were established. The functions of the references are to express a high appreciation of the poet's work and the desire to popularize him, as well as to attract the figure of A. S. Pushkin to convey the ideas of suffering and absurd death.

Key words: French literature, David Foenkinos, intertextuality, A. S. Pushkin, reference, marker

Между русской и французской литературой существуют давние и богатые связи, и с течением времени они не ослабевают, а все больше крепнут. Давид Фонкинос – представитель плеяды современных французских писателей. Ступив на свой творческий путь в самом начале XXI века, он сразу приобрел известность, и к настоящему времени на его счету находятся 17 романов, три пьесы, две книги для детей и ряд новелл. Д. Фонкинос также выступил режиссером нескольких фильмов, один из которых в 2012 году был дважды номинирован на премию французской киноакадемии «Сезар». Некоторые из романов писателя были экранизированы. Литературное творчество Д. Фонкиноса отмечено множеством литературных премий и получило широкую известность за пределами Франции и франкофонного пространства, поскольку представлено на 40 языках. При этом русские читатели имеют возможность познакомиться с более чем десятью романами автора.

Произведения Д. Фонкиноса жанрово и стилистически разнообразны, в последние годы отмечается обращение писателя к более драматичным сюжетам. Филолог по образованию, Д. Фонкинос хорошо знаком с произведениями мировой литературы и прекрасно владеет пером. К одним из отличительных черт его авторского стиля относятся образность и метафоричность, а также интертекстуальность, понимаемая в широком смысле как связь между текстами и феноменами культуры [2, с.5], которая также может соотноситься с понятиями вертикального контекста и прецедентности. Практически в каждом произведении писателя встречаются отсылки к феноменам различных культур. Россия, русские и русская культура занимают в этом отношении одно из первых мест в творчестве Д. Фонкиноса. В одном из своих недавних интервью российскому порталу «Культура» (20.07.2018г.) писатель говорил о своем увлечении Россией («ее историей, литературой, культурой, языком») и о том, что он действительно хорошо знает русскую литературу [1]. На вопрос, с кем из классиков он хотел бы побеседовать, Д. Фонкинос ответил: «С Пушкиным» [1].

Пушкинский «след» особенно хорошо заметен в сравнительно недавнем (2016г.) романе писателя «Le mystère Henri Pick» [4] (в русском переводе – «Тайна Анри Пика»), в котором Д. Фонкинос выразил живой интерес и свое уважение к русскому классику и показал хорошее знание не только его творчества, но и биографии. Динамичный сюжет с несколькими линиями развивается вокруг неопубликованного романа под названием «Les Dernières Heures d'une histoire d'amour» («Последние часы истории любви») и интриги с установлением его авторства. В этом романе в романе речь идет о расставании пары, о последних часах любви. При этом проводится параллель с последними часами жизни А. С. Пушкина. Этот роман в основном только упоминается в романе «Тайна Анри Пика», его фрагментов практически не приводится. Однако читатель понимает, что

эти две линии объединяет идея страдания, мучительное ожидание конца, в одном случае – конца истории любви, в другом – конца жизни. При таком сближении двух линий любовь фактически отождествляется с жизнью. По мере развития сюжета выясняется, что вся история с установлением авторства романа «Последние часы истории любви» является мистификацией. По своей проблематике роман «Тайна Анри Пика» представляет собой сатиру на издательскую индустрию. Д. Фонкинос приоткрывает закулисье литературного и издательского мира и показывает механизм успеха – как из случайно найденной рукописи можно сделать бестселлер. При этом содержание книги оказывается намного менее важным, чем события, разворачивающиеся вокруг нее. Однако когда речь идет об А. С. Пушкине и о его творчестве, сатирические нотки исчезают.

Пушкинская «линия» складывается в романе «Тайна Анри Пика» из многих составляющих. Для их выявления текст романа был исследован на предмет наличия в нем отсылок к жизни и творчеству русского классика. Конкретные языковые (лексические, синтаксические и текстовые) единицы выступают маркерами отсылок, то есть их языковыми репрезентантами. Употребление маркеров, выявленных методом сплошной выборки, было проанализировано сначала в узком, а затем в широком контексте, и на основании контекстуального анализа были сделаны выводы о смысловой стороне отсылок и об их функциях.

Можно предложить различать основные и вспомогательные маркеры отсылок. По своей структуре основные маркеры отсылок к А. С. Пушкину в романе «Тайна Анри Пика» могут представлять собой текстовые фрагменты (цитаты), словосочетания (в том числе идеоним – наименование художественного произведения) или отдельные лексические единицы, принадлежащие, как правило, к классу имен существительных. Имена существительные представлены именами как собственными, так и нарицательными. Помимо этого, вспомогательными маркерами отсылок могут выступать грамматические субституты полнозначных слов и словосочетаний – местоимения (личные, относительные и др.). С полнозначными словами и словосочетаниями могут употребляться местоименные прилагательные (притяжательные и указательные). Если не считать вспомогательные маркеры, которые увеличивают общее количество маркеров приблизительно вдвое, то основных маркеров отсылок к А. С. Пушкину насчитывается в романе 32, из них подавляющее большинство приходится на антропоним «Pouchkine» (21 маркер). Из оставшихся маркеров 5 указывают на профессиональную принадлежность А. С. Пушкина («poète»), 4 – на идеоним «Eugène Onéguine» и 2 – на цитату из романа в стихах «Евгений Онегин».

Контекстуальный анализ употребления маркеров отсылок к А. С. Пушкину в романе «Тайна Анри Пика» показывает, что они встраиваются в общую канву повествования и, путем актуализации внетекстовой

(интертекстуальной) информации, содержащейся в вертикальном контексте, вносят свой вклад в построение художественного мира Д. Фонкиноса, расширяя его рамки. Контексты употребления маркеров явно показывают присутствие автора (Д. Фонкиноса) и авторскую оценку, будь то речь персонажей или любой другой тип художественной речи. Д. Фонкинос дает высокую оценку творчеству А. С. Пушкина. Так, при упоминании его имени в романе «Тайна Анри Пика» несколько раз в разных контекстах подчеркивается, что речь идет о «величайшем русском поэте» [4, с. 44, с. 65], и таким образом проводится семантизация данного маркера буквально с самого начала романа. А роман в романе «Последние часы истории любви» начинается словами «Нельзя понять Россию, не прочитав Пушкина» («Le livre commence d'ailleurs par cette phrase : "On ne peut pas comprendre la Russie si on n'a pas lu Pouchkine"») [4, с. 44]. При этом Д. Фонкинос также несколько раз с сожалением признает через речь своих персонажей, что русского классика мало знают и читают во Франции («Pouchkine est très peu connu en France» [4, с. 44]; «Il est assez peu lu en France» [4, с. 65]; «Et même pour Pouchkine, jusque-là assez peu lu en France...» [4, с. 115]), объясняя этот факт отчасти тем, что никакой перевод не может передать красоту языка А. С. Пушкина («Elle a tenté de m'expliquer la beauté de la langue de Pouchkine. Aucune traduction ne peut retranscrire cela») [4, с. 91]. При этом роман в стихах «Евгений Онегин» назван «восхитительным» («*Eugène Onéguine* est un roman-poème sublime...») [4, с. 91]. Тем самым Д. Фонкинос выражает и общее отношение к творчеству А. С. Пушкина во Франции [5] и стремится популяризовать его.

С помощью своих персонажей Д. Фонкинос напрямую говорит о том, что Пушкин находится «в сердце» романа в романе «Последние часы истории любви» («Pouchkine est au coeur de son roman») [4, с. 91]. Рассказ о последних часах жизни русского поэта, как уже отмечалось, выстраивается в параллель с повествованием о последних часах любви главных героев романа «Последние часы истории любви» и в каком-то смысле выполняет в последнем сюжетообразующую функцию. При том, что текст этого романа фактически отсутствует и то немногое, что известно о его содержании, читатель узнает в основном со слов персонажей романа «Тайна Анри Пика», пушкинская «линия» проявляется неоднократно и, главным образом, в связи с агонией поэта («...l'auteur relate en parallèle l'agonie de Pouchkine» [4, с. 43]; «...tout en évoquant l'agonie de Pouchkine. Agonie absolument saisissante, au cours de laquelle le poète souffre violemment» [4, с. 106.]). Читатель узнает и об обстоятельствах смерти А. С. Пушкина – о том, что поэт был ранен на дуэли и, прежде чем умереть, он промучился какое-то количество времени («Oui, Pouchkine a été blessé lors d'un duel, continua Frédéric, et il a souffert le martyre pendant des heures avant de succomber» [4, с. 44]. Д. Фонкинос дает и точную дату смерти А. С. Пушкина – 27 января 1837г. [4, с. 106]. С помощью своих персонажей французский писатель фактически дает оценку своему собственному замыслу: «Великолепная идея увязать конец любви» (расставание двух людей) «со

страданием величайшего русского поэта» («C'est une idée extraordinaire de mêler la fin d'un amour à la souffrance du plus grand poète russe») [4, c. 44] – «от этого веет трагической силой» («C'est vrai qu'il se dégage une force tragique grâce au parallèle avec l'agonie de Pouchkine») [4, c. 44]. Идея страдания поэта проявляется неоднократно («La vie ne veut pas s'échapper de lui, préférant demeurer dans un corps à faire souffrir» [4, c.106]), как и идея его абсурдной гибели. В итоге делается вывод о том, что, в сущности, роман в романе «Последние часы истории любви» – «это книга об абсурдной смерти поэта вообще» («Au fond c'est un livre sur la mort absurde d'un poète») [4, c.102].

Отдельно следует остановиться на месте романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в романе «Тайна Анри Пика» и на его роли в нем. По сюжету, экземпляр романа «Евгений Онегин» в переводе на французский язык был якобы найден на чердаке у покойного автора романа в романе «Последние часы истории любви», по свидетельству очевидцев, в жизни не державшего в руках книги. Однако именно эта находка послужила главным звеном в цепи псевдодоказательств авторства этого романа. В найденном экземпляре «Евгения Онегина» было сделано множество пометок, в том числе был выделен фрагмент из девяти строк, который в романе «Тайна Анри Пика» приводится дважды, что очень нетипично для французского романа. Цитата дается во французском переводе:

«Celui qui vit, celui qui pense
En vient à mépriser les hommes.
Celui dont le coeur a battu
Songe aux jours qui se sont enfuis.
L'enchantement n'est plus possible.
Le souvenir et le remords
Deviennent autant de morsures.
Tout cela prête bien souvent
De la couleur aux discussions.» [4, c. 107, c. 227].

В русском оригинале вышеприведенный фрагмент звучит следующим образом:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак неотвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Все это часто придает
Большую прелесть разговору [3, с. 20].

Данная цитата оказывается тесно связанной с повествованием: она призвана раскрыть и заставить понять чувства и характер сначала одного предполагаемого автора романа «Последние часы истории любви», а затем

другого. Но поскольку позже выясняется, что предполагаемое авторство является мнимым, вся цепочка доказательств представляет собой мистификацию, а настоящим автором романа оказывается совершенно другой человек, рассматриваемая цитата приобретает иной смысл, характеризуя уже настоящего автора и, возможно, самогó Д. Фонкиноса, с такой настойчивостью вводящего в текст своего романа цитату А. С. Пушкина. В рассматриваемом фрагменте речь идет, говоря современным языком, о когнитивном и чувственном опыте человека, заставляющем его анализировать и нередко переоценивать в ту или иную сторону свое прошлое. Разум и чувства при этом не входят в противоречие, но дополняют друг друга. Подобную характеристику можно было бы дать героям многих произведений Д. Фонкиноса.

Проведенный контекстуальный анализ маркеров отсылок к жизни и творчеству А. С. Пушкина в романе Д. Фонкиноса «Тайна Анри Пика» позволяет заключить, что введение в повествование фигуры русского классика выполняет в романе несколько функций. Основной целью является подчеркивание особого места, своеобразия и значимости творчества А. С. Пушкина в мировом художественном пространстве, а также всего русского литературного наследия и русской культуры в целом. Д. Фонкинос показывает, что, как филолог, он знает и высоко ценит творчество А. С. Пушкина и, как писатель, – стремится познакомить с этим творчеством своих читателей и популяризовать его не только во Франции, но и во всем франкофонном пространстве. Указанный вектор восприятия Д. Фонкиносом фигуры А. С. Пушкина вполне традиционен, если не стереотипен, для представителей западноевропейской культуры. Также образ А. С. Пушкина послужил для Д. Фонкиноса основным художественным средством передачи в романе «Тайна Анри Пика» идей страдания и абсурдной смерти творческой личности, отнюдь не новых для французского писателя и характеризующих, например, такие его романы, как «Шарлотта» («Charlotte») и «В погоне за красотой» («Vers la beauté»).

Литература

1. Культура. Режим доступа: URL: http://portal-kultura.ru/articles/books/213035-david-fonkinos-ya-uvlechen-rossiey-i-ona-otvechaet-vzaimnostyu/ (дата обращения: 22.01.2019).
2. Поветьева Е. В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
3. Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. 176 с.
4. Foenkinos D. Le mystère Henri Pick. P.: Éditions Gallimard, 2016. 272 p.
5. Pouchkine, poète de l'altérité. Textes réunis par E. Enderlein et T. Victoroff. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2012. 188 p.

СЕКЦИЯ VI.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

УДК 81-13

Е.М. Бородкина
Воронежский государственный университет

ПЕРЕВОД ТЕРМИНА В РАМКАХ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость и способы проведения допереводческого анализа терминологических единиц. Цель настоящей статьи состоит в изучении объема значений термина из сферы графического дизайна. С учетом положений интерпретативной теории перевода в ходе осуществления справочно-информационного поиска выявлены общеязыковые, специализированные и контекстные значения терминов из сферы графического дизайна и определены способы анализа терминов.

Ключевые слова: интерпретативная теория перевода; термин; экстралингвистические знания; предпереводческий анализ

E.M. Borodkina
Voronezh State University

TRANSLATION OF THE TERMS WITHIN THE INTERPRETIVE THEORY OF TRANSLATION

Abstract. The article substantiates the necessity and methods of conducting pre-translation analysis of terminological units. The purpose of this article is to study the scope of the term meanings from the sphere of graphic design. Taking into account the provisions of the interpretative theory of translation, the reference and informational search revealed common linguistic, specialized and contextual meanings of terms from the field of graphic design and defines methods for analyzing terms.

Key words: interpretative theory of translation; term; extralinguistic knowledge; pre-translation analysis

В настоящее время наблюдается нарастающая потребность в переводе специальной литературы в новых, активно развивающихся сферах деятельности, для которых присуще использование терминов

разной степени сложности. При этом, для таких современных областей знания, в частности, в сфере графического дизайна, еще не появились комплексные научные работы, посвящённые изучению особенностей терминологии и ее перевода. Этим обусловлена актуальность нашего исследования, посвященного изучению русской и французской терминологии в области графического дизайна. Цель настоящей статьи – изучение особенностей значений термина из сферы графического дизайна на основе интерпретативной теории перевода.

Для достижения цели мы рассмотрим основные свойства термина, положения интерпретативной теории перевода и особенности значений русских и французских терминов в сфере графического дизайна.

Термин является емким носителем информации и выполняет важную функцию при обмене научных, профессиональных, технических и специализированных знаний, в коммуникации. Благодаря своей информативности они позволяют кратко и точно сформулировать мысль. Вопросы изучения значения терминов и их перевода широко изучается лингвистами (В.Н. Комиссаров [9], Р.К. Миньяр-Белоручев [14], В.Д. Табанакова [21], С. В. Гринёв-Гриневич [7], В.М.Лейчик [11]).

В связи с появлением новых наук, терминология приобретает все бóльшее значение в профессиональном языке. Так, С.А. Леонова констатирует, что научно-техническая терминология – это наиболее динамичная часть лексико-семантической системы языка, так как создаются новые термины и развиваются уже существующие (расширение, реже сужение) [12, с. 55].

Термин – это результат развития определенной научной области, отражение научных фактов и теоретического осмысления. Исследователи отмечают, что термин взаимодействует с другими терминами конкретной области, в связи с чем возникает необходимость стандартизировать, анализировать, упорядочивать научные термины [19, с. 8], [20, с. 62].

Определяя свойства термина, Т.В. Некрасова отмечает наличие в сознании носителя языка концепта, соответствующего термину, принадлежность термина к специальной области знания, дефинитивность, точность значения, контекстуальная независимость, системность, номинативность, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность, целенаправленный характер, устойчивость и воспроизводимость в речи [16].

Важным аспектом изучения термина является проблема его однозначности/многозначности. В этой связи А.А. Реформатский, отмечал, что термин всегда является частью какой-либо терминосистемы, в пределах которой он отличается однозначностью [17, с. 103]. Но употребленный вне контекста, вне терминосистемы, термин может терять однозначность и приобретать многозначность в зависимости от сферы деятельности, затрудняющую его интерпретацию. Поэтому, в соответствии со стратегией переводческой деятельности, термин в переводном тексте должен нести те же

самые значения, отражать то же самое явление или понятие, что термин в языке оригинала [4]. Е.Н. Базалина отмечает, что для достижения эквивалентности необходимо сохранить в переводе точность содержания единиц языка исходного текста, обеспечить безусловную идентичность понятий, выражаемых терминами языка оригинала и языка перевода [6, с. 3-4].

Важность точного понимания термина связана с проблемой его перевода [18; 22]. Таким образом, вопрос составления отраслевых терминологических словарей остается актуальным, так как он связан со становлением и развитием терминологических баз различных сфер деятельности, в том числе, интересующей нас сферы графического дизайна.

При проведении нашего исследования тематических значений термина для целей успешного перевода мы опираемся на постулаты интерпретативной теории перевода, разработанной известными французскими учеными, теоретиками и практиками перевода Д. Селескович и М. Ледерер. [10; 23; 24].Среди российских исследователей важность и эффективность ИТП для преподавания и для осуществления перевода отмечалась в работах Е.А. Алексеевой [1; 5]. Согласно интерпретативной теории перевода, суть перевода заключается в извлечении смысла на исходном языке и его воспроизведение на языке перевода. Предпосылки создания данной теории возникли ещё в эпоху Античности, когда Цицерон считал, что перевод нужно делать не на уровне значений отдельных слов, а на уровне смысла [8].

Для нашего исследования релевантны следующие положения ИТП.

Адекватный перевод невозможен без полного понимания иноязычного текста, интерпретации смысла целого текста, а не отдельных слов, так как коммуникация между людьми происходит не для передачи отдельных языковых единиц, а для обмена речевыми высказываниями, обладающими смыслом. Соответственно, термин следует рассматривать как содержательную часть текста [2; 3].

При работе с профессионально ориентированными текстами на иностранном языке переводчик должен обогащать свои экстралингвистические знания, пополняя свой когнитивный багаж сведениями из тематической справочной литературы в ходе осуществления справочно-информационного поиска, работать над вычленением смысла текста [15, с. 14].

Для расширения когнитивного багажа мы изучили документальные сведения о графическом дизайне из профессиональных источников. На их основе мы выявили термины, специфические для данной области знаний, и исследовали их значения. Для иллюстрации процесса изучения и сравнения объема значений терминов в рамках статьи были выбраны русский и французский термины из области графического дизайна *couleur* и *цвет,* анализ значений которых позволил сделать следующие наблюдения.

Во французском языке термин **couleur (f)** имеет следующие значения, обнаруженные в словарях (Dictionnaire de français Larousse. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/couleur/19757)**:**

Définition linguistique générale

-Dans le langage courant, ce qui s'oppose au noir, au gris et au blanc : Le linge blanc et le linge de couleur.
-Substance, matière colorante : Boîte de couleurs.
-Ton ou teints utilisés par un peintre dans un tableau ;
-Effet obtenu par leur combinaison dans un tableau, coloris: *La couleur romantique d'un tableau de Delacroix;*
-Éclat, brillant du style, de l'expression, d'une situation, d'un événement.
-Aspect que prennent les choses dans des circonstances données, parfois trompeuses : La situation apparaît sous de nouvelles couleurs.
-Teint, coloration du visage : D'un seul coup, il a changé de couleur.
-Vieux: Caractère propre de l'opinion d'un parti politique, de quelqu'un : Quelle est la couleur de ses idées ?
-En apposition suivi d'un nom avec ou sans article, indique la couleur, la teinte de quelque chose : Ruban couleur rose;
-Héraldique: Terme désignant certains émaux : azur (bleu), gueules (rouge), sable (noir), sinople (vert), pourpre (rouge violacé).

Définition spécialisée

-*Physique*: Appellation imagée d'une charge physique portée par les hadrons et qui régit les interactions fortes. (Selon la « chromodynamique quantique », l'interaction entre quarks se fait par échange de gluons, quanta du « champ de couleur ».
- *Physique*: Sensation résultant de l'impression produite sur l'œil par une lumière émise par une source et reçue directement (couleur d'une source : flammes, etc.) ou après avoir interagi avec un corps non lumineux (couleur d'un corps).

Définition contextuelle

-*design:* Une palette est une gamme de couleurs utilisées dans un. Elles vont bien les unes avec les autres et produisent généralement un effet visuel plaisant. Les graphistes définissent une palette de couleurs pour chaque projet, afin de créer une cohérence visuelle et de susciter un sentiment spécifique». https://99designs.fr/blog/conseils-design/99-termes-design-a-connaitre/#logo

В русском языке термин **цвет** имеет следующие значения, обнаруженные в ресурсе Академик. [Электронный ресурс]: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/5387/ЦВЕТ, объединяющем значения из различных словарей.

Дефиниция общеязыковая

-В живописи: сочетание красок в картине; колорит, тон.

- Книжн. О политической окраске каких-л. партий, организаций, их идей. *Его выступление имело коричневый цвет. Объединились партии различных цветов.*
-собир. *Нар.-поэт.* Цветоок
-Лучшая часть чего-л. *Цвет нации.*
-Период цветения у растений.
-*Нар.-разг.* Зелень, ряска, затягивающие непроточные воды. *Пруд покрыт цветом.*
-Краска, окраска, колер, колорит, масть, шерсть. - Один из видов красочного радужного свечения от красного до фиолетового, а также их сочетаний или оттенков. *Все цвета радуги*. (Толковый словарь Ожегова
-Свойство тела вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им светового излучения; окраска. *Белый цвет – это цвет холодного снега*. (Толковый словарь русских существительных)

Дефиниция специализированная

-Одно из свойств материальных объектов, воспринимаемое как осознанное зрит. ощущение. Тот или иной цвет «присваивается» человеком объекту в процессе зрительного восприятия этого объекта. Физическая энциклопедия

-Сплошной спектр видимого оптического излучения. Сверху даны длины волн в нанометрах. ЦВЕТ, свойство света вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения. Иллюстрированный энциклопедический словарь

-*физ:* Ощущение, воспринимаемое мозгом, когда свет определенной яркости и конкретной длины волны попадает на сетчатку глаза. Обычный дневной свет (белый свет) состоит из спектра цветов, каждому из которых свойственна собственная длина волны. Диапазон этих значений можно приблизительно разделить по убыванию длины волны на семь полос - красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю и фиолетовую.

Дефиниция контекстуальная

-*дизайн*: «Известно, что пользователь формирует свое первое мнение о сайте в течении первых 9-10 секунд. Главным фактором, который влияет на восприятие, является цвет и его сочетание. Именно поэтому при создании сайта необходимо знать и корректно использовать символику цвета».

Проведенный анализ показал, что лексема Цвет/Couleur имеет общеязыковые и специальные значения, выделенные на основе словарей, и контекстуальные значения, обнаруженные в документах, относящихся к сфере графического дизайна.

Общеязыковые значения лексемы Цвет/Couleur в русском и французском языках в основном совпадают, хотя существуют различия в значениях в русском и французском языках. Так, во французском языке не были обнаружены значения: лучшая часть чего-л. *Цвет нации;* период цветения у растений; *нар.-разг.* Зелень, ряска, затягивающие непроточные воды.

Специальные значения относятся, в основном, к сфере физики.

Контекстуальные значения отражают специфику профессиональной деятельности: цвет как инструмент маркетинговой политики графистов для создания позитивного настроения, ощущения потребителя, привлечение потенциальных покупателей. Поэтому здесь важны такие смысловые нагрузки лексемы Цвет/Couleur как: сочетания и сочетаемость цветов, теплые и холодные цвета, зрительное восприятие цвета, символика цвета, визуальные эффекты, чувства и эмоции, которые он передаёт, определенная последовательность расположения цветов, функциональность цвета.

Таким образом, исследование показало, что термин может быть переведен либо с помощью эквивалентного термина в рамках их общих общеязыковых или специализированных значений; либо другим словом в рамках их несовпадающих общеязыковых значений; либо с помощью описательных конструкций в профессиональном дискурсе, где термин получает дополнительную смысловую нагрузку.

В заключении отметим, что для эффективного переводческого решения целесообразно учитывать положения интерпретативной теории перевода о необходимости изучать весь сопутствующий контекст переводимой сферы деятельности и проводить детальный анализ терминов. Перспектива исследования заключается в создании терминологических глоссариев по новым, технологичным профессиональным сферам.

Литература

1. Алексеева Е.А Обучение переводу в рамках интерпретативной теории перевода / Алексеева Е.А. // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе: курс лекций для студ. фактовиностр. яз. – Воронеж, 2002. – Ч II. – С.144-152.
2. Алексеева Е.А., Бодрова-Гоженмос Т.И. Перевод текста в свете интепретативной теории перевода /Алексеева Е.А., Бодрова-Гоженмос Т.И.// Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания: материалы второй международной научной конференции. – М.; Пятигорск, 2007. – С.205-215.

3. Алексеева Е.А. Понятие текста в работах М.М. Бахтина и в интерпретативной теории перевода//Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2008. – Вып. 8. – С. 38-44
4. Алексеева Е.А. К вопросу о переводческих текстовых стратегиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Вып. № 2. Т. 12. 2015. С. 82–89.
5. Алексеева Е.А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводоведческий и дидактический аспекты: Учебно-методическое пособие / Е. А. Алексеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017.- 100 с.
6. Базалина, Е.Н. К проблеме перевода терминов научно-технических текстов / Е.Н. Базалина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - 2009. - №1.
7. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 304.
8. Княжева. Е. А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики [Текст] / Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистикаи межкультурная коммуникация. – 2010. –No2. –С. 190-195
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. :Высш. шк., 1990. – С. 253.
10. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в сфере интерпретативной теории перевода. Пер. с франц. Н.А. Фененко, Е.А. Алексеева / М. Ледерер. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 3-е изд. — М.: Издательство ЛКИ, 2007.
12. Леонова С.А. Особенности перевода двухсловных терминов терминополя "автоматизированный электропривод", образованных по модели "сущ. +сущ."/ С.А. Леонова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. - 2010. - № 6. – С.55-61.
13. Мельников Г.П. Основы терминоведения. М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1991.
14. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? – М.: «Готика», 1999. – С. 176.
15. Мурга А.В. Интерпретативная теория перевода как основа для формирования переводческой компетентности [Электронный ресурс]: магистерская ВКР - http://elib.spbstu.ru/dl/2/7131.pdf/download/7131.pdf (дата обращения: 17.04.2020)
16. Некрасова Т.В. Терминологические единицы как средство эффективности иноязычного общения в профессиональной сфере / Т.В.

Некрасова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2008. - №1.
17. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики 1967. М.: Наука, 1968.
18. Сдобников, В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.- 448 с.
19. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд-е 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248с.
20. Толикина Е.Н. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: 1970.
21. Табанакова В.Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – Филология (№1) . – С. 72-81.
22. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яызков / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. ; М., 2002.
23. Seleskovitch D. Interpreter pour traduire, 3-e edition / D. Seleskovitch, M. Lederer. –Paris: Didier Erudition, 1993. –311 p.
24. Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogieraisonnée de l'interpretation. – Paris: Didier erudition, 2002.
25. Le Petit Larousse. [Электронный ресурс]: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/couleur/19757 (дата обращения:17.04.2020).
26. Академик. [Электронный ресурс]: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/5387/ЦВЕТ (дата обращения:17.04.2020).
27. Medium. [Электронный ресурс]: https://medium.com/ (дата обращения:18.04.2020).
28. PHOTOGRAPIX [Электронный ресурс]: https://www.photograpix.fr/blog/photomontage/differences-entre-lightroom-photoshop-et-photoshop-elements/ (дата обращения:17.04.2020).
29. Академик. [Электронный ресурс]: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/71496 (дата обращения:17.04.2020).
30. 99 termes de design à connaître [Электронный ресурс]: https://99designs.fr/blog/conseils-design/99-termes-design-a-connaitre/#logo (дата обращения:17.04.2020).

УДК: 81.42

Ю.Е. Виноградова
Московский государственный областной университет

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ И. С. ТУРГЕНЕВА И Г. ФЛОБЕРА)

Аннотация. В статье при помощи метода сравнительного анализа исследуется влияние гендерных особенностей на выбор переводческого решения. Причина несоответствий заключается в различных способах мышления. Актуальность работы связана с возрастающим интересом лингвистов к исследованию этой области. Результаты могут применяться не только в науке, но и в отдельных областях повседневной жизни.

Ключевые слова: гендер, пол, маскулинность, фемининность, стилистика перевода

J.E. Vinogradova
Moscow Region State University

THE INFLUENCE OF THE TRANSLATOR'S IDENTITY ON THE SELECTION OF THE TRANSLATOR'S DECISION. THE GENDER ASPECT (BASED ON THE MATERIAL TAKEN FROM TRANSLATIONS OF THE NOVELS WRITTEN BY I. S. TURGENEV AND G. FLAUBERT)

Abstract. The article explores the impact of gender specific on the selection of the translator's decision by the method of comparative analysis. The reason for the disparities consists in different ways of thinking. The relevance is connected with the increasing interest to scientific research of this issue. The results may be used not only in science, but also in specific areas of ordinary life.

Key words: gender, sex, masculinity, femininity, stylistics of translation

Вопрос гендерных различий не так давно привлек к себе пристальное внимание лингвистов. Уже доказано, что мужчина и женщина обладают различным взглядом на мир, причем причина несоответствий заключается именно в различных способах мышления. Так как мужчина и женщина думают по-разному, это, несомненно, отражается и в их речи. Таким образом, речь тесно связана с процессом мыслительной деятельности, и они оказывают сильное влияние друг на друга.

Гендер – это социальный пол человека [4]. Это понятие отличается от понятия «пол». Если пол дан человеку от природы, гендер представляет собой сложный комплекс культурных и социальных норм, которые предписаны обществом и оказывают значительное влияние на поведение человека [4]. Гендерные отношения проявляются в языке как культурно обусловленные стереотипы и накладывают свой отпечаток на речевое поведение людей.

Тема «пол и язык» изучается еще с античных времен. Хотя различные науки занимались вопросом выявления различий, существующих в языке и влияющих на его употребление, гендерный аспект почти полностью игнорировался. Долгое время ученые придерживались символико-семантической гипотезы, которая впоследствии так и не подтвердилась [6]. Свой большой вклад в развитие науки внесли такие ученые как Ф. Маутнер, Э. Сепир и О. Есперсен, но первые систематические исследования начали проводиться за рубежом только в начале 1970-х годов [6]. В это время начинают активно развиваться феминистская лингвистика, социолингвистика, психолингвистика и лингвокультурология. Большинство лингвистов феминистского направления считает, что строение языка и его использование должно быть ориентировано на равноправие полов и отсутствие дискриминации по половому признаку [3]. В 1980-х годах появляются «мужские» исследования – ответ феминистской критике языка, после чего в 1990-х годах начинают проводиться гендерные исследования, включившие в себя «мужские» и «женские», которые изучали уже оба пола. Все вышеперечисленные направления с разных сторон изучают язык и отражение в нем пола, а также речевое поведение мужчин и женщин. Многие из этих направлений находятся на стыке нескольких дисциплин.

Наиболее активно гендерные исследования проводятся в США, Германии, Англии и Скандинавии. С середины 1990-х годов систематические гендерные исследования начинают проводиться и в России. В целом «догендерные» исследования подразделяются на психолингвистические и социолингвистические [5]. Также ученые изучали наименования лиц обоего пола или категорию рода и ряд вопросов, которые с ней связаны. Большинство отечественных исследователей не разделяет феминистскую концепцию. На сегодняшний день в отечественной науке сформировалось отдельное направление, изучающее гендерные аспекты языка и коммуникации, которое несколько отличается от западных – это лингвистическая гендерология или гендерная лингвистика. Она развивается в основном по трем направлениям: социолингвистика и психолингвистика; лингвокультурология; а также коммуникативно-дискурсивное направление [5].

На данном этапе развития науки роль гендера в речевом поведении людей рассматривается как один из параметров, который находится во взаимодействии с другими параметрами – возрастом, статусом, социальной группой и т. д. Тем не менее наука пока еще не пришла к единому мнению о роли гендера в коммуникации [5].

В большинстве российских гендерных исследований выявляются и определяются различительные признаки мужской и женской речи. При помощи методов сопоставительного и интерпретативного анализа, а также с опорой на данные, полученные в ходе первых гендерных исследований Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [3] и Т. В. Гомон [2], был проведен анализ различий в мужском и в женском переводах романов «Отцы и дети» И. С. Тургенева [7] и «Воспитание чувств» Г. Флобера [10], вызванных влиянием личности переводчика.

Особенности мужского перевода				
Особенность речи	**Оригинал**	**Мужской перевод**	**Женский перевод**	**Характеристика перевода**
Терминологичность, стремление к точности номинаций	*Глаза Базарова сверкнули на мгновенье из-под темных его бровей.*	*Les yeux de Bazarof étincelèrent pour un moment sous leurs sourcils noirs.*	*Un éclair jaillit sous l'arcade sombre de ses sourcils, et s'éteignit.*	Мужской перевод более приближен к оригиналу, так как в нем в большей степени проявляется стремление к точности. В женском переводе очень много лишней образности, несмотря на всю его красоту.
Употребление слов с наименьшей эмоциональной окраской, стилистически нейтральной оценочной лексики при передаче эмоционального состояния, оценки	*Она не знала никого решительно в целом околотке, и посоветоватьс я ей было не с кем.*	*Elle ne connaissait aucun de ses voisins de campagne, et n'avait à qui demander conseil.*	*Elle ne connaissait pas une âme à la ronde et n'avait personne à qui demander conseil.*	В мужском переводе предпочтение отдается стилистически нейтральной оценочной лексике («*ses voisins de campagne*» вместо «*une âme à la ronde*»).
Намеренное огрубление речи,	*L'humeur de sa fille l'avait*	*Дочь, из-за ее дурного*	*У ее дочери характер так*	И в оригинале, и в мужском переводе

тенденция к использованию стилистически сниженной лексики	*forcée de la mettre au couvent. Son gamin passait l'après-midi dans une école, Arnoux faisait de longs déjeuners au Palais-Royal, avec Regimbart et l'ami Compain*	*характера, пришлось отдать в монастырский пансион; мальчуган днем бывал в школе; у Арну много времени отнимали завтраки в Пале-Рояле в обществе Режембара и дружищи Компена.*	*испортился, что она была принуждена поместить ее в монастырский пансион. Сын проводил весь день в школе; Арну задавал бесконечные завтраки Режембару и его приятелю Компэну в Пале-Рояле.*	присутствуют разговорные слова "*gamin*" и "*мальчуган*", которые заменены в женском на слово "*сын*". Кроме того, в мужском варианте перевода имеется фамильярное слово "*дружище*", которое в женском заменено на более нейтральное "*приятель*".
Частое употребление вводных слов со значением констатации или вводящих логические отношения	*– Да, да, – заговорил Базаров, – урок вам, юный друг мой, поучительный некий пример. Черт знает, что за вздор!*	*– Oui, oui, reprit Bazarof, cela devrait vous servir de leçon, mon jeune ami. Je crois vraiment que le diable s'en mêle!*	*«Oui, oui, dit Bazarov; c'est une bonne leçon pour vous, mon jeune ami, retenez cet exemple édifiant. Mon Dieu, que tout ça est bête!*	В мужском переводе используется *усилительное наречие* «*vraiment*». Оно переводится на русский язык вводным словом со значением констатации.
Употребление большого количества абстрактных существительных	*Il ne parla pas d'elle, retenu par une pudeur.*	*Он не стал говорить о ней: его удерживала стыдливость.*	*Он о ней ничего не сказал, потому что ему было совестно.*	В мужском варианте перевода конструкция, использующаяся в женском, заменена абстрактным существительным "*стыдливость*".
Употребление небольшого количества эпитетов	*Elle ne répondit rien. Mais cette complicité silencieuse enflamma son visage de toutes les rougeurs de l'adultère.*	*Она ничего не ответила. Но молчаливое сознание сообщничества зажгло ее лицо всеми оттенками румянца, какие только знает прелюбодеяние.*	*Она не отвечала; но безмолвное сознание их общей тайны вызвало на ее лице такую яркую краску, как будто она уже изменила мужу.*	В женском переводе можно увидеть огромное разнообразие всевозможных эпитетов, в то время как мужчина-переводчик их практически не использует.

Использование метафор для придания экспрессивности высказыванию	*Он ловил самого себя на всякого рода «постыдных» мыслях, точно бес его дразнил.*	*Il se surprenait lui-même en flagrant délit de pensées efféminées, comme si le diable le tentait.*	*Il se surprenait à cultiver toutes sortes de pensées «honteuses», comme si le diable le harcelait.*	Мужской вариант перевода более экспрессивен, чем женский.
Более частое использование утвердительных форм там, где женщины используют вопросительные.	*– Когда?* *– Да хоть послезавтра.*	*– Quand cela?* *– Après-demain, si tu veux.*	*– Quand?* *– Pourquoi pas après-demain?*	Если в мужском переводе и в оригинале для передачи информации, требующей уточнения, используется утвердительное предложение, то в женском – вопросительное.
Более частое использование использование повтора для конкретизации	*– «Non! pas maintenant!»*	*– Нет! Теперь нет!*	*– Нет, – отвечала она, – теперь не подозревает.*	В мужском переводе оба раза используется слово "*нет*".
Высказывание часто начинается с обстоятельства, чтобы напом-нить о времени и месте развития событий	*«Elle sera bien jolie plus tard», dit Frédéric.*	*– Со временем она будет хорошенькая, – сказал Фредерик.*	*– Вот будет хорошенькая, когда вырастет! – сказал Фредерик.*	Если мужчина-переводчик начинает предложение с обсто-ятельства "*со време-нем*", в женском пере-воде такой переста-новки не происходит.
Более частое использование подчинительной связи в сложных предложениях	*– «Les convenances les plus simples exigent maintenant que je ne vous revoie plus!»*	*– Простое чувство приличия требует теперь, чтобы я больше с вами не встречалась!*	*– Потому что, после этого, простое чувство приличия повелевает мне больше не видеться с вами.*	Если в женском переводе изменяется конструкция фразы, мужчина-переводчик использует подчинительный союз "*чтобы*".
Более частое	*– «Ce pauvre*	*– Милый*	*– Бедненький!*	Если в женском

использование существительных и переходных глаголов, глаголов активного залога	*mignon! ce pauvre chéri!»*	*мальчик! Бедняжка!*	*Миленький!*	переводе используются прилагательные, мужчина-переводчик предпочитает использовать существительные.
Стремление к эллиптичности высказывания, использование простых, коротких предложений	*– Тем хуже.*	*– Tant pis.*	*– C'est encore pire.*	Если женщина-переводчик употребляет развернутое предложение, мужчина-переводчик ограничивается самым коротким.
Особенности женского перевода				
Особенность речи	**Оригинал**	**Мужской перевод**	**Женский перевод**	**Характеристика перевода**
Гиперболизованная экспрессивность, высокая эмоциональная окраска речи	*Название романа – «L'éducation sentimentale»;*	*Название романа в мужском переводе – «Воспитание чувств».*	*Название романа в женском переводе – «Сентиментальное воспитание»;*	Женский вариант перевода названия романа подчеркивает гораздо большее стремление к экспрессивности, образности и выразительности речи в целом.
Более частое использование междометий	*– Ну да... вот и сигарка не вкусна. Расклеилась машина.*	*– J'en étais sûr... Voilà que le cigare ne me paraît pas bon. La machine est disloquée.*	*– Hum... Pas étonnant que mon cigare ait mauvais goût. Le mécanisme est détraqué.*	Если в женском переводе используется междометие «*hum…*», в мужском оно отсутствует.
Тенденция к интенсификации положительной оценки, склонность к употреблению	*«Je vous remercie, monsieur.»*	*– Благодарю вас.*	*– Покорно вас благодарю.*	В женском варианте перевода действительно можно заметить стремление к стилистически

стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики				повышенной форме по сравнению с мужским вариантом.
Частое использование вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности	*– «Bah! retournes-y! On t'invitera!»*	*– Полно. Зайди еще! Тебя пригласят.*	*– А ты еще сходи! Авось и пригласят.*	В женском переводе используется наречие "*авось*", которое действительно отражает определенную степень неопределенности и предположительности.
Употребление большого количества конкретных существительных	*Elle s'appelait Antonia; – et, pour l'avoir, il assassinait plusieurs gentilshommes, brûlait une partie de la ville et chantait sous son balcon, où palpitaient à la brise les rideaux en damas rouge du boulevard Montmartre.*	*Называлась она Антония, и, чтобы овладеть ею, он убивал нескольких дворян, сжигал часть города и пел под ее балконом на бульваре Монмартр, где развевались от дуновения ветерка красные штофные занавески.*	*Он ее назвал Антония, и чтобы добыть ее, убивал нескольких знатных сановников, предавал огню часть города, а потом пел серенады под ее балконом, где ветер колыхал складки тех самых занавесок из красного штофа, которые висели у них на бульваре Монмартр.*	Если в мужском варианте перевода можно заметить сочетание абстрактного существительного с конкретным ("*дуновение ветерка*"), то в женском переводе используется только конкретное существительное ("*ветер*").
Использование коннотативно нейтральных слов и	*D'une voix tendre et avec de petits sanglots, elle se*	*Тихо всхлипывая, она нежным голосом стала*	*Ласковым голосом и с легкими всхлипываньями, она стала*	В женском переводе можно заметить эвфемизм "*преклонные лета*"

выражений, эвфемизмов	*mit à lui parler de sa solitude, de sa vieillesse, des sacrifices qu'elle avait faits.*	*говорить о своем одиночестве, своей старости, о жертвах, принесенных ею.*	*распространяться о своем одиночестве, о своих преклонных летах, о жертвах, какие она приносила ради него.*	вместо мужского варианта "*старость*".
Употребление большого количества «пустых» оценочных прилагательных	*Il connaissait la forme de chacun de ses ongles, il se délectait à écouter le sifflement de sa robe de soie quand elle passait auprès des portes, il humait en cachette la senteur de son mouchoir; son peigne, ses gants, ses bagues étaient pour lui des choses particulières, importantes comme des œuvres d'art, presque animées comme des personnes; toutes lui prenaient le cœur et augmentaient sa passion.*	*Он изучил форму каждого ее ногтя, наслаждался шелестом ее шелкового платья, когда она проходила в дверь, украдкой вдыхал аромат ее носового платка; ее гребень, ее перчатки, ее кольца были для него вещами особенными, значительными , как произведения искусства, почти живыми, как человеческие существа; все они волновали его сердце и усиливали его страсть.*	*Он изучил форму каждого из ее ногтей; с наслаждением прислушивался к свистящему шелесту ее шелкового платья, когда она проходила в дверях; украдкой втягивал в себя запах ее носового платка. Ее гребень, ее перчатки, ее кольца в глазах его имели особое, важное значение, вроде художественных произведений, и были предметами почти оживленными, имевшими свою самостоятельную личность, и каждый из этих предметов был дорог его сердцу и усиливал его страсть.*	В женском переводе используется "пустое" оценочное прилагательное "*важное*", в то время как мужчина-переводчик сохраняет оригинальную конструкцию фразы.
Частое использование конструкции «наречие + наречие»	*Впрочем, он прошел довольно благополучно.*	*Au reste, le repas s'écoula sans aucun incident.*	*Le repas se passa d'ailleurs assez bien.*	В женском переводе используется конструкция "наречие + наречие" («*assez bien*»), в то время

				как в мужском переводе такая конструкция не употребляется.
Более частое использование сочинительной или бессоюзной связи в сложных предложениях, синтаксических оборотов с двойным отрицанием	*– Я должен извиниться перед вами, Анна Сергеевна. Вы не можете не гневаться на меня.*	*– Je vous dois des excuses. Il est impossible que vous ne m'en veuilliez pas.*	*– Je dois vous faire mes excuses, Anne Serguéïevna. Vous ne pouvez pas ne pas m'en vouloir.*	В женском переводе предпочтение действительно отдается синтаксическим оборотам с двойным отрицанием. Мужчина-переводчик предпочитает изменить конструкцию фразы.
Более частое использование местоимений, предлогов, союзов, частиц	*– А для Базарова комната есть?* *– Найдется и для него.*	*– Bazarof en aura-t-il une?* *– On le casera; sois tranquille...*	*– Pour Bazarov aussi il y a une chambre?* *– On lui en trouvera une aussi.*	Если в женском переводе используется предлог, в мужском переводе он отсутствует.
Более частое использование знаков пунктуации	*Ведь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда?*	*Pardonnez à ma hardiesse; mais, n'est-ce pas, vous ne m'aimez point, et vous ne m'aimerez jamais?*	*Car aussi bien – excusez mon audace – vous ne m'aimez pas et ne m'aimerez jamais, n'est-ce pas?»*	Если в женском переводе слова «*извините мою дерзость*» выделяются при помощи тире, в мужском переводе такого не наблюдается.

В результате анализа произведений удалось установить следующее:

Мужской перевод более нейтрален и лаконичен. Авторские метафоры в нем раскрываются более ярко и образно. В мужском переводе в большей степени проявляется стремление к точности номинаций, встречается больше повторов, при помощи которых говорящий конкретизирует. В некоторых случаях прослеживается тенденция к намеренному огрублению речи. Чаще используются стилистически сниженная лексика, разговорные слова, существительные, переходные глаголы, глаголы активного залога, а также вводные слова, имеющие

значение констатации и вводящие логические отношения. Предложение довольно часто начинается с обстоятельства, так как упоминанию времени и места развития событий отводится большое значение. Для передачи информации, требующей уточнения, используется утвердительное предложение. Часто встречаются короткие и простые предложения, а в сложных предложениях чаще используется подчинительная связь, иногда с преобразованием фразы. Реже используются знаки пунктуации.

И в женском, и в мужском переводах используется примерно равное количество абстрактных существительных. В мужском переводе замена отдельных слов и конструкций абстрактными существительными происходит чаще, чем в женском. При переводе на русский язык в мужском переводе часто встречается сочетание абстрактного существительного с конкретным.

Женская речь более выразительна и экспрессивна. В женском переводе чаще употребляются эмоционально окрашенные слова, стилистически повышенные формы, фразеологизмы и книжная лексика. Шутливое огрубление речи присутствует в небольшом количестве, которое необходимо для более точной передачи смысла оригинальной фразы. Часто используются вводные слова, обстоятельства и модальные конструкции, выражающие различную степень неуверенности, предположительности и неопределенности. В женском переводе также присутствует множество эпитетов и часто встречается конструкция "наречие + наречие". В нем употребляется больше эвфемизмов, конкретных существительных, местоимений, предлогов, союзов, частиц, прилагательных (в том числе и "пустых" оценочных прилагательных), пассивных конструкций и междометий. В женском переводе чаще используются длинные, развернутые предложения и знаки пунктуации. В случае, когда конструкцию можно перевести двумя способами, женщина-переводчик предпочитает вариант, где знаков препинания больше. В сложных предложениях обычно используются сочинительная или бессоюзная связь, а также синтаксические обороты с двойным отрицанием. Для передачи информации, требующей уточнения, используется вопросительное предложение.

В женском переводе на французский язык часто присутствует инверсия и наиболее часто встречаются "пустое" оценочное прилагательное «bon», а также конструкции с относительными местоимениями «qui» и «que». Данные конструкции отсутствуют в мужском переводе.

Таким образом, гендерные различия оказывают существенное влияние на мужскую и женскую речь, а вследствие этого – и на выбор переводческого решения, о чем наглядно свидетельствует анализ мужского и женского переводов романов «Воспитание чувств» Г. Флобера и «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Ни один перевод не является плохим или некачественно выполненным – в каждом из вариантов перевода есть

отдельные преимущества, связанные со значительным влиянием гендерного фактора на переводчика. Ученым и в дальнейшем следует заниматься разносторонним изучением вопроса о гендерных различиях, который по-прежнему остается одной из актуальных и наименее исследованных проблем лингвистики.

Литература

1. Бекетова Е. Г. Сентиментальное воспитание // Собрание сочинений Г. Флобера. Т. 3. – СПб., 1897. – С. 1-411.
2. Гомон Т. В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой. – М., 1990. – С. 96.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский язык в его функционировании. Особенности мужской и женской речи. – М., 1993. – С. 90-135.
4. Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М., 1999. – С. 180.
5. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – М., 2005. № 2 (23). – С. 112-132.
6. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. – М., 2001. – С. 5-414.
7. Тургенев И. С. Накануне. Отцы и дети // Собрание сочинений. Т. 3. – М., 1954. – С. 167-370.
8. Федоров А. В. Воспитание чувств. – М., 1977. – С. 15-409.
9. Flamant F. Pères et fils. – Paris, 1987 (nouvelle éd. en 2008). – pp. 26-287.
10. Flaubert G. L'éducation sentimentale. – Paris, 1891. – pp. 4-520.
11. Tourgueniev I. Pères et enfants. – Paris, 1863 (2-ème éd. de 1876). – pp. 7-311.

УДК 811

М.В. Евсеева
Московский государственный областной университет

ОСНОВНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных стилистических особенностей правовой лексики современного французского языка. Обеспечение точного перевода французского юридического термина осложняется тем фактом, что ряд стран принадлежат к разным правовым семьям.

Ключевые слова: французский язык, юридический перевод, стилистические особенности, правовая система, формальная эквивалентность

Evseeva M.V.
Moscow Region State University

THE MAIN STYLISTIC PECULARIATIES OF FRENCH LEGAL TEXT

Abstract. The aim of the paper is to discover the main stylistic peculiarities of the modern French legal vocabulary. The task of providing an accurate translation from French to English is complicated by the fact that a number of countries belong to different legal families.

Key words: French language, legal translation, stylistic peculiarities, legal system, formal equivalence

Для юриста-переводчика важно знать, что в ряде стран юридическая терминология отлична друг от друга и остается специфической для каждого конкретного общества, которое в свою очередь было основано на различных элементах социокультурного пространства.

Также как и правовая система, в которой она существует, юридический термин или понятие нельзя слепо переносить из одной страны в другую. Конкретное значение в одной правовой системе может иметь другое значение или отсутствовать в другой правовой системе. По мнению компартивиста Д.Гаттериджа: “различия в формулировке закона — это наименьшие барьеры, разделяющие различные правовые системы мира.”[84] Поскольку в законе явно отсутствует единая база данных, закон не стал унифицированным.

Особенности французского юридического языка, отраженные в правовом тексте, обуславливают специфику терминологии в юридической сфере. Обеспечение правильного и точного перевода с французского на иностранный язык осложняется тем фактом, что Франция и ряд стран принадлежат к разным правовым семьям.

На сегодняшний день, в условиях глобализации, начался определенный процесс унификации правовых систем, основанный, главным образом, на своде общих европейских принципов и ценностей согласно европейскому праву и Европейской конвенции о правах человека. Ожидается, что данный процесс сближения устранит наиболее выраженные различия в правовом понимании между Францией и рядом стран, и таким образом облегчат выполнение перевода юридических документов. В настоящей статье рассматриваются вопросы, которые необходимо учитывать для выполнения надлежащего перевода правовой лексики с современного французского языка (как исходный язык) на иностранный (как целевой язык).

---

[84] Gutteridge, H.C. (1938) The Comparative Aspects of Legal Terminology. *Tulane Law Review* 12, (1938), at 401.

Главной трудностью перевода французской юридической лексики на иностранный язык остается различие в применении законодательства. Так, например, французы выступают за более принципиальный, теоретический подход, чем англичане, применяющие более рациональный подход с помощью всеобъемлющих законов, применяемых к любой ситуации. Таким образом, во французском праве первостепенное значение придается законодательству.

Британский политик Уильям Уилберфорс в деле *Davy* четко определил, что "английское право основывается не на принципах, а на средствах судебной защиты."[85] Французское законодательство определяет права и пытается обеспечить надлежащую правовую защиту, в то время как английское право, напротив, основывается на том, доступны ли средства правовой защиты для конкретной новой ситуации.

Следует отметить, что в случае, если правовые термины имеют одинаковые значения в исходном и переводном тексте, то дословный метод может быть использован. Например, 'cour d'Appel' можно перевести как 'апелляционный суд', так же как " juge' - 'судья'.

1) Le ressort de **la cour d'appel** de Paris est le **plus important de France** de par son étendue, sa population et la taille des juridictions qui y sont implantées.[86]

2) **La cour d'appel** de Paris a ordonné à la surprise générale la reprise de ces traitements.[87]

3) Si **le juge** estime la requête justifiée, il rend une ordonnance d'injonction de faire.[88]

Данные понятия являются наименее спорными, даже между принципиально разными правовыми системами.

В некоторых случаях формальная эквивалентность может быть использована для перевода термина исходного языка, который отсутствует в правовой системе целевого языка. Например, словосочетание '*Assemblée Nationale*' безусловно можно перевести как «Национальное Собрание», хотя данное понятие не существует, например, в английском праве, так как оно обычно используется для описания нижней палаты парламента в большинстве стран мира.

Le doyen d'âge de **l'Assemblée Nationale** préside la première séance de la législature, jusqu'à l'élection du Président.[89]

Однако, это не всегда так: юрист общего права не всегда поймет, что подразумевается под 'гражданским правом' при переводе словосочетания 'droit civil', поскольку это понятие отсутствует в общем праве. В других

---

[85] *Davy v. Spelthorne BC* [1983] 3 All ER 278 at 285, in Brown & Bell, *supra* note 14, p. 22.

[86] Le Monde, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.lemonde.fr/societe/article/2019/05/20/affaire-vincent-lambert-la-cour-d-appel-de-paris-ordonne-la-reprise-des-traite-ments_5464723_3224.html -(Дата обращения: 05.09.2019).

[87] La cour d'Appel de Paris, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.cours-appel.justice.fr/paris/la-cour-dappel-de-paris-(Дата обращения: 05.09.2019).

[88] Le site officiel de l'administration française, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1787-(Дата обращения: 10.09.2019).

[89] Règlement de l'Assemblée nationale. , Septembre 2019, p.17.

случаях, дословный перевод станет полностью бессмысленным. Например, термин «Garde des Sceaux» является специфичным для французской правовой системы и не может быть переведен как ‘хранитель печатей’.

Garde des Sceaux, ministre de la Justice, est responsable de l'action et de la gestion des juridictions, nomme les officiers ministériels et présente au Parlement des projets de réforme.[90]

Данное словосочетание может ввести в заблуждение английского читателя, так как оно должно быть переведено как ‘министр юстиции Франции’.

Помимо социокультурных особенностей каждой правовой системы, существует проблема двусмысленности в юридическом документе из-за существования многочисленных многозначных слов в области права. Именно поэтому важно понимать контекст исходного текста для определения подходящего значения многозначного термина исходного языка. Слово ‘demandeur’ в зависимости от контекста может быть использовано в значении «истца» или ‘апеллянта по вопросам права’. Французское слово ‘société’ также имеет два различных значения: это может быть либо общество, либо компания в области бизнеса.

1) les statuts prévoient la consultation des associés de la **société** absorbante, cette consultation n'est pas requise lorsque, depuis le dépôt du projet de fusion et jusqu'à la réalisation de l'opération, la **société** absorbante détient au moins 90 % des parts de la société absorbée.[91]

2) **Société** Générale accélère les engagements en faveur d’une transition écologique responsible.[92]

Если метод дословного перевода приводит к путанице в переведенном документе в связи с неясностью термина, то переводчик может предпочесть использовать эквивалентный термин в переводном тексте. Метод, известный как “функциональная эквивалентность”, уместен в случаях, когда термины исходного и переводного текста имеют схожее значение.

Например, " Conseil des ministres’, можно буквально перевести как ‘совет министров’, который не имеет значения в английском внутригосударственном праве, но является названием решении органа ЕС. Лучшим решением, безусловно, было бы перевести его как ‘правительство’. Это понятие относится также к "совету директоров", который является английским эквивалентом французского "conseil d'Administration’.

Иногда следует избегать метода использования ближайшего эквивалентного термина. Французский термин ‘Sénat’, например, не может

---

[90] Ministère de la Justice, [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.justice.gouv.fr/la-garde-des-sceaux-10016/-(Дата обращения: 13.09.2019).

[91] LOI n° 2019-744 du 19 juillet 2019 de simplification, de clarification et d'actualisation du droit des sociétés, 2019.

[92] Groupe Société Générale, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.societegenerale.com/fr/accueil -(Дата обращения: 15.09.2019)

быть переведен на английский как " палата лордов', хотя это обе верхние палаты Парламента. В конечном счете, возвращаясь к методу функциональной эквивалентности читателей переводного текста следует учитывать самое важное: чем более специализирован этот метод, тем менее он применим.

Иногда невозможно обеспечить достаточно точный перевод термина или понятия исходного текста. Как пояснил лингвист Уэстон, становится необходимым для переводчика "признать поражение" и применить оригинальный непереводимый термин исходного текста – включая, при необходимости, объяснение в переводной текст, но когда термин используется первый раз – это становится единственной альтернативой. [93]Как правило, чем больше степень формальности и чем специфичнее термин исходного языка, тем сложнее его перевести.

Во французском праве примером такого непереводимого понятия является '*cause*' в обязательном праве Франции. Оно упоминается в статьях 1131-1133 Гражданского кодекса Франции и является причиной, по которой человек заключает договор.

Les vices du consentement sont une **cause** de nullité relative du contrat.[94]

Таким образом, 'considération' является ближайшим эквивалентом в английском праве и имеет аналогичное значение «стать причиной». Юридический термин 'considération', однако, в значительной степени отличается от своего французского аналога, поскольку он главным образом помогает определить, какое соглашение подлежит исполнению в английском договорном праве.

Высшие суда общей юрисдикции ' *Conseil d'Etat*' и '*Cour de cassation'*, являются примерами непереводимых органов власти в исходном языке.

1) Chaque jour, 42 tribunaux administratifs, 8 cours administratives d'appel et **le Conseil d'État** jugent des litiges entre particuliers et les pouvoirs publics (gouvernement, collectivités territoriales, autorités indépendantes ou encore établissements publics).[95]

2) L'arrêt apporte une confirmation sur la nature et l'intensité du contrôle qu'opère **la Cour de cassation** en matière d'infractions de presse.[96]

Существует несколько государственных органов Франции, которые оказались незнакомым юристам по общему праву, например '*Conseil constitutionnel*'. Лингвисты и юристы пытались найти наиболее подходящий перевод этого правового органа, созданного конституцией Франции

---

[93] Weston, *supra*, note 3, p. 26. See also Pollard as an example of the frequent use of non-translatable terms, Pollard, D. (1998) *Sourcebook on French Law*. 2nd ed., London: Cavendish.

[94] Code civile, version consolidée au 23 octobre 2019.

[95] Le Conseil d'État [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.conseil-etat.fr/tribunaux-cours/organisation-(Дата обращения: 25.09.2019)

[96] Note explicative relative à l'arrêt n°649 du 25 octobre 2019 (17-86.605) - Assemblée plénière

1958 года. Французский лингвист Дэвид Поллард определяет это как “независимый, но внесудебный арбитр».[97] Он включает в себя судебные и внесудебные особенности, таким образом в некоторых случаях, как правило неточно, называется «конституционный суд».

Несмотря на процесс сближения правовых систем, общеевропейские ценности, несомненно, сохранятся.

Как указал Пьер Легран, полная унификация правовых систем, вероятно, никогда не состоится до тех пор, пока закон остается специфическим для страны и сохраняет свои исторические основы и не станет полностью наднациональным.[98] Общее предположение об общей правовой традиции всегда будет отсутствовать и, таким образом, будет только поверхностно или несовершенно понята юристом другой правовой семьи. В связи с этим, в любом юридическом переводе понимание цели и социально-культурного контекста, в котором был разработан документ в исходном языке, будет иметь первостепенное значение в целевом языке. N

Таким образом, в заключении можно констатировать, что стилистические особенности современного юридического французского языка обуславливают специфику перевода юридических текстов. Требуется хорошее понимание правовых систем и истории французского и иностранного языка. Безусловно, легче выполнить перевод, если две правовые системы, задействованные в юридическом переводе, являются частью одной и то же правовой семьи и, таким образом, имеют схожие характеристики.

Литература

1. *Davy v. Spelthorne BC* [1983] 3 All ER 278 at 285, in Brown & Bell, *supra* note 14, p. 22.
2. Gutteridge, H.C. (1938) The Comparative Aspects of Legal Terminology. *Tulane Law Review* 12, (1938), at 401.
2. Legrand, P. (1996) European Legal Systems Are Not Converging. *ICLQ* 45 (1996), at 75.
3. Weston, *supra*, note 3, p. 26. See also Pollard as an example of the frequent use of non-translatable 8terms, Pollard, D. (1998) *Sourcebook on French Law*. 2nd ed., London: Cavendish.
4. Code civile, version consolidée au 23 octobre 2019.
5. LOI n° 2019-744 du 19 juillet 2019 de simplification, de clarification et d'actualisation du droit des sociétés, 2019.
6. Note explicative relative à l’arrêt n°649 du 25 octobre 2019 (17-86.605) - Assemblée plénière Pol
7. Règlement de l'Assemblée nationale., Septembre 2019, p.17.

[97] Pollard, D. (1998) *Sourcebook on French Law*. 2nd ed., London: Cavendish.
[98] Legrand, P. (1996) European Legal Systems Are Not Converging. *ICLQ* 45 (1996), at 75.

8. Groupe Société Générale, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.societegenerale.com/fr/accueil
9. Le Monde, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.lemonde.fr/societe/article/2019/05/20/affaire-vincent-lambert-la-cour-d-appel-de-paris-ordonne-la-reprise-des-traitements_5464723_3224.html
10. La cour d'Appel de Paris, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.cours-appel.justice.fr/paris/la-cour-dappel-de-paris-
11. Le site officiel de l'administration française, [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1787
12. Le Conseil d'État [Электронный ресурс] – Режим доступа – https://www.conseil-etat.fr/tribunaux-cours/organisation
13. Ministère de la Justice, [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.justice.gouv.fr/la-garde-des-sceaux-10016/
14. Poliakova N., Bervialle B. La composante lexicale comme reflet de l'aspect national et culturel dans le discours des affaires français // Романское культурное и языковое наследие: история и современность Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор: И.В. Скуратов. 2016. С. 430-

G. Serrone (Italie)

PERTE DE SENS DANS LA TRADUCTION DE LA POÉSIE. L'EXEMPLE DE TEXTES DE LAURE GAUTHIER

Résumé . Dans cet article, nous approfondissons la question de la perte de sens, dans la traduction de la poésie. Nous en posons la problématique, puis nous proposons quelques exemples de poèmes que nous avons traduits et pour lesquels nous avons dû renoncer à certaines nuances du texte source, parfois. Cependant, nous avons eu recours à des stratégies de compensation adaptées au cas par cas.

Mots clés: Langage et langue – Traduction – Poésie – Traduction et pertes de sens – Entropie – Français/Italien

Abstract. In this article, we investigate the issue of the loss of meaning, in the translation of poetry. We present the issue, then we propose some examples of the poems we have translated and for which sometimes we have had to drop some nuances of the source text. Nevertheless, we have had recourse to some compensation strategies, which have been adapted to each case.

Keywords: Speech and language – Translation – Poetry – Translation and loss of meaning – Entropy – French/Italian

Introduction

« *Une œuvre de la langue traduite dans une autre langue : quelqu'un passe la frontière en y laissant sa peau, pour revêtir le costume local.* » Cet aphorisme de Karl Kraus confirme la métaphore du voyage, souvent associée à la traduction, et en propose une autre : celle d'un nouvel habit que revêt un traducteur, pour tenter de réduire la distance qui sépare deux langues et deux cultures. Dans ce passage d'une frontière, en laissant son enveloppe corporelle de l'autre côté, le risque de perdre quelque chose du Pays que l'on a quitté est très élevé.

Ceci dit, la perte en traduction est parfois considérée comme un indice d'infidélité qui alimente ce lieu commun de la « traduction-trahison ». Cette déperdition, appelée aussi « entropie » (Ladmiral, 1994 : 219), apparaît comme un aspect fondateur de la traduction, oserait-on dire, sans lequel presque aucun passage ne serait possible d'un idiome à un autre, au sens de Coseriu (1952). La tâche du traducteur consisterait donc plutôt à limiter l'entropie du texte car « [s'il] *est vrai que toute traduction connait une déperdition sémantique et/ou stylistique, seulement, le but est que le degré de perte soit le plus faible possible* » (Elbaz, 2013 : 80).

1. Perte de sens dans la traduction de la poésie

La complexité d'un texte naît de la présence de l'écrivain dans la langue : « La langue, c'est-à-dire, le sujet parlant », comme l'avançait déjà Saussure (1891 : 39). Autrement dit, « […] *chaque scripteur fabrique sa langue en même temps qu'il écrit. C'est pourquoi un traducteur doit faire face à un texte et souvent lutter avec un texte* […] » (Battaglia et Gardes-Tamine, 2010 : 64). Cette « lutte » – ou, peut-être, cet art de la traduction – est encore plus puissante pour le traducteur, s'agissant de poésie car la présence de l'auteur s'impose de manière « prégnante ». « *La traduction du texte poétique suppose donc des risques et des pertes* » (Astirbei, 2010 : 69) : le traducteur doit prendre en compte la trace psychique et émotionnelle du poète et le style qui en résulte :

> […] *le lecteur-traducteur sera celui qui va tenter d'explorer, de remonter, sur la « toile » que constitue l'œuvre entière d'un auteur, la « veine » qui l'irrigue. Traduire, c'est faire entendre l'originalité d'une voix, et surtout traduire un texte poétique, c'est mettre en circulation les métaphores sur lesquelles le texte est fondé.* (Aştirbei, 2010 : 70)

Ce qui rend unique un texte poétique, c'est :

> […] *sa « signifiance [qui] peut être définie comme le faisceau des paramètres syntaxiques, lexicologiques, sémantiques, sonores, prosodiques, typographiques, psychanalytiques et autres qui, aux yeux du lecteur/traducteur, donnent au poème* […] *son originalité et sa séduction (car on ne traduit bien que ce que l'on aime).* (Davoust, 1994 : 116)

Le poème apparaît donc comme une unité harmonique, où, malgré l'hétérogénéité de ses traits, tout se tient dans cette « perfection absolue » signifiée par l'auteur. Admiratif de cette richesse transposée dans le texte, le traducteur prend soin d'en préserver la « signifiance » et les qualités, bien conscient que : « *Traduire un poème est un art à part, mais qui implique toutes les pratiques et tous les problèmes du traduire. Et qui met en jeu avant toute chose les qualités d'une bonne traduction : la fidélité et l'écriture, ici poétique* » (Mathieu, 2003 : 45).

2. Fidèle ou infidèle ?

L'analogie parfaite entre le texte source et le texte cible est difficile à atteindre et peut se révéler une chimère en poésie. La finesse d'un poème, le rythme appliqué aux vers, les nuances de la langue trouvent difficilement un strict équivalent.

Faire le deuil des pertes engendrées, trouver des solutions alternatives en devient alors le fil conducteur. Dans cette recherche d'une autre forme de fidélité, le but est la re-création du texte source, « […] *dans le dessein* [d'en] *parcourir les étapes créatives originales* » (Oseki-Dépré, 2013 : 11).

Comme l'expliquent Battaglia et Gardes-Tamine (2010), l'identité en traduction est remplacée par le concept de « synonymie ». De même que la synonymie intra-idiomatique, la synonymie inter-idiomatique établit une proximité entre un texte et sa traduction. Dans cette perspective :

> *Si le poète est un peseur de mots, le traducteur l'est également et il est pris entre deux possibilités de mesure : l'exactitude ou l'évaluation subjective, ou plutôt il lui faut passer de la première à la seconde en connaissance de cause* […]. *Respecter la musicalité de l'original implique une équivalence globale et non une stricte équivalence de mots* […]. (Battaglia et Gardes-Tamine, 2010 : 69)

Le traducteur doit donc évaluer et trancher, pour dire si la parfaite analogie de sens serait la seule solution ou bien si d'autres choix sont possibles. Changer un mot, reformuler une phrase, ou même adapter le texte, relèvent de stratégies exploitables, pour respecter la musicalité et l'âme du texte, le « *moti mentali* ». Dans son *Trattato della Pittura* (Vinci (1651 : 366) écrivait :

> *Sono alcuni moti mentali senza il moto del corpo, ed alcuni col moto del corpo. I moti mentali senza il moto del corpo lasciano cadere le braccia, le mani ed ogni altra parte che mostri vita; ma i moti mentali con il moto del corpo tengono il corpo con le sue membra con moto appropriato al moto della mente.*
>
> *Le mouvement représenté sur le tableau doit être adapté à l'état mental de la figure* […] ». Dans le cas contraire, le tableau est deux fois mort :

« […] *une fois parce que ce n'est qu'une image et une seconde fois, parce qu'il ne reproduit pas ce mouvement, ni du corps, ni de l'esprit*.

3. Exemple de traduction de la poésie de Laure Gauthier

Les exemples que nous commentons ici sont tirés de notre traduction de deux récits poétiques de Laure Gauthier. *La cité dolente* a trait à l'histoire d'un homme âgé qui s'enferme volontairement dans une maison de retraite. *Kaspar de pierre* met sous les projecteurs Kaspar Hauser, l'enfant tenu en captivité pendant 17 ans, arrivé en 1828 aux portes de Nuremberg. La traduction du deuxième recueil est sous presse.

3.1. De l'importance de garder les images

Toute la poésie de Laure Gauthier est « idée-image », au sens de Faerber (2019). Les deux œuvres que nous évoquons ici s'appuient sur un réseau d'images qui renvoient à aux quatre éléments : la terre, l'eau, le feu et l'air. Les termes et les expressions créent des métaphores qui se figent pour représenter un ensemble de touches constitutives d'une toile illuminée de couleurs variées, porteuses d'un message précis, le « *moti mentali* », cité plus haut.
Il en est ainsi, à propos de « *époumoné* », adjectif qui apparait dans *La cité dolente*, et s'insère harmonieusement dans le champ lexical de la respiration, en lien avec d'autres termes présents dans le texte, comme le « *souffle* », la « *voix* » et, bien sûr, le « *poumon* ».
L'adjectif est utilisé dans les deux groupes de vers suivants, (a) et (b) :

(a).

La fragilité de ma fin de course se marie bien
À la syncope de tes débuts **époumonés**. Mais
Fuis-moi vers le midi

(b).
Revenant la regarder agoniser, remonter **époumoné** à la surface,
entendre la clameur depuis la rive, souvenance de n'être pas
poisson, à peine une minute, pour tenter de secourir ceux
qui s'agrippent, les faire lâcher prise ?

En italien, l'équivalent « *spolmonare/ spolmonarsi* » existe et traduit parfaitement le sens du verbe français, avec l'avantage d'être proche sur le plan phonique, s'agissant de deux langues romanes. L'adjectif « *spolmonato* » ne trouvant pas d'emploi, le recours à d'autres solutions s'est imposé, afin d'évaluer la spécificité des contextes dans lesquels il figure. Dans (a), le terme « *époumonés* » condense une idée en fin de vers. En reprenant alors la notion de frénésie, d'excitation causée par le fait de parler ou l'effort de crier, nous avons opté dans (a1) pour l'adjectif *agitati* :

(a1)
La fragilità con cui termino la mia corsa si sposa bene
con la sincope dei tuoi inizi **agitati**. Ma
fuggi da me verso mezzogiorno

En revanche, en (b), le verbe « *remonter* » précède l'adjectif « *époumoné* », ce qui, dans (b1), nous a orientée sur un adverbe :

(b1)
Ritornando a guardarla agonizzare, risalire **senza fiato** in superficie,
sentire il clamore dalla riva, ricordo di non essere
pesce, appena un minuto per tentare di soccorrere chi
si aggrappa, farli mollare?

Nous avons choisi « *senza fiato* » (hors d'haleine), issu d'un autre champ sémantique prédominant : celui de la privation.

3.2. Traduire les effets stylistiques

Dans *kaspar de pierre*, œuvre qui joue davantage sur des effets de style, notre priorité a été de les sauvegarder, en essayant de « plier » le sens au rythme, aux assonances, aux allitérations et à toute autre figure de rhétorique. En recourant au concept de compensation, nous avons traduit le passage (c) comme suit :

(c).
Plus l'odeur de la sueur du **condamné**, plus les cris de la foule
se mélangeant à ceux du **roué**, plus l'épaule ou les pieds du voisin
en transe pour écraser les vôtres et vous faire manquer la bouche
du **supplicié** […]

Les trois termes en caractère gras sont les pivots de ces trois vers qui recoupent la même « signifiance », au sens de Davoust (*cf. supra*), à propos du condamné à la roue. Ils entretiennent une relation hiérarchique : le vocable « **condamné** est un hypéronyme de « **roué »** et de « **supplicié »** ; porteurs d'un même noyau sémique (Greimas, 1966), ces trois sémèmes marquent un crescendo. Or, l'hypéronyme « *condamné* » dispose d'un équivalent parfait en italien, avec « *condannato* ». Il en est de même, pour l'hyponyme « *supplicié* » qui peut être traduit par « *torturato* ». Cependant, pour traduire « *roué* », au lieu de choisir son équivalent précis « *condannato alla ruota* » et afin de respecter la rime qui se crée en français parmi les trois termes, nous avons opté pour le mot « *legato* » (*lié*) qui, à la fois, suggère le fait que le « roué » est attaché à la roue, et respecte la brièveté du terme source. Ces choix de traduction sont bien lisibles en (c.1) :

(c.1)

Non c'è più l'odore del sudore del **condannato**, non più le urla della folla che si mescolano a quelle del **legato**, non più la spalla o i piedi del vicino
in trance per schiacciare i vostri e farvi mancare la bocca del
torturato […]

4. Conclusion

À la lumière de cette réflexion, associée à notre expérience de la traduction de l'œuvre poétique de Laure Gauthier, il apparaît que les vers d'un poème sont le fruit d'un scrupuleux travail de cadrage de la part du poète, où l'équilibre et la mesure des éléments forment un tout. Le défi du traducteur consiste alors à respecter ce tout, en maintenant la succession des images qui caractérisent l'harmonie et l'unité du texte, pour reproduire le flux sémantique et rythmique qui en découle, conditions réunies dudit « *moti mentali* ».

5. Références citées

Œuvres

Gauthier, L. (sous presse). *kaspar de pierre*, bilingue italien / français, traduction de Gabriella Serrone, Francavilla Marittima : Macabor.

Gauthier, L. (2018). *La città dolente*, bilingue italien / français, traduction de Gabriella Serrone, Francavilla Marittima : Macabor.

Vinci, L. de (1651/1947). *Trattato della Pittura* (condotto sul Cod. Vaticano Urbinate 1270 (1e édition connue). Roma: Carraba editore, p. 189 et sq.

Atlas has t.p.: Disegni che illustrano l'opera del *Trattato della pittura* di Lionardo da Vinci, tratti fedelmente dagli originali del codice Vaticano. Roma. 1817 (p. 199 et sq.).

Articles et ouvrages

Aştirbei, C-E. (2010). « Pour une poétique du traduire. Techniques de traduction de la métaphore dans le texte en vers », în *Translationes: (En) Jeux esthétiques de la traduction*, nr. 2, Editura Eurostampa, Timişoara, ISSN 2067 – 2705, pp. 67-75.

Battaglia, A., Gardes Tamine, J. (2010). « Traduire la poésie : du mot au texte », dans *Synergies Italie* n° 6 – 2010, pp. 59-82.

Coseriu, E. (1973/1952). "Sistema, Norma y Habla", in. *Teoría del lenguaje y Lingüística general: cinco estudios*, Madrid, Ed. Gredos (pp. 13-138).

Davoust A. (1994). « Traductologie et poésie : Emily Dickinson entre la dérive des règles et les règles de la dérive », in *Poésie en traduction*. *Cahiers Charles V, 17* : 111-186.

Elbaz, G. (2013). *Lire, traduire, écrire la culture. A la croisée des Cultural Studies et des Postcolonial Studies*, Presses de l'Université des Antilles et de la Guyane, ISBN : 9782342012859, p. 290.

Faerber, J. (2019). « *Laure Gauthier : « Écrire, c'est nécessairement faire fi de l'aimable et du mièvre »* dans *DIACRITIK*, 1er octobre 2019.

Greimas, A. (1966). *Sémantique structurale*. Paris : Larousse.
Ladmiral, J.-R. (1994). *Traduire : théorèmes pour la traduction* (2e éd. 1ère éd. 1979). Paris : Payot.
Mathieu, F. (2003). « Le traducteur », dans *Le français aujourd'hui*, 2003/3 n° 142, pp. 37-45.
Oseki-Depré, I. (2013). « Remarques sur la traduction de la poésie », *Belas Infiéis*, 1(2), pp. 7-18.
Saussure, F. de (1891/2011). *Science du langage. De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. Saussure 372*. Écrits de linguistique générale, texte établi par René Amacker. Genève : Droz.

УДК 811.133.1

Н.А. Фененко
Воронежский государственный университет
В.Н. Абабий
Приднестровский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы и приемы, используемые при онлайн-переводе с французского языка на русский, общественно-политических неологизмов, образованных от имен собственных-хоронимов, а также выявляются особенности передачи значений неолексем с одного языка на другой.

Онлайн-переводы, выполненные при помощи переводчиков Google и Promt и послужившие материалом данного исследования, анализируются авторами в сравнении, а также делается вывод о том, насколько корректны предложенные в них варианты.

Авторы рассматривают особенности перевода двух групп производных политических неологизмов: политические метонимии и политические метафоры.

В результате анализа делается вывод о том, что варианты перевода, выполненные при помощи онлайн-переводчиков Google и Promt, ориентированы преимущественно на передачу формы (новизны формы) политических неологизмов. Главный недостаток переводчиков состоит в том, что они не учитывают ни контекстуальное окружение, в котором достигается эквивалентность неологизмов при переводе, ни их значение в контексте, что отражается в ущерб смыслу политического высказывания в целом. Тем самым, авторы отмечают, что онлайн-переводчики не

способны помочь переводчику в процессе передачи интернациональной политической лексики, образованной от ИС.

Ключевые слова: общественно-политический неологизм, имя собственное, перевод, когнитивный багаж, когнитивный контекст

N.A. Fenenko
Voronezh State University
V.N. Ababy
Pridnestrovian State University

THE FEATURES OF TRANSLATION OF SOCIAL-POLITICAL NEOLOGISMS FORMED FROM PROPER NAMES FROM FRENCH INTO RUSSIAN

Abstract. The methods and techniques used in online translation of socio-political neologisms formed from proper names-toponyms from French into Russian are discussed in this article. It also reveals the features of transmitting the meanings of neolexemes from one language into another.

Online translations made with the help of Google and Promt translators serving as the material of this study are analyzed by the authors in comparison. Also the authors make a conclusion to what extent the offered translations are correct.

The authors consider the features of translation of two groups of derived political neologisms: political metonymies and political metaphors.

As a result of the analysis, it is concluded that the translation made with the help of online translators Google and Promt is mainly focused on transferring the form (novelty of the form) of political neologisms. The main disadvantage of translators is that they take into account neither the contextual environment where the equivalence of neologisms is achieved in course of translation, nor their meaning in the context, which is reflected to the detriment of the meaning of the political statement as a whole. Thus, the authors note that online translators cannot help the translator in the process of transmitting international political vocabulary derived from PN.

Keywords: social-political neologism, proper name, translation, cognitive baggage, cognitive context

Целью данной статьи является определение способов и приемов перевода на русский язык французских общественно-политических неологизмов (далее – ОПН. – Н.Ф., В.А.) [2, с. 4]. Особое внимание уделено ОПН, образованным от имен собственных (далее – ИС. – Н.Ф., В.А.), в частности, ИС-*хоронимов* (наименований государств, городов, больших регионов, частей света) [3, с. 400; 9, с. 280], в другой терминологии *деантропонимической лексике* [7, с. 314] или *отантропонимической лексике* [5, с. 73–79].

Материалом исследования послужили переводы актуальных политических текстов, выполненные с помощью онлайн-переводчиков Гугл (Google) [12] и Промт (PROMT.One) [13], в которых употребляются производные ИН, образованные от ИС-хоронимов, и которые отмечены как неологизмы в электронном словаре-справочнике «La banque des mots» («Банк слов») [11].

Выбор в качестве объекта исследования политических неологизмов, образованных от ИС, обусловлен несколькими факторами, в том числе:

– спецификой перевода терминов-неологизмов, которые далеко не всегда имеют соответствия в двуязычных словарях;

– функциональной значимостью терминов, образованных от ИС, которые способствуют созданию выразительности политического текста [8, с. 30];

– сложностью передачи значения неологизмов, образованных от ИС, при переводе [1, с. 165].

В процессе исследования ОПН нами отмечено, что прибавление различных аффиксов к производящей основе-хорониму способствует изменению, обобщению, переосмыслению значения ИС, путем его *метонимического и метафорического переносов.*

Сущность процесса метонимизации ОПН проявляется:

– в переносе названия государства на национальную идентичность, на социальные и культурные ценности граждан, например:

libanité – caractère de ce qui est libanais [11] (характерная черта того, что относится к Ливану) (здесь и далее перевод наш – Н.Ф., В.А.);

– в переносе названия политического процесса на одну из форм его конкретного проявления, конкретной реализации того или иного события, факта, политической идеологии или представления, в отражении новых модификаций, которые происходят на политической арене различных государств, например:

saoudisation – en Arabie saoudite, programme en faveur de l'emploi de travailleurs de nationalité saoudienne [11] (*программа, обеспечивающая занятость рабочих, обладающих гражданством Саудовской Аравии*).

Рассмотрим способы и приемы онлайн-перевода ряда ОПН, относящихся к этой группе и используемых в политических контекстах:

En revanche, on le suit mieux quand il parle de sa ***«picarditude»****. Et il prend volontiers des accents gaulliens pour parler de «sa» région.* [11]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

С другой стороны, мы лучше следим за ним, когда он говорит о своей ***«Пикардии»****. И он охотно пользуется голльскими акцентами, когда говорит о «своем» регионе.*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

С другой стороны, мы следим за ним лучше тогда, когда он говорит о своей ***«Пикардии»****, и он охотно пользуется голльянскими акцентами, чтобы говорить о «своем» регионе.*

При сравнении приведенных выше переводов отмечаем, что оба онлайн-переводчика отказываются от метонимического значения ОПН «*picarditude*» (принадлежность к региону Пикардия, из которого родом Ш. де Голль), заменяя его ИС – Пикардия. Более того, и в том, и в другом варианте допущена ошибка в производном от ИС Шарль де Голль прилагательном: в первом случае использовано несуществующее во французском языке прилагательное «голльский», во втором также несуществующее прилагательное «голльянский», хотя во французском языке от ИС де Голль существует прилагательное «голлистский». Однако использование последнего оказывается в данном контексте невозможным, поскольку оно означает «относящийся к политической концепции де Голля», а в приведенном выше предложении речь идет о региональной идентичности Ш. де Голля: он родился и вырос в Пикардии, чем гордился и не скрывал своего пикардского акцента. Как видим, оба варианта онлайн-переводчиков предлагают дословный перевод предложения, что не только не способствует передаче новизны значения ОПН, но и искажает смысл высказывания. Предложенные варианты лишь подтверждают главный принцип перевода – передать не значение слова и тем более не его форму, а смысл высказывания, используя эквивалентные способы его ревербализации [10, с. 43]. С учетом этого корректный перевод французского предложения может быть следующим:

Мы гораздо лучше понимаем его, когда он говорит ***о своей родной Пикардии*** *с присущим ему особым, де голлевским, пикардским акцентом.*

Ср. также:

L'Espagne est connue pour son ***«europhilie»****.* [11]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

Испания известна своей «еврофилией».

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Испания известна своей ***«европейской культурой»****.*

В результате анализа данных вариантов онлайн-перевода мы пришли к выводу о том, что в первом случае использован прием транслитерации, что позволяет передать новизну формы (слово *europhilie* не зарегистрировано двуязычными французско-русскими словарями, например, словарем В.Г. Гака). Во втором случае ОПН *europhilie* передается с помощью описательной конструкции «европейская культура», которая отличается от французской ЛЕ как своей словообразовательной спецификой, так и семантикой: europhilie (euro + phileo) «любовь к европейской культуре».

На уровне изолированного предложения корректными, на наш взгляд, могут быть такие варианты перевода:

Испания всегда отличалась ***«еврофилией»****. / Испания известна своей* ***приверженностью к европейской культуре****.*

С учетом контекста предпочтительным является второй вариант: он более точно передает смысл ИТ и соответствует нормам принимающего языка, хотя и не сохраняет новизну формы слова, которая может компенсироваться в более широком контексте. Ср.также:

On a dit, parfois, que leur ***«américanité»*** *caractérisait les textes de Richard Ford – entre autres, parce qu'il évoque le décor social et aussi, sans doute, à cause d'un certain réalisme que l'on prête plus particulièrement aux écrivains américains. Mais cette* ***américanité****-là n'est sans doute que de façade ...* [11] Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

Иногда говорили, что их ***«американственность»*** *характеризовала тексты Ричарда Форда – среди прочего, потому что он отражает социальный декор, а также, без сомнения, из-за определенного реализма, который мы приписываем особенно американским писателям. Несомненно, это* ***американство****, является только образным ...*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Иногда говорили, что их ***«американизм»*** *характеризует тексты Ричарда Форда – среди прочего, потому что он говорит о социальном устройстве, а также, возможно, из-за определённого реализма, который особенно придают американским писателям. Но такая* ***Америка****, вероятно, является только образной…*

Как видим, и первый и второй варианты представляют собой дословные переводы ИТ, поэтому попытки передать новизну слова с помощью искусственно созданных ЛЕ «американственность», «американство» только затрудняют понимание смысла ИТ читателем. Второй вариант перевода, в котором ОПН *américanité* заменен ИС-хоронимом – Америка, можно считать более удачным, поскольку смысл исходного текста, в целом, читателю понятен, хотя новизна ОПН утрачивается.

Наиболее корректным вариантом перевода, способствующим более точной передачи метонимического значения данного ОПН, *может быть следующий:*

Считалось, что их идея ***американского величия*** *лучше всего отражена в произведениях Ричарда Форда, который пишет о социальном устройстве общества с присущим творчеству американских писателей реализмом. Однако это лишь парадный фасад реальной Америки ...*

Ср.также:

La ***Françafrique*** *a su évoluer intelligemment mais, dans le fond, rien n'a changé.* [11]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

Франсафрике *удалось разумно развиваться, но, по сути, ничего не изменилось.*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Франс(ц)африка *умело развивалась, но, по сути, ничего не изменилось.*

Как и во всех перечисленных выше случаях, онлайн-переводчики предлагают дословные варианты перевода предложения, предполагающие передачу «новизны» формы ОПН в ущерб его значению и смыслу высказывания в целом. Как в первом, так и во втором случае использованы транслитерированные с французского языка телескопные образования «Франс(ц)африка», значения которых остаются непонятными читателю.

Корректный вариант перевода не может быть ориентирован исключительно на форму слова, приоритетным при переводе должен оставаться смысл высказывания:

Французская Африка *претерпела серьезные изменения, однако, по сути, осталась прежней.*

В результате анализа ОПН-метонимий, мы пришли к выводу о том, что семантический аспект неолексем, их коммуникативная ценность, могут быть наиболее корректно переданы преимущественно при помощи:

1) описательного перевода / описательной конструкции: *picarditude* (своя родная Пикардия), *américanité* (американское величие), *Françafrique* (Французская Африка), *eurofilie* (приверженность к европейской культуре);

2) транслитерации: *eurofilie* (еврофилия).

В данном случае, основным приемом при передаче интернациональных ОПН, образованных от ИС, является создание переводчиком текстовых эквивалентов, учитывая: 1) значение ОПН в тексте; 2) контекстуальное окружение ОПН (для наиболее корректной передачи его смысла);

3) словообразовательную специфику (форму) ОПН. При решении этой сложной и комплексной задачи переводчику необходимо принимать во внимание не столько особенности и принципы словообразования во французском и в русском языках, сколько когнитивный багаж, от которого зависит глубина понимания текста, а также когнитивный контекст, который позволяет понять информацию, полученную в процессе чтения и дополнить имеющийся у переводчика когнитивный багаж (10, с. 211–212).

ОПН-метафоры содержательно и формально связаны с ЛЕ, обозначающими процессы, которые происходят в различных языковых культурах на национальном, европейском и глобальном уровнях. Например:

cubanisation – imitation par un pays du modèle politique et social cubain [11] (*имитация модели политического и социального устройства Кубы*).

Проанализируем варианты онлайн-перевода подобных ОПН. Например:

On peut parler d'une progressive ***«turquisation»*** *de certains Etats européens, dans le sens où l'on assiste à un processus semblable à celui inauguré en Turquie pour garantir la laïcité.* [11]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

Мы можем говорить о прогрессивной ***«тюркизации»*** *некоторых европейских государств в том смысле, что мы наблюдаем процесс, аналогичный тому, который развивался в Турции в целях обеспечения светскости.*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Можно говорить о постепенной ***«туркестанизации»*** *некоторых европейских государств в том смысле, что мы наблюдаем процесс, похожий на процесс, открывшийся в Турции, для обеспечения светской принадлежности.*

При сравнении представленных выше вариантов перевода отмечаем, что первый вариант, который представлен дословным переводом и в котором ОПН «turquisation» передан при помощи транслитерации – тюркизация (от ИС-хоронима *Турция*) можно считать приемлемым, так как смысл высказывания в целом понятен читателю. Во втором варианте, который также представляет собой дословный перевод ИТ, ошибкой переводчика является замена ЛЕ «тюркизация», определяющей актуальные процессы в Турции, ЛЕ «туркестанизация» (от ИС-хоронима *Туркестан*). Данная ЛЕ, учитывая специфику ее значения, не способна ни заменить, ни передать новизну ОПН «turquisation», поскольку искажает смысл предложения и текста в целом.

Наиболее корректным вариантом перевода *может быть следующим:*

Можно говорить о постепенной ***«тюркизации»*** *ряда европейских стран в условиях процесса, схожего с тем, который предприняла Турция в целях контроля над религией и обеспечения светскости.*

Ср. также:

... l'atmosphère asiatique de vie, l'organisation asiatique de la société, l'ordre asiatique des choses, cet ***«asiatisme»*** *qui, selon Gorki, est la «seconde âme» du Russe.* [11]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *Google*:

... азиатская атмосфера жизни, азиатская организация общества, азиатский порядок вещей, этот ***«азиатизм»****, который, по словам Горького, является «второй душой» русского.*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

... азиатская атмосфера жизни, азиатская организация общества, азиатский порядок вещей, этот ***«азиатизм»****, который, по мнению Горького, является «второй душой» россиянина.*

Как видим, оба переводчика одинаково передали форму ОПН *asiatisme – азиатизм.* Из контекста понятно и его значение (влияние Азии

на социальное устройство, на идентичность России). Проблема, однако, заключается в том, что в когнитивном багаже онлайн-переводчика имеется культурологическая лакуна, обусловленная незнанием термина, который употреблял в этом случае М. Горький. Использование в ПТ этого слова и даст корректный вариант перевода:

... азиатский образ жизни, устройство и нормы азиатского общества, одним словом ***«азиатчина»****, которую М. Горький именовал «второй душой» русского человека.*

Проведенное исследование позволяет разделить точку зрения Н.М. Нестеровой [6, с. 47] о том, что проблемы перевода неологизмов возникают не только на этапе их ревербализации, но и на этапе их понимания. Это, несомненно, обусловлено как формальной, так и содержательной уникальностью неологизма, эквивалентность которого достигается, в первую очередь, в *контекстуальном окружении.* Эту же мысль высказывал и В.Н. Комиссаров [4, с. 82-88], отмечая, что эквивалентность в процессе воспроизведения коннотированной лексики обеспечивается *системным* воспроизведением элементов, передача которых необходима *в условиях акта коммуникации*.

В результате анализа мы пришли к выводу о том, что *варианты перевода, выполненные при помощи онлайн*-переводчиков Google и PROMT, представлены дословным переводом и направлены на передачу формы политических неологизмов. Основным их недостатком является то, что они не учитывают ни контекстного окружения ОПН, ни актуализируемого ими в тексте значения. Таким образом, предлагаемые онлайн-переводчиками варианты не способствуют точной передаче новизны значения деантропонимических ОПН; искажают общий смысл высказываний, так как передают значения ОПН как отдельных единиц вне связи с другими элементами текста.

Вследствие этого профессиональному переводчику, вряд ли, стоит рассчитывать на действенную помощь онлайн-переводчиков при передаче ОПН, используемых в переносных значениях. В таких случаях наиболее эффективным путем следует признать создание *текстовых эквивалентов*, обеспечивающих достижение эквивалентности ИТ и ПТ. При этом переводчику необходимо руководствоваться таким критерием как *значение и значимость* ОПН в тексте, а также его роль в сравнении с другими элементами политического текста. Следовательно, важнейшим условием эквивалентного перевода является учет когнитивного контекста, который обеспечивает глубину понимания переводчиком значения конкретного слова и текста в целом и помогает избежать формального подхода к переводу ОПН.

Литература

1. Абабий В.Н. Особенности перевода с французского языка на русский политических неологизмов с элементами anti- и -cratie / В.Н. Абабий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 160–166.
2. Абабий В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2019. – 190 с.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи // – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Муравлёва Н.В. Антропонимическое словообразование и проблема мотивированности // Номинация и словообразование: сб. науч. трудов. – Калинин, 1989. – С. 73-79.
6. Нестерова Н.М. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости / Н.М. Нестерова, Е.А. Наугольных, Е.В. Поздеева / Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №4 (42). – С. 44–58.
7. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика //. – М.: Восток-Запад, 2006. – 314 с.
8. Скуратов И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: автореферат дис. … доктора филол. наук. – М., 2006. – 37 с. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/tipologicheskaya-kharakteristikaneologizmov-v-sovremennom-razgovornom-i-delovom-frantsuzsko
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного – М.: Наука, 2007. – 365 с.
10. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif / M. Lederer. – Paris: Hachette FLE, 1994. – 224 p.

Словари и справочники

11. Словарь-справочник «La banque des mots». – Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.cilf.fr/collection-%3Ci%3ELa_Banque_des_mots%3C_i%3E-10-1-1-0-1.html
12. Словарь Google. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://translate.google.com/?hl=ru
13. Словарь PROMT.One. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.translate.ru/

СЕКЦИЯ VII.
НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811

И.К. Баринова
МПГУ

КРИТЕРИЙ БЛИЗОСТИ / СХОДСТВА / ТОЖДЕСТВА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

Аннотация. В статье рассматривается один из критериев определения синонимии. А именно, критерий близости / сходства / тождества лексического значения. С помощью данного определения не всегда можно точно описать синонимы, так как, опираясь на данный критерий, приводятся довольно обширные списки слов, не являющихся синонимами.

Тем не менее, иногда данная точка зрения имеет право на существование, особенно при характеристике смыслоразличительной / идеографической функции синонимов.

Ключевые слова: синонимы, близость / сходство / тождество лексического значения, идеографическая, семантическая, оттеночно – смысловая, уточнительная, дифференциирующая функция синонимов

I.K. Barinova
Moscow State Pedagogical University

THE CRITERION OF PROXIMITY / SIMILARITY / IDENTITY OF THE LEXICAL MEANING AND THE MEANIN DISTINGUISHING FUNCTION OF LEXICAL SYNONYMS

Abstract. The article considers one of the criteria for determining synonymy. Namely, the criterion of proximity / similarity / identity of the lexical meaning. Using this definition, synonyms cannot always be accurately described, since, based on this criterion, quite extensive lists of words that are not synonyms are given.

Nevertheless, sometimes this point of view has a right to exist, especially when characterizing the meaning-distinguishing / ideographic function of synonyms.

Key words: synonyms, affinity / similarity / identity of lexical meaning, ideographic, semantic, tint - semantic, clarifying, differentiating function of synonyms

Согласно словарю П. Робера критерий – это «то, что служит основой для какого-либо суждения» [7,с. 12].

При определении синонимов лингвисты кладут в основу различные принципы. Это и *общность номинации, и взаимозаменяемость, и понятийная общ-*
ность. И, конечно же, *близость / сходство / тождество лексического значения.*

Определение синонимии на основе *близости / сходства / тождества лексического значения слов* связано с попыткой многих лингвистов разграничить логические и лингвистические категории.

При истолковании синонимических отношений у приверженцев этого критерия намечаются два подхода.

Сторонники первого берут за основу *близость или близость / тождество значений.* Данная точка зрения отражает традиционное понимание синонимии. Ее сторонники – В.В. Иванов, Б. Н. Головин, Л. А. Новиков [2, с. 23;1, с. 62; 4, с. 41]. Среди французских лингвистов – Ж. - П. Колен [5, с. 21], Ж. Дюбуа и другие.

Не останавливаясь подробно на толкованиях данных ученых, отметим, что такое определение синонимии позволяет лексикографам приводить в словарях довольно обширные списки слов, подчас не являющихся синонимами.

Приверженцы второго подхода строят теорию синонимии, основываясь на *критерии тождества лексических единиц*. Это такие лингвисты, как Э. В. Кузнецова [3, с. 51] и др.

Следует отметить, что критерии оценивания синонимов могут быть противоречивыми, состав синонимических рядов также меняется с течением времени. Однако, синонимия остается постоянным языковым явлением [6, с. 195].

Одной из главных функций лексических синонимов, которая, на наш взгляд, определяет их «raison d' etre» является *смыслоразличительная* функция. Многие языковеды называют ее также *идеографической, семантической, оттеночно – смысловой, уточнительной, дифференцирующей.*

С помощью идеографических синонимов могут уточняться:

- *интенсивность, степень проявления того или иного качества, свойства, действия и т.п.*

Например, в синонимическом ряду *«accrochage* – dispute – querelle - controverse» номинативная единица *«accrochage»* отличается от других слов степенью проявления интенсивности.

Все единицы ряда выражают близкое смысловое понятие «спор», «ссора». Однако, имеют интеллективные различия, которые достаточно регулярно нейтрализуются в речи.

В чем проявляются эти отличия?

Доминантой данного синонимического ряда является слово «dispute». Оно семантически максимально емко и стилистически нейтрально.

«Querelle» - спор, провоцирующий обмен насильственными мерами.

«Controverse» - бурная борьба, столкновение мнений.

«Accrochage» - бурная ссора.

Отметим, что синонимы «controverse» и «accrochage» имеют усилительный оттенок значения по сравнению со словами «dispute» и «querelle» (причем *«accrochage»* выражает большую интенсивность спора).

Приведем примеры, в которых проявляются именно эти оттенки значения слова *«accrochage»* (а именно – бурный характер ссоры):

«Durs *accrochages*, entre les Six, avant compromis sur l' accélération du Marché Commun». [9]

«Accrochages» avec l' ORTF qui veut obliger la ville à lui fournir certaines salles».[8]

В первом примере усилительный оттенок *«accrochage»* подчеркивается прилагательным «dur».

Смысловыми синонимами может выражаться также *способ совершения / протекания действия.*

Рассмотрим синонимический ряд «polariser - attirer».

Общее значение этих синонимов – «привлечь», «сосредоточить».

Однако, обращает на себя внимание образность глагола *«polariser»* (то есть, имеется в виду притяжение к одному из полюсов).

«Tout groupe minoritaire *polarise* la suspicion de la majorité.» [9]

«Toute l'attention *est polarisée* sur les métallurgistes.» [9]

Идеографические синонимы также могут *уточнять различные стороны изображаемого предмета или явления.*

Как справедливо отмечает Л. А. Новиков, данная функция синонимов является наиболее интересной и семантически сложной. Она «осуществляется при помощи синонимов, которым свойственны эквиполентная оппозиция и контрастирующая дистрибуция. У них есть как существенно общее, так и индивидуальное, специфическое в их семантике и сочетаемости с другими словами. Употребляясь в тексте, они находятся в отношении как бы «неполного» замещения. Совпадающие (то есть, пересекающиеся) части их смыслового содержания подчеркивают с разных сторон общее, а несовпадающие семы – дополнительные характеристики, различные стороны обозначаемого.» [4, с. 142].

Например, синонимический ряд «*décontraction* – relaxation – repos». Его единицы имеют в своем значении совпадающую сему «отдых»,

«разрядка». И, в то же время, они отличаются друг от друга разными семантическими признаками.

La situation de cette clinique au bord du Lac Léman - pieds dans l' eau – face au grandiose panorama des Alpes est, dès le départ, un facteur *de décontraction, de relaxation, de repos.* [8]

«Décontraction» - это « отдых», « расслабление».

« Relaxation» - «отдых, передышка, развлечение».

«Repos» - «отдых», «спокойствие», «покой».

И хотя такие несовпадающие признаки нейтрализуются, они существуют в языке и языковом сознании говорящих, а потому потенциально присутствуют в тексте и взаимодействуют.

Разнообразие языковых синонимов свидетельствует о богатстве языка. И, следовательно, последний становится все более совершенным инструментом коммуникации.

Литература

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М: Высшая школа, 1983, 231 с.
2. Иванов В. В., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. 1984.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М: Высшая школа, 1989. 215 с.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М:Высшая Школа, 1982. 231с.
5. Colin J.-P., Mével J.-P. Dictionnaire de l'argot. – P: Larousse, 1994.
6. Lopatnikova N.N., Movchovitch N.A. Lexicologie du Français moderne. M:Высшая школа, 2001. 247с.
7. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 1993.
8. Paris – Match.
9. Le Monde.

УДК 811

В.А. Горохова
Московский государственный областной университет

PARLER « TRONQUÉ ». ТЕНДЕЦИЯ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ И СМС-ОБЩЕНИИ С ПОМОЩЬЮ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ АПОКОПЫ, АФЕРЕЗЫ И АББРЕВИАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу такого термина лингвистики как «усечение» и его влияния на современный французский разговорный язык и язык СМС-общения. Данный термин обладает двумя значениями, а именно: 1. Образование новых слов путем сокращения; 2. Образование форм слов путем отбрасывания окончания. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о непосредственном влиянии данного явления на пополнение вокабуляра французов и франкоговорящих людей.

Ключевые слова: апокопа, афереза, усечение, современный французский язык, арго, суффикс, окончание, верлан, СМС, заимствования

Gorokhova V.A.
Moscow Region State University

TO SPEAK TRUNCATED THE TENDENCY OF REDUCING WORDS IN MODERN FRENCH SPEAKING LANGUAGE AND IN SMS COMMUNICATION THROUGH THE USE OF PHONETIC PHENOMENA OF APOCOPE, APHERESIS AND ABBREVIATION

Abstract. This article is devoted to the analysis of a term of linguistics as “truncation” and its influence on modern French spoken language and SMS communication. This term has two meanings: 1. The formation of new words by reduction; 2. The formation of word formed by discarding the ending. The study allows us to conclude that this phenomenon has a direct effect on the replenishment of the vocabulary of the French and French-speaking people.

Key words: apocope, apheresis, truncation, modern french, argo, suffix, ending, verlan, SMS, borrowed words

Считается, что если единица речи – слово состоит из трех или более слогов, то оно является длинным. В разговорной речи любого языка присутствуют такие явления как апокопа, афереза, аббревиация, синкопа и др. В условиях современного ритма жизни люди стремятся сделать свою речь короче, но при этом не теряя смысл сказанного, стремясь таким

образом вместить в акт речи как можно больше единиц информации. Не обошло это явление и современную разговорную речь французов.

Тему такого фонетического явления как усечение (la troncation) вскользь поднял французский писатель Ив Берже в своем романе *Immobile dans le courant du fleuve* от 1994 года, за который впоследствии получил Премию Медичи. Вот эти строки: «Je vous en supplie. Ne les estropiez plus. Un mot souffre quand on le diminue, quand on l'ampute, de la même façon qu'un arbre, un être humain, un animal. Vous coupez la queue des mots et leur infligez une misérable prothèse. C'est comme si vous dépossédiez un paon de sa queue, justement, une mariée de sa traîne, un train de ses wagons, un vaisseau de son sillage, un homme ou une femme de ses jambes.» [3] Их можно перевести как: «Умоляю Вас, больше их [слова] не коверкайте. Слово страдает, когда его сокращают, когда его часть обрубает человек или животное, как какое-то дерево. Вы обрезаете его хвост и прописываете ему жалкий протез. Это как если бы Вы лишили павлина его шикарного хвоста, невесту ее фаты, поезд его вагонов, корабль его кильватора, мужчину или женщину их ног.» [3] Так герой романа Орегон попытался выразить свою озабоченность по поводу апокопов, которые использовала его подруга Фостин в своей речи, как бы лишая слово его «хвоста».

Так что же такое апокопа и афереза? Разберемся в терминологии. Апокопа - (от др.-греч. ἀποκοπή «усечение») происходит от слияния греческих слов apo (от), и koptein (резать) — фонетическое явление, обозначающее выпадение одного или нескольких звуков (фонем) или слогов в конце слова, как правило конечного безударного гласного, приводящее к сокращению слова. [14] Относится к правому усечению (la troncation droite). Данное явление представляет из себя широко распространенный способ обновления языка, способствующее образованию целого ряда редуцированных форм, которые являются способом экономии языковых средств. Вот лишь некоторые примеры апокопов в разговорном французском языке: *cinéma – ciné; faculté – fac; sympathique – sympa; adolescent – ado; accroché – accro; docteur – doc* и другие. В данном явлении можно проследить определенную тенденцию, однако не все слова-апокопы можно соотнести к одному правилу, например в словах *manif (manifestation)* и *prof (professeur)* принципы сокращения слога не соблюдаются, а в таких словах, как *philo (philosophie)* и *psy (psychologue)* - соблюдаются. Довольно часто редуцированию подвергаются сложные слова (слово, имеющее в своем составе два и более корней), например: *moto (motocyclette), stylo (stylographe), cinéma (cinématographe), kilo (kilogramme)* и т.д. В современной разговорной речи усечению подвергаются имена существительные и прилагательные, другие же части речи реже подвержены данному явлению, однако примеры таких форм имеются, например: *comme d'hab (comme d'habitude), déj (déjeuner),*

grav (gravement), Nico Sarco (Nicolas Sarcozy), Domi (Dominique), Manu (Emmanuel) и др.

Аферeза – (др.-греч. ἡ ἀφαίρεσις — отнятие, лишение, убывание; грам. опущение начальной буквы) — фонетическое явление; в широком смысле, выпадение начального звука в слове, главным образом безударного гласного. Аферезу можно считать частным случаем синкопы (выпадение фонемы или слога в середине слова). [13] Данное фонетическое явление как способ словообразования во французском языке используется гораздо реже, нежели чем апокопа и является менее распространенным. Примеры аферезы: *s (autobus), blème (problème), ricain (américain), dwich (sandwich)* и т.д.

Большое количество слов после преобразования оканчиваются на *-ot* и *-o*. В таком случае можно судить о том, что данные слова, скорее всего, относятся к просторечию или же пейоративной лексике, например: *frérot (frère)*. Однако, во французском также существуют и другие окончания, имеющие разговорную коннотацию, они называются псевдосуффиксы. Мартин Рижель называет такие суффиксы «пустыми».[12] Речь идет о таких окончаниях, как *-ar, -oche, -lo, -os, -ard, -asse* и др. Например: *cinoche (cinéma), gratos (gratuit)* и т.д.

Усечение также широко применяется в такой форме разговорного языка, как **верлан**. Верлан является целым пластом лексики в сленге французской молодежи и не только, так как на сегодняшний день данное явление получило широкое распространение и у других слоев общества Франции, благодаря его широкому использованию в музыке и кино. Verlan происходит от французского слова l'envers и создан на базе литературного языка. Принцип создания таких слов состоит в обратном порядке согласных звуков и частом преобразовании «e» в «eu», например *mec – keum; femme – meuf; mère – reum* и т.д. Верлан прочно вошел во французский язык после Второй Мировой войны, начиная с 1970 года. Однако, его корни восходят еще к средним векам, а именно XVI веку. Лингвист В. Меля характеризует его как: «зеркальный язык, в котором отражаются различные проблемы общества.» [10] Процесс усечения происходит, преимущественно, двумя способами: 1) Сначала слово редуцируется, а потом переходит в верлан, т.е. «верланизируется»: *rigoler – rigol – gorli.* 2) Сначала слово «верланизируется", а позже сокращается: *métro – tromé – trom.*

Англицизмы, занимающие особое место во французской лексике и культуре в целом, также подвержены редуцированию. Этот феномен распространён в современном французском языке. Огромное количество таких слов уже прочно обосновались во французском вокабуляре, к примеру: *Mc Do (Mc Donald's), foot (football).* Процесс закрепления происходит сначала путем проникновения англицизмов во французскую лексику, а позднее путем их преобразования с помощью редуцирования.

Однако, нередко происходит и обратный процесс: слово заимствуется французским языком уже в сокращенном виде, например *glam (glamour).*

Нередко свою лепту в пополнение новой лексикой французского вокабуляра вносят дети. Лингвист Гудае описывает этот процесс, как «формальный процесс образования слов с игровой точки зрения языка». Дети играют с языковыми единицами и используют в своей арготической речи такие явления, как аллитерация, апокопа и афереза, описанных выше, получая слова часто с уменьшительно-ласкательной коннотацией (*dodo – jouet)* Французский филолог, специалист в стилистике и семиотике Жорж Молинье в своём произведении *Современный французский* заявляет, что «данный процесс является ультра-усечением (ultra-abrègement), если первый слог редуцированного слова оканчиваются на -о, а потом дублируется, как в слове *coco (cocaine), cracra (crade)* и т.д.». [11]

СМС – общение во французской среде

Теме СМС-общения отводится особое место во французской культуре. Появившись в 90-х годах XX века langage SMS (СМС-общение) служит и продолжает служить средством экономии символов в тексте СМС (texto français). Однако, быстрый ритм жизни, как уже говорилось ранее, диктует свои правила и язык общения по СМС проник и в другие сферы общения, а именно в социальные сети, такие как Facebook, What'sApp и другие.

Сокращения в тексте СМС носят название СМС-акронимы (вид аббревиатуры). Существует несколько способов сокращений:

1) Использование цифр или *типографиеский ребус.* Самый интересный и самый сложный способ сокращения слов, для которого используются не только буквы, но и цифры.

Quoi de neuf – koi 2 9 ; Merci - mer6 ; Bien - Bi1

2) *Фонетический принцип*. Для того, чтобы понять слово необходимо его произнести. Т.е. в тексте СМС оно пишется так, как слышится:

Quoi – koi ; Est-ce que – eske

3) Простая *аббревиация.* Опущение гласных:

Beaucoup – bcp ; Longtemps – lgtmps

4) *Эпелюр*. Происходит от глагола «épeler» - читать по слогам. Принцип, согласно которому целое слово может быть заменено цифрой или первой буквой. Данный способ словообразования был заимствован из английского языка.

J'ai – G ; C'est – C ; De – 2

5) *Англицизмы*. Случается, что ходовое английское слово намного короче французского, поэтому оно выступает в качестве замены. При этом такие слова могут быть заимствованы уже в сокращённом виде:

Aujourd'hui – today - 2day ; Maintenant – now

6) Аббревиация словосочетаний по первым буквам: *Week-ends - WE*

Французский писатель Фил Марсо стал первым в мире автором, написавший роман на языке СМС. Каждый день, в связи с большим количеством слов возникает все больше и больше СМС-акронимов. В связи с этим появился СМС-словарь (dictionnaire SMS), который функционирует онлайн.

Итак, проведя анализ такого явления в лингвистике как «усечение» и его влияния на современный французский разговорный язык, можно сделать вывод о его обширном влиянии на целые пласты французского вокабуляра и его активном использовании в СМС-общении.

Литература

1. Arrivé, M. et al. (1986) : La grammaire d'aujourd'hui : guide alphabétique de linguistique française. Flammarion, Paris.
2. Béchade, H.-D. (1994) : L'origine et le sens des mots. PUF, Paris.
3. Berger, Y. (1994) : Immobile dans le courant du fleuve, Paris : Grasset.
4. Calvet, J.-L. (1994) : L'argot, Paris : PUF.
5. FridrichovÁ, R. (2012) : La troncation en tant que procédé d'abréviation de mots et sa perception dans le français contemporain. Thèse non éditée, FF UP, Olomouc.
6. Gardes-Tamine, J. (1990) : La Grammaire, 1. Phonologie, morphologie, lexicologie : méthode et exercices corrigés. Armand Colin, Paris
7. George, K.-E.-M. (1980) : L'apocope et l'aphérèse en français familier, populaire et argotique. Le français moderne, 48, 16–37.
8. Goudaillier, J.-P. (2001) : Comment tu tchatches. Maisonneuve et Larose, Paris.
9. Niklas-Salminen, A. (1997) : La lexicologie, Paris : Armand Colin.
10. Méla, V. (1991) : Le verlan ou le langage du miroir, Langages, n° 101.
11. Molinié, G. (1991) : Le français moderne, Paris : PUF.
12. Riegel, M. et al. (1994) : Grammaire méthodique du français. PUF, Paris.

Список электронных ресурсов

13. Лингвистика [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B0
14. Лингвистика [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B0

УДК 811.133

М.М. Кирсанова
Московский государственный областной университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМИ РЕФЕРЕНЦИЯМИ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭССЕ

Аннотация. Целью работы является анализ неологических выражений с интертекстуальными референциями, их стилистических форм и прагматических функций в текстах французских политических эссе. Материал, отобранный методом избирательной выборки, исследован в рамках коммуникативно-прагматического метода методиками лингво-культурологического и прагматического анализа в контексте употребления. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения процессов переосмысления значений семантических универсалий из области национальной культуры и как материал в преподавании курса лексикологии современного французского языка.

Ключевые слова: семантическая неология, интертекстуальность, вторичная номинация, метафора, антономазия, антономастический комплекс, прагматические функции.

M.M. Kirsanova
Moscow Region State University

PRAGMATIC FUNCTIONS OF NEOLOGICAL EXPRESSIONS WITH INTERTEXTUAL REFERENCES IN THE TEXTS OF POLITICAL ESSAYS

Abstract. In this paper we present the analysis of neological expressions with intertextual references, their stylistic forms and pragmatic functions in the texts of political essays.The material of the research was selected by the method of selective sampling, examined in communicative-pragmatic framework, by the approaches of linguistic-culturological and pragmatic analysis in the context of usage. The results of the research can be used for further examination of further processes of reinterpretation of the meanings of semantic universals from the sphere of the national culture and as the material in teaching of the course of lexicology of modern French language.

Key words: semantic neology, intertextuality, secondary nomination, metaphor, antonomasia, antonomasic complex, pragmatic functions.

Политизация современного общества увеличивает читательский интерес к политическим эссе в жанре портретов (portrait) и журналистских расследований (enquête).

Эти аналитические публицистические произведения авторитетных журналистов-политологов, посвященные анализу общественно-политических событий и деятельности политиков, представлены в виде анфилады очерков с подчеркнуто личным комментарием.

Выбор автором той или иной актуальной языковой формы в политическом эссе всегда продиктован прагматическими факторами, а именно, должен реализовывать номинативное решение, связывая его с интенциями автора и одновременно предопределяя реакцию читающего. Одним из эффективных способов добиться понимания высказывания является интертекстуальная референция. Методом избирательной выборки (выбирались только языковые формы, содержащие интертекстуальные референции к прецедентным текстам французской культуры) отобран материал исследования из четырех произведений Мишеля Дармона, Кристофа Барбье и Мишеля Онфрея общим объемом более 900 страниц.

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения семантических изменений в новых образных выражениях, функционирующих в публицистическом дискурсе.

Новизна исследования обусловлена необходимостью многоаспектного рассмотрения процессов переосмысления семантических универсалий, принадлежащих французской национальной культуре, и их влияния на изменения в номинативном фонде современного французского языка.

Отечественными и зарубежными исследователями неологизм определяется как сложное, многозначное и многоуровневое явление национальной культуры [1], [2], [17], [12], [15], [13].

С.И. Алаторцева отмечает, что возникновение семантических неологизмов является результатом тенденции повышения выразительного потенциала языковых средств [1, с.40].

В сущность семантической неологии заложено явление переосмысления существующего значения при использовании готового словарного знака во вторичной функции. Переосмысление – способ вторичной номинации, использующий своеобразие ассоциаций, лежащих в основе процесса переноса, обусловленных объективными и субъективными социально-психологическими и культурно–историческими факторами, а также принципом языковой экономии [6, с.111].

Ж.–Ф.Саблероль и Ж.Прюво относят метафору, метонимию, эвфемизм, литоту и антономазию к ситактико–семантическим способам образования неологизмов, при которых форму уже существующей в языке лексической единицы, инновационное преобразование не затрагивает, а изменяется ее синтаксическое употребление или смысл [15, P.105–109].

Объектом настоящего исследования являются семантические неологические выражения, представляющие собой индивидуально–авторские языковые формы, содержащие интертекстуальные референции к прецедентным текстам. В дальнейшем, в настоящей статье будем называть эти языковые единицы ***интертекстуальными неологическими выражениями (ИНВ)***.

Многообразие трактовок термина интертекстуальность, существующих в научной литературе, обусловлено многоаспектностью данного понятия. Исследователи предпочитают пользоваться определениями, соответствующими решаемым задачам их научных изысканий [5, с.135]. Наиболее близкой трактовкой к задачам настоящей работы является определение, данное В.Е.Хализевым: «интертекстуальность – это не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая ситуация, но направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» [8, с.261].

Анализ исследованного материала позволил сделать вывод, что наиболее часто в текстах политических эссе актуальные языковые формы, относящиеся к области семантической неологии, образованы при помощи авторских метафор и антономастических комплексов.

Авторской метафоре, по утверждению Н.В.Телия, всегда предшествует номинативный замысел, имеющий прагматическую информацию. Метафора – это одно из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований, обладающим свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир, окрашенный через языковую систему значений и их ассоциаций в национально–культурные цвета. [7, С.134–139]

Антономазия – употребление имени собственного в функции имени нарицательного, сложное переплетение метонимии и метафоры. Когда в имени собственном закрепляется характерный признак, присущий референту, наблюдается метонимический перенос, в результате которого перенесенное имя становится воплощением определенных моральных качеств или физических черт [6, с.112].

Антономастический комплекс – высказывание, содержащее антономазию, в котором присутствует и объект вторичной номинации, и объект, чье имя используется для вторичной номинации [4, с.85].

Рассмотрим примеры интертекстуальных неологических сочетаний.

1. Заголовок очерка Кристофа Барбье о кандидате президентской гонки 2017 г. Арно Монтебуре: ***Arnaud Montebourg: Fracasse ou Matamore?*** Контекст содержит комментарий автора: Montebourg n’est pas lâche, et c’est pourquoi il n’est pas tout à fait Matamore; Montebourg n’est pas noble, et c’est pourquoi il n’est pas tout à fait Fracasse; Montebourg est un peu les deux, et c’est porquoi il est tout à fait français» [9, p.81]. ИНВ представляет собой

антономастический комплекс, который состоит из оппозиции двух имен литературных персонажей из разных эпох и дискурсов и в пародийной форме характеризует политика Арно Монтебура. Capitaine Fracasse – герой одноименного романа Теофиля Готье, – честный и храбрый обладатель благородной шпаги, без копейки в кармане. Matamore – персонаж комедии дель арте Корнеля «L'Illusion comique», – трусливый арлекин с деревянной колотушкой, хвастающийся своими воображаемыми подвигами. Таким образом, для интерпретации ИНВ требуются точечные фоновые знания классической французской литературы. Прагматические цели автора – лаконично, имплицитно и с юмором выразить иронично–снисходительную оценку, характеризующую политика, достигаются путем интертекстуальных референций, создающих у читателя ассоциации с основными чертами известных литературных героев.

2. Заголовок очерка о Сеголен Руайаль, возглавлявшей с 2014 по 2017 г. Министерство охраны окружающей среды: ***Ségolène Royal: sainte Thérèse ou Folle de Chaillot?*** [9, p.131]**.** Антономастический комплекс состоит из сравнения личного имени и фамилии известного политического деятеля ***Ségolène Royal*** и сочетанием двух имен нарицательных в вопросительной форме. Имя нарицательное ***sainte Thérèse*** ассоциируется с именем реального исторического лица – монахини, помогающей людям**.** Имя нарицательное ***Folle de Chaillot*** создает ассоциации с теми, кто оказывает сопротивление проектам, наносящим ущерб окружающей среде, также как и главная героиня одноименной пьесы Жана Жироду. Так антономазией с интертекстуальной референцией к образу героини знаменитой французской театральной пьесы автор создает вторичную номинацию, в которой содержится ироничная оценка деятельности министра.

3. О начальнике охраны президента Макрона Александре Беналла, получившем скандальную известность из-за превышения должностных полномочий, М. Дармон пишет: ***Benalla, c'est l'esprit de Rastignac dans un corps de rugbyman*** [10, p.50]. В основе антономастического комплекса лежат ассоциации с чертами одного из главных персонажей романов эпопеи «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака – Растиньяка, имя которого стало нарицательным для обозначения удачливого выскочки–карьериста. Прагматическая функция ИНВ в тексте состоит в имплицитном выражении иронии, как негативной оценки.

4. Интертекстуальную референцию к образу Растиньяка использует и Мишель Онфрей, когда о президенте Франции Ф.Миттеране пишет: ***Un Rastignac monté de Jarnac*** [14, p.77]. Антономазия структурно представлена именем нарицательным Rastignac с неопределенным артиклем, создающим эффект обобщения: один из карьеристов, родом как и Растиньяк, из маленького провинциального городка, добившийся финансово–политического успеха поступаясь моральными принципами. ИНВ в форме

антономастического комплекса, содержащего интертекстуальную референцию к целому корпусу текстов классической французской литературы выполняет прагматическую функцию сниженной оценки с ироничной окраской.

5. Интертекстуальные референции к текстам басен и сказок вызывают ассоциации с известными с детства сюжетами и героями, интерпретировать которые незатруднительно для практически любого представителя языкового сообщества. Так, отсылая к сюжету басни Лафонтена «La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le beuf», Кристоф Барбье резюмирует очерк о неожиданной для левых победе Э. Макрона в президентской компании 2017 года: «À gauche, tous ont pris Emmanuel Macron pour la grenouille de la fable, promise à l'explosion pour avoir voulu se faire aussi grosse que le boeuf. Au début de 2017, ***la grenouille s'est envolée en souriant et le boeuf est à l'abattoir***» [9, p.165]. Сравнивая лагерь социалистов с волóм, а Э. Макрона с лягушкой, которая согласно сюжета басни должна была лопнуть, надуваясь изо всех сил, обещав стать размером с вола. Но вышло все наоборот: вол отправился на скотобойню, т.е. проиграл, а лягушка смогла надуться и улететь улыбаясь, т.е. выиграть президентские выборы. Отсылка к сюжету известной басни и образам его персонажей формирует оригинальную двойную метафору–эвфемизм (вол – левые, лягушка – Макрон). Рассмотренное ИНВ как выражение в высказывании, имитирующем форму и содержание известной басни, служит авторской прагматической цели – с юмором, в эвфемистичной форме выражает иронию как оценку.

6. Выражение, содержащее три интертекстуальные референции резюмирует очерк о начале президенства Ф.Олланда: ***«Une fée, une seule, penchée sur le berceau de François Hollande, elle s'appelait Politique, et elle est la cousine de Morgan e et de Carabosse»*** [9, p.43]. Первая часть фразы вызывает ассоциации с текстом сказки Riquet à la Houppe, в которой рассказывается о доброй фее, предрекшей новорожденному счастливую судьбу. Пародоксальное продолжение фразы разрушает стереотип, называя фею кузиной Морганы и Карабос – именами нарицательными злых ведьм (Моргана – злая колдунья из кельтских сказаний о короле Артуре, а Карабос – страшная ведьма из сказки Шарля Перо «Belle de neige»). Таким образом, ИНВ в форме антономастического комплекса эвфемистично выражает имплицитную оценку ситуации, намекая на то, что президенству Ф.Олланда с самого начала не суждено было стать успешным.

7. В очерке о внутриполитических событиях после победы на президентских выборах Э.Макрона, М.Дармон описывает атмосферу в парламенте выражением ***les deux partis de gouvernement se transformaient en radeaux de La Méduse*** [11, p.21]. Метафора ***radeaux de La Méduse*** отсылает к сюжету картины Теодора Жерико «Плот Медузы», сюжетом для которой послужили реальные трагические события начала 19 века – на картине изображена отчаявшаяся горстка пассажиров с затонувшего французского фрегата "Медуза" на неуправляемом плоту без пищи и воды в бушующем

океане. Картина вызвала скандал, так как в ней изображен намек на каннибализм. Прагматическая функция ИНВ: при помощи переосмысления названия знаменитой картины номинировать ситуацию –панику членов правительства, принадлежащих проигравшим партиям, выразить сарказм как оценку.

8. В следующем примере для интерпретации ИНВ также необходима активация фоновых знаний из области французской литературы: «Un excellent article paru dans Le Point daté du 9 octobre 2008 et qui était intitulé: «Mon prognostic sur l'élection américaine». Cet article oraculaire parlait des Clinton comme des ***«nouveaux Thénardier de la politique américaine»*** *[14, p.75]. Автор деноминирует чету американских политиков* ***des Clinton*** *сравнивая их с известными литературными персонажами* ***Thénardier*** *[3, с.84]. С помощью антономазии, отсылающей к образам отрицательных персонажей романа В.Гюго «Отверженные», ассоциирующихся с такими качествами как двуличность, жадность и жестокость, ИНВ* ***«nouveaux Thénardier de la politique américaine»*** *выражает эвфемистично отрицательную оценочную интенцию автора.*

Таким образом, в исследуемом материале были выявлены следующие прагматические функции, воздействующие на читателя:

1) оценочная;

2) характеризующая;

3) эвфемистическая;

4) рационально-эстетическая, организующая текстовое пространство, позволяющая экономить языковые средства и эффективно использовать ИНВ в качестве заголовков и финальных фраз;

5) создания интеллектуальной игры с читателями через апеллирование к общим культурным кодам, хранящимся в коллективной памяти.

В заключении нужно отметить, что использование выражений с интертекстуальными вкраплениями в виде семантических универсалий из прецедентных текстов национальной культуры нельзя причислить к наиболее часто употребляемым стилистическим приемам в публицистических текстах политических эссе. Но при этом именно эти языковые формы (от словосочетания до высказывания) чрезвычайно ярко демонстрируют свою оценочную и эвфемистическую рационально–эстетическую эффективность. Вторичная номинация ситуации или персоналии при помощи переосмысления интертекстуальной единицы, привлекающей фоновые знания первичного прецедентного текста, обеспечивает успех коммуникации при условии знаний читателем этого первичного текста. Формируемая таким образом атмосфера интеллектуальной игры привлекает читателя, и, следовательно, важна с точки зрения прагматики и стилистики и характерна для текстов современных французских политических эссе.

Литература

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русской неографии: дис. ... доктора филологических наук. СПб, 1998. 317 с.
2. Гацалова Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания: на материале русского и осетинского языков: дис. ... доктора филологических наук. Нальчик, 2005. 521 с.
3. Кирсанова М.М. К вопросу об интерпретации образных неологических сочетаний публицистических текстов (на материале французского языка) // Вестник Московского Государственного Областного Университета, Лингвистика, №1, М., ИИУ МГОУ, 2020. С.80–87.
4. Наер Н.М. Структура, семантика и прагматика антономазии (на материале немецкого языка). М.: МПГУ, 2011. 140 с.
5. Петрова Н.В., Кулакова О.К. Различные подходы к определению интертекстуальности // Вестник Иркутского Государственного Лингвистического Университета, № 2 (14) , 2011. С.131–136.
6. Скуратов И.В. Семантическая неология (на материале французского языка) // Романские языки в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных трудов. М.: МГУ, 2017. С.110–113.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
9. Barbier C. Les derniers jours de la gauche. Paris : Flammarion, 2017. 303 p.
10. Darmon M. La politique est un métier. Paris : L'Observatoire, 2019. 208 p.
11. Darmon M. Macron ou la démocratie de fer. Paris : L'Archipel, 2019. 286 p.
12. Guilbert L. La créativité lexical. Paris : Larousse, 1975. 285 p.
13. Mortureux M–F. La lexicologie entre langue et discours. Paris : Editions Sedes, 1997. 118 p.
14. Onfray M. Décoloniser les provinces. Contribution aux présidentielles. Paris : L'Observatoire, 2017. 89 p.
15. Pruvost J., Sablayrolles J.–F. Les néologismes. Paris : PUF, 2016. 126 p.
17. Skouratov I. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain. M.: MGOU, 2016. 157 p.

УДК 81.272

N.V. Poliakova
Université d'Etat de la région de Moscou

LES CARACTÉRISTIQUES DE L'EXPRESSION DE L'IDENTITÉ LINGUISTIQUE DANS LA COMMUNICATION INTERNET DES ENTREPRISES

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00515

Résumé. En se basant sur l'analyse des textes de ressources Internet rédigés par des résidents francophones français et russes, l'auteur de l'article révèle les caractéristiques linguistiques dans les textes des courriels d'affaires en français moderne, en tenant compte des spécificités nationales, culturelles et sociolinguistiques de la communication d'entreprise. De toute évidence, l'émergence de l'Internet mondial et les changements sociaux, culturels et technologiques se reflètent inévitablement dans la langue.

Mots-clés: langue; identité; communication Internet ; communication d'affaires; discours

N.V. Poliakova
Moscow Region State University

SPECIFIC FEATURES OF LANGUAGE IDENTITY IN ONLINE BUSINESS COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

Abstract. The present paper comparatively analyses the texts from the Internet, written by French-speaking residents of Russia and France. The author reveals the language peculiarities of establishing identity in business e-correspondence conducted in modern French. The national-cultural and sociolinguistic aspects of business communication were thoroughly considered as well. The advent of the Internet and the changes that it entailed in the society, culture and technology are projected into the language.

Key-words: language; identity; Internet communication; business communication; discourse

Cet article explore les moyens d'exprimer l'identité linguistique dans les communications Internet des entreprises françaises.

La pertinence de l'œuvre est déterminée, tout d'abord, par l'intérêt accru pour les problèmes d'identité dans le contexte de l'intégration économique, politique et culturelle mondiale, ainsi que dans le cadre du développement de la

technologie informatique. On ne peut qu'être d'accord avec le fait que l'échange d'informations sous forme électronique ouvre des opportunités de communication fondamentalement nouvelles (rapidité, rapidité et accessibilité de la communication entre utilisateurs à longue et courte distance), suscitant ainsi l'intérêt des linguistes.

L'étude insuffisante des caractéristiques fonctionnelles, pragmatiques et stylistiques de la communication Internet en français d'affaires, la nécessité d'étudier les facteurs extralinguistiques qui influencent la communication des entreprises déterminent l'intérêt pour le sujet choisi.

L'objet de recherche de cet article est le discours des entreprises françaises dans la communication Internet; le sujet est les moyens de former une identité linguistique dans la communication Internet des entreprises en français.

Le but de l'article est de révéler les caractéristiques linguistiques de la construction de l'identité dans les textes des courriels d'affaires en français moderne, en tenant compte des spécificités nationales, culturelles et sociolinguistiques de la communication d'entreprise en France.

L'interaction avec l'utilisation des technologies Internet modernes est appelée communication Internet.

Les approches de l'interprétation du terme "communication Internet" sont très diverses. Ainsi, les représentants de l'approche cognitive et sémantique, définissent la communication Internet comme «un processus cognitif visant à produire la parole réelle. Le texte est considéré comme le résultat final du processus de la communication, qui prend comme résultat un certain formulaire fixe complet ». [3]

Les structuralistes et les post-structuralistes, en particulier, Yu.S. Kristeva, indiquent que la méthode de la communication détermine et motive complètement la sphère de la communication Internet, qui est le plus souvent déterminée par des intérêts personnels (musique, sports, littérature, tourisme, etc.), et aussi des institutions sociales générées par lui. [2]

Dans cet article, le terme «communication Internet» fait référence à une forme d'interaction sociale dans laquelle les informations sont transmises via Internet à l'aide de protocoles standard pour l'échange et la présentation d'informations. Tout cela définit la multiplicité des contextes d'interaction, en particulier celui d'affaires, et ouvre de nouvelles opportunités pour explorer diverses cultures d'entreprise [1].

Actuellement, une grande attention est accordée au problème de l'expression, du changement et du développement de l'identité dans la langue.

De ce point de vue, les textes des d'affaires électroniques présentent un certain intérêt pour l'étude du phénomène de l'identité.

L'environnement Web a un impact indéniable sur la nature de la communication d'entreprise moderne, différenciant et compliquant le système de modes d'expression de l'identité linguistique. Par rapport aux textes d'affaires sur papier, les textes d'affaires Internet subissent des transformations importantes.

La communication d'affaires sur le réseau est plus dynamique. Les textes qui s'y trouvent sont souvent limités par la taille de l'écran d'un ordinateur portable ou d'un smartphone. Elle est donc beaucoup moins ritualisée et plus axée sur la prise de décisions rapides.

La rapidité des échanges d'informations lors de la communication sur Internet conduit à des modifications du texte. La rapidité des échanges d'informations lors de la communication sur Internet conduit à des modifications du texte d'affaires, à sa simplification, notamment s'il s'agit de la correspondance au sein de l'entreprise.

L'analyse du matériel a montré que pour répondre à une lettre d'affaires, les expéditeurs français utilisent le plus souvent les formules suivantes:

En réponse à votre e-mail...	cité en référence
Pour répondre à votre e-mail...	susmentionné
Par e-mail...	rappelé en référence
J'ai été saisi Vous m'avez saisi	d'une question relative à d'une question concernant
Vous avez appelé	mon attention
Vous avez bien voulu	m'informer de me faire connaître que me signaler appeler mon attention sur
Il m'a été signalé	

Parmi les formulations de conclusion, les plus courantes sont:

Je vous prie Je vous saurais gré Je vous serais reconnaissant Je vous serais obligé	de vouloir bien *(supérieur à un inférieur)* de bien vouloir
Vous voudrez bien Je vous demande de	prendre toutes dispositions pour veiller à présenter / soumettre à mon approbation

Je vous invite de	présenter à mon appréciation soumettre à l' appréciation
Je vous convie à Je vous engage à	présenter à la signature de soumettre à la signature de rendre compte de
J'attache	du prix à le plus grand intérêt
Je me reserve Je décide que Je désire que	

Aujourd'hui, en français, l'une des tendances caractérisant la langue d'affaires est l'utilisation du vocabulaire emprunté [4].

Le langage parlé, l'argot, les mots et les expressions qui ne sont pas typiques pour le discours commercial officiel sont souvent utilisés. Par exemple*: "C'est une win-win situation" (c'est une situation gagnant- gagnant)*.

Ainsi, on peut noter que l'étude des caractéristiques linguistiques de l'expression de l'identité dans les textes des courriels d'affaires en français moderne est sans aucun doute productive. Les traits caractéristiques révélés indiquent que les textes de communication Internet sont largement similaires aux textes familiers sur des sujets commerciaux. Cela est principalement dû à une grande vitesse de l'interaction observée lors de la communication dans le Web.

Références

1. Hofstede Geert, Hofstede Gert Jan, Minkov Michael. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill Irwin, 2010. 578 p.
2. Kristeva Yu.S. Sémiotique: études sur la semanalyse. M.: Projet académique, 2015. 285 p.
3. Kubryakova E.S. A la recherche de l'essence du langage: la recherche cognitive. M.: Znak, 2012. 203 p.
4. Poliakova N., Bervialle B. Les caractéristiques lexicales du langage professionnel en français // Романские языки в синхронии и диахронии Межвузовский сборник научных трудов. Редколлегия Н.М. Васильева, И.В. Скуратов. Отв. редакторы И.В. Скуратов, Н.В. Полякова. Москва, 2017. С. 107-110.

УДК 811

I.V. Skuratov
Université d'Etat de la région de Moscou
P.-A. Dumont
Université d'Etat de la région de Moscou

LES PROMENADES DANS LE JARDIN DES MOTS EN COMPAGNIE DU MEILLEUR GUIDE, LA LANGUE FRANÇAISE

Аннотация. Целью настоящей статьи является своеобразная прогулка по саду слов, понятия которых нами управляют. Они наши хозяева и слуги. Слова отличаются своей красотой, запахом, цветом. Благодаря словам, существует окружающий нас мир, а язык обогащается новообразованиями.

Ключевые слова: французский язык, слово, понятие, владеть правильно и точно, ясность и достоверность выражения

I.V. Skuratov
Moscow Region State University
P.-A. Dumont
Moscow Region State University

WALKS IN THE GARDEN OF WORDS IN THE COMPANY OF THE BEST GUIDE, THE FRENCH LANGUAGE

Abstract. The aim of this article is a peculiar walk around the garden of words, the concepts of which rule us. They are our masters and servants. Words differ in their beauty, fragrances and colors. Due to words, the surrounding world exists, while the language is enriched with neological units.

Key words: the French language, a word, a concept, to be able to use the language correctly and accurately, the clarity and authenticity of expression

INTRODUCTION

Ah, la belle langue de Molière ! Le français est universel. L'universalité de la langue française est un concept très... franco-français !

Les efforts de codification, d'établissement de règles et de normes de bon usage, l'enrichissement terminologique des XVI et XVII siècles, ainsi que la littérature, ont hissé le français classique sur un piédestal où le français moderne lui succédera de plein droit.

C'est ainsi qu'au XVIII siècle, portée par l'affirmation du Royaume de France et l'essaimage de populations francophones sur de nouveaux territoires, la géopolitique établissait le français comme langue internationale. Certains philosophes des Lumières défendaient l'hypothèse qu'il portait en lui une qualité justifiant cette suprématie.

Par exemple, Diderot avançait que cette langue était unique dans sa clarté d'expression parce qu'elle imposait au sujet une place pré-verbale et Voltaire lui-même déclarait sans ambages que « *de toutes les langues de l'Europe, la française doit être la plus générale, parce qu'elle est la plus propre à la conversation* ». [Voltaire 1827, p.1725]

Intimement liée à la construction identitaire française, cette hypothèse ressurgit régulièrement. Ainsi Maurice Druon affirmait en 1988 que le français était la langue la plus claire et la plus précise pour la définition de la morale.

Certes, d'aucuns reprocheront à la langue française la complexité de sa graphie, son dédale de règles d'accord ou de pluriels, ou bien pléthore d'exceptions et de conjugaisons irrégulières qui en font un instrument délicat dont le maniement exige un long et ardu entraînement, mais c'est bien là une de ses plus grandes qualités dans une époque sclérosée par un utilitarisme borné.

Car, comme il en va de toute discipline, l'exercice averti de la langue est une condition capitale pour garder une bonne santé intellectuelle, physique et morale.

En 1998, Jacqueline de Romilly intitulait sa première chronique « Contre l'enflure des mots » : « *La langue que nous parlons, que nous avons apprise depuis notre enfance et qui se parle depuis des siècles, celle qui nous sert à nous exprimer dans notre vie de tous les jours, peut être plus ou moins bien portante. Si elle va mal, notre pensée, notre vie quotidienne en seront modifiées.* » [Jacqueline de Romilly 2011, p.13]

Nous partageons bien évidemment la pensée de Mme Jacqueline de Romilly en disant que la santé de tout système réside avant tout dans son équilibre. Vider les mots de leur sens, les tordre afin de leur faire dire le contraire de ce qu'ils sont, les affubler des oripeaux de nos propres turpitudes, c'est par cela que la langue est affaiblie et tourmentée.

Pour bien exprimer ses sentiments, ses souffrances éventuelles, et en repérer les causes, il faut une grande lucidité et de la justesse dans l'expression. Discerner le vrai du faux, connaître les limites entre le Bien et le Mal, trouver son équilibre à travers les mouvements qui nous entraînent du passé vers l'avenir, tout cela n'est possible qu'avec des mots affûtés, droits et tranchants.

N'est-ce pas une absolue perfection de savoir bien maîtriser sa langue pour défendre le bonheur d'être?

Pour cela, il faut profondément aimer la langue française et s'attacher tout au long de sa vie à apprécier son bon emploi, à essayer de la manier correctement et avec précision.

Afin de partager notre amour de la langue française, il est bon de redire quel plaisir ce peut être d'organiser les promenades dans le jardin des mots pour découvrir toutes ces richesses de la langue.

La langue française est si fine et si nuancée que l'on peut s'en émerveiller presque à propos de chaque mot.

Il est souhaitable de garder l'image à l'esprit, lorsqu'on choisit parmi les divers mots. Cela vaut pour les mots nouveaux.

Par exemple, ***initier*** qui est fort à la mode. Le mot est bon pour dire « commencer » : c'était son sens premier, c'est celui que l'on trouve dans *initiative* (инициатива, начинание, почин) ou dans *initiale* (начальная буква слова).

Mais à dire vrai, ce mot a été depuis longtemps chargé d'une nuance religieuse très particulière. Il était question d'entrer au nombre de ceux qui connaissaient les mystères religieux. C'est pourquoi on était *initié à une religion* (приобщиться к религии), voire *initié au latin* (посвятить себя изучению латыни).

Selon J. de Romilly, « il est gênant de voir employer tout à coup le mot avec un complément d'objet direct, dans le simple sens de « commencer », d'autant plus d'entendre des formules comme *initier au débat,* ou *initier une compétition.*[Jacqueline de Romilly 2011, p.39]

Un autre exemple : ***intuitif***. Cet adjectif se rapporte bien entendu à l'intuition, qui est selon la définition de Balzac dans *La peau de chagrin* un pressentiment qui nous fait deviner ce qui est ou doit être. Étymologiquement, l'intuition renvoie au sens de la vue, à ce qui peut être rapidement appréhendé par le regard. ***Intuitif*** désigne donc la personne procédant par intuition, ou bien l'information obtenue par cette faculté. Mais en aucun cas un objet faisant appel à celle-ci ne peut-être ainsi qualifié. Une application, un logiciel dont l'utilisation se comprend sans effort n'est donc pas ***intuitif***, mais clair au premier coup d'œil, ce qui nous ramène aux sources de l'intuition sans emprunter de raccourci maladroit.

Maladies nouvelles ; maladies du siècle

A l'aube du nouveau millénaire, l'homme ne sait pas encore guérir ni des maladies orphelines, ni certains cancers, ni de la sclérose en plaque, ni même les affections neuronales liées au vieillissement. Il s'en accommode, en pariant que ses chercheurs y arriveront ...un jour. Il pouvait en revanche penser avoir jugulé, et même éradiqué toutes les grandes maladies infectieuses graves de la planète, comme la variole, la tuberculose, la poliomyélite. Il ne devait donc plus se préoccuper que de maux, qualifiés facilement de « *maladies du siècle »* telles que les allergies ou le mal de dos, et les troubles à la santé mentale. Mais le voilà confronté à d'autres périls nouveaux, inattendus, qui déferlent en masse. Le SIDA a été le premier repéré, au début des années 80. Comme si le cortège de souffrances et de drames qui accompagnent cette pandémie ne suffisait pas, elle est suivie d'autres menaces moins connues. Que les germes qui les portent s'appelaient Ebola, légionellose, SRAS ou grippe aviaire, ils apparaissent sans qu'on sache très bien les combattre, peut-être pour rappeler l'humain en général et le corps médical en particulier à un peu d'humilité devant ces revanches de la nature.[Nectoux 2005, p. 126-127]

Mais en quoi la langue peut-elle être bouleversée par un phénomène de l'ampleur de l'épidémie de coronavirus ? Face à de nouvelles réalités, on assiste un foisonnement de mots renouvelés, transformés, ou bien de mots techniques tirés du jargon professionnel au grand jour.

Confinement

Tandis que son cousin *les confins* nous invite au voyage, à l'éloignement, à la découverte des frontières, des limites d'un espace que l'on imagine volontiers démesuré, le ***confinement*** est attesté dès le XVI siècle pour désigner l'emprisonnement. Et voilà que ce terme tiré du droit pénal se retrouve sur toutes les lèvres, entre dans le quotidien de tout un chacun, lorsque la maladie ne vous impose pas un régime encore plus sévère : la quarantaine.

Cet isolement de quarante jours, imposé aux voyageurs revenant de contrées où sévissent des maladies contagieuses, a migré du français vers un grand nombre de langues européennes. Mais dans le cas qui nous intéresse, le délai est heureusement ramené à deux semaines. Et voilà que, forts de leur droit de paternité sur le terme, les français le travestissent en ***quatorzaine***, pour ne pas allonger par le mot un temps déjà bien assez long.

Cependant, les mots-valises, ou amalgames lexicaux, sont sans doute ceux qui ont le mieux fleuri au gré de cette tempête. ***Coronapéro***, ***whattsapéro***, ***skypéro***, voilà un échantillon des néologismes appelés à désigner la pratique sociale de l'apéritif comme moment de détente et de contact social réalisé à distance par l'entremise d'un des nombreux logiciels de transmission du son et de l'image. Ces termes permettent de bien distinguer le loisir de la *visioconférence*, qui n'est plus toute jeune et reste réservée à une activité professionnelle ou éducative.

Enfin, celui ou celle qui fera preuve, selon l'avis de ses congénères, de trop de légèreté face aux recommandations sanitaires ou se laissera au contraire envahir par une panique irrationnelle risque de se voir qualifié de ***covidiot(e)***.

CONCLUSION

Si l'universalité du français est un concept artificiel et subjectif, il n'en demeure pas moins un facteur important de la volonté normative qui accompagne cette langue depuis 400 ans.

Le lexique s'en trouve soumis à diverses influences, qui peuvent se révéler contradictoires s'il s'agit de conserver une clarté lexicale face à des phénomènes (euphémisation, hyperbole, effets de style) dictés par des contingences sociales.

Dans le même temps, la langue comme organisme vivant conserve toute sa force créatrice au travers des néologismes et des glissements de sens, qui viennent enrichir le foisonnement terminologique, ce que Jacqueline de Romilly nommait le jardin des mots.

Références

1. De Romilly Jacqueline Dans le jardin des mots. Paris, Editions de Fallois, 2011, 344 p.
2. Nectoux Philippe Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance? Paris, Presses de l'Imprimerie France Quercy à Cabors, 2005, 231p.
3. Voltaire Oeuvres complètes Paris, A. Sautelet, 1827, 2169 p.

СЕКЦИЯ VIII.
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

УДК 81-114/2

Н.А. Нечаева
Дипломатическая академия МИД
Российской Федерации

ЯЗЫК НАУКИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Язык науки является сложной семиотической системой, используемой в специальном контексте и для специальных целей. Язык науки характеризуется взаимодействием обыденного языка и научного, создающего целостность картины мира. Язык науки как совокупность новых терминов отображает развитие научного знания, связанного с представлениями, наблюдениями и с концептуальным обобщением, что обусловливает, с одной стороны его кумулятивный, с другой стороны, изменчивый и непостоянный характер.

Ключевые слова: научное знание, история науки, язык науки, язык для специальных целей, гибридные науки

LANGUAGE OF SCIENCE: ANALYTICAL REVIEW

N.A. Nechaeva
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

Abstract. The language of science is a complex semiotic system used in a special context and for special purposes. The language of science is characterized by the interaction of everyday language and scientific, creating the integrity of the picture of the world. The language of science as a set of new terms reflects the development of scientific knowledge related to representations, observations and conceptual generalization, which determines, on the one hand, its cumulative, on the other hand, changeable and inconstant character.

Key words: scientific knowledge, history of science, language of science, language for special purposes, hybrid sciences

Со времен Древнего Египта и Вавилона в обществе формировалось представление о необходимости точности научного знания и

соответствующего ему языка. Осознание важности точности знания в деятельности человека и в его теоретических изысканиях приводит к мысли о единообразии языка науки. Еще Декарт [Декарт 1989: 90] высказывал идею о «всеобщей математике» – mathesis universalis: «Должна существовать некая общая наука, которая должна называться не заимствованным именем, а уже сделавшимся старым, но вновь вошедшим в употребление именем всеобщей математики». Соответственно, должен был появиться специальный язык науки, способный зафиксировать все научные достижения. И этим «языком на протяжении многих веков до эпохи Возрождения стал латинский язык, который безупречно выполнял функции международного языка, и притом не только в науке, но и в поэзии» [Иванова 2011: 37].

Рассмотрение современного языка науки в его онтолого-гносеологическом аспекте показало, что понятие язык науки впервые появилось в работах по философии. Началом лингвистического изучения языка науки послужило издание книги английского ученого Т. Сейвори «Язык науки» (1953).

Анализ определений языка науки свидетельствует о наличии разногласий в объяснении этого явления, что говорит о сложности этой категории. В специальной литературе язык науки характеризуется или как язык научной литературы, аналог научного стиля, или как язык для обозначения узконаучных объектов (например, язык программирования), или его выделяют как самостоятельный функциональный тип общелитературного языка. Важно отметить, что в данной работе не акцентируется различие язык науки vs. специальный язык, или язык для специальных целей (LSP), хотя оно имеет место быть, оба эти понятия характеризуются как язык науки на том основании, что оба они обозначают носителя и хранителя специальных знаний. Приведем несколько примеров определений языка науки:

Язык науки – система понятий, знаков, символов, создаваемая и используемая той или иной областью научного познания для получения, выражения, обработки, хранения и применения знаний [Иванова 2011: 15].

Язык науки – это система искусственно культивируемых тематически организованных специализированных языковых средств, меньшая по объёму, чем национальный язык и занимающая в нём подчинённое положение [Суперанская, Подольская, Васильева 2005: 8].

Французские учёные Робер Галиссон и Даниель Кост определяют язык науки как «l’expression générique pour désigner les langues utilisées dans des situations de communication (orales ou écrites) qui impliquent la transmission d’une information relevant d’un champ d’expérience particulier» [Galisson et al. 1976: 511]. / Специальный язык – язык, используемый в ситуациях общения (устных или письменных), который связан с передачей информации в определённой научной области.

По мнению французского лингвиста Пьера Лера [Lerat 1995: 20], «la notion de langue spécialisée est [plus] pragmatique: c'est une langue naturelle considérée en tant que vecteur de connaissances spécialisées» / Понятие специальный язык является [более] прагматичным: это естественный язык, который является носителем специальных знаний.

По мнению Т. Кабрэ [Cabré 1998: 119], «les langues de spécialité seraient des sous-ensembles, fondamentalement pragmatiques, de la langue dans son sens global» / специальные языки являются принципиально прагматичной подсистемой языка в его глобальном смысле. Понятие подсистема подразумевает, что общий язык и специальный язык имеют общие элементы, которые могут проникать одни в другие: «Les langues de spécialité sont en relation d'inclusion par rapport à la langue générale et en relation d'intersection avec la langue commune» [Там же] / Специальный язык входит в общенародный язык и пересекается с общим языком. Понятием *общенародный язык* Т. Кабрэ обозначает язык в целом (специальный язык + общий язык), а понятие *общий язык* есть немаркированный язык, язык обыденной неспециальной коммуникации.

Французский лингвист Жан Дюбуа [Dubois et al. 2001: 40] утверждает, «on appelle langue de spécialité un sous-système linguistique tel qu'il rassemble les spécificités linguistiques d'un domaine particulier» / Специальным языком называется лингвистическая подсистема, которая объединяет лингвистические особенности определённой научной области.

Обобщая приведенные определения, можно сделать вывод, что язык науки является сложной семиотической системой, используемой в специальном контексте и для специальных целей, то есть для передачи специальной информации. Таким образом, смысл всех определений языка науки функционально сводится к носителю специальных знаний.

Если в начале своего развития любая наука во всех языках (в том числе, во французском) в основном использует понятия естественного языка, то по мере развития науки появляются теории, вводящие новые термины для обозначения новых объектов, новых открываемых явлений и их характеристик, например, названия химических элементов, их свойств и взаимосвязей, физических величин и их единиц измерения, прибавочной стоимости и т.д. В целом «язык науки возникает и развивается как орудие познания определённой области явлений, и его специфика определяется как особенностями изучаемой области, так и методами её познания» [Иванова 2011: 67], для чего обычно используется естественный язык, обогащённый дополнительными понятиями, знаками и символами.

Язык науки характеризуется конкретностью, логичностью и точностью передачи информации. Понятия, которые заимствуются из общеупотребительного языка, например, рынок, сила, тяжесть и т.п., получают более конкретное значение в языке науки. Взаимодействие обыденного языка и научного, создающего целостность картины мира,

обеспечивается единством описательных представлений о нем. Это подтверждает английский физик Джон Бернал [Бернал 1956: 23], когда говорит о возникновении языка науки из обыденного языка, который применялся в процессе научного эксперимента, наблюдения. Логическое пояснение того или иного научного понятия потребовало формирования «своего», специального языка, а возрастающая роль науки и ее взаимоотношения с обществом свидетельствуют о динамичном развитии языка науки, который базируется на тесной взаимосвязи между специальными единицами и единицами обиходного языка и их постоянной миграции.

Иное мнение у немецкого лингвиста Л. Хоффманна [Hoffmann 1987: 158], который утверждает, что необходимо различать специальный язык и общеупотребительный язык, поскольку природа этих языков изначально разная, в то же время автор соглашается с утверждением Дж. Бернала, который говорит о неизбежном проникновении научного языка в повседневную речь благодаря знакомству человека в обыденной жизни с научными открытиями и научными новинками.

Можно сказать, что многогранное явление язык науки, конечно, не универсально, но очертить тенденции, направления его движения и развития вполне вероятно. В процессе научного познания и процессах интеграции знания эти тенденции есть, как было уже определено, углубление смыслов и расширение поля значений.

Интересно в этом контексте, на наш взгляд, обращение к истории науки, особенно, к различию подходов к естественным и гуманитарным наукам. По мнению Дж. Бернала [Бернал 1956, цит. по Какзанова 2011], вначале гуманитарным наукам вообще было отказано в научности, так как постулировалось утверждение (Аристотель в своем учении о познании и его видах), что знание возможно только в естественных и математических науках: «В VIII веке ислам стал средоточием азиатского и европейского знания. С приходом к власти в 749 году Абассидов образованные персы, евреи, греки, сирийцы и многие учёные из дальних стран встречались в новой столице – Багдаде. Именно здесь и в Джундишапуре начали переводить на арабский язык сочинения греческих ученых. Переводы делались или непосредственно с греческого, или, чаще всего, с сирийского языка. Почти все переведённые книги относились к области науки и философии, и это понятно, поскольку арабы не проявляли особого интереса к греческой истории. В основном, благодаря именно такой направленности интересов случилось то, что, когда знания арабов в свою очередь были заимствованы Западом, они вначале ограничивались естествознанием и философией. Гуманитарные науки в большинстве своём открыты вновь непосредственно у греческих и латинских авторов только в эпоху Возрождения. То, что естественные и гуманитарные науки влились в современную культуру по различным путям, является важным фактором в

развитии науки. Это значительно содействовало созданию барьера между естественными и гуманитарными науками, который удержался до настоящего времени».

Сегодня благодаря развитию науки и глобализационным процессам этот барьер становится преодолимым, что доказывается появлением большого количества гибридных наук, которые интегрируют достижения естественных и гуманитарных наук, как например, *квантитативная лингвистика* (лингвистика + математика), *компьютерная лингвистика* (лингвистика + информатика), *инженерная лингвистика* (лингвистика + кибернетика) и т.д.

В.И. Вернадский [Вернадский 1991: 77] отмечал, что вся наука тысячелетия тому назад выросла из философии. В эпоху Античности и Средние века зарождается языкознание, которое в то время еще не стало самостоятельной дисциплиной, а было неотъемлемой частью философии (философия языка В. фон Гумбольдта). Несмотря на тысячелетнюю историю существования научного познания, возникновение языков науки относят лишь к XVII-XVIII векам. Языки науки перешли из латинского языка в народный, но вначале это был язык учёных. В XVII веке французский язык, а также английский и итальянский языки уже обладали собственными специальными языками. В XVIII веке начинает формироваться функционально четкая система научного языка. Но только в XIX веке происходит становление языкознания как самостоятельной отрасли науки, а значит, становление и утверждение языков многих научных дисциплин.

Интересна и увлекательна история становления языка науки во Франции, которая, по мнению отечественных ученых [Катагощина, Васильева 1997: 261-264], отражает историю страны. Во Франции язык науки начинает развиваться с конца XIII века, когда французский язык начинает все сильнее и сильнее конкурировать с латинским в качестве делового языка. До этого латинский язык является официальным языком Франции, языком международных сношений, деловым языком. Процессу утверждения французского языка в качестве языка науки способствует развитие капиталистических отношений, укрепление экономики, окончательное уничтожение феодальной раздробленности. В XVI веке французский язык проникает в такую цитадель латинского языка, как высшая школа. К середине XVI века создается целая литература по хирургии на французском языке. На французском языке издает свою «Практическую геометрию» Шарль Бовель, и пишет свои книги Форкадель и, кроме того, он переводит на французский язык Архимеда, Эвклида, Прокла. Появляются труды по астрономии на французском языке, а также физике, химии, естественным наукам. Мегре (L. Meigret) переводит «Трактат о вселенной» Аристотеля и «Естественную историю» Плиния. Ученый Белон пишет свои работы одновременно на французском и

латинском языках. Французский язык проникает даже в область богословия.

О соотношении развития науки и состояния языка говорит Г. Гийом [Гийом 1992: 154], утверждая, что основой научных открытий является историческая зависимость от достигнутого состояния языка, на котором происходит обычное общение людей в конкретной местности и в конкретную историческую эпоху. Поэтому при исследовании процесса становления языка науки необходимо учитывать многие факторы: диахронно изменяющиеся виды и формы языка науки со всеми особенностями, присущими той или иной конкретно-исторической эпохе; предметную классификацию, которая расширяется и качественно изменяется (как в сторону интегративности, так и в сторону дифференциации); разнообразие научных дисциплин (существует язык математики, физики, биологии, химии, экономики, политологии и т.д.), их взаимодействие; зависимость языка от смены мышления, от парадигм; национальные особенности; индивидуальность ученого – все то, что позволяет классифицировать язык науки с точки зрения эволюции мысли [Башляр 1987].

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что язык науки как совокупность новых терминов отображает развитие научного знания, связанного с представлениями, наблюдениями, и, несомненно, с концептуальным обобщением, что обусловливает, с одной стороны его кумулятивный, с другой стороны, изменчивый и непостоянный характер.

Литература

1. Башляр Г. Новый рационализм / Г. Башляр. Предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова, пер. Ю.П. Сенокосова. – Москва: Прогресс, 1987. – 376 с.
2. Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал – Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. — 736 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992. – С. 144-224.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – С. 90.
6. Иванова В.А. Семиотика языка науки в системном анализе научного знания. Дисс…..доктора философ. наук.: 09.00.01 / В.А. Иванова. – Новосибирск, 2011. – 311 с.
7. Какзанова Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов. Дисс….доктора филол. наук. Специальность 10.02.21 / Е.М. Какзанова. – Москва, 2011. – 379 с.

8. Катагощина Н.А., Васильева, Н.М. Курс истории французского языка / Н.А. Катагощина, Н.М. Васильева. – М.: Диана, 1997. – 420 с.
9. Суперанская А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. Монография / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. — М.: УРСС Эдиториал, 2005. — 256 с.
10. Cabré M.T. La terminologie. Théorie, méthode et applications / M.T. Cabré. – Les presses de l`Université d`Ottawa, 1998. – 322 p.
11. Dubois J. et al. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. – Paris: Larousse, 2001. – 514 c.
12. Galisson Robert et al., Dictionnaire de didactique des langues, Paris: Hachette. – 1976. – 612 p.
13. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einfuhrung. 3. durchgesehene Auflage / L. Hoffmann. – Berlin, 1987. – 307 p.
14. Lerat P. Les langues spécialisées / P. Lerat. – Paris: PUF (Presses universitaires de France), 1995. – 201 p.

Références

1. Bashlyar G. Novyj racionalizm [New rationalism] / Moscow: Progress, 1987. – 376 p.
2. Bernal Dzh. Nauka v istorii obshchestva [Science in the history of society] / Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1956. — 736 p.
3. Vernadskij V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon] / Moscow: Nauka, 1991. – 271 p.
4. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki [Principles of Theoretical Linguistics] / Moscow: Progress, 1992. – P. 144-224.
5. Dekart R. Pravila dlya rukovodstva uma. Sochineniya v 2-h t. T. 1 [Rules to guide the mind. Works in 2 vols. V. 1] / Moscow: Mysl', 1989. – P. 90.
6. Ivanova V.A. Semiotika yazyka nauki v sistemnom analize nauchnogo znaniya. Dissertaciya … doktora filosof. nauk: 09.00.01 [Semiotics of the language of science in the system analysis of scientific knowledge. The dissertation ... of a philosopher Sciences] / Novosibirsk, 2011. – 311 p.
7. Kakzanova E.M. Lingvokognitivnye i kul'turologicheskie osobennosti nauchnogo diskursa: na materiale matematicheskih i medicinskih terminov-eponimov. Diss…..doktora filol.nauk. Special'nost' 10.02.21 [Linguocognitive and cultural characteristics of scientific discourse: on the basis of mathematical and medical eponymous terms. Diss ... Doctors of Philology. Specialty 10.02.21] / Moscow: 2011. – 379 p.
8. Katagoshchina N.A., Vasil'eva, N.M. Kurs istorii francuzskogo yazyka [French History Course] / Moscow: Diana, 1997. – 420 p.
9. Superanskaya A.V., Podol'skaya, N.V., Vasil'eva, N.V. Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost'. Monografiya [General terminology: Terminological activity. Monograph] / Moscow: URSS Editorial, 2005. — 256 p.

10. Cabré M.T. La terminologie. Théorie, méthode et applications [The terminology. Theory, method and applications] / Ottawa: Les presses de l`Université d`Ottawa, 1998. – 322 p.
11. Dubois J. et al. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage [Dictionary of linguistics and language sciences] / Paris: Larousse, 2001. – 514 p.
12. Galisson Robert et al. Dictionnaire de didactique des langues [Dictionary of language teaching] / Paris: Hachette. – 1976. – 612 p.
13. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einfuhrung. 3. durchgesehene Auflage [Communication means technical language] / Berlin, 1987. – 307 p.
14. Lerat P. Les langues spécialisées [Languages for special purposes] / Paris: PUF (Presses universitaires de France), 1995. – 201 p.

И.В. Харитонова
ФГБОУ ВО «МПГУ»
Е.Е. Беляева
ФГБОУ ВО «МПГУ»

ОНОМАТОПЕЯ КАК ПРЯМАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ ENKHEL, P., RÉZEAU, P., DICTIONNAIRE DES ONOMATOPÉES. – 2003)

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов современной французской лексикографии – отражению ономатопеического слоя французского языка в системе репрезентации объектов окружающего мира. Показана особенность Dictionnaire des onomatopées (2003, 2005) Пьера Энкеля и Пьера Резо, отличающая его от словаря Шарля Нодье Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises (1808) и других лексикографических источников ономатопов. Эта особенность состоит в том, что ономатопы рассматриваются не как единицы лексики, а как звуковые комплексы, которые могут иметь орфографию, но не соотносятся с понятием и сокращают количество мыслительных операций. При этом они позволяют создавать сенсорную картину мира. Показано, что принятый в словаре подход противопоставлен выдвинутой в 2016 году Харитоновой И.В. (одним из авторов данной статьи) гипотезы: ономатоп представляет собой бивалентный сигнал-ингрессию, который имеет материальную связь со звуком бытия и идеальную связь с акустическим образом, и является средством не только сенсорного, но и рационального познания действительности.

Ключевые слова: ономатопея, ономатоп, объект действительности, лексикография, категоризация, звуковой комплекс, орфоэпия, лексическая единица, сигнал-ингрессия, акустический образ

I.V. Kharitonova
MPSU (MPGU)
E.E. Belyaeva
MPSU (MPGU)

ONOMATOPOEIA AS A DIRECT REPRESENTATION OF OBJECTS OF REALITY (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH DICTIONARY ENKHEL, P., RÉZEAU, P., DICTIONNAIRE DES ONOMATOPÉES. – 2003)

Abstract. The article is devoted to one of the pressing issues of modern French lexicography - the reflection of the onomatopeic layer of the French language in the system of representing the objects of the world. The feature of Dictionnaire des onomatopées (2003, 2005) by Pierre Enkel and Pierre Rezo, distinguishing it from the dictionary of Charles Nodier Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises (1808) and other lexicographic sources of onomatopes, is shown. This feature is that onomatopes are not considered as units of vocabulary, but as sound complexes that can have spelling, they do not correspond with the concept and reduce the number of mental operations. At the same time, onomatopes allow to create a sensory picture of the world. It is shown that the approach taken in the dictionary is opposed to I.V. Kharitonova's hypothese (one of the authors of this article) put forward in 2016: onomatope is a bivalent signal-ingression, which has a material connection with the sound of being, has an ideal connection with an acoustic image and which is a means of not only sensory, but also rational knowledge of reality.

Keywords: onomatopoeia, onomatope, object of reality, lexicography, categorization, sound complex, orthoepy, lexical unit, signal-ingression, acoustic image

Во французской лексикографической практике представлены два издания, которые целиком посвящены ономатопее. В лингвистике это - достаточно редкий случай. Первый ономатопеический словарь, который пережил множество публикаций и не потерял своей актуальности и научной значимости до сих пор, вышел в 1808 году. Автором «Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises» [1] стал выдающийся французский энциклопедист, писатель, натуралист Шарль Нодье, создатель «Dictionnaire universel de la Langue française» (1823).

Особенностью словаря французской ономатопеи Щарля Нодье является то, что он рассматривает ономатопы как единицы системы языка, имеющие лексическое и грамматическое значения.

Примечательно, что в современных авторитетных словарях французского языка цифровых: Petit Robert, Abby Lingua [2], [3] - и онлайн: Dictionnaire de français LAROUSSE [4] и последней 9-й версии Dictionnaire de l'Académie française [5] фиксируются, а точнее, обозначаются ономатопы при помощи специальных помет («onomatopée», например), и

при этом ономатопами признаются категоризованные единицы языка, демонстрирующие все морфологические признаки слов. Поиск в Интернете показывает, что ономатопея является объектом живого интереса французов, которые в основном не имеют лингвистической подготовки, но с удовольствием составляют списки звукоподражаний, относя их к различным сферам окружающего мира. Изучение «частных коллекций» ономатопов позволяет сделать интересное наблюдение: к ономатопам обычно относят словные единицы языка и систематизируют их по морфологическим признакам, свойственным определенным лексико-грамматическим классам слов французского языка (см. например [6]).

Вместе с тем, почти через два столетия после выхода специализированного словаря – собрания ономатопов Шарля Нодье, группа лингвистов поставила перед собой задачу продемонстрировать элементы ономатопеического уровня французского языка в систематизированном виде. Речь идет о значительном событии в лексикографической практике, а именно, о публикации в 2003 году Dictionnaire des onomatopées [7], явившимся результатом многолетней работы Пьера Энкеля и Пьера Резо. Интерес к этому словарю обусловил его переиздание в 2005 году.

Ономатопеический слой французского языка представлен здесь с совершенной иной, и, казалось бы, нелингвистической точки зрения: *ономатопея рассматривается как прямая репрезентация конкретных объектов окружающего мира,* согласно автору предисловия Жан-Полю Ресвеберу (Jean-Paul Resweber) [7, с.с. 7-10]. В этой связи собрание звуковых форм в их франкоязычной орфографии по своим морфологическим признакам далеко от того, чтобы называться словарем в чистом виде. Dictionnaire des onomatopées – это систематизированный орфоэпический список звуковых комплексов, иллюстрированный примерами из текстов художественной литературы.

Жан-Поль Ресвебер, характеризуя лексикографический материал, опирается на авторитетные мнения Аристотеля и Ницше. Аристотель полагал, что слова имитируют вещи, воспроизводя впечатления, которые остаются в душе человека от восприятия этих вещей [цит. по 7, с. 9]. Идеи Ницше, вторившего Шопенгауэру, являются для автора предисловия источником метафорического сравнения ономатопеи с музыкой, обладающей мелодическими и ритмическими свойствами. Согласно Ницше, музыка позволяет человеку экономить умственные силы (интеллект), поскольку напрямую, минуя понятие, дает нам ощущение вещи [цит. по 7, с. 9]. Поэтому выдающийся немецкий мыслитель, филолог, композитор, поэт и мечтал о том, что когда-нибудь слова утратят свою важность и будут воспроизводить музыку мира и кружить нас в танце вещей [Там же].

Философствование прошлого является основанием для интересного образного описания ономатопеи Жан-Полем Ресвебером, которое нельзя не привести в оригинале: «La musique de l'onomatopée est légère er brève … car le rythme en souffle la mélodie à chaque avancée…. …l'onomatopée prête une voix au corps… Elle exprime … la manière dont nous nous sentons affectés par le monde. Elle symbolise, en les rythmant, nos affects, pulsions, perceptions, émotions et sentiments » [7, c. 9].

Приведенные цитаты — это подтверждение выдвинутого нами положения о том, что словарь Пьера Энкеля и Пьера Резо интерпретирует ономатопею как сигнал, вызывающий напрямую в сознании человека ощущение объекта бытия. Возникает вопрос о возможности такого толкования ономатопеи. Ведь в Dictionnaire des onomatopées речь идет об «экономии интеллекта», прямой соотнесенности с действительностью, отсутствии понятийной основы при функционировании звукоподражаний в речевой деятельности человека. А это означает, что ономатоп рассматривается как элемент сенсорной фазы познания мира. Возможно ли это? Возможно ли познание без рациональной фазы, если речь идет о человеке, наделенном интеллектом? Истинно ли такое утверждение? Или это - заблуждение, навеянное теми эмоциями, которые вызвала у Жан-Поля Ресвебера бесспорно выдающаяся работа его коллег?

Некоторое время назад (в 2016 году) один из авторов настоящей статьи опубликовал исследование, в котором ономатопея также рассматривается в контексте формировании в сознании человека сенсорной картины мира [8]. В соответствии с разработанным ранее [9] и использованным системно-организационным подходом, ономатопея также трактуется в терминах познания. Однако проведенная декомпозиция процесса генезиса ономатопов в языке позволила описать сложную последовательность операций, которые совершаются в мышлении человека прежде, чем будет установлена прямая линейная связь звукового комплекса с конкретным объектом действительности. Такие мыслительные операции, как конъюнкция, дизъюнкция, отождествление, абстракция (см. подробно [9]) приводят к превращению ономатопа-сигнала в ономатоп-знак, что свидетельствует, во-первых, об отсутствии экономии мыслительных операций, а, во-вторых, о наличии даже у неоязыковленного ономатопа признаков понятия, которые являются предпосылкой его категоризации в языке, т.е. приобретения морфологических признаков, позволяющих встраивать ономатоп-знак в суждения и умозаключения. Но данная трактовка представляется словообразовательной, поскольку нацелена на выявление понятийно-коммуникативного потенциала ономатопов и позволяет рассматривать такие формы как meuh, meuh! – vache; croa, croa! – corbeau как пред-слова (meugler *vi* meuglement *nm* // croailler *vi*, croaillement *nm*), обозначающие пред-понятия (знаки-дезингрессии).

Тот ономатопеический слой языка, который представлен в словаре Пьера Энкеля и Пьера Резо, и в этом заключалась цель авторов, показан не со стороны словообразования, а как мелодическое и ритмическое образование, т.е. как изобразительное средство языка, позволяющее в художественном тексте воссоздать акустический образ описываемой ситуации, на первый взгляд, не соотносимый ни с каким понятием и, казалось бы, не имеющий интеллектуальной операциональной нагрузки. Приведем пример:

« Je me suis adossé au tronc, de la glycine en fredonnant un air de sax : toudi touditouda toudam» (J. Cans, *Drôle d'oiseau*, 1990, 51) [7, c. 57].

Данная цитата содержит ономатопею *toudi touditouda toudam*, которой авторы и приписывают изобразительную функцию (музыкальную и ритмическую). Однако в приведенном высказывании есть два элемента, без которых у читателя не мог бы сложиться акустический образ: глагол-ономатоп *fredonner vt* и имя существительное *sax (saxophone) nm*. Только в комплексе с ними «аккомпанемент» *toudi touditouda toudam* выступает сигналом, вызывающим мысленно видимый и слышимый образ описываемой ситуации. То же встречаем и в других примерах. Это означает, что: во-первых, связь между ономатопеей и объектом действительности все-таки не имеет линейного и однозначного характера, т.е. не является прямой. Во-вторых, использование ономатопа в речи без понятийной основы не аксиома. Даже если сама форма и не связана с понятием, она должна быть подкреплена определенными понятийными признаками, поскольку без них отражение современным человеком мира не представляется возможным.

Формат статьи не позволяет представить подробный анализ теоретического и эмпирического материала словаря Dictionnaire des onomatopées П. Энкела и П. Резо. Была лишь сделана лишь попытка сформулировать некоторые дискуссионные вопросы, которые возникают при чтении этого уникального издания:

- имеет ли ономатоп прямую связь с объектом действительности?
- существует ли у ономатопа понятийная основа?
- сокращает ли использование ономатопа количество мыслительных операций при отражении действительности?
- может ли звукоподражание заменить слово, как об этом мечтал Ницше?

Список вопросом является далеко не исчерпывающим. В этой связи авторы статьи ставят перед собой перспективную цель провести систематическое исследование на материале представленного словаря.

Литература

1. Nodier, Ch. Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises. – P. : Demonville, Imprimeur-Libraire. – 1808. - 225 P.
2. Dictionnaire de français LAROUSSE. Режим доступа: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (дата обращения 10.05.2020)

3. Dictionnaire de l'Académie française. Режим доступа: http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire/la-9e-edition (дата обращения 10.05.2020).
4. Abby Lingua. Европейская версия 1.11.3. – 2019. - Лицензия Харитоновой И.В.
5. Petit Robert de la langue française. Version numérique. – 2019. – Лицензия Харитоновой И.В.: Дата 02.02.2020. Порядковый номер 2-841587981.
6. Wikipédia. Encyclopédie libre. Liste des cris d'animaux. Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_cris_d%27animaux (дата обращения 10.05.2020).
7. Enckel, P., Rézeau, P. Dictionnaire des onomatopées. – P. : Presse Universitaire de France. 1-re édition. – 2005. – 586 p.
8. Харитонова, И.В. Ономатопея как инструмент создания сенсорной картины мира (феноменологический аспект). Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». (16 марта 2016 года). Сборник статей по итогам международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака»/ Сост. И.В. Харитонова, Г.В. Беликова, Е.Е. Беляева и др. – Москва: МПГУ, 2016. –204 с. – С. 170-172.
9. Харитонова, И.В. Системный подход к исследованию языка. Монография. - М.: Прометей, 2004. – 282 с.

СЕКЦИЯ IX.
ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

A. JACQUET-ANDRIEU
Université Paris – Nanterre – UMR CNRS 7114
Modèles, Dynamiques, Corpus (MoDyCo)

LINGUISTIQUE ET SYSTÈME MULTI-AGENTS D'AIDE À LA DÉCISION CLINIQUE (SMAAD) APPLIQUÉ À L'APHASIOLOGIE

Abrégé résumé . Dans un contexte *princeps* de l'informatique, de la neuro-psycholinguistique et de la didactique des langues, en France, mis au service de la médecine (la plus humaine des sciences, peut-être), le présent chapitre expose de façon succincte un Système multi-agents d'aide à la décision, SMAAD (Colloc & Bouzidi, 2000), historiquement dérivé de SIAMED (Colloc, 1985), appliqué à la clinique des aphasies d'installation brutale (Colloc et Jacquet, 2013). Il concerne la perte de l'usage de la parole par accident vasculaire cérébral (AVC), associée à d'autres troubles neurologiques, neuro-psycholinguistiques (cognitifs) et à la didactique de la remédiation afférente (Jacquet-Andrieu, 2001, 2014 ; Yaneva-Nedeva, 2017).

De facto, depuis une dizaine d'années, la télématique appliquée à la médecine – télémédecine – occupe le devant de la scène, et elle peut être une solution pour gérer certaines situations d'urgence, créant, cependant, des problèmes d'éthique majeurs. L'exposé théorique sera suivi et illustré de trois cas. Certes, l'étude s'appuie sur des compétences de haut niveau, en médecine et en informatique mais, en arrière-plan, elle est adossée à des connaissances linguistiques et didactiques de premier ordre.

Mots clés: Médecine de précision – Télémédecine – SMAAD – Urgence et Santé publique –Prise de décision – Aphasie –AVC – Éthique médicale – Remédiation cognitive – Linguistique et Didactique des langues

A. JACQUET-ANDRIEU
Université Paris – Nanterre – UMR CNRS 7114
Modèles, Dynamiques, Corpus (MoDyCo)

LINGUISTICS & MULTI-AGENT CLINICAL DECISION-MAKING SYSTEM (SMAAD) APPLIED TO APHASIOLOGY

Abstract. In a prior context of computer science, neuro-psycholinguistics and language didactics, in France, placed at the service of medicine (maybe, the most human of sciences), this chapter briefly presents a multi-agent decision support system, SMAAD (Colloc & Bouzidi, 2000), historically derived from SIAMED (Colloc, 1985), applied to the clinical treatment of sudden onset aphasia (Colloc and Jacquet, 2013). It deals with the loss of speech caused by stroke (AVC), with other neurological, neuro-psycholinguistic (cognitive) disorders and the afferent remediation teaching (Jacquet-Andrieu, 2001, 2014; Yaneva-Nedeva, 2017).

Indeed, for a decade, telematics applied to medicine – telemedicine – has been taking a centre stage and representing a possible solution for managing certain emergency situations, causing, however, major ethical problems. The theoretical presentation will be followed and illustrated by three cases. Of course, it relies on high-level skills in medicine and computer science, but, in the background, it is also based on first-rate linguistic and didactic knowledge.

Keywords: Personalized Medicine – Telemedicine – SMAAD – Emergency & Public Health – Stroke (AVC) – Aphasia –Decision Making – Medical Ethics – Cognitive Remediation – Linguistics and Language Didactics

1. Introduction

Dans le paradigme de la télémédecine et de la médecine de précision (*Personalized Medicine*), au cœur d'une synergie nécessaire, au service de la plus humaine des sciences, peut-être – la médecine –, le présent chapitre s'insère dans un contexte *princeps* de l'informatique, de la neuro-psycholinguistique et de la didactique des langues, en France. Il expose de façon succincte un Système multi-agent d'aide à la décision, SMAAD (Colloc & Bouzidi, 2000 ; Colloc & Sybord, 2003), issu de SIAMED (Colloc, 1985)[99], appliqué, ici, à la clinique des aphasies (Colloc et Jacquet, 2013) : il s'agit de la perte brutale de l'usage de la parole par accident vasculaire cérébral (AVC)[100], associée à d'autres troubles neurologiques et neuro-psycholinguistiques, autrement dit, cognitifs (Jacquet-Andrieu, 2001, 2014). *De facto*, depuis une dizaine d'années, la télétransmission plurimodale, appliquée à la médecine – ou télémédecine – occupe le devant de la scène (Léry et Colloc, 2008) et elle peut être une solution pour gérer certaines

[99] *SIAMED* : Système informatique d'antibiothérapie médicale (Colloc, 1985).

[100] Nous pourrions y associer les traumatismes crâniens et les tumeurs de l'encéphale.

situations d'urgence (Jacquet-Andrieu, 2008). Cependant, elle engendre des problèmes d'éthique majeurs que, sauf à nous écarter du propos central, nous citons seulement, ici (Hervé *et al*, 2013). Certes, ce SMAAD s'appuie sur des compétences de haut niveau, en médecine et en informatique mais, en arrière-plan, il est adossé à des connaissances linguistiques de premier ordre, dans le domaine des ontologies médicales (Colloc et Jacquet, 2013).

2. Modèle théorique succinct d'une ontologie médicale pour l'aphasie

2.1. Définition

Définissons d'abord le vocable « ontologie ». D'après Littré (1957), le terme, issu du grec « *Ὄν, ὄντος*, l'être, et *λόγος*, doctrine », concerne la philosophie : « *théorie de l'être, science de l'être, c'est en général le synonyme de métaphysique* »[101]. Avec D'Alembert le vocable se précise. « *L'examen de ces propriétés* [naturelles] *forme cette branche de la philosophie dont toutes les autres empruntent en partie leurs principes : on la nomme l'ontologie ou science de l'être, ou métaphysique générale*. »[102]. *Bonnet apporte une précision qui nous intéresse, le raisonnement* : « *Il sera bien dans l'ordre de la marche d'esprit qui va naturellement des concrets aux abstraits et des moins abstraits aux plus abstraits, de finir par l'ontologie ou la science de l'être.* » (*Œuvres mel*, t. XVIII, p. 179, dans Pougens)[103].

De là nous pouvons définir une application du concept d'ontologie à la médecine. L'*ontologie médicale* est un processus dont le principe d'analyse va effectivement de l'observation concrète du sujet (signes cliniques) vers l'abstrait (diagnostic d'une maladie) que dans l'idéal, un indice univoque désigne : le *signe pathognomonique*[104].

En 1861, Flourens précise : « *J'appelle l'étude propre de la vie, biologie, et l'étude des êtres vivants, ontologie* [...], *l'ontologie, est la Science des êtres naturels* »[105].

Venons-en maintenant à l'application de ce principe à l'aphasiologie.

2.2. Accident vasculaire cérébral (AVC) et aphasie soudaine

2.2.1. Quelques chiffres

Perdre soudainement l'usage de la parole est une urgence absolue (Eustache *& al*, 2001 ; Jacquet-Andrieu, 2001, 2014b ; Mihout & Onnient, 1996) qui oblige à

---

[101] Littré, E. (1957). *Dictionnaire de la langue française*, t. 5, p. 1034.

[102] *Disc. prélim. Encycl. Œuv. t. I, p. 239, dans Pougens (cf. référence, note suivante).*

[103] Pougens, Ch. De (1815-1848). *Trésor des origines et dictionnaire grammatical raisonné de la langue française*. Paris : Imprimerie royale.

[104] ***Signe pathognomonique*** (du grec παθογνωμονικό [σύμπτωμα]) : signe ou symptôme unique qui caractérise une maladie et une seule. Sa présence permet donc d'en établir le diagnostic, sans ambiguïté

[105] Flourens, P. *Ontologie naturelle*. pp. 4-5.

une prise en charge neurologique immédiate (*via* le 15 en France), pour un diagnostic précoce de l'aphasie et d'atteintes associées. L'accident vasculaire cérébral (AVC) – attaque, *ictus* ou encore, congestion cérébrale, *stroke*, en anglais – en est l'une des premières causes. Le terme infarctus cérébral désigne une artère occluse (80 % des cas), un hématome (dû à la rupture d'une artère) en concerne 15 % et l'hémorragie méningée les derniers 5 %.
Annuellement, parmi les 13 000 à 15 000 cas en France, suivant les études, 20 % décèdent et, après 60 ans, c'est la première cause de décès chez la femme, la seconde chez l'homme. Un tiers des personnes victimes d'AVC restent dépendantes, 25 % d'entre-elles doivent renoncer à leur activité professionnelle. Ces quelques chiffres donnent la mesure de la vulnérabilité engendrée (Jacquet-Andrieu, 2014a).

2.2.2. Symptômes neurologiques

L'aphasie d'installation brutale, bien décrite par Hécaen & Angelergues (1965), requiert un diagnostic neurologique fiable, rapidement posé. Ensuite, un bilan neuropsychologique et/ou orthophonique sera effectué, dès que l'état du patient le permettra (Séron & Van Der Linden (2000) ; en phase aiguë, il est difficile de repérer si un symptôme est transitoire (AIT) ou non. Très schématiquement, les principales zones lésées sont les aires cérébrales de Wernicke [AB 22][106] (1874) et/ou de Broca [AB 44 & 45][2] (1861), cette dernière localisation étant bien antérieure, grâce à Lordat (Héral, 1808). D'autres structures, sous-jacentes au cortex cérébral, peuvent engendrer des atteintes du langage acquis (régions dites cortico-sous-corticales, faisceau arqué[107], thalamus[108], etc.). Retenons, cependant, que le langage humain s'organise en un vaste réseau d'interconnexions neuronales. Le Tableau 1 rend brièvement compte des symptômes les plus courants et des divers types d'aphasies.

---

[106] Il s'agit des aires de Brodmann (1909), en référence à la cartographie corticale qu'il a d'abord établie sur le singe macaque et transposée pour l'homme. Les zones chiffrées correspondent à des aires de cette cytoarchitectonie, grandement précisée aujourd'hui, *via* les avancées de l'imagerie cérébrale.

[107] ***Faisceau arqué*** : nappe d'axones de neurones qui joignent les aires de Wernicke et de Broca.

[108] ***Thalamus*** : le plus volumineux des noyaux gris centraux, situé sous le cortex cérébral (ou manteau cortical), nappe plissée composée de six couches de neurones, qui recouvre la majorité des autres structures l'encéphale (contenu de la boîte crânienne) ; déplié, le cortex couvrirait une surface d'environ 2 m^2.

TABLEAU 1 : diagnostic des aphasies, aspects linguistiques						
	Broca	**Wernicke**	**Conduction**	**Trans-corticale motrice**	**Trans-corticale sensorielle**	**Trans-corticale mixte**
Langage spontané	Non fluent	Fluent	Fluent	Non fluent	Fluent	Non fluent
Dénomination	– **à** +/–	–	+/–	–	–	–
Compréhension	+ **à** +/–	–	+	+	–	–
Répétition	–	–	–	+	+	+
Lecture	–	–	+	+	–	–
Écriture	–	–	–	–	–	–
Lésion	Aires 44-45 G	Aire 22 G	Faisceau arqué G Opercule	Lobe préfrontal G	Partie inférieure du lobe temporal G	
Source : Purves *et al* (1999). *Neurosciences*, pp. 637-658.						

Ces données sont reprises dans l'implémentation de l'ontologie médicale des aphasies soudaines. En effet, des réseaux sémantiques sont construits pour en élaborer le vocabulaire et organiser la syntaxe, à partir de grammaires formelles linguistiques, codifiées en informatique. Les études sont pléthores. Au plan historique, citons quelques précurseurs : Perriault (1971), Greenberg (1966), Chomsky (1956, 1959, 1963), Hawkins (1983, 1994), Gross (2010), etc. Il existe également des langages de requêtes, pour l'interrogation des bases de connaissances, domaine où le secteur de la documentation fut précurseur (Celko, 2006).

2.3. Système multi-agents d'aide à la décision SMAAD fondé sur des ontologies

Appliqué à l'aphasie par AVC, le SMAAD présenté ici (Colloc et Jacquet, 2013 : Shen, 2015) se fonde sur des bases de données, des bases connaissances, des ontologies que lient plusieurs modes de raisonnements (hypothético-déductif, analogique, etc.), combinés dans la chronologie dynamique d'une démarche clinique de diagnostic et en appui sur le raisonnement à partir de cas (RàPC), ancré lui-même sur le principe de l'analogie et adossé à l'expérience de cas cliniques, précédemment indexés et versés dans une base de données spécifique (Aamodt A. *& al*, 1994). Il s'agit donc d'une modélisation d'ordre

qualitatif[109]. L'étude des symptômes comporte des phases de diagnostic positif et de diagnostic différentiel, pour accéder à une étiologie fiable.
En bref, un système d'aide au diagnostic des aphasies soudaines, et la thérapie subséquente (objectif thérapeutique, indications et contre-indications, traitement médical et/ou chirurgical, réadaptation cognitive du langage et des troubles associés) combine effectivement le (RàPC), des règles de production et des statistiques. Chaque phase fait appel aux bases de connaissances cliniques du modèle, inscrites et interconnectées (Shen *& al*, 2015).
Le processus de recherche diagnostique s'initie en appui sur un type d'agent clinique général ou TACG (Figure 1) qui constitue la racine d'une hiérarchie de types d'agents cliniques, spécialisés, comportant des signes descripteurs.

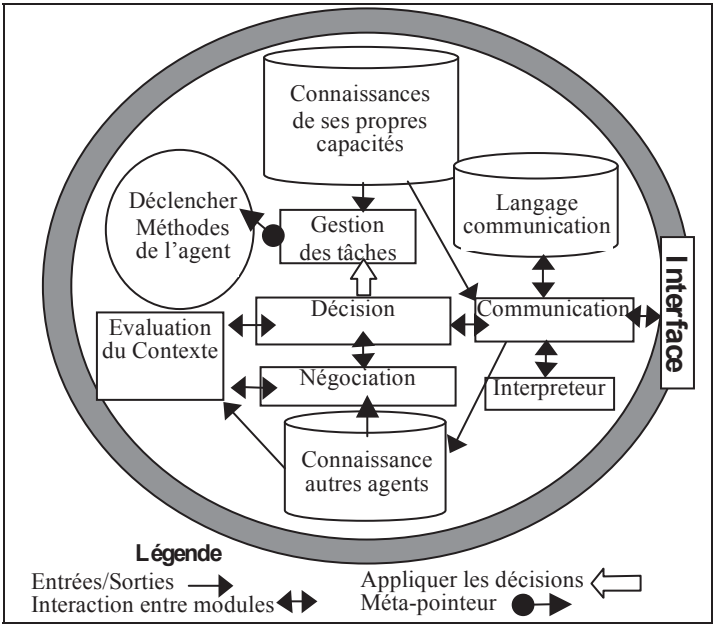
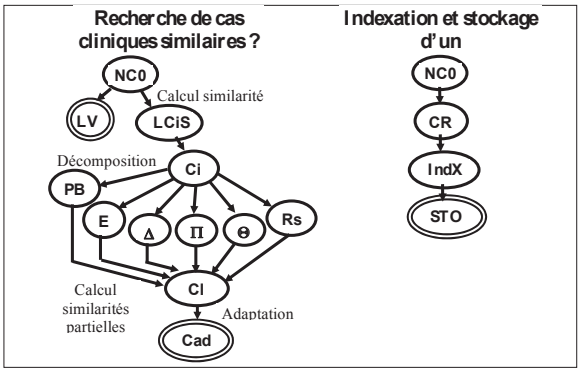


Figure 1. Figure du Type d'agent clinique général (TACG)

Ces derniers sont attachés à des modèles de connaissances, la base de données sous-jacente au RàPC, par exemple, Figure 2).

[109] Les modèles dits quantitatifs, statistiques s'appliquent aux études épidémiologiques.



Légende :

1. Recherche de cas (NCO)

NCO [Cas clinique à traiter], LV [Liste vise], LCiS [Liste des Ci cas similaires], Ci [Chaque cas de la LCiS], PB [Problème du cas], E [environnement, contexte], Δ [Diagnostic], Π [Pronostic], Θ [Traitement], Rs [Résultats obtenus], CI ([classement des LCiS], Cad [Cas décrit].

2 Indexation d'un cas (NCO)

CR [cas représenté], IndX [Indexation du cas : Ex. **[Δ_8, Π_5, Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4]**, STO [stockage du cas]

Figure 2 : Raisonnement à partir de cas (RàPC)

2.4. Énonciation d'une ontologie médicale

Les informaticiens s'appuient sur des modèles fiables (Quillian, 1968 ; Colloc, 2002), adaptables au contexte choisi. Les termes, insérés dans le vocabulaire descriptif de la maladie sont issus de dictionnaires de médecine. Objet d'une étude sémantique et lexicale précise, les acceptions repérées sont organisées en taxinomies[110] médicales, associées à des ontologies existantes : le réseau sémantique *UMLS*[111] (Aronson, 2001 ; Bodenreider, 2004), le *Medical Subject Headings* (MeSH), etc. Ces dernières comportent des relations spécifiques qui indiquent les types de facteurs pris en compte durant le diagnostic (Figure 3). La traduction en français de la syntaxe utilisée est placée entre crochets :

is_a [est-un], ***has_a*** [a_une_propriété], ***associated_with*** [est_associé_à] ***physically_related_to*** [lié_physiquement_à], ***functionally_related_to*** [lié_fonctionnellement_à], ***temporally_related_to*** [lié_temporellement_à], ***conceptually_related_to*** [lié_conceptuellement_à].

[110] ***Taxinomie*** (ou *taxionomie*) : terme de botanique introduit par Candolle (1819), pour la classification des végétaux, dans sa deuxième édition de la *Théorie élémentaire de la botanique...* Ce concept évoque le principe de système classificatoire. À noter : le terme « taxonomie », souvent employé, est erroné si l'on se réfère à son étymologie grecque (*cf.* É. Littré, *Dictionnaire de la langue française*, 7, p. 785.

[111] UMLS [*Unified Medical Language System*/Système de vocabulaire médical unifié].

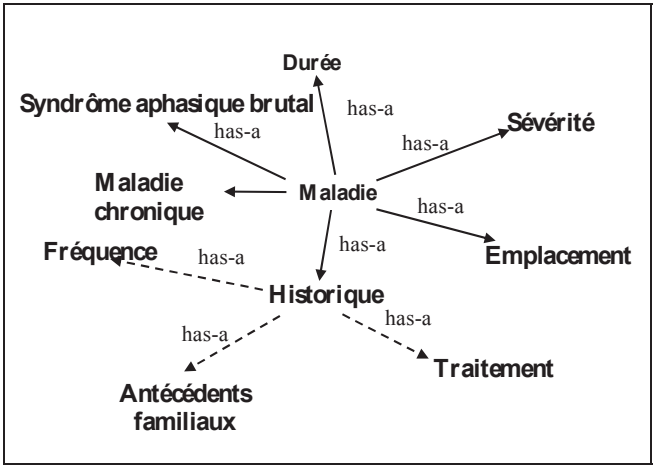


Figure 3 : Hiérarchisation de l'ontologie du diagnostic d'une maladie : classe historique (Shen *et al*, 2012)

L'implantation peut se faire en logique formelle, à partir de modèles de production, ou de langages sémantiques courants : *XML* ou ses dérivés *OWL*, *OCaml* (Leroy *et al*, 2019)[112], etc. Chaque étiquette figure une classe ou un concept, et les flèches indiquent une relation. L'inclusion d'un élément descriptif de maladie oriente vers un diagnostic, applicable à un groupe de patients présentant un tableau clinique analogue (Shen *& al*, 2012 : 192).

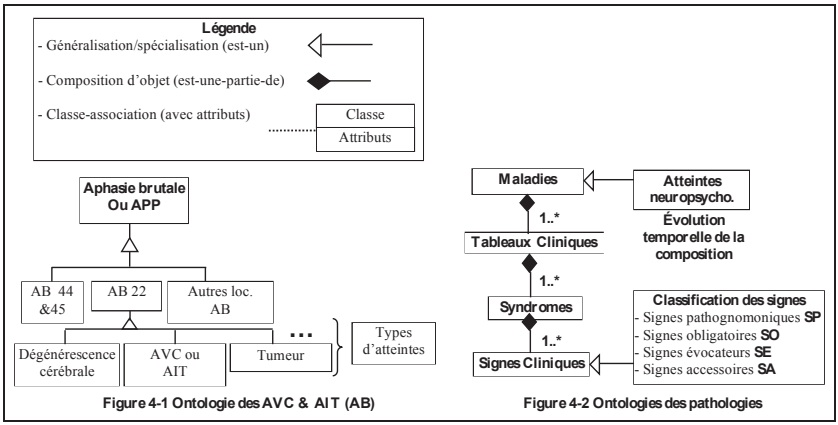
2.5. Incidence linguistique, sémantique et syntaxique

Pour le linguiste, précisons que le dictionnaire d'ontologie (DOnt) et le module de communication (MC) expriment les interactions entre la langue de spécialité du domaine, le *Semantic Web Rules Language System* (*SWRL*), le *Web Ontology Language*/ Langage d'ontologie web (*OWL/LOW*)[113] et les bases de connaissances cliniques existantes. L'interface en exploite les liens sémantiques, pour harmoniser la terminologie spécifique et spécifiée des divers praticiens : chirurgien, neurologue, kinésithérapeute, orthophoniste, psychologue, etc.). Les suggestions de relations possibles, que permet le *SWRL*, enrichit le modèle de nouvelles relations (Kawazoe et Ohe, 2008), de nouveaux concepts et sous-concepts, à divers niveaux de granularité, *via* une nécessaire interopérabilité (Stanley *& al*, 1995) : les arborescences sont donc adossées au principe du

[112] *OCalm*, antérieurement, *Objective Calm* (Leroy *et al*, 1996), développé en France, à l'Institut national de recherche en sciences et technologies du numérique (INRIA).

[113] Le langage *OWL* [*Web Ontology Language*/ Langage d'ontologie Web] est issu d'XML [*eXtensible Markup Language*], langage technique de balisage générique d'information.

thesaurus hiérarchisé. Celui des aphasies d'installation soudaine (ou brutale), est en cours d'élaboration (Shen, Colloc et Jacquet-Andrieu, 2012 ; Colloc et Jacquet, 2013 ; Shen, 2015), associé à celui des aphasies primaires progressives (APP), lui-même évolutif (Leyton *et al*, 2011).
Ci-dessous, les figures 4.1 à 4.4, réparties en deux encadrés [4-1 & 4-2] et [4-3 et 4-4] regroupent les modules/arborescences de l'ontologie aphasie, brièvement exposée (Colloc et Jacquet, 2013 : 193).



La figure 3.1 décrit succinctement l'ontologie aphasie, selon les aires cérébrales atteintes et les étiologies les plus courantes.

La figure 3.2 décrit l'ontologie AVC, cause d'aphasie soudaine, comme une succession de tableaux cliniques comportant des signes pathognomoniques (**SP**)[114], obligatoires (**SO**), évocateurs (**SE**) ou accessoires (**SA**) liés à une pathologie.

[114] *Signe pathognomonique* : signe ou symptôme unique qui caractérise une maladie et une seule ; sa présence permettant d'établir un diagnostic, sans ambiguïté.

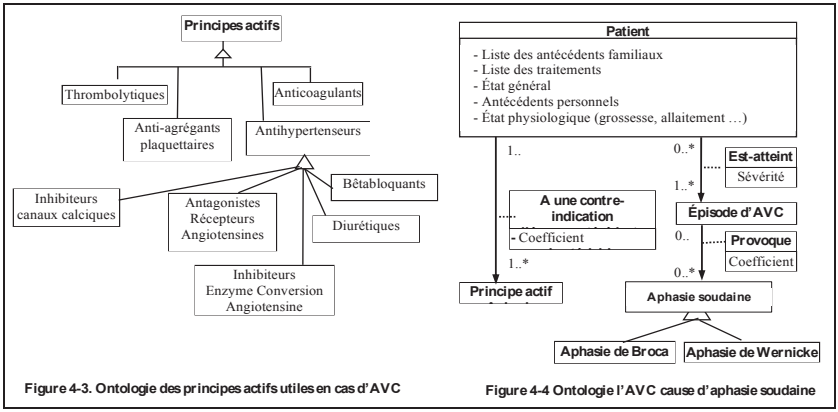


Figure 4-3. Ontologie des principes actifs utiles en cas d'AVC

Figure 4-4 Ontologie l'AVC cause d'aphasie soudaine

La figure 3.3, classe les « principes actifs » les plus utilisés dans le traitement d'un AVC (liste non exhaustive pour des raisons de lisibilité). Précisons que la pharmacopée doit tenir compte des contre-indications relatives et absolues.

La figure 3.4 montre l'ontologie AVC, comme cause possible d'une aphasie soudaine : aphasie de Broca (motrice) ou de Wernicke (sensorielle). Dans la terminologie neuro-psycholinguistique de Jakobson (1963 : 43 et sq.), la première est un désordre dominant de l'expression et la seconde, une atteinte dominante de la compréhension. Ces données, associées aux antécédents du patient, sont insérées dans son dossier, complétant ainsi l'ontologie aphasie spécifique, pour un sujet donné. À partir de là, le système peut être appliqué au diagnostic différentiel de cas concrets.

3. Application d'une ontologie à l'aphasie par AVC, étude de cas

3.1. Sémiologie initiale, ébauche du diagnostic et prise en charge du patient

Les tableaux 2 et 3, ci-dessous, illustrent la démarche clinique que le SMAAD permet. Le tableau 2 regroupe les principaux signes descriptifs (SO_1), évocateurs d'atteintes spécifiques du langage (SE_1 à SE_{17} : compréhension/expression, lecture, écriture, etc.). Ces signes, familiers, pour le neuropsychologue et l'orthophoniste, le sont également, pour les neuro-psycholinguistes et/ou didacticiens des langues, habitués à évaluer divers aspects de la communication, en situation normale et/ou pathologique, plus précisément, la compréhension orale et écrite, l'expression orale et écrite (CO/CE et EO/EE), désignées sous le syntagme « *les quatre compétences langagières* » (Chnane-Davin, F. et Cuq, 2015) ; la qualité de la prononciation (orthoépie), le débit, le rythme, la lecture, l'écriture (incidence de la latéralité), etc., s'y incluant (Yaneva-Nedeva, 2017, 2018 ; Jacquet-Andrieu et Yaneva-Nedeva, 2018).

La seconde partie du tableau concerne les troubles associés : hémiplégie droite (paralysie de l'hémicorps droit), hémianesthésie droite (perte de la sensibilité de l'hémicorps droit), etc. ($SE_{18, 24}$).

Tableau 2. Détail des signes neuropsychologiques langagiers [SO_1] et signes associés [SE_1 à 24, AC et SG]	
SO_1	Troubles du langage
SE_1	Compréhension : [0, 4], 0 = normale, 1 = subnormale, 2 = perturbée, 3 = déficiente, 4 = impossible
SE_2	Expression : [0, 4]
SE_3	Répétition : [0, 4]
SE_4	Dénomination : [0, 4]
SE_5	Articulation : [0, 4] (4=anarthrie)
SE_6	Lecture : [0, 4] (4=alexie)
SE_7	Écriture : [0, 4] (4=agraphie)
SE_8	Calcul : [0, 4] (4=acalculie)
SE_9	Phonétique [0, 2]
SE_{10}	Phonologie [0, 2]
SE_{11}	Manque du mot
SE_{12}	Paraphasies (déformations de mots)
SE_{13}	Stéréotypies
SE_{14}	Logorrhée (Fluent)
SE_{15}	Jargon
SE_{16}	Agrammatisme
SE_{17}	Dyssyntaxie
SE_{18}	Troubles associés
SE_{19}	Hémiplégie (droite) : [0, 4] Hémiparésie (droite) [1,2]
SE_{20}	Hémianesthésie : [0, 4]
SE_{21}	Apraxies : [0, 4]
SE_{22}	HLHD = hémianopsie latérale homonyme droite (et atteintes plus modérées)
SE_{23}	Troubles auditifs (extinction droite)
SE_{24}	Autres troubles sensoriels
AC	**Antécédents à risque** : a) tabac, b) alcool, c) déséquilibre alimentaire, d) diabète, e) troubles cardiovasculaires, f) troubles respiratoires…
SG	**Signes de Gravité** : a) perte de connaissance, b) hémorragie, c) perte ± massive du langage, d) trouble majeur de la compréhension, e) trouble majeur de l'expression (voire mutisme), etc.

3.2. Application aux symptômes

Concrètement, la présence initiale de maux de têtes, de manques du mot, un engourdissement du bras droit (SO_1) peuvent conduire aux diagnostics Δ_1 à Δ_8, compte tenu des signes cliniques associés SE_{18} à SE_{24}, des antécédents cliniques (AC) et des signes de gravités (SG), éventuellement, repérés chez le patient par l'utilisateur (neurologue, médecin traitant, radiologue, infirmier, etc.), en relation avec les transitions générées par l'automate (Tableau 3).

Tableau 3. Diagnostic, pronostic d'une aphasie et proposition de traitement en phase initiale				
Δ_0	Diagnostic		AEF Pronostic Π	AEF Thérapie Θ
	SO_1 : troubles du langage SE_1 à SE_5 (*Bilan initial*) SE_6 à SE_{17}… (*Bilan approfondi*) Nous restons dans le bilan de langage initial et signes associés <u>Capacité</u> : 0 = normale, 1 = subnormale, 2 = perturbée, 3 = limitée, 4 = impossible. <u>Atteinte</u> : 0 = absente 1 = modérée, 2 = moyenne, 3 = majeure, 4 = totale. SE_{18} (Hémiplégie & hémiparésie), SE_{19} (Hémianesthésie), SE_{20} (Apraxies), SE_{21} (HLHD), SE_{22} (troubles auditifs, extinction droite), etc.		Π_0 Séquelles transitoires Π_1 & Π_2 Séquelles modérées Π_3, Π_4 ou Π_5 Séquelles permanentes	Θ_1 (pharmacopée) Θ_2 (fonctionnelle) Θ_3 (Langage) Θ_4 (Suivi Ψ)
Δ_1	Broca	Compréhension subnormale (SE_1-1), expression déficiente (SE_2-3), répétition perturbée (SE_3-2), dénomination subnormale (SE_4-1), articulation perturbée (SE_5-3), agrammatisme (SE_{16}-3), hémiplégie droite (SE_{18}-3), hémianesthésie droite (SE_{19}-3), apraxies gauches et face (SE_{20}-3)	Π_1 & Π_2 Π_3, Π_4 ou Π_5	Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4
Δ_2	Wernicke	Compréhension déficiente (SE_1-3), expression subnormale (SE_2-1), répétition perturbée (SE_3-2), dénomination perturbée (SE_4-2), articulation normale (SE_5-0), fluent, logorrhée (SE_{14}-3), HLHD (SE_{21}-4)	Π_0 Π_1 & Π_2 Π_3, Π_4 ou Π_5	Θ_1 (Θ_2) Θ_3 & Θ_4
Δ_3	Conduction	Compréhension normale (SE_1-0), Expression subnormale (SE_2-1), répétition perturbée (SE_3-2), dénomination perturbée (SE_4-2), articulation normale (SE_5-0), hémianesthésie (SE_{19}-3), apraxies de tous les membres et face (SE_{20}-3).	Π_0 Π_1 & Π_2	Θ_1 Θ_3 & Θ_4
Δ_4	Globale	Compréhension déficiente (SE_1-3), Expression déficiente (SE_2-3), répétition perturbée (SE_3-2), dénomination perturbée (SE_4-3), articulation limitée (SE_5-3), hémiplégie droite (SE_{18}-3), hémianesthésie droite (SE_{19}-3), HLHD (SE_{21}-4).	Π_1 & Π_2 Π_3, Π_4 ou Π_5	Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4
Δ_5	Anomique	Compréhension normale (SE_1-0), Expression subnormale (SE_2-1), répétition normale (SE_3-0), dénomination perturbée (SE_4-2), articulation normale (SE_5-0). Pas de signe clinique associé.	Π_0 Π_1 & Π_2	Θ_1 Θ_3 & Θ_4
Δ_6	Transcorti-cale motrice	Compréhension normale (SE_1-0), Expression déficiente (SE_2-3), répétition normale (SE_3-0), dénomination perturbée (SE_4-2), articulation subnormale (SE_5-1), hémiparésie droite (SE_{18}-2),)	Π_0 Π_1 & Π_2	Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4

Δ_7	Sensorielle	Compréhension déficiente (SE_1-3), expression fluente subnormale (SE_2-1), répétition normale (SE_3-0), dénomination perturbée (SE_4-2), articulation normale (SE_5-0), Logorrhée (SE_{14}-3)), HLHD (SE_{21}-4)	Π_0 Π_1 & Π_2 Π_3, Π_4 ou Π_5	Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4
Δ_8	Aphasie mixte	Compréhension perturbée (SE_1-2), Expression déficiente (SE_2-3), dénomination perturbée (SE_5-2), répétition perturbée (SE_4-2), articulation perturbée (SE_5-2), agrammatisme (SE_{16}-3), hémiplégie droite (SE_{18}-3), hémianesthésie droite (SE_{19}-3)	Π_3, Π_4 ou Π_5	Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4

Pour préciser le sens de ces signes et leurs degrés, les informations du tableau 3 (ci-dessus) sont issues de plusieurs automates d'états finis (AEF) qui reprennent et organisent ces signaux et leurs degrés, en fonction des types d'aphasies décrites au tableau 1.

L'AEF Π définit les pronostics associés : Π_1, Π_2, Π_3, etc. ; l'AEF Θ évoque les propositions thérapeutiques : Θ_1 [pharmacopée][115], Θ_2 [réadaptation fonctionnelle], Θ_3 [réadaptation du langage], Θ_4 [suivi psychologique][116]. Pour faciliter la lecture, les suivis thérapeutiques $S\Theta$, sont omis.

Dans le détail, les signes évocateurs de désordres du langage (SE_1 à SE_{17}), suivis des signes associés les plus courants (SE_{18} à SE_{24}) sont précisés et indexés. En outre, des indices d'incapacité et/ou d'atteinte sont délimités en quatre degrés [0 à 4]. Situées, elles aussi, sur un axe d'intensité, les séquelles s'ajoutent au pronostic (Π), ce qui permet de les réévaluer régulièrement, à moyen terme ; elles peuvent être transitoires (Π_0), nonobstant, l'aphasie soudaine étant un « avatar » aigu, évoluant le plus souvent en atteinte chronique, des séquelles persistantes existent : deux degrés, pour les séquelles modérées (Π_1 & Π_2), et trois pour les séquelles plus invasives (Π_3, Π_4 ou Π_5). Conformément à ce tableau descriptif, présentons maintenant trois cas concrets d'aphasie d'installation brutale.

[115] Restant dans l'approche neuropsychologique et de réadaptation fonctionnelle et du langage, nous ne développons pas ici, la pharmacopée. Elle sera introduite des études ultérieures.

[116] Rappelons que proposer au patient et à son entourage proche un suivi psychologique (sans obligation) nous paraît indispensable.

3.3. Trois sujets parlants soudainement « privés de parole »

L'expression est de Marie, brutalement « privée de parole » elle-même, en octobre 1989 (Jacquet-Andrieu, 2001). Le tableau 4 évoque la description des cas, à partir du modèle ontologique exposé, il objective trois diagnostics différents, *via* la description intrinsèque des symptômes et leur comparaison à d'autres cas, *via* le raisonnement à partir de cas (RàPC).

Tableau 4. Cas cliniques (RàPC)
Cas clinique 1 Un homme de 72 ans est hospitalisé en urgence, pour un malaise, avec un mal de tête brutal qui a persisté durant deux jours avant l'appel du 15 par l'épouse. Le patient est acheminé en ambulance au CHU, service de neurologie comportant une unité vasculaire (UNV). La prise en charge se fait dans les deux heures mais les deux jours d'attente induisent un pronostic très réservé. Consultation auprès d'un neurologue aux urgences, prise en charge en neurologie, bilan radiologique, premier bilan neuropsychologique. Ce cas correspond à la description : [Δ_8, Π_5, Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4] : aphasie mixte (Δ_8) sévère (Broca, zone atteinte, BA 44 & 45 & BA 22, 39-40 : BA 41 & 42, extinction auditive gauche, suspectée et décelée au test dichotique)[117]. Π_4 : séquelles motrices majeures, séquelles des troubles du langage massifs, Π_5 à l'initial. Traitement neurologique et réadaptation du langage. SΘ : prise en charge Θ_2 (suivre l'évolution de la mobilité des membres inférieur et supérieur droit) et prise en charge immédiate Θ_3 (réadaptation du langage en phase aiguë d'aphasie par l'orthophoniste du service), suivi psychologique Θ_4 proposé. Un entretien avec le psychologue du service est proposé à l'épouse du patient, très désorientée. Un suivi thérapeutique (SΘ) est prévu à long terme.
Cas clinique 2 Une femme de 35 ans, à la suite d'un malaise avec perte de connaissance : hospitalisation en urgence, sur appel du 15. Elle a été acheminée dans l'heure aux urgences neurologiques de la ville. Prise en charge immédiate : bilan radiologique ; au lendemain, premier bilan orthophonique. Ce cas est [Δ_7, Π_1, Θ_1 Θ_3 & Θ_4] : aphasie sensorielle (Δ_7) modérée, atteinte zone (BA 22). Un bilan radiologique plus approfondi et un bilan de langage sont prescrits. Prise en charge orthophonique et/ou neuropsychologique immédiate, pour la phase aiguë d'aphasie. Un entretien avec le psychologue du service est proposé à l'époux ; suivi thérapeutique (SΘ) prévu à long terme.
Cas clinique 3 Un homme de 45 ans est hospitalisé en urgence, à la suite d'un accident de la route. Touché à la tête, il est transporté aux urgences neurologiques, et rapidement dirigé en neurochirurgie. La prise en charge se fait dans les deux heures, avec un passage en chirurgie dans les 24 heures. Au réveil, des troubles importants du langage sont présents, avec une hémiplégie-hémianesthésie droite. Premier bilan neuropsychologique. Ce cas est [Δ_1, $\Pi_{4\ à\ 5}$, Θ_1 Θ_2 Θ_3 & Θ_4] : aphasie sévère (BA 44 & 45, aphasie motrice, Broca). Π_5 : séquelles sensori-motrices majeures, séquelles des troubles du langage massifs Π_4. Traitement neurologique et réadaptation du langage. SΘ : prise en charge Θ_2 (suivre l'évolution de la mobilité des membres inférieur et supérieur droit, en relation avec l'hémianesthésie) et prise en charge immédiate Θ_3 (réadaptation du langage en phase aiguë d'aphasie par l'orthophoniste du service), Θ_3 (suivi psychologique proposé). Un entretien avec le psychologue du service est proposé à l'épouse du patient. Un suivi thérapeutique (SΘ) est prévu à long terme.

[117] ***Test dichotique*** (Kimura, 1961, 1967) : il consiste à faire entendre à un sujet deux messages verbaux différents (mots ou courtes phrases), dans les oreilles gauche et droite. L'atteinte de la perception gauche, souvent associée à une aphasie de Wernicke, implique que le sujet pourra répéter seulement le percept adressé à son oreille droite et pas celui adressé à son oreille gauche. On évoquera alors une extinction gauche, controlatérale (Michel, 1974).

Pour les trois sujets concernés, les données du Tableau 3 alimentent la synthèse diagnostique du tableau 4, associée aux actions thérapeutiques : mode d'acheminement du patient aux urgences, pour sa prise en charge initiale, puis le diagnostic (Δ), le pronostic (Π), etc.
Le tableau 5, ci-dessous, permet de visualiser rapidement le diagnostic initial des trois cas observés, en reportant les données dans une matrice à deux entrées : Signe (SE/type d'aphasie (▯).

Tableau 5 : Matrice des huit types d'aphasies décrites

Type d'aphasie	**SO_1** : aspect de désordre du langage[118]												
	SE_1	SE_2	SE_3	SE_4	SE_5	SE_{14}	SE_{16}	SE_{18}	SE_{19}	SE_{20}	SE_{21}	SE_{23}	CAS
Broca $\Delta_1 > 0$	1	3	2	1	3	0	3	>3	3	3	0	0	**3**
Wernicke $\Delta_2 > 0$	3	1	2	2	0	3	0	0	0	0	3	0	
Sensorielle $\Delta_7 > 0$	3	1	0	2	0	3	0	0	0	0	3	0	**2**
Globale $\Delta_4 > 0$	3	3	2	3	3	0	0	>3	3	0	3	0	
Mixte $\Delta_8 > 0$	2	3	2	2	2	0	3	>3	3	0	0	2	**1**
Transcorticale motrice $\Delta_6 > 0$	0	3	0	2	1	0	0	2	0	0	0	0	
Conduction $\Delta_3 > 0$	0	1	2	2	0	0	0	0	3	3	0	0	
Anomique $\Delta_5 > 0$	0	1	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	

Pour ces trois exemples, les cas existaient dans l'ontologie, ils peuvent donc intégrer une classe déjà répertoriée. Chacun, peut enrichir la base de cas cliniques, pour une nouvelle utilisation du SMAAD (Dussard *& al*, 2008 ; Montani *& al*, 2001 ; Sybord & Colloc, 1997).

4. Conclusion

Dans le domaine de la médecine de précision (*Personalized Medicine*) et des ontologies médicales, en lien réel avec la linguistique, cet article tendait à rendre compte de ce qu'est un Systèmes multi-agent d'aide à la décision clinique (SMAAD). S'adressant aux linguistes intéressés par l'aphasiologie, mais sans connaissance en informatique, nous en avons succinctement exposé les bases, afin de rendre compte de la dynamique de ce que peut être la perte de l'usage de

[118] Pour simplifier, les signes [$SE_{6\text{-}13}$], [$SE_{15\ \&\ 17}$] et [$SE_{22\ \&\ 24}$], absents de la description des cas sont effacés de la matrice.

la parole par AVC, et de ses conséquences sur le langage mais aussi sur d'autres fonctions cognitives, dans une approche moniste (unitaire). Le linguiste peut donc découvrir, de façon relativement simple, la symptomatologie des deux grandes familles d'aphasies, *via* cette base numérique dont le matériau, strictement linguistique, permet cette synergie entre ontologies médicales, raisonnement analogique (RàPC) et constitution de bases de données de cas. Un formalisme linguistique, fondé sur des connaissances sémantiques (vocabulaire médical transformé en vocabulaire d'ontologie (DOnt), organisé en arborescences syntaxiques, précise le contenu d'un ensemble de champs sémantiques en interaction. En *Appendix*, le lecteur trouvera la Figure 5, récapitulatif de ce SMAAD et ses modules.

Au plan humain, « être privé de parole » est un traumatisme psychologique majeur et l'hospitalisation est souvent longue. La souffrance engendrée, dans la conscience initiale ou réacquise des troubles – le concept de la conscience de dire étant majeur en langage (Saussure, 1891 ; Jacquet-Andrieu, 2011) – explique qu'en neurologie, puis en neuropsychologie, l'aphasie ait été l'un des premiers domaines explorés (au XXe siècle), cédant le pas au paradigme des émotions, depuis les années 1990 et jusqu'à nos jours (Damasio, 1994, 2010, 2017, Jacquet-Andrieu et Colloc, 2014a, b). Aujourd'hui, la question du syndrome d'Alzheimer, et atteintes associées, amène un regain d'intérêt pour l'aphasiologie, malgré deux cas de figure bien différents : l'aphasie d'installation brutale évolue généralement vers un rétablissement plus ou moins satisfaisant de la communication et de l'expression verbale – récupération très variable d'une personne à l'autre. *A contrario*, les aphasies primaires progressives (APP) entrent dans un tout autre tableau clinique (Rousseau, 2011 ; Keckenbosch, 1994) ; l'issue est inexorable avec, non plus, la perte de l'usage de la parole mais bien l'abolition du langage, dû à l'effondrement de la mémoire et d'autres fonctions associées et, à terme, « effacement » de l'ensemble des fonctions cognitives[119] (Jacquet-Andrieu, 2012, 2014).

Les systèmes d'aide à la décision clinique (SMAAD) alimentent effectivement la télémédecine et se mettent au service de la « médecine de précision » ou *Personalized Medicine* (Hervé *et al*, 2013, 2014) qui permet une prise en charge du patient au niveau le plus intime de sa *maladie*, grâce au dossier complet, informatisé. Cependant, le risque concomitant d'une dépersonnalisation du *malade* est à prendre en compte, face à la standardisation des systèmes d'information liés à l'humain, intégralement traduits en anglais, à l'échelon mondial. Dans le paradigme des langues de spécialité – médicales, ici – un travail considérable de traduction est à concevoir, réaliser et gérer, pour accéder à la compatibilité des systèmes de données et des logiciels entre eux. Les médecins participent activement au développement de cette voie novatrice qui

[119] ***Cognition*** : « *Acte intellectuel par lequel on acquiert une connaissance* » (Kant, in *Dict. Littré*, t. 2, p. 440.)

devient un instrument de travail techniquement performant. Placés au cœur de la « signifiance » des termes et formes plurilingues (Davoust, 1994), les linguistes s'associent à ce déploiement monolingue. Gageons que, dans ce contexte, médecin et patient puissent préserver leur « alliance thérapeutique » et leur identité propre (Strebler, 2014), dans le pluralisme des *Visions éthiques de la personne* (Hervé *et al*, 2001).

5. Références citées

5.1. Ouvrages généraux

Littré, É. (1956-1958). *Dictionnaire de la langue française*. Paris, J.J. Paubert éd. (1-4), Gallimard-Hachette (5-7).

Pougens, Ch. De (1815-1848). *Trésor des origines et dictionnaire grammatical raisonné de la langue française*. Paris : de l'imprimerie royale.

5.2. Publications princeps

Broca, P. (1863). Remarques sur le siège, le diagnostic et la nature de l'aphémie, in *Bulletin de la Société anatomique de Paris*. Paris : Imp. De Moquet, 1963 (Texte. orig.1826)1, 16 p., in-8.
Brodmann, K. (1909). *Vergleichende Lokalisationslehre der Großhirnrinde in ihren Prinzipien dargestellt auf Grund des Zellenbaues*. Leipzig: J.-A. Barth.

Héral, O. (2009/1808). Pierre Marie Auguste Broussonnet (1761-1807), naturaliste et médecin : un cas clinique important dans l'émergence de la doctrine française des aphasies, *Revue Neurologique*, 45-52, 2009.

Wernicke, C. (1874). *Der aphasische Symptomencomplex: eine psychologische Studie auf anatomischer Basis*. Breslau: Cohn und Weigert.

5.3. Neurologie, neuro-psycholinguistique, linguistique et didactique des langues

Chnane-Davin, F. et Cuq, J.-P. Ed. (2015). *Approche comparative des savoirs et des compétences en didactique*. Paris : Riveneuve éditions.
Damasio, A.R. (2017). *L'ordre étrange des choses. La vie des sentiments et la fabrique de la culture*. Trad. par J.-C. Nau. Paris : O. Jacob.
Damasio, A.R. (2010). *L'autre moi-même : les nouvelles cartes du cerveau, de la conscience et des émotions/ Self comes to mind: constructing the conscious brain*. Trad. par J.-L. Fidel. Paris : O. Jacob.
Damasio, A.R. (1994). L'erreur de Descartes. *La raison des émotions/Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*, trad. de M. Blanc. Paris : O. Jacob.
Davoust A. (1994). « Traductologie et poésie : Emily Dickinson entre la dérive des règles et les règles de la dérive », in *Poésie en traduction*. *Cahiers Charles V, 17* : 111-186.

Eustache, F., Lechevalier, B., Viader, F. (2001). *Les méthodes de la neuropsychologie*. Bruxelles : De Boeck Université.
Flourens, P. (1861). *Ontologie naturelle*. Paris : Garnier
Greenberg, J.H. (1966). Some Universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *In* J.H. Greenberg, *Universals of Language*. Cambridge (Mass): MIT Press.
Gross, M. (1997). *« The Construction of Local Grammars »*, dans Emmanuel Roche et Yves Schabes, *Finite-State Language Processing*. Cambridge (Mass): The MIT Press), p. 329-352.
Hawkins, J.A. (1994). *A Performance Theory of Order and Constituency*. Cambridge: CUPress.
Hawkins, J.A. (1983). *Word Order Universals*. New York: Academic Press, INC.
Hecaen, H. & Angelergues, R. (1965). *Pathologie du langage*. Paris : Larousse.
Hervé, Ch., Thomasma, D. et Weisstub, D. (2001). *Visions éthiques de la personne*. Paris : L'Harmattan.
Jackobson R. (1963). « Deux aspects du langage et deux types d'aphasie », in *Essais de linguistique générale*. Paris : Éditions de Minuit.
Jacquet-Andrieu, A. (2014a). The aphasic patient, Vulnerability and/or Exclusion, *Culture Medicine and Psychiatry*, *38*: 60-76. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24577675/
Jacquet-Andrieu, A. (2012). *Langage de l'homme : de l'étude pluridisciplinaire à l'action transdisciplinaire*. Saarbrücken : Presses académiques francophones.
Jacquet-Andrieu, A. (2011). Approche systémique du langage et ses niveaux de conscience/*Systemic approach to language and its levels of consciousness*, 8e Congrès de l'union européenne de systémique, Institut de sociologie, Université libre de Bruxelles (ULB, Belgique), 19-22/10-2011 ; 2011, CD en ligne, Actes 2012, en ligne http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/73/27/53/PDF/SYSTEMIQUE_ARTICLE_04-10-11_JACQUET2.pdf.
Jacquet-Andrieu, A. (2008) "Diagnosis and Management of an Aphasic Patient in Emergencies: trauma of war, natural or environmental disasters, *etc*.", *International Review Bulag*, *33*: 127-132.
Jacquet-Andrieu, A. & Colloc, J. (2014a). "From the Self-Awareness to the Consciousness of the '*Speaking Subject'* "/"Du soi à la conscience de dire du « *sujet parlant* »", in D.M. Dubois & CHAOS, Ed, *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, *28*: 202-217.
Jacquet-Andrieu, A. & Colloc, J. (2014b). "On how to define anticipation in the verbal flow" / « Quelle definition de l'anticipation dans le flux verbal », in D.M. Dubois & CHAOS, Ed, *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, *28*: 219-235.
Jacquet-Andrieu, A. et Turchet, Ph. (2017). Aspects de la duplication en langage normal ou pathologique. Niveaux de conscience. In R. Druetta, *La Répétition en langue*, DoRiF, 13. Università, Roma octobre 2017, http://dorif.it/ezine/ezine_articles.php?id=360 .

Jacquet-Andrieu, A. et Yaneva-Nedeva, K. (2018). « Pour une approche moniste et éthique du sujet aphasique », in Sun do Kim et P. Lardellier, *The New Horizons of Language and Media in the Era of Poshumanism. EPISTÉMÈ, International Journal of Applied Social and Human Sciences, 20*: 3-45. ISSN 1976-9660.
Keckenbosch, C. (1994). *La mémoire et le langage*. Paris : Nathan.
Leroy, X. Ed. (2019). *Le logiciel : entre l'esprit et la matière*. Paris : Collège de France (La pagination de l'édition imprimée correspondante est de : 60 p.). L'accès complet au document est ouvert à tous dans sa version HTML.
Leyton, C.E. *& al* (2011). Subtypes of progressive aphasia: Application of the international consensus, criteria and validation using β-Amyloid imaging, *Brain*, doi 10.1093: 1-14.
Michel, F. (1975). Extinction gauche au test dichotique, in F. Michel et B. Schott (Eds), *Les syndromes de disconnexion calleuse chez l'homme*. Lyon : Hôpital neurologique.
Mihout, B. et Onnient, Y. (1996). *Décision en Neurologie*. Paris : Vigot.
Purves, D., Augustine, G.J., Fitzpatrick, D. Ed. (1999). *Neurosciences*/Trad. de *Neuroscience*. Paris : De Boeck Université.
Rousseau, T. (2011). *Maladie d'Alzheimer et troubles de la communication : évaluation et prise en charge thérapeutique*. Issy-Les-Moulineaux : Elsevier/ Masson.
Saussure, F. de (1891/2011). *Science du langage. De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. Saussure 372*. Écrits de linguistique générale, texte établi par René Amacker. Genève : Droz.
Séron, X., Van Der Linden, M., Ed. (2000), *Traité de neuropsychologie clinique*, t. 1 & 2. Marseille : Solal.
Strebler, A. (2014). *De l'art du soin, l'argument chinois*. Louvain-la-Neuve : EME éditions & Fernelmont (Belgique) : Intercommunication.
Yaneva-Nedeva, Kalina (2018). « Application de la didactique des langues dans la remédiation cognitive : respect de la dignité humaine ». In Sun do Kim et P. Lardellier, *The New Horizons of Language and Media in the Era of Poshumanism. EPISTÉMÈ, International Journal of Applied Social and Human Sciences, 20*: 93-109. ISSN 1976-9660.

5.4. Informatique & télémédecine

Aamodt, A., Plaza, E. (1994). Case-Based Reasoning: Foundational Issues, Methodological Variations, and System Approaches, *AI Communications, IOS Press*, *7*(1): 39-59.
Aronson, A.R. (2001). Effective mapping of biomedical text to the UMLS Metathesaurus: the MetaMap program in *AMIA Annu Symp Proceedings*, 2001:17-21.

Bodenreider, O. (2004). The Unified Medical Language System (UMLS): integrating biomedical terminology, *Nucleic Acid Reasearch*, *32:* D267-D270.
Celko, J. (2006). *SQL avancé*/ trad. de M. Chalmond. 2e éd. [San Francisco] : Vuibert.
Chomsky, N. (1956). Three models for the description of language". *IRE Transactions on Information Theory* (2): 113-124.
Chomsky, N. (1959). On certain formal properties of grammars", *Information and Control, 2*(2): 137-167.
Chomsky, N. & Schützenberger, M.P. (1963). The algebraic theory of context free languages, in P. Braffortet D. Hirschberg, *Computer Programming and Formal Languages*. Amsterdam (North-Holland), pp. 118-161.
Colloc, J. (2002). Modélisation qualitative et quantitative de l'activité médicale vers l'unification, in *Mélanges en l'honneur de Yvonne Lambert-Faivre et de Denis Clair-Lambert*. Paris : Dalloz, pp. 97-109.
Colloc, J. & Bouzidi, L. (2000). A framework for clinical decision making and medical experience storing, *ECIS 2000, A Cyberspace Odyssey*, *Trends in Information and Communication Systems for the 21st century*, in H.R. Hansen Ed, *Vienna University of Economics and Business Administration*, pp. 1245-1251.
Colloc, J. et Jacquet, A. (2013). « Système multi-agents d'aide à la décision clinique, appliquée à la prise en charge neuropsychologique des aphasies par AVC », in Ch. Hervé, M. Stanton-Jean et Éric Martinent Ed. *Les systèmes informatisés complexes en santé. Banques de données, télémédecine : normes et enjeux éthiques*. Paris : Dalloz, pp. 183-207.
Colloc, J., Sybord, C.A. (2003). Multi-Agent Approach to Involve Multiple Knowledge Models and the Case Base Reasoning Approach in Decision Support Systems, *In proceedings of 35th IEEE Southeastern Symposium on System Theory SSST'03, WVU, Morgantown, 17-18 March 2003, WV*, USA pp. 247-251.
Dussard, C., Magaud, F-X, Colloc J., Petit C. (2008). Case-based reasoning: A perspective for pharmaceutical decision making, in *ISC' 2008*, Lyon: 343-346.
Hervé, Ch., Stanton-Jean, M. (2014). *Les nouveaux paradigmes de la médecine personnalisée ou médecine de précision. Enjeux juridiques, médicaux et éthiques*. Paris : Dalloz/IREB.
Hervé, Ch., Stanton-Jean, M. et Martinent, E. (2013). *Les systèmes informatisés complexes en santé. Banque de données, Télémédecine : normes et enjeux éthiques*. Paris : Dalloz/IREB.
Kawazoe & Ohe, K. (2008). An ontology-based mediator of clinical information for decision support systems: a prototype of a clinical alert system for prescription, in *Methods of Information in Medicine, 47*(6): 549-559.
Kimura, D. (1961). Cerebral dominance and perception of verbal stimuli, in *Canadian J. Psychol., 15*: 166-171.
Kimura, D. (1967). Functional Asymmetry of the Brain in Dichotic Listening, *Cortex 3*: 163-168.
Léry, L. et Colloc, J. (2008). Prise de décision dans l'éthique au quotidien.

Comment décider le soin ?, in *Santé Décision Management*, vol. 11/1-2. Paris : Lavoisier, pp. 243-254.
Montani, S. *& al* (2001). Integrating Different Methodologies for Insulin Therapy Support in Type 1 Diabetic Patients, Lecture Notes in Computer Science. Lecture Notes, in *Computer Science, 2101:* 121-130.
Perriault, J. (1971). *Dialogue avec l'informaticien*. Paris : Mouton.
Quillian, M.R. (1968). Semantic memory, in M. Minsky (Ed), *Semantic Information Processing*, Cambridge (Mass), MIT Press, pp. 217-270.
Shen, Y, Jacquet-Andrieu, A. et Colloc, J. (2012). Un système multi-agent d'aide à la décision clinique fondé sur des ontologies, in M.H. Bedoui Ed. *Applications médicales de l'informatique : nouvelles approches*, *Amina 2012* : 136-145.
Stanley, Y.W. *& al* (1995). An Extensible Knowledge Base Management System for Supporting Rule-based Interoperability amoung Heterogeneous Systems, *Conference on Information and Knowledge Management CIKM*, Baltimore (USA).
Sybord, C. & Colloc, J. (1997). A cognitive approach of the decision process, to develop health decision support systems, ECIS'97, *5th European Conf on Information Systems*, Cork, p. 396-412.

5.5. Littérature grise

Colloc J. (1985). *Informatique Médicale (SIAMED) Application : Logiciel original d'antibiothérapie médicale*. Th. Med, Université Lyon 1, 1985.
Jacquet-Andrieu, A. (2014b). *Quand la langue maternelle devient langue étrangère. Pour une éthique du vivre en situation de handicap ouverte aux Sciences humaines et sociales en cas d'aphasie*. Doctorat d'éthique médicale. Paris : Université Paris Descartes, Faculté de médecine. http://app.parisdescartes.fr/gedfs/these/2015/7/06141834/vd_jacquet-andrieu_armelle.pdf
Jacquet-Andrieu, A. (2001). *Cas d'aphasie mixte*, Doctorat de neurosciences, Section Médecine, Université Claude Bernard Lyon 1. Lyon. Shen, Y. (2015). *Élaboration d'ontologies médicales pour une approche multi-agents d'aide à la décision clinique*, Doctorat de Sciences du langage, sous la dir. d'A. Jacquet-Andrieu et J. Colloc. Nanterre : Université Paris Nanterre. https://bdr.parisnanterre.fr/theses/internet/2015PA100040/2015PA100040.pdf.

Yaneva-Nedeva, K. (2017). *Étude d'un cas d'aphasie soudaine & préceptorat de remédiation cognitive en 47 leçon*s, sous la direction d'A. Jacquet-Andrieu et J. Colloc. Nanterre : Université Paris Nanterre. https://bdr.parisnanterre.fr/theses/internet/2017/2017PA100160/2017PA100160_Annexes.pdf

Appendix

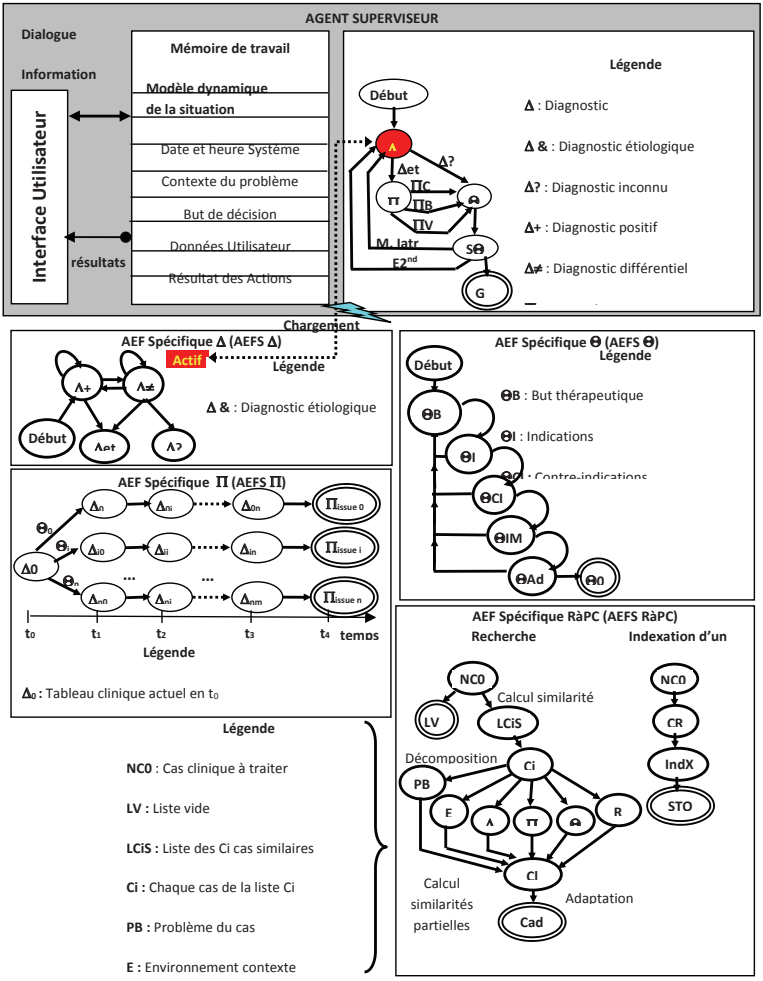


Figure 5. SMAAD en images

La figure 5 présente l'ensemble des modules AEF (Automates d'états finis) et les actions réalisables dans le SMAAD, pour accéder au diagnostic d'un cas d'aphasie qui s'insèrera dans la base de cas, dans une catégorie existante ou bien dans une nouvelle.

Y. Bordet
Université de Bourgogne/Franche-Comté
C.R.I.T. EA 3224
Centre Tesnière
Besançon (France)

L'ÉCOLE EST MORTE, VIVE L'ÉCOLE

Résumé. Il est arrivé que l'école meure et renaisse dans l'histoire. L'état des connaissances, l'accès à ces connaissances, comment, par qui et pour qui les transmettre, telles sont les bases de la pédagogie venue des Grecs depuis l'Antiquité. L'école est morte en 1450 lors de l'apparition de l'imprimerie. Elle renaît avec l'Humanisme et la Renaissance. L'école meurt avec les besoins d'une société confrontée à la révolution industrielle au milieu du XIX° siècle, et renaît avec la mise en place de l'école gratuite laïque et obligatoire. L'école meurt une troisième fois en 2020 par excès de documentation immédiatement accessible par les moyens numériques. La fermeture des établissements d'enseignement pendant plusieurs mois en 2020 accélère la mise en place de la renaissance de la nouvelle école. Quelle sera cette nouvelle école, sera-ce une « école inversée », quelle sera la place de la numérisation et de l'accès aux connaissances ? Quel sera le rôle du maître et celui de l'élève dans cette nouvelle école ? Existe-t-il des pistes pouvant faire entrevoir dans quelle direction ira cette nouvelle école ? Il est trop tôt pour le dire. Le projet appelé Doxilog tente une première approche de la transmission de la langue et de la culture en prenant en compte l'éthique et l'esthétique dans le choix des connaissances et la transmission de la langue, du *logos*.

Mots clés : mort et renaissance de l'école, école inversée, Internet, culture, logiciel, *logos*

SCHOOL IS DEAD, LONG LIVE THE SCHOOL!

Summary. The death and rebirth of school did actually occur throughout history. The status of knowledge, the access to said knowledge, how, by whom and for whom it is conveyed, those are the fundamentals of education derived from the Greeks, since antiquity. School dies in 1450 when printing emerges. She is reborn with Humanism and the Renaissance. She dies again in the middle of the 19th century, when society is confronted with the needs of the industrial revolution, but is reborn once more when free, mandatory and secular education is implemented. School dies a third time, in 2020, due to an excess of immediately accessible documentation via digital means. The shutdown in 2020 of educational institutions for several months due to the Covid-19 pandemic speeds up the rebirth of the new school. What type of school would it be? A "flipped-class"-type setting? What place will digitization and access to knowledge have? Which roles will the teacher

and the learner have in this new school? Are there any clues that would enable us to have a glimpse as to which direction the new educational system is leaning towards? It is too early to tell. The Doxilog project attempts a first approach for disseminating culture and language while taking into account ethics and esthetics in the propagation and assimilation of language, of *logos*.

Keywords: Death and rebirth of school, flipped classes, Internet, culture, software, *logos*

Introduction :

La découverte de l'imprimerie a bouleversé complètement la société à partir de l'année 1450. Cette découverte et la redécouverte de textes anciens originaux latins, grecs, hébreux lus, compris, traduits par des dizaines de milliers de copistes bénédictins va entraîner la mort d'un monde et la naissance d'un nouveau, la mort de l'école et sa renaissance. La disparition des copistes et leur transformation en humanistes ayant accès direct à la Bible originale, aux philosophes et écrivains grecs, donne naissance à une nouvelle société, à la grande Renaissance.

L'école va connaître une autre renaissance avec la mise en place de l'école obligatoire gratuite et laïque, indépendante de l'Eglise. L'évolution de la société lors de la révolution industrielle au milieu de XIXème siècle montre rapidement le côté obsolète de l'ancienne école, liée à la Religion. La Société a besoin de millions de gens sachant lire, écrire, compter. L'exemple de l'école française centralisée, hiérarchisée, et quasi-militarisée mise en place par l'application des lois dites Ferry (du nom du ministre de l'instruction publique) de 1881 et 1882 permet de se rendre compte de la nouvelle renaissance de l'école. En quelques années, la France parle compte des dizaines de millions de citoyens sachant lire, écrire et compter. L'ancienne école est morte, une nouvelle école apparaît.

Une troisième mort de l'école est accélérée en 2020 avec la fermeture obligatoire des établissements d'enseignement pendant une période de plusieurs mois. Elle était préparée depuis des dizaines d'années par la révolution numérique. L'accumulation des connaissances et la facilité d'accès à ces connaissances entraîne la mort de l'école. Quelle sera la nouvelle école ? Quelle sera la place du maître, de l'accès aux connaissances, de l'élève ? La mort de l'école et sa renaissance suppose l' agonie de la vieille école, la gestation et la mise au monde de la nouvelle qui se font dans la douleur et le travail.

I. 1450 Mort et Renaissance de l'école en 1450 :

I.1. 1450

L'école médiévale est fortement influencée par la pédagogie grecque, la *paideia*. Homère occupe une place particulière dans la culture grecque antique où il est vénéré

Dès l'école primaire, son ombre gigantesque se profile à l'horizon : « Homère n'est pas un homme, c'est un dieu », copiait déjà l'enfant dès l'une de ses premières leçons d'écriture ; apprenant à lire, il déchiffrait… des listes de noms où défilaient les héros d'Homère ; dès les premiers textes suivis, il rencontrait quelques vers choisis de l'Odyssée… [120]

L'influence de Platon est présente dans l'école médiévale. La dialectique platonicienne dans sa progression vers le haut et son élévation en vue de la contemplation de la beauté éternelle peut se fondre aisément dans le christianisme

Voilà quelle est la droite méthode … c'est, prenant son point de départ dans les beautés d'ici-bas avec, pour but, cette beauté surnaturelle, de s'élever sans arrêt, comme au moyen d'échelons : partant d'un seul beau corps de s'élever à deux, et, partant de deux, de s'élever à la beauté des corps universellement ; puis, partant des beaux corps, de s'élever aux belles occupations ; et, partant des belles occupations, de s'élever aux belles sciences, jusqu'à ce que, partant des sciences, on parvienne, pour finir, à cette science sublime, qui n'est science de rien d'autre que de ce beau surnaturel tout seul, et qu'ainsi, à la fin, on connaisse, isolément, l'essence même du beau.[121]

L'école du Moyen-Âge se réfère aussi à la Rome antique, qui reproduit l'école grecque

[…] tout le développement spirituel de Rome est décalé d'au moins deux siècles sur celui de l'esprit grec. Son évolution a été en gros parallèle, mais plus tardive, plus lente, peut-être aussi moins radicale[122].

L'apparition du christianisme voit s'établir une école chrétienne qui doit définir ses liens avec l'Antiquité païenne

L'expression « éducation chrétienne », ἐν Χριστώ παιδεία, se rencontre déjà sous la plume de saint Clément de Rome, vers 96 ; saint Paul, avant lui, s'était préoccupé de donner aux parents des conseils sur la manière d'élever leurs enfants : c'est bien là une des préoccupations les plus constantes du christianisme. …
Cette éducation chrétienne, au sens sacré et transcendant du mot, ne pouvait, comme l'éducation profane, se donner à l'école, mais dans et par l'Eglise et, d'autre part, au sein de la famille[123].

Très vite, le christianisme se trouve devant des choix. Il est une religion de l'écriture, il doit se déterminer devant l'apprentissage de la lecture

Mais […] pour pouvoir se propager et se maintenir, pour pouvoir assurer non seulement son enseignement, mais le simple exercice du culte, la religion chrétienne

[120] Marrou *p. 226*
[121] Platon pp. 747-748
[122] Marrou *p. 313*
[123] Marrou *p. 416*

> exige impérieusement au moins un minimum de culture lettrée. Le christianisme est une religion savante et ne saurait exister dans un contexte de barbarie[124].
>
> Le christianisme conserve les textes de l'Antiquité païenne
>
> Saint Basile (329-379) est, avec saint Augustin, le prototype de ces Pères de l'Eglise qui, nourris de culture classique, s'efforcèrent de concilier l'éducation chrétienne avec ce qu'il y avait de riche et de valable au regard de la foi dans l'humanisme païen. Rappelons que Basile avait été élève de l'Université d'Athènes et professeur de rhétorique[125].

Basile va jusqu'à écrire un traité intitulé *A des jeunes gens sur la lecture des Auteurs profanes*[126]. Il s'emploie à montrer que les auteurs profanes ont un sens moral élevé, et que

> toute la poésie d'Homère est l'éloge de la vertu; que tout ce qui n'est pas pour l'ornement tend à cette fin[127].
>
> L'école chrétienne se fait dans un premier temps dans la famille et à l'église. Elle va très vite évoluer et prendre toute sa place dans la société qui va même devenir hégémonique
>
> Dès le VIe siècle, nous voyons cependant apparaître un type d'école chrétienne, tout entière ordonnée à la vie religieuse et qui n'a plus rien d'antique ; mais cette école, déjà toute médiévale d'inspiration, reste longtemps le bien propre d'un milieu particulier et rayonne peu au dehors. Il s'agit de l'école monastique.
> Très tôt, semble-t-il, les Pères du désert d'Egypte accueillirent parmi eux des adolescents ou même de jeunes enfants. Exceptionnelles sans doute au début, ces vocations précoces se multiplièrent par la suite : les grandes communautés organisées par saint Pacôme comptaient de nombreux enfant[128].

Les grandes invasions vont désorganiser et presque détruire l'école en Europe occidentale de l'ouest. C'est d'Irlande que va apparaître une forme de renaissance. Ses monastères y ont toujours mis en valeur le travail

> … il s'agit soit du travail des mains, tout à fait habituel pour les moines, soit de l'étude, du travail intellectuel très développé dans tous les monastères irlandais ; aussi bien l'Irlande va-t-elle fournir à toute l'Europe dans ses monastères insulaires, et ceux

---

[124] Marrou *p. 418*
[125] Palméro *p. 90*
[126] Saint Basile *A des jeunes gens sur la lecture des Auteurs profanes,* paragraphe 23 http://www.bibliotheque-monastique.ch/bibliotheque/bibliotheque/saints/basile/homelies/003.htm
[127] Saint Basile, 23
[128] Marrou *p. 435*

> qu'elle sème à travers l'Occident, des savants seuls capables de transmettre, au moment d'une ruine générale des écoles et du savoir, les acquisitions de l'Antiquité, grâce à la connaissance du grec en particulier, et aussi de l'astronomie, de la géographie, de la grammaire, c'est-à-dire des lettres antiques.[129]

La transmission des connaissances se fait par les manuscrits copiés et illuminés dans les abbayes, monastères, couvents. La connaissance des auteurs antiques est partielle. Homère est connu, Platon, Aristote et les auteurs antiques grecs et romains en partie.

I.2. La femme et l'école

Les abbayes et monastères doubles et les femmes

> … Brigitte de Kildare, morte en 525 ; à celle-ci est due la première création d'un monastère double, bien dans l'esprit de la chrétienté celtique, dont la disposition a été décrite au VIIème siècle, au moment où l'on rebâtissait le tout premier monastère ; il comportait en fait trois églises, ou plutôt trois oratoires, dont la nef séparait les moines du côté droit et les religieuses du côté gauche. Du début du VIème siècle aussi, vers 513, date la première règle conçue expressément pour un monastère de femmes, celle que rédige saint Césaire d'Arles …Ce qui va caractériser la chrétienté du VIIème siècle en France, en Angleterre, en Espagne, ce sont ces monastères éclos d'abord en Irlande et marqués d'une profonde originalité, dans lesquels la vie monastique s'épanouit pour les femmes, secondées qu'elles sont, servies et au besoin défendues grâce au monastère d'hommes instauré à leurs côtés ; en Espagne seulement on remarque que la sujétion va des religieux aux religieuses ; ailleurs c'est le mouvement inverse et l'abbesse a la haute main sur l'ensemble des doubles fondations. C'est le caractère qui renaîtra … à Fontevraud, dès les débuts du XIIème siècle…[130]

Le rôle des abbayes au Moyen-Âge est très important. Elles forment et éduquent les enfants très jeunes. Elles maintiennent les écoles dans une Europe désorganisée par les invasions à la fin de l'Empire romain au IVème siècle. Mais elles sont souvent pillées et détruites par les différents peuples envahisseurs. Les abbayes et leurs écoles ont du mal à se maintenir. C'est d'Irlande que partira une nouvelle renaissance des abbayes et de leurs écoles. Pourtant, les Celtes qui peuplaient l'île étaient hostiles à l'écriture, transmettant leurs traditions et leurs connaissances par la poésie et la musique. C'est celui qui sera connu sous le nom de Saint Patrick qui va modifier profondément l'Irlande

> Mais c'est avec Saint Patrick, c'est avec les premières semences de la Parole évangélique destinées à lever en moissons incroyables que l'Irlande pénètre dans l'histoire des historiens, et cela est dû pour une part à ce que Patrick, en bon serviteur de la Parole, lui révèle l'écriture au sens propre et au sens commun. Les Celtes refusaient l'écriture ; ils refusaient toute tradition qui ne fût orale, marquée par la vie

[129] Pernoud p. 76
[130] Pernoud p. 74

présente, de la voix même du poète ou du récitant ; c'est par la Bible qu'ils apprendront à écrire, et c'est un manuscrit de la Bible qui demeure le plus ancien témoignage d'une civilisation originale.[131]

La place des femmes dans les instituts religieux est importante. Les abbesses sont nombreuses et jouent un rôle remarquable. Par exemple, Hildegarde (1098-1179), abbesse de Bingen, Docteur de l'église catholique, laisse une œuvre considérable : elle est philosophe, médecin, linguiste, botaniste, etc.

Le 10 mai dernier, le pape Benoît XVI a étendu le culte liturgique de sainte Hildegarde à l'Église universelle, dans un processus connu sous le nom « canonisation équipollente » (ou canonisation équivalente).
Le 28 mai, il annonçait la proclamation d'Hildegarde de Bingen comme "Docteur de l'Eglise » le 7 octobre 2012, faisant d'elle la quatrième femme "Docteur de l'Église" après Catherine de Sienne, Thérèse d'Avila et Thérèse de Lisieux. Cette reconnaissance est la plus grande reconnaissance de l'Église catholique, reconnaissant par là même l'exemplarité de la vie mais aussi des écrits d'Hildegarde comme modèle pour tous les catholiques.[132]

De même Héloïse (1092-1164), abbesse de l'abbaye du Paraclet, est un auteur ayant influencé la philosophie de son époque. Elle laisse une œuvre importante.

Que nous a donc laissé Héloïse comme fruits de sa science renommée ? Les lettres à Pierre le Vénérable, les *Institutiones*, les lettres à Abélard et indirectement, les questions qu'elle pose à Abélard et auxquelles il répond (*Problemata Heloisse*).[133]

Selon une tradition, la messe de Pentecôte était célébrée chaque année en grec à l'église du Paraclet.
L'Irlande n'est pas seule en Europe à maintenir et renouveler l'école. Un double phénomène de renaissance s'y produit : venant du nord-ouest avec l'Irlande et ses moines, du sud avec les Bénédictins italiens, mais aussi dans une moindre mesure d'Espagne :

C'est en Italie, en Espagne, en Irlande puis en Angleterre que se produisirent les premières reviviscences des belles-lettres : en Italie, parce que l'antiquité n'avait jamais cessé d'y être présente et vivante et que l'ordre des Bénédictions qui s'y fixa dès le VIe siècle, s'appliqua à en renouer la tradition ; en Espagne, où l'Eglise, très vite puissante, tenta de créer un enseignement capable de remplacer celui des écoles romaines, mais où son effort fut interrompu par l'anarchie politique, puis par l'invasion musulmane ; en Irlande enfin, qui bénéficia pour ses monastères de la

[131] Pernoud . pp. 64-65
[132] http://christroi.over-blog.com/article-sainte-hildegarde-de-bingen-declaree-docteur-de-l-eglise-par-benoit-xvi-110756114.html
[133] https://journals.openedition.org/crm/12833 23

> sécurité que lui valut sa situation insulaire…. Les clercs irlandais, devenus missionnaires, transportèrent avec eux leur goût de la culture classique. En Ecosse et en Angleterre notamment, ils créèrent des écoles qui, à la fin du VIIe siècle rivalisaient avec celles d'Irlande […].
> L'Angleterre fut le centre d'où partit la renaissance européenne au temps de Charlemagne. L'âme en fut Alcuin, formé à l'école d'York […][134].

C'est d'ailleurs d'Espagne que va venir la découverte de nombreux textes de l'Antiquité à la fin du XIVème siècle. Ces textes étaient connus en partie. Platon et Aristote par exemple étaient enseignés dans les écoles chrétiennes, mais leur œuvre sera vraiment connue à partir de la fin du siècle avec les bibliothèques des universités arabes d'Espagne, et notamment par les textes d'Averroes.

I.3 L'imprimerie, la Renaissance et les Lumières, naissance du français moderne

L'invention de l'imprimerie par Gutenberg, datée communément en 1450, va modifier profondément l'école. Les textes qui étaient jusqu'alors recopiés à la main dans les monastères, abbayes, couvents se trouvent tout à coup largement reproduits et consultables. L'essor de l'imprimerie va être rapide et foudroyant.

> L'imprimerie prend son essor réellement autour de 1470 et se répand alors rapidement. Après les terres du Saint-Empire romain germanique (Mayence bien sûr vers 1453, Bamberg vers 1458, Strasbourg vers 1460, Cologne en 1466, Augsbourg en 1468, Nuremberg en 1470…) vient l'Italie.
> De 1465 à 1467, au monastère de Subiaco près de Rome, deux imprimeurs importés d'Allemagne par la Curie romaine, Konrad Sweynheym et Arnold Pannartz, réalisent une édition de Cicéron pour le pape, puis une de Lactance et une *Cité de Dieu* de saint Augustin, avant de s'installer durablement à Rome fin 1467. Venise s'équipe en 1469, Trevi et Foligno en 1470, Ferrare, Bologne et Naples en 1471, Florence en 1471 ou 1472, Milan et Gênes vers 1471, Padoue en 1472…
> La France vient ensuite, voyant apparaître l'imprimerie directement dans la capitale et dans un lieu symbolique : le collège de Sorbonne et plus particulièrement la puissante faculté de théologie. Le Savoyard Guillaume Fichet (1433-1480), *socius* de la Sorbonne, docteur en théologie en 1469, et le Rhénan Jean Heynlin, également docteur en théologie et alors prieur de Sorbonne, obtiennent l'autorisation du roi Louis XI d'y établir un atelier d'imprimerie.[135]

Des dizaines de milliers de religieux : moines, abbés, moniales, abbesses, etc. savent lire et écrire, ils connaissent le grec, le latin, l'hébreu, ils peuvent lire la Bible dans les textes originaux hébreu et araméen (Ancien Testament) et grec (Nouveau Testament). Ils peuvent aussi les lire dans la traduction latine, la Vulgate, la traduction grecque de l'Ancien Testament, la Septante. Ils passent d'une langue à l'autre, en connaissent par cœur de nombreux passages. Une

[134] Hubert *p. 29*
[135] http://classes.bnf.fr/livre/arret/histoire-du-livre/imprimerie/01.htm

tradition affirme que Martin Luther connaissait par cœur les 150 Psaumes en latin, en grec et en hébreu.
La disparition quasi-instantanée des copistes entraînée par l'apparition de l'imprimerie entraîne la mort de l'école traditionnelle. Depuis plus de mille ans, les religieux de la règle de Saint Benoît, les bénédictins, copiaient minutieusement les textes de la Bible, des Pères de l'église, les textes profanes de Platon et d'Aristote connus à l'époque. Cette règle de Benoît de Nursie (vers 480-vers 514)[136] commence ainsi

> Écoute, ô mon fils, les préceptes du Maître, et prête l'oreille de ton cœur. Reçois volontiers l'enseignement d'un père plein de tendresse et mets-le en pratique, afin que le labeur de l'obéissance te ramène à celui dont t'avait éloigné la lâcheté de la désobéissance. À toi donc s'adresse maintenant ma parole, qui que tu sois, qui renonces à tes propres volontés, et pour combattre sous le vrai Roi, le Seigneur Christ, prends en main les puissantes et glorieuses armes de l'obéissance.[137]

L'école subit une transformation complète avec l'apparition de l'imprimerie, la découverte ou redécouverte de textes anciens et la présence de dizaines de milliers de copistes connaissant le grec, le latin et l'hébreu, pouvant les lire et les enseigner. Ils deviennent des humanistes qui vont engendrer la Réforme, la contre-réforme, l'Humanisme, en un mot la Renaissance. Quelques exemples en plus de celui de Martin Luther mentionné précédemment et dont on sait que sa traduction de la Bible en allemand est l'acte fondateur de la langue allemande moderne.
Le cas du français est particulier. Le bouillonnement intellectuel est intense en France où l'Université de Paris occupait une place particulière. La recherche de la belle langue, du beau discours pour aboutir à la beauté inspirée de Platon marque profondément la Renaissance. La rhétorique et une littérature très riche imposent au roi de prendre des décisions afin de maintenir sa place dans le royaume. Le roi François Ier est conscient de cette évolution. En précurseur, il fonde le Collège royal en 1530 et promulgue l'édit de Villers-Cotterêts en 1539. Dans son article 111, il y est dit que la langue du Royaume est le français. Tous les actes officiels sont désormais rédigés en français, à commencer par l'état-civil de toutes les paroisses, les actes notariés, les lois, les déclarations officielles.

> Et pour ce que telles choses sont souvent advenues sur l'intelligence des mots latins contenus esdits arrests, nous voulons d'oresnavant que tous arrests, ensemble toutes autres procédures, soient de nos cours souveraines et autres subalternes et inférieures, soient de registres, enquestes, contrats, commissions, sentences testaments, et autres quelconques, actes et exploicts de justice, ou qui en dépendent, soient prononcés, enregistrés et délivrés aux parties en langage maternel françois et non autrement.[138]

---

[136] https://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/saint_Beno%C3%AEt_de_Nursie/108358
[137] http://la.regle.org/
[138] https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006070939

Le Collège royal, futur collège de France, a la particularité d'être un établissement d'excellence : il est laïc, indépendant de l'Université et donc de l'église qui exerce alors un véritable monopole sur l'éducation. Voici ce qui en est dit aujourd'hui sur la page d'accueil du collège de France

> Le Collège de France est un établissement public d'enseignement supérieur et de recherche, institution unique en France, sans équivalent à l'étranger. Depuis le XVIe siècle, le Collège de France répond à une double vocation : être à la fois le lieu de la recherche la plus audacieuse et celui de son enseignement. Voué à la recherche fondamentale, le Collège de France possède cette caractéristique singulière : il enseigne « le savoir en train de se constituer dans tous les domaines des lettres, des sciences ou des arts », en partenariat avec le CNRS, l'INSERM et plusieurs autres grandes institutions… Le Collège de France doit sa création à François Ier qui nomma en 1530 les premiers Lecteurs royaux. Leur fonction était d'enseigner des disciplines qui n'étaient pas encore admises à l'Université.[139]

Mais il faudra un siècle pour que le français moderne, le français classique se mette en place. François Ier n'a pas fixé l'orthographe ni la grammaire de la langue qui, dans un royaume aussi vaste et divers, présente de nombreuses variantes. Le pouvoir politique intervient à nouveau pour y mettre bon ordre. L'Académie Française est créée en 1635 par le roi Louis XIII et son ministre Richelieu.

> La principale fonction de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences » (article XXIV). À cet effet, « il sera composé un dictionnaire, une grammaire, une rhétorique et une poétique » (article XXVI), et seront édictées pour l'orthographe des règles qui s'imposeront à tous (article XLIV).[140]

Les différentes interventions du pouvoir politique dans l'évolution, la fixation et la transmission de la langue française doivent être replacées en perspective. Ce n'est pas le roi qui fixe la langue, c'est la langue qui, par sa vitalité littéraire, contraint le roi à légiférer pour conserver son pouvoir.

II. 1882 : La Révolution industrielle et l'école obligatoire

II.1. Révolution industrielle :

Les bouleversements économiques apparus avec la révolution industrielle rendent l'école traditionnelle à nouveau décalée par rapport à la société. Le chemin de fer, les usines, les communications, tout appelle à disposer non de quelques dizaines de milliers de personnes sachant lire et écrire en France, en

[139] https://www.college-de-france.fr/site/institution/index.htm
[140] http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements

Angleterre ou en Allemagne, mais des millions, mais la totalité de la population, garçons et filles.
La nouvelle société a besoin d'avoir une population sachant lire et écrire, d'une population entière éduquée. Si les femmes ont toujours eu une place dans l'éducation, force est de constater qu'elles ne représentent alors qu'une minorité, que ce soit dans l'école du Moyen-Âge ou dans celle de la Renaissance et des Lumières. Le premier état à instaurer l'école publique gratuite et obligatoire pour les garçons et les filles était la République de Genève en 1536 sous l'influence de Calvin.

> Genève imposa l'école obligatoire en 1536 déjà, sous l'influence de Calvin.[141]

L'école publique genevoise est obligatoire, gratuite, pour les garçons et les filles, mais elle n'est pas laïque. Elle n'est pas catholique à la différence de l'école française, mais elle est protestante, calviniste. Tout Genevois doit pouvoir lire la Bible, sa Bible. Jean-Jacques Rousseau a été élevé dans l'école genevoise.[142]
Les gouvernants confrontés à cette révolution industrielle et ce besoin d'instruction publique légifèrent à leur tour. Ce n'est pas le pouvoir politique qui décide, c'est l'évolution de la société qui lui impose de légiférer. Il est urgent de changer l'école, il est urgent d'instaurer l'école gratuite, obligatoire pour les garçons et les filles. L'exemple de la France centralisée et hiérarchisée est intéressant. En 1881 et 1882 sont promulguées les lois Ferry, du nom du Ministre de l'Instruction publique. Les Français ne parlent pas toujours leur langue. Ils parlent patois, breton, flamand, basque, corse. Le recensement des conscrits à l'armée en 1867 l'avait mis en évidence

> Selon Charles Robert, secrétaire général du ministère de l'Instruction publique (1867), près d'un tiers des conscrits ne s'exprime pas habituellement en français : « Sur la demande de Monsieur le ministre de l'Instruction publique », écrit-il, « Monsieur le ministre de la guerre a fait vérifier, il y a deux ans, au moment du tirage, pour chaque jeune soldat inscrit sur les tableaux de recensement, s'il sait ou non parler français. Il a été constaté que, sur 321981 conscrits, 220522 seulement (69,1%) s'expriment habituellement en français ; 32658 (10%) ne parlent pas du tout français et s'expriment toujours en patois ; 65879 (20%) ne parlent que très imparfaitement le français parce qu'ils s'expriment le plus souvent en patois… »[143]

Les Français doivent impérativement et rapidement parler français. Quel français doit-on leur enseigner ? Les écoles existant jusqu'alors enseignaient les textes anciens latins et grecs ou le français dit « classique » du grand siècle, du

[141] https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/010396/2012-11-21/
[142] Rousseau, Les confessions, livre 1
[143] Furet et Ozouf, tome 1, pages 324-325

XVIIème siècle. Le pouvoir politique décide que les textes classiques peuvent être aussi les textes des XVIIIème et XIXème siècles

> Le Conseil [des ministres] m'a demandé s'il était bon de restreindre aux classiques le choix des auteurs. Il a décidé que par le mot « classique » il ne fallait pas entendre seulement les auteurs du XVIIe siècle mais aussi les écrivains du XVIIIe et du XIXe siècle. (arrêté du 28 janvier 1880 relatif aux programmes de l'enseignement secondaire classique, [classes de lettres] Bulletin administratif, n° 891, t. 47, p. 92-136)
> Léon Bourgeois, Ministre de l'Instruction publique, circulaire du 16 octobre 1890[144]

Pour le pouvoir, le français à enseigner doit être le beau français. Le choix des auteurs à enseigner est clair. Les Français doivent parler français, ils doivent parler le beau français. La loi du septembre 1882 sur l'instruction publique obligatoire stipule dans son article 1

> L'enseignement primaire comprend
> - L'instruction morale et civique
> - La lecture et l'écriture
> - La langue et les éléments de la littérature française …[145]

Comment cette loi est-elle appliquée, et que veulent dire ces « éléments de la littérature française » qui doivent être enseignés à tous les Français et Françaises âgés de 6 à 13 ans de chaque village et de chaque quartier de chaque ville de France. Les élèves apprennent et étudient sept textes littéraires pendant leurs sept années d'école obligatoire. Voici un exemple de ces 49 textes, pris dans un manuel scolaire obligatoire. La majorité de ces textes sont en vers (27 textes) les autres en prose (22). La Fontaine, Voltaire, Molière, Rousseau, Chateaubriand, Vigny, Musset, etc. [146]
Les maîtres sont libres de choisir également d'autres lectures en-dehors de celles imposées par le cadre des programmes et manuels scolaires obligatoires. Les romans scolaires ou d'autres textes sont utilisés. Le plus connu de ces romans est *Le tour de la France par deux enfants*[147] qui connaîtra un très grand succès : en 1887 il aura été tiré à 3 millions d'exemplaires et en 1901 à 6 millions.[148]

II.2. La nouvelle école 1882 : Imposition obligatoire des éléments de la littérature française dans les programmes scolaires obligatoires.

---

[144] Chartier Hébrard p. 307
[145] https://www.education.gouv.fr/loi-sur-l-enseignement-primaire-obligatoire-du-28-mars-1882-10526
[146]Bordet 2016 pp. 169 à 171 et https://www.dropbox.com/s/tbahsicw2mcfh0u/49%20textes%20baudrillard%201905%20-%20doxilog.pdf?dl=1
[147] Bruno G (pseudonyme de Madame Augustine Fouillée Le Tour de la France par deux enfants 1877, Paris, Belin
[148] Chartier/Hébrard 2000, p. 339.

Cette nouvelle école correspond à la nouvelle société de la révolution industrielle. La population française ne savait pas toujours lire et écrire en français. Désormais, elle parle la langue française, sait lire et écrire et connaît « les éléments de la littérature française ». Les grandes écoles, Universités, écoles d'ingénieurs, etc. assurent le relais pour l'éducation supérieure. La mise en place presque militaire de l'instruction publique est rapide. Les dizaines de milliers d'instituteurs sont formés dans les écoles normales. Ils doivent partir dans des régions où l'on parle souvent le patois ou la langue régionale, ils sont parfois les seuls à parler français dans le village retiré où ils sont envoyés, ils viennent parfois d'un endroit où eux-mêmes ne parlent pas français en famille ou dans la communauté. Le poète français Charles Péguy les appelle avec affection les « Hussards noirs de la République », cette nouvelle armée en uniforme noir, couleur de leur blouse. Péguy était lui-même un de ces hussards noirs. Il oublie que cette nouvelle armée n'est pas seulement une armée d'hommes, la moitié d'entre ces hussards va rapidement être composée de femmes et au XXIème siècle plus des trois-quarts des enseignants de l'instruction publique obligatoire seront des femmes.

En moins de 20 ans, de 1882 à 1900, la mise en place des lois Ferry a gommé les inégalités subsistant entre ville et campagne, entre régions et départements, entre garçons et filles, et a fait du pays un pays entier sachant lire, écrire et compter[149]. De 1900 à 1950, la France est considérée alphabétisée. L'école devient un formidable moyen d'ascension sociale.

III. 2020 : disparition de la littérature des programmes de l'enseignement obligatoire et numérisation des connaissances

III.1. Disparition de toute référence à la littérature dans les programmes scolaires obligatoires.

La disparition complète de toute référence à la littérature dans les programmes de l'Education Nationale en France pour le cycle 2 : Cours Préparatoire (CP) élèves âgés de six ans, au CE2 (8 ans). Voilà ce qu'en dit le Bulletin officiel du Ministère de l'Education Nationale numéro 30 du 26-7-2018.

> Au cycle 2, la langue française constitue l'objet d'apprentissage central. La construction de l'automatisation et du sens constituent deux dimensions nécessaires à la maîtrise de la langue. La maîtrise de l'ensemble des correspondances graphèmes-phonèmes, qui va des lettres ou groupes de lettres vers les sons et réciproquement, est un enjeu essentiel de l'apprentissage du français. La lecture fluide, qui doit être acquise au CP, est la condition indispensable à la bonne compréhension des textes. Le travail de lecture est constamment mené en lien avec l'écriture et progressivement

[149] Furet F., Ozouf

> avec le vocabulaire, la grammaire et l'orthographe La langue est un outil au service de tous les apprentissages. La polyvalence des professeurs permet de favoriser les croisements entre les domaines d'enseignement, avec des retours réguliers sur les apprentissages fondamentaux. Elle permet d'élaborer des projets où les élèves s'emparent de la langue française comme outil de communication, d'abord à l'oral puis à l'écrit, avec de véritables destinataires, en rendant compte de visites, d'expériences, de recherches.[150]

Cette disparition de la littérature des programmes scolaires obligatoires dès l'âge de six ans pose un certain nombre de questions.

> « Si la poésie est parole, nul moyen plus efficace pour la tuer que de la taire ».[151]

La « haine de la littérature » est ancienne. Cette citation est tirée de l'ouvrage éponyme de William Marx, professeur de littérature comparée au Collège de France.

III.2. Numérisation des connaissances

La mort de l'ancienne école de 1882 est datée de 2020 qui voit une période de fermeture des établissements d'enseignement qui accélère la mort de l'ancienne école et la renaissance de la nouvelle. Comme en 1450 avec l'invention de l'imprimerie et en 1882 avec la révolution industrielle et la mise en place de l'école publique gratuite, obligatoire et laïque, la mort de l'école ancienne demande une renaissance de la nouvelle école. Quelles sont les causes de la mort de l'école précédente ? La disparition de toute référence à l'obligation d'acquérir les éléments de la littérature française des programmes de l'enseignement obligatoire dès l'âge de six ans est un élément important. La disparition de l'acquisition des « éléments de la littérature française » amène une rupture importante avec l'école de 2020. Sans que l'on puisse démontrer un lien entre les deux faits, l'apparition de l'illettrisme montre que l'école ne remplit plus son rôle alors même que l'âge de l'école obligatoire est passé de 6 à 13 ans (école Ferry) à 3 à 16 ans.

Numérisation des thèses.

Dès les années 1970, on en voit les prémisses. Tout d'abord en France dans le domaine de la reproduction des thèses dans deux ateliers spécialisés, l'un à l'Université de Lille, l'autre à celle de Grenoble. Plusieurs dizaines de milliers de thèses sont archivées, ce qui facilitera leur numérisation par la suite.

---

[150] https://www.education.gouv.fr/sites/default/files/imported_files/document/ensel169_annexe1_985622.pdf

[151] Marx W. La haine de la littérature. 2015 Paris Editions de Minuit. P. 120.

> Le Ministère de l'Éducation Nationale a mis en place dès 1971 un service public de reproduction des thèses en créant deux ateliers nationaux, l'un à Grenoble, l'autre à Lille pour les lettres. Jusqu'en 1983, la mission était très restreinte : ainsi, l'ANRT de Lille ne reproduisait en off-set que les thèses d'État de lettres, à la demande exclusive des auteurs et à titre onéreux. Puis, la technologie évoluant, le micro-fichage est devenu, à partir de 1983, systématique pour toutes les thèses de lettres, sciences humaines et droit soutenues dans les universités françaises et leur diffusion assurée gracieusement auprès des BIU et d'un certain nombre d'organismes français et étrangers, chaque auteur recevant personnellement un lot de 5 micro-fiches. Ce système, institutionnalisé par la circulaire de 1985, a donc permis la constitution de deux catalogues assez complets de l'ensemble des thèses soutenues en France depuis près de trente ans : 37900 thèses enregistrées à Lille et 99200 à Grenoble, un stock catalogué et archivé qui suscite bien des envies en tant que patrimoine numérisable.[152]

Depuis, chaque thèse soutenue doit être remise en plusieurs exemplaires « papier » et un exemplaire numérisé qui sera mis en ligne dans les semaines ou les mois qui suivent. De plus, les anciennes thèses sont progressivement numérisées. Les modalités, l'historique et la mise en place de la numérisation des thèses indique que le nombre des thèses est important. Une enquête de la sous-direction des Bibliothèques daté de 1996 cite le nombre de trois millions de thèses numérisées.

> Enquête de la sous-direction des bibliothèques (1996) :Inflation du nombre de thèses soutenues et donc du nombre de thèses conservées : 3 000 000 de thèses conservées en BU Mais une consultation globalement faible. [153]

Cette consultation de ces millions thèses « globalement faible » est à relever.

Numérisation des bibliothèques :
Parallèlement à la numérisation des thèses, la numérisation des bibliothèques s'est également mise en place. Toutes les bibliothèques importantes sont numérisées puis mises en ligne, à commencer par les bibliothèques universitaires. Des réseaux de bibliothèques en ligne se mettent en place au niveau national ou/et international. Le réseau de bibliothèques suisses appelé Alexandria regroupe 19 bibliothèques et services de documentation de l'administration fédérale suisse

> Le réseau Alexandria regroupe19 bibliothèques et services de documentation internes et externes à l'administration fédérale. Les fonds sont consultables sur le catalogue en ligne, qui contient plus d'un million de titres.[154]

---

[152] Fichez E. Numérisation des thèses https://edutice.archives-ouvertes.fr/edutice-00000473/document
[153] Clausse A., Vincent B. Numérisation des thèses, Pratiques et enjeux, 2007 Nancy, Service commun de documentation http://www.unistra.fr/fileadmin/upload/unistra/recherche/theses/circuit_NANCY2.pdf

Au niveau international, la fondation allemande Bertelsmann, œuvre pour la mise en réseau des bibliothèques publiques.[155]
La bibliothèque du Congrès à Washington, considérée comme étant la plus riche du monde avec la British Library de Londres, la Bibliothèque Nationale de France, la liste des 20 plus grandes bibliothèques du monde et le nombre de documents qu'elles renferment sont impressionnants[156] . Tous ces documents sont numérisés, mis en ligne et accessibles.

Numérisation des documents administratifs, juridiques, des journaux, d'autres documents. Les autorités donnent des directives en vue de la numérisation. Par exemple, en juin 2019, la province de Québec au Canada publie

la numérisation des documents administratifs, méthode et recommandation[157]

Les normes de la numérisation des journaux se met en place, exemple dans le Canton du Valais en Suisse en octobre 2014[158]
Il est à préciser que les journaux et périodiques sont systématiquement numérisés à leur publication, mais les journaux anciens sont progressivement numérisés à leur tour. C'est ainsi que la Bibliothèque Nationale de France met à disposition les journaux anciens[159]
Pour les œuvres littéraires, les différentes éditions sont à disposition. Exemple la Bibliothèque Nationale de France, Gallica[160]
Ces quelques exemples pour donner une idée de la masse considérable des documents numérisés.

III.2. Accès aux connaissances
Les documents numérisés sont mis en ligne sur Internet. Ils sont accessibles par téléphone intelligent (smartphone), ordinateur, ordinateur portable, tablette. Ils sont accessibles par tous, partout. La révolution numérique est une véritable explosion des connaissances. Il faut rappeler que tous ces documents numérisés rassemblent les connaissances du monde entier dans tous les domaines : littéraire, scientifique, juridique, …, et dans toutes les langues. Par rapport aux

---

[154] Réseau de bibliothèques Alexandria https://www.big.admin.ch/fr/ueber-uns/bibliotheks-verbund-alexandria.html
[155] Le Saux, Annie. « Le Réseau international des bibliothèques publiques ». Bulletin des bibliothèques de France (BBF), 1998, n° 1, p. 94-95. Disponible en ligne : http://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-1998-01-0094-002 . ISSN 1292-8399.
[156] https://www.idboox.com/culture/infographie-les-plus-grandes-bibliotheques-du-monde/
[157]https://www.banq.qc.ca/documents/archives/archivistique_gestion/aide_conseil/Guide_numerisation_documents_administratifs_VF(2019-06-17).pdf
[158] https://www.digicoord.ch/images/d/df/Standards_Zeitungsdigitalisierung_FR.pdf
[159] http://presselocaleancienne.bnf.fr/html/journaux-numerises
[160] https://gallica.bnf.fr/accueil/fr/content/accueil-fr?mode=desktop

connaissances disponibles au Moyen Âge et rendues accessibles par les scribes des monastères et abbayes, puis celles rendues accessibles par l'imprimerie et la découverte des textes de l'Antiquité donnant naissance à l'Humanisme de la Renaissance, on peut rêver. L'école obligatoire n'avait pas non plus accès à tous ces documents. Elle mettait à disposition les manuels scolaires de l'élève et du maître correspondant aux programmes scolaires soigneusement établis.
Document n'est pas connaissance. Comme précisé ci-dessus, sur les trois millions de thèses de 1996, l'enquête de la sous-direction des bibliothèques relève une « consultation globalement faible ». Cette inflation de document nuit-elle à la connaissance ? Peut-on dire que « trop de documentation tue la documentation » et que « trop de connaissance tue la connaissance » ?

III.3. Renaissance de la nouvelle école ? :

La nouvelle école utilisera les moyens numériques et Internet. La fermeture des établissements scolaires pour cause de pandémie pendant une assez longue période en 2020 a amené les responsables politiques et pédagogiques à se poser plusieurs questions. L'école a été assurée à distance en grande partie par l'utilisation des moyens numériques.
Le grand nombre d'informations disponibles et la facilité d'accès à ces informations demande à opérer une sélection. Les critères de choix de cette sélection doivent être précisément déterminés. L'école du Moyen-Âge avait choisi les classiques grecs latins et hébreux, celle de la Renaissance aussi. Le gouvernement français de 1882 fait un choix politique très clair correspondant à la situation : il faut apprendre le français à tous les Français, il faut leur apprendre le vrai français, le beau français. Pour cela, l'acquisition d'un corpus littéraire est obligatoire dès la première année d'école. Les critères éthiques et esthétiques ont été pris en compte dans les écoles du Moyen-Âge, de la Renaissance, de la révolution industrielle. La nouvelle école de 2020 doit déterminer précisément ces critères. La tendance esquissée dans les établissements universitaires donne une certaine idée : ils semblent plutôt être des critères d'utilité. Les établissements universitaires doivent être « utiles », il faut lire « rentables financièrement ». C'est ainsi que le Japon ferme des dizaines de facultés des lettres et sciences humaines (article du journal Le Monde du 17 septembre 2015)[161], et que le Brésil envisage de fermer les facultés de sociologie et de philosophie (article du journal Libération du 29 avril 2019)[162]. Au-delà des choix politiques ainsi esquissées se posent des questions philosophiques. L'école doit- elle prendre en compte l'utilité et la rentabilité financière de l'école et donc abandonner les critères éthiques et esthétiques.

[161] https://www.lemonde.fr/universites/article/2015/09/17/japon-vingt-six-universites-comptent-fermer-leurs-facultes-de-sciences-humaines-et-sociales_4760695_4468207.html
[162] https://www.liberation.fr/checknews/2019/04/29/bresil-bolsonaro-va-t-il-vraiment-supprimer-les-facultes-de-sociologie-et-de-philosophie_1723842

La nouvelle école sera l'école que l'on peut appeler « école inversée ». Le rôle du maître et de l'élève seront profondément modifiés. Les expériences de « classe inversée » (flipped classroom) et d' « éducation par les pairs » (peer instruction) développées notamment à l'Université Harvard par le Professeur Eric Mazur donnent quelques pistes : l'interview donnée par le Professeur Mazur au journal de l'Ecole Polytechnique Fédérale de Lausanne où il est venu présenter son projet en octobre 2019[163].
Le projet Doxilog[164] d'accès à la culture française donne quelques pistes. Il utilise les moyens numériques, il est en ligne sur Internet. Il donne 160 citations littéraires soigneusement sélectionnées renvoyant aux 160 textes dont elles sont issues ; la définition et la traduction des mots non-fréquents des textes (au moyen de dictionnaires et traducteurs en ligne). Enregistrements sonores des textes avec ou sans défilement du texte écrit. Liens Internet sélectionnés. Une vidéo pilote (texte de Charles-Ferdinand Ramuz) montre ce qu'il est possible de faire dans ce sens : le texte est disponible à l'écrit, en enregistrement sonore seul, en enregistrement sonore avec défilement du texte écrit, en vidéo avec enregistrement sonore, en vidéo avec enregistrement sonore et texte sous-titré. Par ailleurs, Doxilog est accessible aux aveugles et mal-voyants. Un logiciel donnant le niveau de difficulté d'un texte en trois « clics » : copier, coller, analyser. Ce logiciel donne l'âge auquel le texte est accessible pour un élève francophone et le niveau « européen » CECR pour un étudiant de Français Langue Etrangère. Les textes choisis sont soigneusement sélectionnés selon des critères de beauté et de qualité parmi les auteurs du Moyen-Âge à nos jours, de la Chanson de Roland à Patrick Modiano, prix Nobel de littérature 2014. Les textes sont classés par niveau de difficulté et par siècle. Le projet est mis en accès libre et gratuit pendant la durée de la pandémie de 2020. Ce projet est une esquisse donnant des pistes pour la renaissance de la nouvelle école.

Conclusion :
La nouvelle école inversée sera confrontée à des choix politiques et philosophiques importants. Le rôle et la place du maître et de l'élève seront profondément modifiés. La littérature doit garder une place centrale dans l'apprentissage des langues.
La question philosophique déterminante qui se pose à cette école est de savoir si « l'homme pense parce qu'il a des mains » comme le disaient Anaxagore et surtout Aristote, ou si « l'homme compte parce qu'il a des doigts » comme risquent de le faire penser les nouvelles humanités dites « digitales ». La question n'est pas simple. Les « humanités digitales » et « l'intelligence artificielle » ne doivent pas devenir des oxymores.

[163] https://actu.epfl.ch/news/eric-mazur-une-onde-de-choc-dans-l-enseignement/
[164] www.doxilog.com

L'acquisition obligatoire d'un corpus littéraire dès la première année de l'école de la révolution industrielle doit subsister dans la nouvelle école de la révolution numérique. En 1450, l'école meurt à cause de l'imprimerie et renaît grâce à l'imprimerie. En 1882, l'école meurt à cause de la révolution industrielle et renaît grâce à la révolution industrielle. En 2020, l'école meurt à cause de la révolution numérique et renaîtra grâce à la révolution numérique.

Bibliographie

Baudrillard J. (dir.) *Manuel pratique du certificat d'études primaires, livre de l'élève* 1909 Paris, Delagrave

Bordet Yves *Français littéraire et Français Fondamental* 2009 Besançon Thèse

Bordet Yves *Corpus d'études Doxilog : le français, l'espagnol, l'italien, le portugais*. Actes du colloque « Patrimoine linguistique et culturel des langues romanes : histoire et actualité » 2016 Moscou

Bruno G (pseudonyme de Madame Augustine Fouillée *Le Tour de la France par deux enfants* 1877, Paris, Belin

Chartier Anne-Marie (dir.) et Hébrard Jean (dir.) et alii *Discours sur la lecture (1880-2000)* 2000 Paris Fayard BPI Centre Pompidou

Furet François et Ozouf Jacques (Dir.) Lire et écrire (T.1et 2) 1977 Paris, Les Editions de Minuit (avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique)

Hubert R. *Histoire de la pédagogie* 1949 Paris, PUF

Marrou H.I *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité* 1948 Paris, PUF

Marx William *La haine de la littérature* 2015 Paris Les éditions de Minuit

Palméro J. *Histoire des Institutions et des Doctrines Pédagogiques par les textes* 1958 Paris, S.U.D.E.L.

Pernoud Régine *Les saints au Moyen Âge* 1984 Paris Plon

Platon *Le banquet* in Œuvres complètes 1950 Paris La Pléiade Gallimard

Rousseau Jean-Jacques *Les Confessions* 1959 Paris, Gallimard Bibliothèque de la Pléïade

Sites Internet avec date de consultation

(mars 2020) Basile (Saint) *À des jeunes gens sur la lecture des auteurs profanes* http://www.bibliotheque-monastique.ch/bibliotheque/bibliotheque/saints/basile/homelies/003.htm

(mars 2020) Hildegarde de Bingen déclarée docteur de l'église

http://christroi.over-blog.com/article-sainte-hildegarde-de-bingen-declaree-docteur-de-l-eglise-par-benoit-xvi-110756114.html

(mars 2020) Héloïse œuvre

https://journals.openedition.org/crm/12833 23

(mars 2020) Débuts de l'imprimerie en Europe

http://classes.bnf.fr/livre/arret/histoire-du-livre/imprimerie/01.htm
(mars 2020) Benoît de Nursie

https://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/saint_Beno%C3%AEt_de_Nursie/108358
(mars 2020) Règle de Saint Benoît Prologue

http://la.regle.org/
(mars 2020) Edit de Villers-Cotterêts article 111

https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006070939
(mars 2020) Collège de France

https://www.college-de-france.fr/site/institution/index.htm
(mars 2020) Académie Française
http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements
(mars 2020) Genève école gratuite obligatoire 1536

https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/010396/2012-11-21/
(mars 2020) France Loi 1882 Article 1 Instruction Publique

https://www.education.gouv.fr/loi-sur-l-enseignement-primaire-obligatoire-du-28-mars-1882-10526
(mars 2020) Liste textes obligatoires Manuel Baudrillard
https://www.dropbox.com/s/tbahsicw2mcfh0u/49%20textes%20baudrillard%201905%20-%20doxilog.pdf?dl=1
(mars 2020) Bulletin officiel Education Nationale France 26-7-2018
https://www.education.gouv.fr/sites/default/files/imported_files/document/ensel169_annexe1_985622.pdf
(mars 2020) Elisabeth Fichez. Numérisation des thèses. Du livre à Internet: quelles universités?, Jun 2002, Paris,France. pp.56-60. edutice-00000473

https://edutice.archives-ouvertes.fr/edutice-00000473/document
(mars 2020) Numérisation des thèses, Pratiques et enjeux, 2007 Nancy, Service commun de documentation Clausse A., Vincent B.
http://www.unistra.fr/fileadmin/upload/unistra/recherche/theses/circuit_NANCY2.pdf
Sur la numérisation des bibliothèques
(mars 2020) Le Réseau suisse de bibliothèques Alexandria

https://www.big.admin.ch/fr/ueber-uns/bibliotheksverbund-alexandria.html
(mars 2020) Le Saux, Annie. « Le Réseau international des bibliothèques publiques ». Bulletin des bibliothèques de France (BBF), 1998, n° 1, p. 94-95. Disponible en ligne http://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-1998-01-0094-002 . ISSN 1292-8399.
(mars 2020) Les plus grandes bibliothèques du monde

https://www.idboox.com/culture/infographie-les-plus-grandes-bibliotheques-du-monde/
(mars 2020) Numérisation des documents archives, administratifs, etc.
https://www.banq.qc.ca/documents/archives/archivistique_gestion/aide_conseil/Guide_numerisation_documents_administratifs_VF(2019-06-17).pdf
(mars 2020) Numérisation des journaux (Suisse)

https://www.digicoord.ch/images/d/df/Standards_Zeitungsdigitalisierung_FR.pdf
(mars 2020) Numérisation des journaux (France)
http://presselocaleancienne.bnf.fr/html/journaux-numerises

(mars 2020) Le site Gallica de la Bibliothèque Nationale de France (BNF)
https://gallica.bnf.fr/accueil/fr/content/accueil-fr?mode=desktop
(mars 2020) Article Le Monde Fermeture facultés Japon

https://www.lemonde.fr/universites/article/2015/09/17/japon-vingt-six-universites-comptent-fermer-leurs-facultes-de-sciences-humaines-et-sociales_4760695_4468207.html
(mars 2020) Article Libération Fermeture facultés Brésil ?

https://www.liberation.fr/checknews/2019/04/29/bresil-bolsonaro-va-t-il-vraiment-supprimer-les-facultes-de-sociologie-et-de-philosophie_1723842
(mars 2020) Interview Pr. Mazur EPFL Lausanne octobre 2019

https://actu.epfl.ch/news/eric-mazur-une-onde-de-choc-dans-l-enseignement/
(mars 2020) Site Doxilog
www.doxilog.com

A. Direnberger
Université Paris Nanterre UMR 7114 du CNRS – MoDyCo

POUR UNE CONVERGENCE ENTRE L'ÉMOTION EN SYNERGOLOGIE & LES RESSENTIS ET SENTIMENTS EN LANGUE

Résumé. Cet article porte sur la mémoire des mots, en relation avec une articulation fondamentale entre le corps et la langue, au sens saussurien du terme, via la notion de métaphore. Nous partons du constat qu'en tant que systèmes sémiologiques, la sémantique de la langue et la sémiotique du corps, chacune de manière spécifique, ont en commun l'expression des pensées et des émotions humaines. Nous examinons donc la convergence entre la construction linguistique et la posturo-mimogestualité du corps, non consciente/ semi-consciente, objet de la synergologie que nous définirons (Turchet, 2009). Nous nous interrogeons sur la manière dont ces deux moyens d'expression (langage verbal et gestuelle), souvent pensés distinctement, partagent une vérité commune quand il y a congruence avec la signification concrète du message énoncé.

En se fondant sur des exemples, une expérimentation qualitative, préliminaire porte sur la corrélation entre deux corpus et s'étend aux significations attribuées à certaines parties du corps, en lien avec les émotions exprimées dans le discours, en même temps que via le corps lui-même, ce qui est effectivement l'objet de la synergologie. L'induction de gestes, via diverses expressions idiomatiques est également expérimentée et analysée. Les résultats de cette expérimentation princeps font apparaître une nouvelle hypothèse que des travaux ultérieurs pourront préciser, afin d'en montrer (ou non) le bien-fondé.

Mots clés: Langue – Langage du corps – Synergologie – Expressions idiomatiques – Expressions métaphoriques – Corps – Émotions – Images mentales

FOR A CONVERGENCE BETWEEN EMOTION IN SYNERGOLOGY & FEELINGS AND SENTIMENTS IN LANGUAGE

Abstract. This article deals with the memory of words, focusing on a fundamental relationship between body and language in the Saussurian meaning of the of this word, via the notion of metaphor. We observe two semiological systems, the semantics of language and the body semiotics. Each one, in a specific way, have in common the fact of the expression of human thoughts and emotions. We therefore investigate the convergence between linguistic construction and the body's mimo-gesture, nonawareness /semi-awarness, which is the object of the synergology that we will define (Turchet, 2009). We question the form in which these two expression ways (speech and gesture language), often thought distinctly, share a common truth, when there is congruence with the concrete meaning of the stated message.

Based on examples, a preliminary, qualitative experimentation focuses on the correlation between two corpuses and extends to the meanings attributed to certain parts of the body, in relation to the emotions expressed in the speech, at the same time as via the body itself, which is indeed the object of the synergology. The induction of gestures through various idiomatic expressions is also experimented and analyzed. The results of this initial experimentation reveal a new hypothesis that subsequent work may clarify, in order to show (or not) its validity.

Keywords: Language – Body language – Synergology – Idiomatic expressions – Metaphorical Expressions – Body – Emotions – Mental Images

1. Introduction

Cet article a trait à la mémoire des mots, en relation avec une articulation fondamentale entre le corps et la langue, au sens saussurien du terme[165], *via* la notion de métaphore[166]. *A priori*, nous partons du constat qu'en tant que systèmes

[165] *Langue* : Le parler d'une nation. [*Dict. Littré*, t. 4, pp. 1434-40]
En Linguistique, Ferdinand de Saussure a distingué la langue de la parole. Il les définit comme étant les composantes abstraites et concrètes du langage, respectivement. Parallèlement, il a discerné une dimension collective dans la Langue et une autre, individuelle, dans la parole. Notons qu'en anglais, le mot « *language* » désigne la *Langue* et le *Langage* : source de confusions en linguistique (Jacquet-Andrieu, 2012 : 433).

[166] *Métaphore* (nous reprenons l'une des définitions les plus connues, celle de Dumarsais) : « *La métaphore est une figure par laquelle on transpose, pour ainsi dire, la signification propre d'un mot à une autre signification qui ne lui convient qu'en vertu d'une comparaison qui est dans l'esprit*. ». *Le Littré*, t. 5, p. 177.

sémiologiques, la sémantique de la langue et la sémiotique du corps, chacune de manière spécifique, ont en commun l'expression des pensées et des émotions humaines. Nous recherchons une convergence entre la construction linguistique et la posturo-mimogestualité humaine, non consciente/ semi-consciente, objet de la synergologie que nous définirons (Turchet, 2009). Nous nous interrogeons sur la manière dont ces deux moyens d'expression (langage verbal et gestualité), souvent pensés distinctement, partagent une vérité commune quand il y a congruence avec la signification concrète du message énoncé.
En se fondant sur des exemples, une expérimentation préliminaire est proposée ; elle porte sur la corrélation entre deux corpus et s'étend aux significations attribuées à certaines parties du corps, en lien avec les émotions exprimées dans le discours, en même temps que *via* le corps lui-même, ce qui est effectivement l'objet de la synergologie. L'induction de gestes, *via* diverses expressions idiomatiques, est également expérimentée et analysée. Les résultats de cette expérimentation *princeps* font apparaître une nouvelle hypothèse que des travaux ultérieurs pourront préciser, afin d'en montrer (ou non) le bien-fondé.

2. Langage, langue et synergologie, un lieu commun du corps

Si le linguiste a une idée précise de ce que sont le langage humain, les langues naturelles, la synergologie lui est rarement familière et pour en montrer l'intérêt, dans cet article, et rendre compte d'une conception plus unitaire du langage, nous la définissons de la façon suivante.
D'après Turchet (2009), la synergologie est « *Le Langage universel du corps* », titre d'un de ses ouvrages, c'est la posturo-mimogestualité du sujet parlant, au sens de Saussure (1916). Non-conscient et semi-conscient, ce langage corporel exprime la pensée spontanée du locuteur, il accompagne tout « acte de langage » (Austin, 1962 ; Searle, 1971) et s'insère dans une situation de communication (Jakobson, 1963), d'où la définition étymologique et littérale : Syn- (être ensemble), -Ergon- (actif), -logie (sciences de).

2.1. Langue et langage du corps

Le langage oral et écrit est un système de signes, grâce auquel l'homme, le sujet parlant, exprime de manière consciente, semi-consciente et non consciente, tout à la fois, ses pensées et ses émotions. Dans ce contexte, les expressions idiomatiques portent en elles une expérience du monde, ancrée dans la mémoire collective, sous forme d'images mentales.
D'un point de vue neuropsychologique, le langage du corps est un ensemble de signes physiologiques observables qui, au fil du discours, traduisent des pensées et des émotions. Ainsi, dans ce paradigme, le corps devient un instrument de la communication. À l'observer de près, il livre de telles régularités qu'il devient possible de repérer un système sémiologique sous-jacent au discours, codifiable, sur le plan sémantique. Il s'agit là d'une part importante de la construction de la

synergologie depuis une trentaine d'années (Turchet, 1998, 2009, 2010, 2013). Aujourd'hui, il existe une taxinomie[167] (Turchet, 2017 : 242-282) ; elle est issue des observations consignées et codifiées dans un vaste « vidéogramme » ou base d'images animées ; elle est évolutive et d'autres synergologues participent à cette élaboration en continu.

La synergologie se fonde donc essentiellement sur l'observation empirique et dynamique de la posturo-mimogestualité, dans des situations d'interaction dialogique, naturelles, écologiques. Autrement dit, l'étude récente du langage du corps a « à voir » avec l'expérience collective de l'incorporation – sens littéral – du langage, telle qu'elle se donne à voir dans les expressions métaphoriques se rapportant au corps, lesquelles se sont construites à travers les âges. Ainsi, la langue, en tant que représentation du sens, conceptualisation et représentation d'un *percept*, et le langage corporel, en tant que « *corcept* » (Truchet, 2009), partagent une vérité commune, en principe.

En bref, la synergologie tend à comprendre le sens du monde, à partir de nos perceptions sensorielles et de leur impact émotionnel sur le corps et ses réactions, dans l'instant de l'interaction dialogique. En revanche, si la langue porte en soi une expérience du monde, elle s'ancre dans l'histoire qu'elle se remémore, et non dans l'instant et, dans le discours ; elle évoque l'expérience du corps que ce dernier vit. Aussi pouvons-nous dire que la langue et la posturo-mimogestualité parlent ensemble de notre corporéité mais de manière différente, dans leur rapport au temps. Voyons comment ?

2.2. Expérience du corps, de la langue et ses idiomatismes

En général, une expression idiomatique est une construction ou une locution particulière à une langue, porteuse d'un sens unitaire et circonscrit, indépendamment de la signification des mots qui la constituent, pris séparément (Swinney & Cutler, 1979). Il s'agit le plus souvent d'expressions métaphoriques. Généralement intraduisibles mot à mot, d'une langue à une autre. Comme l'écrit Alain Rey (1979)[168] :

> […] Parmi les éléments de la langue qu'il faut acquérir pour s'exprimer figurent non seulement des mots, mais aussi des groupes de mots plus ou moins imprévisibles, dans leur forme parfois, et toujours dans leur valeur. Ainsi des milliers de particularités expressives, non traduisibles telles quelles, dans d'autres langues, forment l'immense part du lexique connu sous le nom d'expressions idiomatiques ».

---

[167] *Taxinomie* ou *taxinomie* : terme de botanique introduit par Candolle (1819), pour la classification des végétaux, dans sa deuxième édition de la *Théorie élémentaire de la botanique...* Ce concept évoque le principe de système classificatoire. À noter : le terme « taxonomie », souvent employé, est erroné si l'on se réfère à son étymologie grecque (*cf.* É. Littré, *Dictionnaire de la langue française*, 7, p. 785). *Cf.* Turchet (2017). *Op. cit.* : 243-283.

[168] Rey, A. (1979). *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris : Ed. Le Robert.

Pourtant, le linguiste et traducteur a d'autres « cordes à son arc », pour résoudre, au moins partiellement, ce problème de langue, il va chercher des équivalences. Par exemple, en français et en espagnol, deux idiomes pourtant proches, s'agissant de deux langues romanes, il est possible de traduire de façon fidèle et idiomatique certaines expressions, malgré des comparaisons de termes plus ou moins éloignés :

> Fr. « *Connaître comme sa poche* »,
> dont l'équivalent *stricto sensu*, en espagnol est :
> Esp. « *Conocer como la palma de la mano* » /
> Traduction littérale : « *Connaître comme la paume de la main* ».
> Ou encore :
> Fr. « *Bailler comme une huitre* » ;
> Dont l'équivalent *stricto sen*su, en espagnol est :
> « *Bostezar como un buzon* » /
> Traduction littérale : « *Bailler comme une boîte aux lettres* »

Ceci dit, quel que soit l'idiome choisi, les expressions idiomatiques donnent de la couleur à une langue. En nous appuyant sur la théorie de Lakoff et Johnson (1980), nous pouvons avancer que ces expressions, parce que constituées de métaphores structurant nos concepts, portent en elles les témoignages de l'expérience humaine de la vie et du monde. Cela nous permet d'émettre l'hypothèse d'une synergie entre le corps et la pensée, au vu de l'observation de la communication orale, en synergologie.

Pinker (1999, 2013) établit que le langage est une adaptation biologique, un produit de l'évolution, tout comme notre esprit. Aussi, porte-t-il des traces prégnantes de la nature humaine, il révèle la structure d'une forme – parmi d'autres – du fonctionnement de l'esprit. Nos expressions quotidiennes, nos usages grammaticaux, nos jurons même, évoquent un peu de notre esprit et, *via* les émotions, beaucoup de « notre monde intérieur ». Derrière nos expressions habituelles se cache donc une structure mentale qui comprend et interprète le monde, en donne sa vision, ses représentations.
Ce psychologue va plus loin en affirmant que l'esprit humain a puisé dans ses systèmes émotionnels, pour enrichir la gamme de ses expressions idiomatiques. Pour lui, la signification des mots n'est pas seulement intellectuelle, ce qu'avant lui, Lakoff avançait déjà (*cf. supra*), elle est souvent viscérale. Il invite donc le linguiste à l'expérience du corps, dans l'élaboration de la langue, notion clairement présente en synergologie.
Ce rapprochement entre mots et corps s'appuie également sur les résultats d'autres recherches (Nummenmaa *& al*, 2014)[169], de la faculté des sciences

[169] Nummenmaa, L., Glerean, E., Hari, R. Hietanen, J.K. (2014). Dodily maps of emotions, in *Proceedings of the National Academy of Sciences, 2*, vol. 11: 646-651.

d'Aalto (Finlande). Les chercheurs mettent en lumière le lien entre émotion et réaction physiologique, ils évoquent une corrélation biologique, objectivée récemment mais qui, paradoxalement, est inscrite depuis longtemps dans la langue. En effet, depuis des siècles, la langue française – et, dans cette hypothèse, tout idiome – attribue des manifestations physiques à chacune de nos émotions. Les expressions populaires, le plus souvent métaphoriques le montrent :

> « *Avoir des papillons dans le ventre* »,
> « *Avoir le cœur brisé* »,
> « *Avoir la chair de poule* »,
> « *Sentir monter la colère* »,
> « *Rayonner de bonheur* »

Elles participent de cette réalité scientifique reconnue aujourd'hui.
La synergologie observe donc bien les manifestations physiologiques d'une émotion pour comprendre ce qu'un sujet ressent, qu'il soit locuteur (destinateur) ou récepteur (destinataire), étant entendu qu'en même temps, ce dernier est « émetteur silencieux », *via* ses réactions émotionnelles, aux dires de l'interlocuteur qu'il est en train d'écouter. Il apparaît donc qu'une émotion prend sa source dans le corps avant même d'être amenée à la conscience, elle est issue de nos perceptions du monde extérieur et de nos échanges avec ledit monde. La neuroscience et les avancées de l'imagerie ont permis de le valider.
Les psycholinguistes, depuis la théorie de l'*embodiment* (Varela, 1979 ; Maturana *et al*, 1990) – de l'énaction en français –, intègrent également au langage une dimension corporelle, ce que la synergologie objective, *a priori*, comme nous venons de le voir, dans l'approche descriptive, pragmatique du langage universel du corps (Tuchet, 2009, Jacquet-Andrieu et Turchet, 2014, 2017). Cependant, presque un siècle plus tôt (Saussure, 1891), le précurseur de la linguistique, avait déjà évoqué cette dimension, ce lien indéfectible, entre langage et corps :

> La première expression de la réalité serait de dire que la langue (c'est-à-dire le sujet parlant) n'aperçoit ni l'idée *a,* ni la forme A, mais seulement le rapport *a*/A ; cette expression serait encore tout à fait grossière[170].

Les travaux de cette équipe pluridisciplinaire, publiés dans les *Comptes rendus de l'Académie des sciences américaine* (PNAS), confirment que les principales émotions humaines (peur, tristesse, dégoût, bonheur, etc.) sont physiquement ressenties de la même façon pour tous, indépendamment de la culture d'origine du sujet.

[170] Saussure, F. de (2002/1891). « De l'essence double du langage », in *Écrits de linguistique générale*, p. 39.

De facto, la synergologie et la linguistique, partagent d'emblée l'idée que l'émotion habite le corps. En synergologie, l'on pourrait également prétendre que le corps peut lui-même susciter une émotion, *via* ses propres mouvements : exemple de l'ours selon James (1890), en particulier chez le destinataire du message, celui qui écoute. Voyons maintenant comment se manifeste une émotion dans la langue et en synergologie.

3. Expression d'une émotion dans la langue et en synergologie

L'ensemble des données qui précèdent nous amène à examiner si des expressions de la langue peuvent rendre compte d'émotions en concordance avec des items de synergologie, eux-mêmes signes émotionnels. Nous prenons appui sur ces réflexions, pour émettre l'hypothèse d'un rapprochement possible entre ce que nous disent les mots de notre corporéité et ce que nous en dit le corps avec son langage propre. Nous nous interrogeons donc sur une possible convergence entre la synergologie et la sémantique de la langue et, pour ce faire, nous nous intéressons spécifiquement aux expressions idiomatiques. Et si, à travers lesdites expressions, cette convergence est opératoire, la langue viendra confirmer certaines observations usuelles en synergologie.

3.1. Images mentales et items de synergologie

Les images mentales portées par la métaphore d'une expression idiomatique pourraient être corrélables à des items de synergologie, objectivant ainsi une convergence de sens. Le concept d'image mentale est utilisé en philosophie, en psychologie et en sciences du langage et de la communication et, bien sûr, en sciences de la cognition[171], afin de décrire la représentation mémorisée et/ou imaginée d'un objet physique, d'un concept, d'une idée, ou d'une situation.
Les sciences de la cognition ont abouti à un consensus relatif. La plupart des chercheurs en neurologie (Purves *et al*, 1999 ; Duus, 1998), en neuropsychologie (Damasio, 2010, 1999 ; Séron *et al*, 1994) et en neuro-psycholinguistique (Nespoulous *et al*, 1994 ; Jacquet-Andrieu, 2012 ; Yaneva-Nedeva, 2017) considèrent que l'encéphale est essentiellement un vaste réseau d'interconnexions neuronales, associées à des aires fonctionnelles cartographiées (Damasio, 2010), écartant l'idée d'une gouvernance centrale, sinon celle de la psyché du sujet. La façon dont les images sont mémorisées et traitées, en particulier dans le langage et la communication, en relation avec notre environnement physique, fait l'objet de diverses recherches (Rohrer *& al*, 2006), situées à la croisée des sciences humaines et sociales (SHS) et de la neuroscience. Prenons l'exemple :

[171] *Cognition* : définition de Kant (1787), retenue par Émile Littré : « [...] *acte intellectuel par lequel on acquiert une connaissance* » (*Littré*, t. 2, p. 440).

« *Il* ***se creusait la tête*** *et se mettait l'esprit à la torture pour découvrir quelles troupes il avait en face de lui.* » (Léo Armagnac, 1881 : ch. 5)

L'image mentale suscitée suggère : « *chercher une solution en se creusant la tête de ses doigts* ». En synergologie, cette dynamique gestuelle serait codifiée : [A_Z_O_PO_D] : qui décrit un geste de grattage de la main à l'arrière de la tête[172].
Le sens attribué à cet item est : « *problème compliqué à résoudre* »
En synergologie, en contexte d'interaction dialogique, si le grattage, à l'arrière de la tête, est réalisé à droite ou à gauche, il apporte une précision de sens[173] :

a) Partie droite (P1) de la tête : [A_Z_0_P1_D] « Je ne vois pas la solution »
b) Partie gauche (P2) de la tête : [A_Z_0_P2_D] « Je vais trouver une solution »

Ces micro-démangeaisons sont une réponse sensitive cérébrale à une vaso-dilatation de l'épiderme à cet endroit, que le sujet perçoit et veut éliminer, sans en avoir vraiment conscience. Globalement, l'expression idiomatique métaphorique « *il se creusait la tête* » signifie : « *Faire des efforts intenses de mémoire et de réflexion* » dont le résultat sera positif (P1) ou douteux (P2).

Ici, nous relevons donc une analogie entre image mentale et item de synergologie. La convergence porte à la fois sur le geste effectué (se frotter ou se gratter la tête) et le sens (trouver une solution à un problème). Outre cet exemple, dans les différents corpus étudiés, des convergences existent entre items de synergologie et expressions idiomatiques. Elles portent à la fois sur une correspondance entre le geste, créé par l'image mentale représentée, et le geste d'ordre émotionnel dont l'item synergologique codifie le sens. Ces convergences peuvent être totales ou partielles.

3.2. Expressions idiomatiques et zones du corps

Après avoir mis en regard des expressions idiomatiques avec des items issus de la synergologie, nous nous intéressons maintenant aux parties du corps de manière plus globale, en nous centrant sur celles le plus souvent représentées dans des expressions métaphoriques. Par exemple, existe-t-il une convergence

[172] [A_Z_0_PO_D] : **A**utocontact_Z (corps, face postérieure)_0 (tête, face postérieure)_PO(centre)_D (micro-Démangeaison)
[173] En lien avec la neuroscience et la neuropsychologie, la synergologie tient compte de la latéralité émotionnelle (différente de la latéralité cognitive, celle du gaucher et du droitier qui doit être prise en compte, pour comprendre la posturo-mimogestualité humaine (Bullinger, 2004).

de sens entre les expressions idiomatiques « mettant en action » les bras, les mains, les doigts, les jambes, le dos, les épaules, le cœur, et les micro-démangeaisons portées sur ces mêmes parties du corps[174] et significatives en synergologie ?
Si une corrélation récurrente peut être objectivée entre des items du corps en synergologie et ce que nous en « disent » les expressions idiomatiques de la langue et leurs images mentales, une généralisation sera possible. Par exemple, en synergologie, le bras (associé à la main et aux doigts) s'oriente vers deux sens principaux :

- Prendre en charge ou soutenir quelqu'un ou un projet,
- Avoir du mal à supporter quelqu'un ou quelque chose.

Ces deux orientations de sens se retrouvent dans plusieurs expressions idiomatiques (*cf.* Annexe) :

Prendre en charge et soutenir

« *Avoir la tête sur les épaules* » (être équilibré, être en capacité de prendre en charge)
« *Épauler quelqu'un* » (aider et/ou soutenir quelqu'un)
« *Marcher épaule contre épaule* » (esprit de groupe)
« *Donner un coup de main* » (aider quelqu'un)
« *Donner un coup de pouce* » (aider, favoriser la réussite de quelqu'un)

Supporter quelqu'un ou quelque chose, avec difficulté

« *En avoir par-dessus les épaules* » (en avoir assez)
« *Avoir les épaules lourdes* » (avoir beaucoup de soucis)
« *Baisser les épaules* » (supporter avec patience)
« *Avoir les épaules larges* » (supporter beaucoup de choses
Le sens des expressions ci-dessus se superpose, au moins partiellement, à celui de certains gestes en synergologie et cette similarité apparaît de deux manières : proximité positive ou négative.
Par-là, nous entendons une proximité de sens traduisant une même idée. Ainsi, l'expression « *prendre à bras le corps* » (agir sans ménager ses efforts) converge sur la notion d'action et de projet, associée à une partie du corps : le « bras ».
Par sens négatif, nous entendons une proximité de sens traduisant une idée opposée. Les expressions « *baisser les bras* » (renoncer, cesser d'agir), « *rester*

[174] Le corps est doté de récepteurs sensoriels, cutanés ; le visage, les membres et, en particulier, les extrémités sont les régions du corps où ces récepteurs sensoriels sont les plus densément répartis.

les bras ballants » ou « *rester les bras croisés* » (ne rien faire), renvoient également au « bras » mais l'idée opposée est l'inaction : les bras, sciemment inactifs représentent effectivement l'inertie.
Ces derniers éléments nous amènent à préciser la théorie de l'*embodiment* ou énaction en langue et en synergologie.

4. Émotion et énaction (*embodiment*) en langue et en synergologie

L'équipe du Dr Lauri Nummenmaa (2014) considère que les expressions idiomatiques sont porteuses de l'inscription très ancienne de leur sens, dans la langue, diachronique. Or, en synergologie, une émotion se définit comme un état corporel de l'instant, synchronique, visible, observable, mesurable et porteur du même sens, en principe, que le message verbal qu'il accompagne, certes avec des nuances. Les items de synergologie désigneraient donc un état corporel, observé durant une interlocution, en résonance avec les manifestations physiques que les métaphores idiomatiques objectivent. Posons l'exemple de la peur.

4.1. La peur

Cette émotion primaire – la peur – mérite effectivement que l'on s'y arrête ; son choix tient à la richesse du vocabulaire qui l'exprime, prenant aussi en compte son intensité : « *crainte* », « *inquiétude* », « *anxiété* », « *angoisse* », « *affres* », « *affolement* », « *panique* », « *épouvante* », « *effroi* », « *terreur* », etc.
Au plan physiologique, un être humain soumis à la peur « vit » un stress qui peut être d'une violence inouïe ; il est généralement pris de transpiration, de tremblements ; il subit l'élévation de son rythme cardiaque, une perturbation de sa respiration. Son visage peut se figer d'effroi, ses yeux s'exorbiter, etc. La peur engendrée par un danger imminent physique ou psychologique, traumatique induit une réponse neurologique dont le circuit initial est l'activation de l'amygdale, puis de l'hippocampe (en lien avec la mémoire) et du cortex préfrontal (en lien avec la réponse comportementale), *via* des neurotransmetteurs et des hormones impliqués dans le stress[175]. Au fil de l'exposé, nous comprendrons que la majorité de ces expressions a vu le jour au XIXe siècle et leur origine est liée à la médecine.

[175] Sans entrer dans le détail, les neurotransmetteurs qui agissent sur le système d'alarme de la peur sont essentiellement la sérotonine, le glutamate, la noradrénaline, l'acétylcholine, la dopamine. Du côté de la réaction hormonale, on retrouve à nouveau la noradrénaline (précurseur de l'adrénaline), le cortisol, l'ACTH (adrénocorticotrophine), l'ocytonine, la vasopressine.

4.2. La peur en langue

Dans les langues, les symptômes de la peur ont laissé des traces. Le « *blêmissement* » est largement distribué, dans les expressions idiomatiques. En français, il peut être associé à trois couleurs : « *être blanc – bleu ou vert – de peur* ». Le blanc reste dominant : « *être blanc comme un linge* », « *devenir livide* ». Dans ce cas de peur intense, l'inhibition engendrée, amène une baisse du taux d'oxygène dans le sang, d'où le teint bleui ou verdi.
La voix peut être touchée, presque inaudible, à cause d'un affaiblissement soudain ou d'une inhibition de la phonation ou vibration des bandes vocales (Malmberg, 1974, Jackobson, 1963). La langue « le dit » : « *parler d'une voix blanche* » ; « *rester sans voix* », « *être muet de peur* », « *avoir le souffle coupé* », etc.
L'inhibition peut dominer la peur, il s'agit de l'état de sidération en psychologie : « *être pétrifié de peur* », « *se raidir de peur* », « *se figer* », « *rester cloué sur place* », « rester médusé », etc.
Un relâchement des muscles, un abandon du sujet à son sort peut survenir, suggérant l'idée du corps se dérobant, est bien présente en langue : « *Avoir les bras et les jambes coupés* », « *ne plus tenir sur ses jambes* », « *avoir les jambes dans du coton* », « *se liquéfier* », etc.

> En langue, la peur s'entend, elle est ressentie, elle se dit, elle devient alors un sentiment consciemment évoqué par les mots et ses images traversent les âges, son expression s'ancre dans la diachronie.

4.3. La peur en synergologie

La peur est une émotion négative, hypertonique, intériorisée (tremblements, perturbation du rythme cardiaque et de la respiration, etc.). Le synergologue « voit » la peur sur le visage, il observe surtout comment elle en affecte les traits, *via* la « *tension musculaire* », lisible sur le front, la zone des sourcils, les yeux, le nez, la bouche, le menton et le cou : « *rides en vagues superposées en portée* », « *rides verticales* », à la racine du nez, « *bouche contractée* », « *bouche fermée, coins tirés vers le bas* » (*platysma hypertendu*)[176], « *yeux exorbités* », etc., autant de signes d'un figement, d'une passagère paralysie, de sidération.
Il voit aussi le « *blêmissement* » que cause la situation de stress ; physiologiquement, le sang est détourné vers les muscles, pour les irriguer et les préparer, éventuellement, à une action imminente ; la circulation sanguine se

[176] *Platysma* : muscle peaucier du cou, superficiel très fin, qui s'insère du fascia sous-cutané du thorax supérieur, jusqu'à la mandibule et au fascia de la partie inférieure de la face. Lors d'une peur intense, sa contraction tire la peau du menton vers le bas, abaisse la commissure des lèvres et tend la peau du cou.

trouve réduite aux extrémités et, par un effet vasoconstricteur, le sang des vaisseaux du visage se retire partiellement.
Enfin, le synergologue voit la rétraction du corps, qu'il évoque *via* l'expression, « *statue aversive* ».
Ces exemples montrent donc comment, en synergologie, en se fondant sur des états émotionnels, directement observés dans l'instant, divers items marquants peuvent être regroupés en trois champs sémantiques : le « *blêmissement* », la « *tension musculaire* » et, pour l'ensemble du corps, la « *statue aversive* ».

> En synergologue, la peur est une émotion qui se « voit », elle est lue dans le court instant synchronique de son incidence, en amont du ressenti et des sentiments évoqués verbalement.

4.4. Langue et synergologie « devant la peur » ?

Voyons maintenant comment se rejoignent la synergologie et la linguistique ?
La « *tension musculaire* » peut être corrélée aux expressions : « *serrer les fesses* », « *se raidir de peur* », « *se figer* », « *se transformer en statue* », etc. qui rendent compte de la contraction d'un corps inhibé, impossible à mobiliser. Nous pouvons même évoquer l'idée de gel qui évoque clairement la sidération : « *rester figé* », « *rester médusé* », « *rester pétrifié* », « *être paralysé sur place* », « *rester cloué sur place* » (*cf.* Annexe).
L'item « *statue aversive* » décrit un corps replié sur lui-même, auquel nous pouvons rattacher des expressions comme : « *se faire tout petit* », « *se ratatiner de peur* », « *ne pas en mener large* », « *rentrer dans sa coquille* », « *se recroqueviller de peur* » ; l'image mentale afférente évoque une rétractation de tout le corps, réaction physiologique d'inhibition, pour réduire le volume et la surface d'exposition au danger.

L'item « *blêmissement* », en synergologie se décline également dans de nombreuses expressions idiomatiques. Il peut être associé à ce que le synergologue voit, en langue : « *blanchir de peur* », « *être (blanc) comme un linge* », « *devenir livide* », etc.
Face à l'émotion de peur (étude transposable à d'autres états émotionnels), linguistique et synergologie convergent donc sur des descriptions comparables ou similaires, évoquant des réactions irrépressibles, de l'ordre du figement du corps, de l'inhibition, de la sidération. Cependant, dans ce contexte, la langue porte surtout des expressions figurées, liées à une situation de peur, associée à un danger physique ou psychique, lequel engendre des manifestations du corps *a maxima*. Les états évoqués résultent d'une adaptation sémantique du dire au symptôme de peur. Les expressions idiomatiques, mémorisées par la sagesse populaire sont issues de la phylogenèse de l'expression de la peur, de ses sources ancestrales, primitives, viscérales, physiologiques, engageant la survie

de l'espèce (vrai danger, donc) qui se donne à voir dans les réactions *a maxima* du corps. Évocatrice d'un ressenti ou d'un sentiment, l'expression idiomatique de la langue s'ancre dans la diachronie des idiomes (Jacquet-Andrieu, 2001, 2 : 243)[177].

A contrario, la synergologie identifie visuellement les réactions de peur à l'instant de leur incidence, *a minima* et *a maxima*. Les observations entrent plutôt dans une situation de communication, où le danger peut être physique, certes, mais il est souvent de l'ordre de la psychologie, des sentiments : humiliation, discrédit, révélation d'un mensonge ou d'un non-dit, évocation d'un événement douloureux, culpabilité, mise en cause, prise en défaut.

En synergologie, c'est donc une émotion brute qui est d'abord repérée, au moment de son incidence. Elle est centrée sur le sujet parlant (égocentrée), puis elle se prolonge en un ressenti, un sentiment même, *via* un retour sur soi, une introspection. C'est pourquoi, en approfondissant l'observation du sujet parlant, le synergologue peut percevoir la dynamique d'une volonté d'occulter une peur, pour éviter de perdre la face, elle se déploie, alors sur un laps de temps plus étendu, après son point d'impact : nous entrons là dans la maîtrise des ressentis et sentiments. Dans un débat politique, par exemple, le corps est contrôlé, préparé ; l'absence de danger de mort physique produit des réactions plus ténues, à peine perceptibles, parfois, souvent subreptices, non conscientes ou semi-conscientes.

Mais que disent des locuteurs de tout cela ?

5. Pour un effet d'amorçage des expressions idiomatiques

Nous avons poursuivi notre étude sur la corrélation entre langue et corps en expérimentant l'effet d'amorçage des expressions idiomatiques qui évoquent des parties du corps. Lors de l'expérimentation que nous avons filmée (Direnberger, 2019), nous avons demandé aux participants de rapporter une situation où ils/elles :

- « *se sont creusé la tête* »
- « *ont vécu quelque chose qui leur est resté en travers dans la gorge* » ;
- « *ont fait quelque chose dans le dos de quelqu'un* » ;
- « *ont pris quelqu'un de haut* » ;
- « *ont fait profil bas* ».

[177] *Idiome* : « […] terme générique, souvent employé dans le sens de langue, dialectes, patois, parlers, etc. Par convention […], il est utilisé comme synonyme de langue ou comme terme générique pour désigner tous les types de structures linguistiques » (Jacquet-Andrieu, 2001. *Cas d'aphasie mixte*, vol. 2 : 143). En espagnol, cet emploi est l'usage en linguistique et en sciences du langage (Coseriu, 1952, 1973).

Ces expressions idiomatiques, issues de la mémoire collective semblent fonctionner comme un effet d'amorçage sémantique, elles s'évoquent *via* un mouvement du corps associé à l'image mentale qu'elles véhiculent. Nous attendions que le stimulus produit par l'image mentale eût une incidence congruente sur le langage corporel et fût observable, *via* l'apparition d'un ou plusieurs items codifiés en synergologie. Le premier résultat a été de 17 % d'items attendus, congruents avec l'image mentale de l'expression idiomatique.
Certes, le score obtenu permet d'évoquer un effet d'induction gestuelle. L'action contenue dans l'image mentale de l'expression idiomatique est en capacité d'induire, pour une part (17 %), le geste en miroir. Cette observation peut être associée à une expérience de neurosciences : Cacciari *et al* (2011), en analysant des courbes de potentiels évoqués moteurs de la jambe droite, lors de l'écoute de phrases, comme « *l'homme court dans la campagne* » ou bien « *Roberto arrive à la bonne conclusion* », enregistrent une activation motrice. Cependant, ils constatent que cette activation est absente, quand le sens métaphorique des expressions idiomatiques concernées est éloigné du noyau sémique (ou cœur de la signification) de ces deux verbes (« courir » et « arriver »), cas de la phrase « *le chanteur plonge dans la foule* ».
De facto, l'activation motrice est soumise au degré de transparence de l'expression idiomatique et de son contexte (Raposo *et al*, 2013) et si les théories de la communication et du langage ont longtemps affirmé que les représentations des mots étaient purement abstraites, *a contrario*, les recherches en neuroscience tendent à montrer que les symboles et les concepts sont effectivement issus de l'incarnation du langage et des langues, depuis des millénaires mais à des degrés divers et sous certaines conditions. Ces éléments suffisent-ils pour expliquer les 17 %, seulement de gestes congruents, entre expressions idiomatiques et émotions en synergologie ?
L'explication est plus subtile. Le langage et, par voie de conséquence, tout idiome, porte en soi l'histoire des humains et leurs émotions, pour l'exemple choisi, la peur et ses victimes. De cette histoire sont nées de multiples expressions, le paradigme est donc étendu et concerne essentiellement l'évocation de *ressentis* et de *sentiments*.
En synergologie, la question est autre. Il s'agit de l'instant initial de la peur, de l'émotion, *stricto sensu*, et le ressenti et le sentiment que la langue décrit, en découlent : l'émotion de « peur » se situe donc en amont des ressentis et sentiments qu'elle suscite. Autrement dit, *a priori*, la synergologie décrit quelque chose de différent, le figement, la sidération du choc émotionnel, alors que le langage en décrit les conséquences. Cela explique ce pourcentage (17 %), valable seulement pour cette expérimentation *princeps*, s'entend.
Plus généralement, pour l'ensemble des émotions, la coïncidence ne peut donc être totale, puisque l'objet est différent mais lié. Le synergologue lit l'émotion, non consciente encore, au moment de son incidence sur le visage et le corps du sujet parlant, la langue exprime les émotions déjà ramenées à la conscience, les

ressentis et les sentiments vécus, que le synergologue observera également, mais *a posteriori* de l'impact émotionnel initial.

6. Conclusion

Dans la présente étude, le propos a été de rendre compte de l'inscription des expressions idiomatiques, dans le corps du sujet parlant, en ayant recours essentiellement à la linguistique et à la synergologie, langage non-conscient/ semi-conscient et universel du corps, inscrit lui-même, dans la communication humaine. La phylogenèse et l'ontogenèse du langage – et des langues – sont d'abord ancrés dans la perception sensorielle du monde extérieur, de l'environnement, ainsi le langage incorpore-t-il – au sens littéral – des émotions, des ressentis et des sentiments, tout à fait lisibles. À travers les expressions idiomatiques évoquées dans cet article (l'émotion de peur, en particulier), il semble qu'elles se soient imprégnées d'une expérience collective de la corporéité, de ses processus cognitifs, le tout étant sédimenté dans la mémoire de l'humanité. L'analyse du langage corporel, en synergologie tend à rendre compte de cette expérience universelle des sens et de la sensation non consciente/semi-consciente qui suscite des gestes spécifiques, universellement répliqués, pour un sens donné, si nous nous référons à la taxinomie de synergologie évoquée plus haut (Turchet, 2017 : 242-282).

Les résultats préliminaires de notre étude comparative d'expressions métaphoriques, mises en parallèle avec la lecture de réactions émotionnelles, lues sur le corps du sujet parlant ou écoutant, en synergologie, mettent en lumière un lien entre construction linguistique et construction synergologique : la posturo-mimogestualité et le discours traduisent une expérience commune de notre corporéité. Au cœur de la langue (de ses représentations) et de leur actualisation dans le discours, le langage corporel, concrètement vécu et produit, peut trouver un substrat supplémentaire à sa pertinence. Au plan phylogénétique, c'est un substrat signifiant qui sous-tend les idiomes et manifeste la pensée humaine, ses ressentis et sentiments, *via* des postures et une mimogestualité, d'abord exprimées dans l'instant.

Dans cette compréhension, établir l'universalité de la posturo-mimogestualité non consciente/ semi-consciente du langage (toutes langues naturelles confondues), dans son lien avec la synergologie, impliquait que l'on interrogeât les expressions idiomatiques d'autres langues, même succinctement, ici (Direnberger, 2019). Si l'une des difficultés majeures de la traduction est justement l'idiomatisme, il n'empêche que les métaphores imagées de nos émotions semblent bien présentes et explicites, même si les objets de comparaison sont souvent différents (« poche » et « paume de la main » [*palma de la mano*] ; « huitre » et « boîte aux lettres » [*buzón*]), dans une comparaison entre deux langues romanes : le français et l'espagnol.

Jusqu'ici étudiées surtout par les philosophes, les anthropologues, les psychologues, les neuropsychologues, les émotions occupent le devant de scène en linguistique, depuis une trentaine d'années. Notre objet, dans cet article, était bien d'avancer dans ce sens, en confrontant les expressions idiomatiques et la posturo-mimogestualité non-consciente/ semi-consciente de la synergologie, laquelle a pour perspective l'instant vécu (synchronie), alors que celle de la langue émerge de l'histoire (diachronie). Cette différence temporelle explique en partie la distance entre ce que la langue rapporte et ce que la lecture synergologique constate et décrit. Ceci dit, il nous paraît clairement fondé de considérer que la synergologie, substrat émotionnel, naturellement intégré au langage, lui-même incarné, fait partie intégrante de la communication humaine, ce que Saussure défendait déjà en 1891.

Enfin, reprécisons ici que l'accès au caractère universel du langage corporel qu'analyse le synergologue se fonde sur les profondeurs de la phylogénie du non-conscient de l'espèce humaine, ce non-conscient d'avant le langage verbal de l'humanité, dont on retrouve des traces archaïques chez nombre d'animaux, dans l'ontogénèse du langage chez l'enfant, dans la pathologie du langage, également, toutes langues confondues. Le caractère universel d'une linguistique des émotions, dégagée du co-verbal (momentanément seulement), pour s'interroger sur le non-verbal posturo-mimo-gestuel s'esquisse à peine, aujourd'hui (Turchet, 2017 ; Jacquet-Andrieu et Turchet, 2017).

7. Références citées

7.1. Références générales

Littré, É. (1956-1957 & 1957-1958). *Dictionnaire de la langue française*. [Paris] : J.J. Paubert éd. (vol. 1-4)/[Paris] : Gallimard-Hachette (vol. 5-7), 1541-1854-2095-2121-2059-2078-1976 p.

Rey, A. (1979). *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris : Ed. Le Robert.

Rey, A. et Chantreau, S. (2015). *Le dictionnaire des expressions et locutions*. Paris : Les usuels.

7.2. Ouvrages et articles

Armagnac, L. (1881). *Quinze jours de campagne (août-septembre 1870) : étapes d'un franc-tireur parisien de Paris à Sedan*. Paris : Hachette.

Austin, J.L. (1962). *How to do Things with Words*. New York: OUP.

Boulenger, V. (2006). *Le Langage et l'Action : Dynamique des liens unissant verbes d'action et contrôle moteu*r, sous la dir. de Tatjana Nazir, Doctorat de Neuropsychologie, Université Lumière Lyon 2. Lyon.

Boulenger, V., Roy, A.C., Paulignan, Y., Déprez, V., Jeannerod, M. & Nazir, T.A. (2006b). Cross-talk between language processes and overt motor behavior in the first 200 ms of processing. *Journal of Cognitive Neuroscience, 18*:10, 1607-1615.

Bullinger, A. (2004). *Le développement sensori-moteur de l'enfant et ses avatars : un parcours de recherche*, préf. de Pierre Delion. Ramonville-St-Agne : Érès.
Buccino, G., Riggio, L., Melli, G. *& al* (2005). Listening to action-related sentences modulates the activity of the motor system: A combined TMS and behavioral study, in *Cognitive, Brain Research*, vol. 24-3: 355-363.
Cacciari, C., Bolognini, N., Senna, I. *& al* (2011). Literal, fictive and metaphorical motion sentences preserve the motion component of the verb: A TMS study, *Brain & Language, 3*: 149-157., action words and action.
Caillies, S. (2009). Description de 300 expressions idiomatiques. *L'année psychologique1*, (109), 463-508. Consulté à l'adresse https://www.cairn.info/revue-l-annee-psychologique1-2009-3-page-463.htm

Candolle, A.P. de (1819). *Théorie élémentaire de la botanique... ou exposition des principes de la classification et de l'art de décrire et d'étudier les végétaux*. Paris : Déterville.

Chatar-Moummi, N. (2013). L'expression verbale des émotions : présentation, in *Langue française, 180* : 3-11.
Chomsky, N. (1986). *Knowledge of language: its nature, origin, and use*. Westport (Conn.); London: Praeger.
Coseriu, E. (1973/1952). "Sistema, Norma y Habla", in *Teoría del lenguaje y Lingüística general: cinco estudios*. Madrid : Gredos (p. 13-113).
Coseriu, E. (1978/1973). *Système, Norme et Parole*/ Trad. en fr. de *Sistema, Norma y Habla*, par A. Jacquet-Andrieu, présent. Biling. annotée (tapuscrit disponible auprès de l'auteur).
Damasio, A. (2010). *L'Autre moi-même. Les nouvelles cartes du cerveau, de la conscience et des émotions*/trad. de *Self Comes to Mind, Constructing the conscious brain*, par Jean-Luc Fidel. Paris : O. Jacob.
Damasio, A.R. (1999). *Le sentiment même de soi : corps, émotion, conscience*/trad. de *The Feeling of What Happens*. Paris : O. Jacob.
Direnberger, A. (2019). *Le langage du corps et la mémoire des mots*, rapport de recherche en synergologie (tapuscrit). Paris : Institut européen de synergologie.
Duus, P. (1998). *Diagnostic neurologique : les bases anatomiques*/Trad. 6e éd., par J.P. Brown, révis. scient. par G. Rodesch et P. Lasjaunias. Bruxelles : De Boeck.
Fréoul, P. (2014, janvier 6). *La première carte corporelle des émotions*. Consulté le mars 2019, à l'adresse http://sante.lefigaro.fr/actualite/2014/01/06/21819-premiere-carte-corporelle-emotions.
Glenberg, A.M., Sato, M., Cataneo, L. *& al* (2008). Processing abstract language modulates motor system activity, in *Q.J. Experimental Psychology (Hove), 61*(6): 905-19.
Greimas, A. (1966). *Sémantique structurale*. Paris : Larousse.

Jacquet-Andrieu, A. (2001). *Cas d'aphasie mixte. Diagnostic neuropsychologique et neurofonctionnel (IRMf), remédiation cognitive, didactique et linguistique*, doctorat de neurosciences/ Neuropsychologie (2 vol.). Lyon : Université Claude Bernard.
Jacquet-Andrieu, A. (2012). *Langage de l'homme. Du diagnostic neuropsychologie à l'action transdisciplinaire*. Saarbrücken : Presses académiques francophones.
Jacquet-Andrieu, A. et Turchet, Ph. (2016). « Paradoxe de la diversité des idiomes et de l'universalité d'une part de leur mimogestualité », in Igor Skouratoff *et al*, *Patrimoine linguistique et culturel des langues romanes : Histoire et actualité*. Moscou (Russie) : Presses de l'Université d'État de la région de Moscou, 374-393.
Jacquet-Andrieu, A. et Turchet, Ph. (2017). « Aspects de la duplication en langage normal ou pathologique. Niveaux de conscience », in Ruggero Druetta, *La Répétition en langue*, DoRiF, 13. Università, Roma octobre 2017, http://dorif.it/ezine/ezine_articles.php?id=360.
Jackosbon, R. (1963). *Essais de linguistique générale*. Paris : Éd. de Minuit.
James, W. (1890). *Principles of Psychology*, 2 vol. London: Macmillan.
Lakoff, G. (1986). *Cognitive Semantics*. Berkeley, CA: Cognitive Science Program, Institute of Cognitive Studies, University of California at Berkeley.
Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago; London: University of Chicago Press.
Lakoff, G., & Johnson, M. (1985). *Les métaphores dans la vie quotidienne*. Chicago, USA : Éd. de Minuit.
Malmberg, B. (1974). *Manuel de phonétique générale*. *Introduction à l'analyse scientifique de l'expression du langage*. Paris : Éd. A. et J. Picard.
Nespoulous, J.-L. (1994). Le Langage : Introduction linguistique, neurolinguistique et neuro-psycholinguistique. Un parcours en quatre étapes, in X. Séron et M. Jeannerod (Éd.), *Neuropsychologie humaine*, Ch. 10. Liège : Mardaga, pp. 317-437.
Novaskova, I. (2015). Les émotions entre lexique et discours, in A. Rabatel, A. Ferra-Léturgie, A. Léturgie. *La sémantique et ses interfaces*, Lambert-Lucas, p. 181-204.
Nummenmaa, L., Glerean, E., Hari, R. Hietanen, J.K. (2014). Dodily maps of emotions, in *Proceedings of the National Academy of Sciences, 2*, vol. 11: 646-651.
Pinker, S. (2013). *Language, cognition, and human nature*: selected articles / Steven Pinker. Oxford; New-York: Oxford University Press.
Pinker, S. (1999). *L'instinct du langage*. Paris, France : Odile Jacob.
Pulvermüller, F., Nikulin, V.V., Ilminiemi, R.J. (2005). Functional link between motor and language, *European Journal of Neuroscience, 21*: 783-797.
Purves G.J. Augustine D., Fitzpatrick (1999). *Neurosciences*. Bruxelles : De Boeck Université.

Raposo, A. Moss, H.E., Stamatakis, E.A. & Tyler, L.K. (2013). Modulation and premotor cortices by action, action words and actions sentences, *Neuropsychologia, 47*: 388-396.
Raymer, A.M., Merians, A.S., Adair, J.C., Schwartz, D.J.G. & Rhoti, J.G. (1999). Crossed Apraxia: Implications for Handedness, *Cortex*, vol. 35-2: 183-199.
Rizzolatti, G. and Arbib, M. (1998) Language within our grasp. *Trends Neuroscience. 21*: 188-192.
Rohrer, D. & Taylor, K. (2006), The effects of overlearning and distributed practise on the retention of mathematics knowledge. *Applied Cognitive Psychology, 20*: 1209-1224.
Rousteau, G. (S. D.). Les liens originels du geste et du langage oral et écrit vus par l'anthropologie du geste de Jousse et les neurosciences. Consulté le 20 août 2019, à l'adresse https://f-origin.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/4089/files/2017/11/Place-du-Geste-dans-la-developpement-du-LO-ET-LE-L.pdf
Routier, C., De Sutter, P., Guéricault, V. et Van Rillaer, J. (2008). *Les nouveaux psys*. Paris, France : les Arènes.
Saussure, F. de (2002/1891). « De l'essence double du langage », in *Écrits de linguistique générale*. Paris : Gallimard.
Saussure, F. de (1916-1922-1986). *Cours de linguistique générale*. Paris : Payot.
Searle, J.R. (1972/1971). *Les actes de langage : essai de philosophie du langage*/trad. [Paris] : Hermann.
Séron, X. et Jeannerod, M. (Éd.). *Neuropsychologie humaine*. Liège : Mardaga.
Shtyrov, Y., Hauk, O. Pulvermüller, F. (2004). Distributed neuronal networks for encoding category-specific semantic information: the mismatch negativity to action words, in *Européen* Journal of neuroscience, https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.0953-816X.2004.03126.x.
Swinney, D.A. & Cutler, A. (1979). The access and processing of idiomatic expressions. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior, 18*(5), 523-534.
Turchet, Ph. (2000). *La Synergologie. Pour comprendre son interlocuteur à travers la gestuelle*. Montréal (Québec) : Éditions de l'homme.
Turchet, Ph. (2009). *Le langage universel du corps : comprendre l'être humain à travers la gestuelle*. Montréal (Québec) : Éditions de l'Homme.
Turchet, Ph. (2010). Non verbal et langage corporel, entre épistémologie et heuristique, *La revue de synergologie*, *2* : 241-260.
Turchet, Ph. (2013). « Préalables épistémologiques à une théorisation du langage corporel », in *Le vécu corporel dans la pratique d'une langue*, *Langages*, 192 : 29-43. Paris : Larousse.
Turchet, Ph. (2017). *Ruptures de compréhension dialogique à partir d'indices corporels. Élaboration d'une grille de signes mimogestuels en contexte*

interculturel exolingue, sous la dir. de Ch. Parisse et A. Jacquet-Andrieu. [Paris] : Université Paris Nanterre.
Varela, F.J. (1979). *Principles of Biological Autonomy*. New York; Oxford; North-Holland.
Varela, F.J. (1989/1979). *Autonomie et connaissance : essai sur le vivant* / Trad. de *Principles of biological autonomy,* par P. Bourgine et P. Dumouchel. Paris : Seuil, 1989.
Versace, R., Brouillet, D., & Vallet, G. (2018). *Cognition incarnée Une cognition située et projetée*. Bruxelles, Belgique : Mardaga.

K. Yaneva-Nedeva
Université Paris Nanterre
UMR 7114 du CNRS – Modèles Dynamique Corpus (MoDyCo)

INTÉGRATION DU NUMÉRIQUE EN DIDACTIQUE DES LANGUES

Résumé. Dans cet article consacré à la didactique des langues et aux différentes façons d'enseigner un idiome, nous définirons d'abord la langue au sens de Saussure (1969/1907), puis le langage et la didactique elle-même. Après un bref historique des diverses méthodes d'enseignement des langues, nous aborderons le numérique en tant qu'outil pédagogique, en lien avec notre étude consacrée à la remédiation cognitive du langage de sujets aphasiques (Yaneva-Nedeva, 2017), fondée sur le *Modèle didactique de remédiation cognitive du langage* (*MDRCL*) de Jacquet-Andrieu (2001, 2012) qui, à notre connaissance, est la première neuro-psycholinguiste et didacticienne des langues, à instituer la notion de préceptorat, à propos de l'autisme et de l'aphasie, trouvant dans la didactique des langues, un substrat pédagogique adaptable à tous les âges, mais aussi aux diverses pathologies de la communication, pour les sujets atteints de troubles du langage.

Mots-clés: langage et langues – didactique des langues – remédiation cognitive – aphasie – préceptorat – numérique

Abstract. In this article devoted to language teaching and the different ways of teaching an idiom, we will first define language in the sense of Saussure (1969/1907), then, the language and teaching itself. After a brief history of the various methods of teaching idioms, we will approach digital as an educational tool, in connection with our study devoted to cognitive remediation of the language for aphasic subjects (Yaneva-Nedeva, 2017), founded on the Jacquet-Andrieu's *Didactic Model of Cognitive Remediation of Language* (*DMCRL*, 2001, 2012) which, to our knowledge, is the first neuro-psycholinguist and language didactician, to institute the notion of preceptorship, with regard to autism and aphasia, finding in language teaching, a pedagogical substrate

adaptable to all ages, but also to various communication pathologies, for subjects with language disorders.

Key words: Language and Languages – Language teaching – Cognitive remediation – Aphasia – Preceptorschip – Numerical

1. Introduction

En nous intéressant de près à la didactique des langues, nous aborderons notre réflexion avec une définition des concepts de langage et de langue naturelle, avant d'aborder plus précisément les méthodes d'enseignement et leur évolution historique, leurs forces et leurs faiblesses. Enfin, notre réflexion, se centrera sur l'utilisation des outils numériques, en didactique, et nous nous interrogerons sur leur apport au vaste paradigme de l'acquisition des langues étrangères et de la réadaptation cognitive du langage pathologique.

2. Langage humain et langues

Le langage est une faculté propre à l'homme, en tout cas sous cette forme. Le sujet parlant use de sa langue maternelle, pour exprimer et communiquer ses pensées, ses sentiments, sensations et émotions ; il dispose pour cela d'un système de signes vocaux et/ou graphiques (Littré, t. 4 : 1431-1432). Pour Saussure (1972/1916) : « Pris dans son tout, le langage est multiforme et hétéroclite ; à cheval sur plusieurs domaines, à la fois physique, physiologique et psychique, il appartient encore au domaine individuel » (*CLG* : 25)[178]. Le philosophe Rousseau ajoute : […] les premiers motifs qui firent parler l'homme furent des passions » (Rousseau, 1867/1781 : 12)[179], « […] mettant en jeu une technique corporelle complexe et supposant l'existence d'une fonction symbolique et de centres corticaux génétiquement spécialisés » (Dubois *et al*, 1973 : 274). « La langue est le parler d'une nation » (*Dict. Littré*, t. 4 : 1436). Il existerait quelque 7000 idiomes parlés sur le globe, souvent regroupés en « familles », en lien avec leurs origines historiques (Calvet, 2011 : 41).

3. Didactique des langues : définitions et quelques notes d'histoire

La didactique[180] des langues, six fois millénaire, se différencie de la pédagogie (art d'éduquer)[181] :

---

[178] Saussure, F. de (1972/1916). *Cours de linguistique générale,* publié par Ch. Bailly et A. Séchehay, p. 25.
Le *Premier Cours de linguistique générale* fut publié en 1907 (*cf.* Références citées).

[179] Rousseau, J.-J. (1967/1781). *Essai sur l'origine des langues*. Paris : Bibliothèque du Graphe. http://www.espace-rousseau.ch/f/textes/origine_des_langues.pdf

[180] Didactique : terme emprunté au grec (*didaskein*) et qui signifie l'art d'enseigner (Littré, t. 2 : 39).

> […] qui est une activité impliquant une relation entre l'enseignant et l'apprenant, qui met l'accent sur des aspects psychoaffectifs et non sur la mise en œuvre de moyens d'enseignement… Il ne s'agit plus seulement de l'appropriation d'éléments linguistiques et du développement des compétences, mais aussi de la construction de l'individu par exemple comme adulte ou comme citoyen (Martinez, 1996 : 4-5).

La didactique ne peut se concevoir qu'à travers un ensemble de concepts et de principes qui permettent à l'enseignant d'optimiser les processus d'acquisition/ apprentissage d'une langue étrangère, lesquels sont appelés *curriculum* ou méthode, programme d'enseignement. L'objectif de la didactique (ou art d'enseigner) est de faire des choix, dans des contextes variés, face à des apprenants très divers (âge, niveau d'études, attentes et objectifs (*Ibid*., pp. 5-6).
Aujourd'hui, l'utilisation des outils multimédias apparaît comme une évidence. Cependant, il s'agit de garder un regard critique sur leur qualité et leur pertinence pédagogique, en fonction du public, auquel ils sont destinés, et des pratiques linguistiques visées.

4. Notes brèves sur l'Histoire de la didactique des langues

En Mésopotamie, quatre millénaires avant notre ère, les premières traces d'une didactique des langues se lisaient en sumérien, la plus ancienne langue écrite connue (Germain, 1993). Dans l'Égypte Ancienne, l'enseignement des langues concernait surtout l'écrit : le Ma'at (doctrine de la vérité et de l'ordre), déjà très éloigné alors de la langue parlée.
Au Moyen-Âge, l'écrit concernait plutôt les besoins de l'église, puis à la Renaissance, des humanistes comme Rabelais, Érasme, Montaigne, soutinrent l'idée que l'enfant doit être formé à la langue orale et écrite, de manière continue, dans le respect de ses aptitudes et des nécessités de son développement (Calvet, 1996).
Montaigne réinventa l'éducation à partir de *moralisa* : un apprentissage fructueux est celui dont les connaissances sont présentées progressivement, correctement graduées, pour éviter de lasser l'apprenant ; enseigner sans inculquer de dogme.
En 1638, Komensky (dit *Comenius*) intégra l'image dans la didactique des langues. Sans doute fut-il le premier à avoir eu recours à l'audiovisuel. Il associait « l'oreille et l'œil, la langue et la main […], les idées, les mots et les gestes » (Prévost, 1981 : 33).
Adaptée au XXIe siècle, sa didactique, largement revendiquée par les didacticiens d'aujourd'hui, reprend tout son sens, qu'il s'agisse de l'image ou de l'adaptation « du système éducatif à la personnalité de l'élève, quel que soit son âge et son niveau ». Le *curriculum* de Comenius permettait déjà une

[181] Littré, *op. cit*., t. 5 : 1612-1613.

« pédagogie faite de nuances et de mesures, en fonction de l'individualité de l'enfant » (Denis, 1992 : 73-74).
Au milieu du XIXe siècle, dans le monde anglo-saxon et germanique, la méthode dite « grammaire-traduction » est apparue. Dans la seconde moitié du XIXe siècle, s'inspirant de Montaigne, Gouin (1880) pratiquait une didactique du dialogue, dans le respect de la période d'incubation (décalage naturel entre les niveaux de compréhension et d'expression), mettant en exergue le rapport de cause à effet et la chronologie, pour la structuration de la pensée et de l'argumentation.
Au XXe siècle, en France, l'enseignement traditionnel des langues était la norme : grammaire, traduction, explication de vocabulaire et de texte, peu de langue orale (Puren, 1988) : le rôle du professeur (maître) était de transmettre le système linguistique, à travers des auteurs et des textes littéraires, et l'enseignement se centrait surtout sur l'apprentissage de la langue écrite.
Cette pédagogie prônait l'imitation « pédagogie du modèle », sans permettre le développement d'une compétence de communication car les activités étaient coupées de la réalité de l'interaction en situation (Puren, 1988 : 36 *et sq*.).
Aujourd'hui, la didactique des langues s'oriente vers d'autres voies, avec le développement de la neuropsychologie (Séron *et al*, 1994), de la neuro-psycholinguistique du langage normal et pathologique (Nespoulous, 1994 ; Jacquet-Andrieu, 2001, 2012 ; Jacquet-Andrieu et Turchet, 2017). On aborde l'ensemble des activités mentales : perception, psychomotricité, pour décrire les processus de l'acquisition/ apprentissage, où l'intention, l'attention et la mémoire jouent un rôle capital. Dans chaque séquence, les connaissances nouvelles s'appuient sur les connaissances antérieures des apprenants, ce qui permet une mémorisation fiable, sur le long terme : progression dite « en spirale » (Yaneva-Nedeva, 2017).
Une réutilisation de notions, dans de nouveaux contextes, améliore les processus de récupération des connaissances déclaratives, sur le plan mnésique, et leur automatisation s'instaure peu à peu, sans conditionnement. L'utilisation de divers supports et, entre autres, du numérique sont efficaces, à condition de développer de bonnes pratiques.

5. Numérique et didactique des langues en remédiation cognitive

Aujourd'hui, le numérique véhicule une image de modernité. Cependant, il doit s'insérer dans un scénario pédagogique cohérent et se centrer sur l'apprenant, sur ses attentes et ses objectifs, comme nous l'avons mentionné plus haut. Il fit son apparition dès la création des méthodes audiovisuelles, dans les années 30 du XXe siècle, aux États-Unis (Broocks, 1929), et un peu plus tard, en Europe, entre 1940 et 1980, avec Guberina (1939[182], 1965, 1984).

[182] Petar Guberina, Pr de français à l'université de Zagreb (Croatie), soutint sa thèse de doctorat en 1939 : « *Valeur logique et valeur stylistique des propositions complexes. Théorie générale et application au français* » (*cf.* réf. citées).

Puren (1888 : 348) évoque également le Béhaviorisme et deux courants (Watson, 1924)[183], aux États-Unis et Bekhrerev (1913), en Russie qui, sans concordance absolue, développeront une psychologie des apprentissages, d'orientation comportementaliste et objective, respectivement. Dans ce contexte Kantor (1936)[184] apportera le concept de « *objective psychology of grammar* » (psychologie objective de la grammaire). Le numérique résulte donc de plusieurs courants de la recherche en didactique des langues, venus des États-Unis, d'Europe et de Russie, en lien étroit avec la linguistique générale, structurale de la fin du XIXe siècle et de la première moitié du XXe.

Pour l'application de cette conception psychologique de l'enseignement des langues, les concepteurs de cours audiovisuels ont d'abord eu recours à l'électronique. En ce sens, la didactique se faisait ainsi l'écho de la théorie de Comenius, avec l'introduction de films à images fixes, associés à des séquences phoniques spécifiques, enregistrées sur bande magnétique (Guénot, 1964 : 103). C'était l'avènement de la méthode structuro-globale audio-visuelle (SGAV), née de la rencontre de Guberina et Rivenc, puis d'une vaste collaboration (Gougenheim *et al*, 1956). Un peu plus tard, Coste (1976, 1978) distinguait deux types d'images déjà présentes dans le SGAV : « images-situations » et « images-traductions ». Ces prémisses issues de l'électronique, puis du numérique d'aujourd'hui ont donné un nouveau souffle à la didactique des langues, ainsi dégagée de ses contextes plutôt artificiels, pour embrasser les situations du quotidien (Andlauer *et al*., 2018).
Un autre point intéressant concerne le rythme de travail, sa nature, à tous les niveaux : où, quand, comment, pourquoi et pour qui s'organise une activité langagière ? Quelle chronologie didactique choisir, fondée sur quels supports pédagogiques ? L'accès au support numérique, son choix et sa manipulation, dans telle ou telle circonstance d'apprentissage, facilite la diversification de l'enseignement choisi (Demaizière et Dubuisson, 1992 ; Dejean-Thircuir & Nissen, 2013).
Si l'on se réfère à la prosodie, par exemple, le numérique facilite l'écoute attentive, pour, en insistant sur les traits spécifiques des sons du langage, exercer l'oreille à leur différenciation phonologique. Grâce aux exercices d'écoute, l'apprenant accèdera à la prononciation et à l'intonation pertinentes, dans un contexte donné. Le numérique permet également aux apprenants d'exploiter une grande variété de sources, celles du manuel, mais aussi un grand nombre d'autres, accessibles dans un choix élaboré par l'enseignant qui reste maître du *curriculum* ou programme.

---

[183] Psychologie du comportement : courant développé au XXe siècle avec Watson (1924), aux États-Unis et, dans une orientation un peu différente, par Bekhterev (1913), en Russie, précurseur de la psychologie objective.
[184] Kantor développera *"An objective psychology of grammar"* (1936), reprise en 1952.

La diversité des sources audio ou vidéo numériques apporte donc une palette infinie de variations d'un idiome ; elle permet également un travail systématique sur les différences entre son système phonologique et sa proximité ou non avec l'écrit, son actualisation scripturale (Detey *et al* (2009).
De nos jours, les didacticiens des langues ont presque toujours recours aux outils numériques, ce que corrobore notre expérience, à l'université ; nous avons régulièrement utilisé ces supports, lors de la didactique des langues que nous avons appliquée à la remédiation cognitive, auprès d'une personne aphasique, Élisabeth[185] (Yaneva-Nedeva, 2017), didactique qui, de son propre aveu, l'a aidée sur le plan de la compréhension, en particulier, grâce à un approfondissement strictement conçu et adapté à ses attentes et besoins.
Lors de nos nombreuses séances (47), nous avons travaillé sur plusieurs épreuves similaires aux épreuves de Grosjean *et al* (1997**)** : la discrimination de sons, l'analyse du temps des verbes, la compréhension de mots, dans divers types de contextes, à partir de supports numériques. Par exemple, lors de l'avant dernier entretien, consacré à la mode, nous avons visionné la bande-annonce du film *Saint Laurent* (la Haute-Couture passionne Élisabeth), nous avons travaillé sur la discrimination phonologique, nécessaire pour éviter des confusions de mots[186]. Nous avons revu les adverbes, commenté quelques costumes de scène et réalisé des exercices à trous, en utilisant le vocabulaire de la Haute-Couture (Yaneva-Nedeva, 2017 : 146-149 sq.). Joindre l'utile à l'agréable est aussi un choix didactique.

6. Conclusion

Dans ce bref exposé, le propos était d'évoquer la didactique des langues, science humaine plusieurs fois millénaire, nous en avons retracé brièvement l'histoire et les méthodes d'enseignement : la didactique des langues apporte à l'apprenant les bases de la connaissance d'un idiome, ses règles sémantico-grammaticales, mais aussi la culture et la philosophie de ses locuteurs naturels. Le recours au numérique est pertinent, dès lors qu'il permet un enrichissement de la pédagogie et de la didactique afférente ; le terme « innovation » lui est fréquemment associé. En appliquant la didactique des langues à la pathologie du langage (Jacquet-Andrieu, 2001, 2012), plus précisément à l'aphasiologie (Yaneva-Nedeva, 2017), nous nous situons clairement sur un axe novateur dudit paradigme, en particulier, « *Quand la langue maternelle devient langue étrangère* » (Jacquet-Andrieu, 2014b), au décours d'un AVC. Pour ce faire, le recours à divers supports, le numérique en particulier, est essentiel, pour rester en adéquation avec des objectifs précis de progression ou de maintien de la communication qui s'inscrivent dans un scénario pédagogique cohérent.

---

[185] Professeur de français et d'espagnol, aphasique depuis quinze ans, à la suite d'un accident vasculaire cérébral (AVC), au moment de notre étude.
[186] Nombre de sujets atteints d'une aphasie motrice, de production (Broca, pour dire les choses simplement) souffrent de troubles de l'articulation du langage, liés à leur paralysie de l'hémicorps droit.

7. Références citées

Références générales

Dubois, J., Giacomo, M., Guespin, L. *et al* (1973). *Dictionnaire de linguistique* (Éd. orig.). Paris : Larousse.
Littré, É. (1839-1861). *Dictionnaire de la langue française*. Paris : J.J. Paubert (1-4), Gallimard-Hachette (5-7), 1956-1958.

Oeuvres

Érasme (1529). *De pueris statim ac liberaliter educandis*. Bâle : Froben, traduction en français : Déclamation contenant la manière de bien instruire les enfants dès leur commencement, avec un petit traité de la civilité puérile, le tout translaté nouvellement de latin en français, par P. Saliat, Paris, S. de Colines, (1537) ; réédité par B. Jolibert, (1990). Paris : Klincksieck.
Montaigne M. de (1950/1595). « De l'institution des enfants », in *Essais*, Livre premier, Chap. XXVI. Paris. « La Pléiade », pp. 176-212.
Rabelais, F. (1997/1542). *Pantagruel*, édition critique sur le texte de l'édition publiée à Lyon en 1542 ; introduction, textes et notes par Floyd Gray. Paris : H. Champion. 1 vol. (263 p.) (Texte en moyen français et introd. en français moderne.
Rabelais, F. (1970/1534). *Gargantua*, première édition critique faite sur l'*Editio princeps*, texte établi par Ruth Calder, avec introduction, commentaires, tables et glossaire par M.A. Screech, préf. par V.-L. Saulnier. Genève : Droz ; Paris : Minard.
Rousseau, J.-J. (1967/1781). *Essai sur l'origine des langues*. Paris : Bibliothèque du Graphe. http://www.espace-rousseau.ch/f/textes/origine_des_langues.pdf
Rousseau, J.J. (1781). *Essai sur l'origine des langues. Où il est parlé de la mélodie et de l'imitation musicale*. Genève (Œuvres posthumes de J. J. Rousseau, t. III, pages 211-327, et dans les Traités sur la musique de J.J. Rousseau, pp. 209 à 325).

Ouvrages et articles

Andlauer, L., Thiault, F. et Bolka-Tabary, L. (2018). Apprendre avec le jeu numérique Minecraft.edu dans un dispositif interdisciplinaire en collège, *Sciences du jeu, 9*. DOI : 10.4000/sdj.1057.
Bekhterev, V. (2008/1913). *La psychologie objective, Encyclopédie psychologique*. Paris : L'Harmattan.
Broocks, N. (1929). *Language and language learning theory and practice*. New-York : Harcourt Brace.
Calvet, L-J. (2011). *Il était une fois 7000 langues*. Paris : Fayard.
Calvet, J-L. (1996). *Histoire de l'écriture*. Saint-Amaud-Montrod : Plon.
CECRL (2001). *Cadre Européen Commun de Référence pour les langues : apprendre, enseigner, évaluer*. Strasbourg : Conseil de l'Europe / Unité des politiques linguistiques. www.coe.int/lang-CECR.
Comenius, J.A. [Yan Amos Komensky] (1952/1638). *La Grande Didactique ou l'art universel de tout enseigner à tous*/Introd. et trad. par J.B Piobetta. Paris : PUF.

Coste, D. 1978). « Lecture et compétence de communication », in *Le français dans le Monde*, 141. Paris : Larousse.
Coste, D. (1976). *Un niveau seuil : systèmes d'apprentissage des langues vivantes*. Strasbourg : Conseil de la coopération culturelle du Conseil de l'Europe.
Dejean-Thircuir, C. et Nissen, E. (2013). Évolutions technologiques, évolutions didactiques, *Le Français dans le monde, recherches et applications*, 28-40. http://edutice.archives-ouvertes.fr/edutice00978035
Demaiziere, F. et Dubuisson, C. (1992). *De l'EAO aux NTF. Utiliser l'ordinateur pour la formation*. Paris : Ophrys.
Denis, M. (1992). *Un certain Comenius*. Paris : Publisud.
Detey, S., Lyche, C., Tchobanov, A., Durand, J. et Laks, B. (2009). *Ressources phonologiques au service de la didactique de l'oral : le projet PFC-EF*. Mélanges CRAPEL, 31, 224-236.
Germain, C. (1993). *Évolution de l'enseignement des langues : 5000 ans d'histoire*. Paris : CLE international. Coll. « Didactique des langues étrangères».
Gouin, F. (1880). *L'art d'enseigner et d'étudier les langues*. Paris : Lib. Fischbacher.
Gougenheim, G., Michéa, R., Rivenc, P. et Sauvageot, A. (1956). *L'élaboration du français élémentaire : étude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base*. Paris : Didier.
Grosjean, F., Hirt, C., Monnin, P. *et al* (1997). « Élaboration d'une batterie de tests de compréhension orale en temps réel pour sujets aphasiques : les deux premières épreuves », in *Revue de Neuropsychologie, 7*(3), 313335.
Guberina, P. (1954/1939). *Valeur logique et valeur stylistique des propositions complexes. Théories générales et application au français*. Zagreb : Epoha (1e éd. 1939).
Guberina, P. (1965). « La méthode audio-visuelle structuro-globale », in *Revue de Phonétique Appliquée*, 1.
Guberina, P. (1984). *Bases théoriques de la méthode audiovisuelle structuro-globale* (méthode Saint-Cloud – Zagreb), Une linguistique de la parole, in D. Coste, *Aspect d'une politique de diffusion du français langue étrangère depuis 1945. Matériaux pour une histoire*. Paris : Hatier, pp. 85-98.
Guénot, J. (1964). *Clefs pour les langues vivantes*. Paris : Seghers.
Jacquet-Andrieu, A. (2012). *Langage de l'homme. De l'étude pluridisciplinaire à l'action transdisciplinaire* (publication thèse d'HDR, 2008). Saarbrücken : Presses académiques francophones.
Jacquet-Andrieu, A. (2013). Sujet/patient aphasique. Éthique pour un parcours de remédiation cognitive unitaire, in Bernard Cadet, Gérard Chasseigne, Caroline Girodeau et Ali Smida, Ed. *Éthique, risque et décision*. Paris : Publibook, pp. 205-224.

Jacquet-Andrieu, A. (2014a). “the aphasic patient. vulnerability and/or exclusion”, *Culture, Medicine & Psychiatry*, 38(1), New York, Springer, 2014: 60-76.
Jacquet-Andrieu, A. et Turchet, Ph. (2017). Aspects de la duplication en langage normal ou pathologique. Niveaux de conscience, in Ruggero Druetta, *La Répétition en langue*, DoRiF, 13. Università, Roma octobre 2017, http://dorif.it/ezine/ezine_articles.php?id=360.
Kantor, J.R. (1952). *An objective psychology of grammar* (Ed. orig. 1936). Bloomington: The Principia Press.
Martinez, P. (1996). *La didactique des langues étrangères*. Paris : Presse Universitaire de France.

Nespoulous, J.-L. (1994). Le Langage : Introduction linguistique, neurolinguistique et neuro-psycholinguistique. Un parcours en quatre étapes, in X. Séron et M. Jeannerod (Éd.), *Neuropsychologie humaine*, Ch. 10. Liège : Mardaga, pp. 317-437.

Prévost, J. (1981). *L’utopie éducative. Comenius*. Paris : Belin.

Puren, CH. (1988). *Histoire des méthodologies de l’enseignement des langues*. Paris : Nathan-CLE international.

Saussure, F. de (1996/1907). *Premier cours de linguistique générale,* d’après les cahiers d’A. Riedlinger, éd. par E. Komatsu. Tokyo : Pergamon.

Saussure, F. de (1972/1916). *Cours de linguistique générale*, publié par Ch. Bailly et A. Séchehay. Paris : Payot.
Séron, X. et Jeannerod, M. (Éd.). *Neuropsychologie humaine*. Liège : Mardaga.
Watson, J.B. (1972/1924). *Le Béhaviorisme/*trad. de l’édition rev, 1958. Paris : CEPL.

Littérature grise

Jacquet-Andrieu, A. (2014b). *Quand la langue maternelle devient langue étrangère. Pour une éthique du vivre en situation de handicap ouverte aux Sciences humaines et sociales en cas d’aphasie*, sous le dir. de Ch. Hervé, Université Paris Descartes, 3 vol. (Texte, 1 vol. Ann. et 1 vol. de publications, disponible auprès de l’auteur).

Jacquet-Andrieu, A. (2001), *Cas d’aphasie mixte. Diagnostic neuropsychologique et neurofonctionnel (IRMf), remédiation cognitive, didactique et linguistique*. Doctorat de Neurosciences/Neuropsychologie. Lyon : UCBL.

Yaneva-Nedeva, K. (2017). *Étude d’un cas d’aphasie soudaine & préceptorat de remédiation cognitive en 47 leçon*s, sous la direction d’A. Jacquet-Andrieu et J. Colloc. Nanterre : Université Paris Nanterre.

УДК 37.012

С.М. Кащук
МГУ имени М.В. Ломоносова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ УЧЕБНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье дано теоретическое обоснование необходимости вычленения новых функциональных разновидностей речевой деятельности, представлен опыт интеграции в процесс обучения иностранным языкам современных цифровых технологий, позволяющих их формировать. Автор затрагивает вопрос появления новых учебников иностранного языка, позволяющих вести параллельное обучение всем видам речевой деятельности в реальном и цифровом учебных пространствах.

Ключевые слова: лингводидактика, кибераудирование, кибер-говорение, киберчтение, киберписьмо

S.M. Kashchuk
Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONAL TYPES OF SPEECH ACTIVITY IN THE DIGITAL LEARNING SPACE

Abstract. The article provides a thinking of the need to select new functional types of speech activity. It describes the experience of integrating modern digital technologies into the process of foreign language teaching that allow them to be formed. The author addresses the issue of new foreign language textbooks that enable concurrent teaching of all types of speech activity in real and digital learning spaces.

Keywords: linguodidactics, cyber listening, cyber speaking, cyber reading, cyber writing

В третьем тысячелетии практически завершился переход от аналоговых к цифровым технологиям. Это позволило расширить коммуникационную среду. Сегодня коммуникация осуществляется не только в реальном, но и в цифровом пространстве, наиболее удобной и доступной среде для общения. Во время пандемии коронавируса в 2020 году коммуникация в цифровом пространстве стала единственно возможным способом общения в повседневной, профессиональной и учебной деятельности. В этот период организуется практически всемирное дистанционное обучение, в том числе и иностранным языкам. Отметим,

что даже в ситуации всемирной изоляции, компьютерные технологии с их огромным дидактическим потенциалом, не в состоянии заменить всех преподавателей, но часть из них, безусловно, заменят другие, более конкурентоспособные преподаватели, владеющие искусством интегрировать компьютерные технологии в систему образования, в нашем случае, в систему языкового образования. На первый план сегодня выходят преподаватели, обладающие профессиональной мультимедийной языковой компетенцией, то есть способностью выстраивать процесс обучения вне рамок классной комнаты, в цифровом учебном пространстве.

Гипотеза:

XXI век – век цифровых технологий и информационного общества, век, в котором язык как средство общения начинает функционировать в цифровом пространстве. Полагаем, что появление и развитие цифрового пространства не может не отразиться на основах лингводидактики. Пристальное внимание на протяжении нескольких десятилетий уделяется, в частности, вопросу появления новых функциональных разновидностей видов речевой деятельности: кибераудирования, киберговорения, киберчтения, киберписьма.

Методы исследования:

Основными методами исследования в нашем случае являются:

- обзор научных исследований в области лингводидактики, -

- анализ классических подходов к вопросу формирования основных видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения и письма);

- анализ трансформации данных видов речевой деятельности и появления их функциональных разновидностей (кибераудирования, киберговорения, киберчтения, киберписьма);

- определение на основе анализа научной литературы функциональных разновидностей видов речевой деятельности;

- практическая апробация выводов научного исследования, подтверждающая возможность и необходимость формирования у учащихся XXI века навыков кибераудирования, киберговорения, киберчтения, киберписьма.

Основная часть исследования

Киберчтение

Появление и широкое распространение цифровых технологий оказало существенное влияние на все сферы человеческой жизни. Появился новый формат книг, новые возможности хранения накопленного культурного наследия. Понятие «культура» сегодня рассматривается в статичной и динамичной плоскостях. В статичной плоскости понятие «культура» представляет собой определенное количество информации о развитии человечества. В динамичной плоскости понятие «культура»

рассматривается как продукт человеческой деятельности, творчества в постоянной динамике.

Культурная составляющая продолжает оставаться основой современного информационного общества. Таким образом, текст, являясь культурным продуктом человеческой деятельности, также представлен сегодня статичной и в динамичной плоскостях. Благодаря современным мультимедиа технологиям появилось новое цифровое пространство для создания и распространения текста. Появление нового текстового цифрового пространства, несомненно, требует осмысления как с философской, так и с дидактической точек зрения. В настоящее время перед преподавателями иностранных языков встаёт вопрос: каковы перспективы использования иноязычного текста в гипертекстовом формате в преподавании иностранных языков?

Важным является также вопрос о том, какие изменения претерпит сам процесс чтения, насколько чтение цифрового текста в киберпространстве (киберчтение) отличается от чтения текста на бумажном носителе?

Известный русский дидакт Рюрик Константинович Миньяр-Белоручев выделяет три вида чтения:

- *учебное чтение* используется на начальных этапах обучения с целью научить складывать из букв слова, правильно произносить слова и предложения, приобрести необходимую беглость чтения;
- *информативное чтение* имеет своей целью извлечение информации из текста. Если извлечение смысловой информации не требует дискурсивных процессов и происходит автоматизировано, то можно говорить о поисковом чтении. Если извлечение смысловой информации требует тщательного прочтения и анализа, то поисковое чтение уступает место изучающему;
- *динамическое чтение*, которое определяется как поисковое, осуществляемое в высоком темпе. Основной целью динамического чтения, которое Миньяр-Белоручев называет еще целеустремленным чтением, является выделение наиболее существенного из прочитанного [17].

J. P. Carrier отмечает, что процесс чтения, как зрительного восприятия и понимания письменной речи, будет эволюционировать с развитием технических возможностей мультимедиа технологий [8]. В связи с этим встает вопрос: насколько смена носителя информации (переход от бумаги к цифровому формату) способна изменить поведение читателя? Рассмотрим более подробно этот вопрос.

Поскольку текст на экране компьютера представлен в формате гипертекстового документа, то он отличается от напечатанного на бумаге возможностью внесения изменений и дополнений в любой момент чтения. Два читателя, имеющие равные технические возможности, не прочтут одинаково один и тот же текст в цифровом формате, поскольку каждый

сможет *дополнять/не дополнять* его информацией *проходя/не проходя* по ссылкам в соответствии с собственными предпочтениями, социальным опытом, образованностью, любознательностью и т.д. Таким образом, сегодня можно говорить о существовании новой функциональной разновидности чтения – **киберчтения**.

Как мы отметили выше, основой динамического чтения является процесс извлечения информации из текста, происходящий автоматизировано и в высоком темпе. Основой киберчтения можно считать динамическое чтение текста на экране компьютера с использованием гиперссылок. Отметим, что цель всех перечисленных выше видов чтения – поиск и извлечение информации из прочитанного. Разница заключается лишь в скорости данных процессов и активности читателя, которая существенно возрастает в процессе киберчтения.

Сегодня уже можно говорить об авторах виртуальных литературных произведений. В настоящее время немало франкофонных виртуальных авторов предлагают свои гипертекстовые романы в Сети. Гипертекстовый роман Lucie de Boutiny под названием «NON_roman multimédia» имел большой успех у франкофонных читателей [21].

Киберписьмо

В течение последних двух десятилетий проблема обучения письму представляет особый интерес для специалистов в области обучения иностранным языкам в свете развития и интеграции современных технологий в процесс обучения. «Méta-écriture» («метаписьмо»), «espace textuel» («текстуальное пространство»), «visio – texte» («видеотекст») – эти новые понятия, введенные Jacques Anis, показывают, что с появлением мультимедиа технологий письмо как объект обучения претерпевает значительные изменения [3, 5, 14]. Обратимся к исследованиям, проводимым в области «l'écrit numérique» (« цифрового письма»). Nicole Marty отмечает, что научная работа велась в данной области по нескольким направлениям, в результате чего были определены дидактические, семиологические и семиолингвистические *перспективы* цифрового письма.

Дидактические перспективы

Анализ современных подходов в обучении письму мы находим в работах французского специалиста Christine Barré de Miniac [7]. Автор обращает внимание на то, что в современных школах, по сути, идёт не процесс обучения письменной речи, а преподавание так называемых «sous-systèmes de la langue» (языковых подсистем): орфографии, грамматики, лексического запаса, спряжения глаголов и т. д. Основная трудность для учащегося, по мнению автора, заключается в том, что письменная речь – это многоаспектный культурный продукт, отличающийся от речи устной. Основным вопросом является переход от простого составления и

редактирования письменного текста (довольно часто встречающаяся практика при обучении письму) к методике обучения [11, 9, 1, 2].

Дидактические модели обучения письменной речи должны способствовать организации эффективной работы учащихся (организация самоконтроля, разработка педагогического проекта, требующего использования письменной речи), а также в полной мере учитывать характер предложенного к написанию текста (рассказ, описание, инструкция, аргументация…). Nicole Marty подчеркивает, что исследования в области психолингвистики доказали важность и эффективность процесса коллективного письма с использованием возможностей современных мультимедиа технологий в учебных заведениях, где происходят общение, обмен опытом и формирование коллективного знания [16].

Великий русский психолог, педагог Лев Семёнович Выготский видел основную роль учителя в посредничестве между учащимся и знанием. В случае обучения письму с интеграцией мультимедиа технологий роль учителя-посредника заключается в создании ситуации, в которой письменное высказывание будет востребованным, а сложность поставленной коммуникативной задачи будет находиться в «зоне ближайшего развития» ребёнка [20].

Семиологические перспективы

Отметим, что вопросы специфичности письма на экране компьютера, уточнения понятии текстового пространства, особой роли, которую играет изображение в Интернете требуют сегодня дополнительного уточнения. Данные семиологические направления отражены в работах двух современных лингвистов Anne-Marie Christin и Roy Harris [12].

Anne-Marie Christin отмечает, что с самого момента возникновения письменная речь обладает определённой автономностью по отношению к устной речи. Появление компьютеров влечёт за собой очередную революцию в области письма, поскольку совершенствование технических средств полностью изменяет саму природу письма. Сегодня письмо становится «нематериальным», поскольку имеет место «дематериализация знака» [10]. Читаемый знак представляет собой лишь следствие искусственных операций на компьютере. Знак становится мобильным, интерактивным, делокализованным, легко воспроизводимым, а также нестабильным и не оставляющим следов. «Компьютерное письмо страдает амнезией, оно не фиксирует ход мысли (…) оно становится коллективным, становится объектом использования как в планетарном, так и в личном масштабах.») [16]. Лингвист Roy Harris в своём труде «La sémiologie de l'écriture» развивает идею об автономности письма, которая входит в противоречие с утверждением Ferdinand de Saussure о том, что единственным предназначением письма является отражение устного языка [19]. Согласно же Roy Harris, письменная коммуникация приобрела

сегодня значение более важное, чем коммуникация устная. Более того, устная форма языка в современном мире интегрируется в новую аудиовизуальную форму при доминировании визуального компонента [12].

Семиолингвистические перспективы

Jacques Anis развивает идею о появлении семиолингвистики, которая, опираясь на семиологию, позволяет проанализировать знаки письма, что в свою очередь выводит на систему невербальных знаков. Данный подход, как отмечает учёный, позволяет говорить о возникновении нелинейного текста на экране компьютера и появлении концепции «visio – texte». Концепция «visio-texte» изучает тексты, располагающиеся в нелинейном пространстве и содержащие изображения [4].

Jacques Anis и его последователи вводят также понятие «espace graphique» («графического пространства»), определяя его как область семиолингвистического письма, то есть «объединение черт, которые характеризуют их материализацию на письменной основе, а также отношения, которые выстраиваются между этими чертами и значением» [6].

Nicole Marty отмечает, что семиотическая концепция легла в основу изучения компьютерного письма (l'écriture informatique) [16], которое, по мнению Jacques Anis, легко перемещается сегодня с экрана на бумагу и с бумаги на экран компьютера. Кроме того, текстовый редактор рассматривается Jacques Anis как «méta-écriture» («метаписьмо»), поскольку набор текста на компьютере требует владения большим количеством навыков, чем написание текста на бумажном носителе, а сам текст может свободно переместиться в цифровую плоскость.

В связи с появлением нового цифрового пространства текста сам процесс письма также претерпел изменения, поскольку появились новые взаимоотношения между пишущим и окружающим его цифровым пространством, между пишущим и метатекстуальным орудием письма – компьютером. Отметим, что если письмо определяется известным отечественным специалистом в области методики обучения иностранным языкам Рюриком Константиновичем Миньяр-Белоручевым как «продуктивный вид речевой деятельности, объектом которого является письменная речь» [18], то новая функциональная разновидность письма – **киберписьмо** - мы можем определить как продуктивный вид речевой деятельности, объектом которого является письменная речь, функционирующая в цифровом пространстве.

Кибераудирование / говорение

Рассматривая вопрос обучения аудированию и говорению на уроках иностранного языка, необходимо отметить, что, не смотря на развитие современных коммуникационных мультимедийных технологий, психические процессы аудирования и говорения не претерпели

значительного изменения. Аудирование, согласно определению Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева, предполагает слуховое восприятие речи с ее пониманием, а говорение характеризуется продуктивностью (репродуктивностью) и использованием устной формы речи [18]. В круг наших интересов не входит рассмотрение самих процессов аудирования и говорения как сложно организованных психических процессов, которые подробно изучены учёными российской и зарубежной методической школы, мы более подробно рассмотрим учебные ситуации, в которых обучаемые могут эффективно использовать иностранный язык для устной формы коммуникации в цифровом пространстве.

Сегодня обучение иностранному языку с интеграцией возможностей мультимедиа технологий позволяет сформировать навыки аудирования и говорения практически в реальной ситуации общения в цифровом иноязычном пространстве, то есть в той ситуации, в которой изучающий иностранный язык впоследствии будет его использовать. Интеграция в процесс обучения современных цифровых приложений позволяет организовывать как контактное аудирование (устное интерактивное общение), например с помощью *Skype,* так и отсроченное во времени аудирование, например с помощью приложения «Audioboo», а также прослушивание аудиотекстов (со зрительной опорой или без) учебных сайтов, предназначенных для работы на разных уровнях обучения.

Как показала практика, наиболее эффективной с точки зрения формирования мотивации учащихся является возможность непосредственного общения изучающих иностранный язык с носителями языка (контактно и дистантно). Важной составляющей говорения является, согласно Алексею Алексеевичу Леонтьеву, Антонине Григорьевне Крупко речевое намерение [15, 13]. Именно возможность непосредственного общения со сверстниками из страны изучаемого языка больше всего мотивирует учащихся к устному общению на иностранном языке и способствует эффективному формированию навыков говорения. Современные цифровые коммуникационные технологии предоставляют такую возможность.

В качестве примера возьмём приложение «Audioboo», которое является в области устной коммуникации тем, чем сегодня является Twitter в области письменной коммуникации. Данное приложение позволяет записывать устные сообщения, так называемые «boos», и обмениваться ими с участниками виртуального сообщества «Audioboom». Особо нужно отметить возможность обмениваться устными отсроченными во времени сообщениями («boos»), примерно также, как это происходит с обменом электронными письмами. Практика интеграции данного приложения Веб 2.0 в процесс обучения французскому языку студентов факультета государственного управления российского вуза «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» подтвердила, что

приложение «Audioboom» может эффективно использоваться для формирования навыков аудирования / говорения как на начальном (уровень А 1 – А 2 в соответствии с CECRL [22]), так и на продвинутых этапах обучения (уровень В 1 – С 1 в соответствии с CECRL [22]).

Как мы уже отмечали выше, сами процессы аудирования и говорения на иностранном языке, как сложные психические процессы, не претерпели изменений с появлением новых коммуникационных цифровых технологий, в отличие от чтения и письма гипертекстовых документов, существующих в многоуровневом пространстве. Это происходит потому, что физическая природа звука не изменилась (изменились лишь источники аудиотекстов). Однако, для полноценного использования современных аудиоканалов цифрового пространства, позволяющих создавать, обмениваться и хранить аудиотексты, учащиеся должны обладать дополнительными навыками, позволяющими полноценно использовать современные приложения Веб 2.0. Именно поэтому мы можем говорить о появлении новой функциональной разновидности аудирования – кибераудирования, а также новой функциональной разновидности говорения – киберговорения. Под **кибераудированием** мы понимаем слуховое восприятие речи (контактно или дистантно), записанной в цифровом формате и переданной по аудиоканалу, и ее понимание. Под **киберговорением** мы понимаем использование устной формы речи для установления контакта и взаимопонимания с целью обмена информацией (контактно или дистантно) в цифровом пространстве.

После определения новых функциональных разновидностей речевой деятельности возникает вопрос: каким образом можно их формировать? Формирование кибераудирования, киберговорения, киберчтения и киберписьма происходит в рамках использования в учебном процессе нового поколения учебников иностранного языка, так называемых учебников-гибридов, позволяющих организовать процесс обучения параллельно в реальном и цифровом учебном пространствах. Так, например, авторы предлагают в конце каждого дидактического единства выполнять коммуникативную задачу в цифровом учебном пространстве совместно всем учащимся, которые изучают данный иностранный язык по данному учебнику в разных странах. Первое поколение учебников – гибридов французского и других иностранных языков выпущено издательством « Éditions Maison des Langues».

Выводы

Из вышесказанного очевидно, что вопрос формирования кибер-аудирования / говорения / чтения / письма является открытым и нуждается в дополнительной проработке. Однако, нет никакого сомнения в том, что данные функциональные разновидности видов речевой деятельности существуют и им нужно уделять внимание в процессе языкового образования, поскольку, как показала практика интенсивного

использования цифрового учебного пространства в период пандемии коронавируса, они необходимы для полноценной иноязычной коммуникации XXI века.

Есть еще один момент, на который необходимо обратить внимание, а именно: вопрос профессионализма и конкурентоспособности преподавателей вообще и иностранного языка в частности. Как было сказано во вступлении к статье, преподаватели, не обладающие мультимедийной языковой компетенцией, не смогли работать в условиях отсутствия реального учебного пространства, реальной классной комнаты. Сегодня много работ посвящено вопросу повышения компетентности и, соответственно, конкурентоспособности преподавателей иностранного языка, например, с использованием собственного профессионального портфолио. Полагаем, что среди прочего, в данном портфолио сегодня необходимо фиксировать и способность педагога осуществлять обучение с выходом за рамки классной комнаты и с обязательным использование цифрового учебного иноязычного пространства. Практика показала, что перенос процесса обучения в цифровую среду является жестким требованием XXI века, времени, когда у каждого профессионала должен быть навык быстрой адаптации к стремительным изменениям, происходящим в нашей повседневной, общественной и профессиональной жизни.

Литература

1. Ambry O. Cybersurveillance au travail // Le français dans le monde, 2009. - № 367. – Pp. 59.
2. Ambry O. Internet à haut risque // Le français dans le monde, 2004. - № 334. – Pp. 63.
3. Anis J. Programme // Revue LINX Université Paris X-Nanterre « Linguistique de l'écrit, linguistique du texte », 2000. - № 43. - P. 11–14.
4. Anis J. Vers une sémiolinguistique de l'écrit // Revue LINX Université Paris X-Nanterre « Linguistique de l'écrit, linguistique du texte », 2000. - № 43. - Pp. 29–44.
5. Anis J. Le traitement de texte : écriture ou méta-écriture. Ecriture et traitement de texte // Repères. - Paris : INPR, 1995. - №11.
6. Anis J. Texte et ordinateur. L'écriture réinventée. - Bruxelles : De Boeck Université, 1998. - 290 p.
7. Barré de Miniac Ch. Vers une didactique de l'écriture. Pour une approche pluridisciplinaire. - Bruxelles : De Boeck Université, 1996. - 195 p.
8. Carrier J. P. L'école et le multimédia. - Paris : Hachette, 2000. - 126 p.
9. Chomsky N., Aspects de la théorie syntaxique. - Paris : Le Seuil, 1971. – 288 p.
10. Christin A.-M. L'image écrite ou la dérision graphique. - Paris : Flammarion, coll "Champs", 2009. - EAN13 : 2081228904

11. Hayes J. Un nouveau modèle du processus d'écriture // J.-Y. Boyer, J.-P. Dionne et P. Raymond (dir.) La production de textes. Vers un modèle d'enseignement de l'écriture. - Montréal : Les Éditions Logiques, 1995. - Pp. 49-72.
12. Harris R. La sémiologie de l'écriture. - Paris : CNRS Edition, 1994. - 376 p.
13. Крупко А. Г. Méthode Orange (о современном методе преподавания французского языка как иностранного за рубежом) // Иностранные языки в школе. – 1987. - № 3. – С. 94 – 98.
14. Lafosse A. Pour un plus libre traitement de textes plus libres // Revue de l'EPI «Enseignement publique et informatique», 1994. - № 74. - Pp. 105
15. Леонтьев А. А. Деятельность, сознание. Личность. – М.: Политическая литература, 1975. – 304 с.
16. Marty N. Informatique et nouvelles pratiques d'écriture. Paris : Nathan, 2005. 256 p.
17. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика преподавания французского языка // методические разработки для студентов педагогических институтов. – М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. – 80 с.
18. Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словник. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. - М. «Стелла». 1996. - 144 с.
19. Saussure F. de Cours de linguistique générale. - Paris : Payot, 1972. - 544 p.
20. Выготский Л. С. Антология гуманной педагогики. - М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996. - 224 с.

Сайтография

21. http://nt2.uqam.ca/fr/repertoire/nonroman-multimedia
22. https://rm.coe.int/16802fc3a8

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I.
РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СТРАНАХ СТАРОЙ И НОВОЙ РОМАНИИ

De Cassia Paiva R., De Jesus Ribeiro da Silva A.M. MARCAS CULTURALES DE VÍCTOR HUGO EN GUTIÉRREZ NÁJERA: *LA NUIT Y TRISTÍSSIMA NOX*. 3

Завьялова Г.Н. К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. 7

Михайлова Е.Н. ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕНЕССАНСНОЙ ЕВРОПЫ. 11

Невежина Е.А. РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЕ НОВОЙ РОМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ АФРИКИ). 19

Разумова Л.В. КЛАССИЧЕСКАЯ VS РАЗГОВОРНАЯ ЛАТЫНЬ 25

Solntseva A.V. ORIGINES DES LANGUES ROMANES: RAISONS DE LA DIVERGENCE. 32

СЕКЦИЯ II.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ, ФОНОЛОГИИ, ФОНЕТИКИ И ОРФОГРАФИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вих А.В. О ПРИНЦИПЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 39

Дормидонтова О.А. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРОНИМОМ «БЕЛЫЙ ЦВЕТ» 45

Зайцева А.М. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНОНИМОВ ПАРИЖА 49

Козвонин М.А. О СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ИЗУЧЕНИЯ *LANGUE POPULAIRE* (XX-XXI ВВ.) 52

Кузнецов В.Г. МЕТАФОРИЗАЦИЯ ГИПОНИМОВ (на материале французского и английского языков) 57

Овчинникова Г.В. DE LA VALENCE SYNTAXIQUE A LA VALENCE DERIVATIONNELLE DANS LES LANGUES ROMANES, GERMANIQUES ET SLAVES 61

Переверaтева С.А. ВКЛАД ПЬЕРА ДЕЛАТРА В ИЗУЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 67

Румянцева В.Ю. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ В ОСНОВЕ ЭРГОНИМОВ СФЕРЫ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА 73

Филипацци Ю.А. ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЁМКОСТИ СЛОГА В ИТАЛЬЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ 76

Цыбова И.А. О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ / SUR LA FORMATION DE MOTS EN LANGUES ROMANES 86

Яковлева Е.В. ВИДЫ РЕФЕРЕНЦИИ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ 92

СЕКЦИЯ III.
МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Анков А.А. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОМИНАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ ИНВЕКТИВЫ 98

Бамбурова О.М. ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ ОБЩЕГО ВОПРОСА НА УРОВНЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 105

Васильева Н.М. AU CARREFOUR DE LA SYNTAXE ET DE LA SÉMANTIQUE: LES PHRASES CONDITIONNELLES ET LEURS MARQUES DISTINCTIVES. 109

Веденина Д.Г. ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ УСЛОВИЯ С СОЮЗОМ SI В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ 115

Дроздова Ю.А. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАЗВАНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ. 119

Крюкова А.И. ВЛИЯНИЕ ПРИДАТОЧНОГО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ВЫБОР АРТИКЛЯ ПЕРЕД ЗАВИСИМЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ) 125

Лисичкина Н.Е. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТНОШЕНИЕМ ПРИЧИНЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ 138

Макарова А.И. УПОТРЕБЛЕНИЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ПРИДАТОЧНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ В ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ 144

Нефедова Л.А., Балакин С.В. ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ РОМАНСКОГО ГЛАГОЛА. 153

Сенченкова М.В. ПРОБЛЕМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АСПЕКТОЛОГОВ 158

Солнцева А.В. К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИЙ «НАРЕЧИЕ+СОЮЗ» И «ПРЕДЛОГ + СОЮЗ». 169

Шершукова О.А. СПЕЦИФИКА ЧИСЛОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН 173

Яковлева А.М., Назаревская Т.Ю. К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА: СРАВНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АСПЕКТЕ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ 179

СЕКЦИЯ IV.
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Албанский В.В. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА *ШИЯК* ПОСРЕДСТВОМ ЭПИЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 186

Быкова О.А. ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС КАК СИНТЕЗ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ 197

Быкова Т.М. КАТЕГОРИЯ СИММЕТРИИ/АСИММЕТРИИ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА). 201

Загрязкина Т.Ю. «ВЕХИ ИДЕНТИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВАНСА/ОКСИТАНИИ) 206

Лалова Т.И., Лагутина А.В. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНДИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА 211

Ликунова И.Ф. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТОЙ И СЛОЖНОЙ ФОРМЫ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА ИНДИКАТИВА В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ 216

Путилина Н.В. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА 220

Туницкая Е.Л. ФРАНЦУЗСКИЙ НАУЧНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 227

СЕКЦИЯ V.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Бойчук Е.И. СПЕЦИФИКА РИТМА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ж. ЛЕГАРДИНЬЕ, М. ЛЕВИ, Г. МЮССО) 242

Бушуева К.А. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТРОНОМНОЙ ОНОМАСТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. 253

Дубнякова О.А. ЭССЕ «CE QUE JE CROIS»: МОРИАК В ДИАЛОГЕ С СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ 263

Жиронкина С.Д. ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. КАРРЕРА «UN ROMAN RUSSE» И ЭССЕ С. ТЕССОНА «DANS LES FORETS DE SIBÉRIE») 270

Исаева А.Ю. ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАРИЖЕ XIX В. 278

Москавец М.Н. РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ. 284

Овчинникова А.С. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ «ДУША» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО) 290

Симонова А.Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЕМ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ К ВОЛЬТЕРУ. 294

Степанюк Ю.В. ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В РОМАНЕ Д. ФОНКИНОСА «ТАЙНА АНРИ ПИКА» 298

СЕКЦИЯ VI.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Бородкина Е.М. ПЕРЕВОД ТЕРМИНА В РАМКАХ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА 304

Виноградова Ю.Е. ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ И. С. ТУРГЕНЕВА И Г. ФЛОБЕРА). 312

Евсеева М.В. ОСНОВНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 322

Serrone G. PERTE DE SENS DANS LA TRADUCTION DE LA POÉSIE. L'EXEMPLE DE TEXTES DE LAURE GAUTHIER 328

Фененко Н.А., Абабий В.Н. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ 334

СЕКЦИЯ VII.
НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Баринова И.К. КРИТЕРИЙ БЛИЗОСТИ / СХОДСТВА / ТОЖДЕСТВА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ 343

Горохова В.А. PARLER « TRONQUÉ ». ТЕНДЕЦИЯ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ И СМС-ОБЩЕНИИ С ПОМОЩЬЮ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ АПОКОПЫ, АФЕРЕЗЫ И АББРЕВИАЦИИ . . .347

Кирсанова М.М. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМИ РЕФЕРЕНЦИЯМИ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭССЕ 352

Полякова Н.В. LES CARACTÉRISTIQUES DE L'EXPRESSION DE L'IDENTITÉ LINGUISTIQUE DANS LA COMMUNICATION INTERNET DES ENTREPRISES 358

Skuratov I.V., Dumont P.-A. LES PROMENADES DANS LE JARDIN DES MOTS EN COMPAGNIE DU MEILLEUR GUIDE, LA LANGUE FRANÇAISE 363

СЕКЦИЯ VIII.
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Нечаева Н.А. ЯЗЫК НАУКИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР. 368

Харитонова И.В., Беляева Е.Е. ОНОМАТОПЕЯ КАК ПРЯМАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ ENKHEL, P., RÉZEAU, P., DICTIONNAIRE DES ONOMATOPÉES. – 2003) 375

СЕКЦИЯ IX.
ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Jacquet-Andrieu A. LINGUISTIQUE ET SYSTÈME MULTI-AGENTS D'AIDE À LA DÉCISION CLINIQUE (SMAAD) APPLIQUÉ À L'APHASIOLOGIE 381

Bordet Y. L'ÉCOLE EST MORTE, VIVE L'ÉCOLE 403

Direnberger A. POUR UNE CONVERGENCE ENTRE L'ÉMOTION EN SYNERGOLOGIE & LES RESSENTIS ET SENTIMENTS EN LANGUE 422

Yaneva-Nedeva K. INTÉGRATION DU NUMÉRIQUE EN DIDACTIQUE DES LANGUES 441

Кащук С.М. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ УЧЕБНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 450

Научное издание

Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов

Материалы Международной научной онлайн-конференции (г. Москва, 2020 г.)

Подписано в печать: 29.06.2020 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.
Усл. п. л. 29, уч.-изд. л. 27,5.
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–27). Заказ № 2020/06-05.

Изготовлено в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru